

The background of the cover is a detailed, painterly illustration of a chaotic battle scene. In the upper right, a knight in full plate armor is mounted on a white horse, charging forward. To his left, a large, multi-headed dragon with golden scales and sharp horns is breathing fire. The scene is filled with smoke, dust, and the movement of other soldiers and horses. The lower portion of the cover is dominated by a blue rectangular area containing text, with a dark, turbulent sea visible at the very bottom.

16+

А. Динцов

Альтернатива.

Бой за власть.

А. Динцов

Альтернатива. Бой за власть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54647919

SelfPub; 2020

Аннотация

Бесчисленное множество мыслей было отдано теме времени, и лучшие умы достигали непревзойдённых высот, рассуждая на этот счёт. Но время, известное нам, может оказаться не единственным воображимым... Я предлагаю взглянуть, окунуться и прожить альтернативную действительность, где само время течёт иначе. Где не человечество создало и повелевало технологией, а наоборот.

[введение]

В эпоху, стёртую из памяти временем, когда сама Жизнь не знавала людей, сушу населяли нэогары. Им были чужды кровь и плоть, тепло и доброта; нэогар – это живая сталь, укрытая бронёй. Лица их, – плоские и холодные, чем-то походили на людские, но точно не светившимися словно фары глазами. Очи их были широки и глубоки, а излучаемый свет ярок, как факел во тьме. О выступе для дыхания их лики не знали, зато узкие рты кусали твёрдые губы ради слов. Пища их – ток, а жидкость враг, от которого берегли латы.

Скверные, жестокие натуры нэогаров разорвали два полушария материка, разделённых пустыне-перешейком, на четыре королевства, чьи престолы отдали сильнейшим внутри стран. Наивно полагать, что турниры, коими избирали правителя, были простыми схватками холодных стальных рук. Преклонение пред могуществом природы породило «особые механизмы», обуздавшие власть естества. Рвение к главенству своего «механизма» возвело нерукотворные границы меж державами, закрытыми и враждебными. Гордыня и амбиции то и дело разжигали войны, а власть природы обратилась оружием, против собрата с чужим «механизмом». Мира в этом мире не бывало. Только затишье, чей срок иссяк...

1 эпизод. Бессмертие

Сказать, что любовь к войне у нэогаров в крови – запре-

щает логика, но эта фраза ясней всего отображает суть их жизни. Хотя, на момент царствования Вэнтэра – короля Витры, чей «воюющий механизм» повелевал ветром, перемирие меж странами казалось крепким. Но Вэнтэр не был из тех, кто упускал шансы. Его обуревало рвение к тотальной власти, а в мире четырёх держав, это лишь мечта.

Главная обитель королей, несомненно тронный зал. Помпезность и реки льющего сквозь открытые ставни света нельзя было встретить в залах монархов. Они выглядели мрачно, сдержано, строго, точно как их хозяева. Эталоном готичности служил тронный зал Витры, чей каменный престол отягощал Вэнтэр. Его слава гуляла по материку, крича о себялюбии, бездушии и бесстрашии.

– Сталис, – громыхнул в тишине холодный глас короля, объявив начало военного совета, – сильнейший в Сталии, что лежит за границей, готов пропустить наше войско через свою землю, дабы армия дошла до перешейка.

– Пока его землю, – вставил ехидный до основания укрытых бронёй плат нэогар. – Сталии никто не поможет, я об этом договорился, – с удовольствием заверил улыбавшийся советник.

– Сталис мудр, его войско уже мобилизовано. Даже один на один мы можем потерпеть поражение, – генералу Витры часто приходилось обращаться голосом реальности.

– В войне с «магнитами» соседей? Не смейся, наш «вой» сметёт их оборону, как пыль! – Вэнтэр всегда был самоуве-

рен. Даже когда сила его измерялась чужими жизнями, он видел только цель. И шёл к ней. Шагал так, что сотрясал сам свет, и добывал территории в свою усладу. Меньше чем чужие смерти его волновали только чужие желания, хотя мало кто выступал против войны.

Витра пожрала Сталию как змея мышь, не встретив и половины трудностей, что ожидала. За доверие король державы заплатился жизнью, а народ его – свободой. Как и прочие короли, как и два других народа. С доступом к перешейку и возросшей армией, Вэнтэр протянул пальцы к Валлону, сорвав голову с плеч её короля, а затем подмял и Маггар – соседа, союзника, и предателя «лазурного механизма», процветавшего в Валлоне.

В тот выжженный огнём и стёртый ветром день, на рассвете которого пала королева Маггара, страны, слывшей самым свирепым могуществом, Витра подчинила последнее свободное место планеты, столицу «пламенного механизма». В момент, когда это свершилось – Вэнтэр сделался императором, что видел в самых смелых мечтах. Но с империей, выкованной из четырёх народов молотом смерти и огнём раздора – пришли бунты, восстания и крамолы.

– Видел бы ты, что они вытворяли, – словно пред нэогаром был не император, а давний друг – молвил Вэнтэру его заместитель. Если покоритель всегда был строг, сдержан и хладен, а его латы серо-чёрного цвета видом своим увеличивали владельца, то избранный заместитель, тот, что сплёл

сеть из вранья и интриг победы ради, облачался в доспехи белёсые, лёгкие и узорчатые. – Как они требовали свободы и своей земли... Эти маггарцы чего доброго вытолкнут наши силы за стены своей столицы, – словно мир – игра, а война – миссия, отчитался Кадэн властителю.

– Сложи их стены на землю, да так, что бы жертв побольше, – выдал Вэнтэр, что даже сидя на массивном каменном троне, не мог обрести покой.

– Всех всё равно не перебебьёшь, – с насмешливым сожалением молвил заместитель, вышагивая по ступеням, вёдшим на трон. – А если и перебебьёшь, кто будет держать твою империю? Только наших соотечественников, на всё не хватит, – выдал заместитель образ грусти.

– И что мне теперь делать? – заметно напрягся тиран, вытянувшись на встречу Кадэну. Его голубые впалые очи встретились с глазами докладчика, цветом и формой схожими с ограненными изумрудами.

– Отними у них разницу, – с лёгкой усмешкой предложил Кадэн. – Пушай все будут как один. Вырежи из них «механизмы», и империя станет общей, а не только витровцев.

Владыка неизбежно задумался, и надолго думы сковали его. Все три победы заслужил в первую очередь Кадэн, ведь не только баталиями Витра покоряла врага. Альянсы, созданные и разлаженные, вот чем помог нэогар, ставший заместителем. Вэнтэр доверился ему однажды, и не прогадал.

Не было угрозы в том, чтобы вновь испытать его мудрость.

Миром да лаской железное население империи никто и не вздумал уговаривать. Кампания императора против раздора четырёх народов затянулась на десятки лет, и обошла стороной привилегированных вельмож, министров, генерала, императора, что естественно... но цели своей Вэнтэр достиг. Смертями, гонениями и болью, но достиг. Он водрузился на чужих страданиях так высоко, как не удавалось ещё никому. Он сотворил то, о чём его предки боялись мечтать: Империя – единая и нерушимая, великая и безграничная.

Иссякли земли, которые можно было отобрать; перевелись войска, которым полагалось противостоять. Но это не означало, что исчезли все имперские враги. Что теперь Вэнтэру не к чему было стремиться, и не стояло пред ним более угроз.

Сталь крепка и опасна, но если нечему её точить – она ржавеет и рассыпается. Две сотни лет со дня триумфа ничто не точило воеводу. Под грузом годов своих, сдавленный пятью веками жизни – Вэнтэр состарился. Даже для живой стали этот срок был внушителен; в среднем, нэогары проживали не более четырёх сотен дней создания. На арену против тирана, вышла сама смерть.

В день неприметный ничем, под низкий голос генерала Кана, что возглавлял основные войска при штурме и взятии каждого королевства, Вэнтэр не взглянул никуда, кроме пустоты. Внешние звуки до него долетали, но бились о врата раздумий и опадали, как осенние листья. Властителя зако-

вали в латы новые и чистые, мрачные и внушительные, но то, что переодеть нельзя было – испачкала старость. Лицо укутал плед шрамов сотен битв, длани скрипели, а ступни пожрала ржавчина.

– Император, – настойчиво окликнул его Кан, – вы одобряете? Спонсирование нового жилого квартала... – генерал несколько озадачился безразличием владыки, но в целом оставался учтив. Его преданные глаза цвета лесной зелени ждали ответа, высвечивая совсем тусклый свет. На широкий воротник его брони самого тёмного из синих цветов спускался ряд брусков шлема – символ высокого сана. Они словно радуга оберегали шею со спины и боков, но не загораживали блестящие на свету щёки.

– Оно важно? – даже голос Вэнтэра состарился. В него впиалась хрипоца и помехи.

– Спонсирование? – не сразу сообразил Кан. – Более чем; на окраинах жилища достигли статуса аварийности, необходимо переместить...

– Одобрю, – прервал его покоритель, передвинувшись к другому подлокотнику каменного трона. Даже законное место теперь казалось ему слишком внушительным, для жалкого старика.

Кан, как подобало генералу, держал руки за спиной, когда отчитывался или представлял своё мнение. Но сейчас он распустил десницы, и покрытые бронёй руки свисли к бёдрам.

– Император, я вижу вашу озадаченность. Если я могу чем-то помочь...

– Не можешь, – снова проскрежетал повелитель. – Иначе я давно бы приказал помочь.

– Что вас заботит? Я способен на большее, чем вам могло показаться, – заверил верный генерал.

– Смерть, – прошипел Вэнтэр, в этот раз выслушав Кана. – Я чувствую её. Смерть ступает мне на пятки. В моём дворце целое крыло отдано лаборатории! – голос владыки не усилился, но слова он отчеканил быстрее, громче, к тому же резко поднялся, и гневно ударил твёрдый подлокотник. Это подкосило устойчивость, и Вэнтэр рухнул обратно на престол. – Эти лодыри на моём полном попечении, но они не способны ни на что, кроме оттягивания конца! – гнев тирана не остыл, зато силы иссякли. – Зачем мне их держать? Ради свежего железа в проржавевшем корпусе? – император зашёлся кулаком по груди. – Ступай в лабораторию, – сымытировал он покой, – и пусть профессора изгонят из меня смерть. Либо я изгоню из них жизнь.

Кану не впервой было слышать подобные указы, и не раз уже приходилось вершить приговор. Не над учёными правда, их император берёт... но терпение его таяло вместе со временем.

Лаборатория, занимавшая всё левое крыло первого этажа дворца, не смотря на жалобы воеводы, бурлила работой, точно муравейник. Нэогары недостаточно смелые, или до-

статочно умные, чтобы беречь себя от побоищ, выделялись отсутствием брони на облицовке тел. Сероватую футеровку технологи прятали под белыми халатами, но отражавшие свет головы, никогда не покрывали. В улье из полсотни умников, похожих, как две пчелы, не трудно было отыскать заведующего лабораторией. Его рабочее место отделялось от стоявших в длинные ряды столов личным углом, промеж двух высоких окон. Но не это служило главной отличительной чертой. Здешний заведующий весь, с головы до пят был раскрашен чёрно-Белым узором, симметричным и расчерченным. Он был невысок, его коралловые очи выглядели слишком маленькими, от чего казались прищуренными.

Почувяв за спиной что-то недоброе, а на мониторе и столе заметив тень – Чан обернулся.

– Кан? – голос его был неприятен; для нэогара это странно, но он будто гундосил. – Что привило тебя в «Грааль науки»? – спросил учёный нависшего как утёс генерала. Ему даже встать было некуда.

– Я по приказу императора, – сверху вниз ответил визитёр. – Он утверждает, что его срок истёк. И требует не только продлить свою жизнь, но увековечить её.

– Бессмертие? – пискляво отозвался растерянный Чан. – Я уже пояснял императору, это невозможно! Его тело обновлено насколько допустимо, но любой нэогар погибает, конца не избежать!

– Его точно не избежишь ты, если император умрёт. И по-

верь, ты будешь жалеть об этом куда больше, чем он, – Кан не привык просить, как и его повелитель. Нэогар вознамерился уйти.

– Время, – в след ему бросил учёный, даже на железном лице явивший испуг. – Мне нужно время! Хотя бы год, – в голосе его проявлялась паника, а в темпе страх. Кану стоило лишь обернуться, и взглянуть своими зелёными как лист глазами, чтобы технолог исправился: – Полгода, мне и полгода хватит!

– Месяц, – безынтересно ответил генерал. – Большого, у тебя не будет.

В тишине Кан ушёл; ему никогда не было приятно находиться среди слишком умных трусов. Да, они важны и нужны, но стоит исчезнуть сильным и смелым – как профессора отправятся следом.

Это редкость, раскрашенный нэогар, особенно, если краска покрывала его лицо. Вычурный именно этим технолог, заслуживший звание умнейшего в лаборатории, с облегчением развернулся на кресле обратно к монитору, что успел погаснуть. Лишь минуту он взял перерывом, ощущая незримыми ушами, как давило молчание взволнованных подчинённых.

– Император возжелал бессмертия, – громко, но всё равно гундося, поведал он ждущим сотрудникам, – и пригрозил расправой за провал. Сроки вы слышали сами, – оглядывая коралловыми точками другие глаза, Чан взял паузу. – У кого какие идеи? – открытый любой мысли, спросил заведу-

ющий.

Даже будучи королём, Вэнтэр частенько гнул лучшие умы своими поручениями. А став императором, его запросы во все лишились границ реальности...

Президент «объединенных научных ассоциаций империи» – лишний раз доказал заслуженность своего поста, первым придумав путь решения имперского поручения. Только в его голову пришла идея заменить обычное, нэогарское тело, чем-то новым, пойти на нечто кардинальное. Ни без помощи коллег и пинков скоротечного времени – Чан вырастил первого бессмертного, но то был не более, чем сосуд: без сознания, сил, мышления, памяти. Творение лучших умов пребывало в стеклянном цилиндре высотой по самый потолок; помимо низкого подле нэогара человека, совсем ещё юного, не достигшего совершеннолетия по меркам людей, в аквариуме от вздохов бурлила густая зеленоватая жидкость, тёплая, как летний дождь. То, что должно было спасти Вэнтэра от смерти, выглядело беззащитным и слабым. Мальчик на скидку шестнадцати лет, стройный, но крепкий, с тёмными волосами, стоявшими настоящей короной и закрытыми миндалевидными глазами. Не было на нём никакой брони, никакой стали; его покрывала лишь кожа, светлая и гладкая, словно у младенца. Это тело умиротворяло, когда пускало из носа пузыри, а его расслабленные конечности поддавались веянию жидкости.

Но Вэнтэру видеть его было рано, а император не славил-

ся усидчивостью. Каждый новый день, встречая тяготы и муки страшнее прежних, воевода не сползал с трона, разбирая исписанные проблемами бумаги. Этим днём, солнечным и тёплым, в мире жестоком и холодном, его покой потревожил вначале звук дверей, открытых с размаху, а затем голос – немолодой, но чистый и простой, ни то, что у владыки.

– Эй, антиквариат, жив ещё? – шагая к покорителю, выдал нэогар, сохранившийся чуть лучше Вэнтэра.

– Кадэн? – безмятежно выдавил владыка. – Радуйся, что никто этого не слышал... – вернувшись к делам, отрезал властитель.

– Ага, жив значит. Тебе помирать не сегодня – завтра, а наследника ты так и не назвал. Пора с этим что-то делать, – подойдя вплотную к подножью ступеней, с тенью веселья огласил гость. Возраст не то что коснулся, а с размаху ударил и заместителя, но он держался жизнерадостней; хотя, он и был моложе.

– Нет достойных, – даже голубизна очей императора выглядела престарелой.

– Ах, вот в чём беда, – язвительно отшагнул Кадэн в сторону. – А может дело в твоём решении, стать бессмертным? Может поэтому, ты наложил запрет на выборы поединком?

– ...многие знают об этом? – из-подо лба спросил воевода.

– Не переживай, эта сплетня ещё не разбежалась. Но ножки у неё уже растут...

Сменив позу на более грозную, Вэнтэр сложил руки перед собой и, глядя в самые глаза собеседнику – строго изрёк:

– Империя – моё детище, я вложил в неё всего себя и даже больше. Никто не достоин сидеть на моём месте, и обладать моей властью. Я лишь забочусь о том, чем дорожу. Если цена господства – вечная жизнь, я заплачу её!

– Да плати на здоровье, только впредь будь аккуратней. Узнал я, узнают и другие. А нам ведь ни к чему восстание глупцов, желающих усесться на трон, – не меняя ехидной улыбки, остерёг ворчуна его гость.

Кадэн куда больше ненавидел старость, чем его повелитель, но именно Вэнтэру не терпелось скинуть её оковы. Скинуть живо, но время для стариков всегда лениво...

Выбора у хронологии не было, пришлось – Таки унести в вечность назначенный месяц. Но не вышло утащить жизнь императора, или пунктуальность научного главы.

В полдень дня, когда истёк период разработок, в лабораторию «вплыл» император, сопровождаемый одним лишь Каном. Учёный штат замер на месте, заведев едва живого, но тем не менее сильнейшего на свете короля.

– Чан, мне доложили, что ты закончил, – раздался голос покорителя в безупречной тишине.

– Это так, – гордо ответил начальник проекта.

– Тогда спровадь смерть от моих дверей, – прохрипел властитель.

Заведующий учтиво кивнул, ощутив под ступнями не та-

лый лёд, а прочную землю.

– Прошу, садитесь, – молвил он, указав на подобие стула, приделанного к наспех собранному центру для переноса сознания.

Император, медленными шажками подковылял к Чану, сохраняя спокойствие и доверяя технологу, но глубоко внутри себя переживая, опасаясь смерти. Его надежды устремлялись к Кану; в случае чего, генерал не бросит.

Учёный усадил владыку в кресло. Аккуратными движениями он наладил связь между сознанием Вэнтэра и центром, похожим на увеличенный системный блок. Руки технолога неизбежно дрожали, боясь допустить погрешность, но действия были точны, словно Чан делал это в сотый раз.

– Вы готовы? – волнительно прогундосил профессор. Он боялся ошибок даже больше, чем Вэнтэр.

Император слишком размяк на удобном сидении. Его изношенная голова кивнула, беззвучно отдав приказ. Стремление величайшего короля четырёх держав поскорее оборвать жизнь в оболочке механизмов и стали огорчило нэога-ров, понимавших это. Но недовольствоваться – не осмелился никто.

Чан, чей груз ответственности почти стал осязаемым, в исторический миг переборол переживания и тревоги; спустив пару рычагов и вбив пароль, он начал перенос сознания.

Из высокой колбы, в которой пребывал человек – стремительно утекла тёплая жидкость. Человек глубоко вдохнул –

первый признак жизнеспособности. Профессор восхитился, увидев это. В отличие от Кана, чьё лицо проявило умение переживать.

Сосуд для покорителя остался на ветвистой подставке, не ограничивавшей движения. Он начал пошевеливать пальцами, локтями и коленями, но лицо его было неподвижно, как и налипшие волосы. Настал наконец миг, когда человек открыл глаза: глубокие, выразительные глаза цвета синей пыли.

Узкий экран выше чела умирающего нэогара явил долгожданную весть – перенос окончился. Прочное стекло круглого аквариума поднялось вверх, впитавшись в потолок. Бессмертный, в полной тишине, сделал свой первый шаг. Но опосля второго шлепка босых ног по плиточному полу – раздался взволнованный возглас:

– Император, постойте! Вам ещё нельзя ходить! – остановил Чан Вэнтэра, слишком обессиленного и напряжённого, для попытки что-либо сказать.

Владыку насухо обтёрли, удерживая полотенцами на весу, и завернули в синий халат, под стать новым глазам. Его уложили на подоспевшую кушетку, с неким трудом разогнув временно чопорное тело. Четвёрка нэогаров – личная имперская охрана, вызванная Каном, унесла его в заранее подготовленную комнату. Туда, где Вэнтэра могли разместить на кровати.

– Какого чёрта, – голосом идеальным для сказок, проро-

нил властитель. – Ужасная слабость... – проямлил он, бесцельно озираясь.

– Император, расслабьтесь, – молвил Чан, подойдя к сонному человеку. – Это последствия переноса сознания, – на редкость нежным, заботливым голосом, пояснил учёный. – Сейчас вы должны выспаться, набраться сил, и самочувствие улучшится, – пообещал он, выпрямив спину подле владыки.

Силы противостоять зову сна иссякли. Возможно, и недослушав Чана – Вэнтэр уснул.

– Проследи за императором, пока он не проснётся, – твёрдо обратился технолог к Кану.

– Вместе со мной, здесь останутся все ответственные за его защиту, – глядя из-под лба, сообщил генерал. – Император не самый добрый нэогар, но его стараниями – наша страна стала единой на обоих полушариях материка, и только за это, он заслуживает вечного уважения. Я знаю, ты его недолюбливаешь, и подобных тебе – больше половины населения. Но что бы вы ни делали – я не позволю ему навредить! – чуть ли не крича изрёк преданный помощник.

– Не переживай, – с одолжением ответил Чан. – Вэнтэр, конечно, мне неприятен, но он слишком важная часть моих исследований. Он ключ к развитию науки. Я сам заинтересован в его сохранности... – ни у генерала, ни у заведующего лабораторией не осталось желаний продолжать диалог. Чан закрыл за собой дверь, отделившись от Кана, и императора.

Никто не мог предсказать, сколько продремлет владыка, а

когда его сон затянулся на двое суток – подозрения напрочь растерзали душу генерала. Но солнце взошло в третий раз, и с поцелуем его света – властитель лениво приоткрыл глаза.

– Император, вы... вы в порядке? – первое, что с тревогой спросил Кан.

– Да! – отрезал Вэнтэр со всей строгостью. – Вызови Чана, – непривычным уху гласом, распорядился человек. Смотреть в его матовые синие глаза было непривычно, видеть тёмные волосы спутанные сном – тоже. Но первой же повадкой, стремлением к самостоятельности и твёрдостью слов, он проявился.

Кан всё исполнил. Президент «научного единства» предстал пред императором, ровно сидевшим на диване. Вэнтэр ещё не успел освоиться в самом себе, от чего внимание с гостя было полностью сдвинуто к коже и телу.

– Вы меня вызывали? – стоя напротив бессмертного, вмешался разработчик.

– Да, – будто он ждал этих слов, ответил тиран. – Что ты со мной сделал? Я будто умер! – глаза его давили не хуже прежнего, и даже подростковое лицо пугало в гневе.

– Не волнуйтесь, вы всего лишь спали, – заторопился Чан оправдаться. – Перенос разума – очень утомительный процесс, а ваше новое тело уникально. Оно отлично от других, но всё же не может не уставать. Восстанавливать силы необходимо, особенно ради вечной жизни, – профессор был напуган, но не подавал виду. Император, как агрессивный хищ-

ник: становился строже, если чуял страх.

– Мой сон был вовсе не сном, – повышать голос человеку оказалось не к лицу. – Я впал в забытье!

– Но сейчас ваше самочувствие стабильно? – когда прав был кто-то кроме него, владыка предпочитал грозно молчать. – Сон неотъемлем, а его небольшое усиление – малая плата за вечную жизнь.

– Ты мог бы о ней хотя бы предупредить, – непреклонен был император. – Я могу пользоваться этим телом, или всё ещё рано? – угодить Вэнтэру было куда труднее, чем выиграть все его войны.

– Конечно, прошу – осваивайтесь, – отступив в сторонку, елеяно ответил Чан.

Ни без усилий, воевода поднялся, ни без помощи Чана оделся в непривычные нэогару, но приятные человеку вещи и, обутый в открытые сандалии вышел, только осваивая равновесие плоти и костей.

Его с первого момента бодрствования окружили необычные, непривычные и странные на первый взгляд чувства; они преданней самого Кана сопроводили его к запертым вратам. Массивные, высотой как четыре Вэнтэра бронзовые двери для владыки раскрыли полностью, налив мрачный холл его дворца светом. На первом этаже потолки были самыми высокими, но окон не доставало, и все они располагались высоко. Мраморные колонны врезались в арки, отделанные чёрным и червонным золотом.

С внешней стороны дворца Вэнтэра встретил нэогарский отряд, приставленный к бессмертному указом генерала. Под их защитой император выступил из монументального дворца – жемчужины архитектуры целого континента. Из массивного готического основания – первых четырёх этажей, возвышались ещё четыре, увенчанные небольшими башнями на каждой своей грани. Высотой эти башенки не превышали одного этажа, да и просторностью не блистали; тем не менее, как снаружи, так и внутри, они были по имперски роскошны. Отделка их вобрала львиную долю известных драгоценностей, а палитра цветов благородных металлов, даст фору радуге. Но, пожалуй, главная особенность этого возвышения – самый последний этаж дворца, девятый по счёту; он располагался как раз меж башнями. Его ровно изогнутая крыша, заострённая на конце, была высочайшей точкой. Подобно невычурным комнаткам на гранях возвышения, вокруг него тоже отстроили залы; большие, и само с собой невероятно богатые. Панорамные окна вместо целых стен, позолоченные балконы, помпезная отделка и броский интерьер, так и кричали о любви императора к роскоши. Умалчивал об этом лишь фундамент и основа макушки.

За императором закрылись двери, и его величество всецело отдалось любованию небом.

Личная Вэнтэрова охрана не держала властителя в тесном кольце, но шесть нэогаров всё равно его окружали, глядя за

контур. Тираничный владыка был уязвим как никогда, и обещаем тоже.

Вокруг главного замка, на расстоянии около полусотен шагов росла лишь трава, несколько деревьев, да парочка кустов. Цветов или садов здесь и в помине не было; только мощеная тропинка до внешней стены. Кладка массивным кольцом окружала цитадель императора; её высота и прочность впечатляли не меньше, чем отсутствие хоть одной брешы.

Оказавшись на улице в новом, идеально выполненном теле, император задышал полной грудью. Он улыбнулся, и неслыханно удовлетворённо молвил:

– Я чувствую тепло солнца, мягкость травы, чистоту воздуха; вижу красоту неба... мне ещё никогда, не было так хорошо. Мне легко дышать, легко ходить, я всё так чётко вижу, прекрасное ощущение. Почему Чан раньше не мог это сделать, – коснувшись нового себя, озадачился Вэнтэр.

Вэнтэр – некогда это имя оживляло образ бездушного зла, в мрачных латах и с ледяными глазами. Но теперь, Вэнтэр являлся бессмертным, а сосуд его молодым, и не способным изнашиваться. Тот, кем он стал, был кем-то другим. Тоже Вэнтэром, тоже императором, строгим и властным, но другим.

Он сменил свои покои, стоявшие на первом этаже, сменил тронный зал, заменив всё это роскошью последнего яруса. Вид из его окон стал живописней, обстановка больше подходила владыке.

Когда наступил день, обязывавший генерала представить покорителю еженедельный отчёт об общем положении дел империи, Кан впервые посетил новый зал сильнейшего короля. Сам по себе девятый этаж представлялся длинным коридором, с тёмно-красными бархатистыми обоями на верхней половине стены, и деревянной отделкой на нижней. С широкими арочными окнами, меж которыми своего часа ждали бра, но без занавесей или портьер. Единственные двойные двери на всём этаже, тесненные серебром и золотом в узор крупной змеи отделяли тронный зал, и именно их осторожно раскрыл генерал. За пределами мозаики коридора его стальные сапоги встретил паркет, на котором широким кругом лежал ажурный алый ковёр. Он заправлялся под стол для совещаний из красного дуба, но трона не касался. Хрустальный престол, гордость властелина империи – вонзался в сам пол, и сдвинуть его было невозможно. Узор из мириад ромбиков и тысяч граней мерцающего стекла создавал высокую спинку, широкие подлокотники и пусть твёрдое, зато богатое сидение. На потолке, в свете дня, бездействовала люстра, сделанная словно из факелов, а окна, которых было больше десяти, но все узкие и протяжённые – рябили на округлых стенах, во всём полукруглом зале. Под кабинет владыки отдали четверть лучшего этажа; меньшего, Кан и не ожидал.

– Вы готовы принять мой доклад? – спросил генерал, спрятав руки за спину.

– Готов, – сухо ответил Вэнтэр, что-то вписывая в ли-

сток. – Но прежде, я хочу сам кое-что доложить, – бодрее озвучил властитель, и поднялся с зиявшего всеми цветами радуги трона. Он поманил нэогара к себе, на пути к балконным дверям. Выход к небесному пирсу располагался прямо за спинкой трона, и служил главным его осветителем, ибо выполнен был из чистого, тонкого стекла. Дверь послушно въехала в борозды, проделав отверстие к воздуху и ограждённому перилами балкону.

– Что ты видишь? – спросил Вэнтэр, указав рукой на сбитые в районы и города чёрные с серым дома. Они походили на затупленные спицы, и их было так много, что улицы терялись.

Кан взглянул на вид с балкона, затем на императора, чьи сине-серые одежды шевелились вместе с ветром, и учтивостью сквозь замешательство ответил:

– Вашу Империю.

– Верно, Империю. Так я наказал называть это полушарие материка, чтобы сбавить недовольства черни, что всё ещё помнит старые королевства, – поглядев на генерала, согласился Вэнтэр. – А чего отсюда не видно, но нам известно, что оно там есть?

– Пустыню, и Евразию, – с ещё большим конфузом ответил Кан.

– Евразию, – с ноткой отвращения повторил покоритель, и потопал обратно в тронный зал. – Название северного полушария мы не тронули, ведь Витра и Сталия раньше лежа-

ли там. Евразия меньше, бедней, и холодней, – Кан задвинул дверь, оградив потоки тёплого воздуха, а Вэнтэр уселся на трон. – Тем не менее, с каждым днём туда переползает всё больше и больше рабочей силы, что я вижу как в твоих отчётах, так и во всех остальных. Скажи, это хорошо? – Вэнтэр уже знал, какого ответа ждать; его синие глаза впились в Кана, вставшего напротив престола.

– Нет, – уверенно ответил генерал, – от потери трудящихся рук страдает экономика Империи и существует опасность, что военные гарнизоны отдаленной Евразии не смогут погасить возможные восстания.

– Именно, – удовлетворённо кивнул тиран, и мимолётная улыбка посетила его уста. – Я хочу искоренить это рвение нэогарских масс утечь из Империи. Огласи мой указ и делай всё нужное, пока он не будет исполнен: Категорически запрещается пересекать черту Империи и пустыни, стремиться обосноваться в Евразии и проживать на её территории. Евразия объявляется зоной отчуждения, где будет храниться всё, временно или постоянно не нужное Империи. Эмигранты из Евразии получают жильё, постоянный доступ к питанию и рабочие места согласно специфике способностей. Неподчинение карается смертью, – словно это ничего не значило, безразлично окончил император. Он опустил холодные сапфировые очи к документам, и когда Кан, кивнув, пошёл к двери, добавил: – Надеюсь на тебя, – из уважения подняв глаза ещё раз. Этим крайне просто было подкупить Ка-

на, этот знак ему льстил.

Вэнтэр не всегда искал ключи от чужой самоотдачи, но заместитель его раскрыл императору глаза на важность этого умения. Как гласило правило Кадэна: «Приказ это хорошо, но желание – вот что отлично». И властитель понял, кого нужно ободрять, а кого пугать. Тем не менее, когда президент «объединенных научных ассоциаций империи» вместе с закатом пожаловал в тронный зал, воевода неизбежно изумился. Завидев раскрашенного нэогара на пороге, он одарил его хмурым взглядом.

– Простите, не отвлеку? – осведомился Чан, закрывая двери.

– Уже отвлёк, – выдохнул Вэнтэр. – Надеюсь, не зря? – в красных лучах хрустальный трон отдавал сочными бликами всех оттенков огня, что смотрелось величественно и пугающе.

– Мне хватило смелости взяться за один проект... надеюсь, он вас заинтересует, – без робости шагая к краю длинного стола совета, молвил Чан. – Недавно я выходил за пределы стены, что стоит вокруг замка. Я посмотрел на наших нэогаров со стороны. Они безуданно трудятся, на благо вас и империи, но... разве, они это заслужили? Объединенные народы всё ещё помнят ожесточенные войны, и держат на это обиды. Может быть, нэогарам стоит отдохнуть?

– Отдохнуть? – моментально исказилось имперское лицо недовольством. – Что за глупости? Им незачем отды-

хоть. Они будут покорнее, сильнее уставая.

– Разве? С другой стороны, они тоже чувствуют, у них есть эмоции, нравы и характер. Если их слишком многое не будет устраивать, народ не свергнет вас?

– Нет!!! – вздыбился император. – Мой народ не предаст меня!

– В ближайшее время, конечно нет. Но у вас в запасе вся вечность... – свёл Чан голос к тихому.

– ...допустим. И что ты предлагаешь? – взбодрившись, спросил император.

– Я сумел создать пустое человеческое тело и оживить его, не перенося в него разум нэогара, – улыбаясь, похвалился учёный.

– И что? – Вэнтэр усмехнулся, но ему всё же стало интересно.

– Такого человека легко обратить рабом. Глупой и преданной рабочей силой, самой выгодной из всех, – профессор развёл руки, а чёрно-белое лицо выпустило улыбку.

Синяя пыль Вэнтэровых глаз расширилась, перебив сверканье изгиба уст.

– Мне нравится, – приглушённо признался тиран. – Этот проект достоин жить, – улыбка не отпустила его губы. – Рабы собственного производства... может, хоть это уgomонит зреющие недовольства, – Вэнтэр откинулся на спинку, мечтательно обдумывая свою утопию. – Наводни ими Империю.

Только этих слов Чан ожидал. Теперь, получив согласие от самого императора, можно было масштабировать проект. Одним единственным, уже созданным рабом, ограничиться не придётся. О нём-то Чан и умолчал... о Джаине – таким стало имя первому автономному человеку. Первому, из каскада грядущих...

2 эпизод. Латата

Успех кружит голову сильнее карусели, а слава творца бессмертия и того больше. Удача за удачей соскребли с поведения Чана осторожность; в пору было сказать, что он стал самонадеянным, но учёный отобрал сей повод. Император вновь дал добро его задумкам, а профессор подготовился к этому, будто заранее был уверен. Иначе он бы не решился на самостоятельный, никем не заверенный и никому не известный эксперимент. Но солнце взошло, и вот он, в позолоченных лучах итог самоуверенности Чана. В комнате, куда отлёживаться отвезли императора, едва тот стал бессмертным – свои очи раскрыл новый человек, не бывший до этого неогаром. Его разум сохранял автономию, воля была свободна, но мысли пока задурманены.

Глаза Джаину достались карие, волосы каштановые, комплекция плотная, а рост внушительный. Но лицо его было настолько добро и безобидно, что верить в злые умыслы за тонкой душой – не хотелось. Как подобало творению Чана, Джаин был строен и мил глазу; в отличие от Вэнтэра его одели сразу, и не в халат. Пусть вещи походили на пижаму,

зато были куда приятнее, чем орнаты владыки.

– Стало быть, три дня, – любой нэогарский голос отличался от человеческого, но ни гундосость Чана, ни его чёрно-Белый лик, не спугнули Джаина. Паренёк на вид двадцати пяти лет приподнялся с кровати, но ноги на пол не спустил. – Созревал ты дольше императора. Ну что ж, не удивительно... адаптация свежего разума к такому же телу должна проходить дольше. Ты поди голоден? Или вы во сне настолько экономичны, что аппетит не просыпается?

– Мы? – человек, как видно, растерялся, да и не очень- То проголодался.

– Уверен, у остальных из твоей серии, всё будет так же. База у людей одинаковая, так что...

– Я раб Империи, – вдумчиво прошептал Джаин, чем отвлёк любившего похвалиться создателя.

– Верно, – присев рядом с рабом, умилённо подтвердил Чан. – Так я и сказал тебе, едва ты ожил.

Это удивляло, насколько пристально раб впитывал каждый звук. Он был словно губклй, что поглощала тонкости странного мира вокруг.

– Так вышло, что именно ты – первый человек, обладающий собственным разумом, – поднявшись над ним, озвучил Чан очевидное. – Успех с твоим становлением открыл мне новые горизонты. Не далее, чем через неделю, я возвращу ещё полсотни бессмертных рабов. Ты мой главный триумф, и именно тебе я доверю их воспитание. Воспитанность,

покорность, преданность, самоотдача – из этих пазлов мы соберём шедевр нэогарского комфорта, – Чан пребывал в искреннем восторге от своей находчивости, но он всё же не упускал такие мелочи, как контакт с куратором. Положив стальную ладонь на тёплое плечо, технолог молвил:– А будешь хорошо справляться, станешь моей правой рукой.

Джаин улыбнулся, не потому, что так надо, а потому, что нежному сердцу льстила вера в него.

– Я... буду очень стараться, – кивнул Джаин, источая добродушие.

– Не отрицай, ты голоден, – убеждён был учёный. – Эту комнату я выделяю в твоё распоряжение, но только сейчас сам принесу тебе пищу. В следующий раз, сходишь ты, – забота об успехе – путь к новым успехам, но рабу нельзя наглеть, и Чан это понимал.

Джаин ещё не освоился, пушай приходит в себя. Но питаться надо в любом случае, и любому, кто хочет жить. Вэнтэр же, за безграничностью своей занятости, не редко об этом забывал, но кому хватит смелости его ругать. Уж точно не Чану...

Вэнтэр брал передышки в частности благодаря Кану, с его часто всплывавшими неотложными докладами. Вот и сегодня, в преддверье полудня, генерал предстал перед мальчишкой- Императором.

– Мы ожидали недовольств, но не полагали, что открыто негодовать будут высшие слои населения, – удерживая ру-

ки за спиной, вступил генерал. – Вельможи и состоявшиеся собственники недовольны не только изгнанием из Евразии и лишением обогащающих территорий, но и отказом в выставлении бессмертных тел на продажу. Если вопрос выборов поединком мы кое-как уладили, рвущиеся к вечной жизни богачи не желают униматься.

Вэнтэр с недовольной терпеливостью выслушал это, переминаясь на хрустальном троне.

– Не их трудами империя росла, и их труды необязательны, при её поддержании. Дай им понять, что мы не намерены долго терпеть недовольства. Император здесь я, и только мне положено бессмертие!

– Вы хотите сказать...

– Избавься от самых крикливых, а остальные умолкнут сами. Только сделай это чисто и тихо, без провокаций, – с Вэнтэром было просто хотя бы в том, что с ним не бывало недомолвок.

Кан кивнул, и пусть он чувствовал досаду душой, голова твердила: выбор они отняли сами.

– Ещё мы получили отчёт от последней поисковой группы, – приглушённо доложил Кан, и властитель напрягся. Спина его стала ровнее, а глаза сузились. – Никаких следов вашего заместителя найти не удалось. В Империи его точно нет, а Евразию из-за беспорядков обыскать слишком трудно...

– Чем только Кадэн думает, – потеряв лоб, качнул Вэнт-

эр головой. – К чёрту его. Одумается, сам вернётся. Ты лучше скажи, что думаешь об идее Чана? И как новость о рабах встретили в народе? – судя по искорке в глазах и слабой улыбке, это владыке и правда было важней.

– Нэогары полны сомнений, – без пауз отчитался Кан. – Многие заявляют, что чужим бессмертием свою жизнь не улучшишь. Другие твердят о заоблачных ценах, и обвиняют Вас в скупости... – передавать плохие вести Кану всегда было неловко. Он чувствовал вину за то, что не позаботился об их благополучии.

– Пусть больше работают, раз им не хватает, – сердито выкинул мальчик на троне. – Ничего, рабы приживутся в Империи, я уверен. А у дураков будет новый мотив покинуть Евразию...

Кан потупил глаза, и расслабил сплетённые за спиной пальцы. Его десницы опустились, и тогда генерал сильнейшего в мире войска, сквозь силу изрёк:

– Я извиняюсь, но можно вопрос не по делу? – даже теперь он не поднял глаз.

– Отказывать тебе, жуткая наглость, – без интереса одобрил воевода.

– Что вы думаете, о Чане? – сморозил генерал, и его тёмно-зелёные глаза устремились точно к трону.

– Что думаю? – усмехнувшись, переспросил Вэнтэр. – Мне слов не хватит, чтобы передать, насколько изумительно жить в этом теле. Я думаю, что Чан не зря считается умней-

шим нэогаром империи. Не могу судить о его мудрости, но интеллектом – я восхищён.

– Считаете, ему стоит доверять? Лично я убеждён – он лицемер, – случайно шагнул Кан вперёд.

– Так можно сказать о каждом, кто чего-то достиг. И даже если так, он важен, и нужен империи, – пожал император плечами, на миг став добрым в тёплом теле.

Кан уяснил позицию императора, и не посмел больше спорить. Вэнтэр почти прикоснулся к неприязни своего помощника, но даже власть бессмертного не могла это исправить. Как и привязчивую натуру победителя смерти – Чана.

Чёрно-белому нэогару было крайне важно, чтобы его слушали, с ним соглашались, и ему подчинялись. Он понимал, что не мог всегда быть прав, и приветствовал советы, но только не критику, которая сочилась к нему со всех сторон. За то, что Джаин стал именно тем, кто покорно последует за заведующим лабораторией даже в огонь, лишь поссоветов сменить маршрут – Чан привязался к первому рабу. Его помощь быстро стала уместной в стенах «Грааля науки», а знания он поедал ещё быстрее, чем Чан был способен их подавать. Компания бессмертного и за пару дней стала технологу родной, не говоря уж про неделю, которую они провели вместе. Провели в трудах, в разговорах и спорах, которыми талантливый Джаин подталкивал Чана к верным решениям.

Прощение президента «научного единства» о спонсировании отдельного центра выращивания людей император от-

верг; «У нас и без науки расходов по разорение. Я выделил тебе весь первый этаж, если мало – возьми второй, но сиди во дворце и делай своё дело»– такой ответ не сильно, но упростил учёному жизнь. В просторных палатах второго этажа, где кроме дежурной охраны никто не блуждал – Чан, ни без участия правой руки и верного штата – организовал простор аквариумов и спальных мест. Пять десятков стеклянных колб от пола до потолка залитые зелёной жидкостью растили рабочую силу, бессмертную и исполнительную. Учёные могли заложить в облик только основные черты внешности, к примеру цвета глаз или волос, цвет кожи и мышечный тонус, который для всех рабов был одинаково хорош. Но рост, черты лиц и вес – дело индивидуальное...

Разные всем, кроме сути своей, люди – раскрыли пятьдесят пар глаз, когда питательная среда утекла из колб. Тонкие влажные стёкла растворились вверху палаты, слившись с потолком. Свежий воздух темноватого помещения прошёлся по нагим кожным покровам, и некоторые распушили мурашки.

Первым, кто предстал перед их открытыми глазами, был Джаин, стоявший на шаг ближе к рабам, чем Чан, державшийся близ закрытой двери. Что очевидно – только первый автономный человек был одет, в изысканный костюм цветов неба и угля. Первый голос, что новоиспечённые рабы слышали, тоже принадлежал Джаину:

– Вы, – ступив к ним на встречу, молвил он, – бессмерт-

ные существа, созданные с целью служить великим нэограм. Вас ничто не должно отвлекать от угождения тому, кто вами обладает. Своей жизнью – каждый из вас обязан до конца вечности, служить нэограм, – глас Джаина был громок, а лицо непреклонно. Слушая его, и самому Чану захотелось исполнить указы. Шаги человека были степенны, а зиявшие вниманием очи, что обращались к нему – впитывали звуки подобному самому Джайну, в его первый день. – Я знаю, как много у вас вопросов, и вы получите ответы. Но сперва, вам следует одеться, – указав на стол со сложенными в стопки вещами, объявил Джаин, – выспаться, и отдать себя службе Империи!

Строгой очередью послушные люди потекли мимо разложенных однотипных вещей, а затем прошли путь за возглавившим процессию предводителем туда, где для них подготовили спальные места. Замыкал ряд отборных автономных рабов Чан, чей лик лучился довольством, как бы не был хладен его металл. Но Джаин не поднимал глаз на своём пути, и его облик выглядел сожалеющим. Слова его речи звучали убедительно и чётко, но сейчас – очи наполнились жалостью.

Ничто не помешало спровадить полсотни рабов к спальному залу, где весь пол – один большой матрас, и ничего кроме. Усталость, накатывавшая с каждой минутой, и сон, стягивавший веки – сами разложили людей на пол, обозначив ряды.

К концу процесса размещения, к куратору обучения незамеченным подступил Чан, и глядя на свой успех сквозь амбразуру – мягко молвил:

– Молодец. Мне понравился твой спич, – взглянул учёный коралловой прищурью в очи Джаина.

– Зачем давить на них, чуть-только они раскрыли веки? – с трепетом и первый раб взглянул на Чана. – Гуманнее было бы подождать, пока они выспятся, – и заведующий и его правая рука знали, что это так.

– Это ваша физиологическая особенность, – закрыв глаза на спор, ответил профессор. – Люди запоминают всё, что узнают до сна, с потрясающей точностью. Кстати ты – доказал мне это, – важно кивая, сложил нэогар руки у груди.

– Я рад быть полезным, – неискренне улыбнувшись, ответил Джаин. – Я могу вернуться в лабораторию?

– Да, только не на долго, – дозволил создатель. – Когда я вернусь, мы проведём инспекцию оборудования, и запустим новую партию.

Не дождавшись даже кивка первого раба, Чан покинул его. Да, Джаином не грешно было гордиться, но это ведь заслуга профессора, а не человека. Помнить своё место для него не лишнее...

Визит в тронный зал всегда был волнительным, даже когда вести твои могли только обрадовать. Сам Вэнтэр, его вид и искрящийся хрустальный трон – уже душили смелость.

За парным стуком объявился Чан, и помня ошибки про-

шлого, с той стороны дверей спросил:

– Император, разрешите обрадовать? – Вэнтэр лениво махнул к себе рукой, не отрывая глаз от стопки бумаг. – В нашем распоряжении находятся первые полсотни рабских душ, – похвастался Чан.

– Полсотни? – приподнял император брови, вместе с головой. – Я думал, их будет больше.

– Ну... – Чан осёкся, не зная, что ответить, а это для него было редкостью. – Из того, что было в моём распоряжении, большего добиться нельзя... я... я ведь просил для себя... – технолог мямля загундосил.

– Ладно, сколько есть, столько есть, – пощадил свои уши император. – Ты не затягивай, расширяй производство. Кан уже предоставил пару сотен потенциальных покупателей. Не опозорь нас, – даже просто просить, обычным голосом и простым взглядом, владыка мог пугая.

– Мне так неудобно, – переминаясь с ноги на ногу, проронил Чан, и мальчик поднял уставшие ждаты синие глаза. – Самый первый автономный человек, Джаин – так его зовут... вы позволите оставить его под моим началом? Я нуждаюсь в его помощи, он дельный человек...

– Если нужен, оставляй. И скажи Кану, чтобы отобрал самых влиятельных покупателей и первых рабов вверил им, – на этом повод пребывать в благовидном тронном зале у Чана испарился. Вэнтэр, без сомнений лишённый повода сердиться, но и не особо радостный – изгнал науку из храма власти.

А время изгнало из реальности те дни, когда рабы дремали, и под неусыпным надзором неба – люди разлетелись кто куда.

Первые покупки не превышали одной особи, но очень скоро людской труд сосредоточил на себе неподдельный интерес; от богатого до нищего нэогары возжелали заполучить бессмертного человека-раба, если бы ещё позволить себе его мог каждый... При всём этом – количество предзаказов ушло далеко за тысячу рабских сердец в первый же месяц, когда произведено было чуть больше двухсот. Президент проекта, хоть с Джаином, хоть без – никак не поспевал за аппетитом покупателей.

Золотое пятилетие – так вошёл в историю бархатный период, когда ненасытные нэогарские хозяева, то и делали, что копили средства на покупку раба из плоти и крови. Вэнтэр и без того превосходил богатством любого на планете, а с подобным доходом – равных ему и не станет. Но Золотое пятилетие окончилось, и ажиотаж вокруг людей угас. Стандартом обратилось обладание двумя- Тремя рабами. Теперь, личным человеком никого не удивишь; если раньше, чем лучше выглядел твой раб, тем выше был твой статус – теперь, это утратило значения. Никогда не удавалось встретить человека, заплывшего жиром, но сейчас – не удастся встретить человека, у которого жира было достаточно.

Само с собой, падение интереса заставило поначалу сбавить производство, а затем и вовсе его прекратить. Чан смирился с утратой золотых времён; его поглотили новые иссле-

дования, они его и спасли. Если мечам нужна заточка, а войнам брань – учёным нужно утонуть в науке.

Джаин снова умудрился выделиться, даже когда интерес к рабам обветшал. Он отличался от миллионов других людей хотя бы тем, что оставался ухожен и сыт. Одежда его была цела и чиста; пусть не всегда с иголки, но это всяко лучше многолетнего рванья, где от пуговиц или молний остались только следы. Люди поплотней подтягивали пояса из истрескавшейся кожи, и несли своё бремя, неспособные что-либо изменить. В этом даже Джаин был серой массой... но, пожалуй, только в этом. Времени у него порой было так много, что накатывала скука. Из недели в неделю арсенал любимых занятий истощался; со временем всё приедалось, и даже Чан с его поручениями не спасал от тоски.

Когда стало ясно, что грядущий вечер освободился от дел, и во всём дворце не осталось ничего не опостылевшего – Джаин сыскал выход. Он, в лёгком осеннем плаще цвета древесной коры покинул стены замка, открываемые людьми взамен нэогаров. Кости на их спинах, рёбра и скулы – выпирали из-под тонкой кожи, но они даже не жаловались. Что уж там, смотрели только вперёд, дабы не стеснять господина, вышедшего на прогулку. Видеть это первейшему рабу стало больно; он старался закрывать глаза, но от боли не сбежать.

Мощёная тропинка привела его вначале к внешним стенам, а затем в столичный нэогарский квартал. Пусть уже свечерело – в свете уличных фонарей всё ещё можно было уви-

деть нэогара, что гуляя по дороге пинал раба, драявшего улицу, или чистевшего и так чистый дом. И правда, как раб посмел не поклониться хозяину, которого даже не знал.

Эти сцены – новые капли боли в графин человеческой души; смотреть на них Джаин мог лишь с опущенной головой. Между казнью и этим зрелищем – он выбрал бы казнь, но сердце запрещало игнорировать жизнь за круглой стеной. Погода нахмурилась так же, как вышедший человек.

– Какой же я глупец, – проронил первейший раб, вместе со слезой. – Я собственными руками обрёл миллионы людей на вечные мучения. Это казалось таким простым, беззаботным – помогать тому, кем восхищаешься, и слушать его похвалы. Но теперь, это превратилось в настоящую кару – наблюдать за результатом, этой «помощи», – оглядывая десятки сцен бездушия и безразличия к сотням невинных людей, продолжил Джаин свой путь.

Везунчиком считался уже тот, кому позволяли прятаться под крышей от дождя. Но везло не всем, а небо под светлой луной всё поедало черную прозрачные звёзды.

– В нэогарской истории ведь тоже были случаи геноцида... они убивали собратьев только за не такой «особый механизм», за веру в превосходство другой природной силы... Печально, что этот опыт забыт. Чан отличный учитель; благодаря нему, я разбираюсь во всех науках, и нет на свете слов, способных выразить мою благодарность. Но его же уче-

ния всегда твердили – поступать по совести, защищать справедливость, бороться за свои идеалы. Не знаю, какое предательство хуже – его учений, или его самого, но людям нельзя оставаться в этом месте. Мы не обязаны быть рабами, мы не меньше нэогаров, имеем право на свободу! – кулаки Джаина со скрипом стиснулись, а зубы стукнули о зубы. Подняв красные от слёз глаза, раб молвил:– И мы им воспользуемся!

Небосвод заплакал, окропив сухую землю холодным дождём. В мире стали и тока воды не боялись, но даже нэогарам дожди были неприятны. Улица стала пустеть, также стремительно, как и темнеть.

Три года лицемерия, двуличия и подпольной жизни – таковой стала цена свободы. Из запаса вечности это не так уж много, но угроза быть пойманным и наказанным постоянно холодными железными пальцами сжимала шеи революционеров, и делала это по сей самый день. Но у Этого дня было большое отличие – его наметили последним под металлической пятой.

– Нашего картографа казнили, – озвучил Джаин, заняв своё место в скромном ответвлении рудника. Его окружение, ставшее вдохновением волны рвения к свободе – составило всего восемь человек, как раз собравшихся. Сидеть людям приходилось на выступах, выточенных в скале, а освещение поступало сквозь прорехи в потолке. – Его карты обнаружил хозяин, и счёл, что тот планирует сбежать. Нэогары пытали его, но он не выдал напарников. Никого не выдал...

– Но у нас ведь есть, кем его заменить? Кто-то же должен иметь копии карт и разбираться в навигации? – может кого-то новость о казне и задела, но точно не этого загоревшего от изнурительных работ раба.

– Да, но донести вести о замене некому. Другой картограф на самом юге Империи, и даже если выдвинется к границе с пустыней сейчас, вряд ли успеет... – Джаин скорбел, и раздумывал.

– Время ещё есть, я найду, как поскорей переправить его, – пообещал интеллигентной наружности человек, вероятно с плохим зрением, раз он так шурился. – Наши склады провизии с каждым днём всё заметней. Чего нельзя допустить, так это простоя, иначе запасы обнаружат, и отнимут.

– Нам через пустыню три дня переваливать! – излишне громко выкинул крепкий, но сутулый человек в белом халате. Это относило его к службе науке, и он явно боялся замараться. – Если не удастся определить знающего маршрут человека в первые ряды, мы что с едой, что с оружием, застрянем в песках, пока нас не настигнут нэогары. Возможно, нужно переждать...

– Нет, – вмешался Джаин, – Фолт прав. Хватит с нас ожиданий. Мы обещали людям свободу начиная с этой ночи, и нам нельзя подвести их.

– Нам и без еды обойтись нельзя, – смиренно напомнил интеллигент. – Если оружия в Евразии много, и нэогаров нет, что в принципе не факт...

– Факт! – вставил видом своим похожий на солдата раб. – Император объявил Евразию зоной отчуждения. Попытка там поселиться приравнивается к измене, и даже патрулирование с целью разведки давно прекращено. Ни разу никого так и не словили...

– Ну хорошо, – покорно кивнул человек без очков, – в любом случае, имея отрыв от преследования Империи меньше суток, мы не успеем ничего кроме как вооружиться с Евразийских складов. Провизия нам необходима, хотя бы пока первую волну нэогаров не отгоним от границ.

– Это тоже мудро, нам нельзя оставаться без припасов, – выдохнул негласный предводитель – Джаин. – Трудрами продовольственного министра за пустыню вывезли все консервы, которые император счёл невкусными. К тому же, там остались поля и сады, но каков с них урожай мы не знаем... Нам необходима пища на первое время, а лучше и на второе, – с этим словом повстанец улыбнулся.

– Меня вскоре начнут искать, и снова избыют, если тут же не найдут, – человек из лаборатории, с квадратным лицом и выступавшими скулами, очевидно нервничал, и обоснованно. – Если больше обсуждать нечего, мне пора.

– Под контролем рабов находится всё, даже слишком многое, – с лёгкой улыбкой проронил Джаин. – Последние три года мы соблюдали осторожность, но сегодня можно раздвинуть грани допустимого. Переправьте хранителя карт на границу Империи дотемна. Пускай люди держат наготове ору-

жие, и защищают его, если придётся. До восхода луны осталось около шести часов, и мы должны успеть. Либо человечество отправится в Евразию этой ночью, либо никогда. Провал – недопустим, – Джаин научился говорить тихо, и вести себя как истинный, оберегающий каждого друг. Но временами он долженствовал становиться лидером, и пробил тот самый час.

Неизбежно, переждав эпоху тьмы – над Империей поднялось солнце, золотыми пальцами стуча в покои Вэнтэра. Владыка перевернулся на другой бок, избегая колкостей восхода, но не только его присутствие мешало спать. В дверь трижды стукнул настойчивый кулак, отняв вместе с мраком тишину.

– Император! – раздался голос генерала, окончательно разорвав связь имперских век. – Люди сбежали!

А это разорвало связь императора со сном. Властителя подбросило кверху, и он впился миг назад спавшими глазами в Кана.

– Что?! – словно раненный зверь взревел он. – Как?! Куда? – такого гнева на нём не было уже давно.

Заправляя верхние вещи в нижние и мучаясь с непослушным ремнём, растрёпанный тиран спеша раскрыл двери тронного зала.

– Мне плевать в Евразию или на Луну! Немедленно верни их! – резко развернувшись на подходе к столу заседаний, потребовал Вэнтэр. – Если сбежали ночью, далеко не ушли.

И Чана ко мне! Живо!

Кан забыл не то что кивнуть, а даже руки за спиной собрать. Он вылетел из тронного зала быстрее, чем слова вылетали из уст воеводы.

– Ох, зря они это, – тихим гневом молвил мальчишка, чуть не проткнув ногтями ладонь.

Когда на пороге раздался тихий шорох, успевший поправить тёмные волосы и мятую одежду Вэнтэр всадил взгляд в амбразуру, где тенью показался Чан.

– Вызывали, император? – прошелестел он, остерегаясь проходить дальше.

– Вызывал! – крикнул император, сделав лицо каменным. – Твои рабы нагло смылись из Империи! Как ты можешь это объяснить? – даже не в полном крике мальчуган был грозен, точно нэогар.

– Я... я не знаю, не понимаю... клянусь, это... они воспитаны безупречно! – Чан покрыл стыд мнимой уверенностью, но что это против гнева Вэнтэра... тем не менее, что-то в его лице переменялось.

– Первый разумный человек – Джаин, верно? Он остался в Империи? – подняв бровь, спросил бывший нэогар, не скрывая иронии.

– Нет, – качнул головой разработчик.

– Это его ты назначил ответственным за воспитание. Но его-то воспитывал ты. Кто из вас виновнее?

– Это не мог быть Джаин, я за ним хорошо следил! – на-

бравшись смелости, выдал профессор. Обижать самое ценное творение, самый главный дар, не позволит даже покорный технолог.

– Тем не менее, больше повернуть такое – некому. Он единственный раб, наделённый властью править другими рабами. Ты сам обучал его, сам вкладывал оружие из знаний в автономные руки. Вот он и вздумал поднять восстание, – разведя десницы, Вэнтэр откинулся на твёрдый трон.

– Простите, император. Это моя вина, – глядя прямо перед водителю в глаза, перестал сопротивляться разработчик.

– Да, твоя, – выпалил тиран, оторвавшись от спинки. – Но что сделано, то сделано, – добившись подчинения, размяк воевода. – Возврат рабов на их места, даже не обсуждается, как и наказание. Главным зачинщиком я считаю Джаина, его мы публично казним. Что до остальных... лишишь их бессмертия, – распорядился мальчишка, так просто, словно пожелал доброго дня.

– Что? – подобного тона не ожидал и сам Чан. – Казнь Джаина я понимаю, но к чему лишение бессмертия? Именно на нём держится выгода в рабах! – воскликнул разработчик, взмахнув кулаками.

– Да, и вместе с выгодой, на нём держится их опасность. Оставаясь без хозяина, они нередко устраивали беспорядки, отбиваясь от общества и формируя разбойные группы. Может хоть смерть напомнит им, что главенствуют здесь нэогары!

Многое мог бы ответить президент «научного единства», указать владыке на ошибки и глупости, но спорить с императором себе дороже.

– Я всё сделаю... – буркнул Чан, понимая, в чьих руках покоилось его будущее. Не скрывая недовольств, он покинул зал. Дверь за ним хлопнула, но Вэнтэр закрыл на это глаза. Одиноким, он вновь устроился на троне.

– Нечерта всяким жить без конца, – буркнул он, закрыв глаза. Его светлокожие пальцы стали массировать виски, и он добавил: – Пускай стареют, болеют и помирают. Больше бояться будут...

Страх всегда гнездится там, где есть жизнь. Страх за её потерю, за потерю близкого, за провал... страх за предательство, которого лишился император, но который дышал в затылок Джаину.

Колоссальная процессия, несравнимая ни с чем, кроме рабского побега – светлой от намотанных на головы тряпок волной захватила пустыню. Предводитель сказал, что важнее уберечь от солнца голову, остальная кожа если обгорит, сознание не отнимет. Вот многомиллионный муравейник из голых спин и укутанных голов плёлся через мириады дюн, под солнцем огромным, и жарким. Вялый марш разрозненных на гигантскую территорию людей почти что смыкал два берега пустыни- Перешейка, куда не редко заходили самые восточные беглецы, дабы хоть слегка охладиться. Среди дюн, утопая в жгущем песке – звавшиеся гордыми революционе-

ры теперь походили на муравьев, испечённых солнцем.

– Джаин, – после глотка противно-тёплой воды, окликнул повстанца один из его приближённых, тот, на ком что тогда, то и сейчас – был белый халат из имперских лабораторий, – тыл передаёт замеченных в паре километров нэогаров, – правый глаз человека был закрыт, левый щурился, а щетина нагоняла лишние годы. – Империя выслала не больше двух легионов, но они движутся не пешими, а на вездеходах. Не все конечно, около половины. Но часть нагонит нас уже к полудню, а вторая добьёт, если первых откинем. Пора вершить первый шаг. Как ты и говорил, придётся...

Джаин остановился, обернув покрытую тряпицей голову к беглецам. Увидевшие это остановились, а за ними остановились те, кто увидел их. Из-под зеленоватого хлопка торчали склонные завиваться волосы бунтаря, ставшего главным, и обжигающий бриз колыхал их.

– Кто слышит пусть слушает, а затем перескажет тем, кто не слышал, – крикнул Джаин, собрав внимание ждущих, блестящих глаз. – Мы знали, что просто уйти нам не позволят. Недолго осталось ждать, прежде чем преследование нэогаров ударит в наш тыл, – это и сказано было так, что печалило. – Но мы знали это, – тут проявилась бодрость, зажёгся лучик надежды. – Мы знали, что за свободу придётся платить. Не жарой и не потом, но отвагой и кровью. Пускай все, кто несут багаж – переходят дальше, и занимают позицию в новом тылу. Те, на ком вооружение, пускай раздают его, а

те, кто взял – выстраивают линию обороны. Мы остановимся здесь, и встретим нэогаров готовыми! Тем самым железом, из которого они ковали нам кандалы! Мы выстоим против них, и доберёмся до Евразии!

Джайн стал одним из немногих, кто не вскинул руку. Прочие взгромоздили над головой кулаки, и заревели все видимые глотки.

Переносчики продовольствий двинулись вперёд, подальше от нэогаров. Со всех направлений они стекали нагруженными рюкзаками струйками, как пот с их лиц. Они делились продовольствием с теми, кто будет биться, с кем-то в последний раз, а с кем-то в первый.

– Напомни мне, – попросил Герд у Джаина, с которым и познакомился бунтарь в лаборатории, и подружился, – что ты там говорил, когда люди боялись бежать? – судя по хитрому лицу, он всё отлично помнил. Но судя по улыбнувшемуся Джаину, ему не трудно было повторить.

– Смертей не избежать, и этот поступок – риск. Но ради того, чтобы смерть была не твоей, попробовать стоит, – предводитель хлопнул ворчливого учёного по плечу, и сам пустился в ряды рабов. Он направился к тому, кто раздавал оружие, а за ним и его скептический товарищ.

Едва ли бледный серпик луны выплыл на вечерний небосвод, как пробравший пол удар имперских кулаков обрушился на стол подле хрустального трона. Властитель стоял над ним полусогнувшись, с рыком испуская вздохи сквозь оスカ-

ленные зубы.

– Что значит отбились? – мрачным взором ударил Вэнтэр по Кану, чьи руки стиснулись за спиной. – Как голозадые рабы могли отбиться от наших сил и продвинуться дальше в пустыню? – владыка рухнул на хрустальный трон, и руки заёрзали по его лицу.

– Простите, мы отправили недостаточное войско, – пристыжено выдавил генерал. – Когда люди заметили надвигающийся с флангов флот, их основная часть двинулась в Еврозию, а отобранное меньшинство осталось держать натиск. Высадившиеся отряды менее чем за полчаса перебили всех брошенных, но львиная доля рабов сбежала, – Кану во всём чудилась его вина, хотя при сражении его даже не было.

– Что Джаин? – свинцовым взглядом нависли синие монаршие глаза.

– Его тело среди убитых не обнаружено.

– Хоть кого-то в плен захватили?

– Нет, – раздосадовался генерал. – Воины пытались, но рабы пускали пули во рты, лишь бы не возвращаться.

Вэнтэр надменно отвернулся, поднял брови и покачал головой, беззвучно ругаясь.

– У людей теперь уйма запасного времени, в Евразии они окажутся минимум на день раньше нас.

Там хранится предостаточно ресурсов, чтобы подготовить нашим силам достойную встречу, – мальчик на троне говорил монотонно, и смотрел в никуда. – Поздравляю, ты по-

дарил рабам шанс отнять у меня половину империи, – сухо пояснил властитель Кану, взглянув на него. – Готовь войска, все что есть. Собери и вооружи каждого, кто имеет опыт стрельбы. Завтра же чуть- Только солнце достанет до зенита – лично ты во главе всей армии отправишься в Евразию, и только попробуй вернуться без людей, – грозя пальцем, будто не всерьёз припугнул мальчишка.

– Да, император, – кивнул Кан, выдерживая строгую осанку. Покинув тронный зал, он расслабился, и руки его распались, вместе с горой на плечах.

Обнявшей холодный мир ночью, жители его – глаз не сомкнули. Беглецы от рабства к свободе прошагали её, гонимые полнеющей луной и мыслями об их железном хвосте. Но хвост потратил время не на бездумный бег, а на дисциплинированную подготовку преследования. Так и стало – разделённые на отряды, легионы и полушария, нэогары выступили со следующим полуднем, но куда уж им было тягаться с оторвавшимися на сутки людьми. Даже учитывая пятиминутные передышки, когда в журчащие животы попадала пища, повстанцев не выйдет догнать прежде, чем те войдут в Евразию.

– Хэй, Джаин, а там красиво? В Евразии? – К предводителю мало кто подходил. С тех пор, как они отбились от преследования, он стал мрачнее ночи. Но Герд, отхлебнувший остывшей воды, подойти осмелился. Халат его так пожелтел...

– Там свободно, а это ведь важней, – обернувшись, сквозь силу ответил повстанец. – Говорят, Витра красивее Сталии, но у границы ландшафт именно этого королевства.

– Сталия... гранитная царица. Я считаю, что красивее там, – имперский учёный говорил с Джаином ради помощи товарищу, но тот сквозь грусть кивал, и скупно улыбался. – Это был их выбор, Джаин. Наши собратья сами того хотели, без жертв на свободу не вырваться.

– Я это понимаю, – взглянув карамельными глазами в очи друга, ответил бунтарь. – И я в этом виноват.

С нового рассвета предводитель беглецов не выронил ни слова. Следующее, что огласили его уста:

– Империя здесь! – выдавил он, раздираемый бурей эмоций на границе Евразии. Собравшийся за спиной Джаина люд держал оружие наперевес, и готовился.

– Отстроить линию огня! – распорядился генерал холодных орд. – Напомним рабам, кто главней!

3 эпизод. Гроза

Не так уж много среди беглых рабов было дураков, из которых интеллект усердно выбивали. Но даже они понимали, что нет ничего ужаснее, чем подчинение тому, кто желает тебе зла. За хорошую жизнь необходимо платить, а когда жизни ужаснее не вообразить – заплатить можно и жизнью.

Людей встретил заброшенный, ветхий мирок, о котором император давно прекратил заботиться. Сталия, с которой начиналась территория Евразия, неспроста звалась гранит-

ной царицей. В здешних рудниках гранита было так много, что он встречался повсюду, и благодаря этому помещения Сталии оставались пригодными к жилью. Улицы её были широки, с просторными проспектами и гранитными памятниками, самые целые из которых Вэнтэр позволил оставить. Дома редко возвышались выше пяти этажей, и в отличие от Империи они стояли в строгом порядке, симметричные и чётко разграниченные на районы и города. Но ужасно пустые... нэогары не отводили мест растительности на своих улицах, но и не трогали древние леса, горы, озёра и реки – природу почитали. Тем не менее, на улочках Сталии, в трещинах меж плитами гранита и из-под недобросовестных фундаментов – проглядывали стройные древки, жухлая травка, а кое-где даже дикие цветы.

Сталия – цитадель «магнитного механизма» славилась покорением любых металлов, известных холодным умам. Совпадение или нет, но небо над этой страной почти всегда было свинцовым, даже когда непогоды не было. В преддверье лета блуждал ветерок, и судя по территории державы, дождь здесь не лил уже давно, но небо всё равно кишело тучами из свинца. Сегодня это казалось уместным, сегодня беглым рабам предстояло отстоять свою свободу. В противостоянии с нэогарами, под командованием именитого генерала Кана, не внушало уверенности даже присутствие Джайна в первых людских рядах.

Тёплый народ не обладал даже пародией на броню, и

здесь таилось нэогарское преимущество, ибо для них латы равнялись одежде. Как император сказал Кану: «Сталь и плоть должны сойтись как игла с пальцем, а когда это кожа могла погнуть металл?».

Генерал одну треть мобилизованных сил рассадил по внедорожникам, чьи крыши уместили на себе страшные пулемёты. Именно эта треть и прибыла к границе, на которой чёрным холодным клином держалась линия огня.

Это предвещали все, и никто не ошибся – вооружение рабов устарело, и в его исправности приходилось сомневаться. Джаин старался наделить каждого чем-то эффективным, но повезло всё же ни всем. Самые смелые, уверенные в себе и оружии люди образовали первый ряд авангарда рабов; их плечи плотно смыкались, но всё равно полоса воителей уединила два берега пустыни – восточный и западный. Менее успешно вооружённые, а так же сильнее взволнованные и трусливые – стояли второй линией, с тем же успехом смыкая берега; под их ногами песок перемешивался с галькой и землёй, а далее – на твёрдом граните Сталии, что вёл на сорок основных улиц страны – держались вообще не вооружённые рабы, чьи руки сжимали арматуры и ломы. Они выстроились вместительным прямоугольником, заполненным тёплыми сердцами. В зависимости от того, куда двинутся нэогары, основной запас людей сможет сместиться или разделиться, дабы те не прошли вглубь. На это, по крайней мере, надеялся Джаин.

Евразия никогда не была землёй людей, и никто, даже Джаин, прежде не видел её воочию. Но не было на свете другого места, где возможной представлялась жизнь без господ, а за это – люди готовы были лить кровь.

– Я видел тебя рядом с Чаном, – крикнул Джаину Кан, что подобно предводителю восстания стоял к границе с врагом ближе всех. – На параде в честь двухсотлетия со дня взятия Маггара; мы сидели далеко, но я видел тебя. А ты видел наш парад, и всю мощь Империи. Скажи, Джаин, ты веришь, что вы сможете устоять? – Кан никак не выделил этих слов, но всё равно вышло иронично. – Здесь собранно лишь начало того, что вас ожидает. У нас есть авиация и флот, дальнотбойное и ядерное оружие. Вам не выстоять, даже если сейчас спасётесь.

Кан смыкал длани за спиной только перед императором. Сейчас он был учтив, но неуважителен.

– Империя доверила нам все свои секреты, – в ответ крикнул повстанец. Глас нэогара сам по себе был громче, со слышимостью у Кана проблем не было, в отличие от Джаина. – Мы знаем, как остановить ваши злодеяния, и отказываемся жить по холодной указке!

– Тогда, не живите, – сумрачно изрёк генерал, и подал знак рукой. Знак, с которого всё началось...

Чёткие как пальцы одной кисти нэогарские солдаты двинулись в бой многотысячным клином, по границам которого расставили искрившиеся вспышками выстрелов джипы, а

внутри – пеших автоматчиков, бивших прицельно, и быстро. В ширину клин холодного войска был не более полсотни нэогаров, и это в самом широком его месте. Завидев, как люди растягивались меж берегами, Кан счёл полезным выстроиться именно так, дабы из огромного множества рабов в бою были полезны только центральные, но Джаин, очевидно, рассчитывал на это. С дальних позиций, куда стальные господа отказались обратить взор и удар – в самый нос острой колонны посыпались массированные залпы, а люд в тех направлениях склонился на колени, дабы проще было целить базуками, ракетницами, гранатомётами и даже простой, подчас самодельной взрывчаткой. Живая стена была тонка и напугана, но вступление в бой приподняло их дух – клин нэогаров нырнул в огонь, холодные глотки разорвались криками, клубни алого огня и серого дыма вскружились над внедорожниками, которым повезло не взмыть вверх. Удары разошлись не равномерно, но всё равно сильнее всего пострадал «клюв» движимого бронированными ногами «меча».

– Рассыпаться! – скомандовал Кан, когда огонь прекратил извергаться из взрывов. – Пробить их строй! Ударить по всем направлениям!

«Посмотрим, чего они добились, разорвав мою формацию», – насупившись, подумал генерал.

Группировками, построенными на разнице вооружения, нэогары разом задействовали весь военный потенциал: начиная пулями и заканчивая искрившимися культями, вы-

несенными из первого удара, бронированная стальная дружина разошлась как пасть змеи, из длинной колонны, расправившись во все направления, что вели к границе с Евразией. И пока строгий строй распадался на сотни отрядов, бежавших к «тёплой стене», в тыл её вливалась вторая треть войска, что преодолела знойный путь пешком. Сверху это выглядело, как русло чёрной стальной реки, что из одного озера, впадало в другое.

Возможности угнетённых рабов меркли рядом с нэогарским напором; всего, что люди могли, всей их самоотдачи – не хватало ни на уменьшение потерь, ни на сдерживание границ. Пуля, попавшая в глаз или шею, была способна не только навредить нэогару, но убить его; жаль, такая точность являлась редкостью, а остальные точки – подобными атаками не тронуть. У людей же всё было иначе: каждый выстрел неминуемо приносил боль, ослабляя и умертвляя бежавшие души.

Стоило холодной орде вступить в ближний бой, как впервые увидавшие смерть, и ощутившие весь ужас боли рабы – разделились на два вида. Одни, сжимая волю и ярость в кулак, отдавали за свободу всё и до последнего вздоха продолжали бить по врагам. Другие, задушенные страхом и отдавшиеся панике – бросали свои позиции, с красными от слёз глазами и отчаянными воплями из уст. Психика слабейших не выдерживала случившегося; они лишались рассудка...

На поле брани не место тишине, и воистину, битва человека с нэогаром была громка. Но всё чаще крики и стоны, кличи и проклятья заглушали лязг стали, что издавали тяжёлые доспехи сами по себе, а в придачу звоны пуль о броню, песни стальных дубин, которыми люди молотили о высокие головы с горящими глазами, и хрусты костей, и чваканье рвавшейся плоти, скрипы внедорожников, по разным причинам сошедших с маршрута и тех, что пробрались внутрь Евразии, чинили беспорядки внутри...

Человеческие души от того и казались более тёплыми, чем тела; люди не требовали биться до смерти. Пострадавших, сильно раненных или напуганных до грани сумасшествия отпускали в тыл, откуда лишённые мужества стоять к смерти лицом – поддерживали смельчаков самодельными гранатами и взрывчаткой. Но усилий, необходимых дабы заставить нэогаров прекратить таран – требовалось безгранично много. В распоряжении людей, не нашлось такой мощи.

– Джаин, что нам делать? – зажимая раненный глаз рукой, как можно громче крикнул человек, чьему посту повезло оказаться рядом с позицией предводителя. – Нас зажимают! Их больше и оружие у них мощней! – голосом полным болезненного страха, добавил он.

– Отступаем, но огонь не прекращать! – перекричав грохотавший неподалёку взрыв, скомандовал Джаин, добивая упавшего на песок врага. Его голос, в отличие от многих других, наполняла решимость. Не стоит думать, что ему вез-

ло больше остальных; волосы коричневого оттенка успешно маскировали рану у виска, вбирая в себя кровь.

Люди, услышавшие команду предводителя – исполнили приказ. Понемногу, они ретировались, и хоть вели нескончаемый огонь – армия Империи влезла в брошенную Евразию. Их отряды как саранча пробивались сквозь редевшую стену защитников, где со своими дубинами, кривыми шестами и острыми прутьями в дело вступало то, что Джаин именовал резервом.

Но чем глубже на улицы Сталии вторгались бронированные двухметровые рабовладельцы, тем выше становился темп отступления, ибо страх лишиться последнего человека в оборонительных рядах рос вместе с угрозой.

Для нэогаров, это стало неким приглашением в гости; криком о намерении проиграть. Воодушевившись преимуществом, холодные группы забыли о пощаде; закончились патроны – не беда, был автомат, которым можно расколошматить ещё с десятков голов. Рабу свезло вогнать свой прут промеж брони? Оторви ему руки, пока сам не отключился от гнетущих искорок внутри. Отвоевал дом, постройку, завод? Обрати их руинами и мусором, раскроши все кирпичи что сможешь, и пускай сгорит сам гранит.

Выход к перешейку, коридору меж полушариями – всегда принадлежал Сталии, но её территории простором уступали Витре. Бесконечный натиск живого железа вытолкнул оппозицию в западный регион Евразии, где тёплые души по-

встречались с Витрой, ныне такой же мёртвой, как её соседка. В этом месте здания были другие. Их было меньше, но они потрясали колоссальной высотой. На просторах обветренной Витры, где ветер завывал, как некогда выли «особые механизмы» – высились горы, и раскидывались дремучие леса. Именно зелёная растительность олицетворяла границы между двумя странами, когда ещё было что разделять. Города цитадели захватчика мира и с прочих сторон окутывали чащобы, густые и зелёные, как глаза Кана. Теперь, брошенные земли поросли ещё сильнее, и ветра с деревьями стало больше. Как и шансов у рабов отстоять свою свободу, отбросить захватчика и вырваться из железных тисков. Среди зарослей от прямых ударов было проще спрятаться, и пусть генерал империи бесчинствовал в Сталии, пусть спалил все прелестные гранитные постройки и растоптал их пепел, свежую древесину – он так просто не сожжёт. Сдвинув основное место сражения туда, где деревьев было больше, чем в Империи нэогаров – людям удалось подобрать удачные позиции и вести огонь под прикрытием.

– Прекращаем отступление! – укрытый зелёным от мха пригорком, скомандовал Джаин, и собратья его прекратили пятиться. – Отгоним их! Перебьём!

– Да нас истребят скорей, чем мы половину уложим! Как им противостоять?! – выкрикнул боец с отдалённой от Джаина позиции.

Ему требовалось отдать должное, он был смельчак и уме-

лец, раз по-прежнему жил и в голосе слышалось больше гнева, чем страха. Главный повстанец понимал, что долженствовал ответить чем-то вдохновляющим. Словив мимолётную идею он раскрыл уста, готовясь выдать речь... но тому, кто спросил, она более не была нужна. Позади него упал взрывной снаряд – настолько быстро превратившийся в яркую вспышку, что воин, должно быть, ничего не почувствовал, прежде, чем исчез.

Увидев расцветавший взрыв, на месте собрата, Джаин болезненно сжал зубы. Под его суровыми красными глазами – родились охрипшие слова, пробравшие весь лес:

– Больше не отступать! Ни шага с места! Бей нэогара!

У людей не было выбора, кроме как подчиняться. Они верили в Джаина, да и не боялись потерять ту жизнь, которая мучила их с самого создания. Всё, что их страшило – это потерять надежду на жизнь, которой они будут рады.

Тёплые солдаты выбрали позиции и стреляли. Стреляли последними патронами и до тех пор, пока их не убивали. Даже скрывшись за деревьями, которые время от времени падали – они не могли находиться в безопасности. Армия Империи сражалась хуже чудовищ. Не замечала ничего и попросту всё уничтожала. Охрипший Джаин, считая себя слишком бесполезным – выбежал из укрытия и, держа одной рукой автомат, а другой раненное, кровоточившее плечо – последним запасом патронов открыл огонь. Он яростно кричал и, целясь в подкрепление Империи, не отпускал ку-

рок.

Решив уgomонить лёгкую добычу, один из нэогаров прошёл сквозь всю череду выстрелов бунтаря и, пожертвовав новым мундиром – кулаком нацелился на голову, что так долго обучал Чан.

Испуганно взирая на летевший удар, Джаин ещё сильнее пожалел о своём поступке, об этом мнимом спасении людей из рабства. Он принял такой исход, решил расплатиться за самонадеянность... как залпом из ракетницы собрата, нэогара пожрал огненный раскат. Прогрепевший взрыв и Джаина отбросил. Разодрав о корнистую землю спину, главный бунтарь остановился; это, несомненно, лучше обезглавливания массивным кулаком, но приятного крайне мало. Главарь восставших, из последних сил держа оружие, начал подниматься, сжимая остатки воли вместе с челюстью. Бунтарь приготовился уже ко всему, но только не к до боли знакомому голосу Кана, что раздался прямо пред встававшим пареньком.

– Как личностью, я восхищаюсь тобой, – держа руки за спиной, молвил генерал.

Джаин, наконец его заметив, испуганно схватил автомат и зажал курок, направив дуло в Кана. Но последний патрон отскочил от нэогарской брони, и генерал добавил:

– Но знай, ты полный дурак! – после чего ногой выбил оружие из рук врага. Удар нэогара сильно повредил локоть революционера; Джаин снова упал на землю, ослеплённый болью. – Рабы загнаны в угол! Пора их возвращать! – из-

рѣк нѳгар, всего парой слов обрекая людей на проигрыш.

Бессердечная, безэмоциональная, бесстрашная Империя сменила огонь на оковы. Людей, едва ощутивших вкус свободы, только свыкшихся с тем, что они более не рабы – что бы те ни делали, как бы ни защищались – отлавливали и вволакивали в клетки, подоспевшие вместе с последней третью войска. Массивные, высокие восьмиколесные грузовики каскадом из более чем сотен единиц застыли с горящими из кабин глазами водителей, что получив сигнал о заполнении «багажом» клеток – разворачивались и мчали обратно, откуда явились – в клятую Империю. Нѳгары прекратили всякий огонь, всякую атаку и убийства. Любой ценой и самой страшной жертвой – они обезоруживали и отлавливали рабов, что бежали от холодных господ как звери от огня.

Джаин, распостѳртый у ног Кана, с ужасом за этим наблюдал. Его сердце обливалось кипящей кровью сожаления, и вины. Как можно громче, он что было мочи крикнул:

– Нет! Не смейте! Оставьте их! Люди – спасайтесь! Убегайте-е-е... – сморщив веки над намокшими глазами, выплеснул Джаин, утихая под конец.

– Радуйся, что императору ты нужен живым.

Последнее, что запомнилось первейшему рабу – глухой удар по голове тяжѳлой стальной подошвой.

Снова открыв глаза – а для этого потребовалось не мало усилий, первый самостоятельный человек увидел ночь. Мрак на всѳм материке встретил революционера сквозь прущ-

тъя небольшой клетки, где вместе с Джаином пребывали ещё пятеро израненных людей, безжизненно глядевших в пол. Несколько подобных клеток держались на грузовиках, что освещали ночной материк фарами. Но и без их помощи понятно было – людей на фронте не осталось. Их либо убили и в слабом свете виднелись трупы, либо пленили и волокли в Империю.

Клетка с главным бунтарём ничем не отличалась от любой другой. Но именно к ней подошёл генерал Кан. Увидев на себе лишь один взгляд, он спросил у Джаина, спокойно, без любых эмоций:

– Скажи, оно того стоило? Вы ведь знали, что проиграете эту битву. К чему подобная глупость?

– Даже тень надежды на избавление от рабства, того стоила, – подползая к краю клетки, схватил Джаин прутья руками. Несмотря на свой проигрыш и положение пленника, он смотрел прямо генералу в глаза, а его голос источал гнев.

– Ты сильный воин. Ты поднял восстание пяти миллионов рабов, и не струсил, когда проиграл. Ты достоин уважения, – убирая руки за спину, невзначай закончил Кан, отступая от клетки.

Услышав это, Джаин отвернулся. Он рухнул обратно в свой угол и, опустив голову, заплакал. Его глаза пролили на кулаки слёзы, но его челюсти – сжались с такой силой, что зубы чуть не треснули.

– Увозите последнюю партию. Мы здесь закончим, – командовал Кан водителям, что безоговорочно отправились в остывшую пустыню.

Клетка с Джаином быстро отделилась от Евразии. Но как бы водитель не старался умчаться от разоренных сражением земель, бунтарь всё ещё мог их видеть. Он не в силах был разглядеть как Кан, в полной тишине, под мрачным небом, лишённым яркости звёзд – махнул рукой. Зато он отчётливо увидел невероятный взрыв, заставивший ночь на мгновение стать днём. Мощь этого взрыва не подчинялась рамкам фантазии; огромный огненный гриб высотой до самого неба расцвёл в сердце Евразии, пробудив на просторах мусорных земель ударную волну, что сравняла с почвой любой объект, посмевавшийся быть выше муравья. Бурливший напор раскалённых ветров вдарил и по Кану, доведя его броню до сотни градусов. Но он даже не сдвинулся с места. Его руки по-прежнему сжимались за спиной.

Пока громогласный взрыв утихал, обращая надежду на свободу в пыль – Джаин, прекрасно это видевший, замер на месте. Его пустое лицо, больше не изменилось.

Помимо внешности, в императоре осталось ещё кое-что истинно детское – нетерпение. Ждать положенного срока для него было худшим наказанием. Связь с генералом отправленных на задание войск поддерживал штаб разведки, но Вэнтэр знал сроки задержки донесения новостей. Хоть прошло уже семь дней с начала операции, и первые партии

захваченных рабов прибыли в Империю с рассветом, ни слуха о генерале с Джаином не явилось. Смирившись с затишьем, властитель утешался отчётами.

– Простите, я вас не отвлеку? – робко спросил Чан, открыв дверь в тронный зал.

– Смотря с какой целью пришёл, – негостеприимно ответил владыка.

– Я разработал инъекцию смертности для людей. Пришёл только уточнить, уверены ли вы, что это необходимо?

Император устало выдохнул, опрокинув голову прежде, чем откинуться на трон.

– Рабов следует наказать. Бессмертными, они, конечно, будут желать свободы, но стоит им увидеть смерть, как мысли будут заняты её оттягиванием, – холодно изрёк тиран.

Чан понурено покачал головой, не решившись заводить спор.

– Если Джаина схватили живым... – проронил учёный.

– Расстрелять его на глазах каждого прихвостня! – перебил профессора гневный крик мальчугана.

– Понял, – сухо ответил Чан. Его резкий разворот и грубое обращение с дверью, сполна отобразили недовольство.

С той стороны роскошного кабинета, он отступил лишь пару шагов от сомкнутых дверей, прежде, чем выкрикнул:

– Чёрт бы тебя побрал! С какой лёгкостью ты портишь мои лучшие творения! – не сбавляя шаг, выдал профессор. – Созданное мною безупречное тело, не знающее старости и

смерти – запачкано твоей наглостью и самолюбием! Мой лучший опыт и самый выдающийся ученик; единственный, кто наконец воспротивился тебе, и его ты убить собрался! – Ударив кулаком стену, и породив сеть расколов над началом ступенек, ученый замер на месте. – Даже, если я пред тобой бессилен, когда-нибудь, ты познаешь ужас подчинения! – сквозь гневное отчаяние выдавил Чан, после чего, резко зашагав, скрылся среди ступеней.

Стоя у дверей тронного зала, это лицезрел Кан. Как давно он ожидал, знал только он, но его мрачный взгляд говорил о давности наблюдений.

Вэнтэр, едва завидев ближайшего помощника – блеснул высокомерной улыбкой.

– У тебя ведь хорошие вести?! – нетерпелив был его голос.

– Да, Джаин доставлен в темницы дворца живым.

– Отлично! – хлопнул мальчишка ладонями. – Начни приготовления к его казни.

– Не желаете услышать доклад, о проведённом сражении? – властитель насторожился.

– В нём есть что-то важнее моего приказа? – с сомнением прозвучало недовольство.

– Люди, несмотря ни на что, уничтожили пятьдесят тысяч нэогаров нашей армии. Это поразительно, учитывая пропасть между нашими возможностями. Но более всех поразителен Джаин, – озвучил Кан. Император, услышав это, левой рукой шлёпнул свой лоб, устало растирая лицо. – Он, про-

стой человек, но смог увести из-под нашего носа пять миллионов людей, провести их через пустыню, и воодушевить на сражение с имперским войском, – едва закончил Кан, как вставил император:

– Он не был простым человеком тогда, и не является им сейчас. Багаж его знаний может соперничать с Чаном, а наглость, нужная для восстания против меня – будет наказана. Люди ответят за свои ошибки, но только Джаин расплатится за каждого, кого увёл за собой.

– Во время битвы, погибло полтора миллиона человек. В Империи пребывают чуть меньше трёх с половиной миллионов, и каждый из них, до сих пор верит в Джаина. Он сплотил их – стал их лидером. Его смерть может вызвать необратимые последствия, – махнув рукой, остерёг генерал.

– Какие последствия? – усмехнулся покоритель. – Они достаточно умны, чтоб понимать – любое их восстание будет подавлено. Что они могут?

– Восстание – лучшее, на что они способны. В принципе, им нечего терять. Что им стоит отказаться работать, позволяя делать с собой всё что угодно, вплоть до убийства?

– Создадим новых рабов. Какие проблемы?

– И эта история, будет повторяться до конца времён.

– Ладно, чёрт вас всех дерит. Что ты предлагаешь? – положив подбородок на скрещенные пальцы, поинтересовался Вэнтэр.

– Оставить Джаина в живых. Пусть люди верят в вашу ми-

лость и избегают гнева. Мы покажем всему свету, что Джэин остался на службе в замке. Благодаря этому, люди последуют его примеру и благополучно продолжают трудиться, – рассудительно пояснил генерал.

– Хм, почти гениально, – осклабился мальчишка. – Хорошо, главный бунтарь останется в живых. Но он, как и все – лишится бессмертия.

– Наказание неизбежно, – расслабленно согласился полководец.

– С официальной причиной разобрались, – устраиваясь на троне, невзначай молвил владыка. – Теперь, я хочу узнать твой истинный мотив, – сменив лицо на дружелюбное, молвил император.

– Это так очевидно? – смущённо отвернулся Кан. – Джэин, настолько поразил меня своей самоотдачей, негибаемостью воли, что я бы предпочёл казнить хоть всех рабов – взамен его. Я считаю верхом несправедливости, казнь такого выдающегося человека, – с некой грустью, пояснил нэогар.

– Скажу тебе честно: если бы не ты, уже завтра самонадеянный революционер до отвала наелся бы пуль. Но я предпочитаю прислушиваться к мнению моих приближённых, даже если речь о личных принципах, – с едва заметной улыбкой, перестал спорить Вэнтэр.

– Спасибо, император, – благоговейно склонил генерал голову. Вэнтэр ответил небрежным кивком...

Властитель всегда был суровым, всегда принимал всё как должное, а когда желаемого не получал – пускался во все пути кары. В подданных его, где-то на глубине их мечтаний жила надежда, что став человеком, тёплым и бессмертным, вечно молодым и властным, он изменится, но нет, это не соответствовало правилам Вэнтэра. Как и не в правилах Чана было тянуть время, особенно с поручениями тирана.

Профессор приступил к исполнению приговора возвращенных рабов на следующий же день. Хоть вместе с главой «научного единства» в этом участвовал весь его штат, активнее всех помогал Джаин. Стыд за провал он пытался хоть как-то перекрыть, безболезненно отбирая у людей вечную жизнь. Только он вводил укол с заветной смертью аккуратно и по всем правилам; остальные – не церемонились.

Основную массу рабов подлечили, одели в целую одежду, но возвращать хозяевам не спешили; кто-то ожидал укол со «старостью», чьего-то хозяина пока не нашли, от кого-то отказались – вот толпы людей и ютились в тюрьмах, ненужных заводах под строгой охраной, или наспех установленных центрах, для особо требовательных учёных федерации Чана. Добравшись до одной из таких, Джаин, державшийся от Чана на дистанции и, по мере возможности сохранявший молчание, наконец приблизился к невысокому нэогару в белом халате и с контрастным узором на лице. Он поднял с подноса заготовленный шприц, и введя тонкую иглу близ ключицы, робко молвил:

– Сколько, мы теперь будем жить? – собрат дёрнулся, но зелёный раствор весь утоп в его теле.

– У вас около восьмидесяти лет, – безынтересно ответил учёный. – Хотя, всё это очень условно... – обернулись коралловые очи к карим радужкам первого раба.

– Восемьдесят лет, – это прозвучало неожиданно обречённо. – Пыль, рядом с бессмертием...

– Ты ведь помнишь, кто до этого довёл, – коралловые точки взглянули Джаину в самую душу. – Император живёт уже очень долго, но он так и остался ребёнком. Не стоит противиться его воле... – вводя новый укол, прогундосил разработчик.

– Это я уже понял... – вздыхая, согласился паренёк со слабой улыбкой. – Хотя, уверен, на моём месте, любой поступил бы также. – Новая шея в бинтах и кровавых потёках, новый укол в её основание.

– Ошибаешься, – снисходительно произнёс учёный. – На такое способен только ты. Ты уникален, ты единственный, кто сумел бы сие организовать. В какой-то мере, я горд твоим поступком, – улыбнувшись, выдал Чан, игнорируя всех людей и нэогаров поблизости, чьё внимание неизбежно сместилось к нему.

Джаин стеснённо ухмыльнулся, отвернувшись от взгляда наставника, и всех прочих.

– Я так стыжусь того, что натворил, – когда лишние уши отвлеклись, признался повстанец. – Мне так неловко, что я

не пришёл к вам за советом. Вина за поступки, что я не совершил – душит сильнее, чем те, что уже не исправить. Было бы проще, если бы меня всё же казнили...

– И думать такого не смей! – воскликнул Чан, на миг рассердившись. – Каждому свойственны ошибки, без них процесс обучения невозможен. Если бы казнили за любую повинность, кто бы остался в живых? Я не скрываю, что бессилен перед намерениями императора, но ему повезло, что Кану хватило ума понять твою значимость. Иначе, императору бы не понравился итог...

Чан подобрал хорошие слова; он не дал Джаину лишиться веры в самого себя. Но смыть с сердца паренька вину, технолог так и не сумел... не сумел ничего поделатать и с продвижением волны смертности, что неминуемо захлестнула Империю. Но даже с этим, с проклятием старости и скоротечностью дней – рабов постепенно разобрали либо старые, либо новые хозяева.

К свободе и безграничным просторам за окном привыкнуть было просто, особенно если всю жизнь звался рабом, и даже в окно редко выглядывал. Но вот, снова пришлось привыкать прислуживать. Снова видеть лишь круглую стену за миниатюрным окном, снова просиживать в маленькой комнатке, на отшибе первого этаже дворца самого ненавистного человека. В этом Джаину повезло меньше остальных; только он примерил роль освободителя, как получил славу зачинщика смертности своего народа. Под грузом этих мыслей, за-

пертый в скромной комнатухе – Джаин опечаленным, размеренным голосом, завёл сам с собой разговор:

– Как же я надеялся, что больше не увижу эту унылую картину, – разглядывая часть имперского парка и древнюю, но крепкую стену, пригорюнился он.

Небо над империей хмурилось, и унывало; дождь ещё не начался, но тучи наполнились им.

– Чёртов генерал Кан, как ему оружия хватило, на такой силы взрыв? – Джаин сгрёб руками покрывало со своей кровати, не заметив этого за горячностью гнева. – Он разом перечеркнул мою дальновидность; теперь, даже та горсть людей, которую я старался защитить на случай провала, наверняка погибла...

Тишину тронула капля дождя, разбившаяся об окно. За ней, резкими стуками раздались другие капли; на улице разразилась настоящая, весенняя гроза. Трезубцы молнии и бой небесной наковальни навеяли безжизненному Джаину ту пару случаев, когда его жизнь была в опасности, но ему помогли. Его спасали собратья во время сражения, создатель на протяжении жизни, даже Кан, отстоявший отмену расстрела. С ним делились водой, которой оставалось мало; его кормили лучшей едой, от которой он старался отказаться; его уважал каждый, кого он подставил или убил – своим стремлением к свободе. – Нет поражения хуже, чем слабость. Шанс есть, пока ты не сдался!

Джаин поднялся с кровати, на которой когда-то отсыпался

сам Вэнтэр, и подступил к истекавшему водой окну. Сквозь спавшие на глаза волосы, сквозь дождь и стену, Империю и пустыню, он взглянул в самую Евразию, после чего выпрямился, и объявил:

– Я не сдамся. И не проиграю.

Меж двумя полушариями, да что уж там... они стали двумя отдельными мирами, и каждый континент был сам за себя – пролегал перешеек знойный и длинный; три дня пути он брал данью за то, что бы с Евразии перекочевать в Империю, и наоборот. Но даже ему не удалось разлучить Евразию с дождём. С весенней грозой, такой же, как в Империи. Далёкая от неё, внушавшая спасение под своим кровом земля Витры и Сталии, от границы с пустыней, до самого противоположного берега – обратилась в руины. Все труды людей, что они успели сюда вложить – стёрлись. Только ставшая вновь обитаемой, облагороженная Евразия, теперь походила на пустырь из камней, палок, брусьев, и трупов. Не стояло ни одно здание – всё лежало.

На первый взгляд среди развалившихся пустошей, от людей остались лишь тела, умершие молодыми. Но среди обломков зданий, а точнее на цокольном этаже завода, укрытого под столкнувшимися над ним многоэтажками, вокруг едва горевшего костра – теплились выжившие. Удивителен был сам факт того, что там остались живые люди, но сказать, что они жили, увы, было неверно. На них по-прежнему остались следы крови и мелкие, не успевшие зажить раны.

Как посуду они использовали консервные банки, как столовые приборы – руки. Пища их была скудна: запасы однообразных консервов, да спасенные в бункерах по поле Джаина сдобные ковриги. Пожелтевшими без ухода зубами, выжившие жевали зачерствевшее тесто, сидя вокруг тухшего костра. К небогатому ужину двенадцати выживших подоспели ещё шестеро, мокрые и сопливые. Без тепла, в сырости и разрухе, они все были простужены, и угнетены.

– Никаких других выживших, – огласил тот, кому повезло дышать. Хотя, везение ли это...

– И что куда хуже, никаких хранилищ с едой! В этих развалинах хрен разберёшься, – пнув камень под ногой, выругался другой член отряда, с колючей бородищей и дурным нравом.

Герд тяжело вздохнул, брошенный Джаином и удачей в этой дыре, но не брошенный жизнью. Он наконец отказался от белого халата, а его квадратное лицо поросло щетиной.

– Бросайте свои карты в костёр, всё остальное мы уже сожгли. В них всё равно нет проку, – как ни странно, упасённого от рабства человека послушались, и огонь хоть слегка разошёлся. – Вот слушай потом сказочки о свободной жизни, – подставил он руку под щеку. – Сидел бы себе в лаборатории, обедал, спал в тепле. Если вот это Джаинова свобода, – развёл Герд руками, – я лучше буду рабом.

– Джаин укрыл тебя, да так старательно, что во всей резервации выжил только ты, – тихо произнёс коллега по несча-

стью. – Мы- То спасались сами, но зачем ему спасать тебя?
И те полсотни умерших...

– У повстанца был некий план, ныне бесполезный, конечно же. Как- Нибудь, я вам расскажу...

4 эпизод. Гегар

Победа. Очередная победа, одержанная императором в этот раз над уступавшими во всём рабами – полностью изменила положение дел в Империи. За последние четыре года, минувшие с поры его триумфа – нэогары закрепились на руководящих, почётных постах, тогда как людям – досталась вся грязная работа. Не осталось ни одного охранника, солдата, рабочего, строителя или сборщика нэогаров, которым бы не являлся человек. За такие льготы хозяин-нэогар обязывался обеспечивать своего раба, или же рабов, всем первостепенно важным. Убить, покалечить или оставить человека без крова – запрещал закон. Уменьшение численности людей вредило производительности Империи; об их надлежащем состоянии переживал лично император. Хоть это, слегка облегчало людскую жизнь.

Виновник рабских бед, а также самый влиятельный человек планеты – безмятежно просиживал в тронном зале. Внешне он ничуть не изменился; на вид ему по-прежнему было около шестнадцати. Под грузом стандартного для властителя разбора документов – его лицо хранило холодное спокойствие.

Скучную тишину на последнем этаже дворца прервал

звук разошедшихся дверей, за которыми показался Кан. Вэнтэр, воспользовавшись моментом, откинулся на спинку трона. Вдохнув свежий ночной воздух, император закрыл уставшие глаза.

– Вы меня вызывали? – учтиво спросил генерал.

– Да, – складывая руки за головой, раскрыл мальчишка веки. – Тебе не кажется, что последнее время в Империи скучно? Любые дела упираются в разбор бумаг. Я вовсе не отказываюсь от своей работы... просто считаю, что давно не расслаблялся.

Вэнтэр прервался на паузу, решив увидеть реакцию генерала. Ничего кроме заинтересованного молчания, он не лицезрел.

– Я уже давно об этом думаю, и решил, что Империи нужны развлечения, – изогнулись уста тирана. – Как тебе идея возвести на восточном полуострове арену «Бойсдракс»: особый лагерь, на чьей территории разместятся ринг для сражений, и тысячи мест для зрителей? – а главное, для Вэнтэра.

– Но... вы сами запретили такого рода лагеря, признав их слишком расточительными, – слегка растерявшись, припомнил генерал.

– Это было во времена великих войн, когда на счету был каждый нэогар. Сейчас, ситуация иная.

– Если строить арену – придётся готовить участников схваток. Но кто в наши времена добровольно пойдёт на бойню? – более решительно оспорил Кан.

– С тех пор, как человеческая раса заменила наш низший слой, некоторые нэогары остались безработными, и не имеют возможности приобрести раба. Таких случаев мало, из-за них нет смысла рушить систему, но именно их можно подтолкнуть к подобного рода заработку, – пояснил Вэнтэр. – К тому же, таким образом, можно решать нэогарские конфликты, если приговор суда противников не устроит. Арену «Бойсдракс» можно применять как устрашение для нэогаров, преступивших закон. Только посмотри, насколько это удачная идея, – гордясь своей находчивостью, закончил мальчик.

– Если вы уверены в этом решении, я не смею спорить, – приклонив голову, смиренно согласился нэогар. – Но для возведения подобного проекта необходимы огромные вложения и рабочая сила. Вы ведь это осознаёте?

– Спрашиваешь, – с одолжением ответил властитель. – С этим, у нас проблем нет. Я вызову тебя, когда улажу бюрократию, – генерал сильнейшей армии и сам не заметил, как обратился помощником.

– Да, император, – кивнул Кан, и распустив руки, покинул зал. Император, надменно улыбнулся.

Несмотря на горделивость, он выглядел слишком довольным, для злобного тирана. И слишком бодрствующим для подростка, пусть и прожившего больше пяти сотен лет. Воевода частенько плевал на ночной сон, а потом ругал Чана за гнусные синяки под глазами своего тела. «Вам нужно меньше усердствовать» – советовал ему профессор. «Нужно де-

лать тела покрепче!»— отвечал государь.

Но и после этого, заведующий дворцовой лабораторией не сильнее щадил других людей, что служили под его началом.

Джаин, к примеру, в этот самый час, по-прежнему трудился, нигде кроме «Грааля науки». За ускользнувшие четыре года он изменился довольно сильно, особенно рядом с неизменным Вэнтэром. Лицо первейшего раба осунулось, каштановые волосы поредели и более не блестели, под впавшими очами прописались мешки; на щеках и подбородке укрепилась трёхдневная небритость, внешне прибавлявшая великому бунтарю пару лишних годов. Форма одежды осталась неброской, под белым халатом, подобным тому, что всегда носил Чан.

Забывая следить за временем, Джаин так и проработал почти до часу ночи. Наконец подняв глаза, он сомкнул веки, расслабленно потянувшись. Закончив краткую передышку — первейший раб заметил, что в лаборатории не осталось ни одного сотрудника, кроме него и Чана, возившегося в дальнем углу цеха с непонятной установкой. Все остальные места — давно опустели.

Прикрывая рукой зевающий рот, Джаин встал со стула и, снимая рабочий халат, крикнул Чану:

— Я не успел всё закончить. Если позволите, продолжу завтра... вернее, уже сегодня, просто спустя пару часов. — Сна вождеделел даже его голос.

— Понадеемся, что спустя пару часов — всё это, уже окон-

чится, – тихо ответил Чан. Повернувшись в сторону своего подопечного, учёный не спеша зашагал к нему. С серьёзным лицом, он приглушённо изрёк:– Сегодня ведь, тот самый день?

Опустив глаза, Джаин скованно выдавил:

– Да, по моему графику – сегодня.

– Вот и хорошо. Именно этого дня, людской народ так долго дожидался...– сблизившись с человеком, безрадостно произнёс разработчик.

– Вы слишком сильно рискуете. Прошу, отправьтесь в Евразию вместе с нами! – стараясь не кричать, довольно громко воскликнул Джаин, смотря Чану в самые глаза. – В Евразии вас с радостью примут, но если вы останетесь здесь – нэогары быстро поймут, кто помог нам снова сбежать.

– За меня не волнуйся, в Империи я не пропаду. Каждый живущий на этом свете человек, словно часть меня, ведь вы – мои драгоценные творения. Я больше не могу смотреть, как вы стареете и умираете, под гнётом рабства, – дрожащим голосом, промолвил Чан. – Ты и представить не можешь, как сильно я хочу отправиться с тобой. Но ты настолько мне важен, что я не смогу перенести твоей смерти, если придётся увидеть её. Именно поэтому, я останусь в Империи, и позабочусь о Вэнтэре. В этот раз, именно я его вразумлю. А все вы, должны жить свободно и счастливо, ведь именно счастье – смысл любой жизни! – воодушевившись, закончил Чан. На его металлическом чёрно-белом лице проявилась улыбка –

слабая, зато искренняя.

– Вы, – шмыгнув носом, буркнул бунтарь, чьи глаза мгновенно покраснели, – вы самый великий нэогар! Ваша мудрость породила новую расу, и она же её спасла! Я до конца своих дней, буду чтить вас, – почти заплавав, пообещал Джаин.

Слабая улыбка на чёрно- Белом лице стала чуть ярче. Чан приобнял дорогого его душе ученика, покрывая грядущую пустоту теплом временной близости. Но краем своего вечно прищуренного глаза, учёный заметил у приоткрытых дверей лаборатории нечто неуловимо промелькнувшее: быструю, пустую тень. Это заняло всего мгновение, и несомненно насторожило профессора; переведя взгляд на вытиравшего глаза Джаина, он мягко произнёс:

– Уже поздно, тебе стоит отправиться в свою комнату. Когда всё начнётся, лучше быть наготове.

– Да, вы правы, – отступив от профессора, направился бунтарь к выходу. Уже у самых дверей, он кинул на Чана последний взор – глазами полными слёз, и сжато добавил:– Берегите себя! – после чего поспешил уйти.

Чан же, рухнул в стоявшее за его спиной кресло, накинул ногу на ногу и, рассмеявшись, приподнял голову вверх. Уткнувшись в потолок лаборатории, он сквозь широкую улыбку, язвительно молвил:

– Интересно, что Вэнтэр теперь будет делать?

Прогулявшись по длинному, мрачному коридору – Джаин вошёл в свою комнату. Включив свет, он лениво дошёл до кровати и, рухнув на неё – тяжело вздохнул. Оставаясь в тишине, он объявил бой сну, что так желал затмить его разум. Ни слова больше он не произнёс; первейший раб лежал с открытыми глазами, чего-то выжидая. Изредка зевая и частенько поглядывая на часы, висевшие над окном – бунтарь не оставлял надежд. Но стрелки перевалили вначале за два часа ночи, затем за три... даже в настолько поздний час, Джаин не уснул. Он так и продолжил лежать, держа руку под ухом и томно смотря по сторонам. Увидев, что стрелки вот-вот коснутся циферки «4», революционер засмеялся. Мирный смех быстро перерос в громкий хохот, и Джаин стал лениво подниматься.

– Какой же я дурак, – сквозь смех выдавил бунтарь, присев на край кровати. Поборов признаки истерики, Джаин подковылял к окну и, открыв его – залез на подоконник. Он свесил ноги с внешней стороны дворца; покачиваясь на прохладном ветру, человек устремил взгляд в небо, где уже давно весела полная, яркая луна. – Даже не знаю, есть ли кто на свете, глупее меня? Я четыре года строил какие-то графики, составлял схемы и чертежи; раз в неделю отправлял в Евразию воздушные посылки с инструкциями, поправками и нужными материалами, рискуя при этом и Чаном и самим собой, а для чего... похоже – просто так. Столько рисков и трудов, надежд и желаний спасти людей, ради очередного провала... –

заползая обратно в свою комнату, повстанец прикрыл окно. В прежнем одиночестве, он решил унять уныние:— Хотя, это ведь к лучшему; теперь, Чану не придётся отвечать за наши глупости, — но даже эта мысль, не подняла ему настроение. В таком же отчаянии, он снова сел на кровать, и упав головой на подушку — хрипящим голосом вымолвил:

— Надежда всегда умирает последней, но даже она — мертва.

Всевластный император, по сей час сидевший в тронном зале, зевнув — перевёл взгляд на часы. Увидев, что в силу вступил четвёртый час утра, он на выдохе произнёс:

— Завтра закончу. Подождёт арена лишний день... — эти слова разлучили его с хрустальным тронном, уставшая рука погасила ночник на столе, и затёкшие ноги потопали к дверям. В самом изысканном коридоре главного замка Империи было восемь дверей, последняя из которых, вела в личную спальню властителя. В её умиротворяющей обстановке он скинул роскошные одеяния — мечту любого другого человека, облачился в пижаму — белоснежную бархатную рубашку с замысловатым голубым узором и такие же мягкие штаны, при этом самому себе сказав:

— Выплюсь, и разберусь с «Бойсдракс», — словно кроме этой, причин вставать не предвиделось.

Под тёплым тёмно-красным одеялом, без огней последнего светильника — воевода повернулся на правый бок, спиной к выходу на балкон. Уставший император быстро ощу-

тил объятья мира дремоты; глубокая усталость и уютная кровать – всё, что нужно человеку для стремительного сна.

Тишина, покой, мрак ночного неба – билет в первый ряд тура сновидений. И владыка занял заветный вагончик, когда громыхнул мощный взрыв – неприятным рёвом выбив мальчишку из сна. Не только неожиданный взрывной толчок, но и яркая оранжевая вспышка за окном – донесли весть о восплававшем поблизости пожаре.

Треск и гул взрывного очага заставили Вэнтэра скинуть с себя одеяло и, забыв о тапочках – побежать к окну. Буквально выбив дверь на балкон – император крепко схватился за невысокие перила, чуть не перекинувшись вниз. В разных точках Империи, но довольно близко к замку – он увидел внушительные кратеры, не лишённые горячих языков. Один из их семейства – уничтожил ворота внешней крепостной стены, оставив на её месте лишь запечённые руины.

В голове Вэнтэра промелькнула мысль, что было бы неплохо, если б пострадали только стены дворца. Но остальными мишенями предстали фабрики и заводы, на которых трудились люди.

– Это ещё что за...?! – в яростном удивлении, гневно рассматривая пылающие места – воскликнул император. Его глаза забегали меж тусклых очагов, отблёскивая недовольством. Но когда взгляд оказался на линии горизонта, известный каждому тиран – замер на месте. Шок – заметный на всём его лице – моментально сменил удивление, а безжиз-

ненно приоткрытый рот, даже не пытался издавать звуки. Вэнтэр врос в свой балкон, не сводя изумленных глаз со слабо освещённой лунной дали.

В покои мальчишки вбежал Кан, с порога крикнув:

– Император, вы должны проследовать в укрытие! – голос генерала переполняла тревога, что он пытался спрятать под криком.

– Это мой сон? – сам у себя спросил владыка, прибывая в глубоком шоке.

– Император, медлить нельзя! – снова окликнул его Кан, подбегая к Вэнтэру. Но забежав на балкон, генерал и сам увидел, как примерно в километре от Империи – огромная, невероятно гигантская, колоссально громадная фигура робота – ударила новым залпом.

До дворца громадине оставались невообразимые расстояния, но она всё равно пугала габаритами – высокими и толстыми ногами, широким длинным цилиндрическим туловищем, от которого в разные стороны, но точно по Империи ударили десять новых ракет. Руки этого гиганта, были не менее внушительны и массивны, хотя бы из-за того, что длинной опускались ниже колен.

Позади разлетавшихся в далёкие друг от друга точки ракет, эта огромная тёмная фигура продолжала громоздко шагать. Такая картина даже Кана, заставила окаменеть рядом с императором, который, не дыша, на это глядел.

Все десять запущенных снарядов упали где-то на просто-

рах Империи, озарив ночь новыми – яркими взрывами. В этот раз огонь охватил и топливные заводы, из-за чего взрывная мощь возросла в десятки раз. Насмотревшись на цветшие пламенные столбы, генерал наконец пришёл в себя и положив руку человеку на плечо, тревожно проговорил:

– Император, оставаться здесь опасно! Вы должны отправиться в...

– Да не переживай, – перебил его Вэнтэр спокойным, задумчивым голосом, – эта бандура не целится в замок. Она просто сеет хаос, – пояснил он, не сводя взгляд с феноменального гиганта.

– Тогда, что прикажете делать? – суматошно спросил генерал.

– Я... да не знаю я! – воскликнул мальчишка, резко развернувшись. Он оттолкнул Кана и быстрым шагом направился к выходу. Сжав зубы, его голова породила мысль: «В армии больше нет нэогаров, а эта штука однозначно пришла за людьми. Значит, нет смысла приказывать выстраивать оборону; если дать им оружие, он сбегут ещё проще... Чёрт подери, и что мне с этим делать?!» – выбив руками двери спальни, озадачился Вэнтэр, продолжая в одной лишь пижаме шлёпать по коридору. На его лице прописался ярый гнев, а сжатые в кулаки руки нервно мотались.

Тот самый громадный робот – широкими, сотрясавшими землю шагами, наконец вышел за грань пустыни. Его огромная нога наступила на территорию вражеской цитадели, и за

этим последовал новый залп, снова десятью ракетами. Они ударили по другим точкам Империи, и заставили мирный континент вновь окунуться в пылающий хаос. Рядом с теми старыми и ветхими постройками у окраин Империи, которые гигант безмятежно давил – можно было приблизительно понять, что его рост равнялся высоте пятисотэтажного здания, а высокий и широкий в радиусе цилиндр-туловище, даже внешне казался невероятно вместительным. Состоял этот невероятный робот из потёртого, старого металла, в основном серых цветов. Кое-где видны были сшитые листы меди, портившие общий тон. Своей обшивкой монстр внушал эффект заброшенности, старости, но шагал и действовал – на диву чётко.

В его небольшой, практически незаметной на огромном туловище голове – располагался центр управления, где сидели десять выживших людей. Каждый занимался чем-то своим; в круглом центре у руководителей были свои стулья, мониторы, и основная панель. За главным экраном, обозревавшим Империю – сидел тот самый глава выживших, что носил в себе планы Джаина. Герд, сходясь с император и разнясь с повстанцем – не изменился совсем.

– Цельтесь как можно точнее, мы можем запускать снаряды только в те точки, которые заранее покинули люди, – командным тоном напомнил наводчикам знаток, внимательно смотря в монитор.

– Мы так припоздали... Хотя бы стратегия Джаина не

успела просрочиться, – насмешливо молвил один из наводчиков. Ответный взгляд Герда усмирил его, и возвратил к работе.

– Больше медлить нельзя, включайте прожектора и динамики, мы должны объявить свою цель! – распорядился староста, и центр управления взялся за дело.

Пока собранный из металлолома монстр топтал разных размеров и предназначений здания, нэогары, паникуя – разбежались кто куда. Они, забывая друг о друге и переживая лишь за себя, со всех ног убегали, стараясь спастись от атак гиганта. Разразившиеся по всей Империи пожары никто не тушил; попавших под обломки, покалеченных собратьев – нэогары не щадили и продолжали укрываться. Паника и страх пред смертью превратили их в безумных зверей, спасавших свою шкуру. Что довольно удивляло, так это отсутствие людей; в отличие от толп нэогаров, они даже не показывались на улицах и не пытались разбежаться. Рабов попросту не было видно, как и не слышно было их криков или же стонов.

В поглощавшейся с каждой минутой всё большими беспорядками Империи, которые с собою принёс ужасающий гигант, начиная его головой и вплоть до похожих на плечи креплений – ровной линией поднялись динамики, размером большие, чем командный центр. Длинные прочные ручища расправились в стороны, и промеж трёх гибких пальцев зажглись прожектора, по одному на каждой «ладони».

Мощности их света хватило, чтобы более чем ярко осветить широкие участки городов, а переводя лучи в разные стороны – гигант обратился самой яркой луной в истории. С огромной высоты, на всю Империю, зазвучал человеческий голос, который не перебить ни одному нэогарскому:

– Людской народ! Этот робот – ваша свобода! Бегите! Бегите на свет Гегара!!! – убедительный, отдававший жутким эхом голос – пробудил в Империи волну бунтующих рабов. Прятавшиеся в безопасных местах люди повыскакивали из укрытий, и ориентируясь на яркие световые указатели – большими группами ринулись к Гегару. Они держались поближе друг к другу и пока нэогары занимались собственным спасением, без особых препятствий мчали к творению выживших. Единственными помехами становились завалы на дорогах и рухнувшие здания, но даже это не остановило людей на пути к свободе.

Невероятный своим размером Гегар – прекратил шагать. Он остановился на месте, примерно в конце Имперских окраин. Перед его ногами раскинулся жилой, пока невредимый город, где всё равно бушевала паника и царил беспорядок. Ютился шум и всполох, на усладу понимавшим это управляющим.

– Внешние люки открыты! Гиды заняли свои посты! – доложил ответственный за вместимость.

У ног Гегара, с двух сторон каждой ступни – гиды открыли проходы, и самые первые подоспевшие к спасителю, верени-

цей потянулись внутрь громадины. На фоне общей суматохи видны были только сгруппированные люди, всё ближе и ближе подбиравшиеся к заветным лестницам внутрь Гегара.

Напротив дверей императорского дворца, отшагивая от своей лаборатории, показался Чан, сжимая в руках небольшую ракетницу. Сохраняя серьёзное лицо, он беззвучно вытянул неприметное оружие к сомкнутым дверям, и смело сдвинул курок. Его хмурому взору, под которым таилась душевная радость – предстал неслабый взрыв, что вынес прочные врата. В получившуюся небрежную расщелину, сквозь дым и по мелким камням – ринулись рабы замка, среди которых был и Джаин. Проскользнув мимо дражайшего учителя, он умиротворённо кивнул; в ответ, Чан сделал тоже самое. Считая это моментом расставания, умнейшие создания Империи обменялись прощаниями.

Люди, чьи сердца переполнились радостью, воодушевлённо помчали к далёкому силуэту Гегара, видимому сквозь пробитую во внешней стене дыру. Примерно в центре пятидесяти убежавших рабов находился Джаин; его скорость уступала остальным, ведь он серьёзно устал.

Главный бунтарь уже не верил собственному счастью – вот свобода, прямо перед его глазами. Но перед ними же, проблеск счастья вдруг погас – в тени императора.

Соскочив с балкона третьего этажа – самого низкого во всём замке – мальчишка ловко сократил путь до революционера. Едва приземлившись перед бежавшим человеком,

Вэнтэр с размаху ударил его в живот. Шокированный повстанец не то, что упал, а буквально отлетел в обратную сторону. Проехавшись спиной по земле, он сдавленно промычал и приподняв лишь голову, услышал:

– Куда собрался? Тебя я не отпущу! – злобно улыбаясь, заявил Вэнтэр. Его превосходство сочилось отовсюду, даже из очей Джаина. Владыка ровно стоял, крепко сжимая подростковые кулаки, а за спиной его пятнистым глазом горела луна. Глаза цвета синей пыли наполнились гневом и высокомерием, что подчеркнули слова:– Моё тело куда крепче и сильнее ваших, а сражаться я обучен нэогарской жизнью. Однажды, твоё спасенье отстояли, но теперь – ты труп!

Юный тиран бросил угрозы одному лишь Джаину; и его слова, и пристальный взгляд – нацелились только на него. Остальных рабов, что суматошно сверкали пятками – он вообще не считал за мишени.

Многие из тех, до кого сгустку злобы дела не было – уже успели выбежать за стены вокруг дворца. Каждый видел, что грозило Джаину и кто пред ним стоял, но лишь трое истинных смельчаков – преподнесли поддержку. Набросившись на императора, им удалось повалить его; ещё больших усилий потребовало сдерживание попыток выбраться – мальчишка не преувеличивал своих сил.

– Ты в Евразии нужней, чем мы! Беги, пока он не вырвался! – сдавленно потребовал один из бунтарей.

– Да! Спасайся! – почти приказал Джаину другой, как раз

получивший ногой по щеке.

– Я не могу вас бросить! Я вас не оставлю! – взволнованно ответил Джаин, едва держась на ногах. Обеими руками он сжал живот; Вэнтэр постарался привнести побольше боли.

– Да беги уже!!! – крикнул последний доброволец, положивший себя благу революционера.

У Джаина почти всегда был план действий; он предпочитал заранее всё продумывать. Но в этом случае, он совершенно растерялся; хоть преданное помощи собратьям сердце требовало выручить самоотверженных добровольцев, инстинкт выживания, вперемешку с принуждениями людей – подчинил его ноги. Первейший автономный человек пустился в бега, бросив троицу смельчаков, что из последних сил сдерживали прыткого тирана. Когда глава бунтарей покинул пределы внешних дворцовых стен – император, наконец, скинул с себя рабов, разбросав служителей замка кого куда. Его гнев лишился всех пределов; злость, с которой мальчишка набросился на ближайшего к себе человека – окрашивала глаза в оттенки красного. Способы и силы, вложенные в избивание раба – были ужаснее, чем бесчеловечные.

Лишившись страха пред смертью, другой паренёк, что очухался быстрее третьего – вздумал помешать владыке. Он ногой посмел отбить воеводу от окровавленного тела своего собрата, чем только перевёл безмерный гнев на себя...

Просторы Империи никто не осмелится назвать скудными. Но чего только не сделаешь, ради долгожданной свобо-

ды. Объединившись с группой рабов, что служила на отдалённом имперском заводе – Джаин, без передышек, пробежал до самого Гегара. На пути его отряда не вставало особых препятствий; этой сотне человек поистине повезло. В числе последних беглецов – Джаин забрался в ногу Гегара. К тому времени, когда там показался революционер, очереди – как небывало. Поднявшись по надёжной лестнице внутрь стопы, лидера беглецов встретили более удобные ступени, что держались на стенках внутри полых ног. Не обошлось без особых постов для командующих людей, чьими трудами был возведён Гегар. Только завидев человека, чей облик смахивал на старину Джаина, гид крикнул:

– Джаин! Вы спаслись!

Повстанец приподнял измождённый бегством лик, где одарённые блеском карие глаза увидели некогда знакомого человека.

– Пройдёмте, вас заждались, – увлекая Джаина за собой, паренёк то и дело оборачивался на пути.

Набравшись решимости с очередным резким выдохом, лидер оппозиции умчал за сохранившим молодость парёнком.

Вели их сотни и сотни ступеней, не редко переходивших в вертикальные лестницы. Стезя эта открыла автору проекта виды на внутренние просторы махины, служившие временным жильём. Весь его безмерно вместительный корпус разделили на целую тысячу ярусов, где и ютились люди.

Они словно улитки заползали в домики, слабо освящённые бледными лампами, с потолков метром в высоту. Вновь совершившие побег рабы лежали кто на спине, кто на животе, лишь преступая к отдышке, различая раны и ссадины впервые с тех пор, как получили их.

Отнюдь не мало сил ушло на подъём к самому верхнему ярусу Гегара – его голове. Добравшись до командного пункта, чьи серебристые двери раздвинулись в стороны – Джаин упоенно молвил:

– Вы представить не можете, как я рад, что хоть кто-то выжил, – задержав на Герде взгляд дольше, чем на прочих, выплеснул бунтарь. – Я мечтал об этом дне. – В компании родных сердец, он растаял.

– А кто ж не мечтает о спасении? – Такой уж Герд человек – не злобный, но колючий. – Раз уж ты выжил, прими в награду честь затушить пыл императора, – воспитанный в духе прогресса человек, очевидно, не придумал нужных слов, чтобы деликатно сместить эту ношу со своих плеч, на Джаина.

Герд поднялся с места, уступив микрофон повстанцу. Взглянув на неприметный шарик, что венчал упругий трос – революционер почувствовал сухость во рту. Ему было понятно, что сказанные слова должны были выбить из Вэнтэра всё высокомерие, но это и заставляло волноваться. Переборков страх провала, Джаин неспешно подошёл к «туннелю» до колонок, и изрёк:

– В мире не должно существовать рабов и хозяев, ведь рабство – лишает счастья, а значит, и смысла жить, – голос первейшего разумного человека разлетелся по всей Империи, чем отвлек императора, занятого избиением полумёртвых людей. – Эта ночь стала триумфом людской расы, и я лишь прошу нэогаров: Оставьте нас в покое. Гегар, которого видит каждый из вас – оружие массового поражения; не заставляйте, это повторять...

Оставив заинтригованных слушателей в замешательстве, Джаин погасил прожектора на руках гиганта. Но он не позволил Империи надолго угаснуть; из оружейных люков, рывших весь корпус Гегара – феноменальный монстр пролил град боеприпасов, что принёс с собою в обитель жестокой стали. Возможно, лишь парой единиц меньше тысячи, различные ракеты, бомбы, гранаты – всё рассыпалось по видимой Империи.

На секунду, Вэнтэр заметил позади ног махины, что топтала его окраины – первые проблески солнца. И тут же нежное свечение затмили алые взрывы, погрузив Империю в огненно-дымный туман. В арсенале мальчишки таилось множества взглядов негодования, но этот – хмурый блеск проигравших глаз, что не выпускал силуэт Гегара – был уникальным. Лишь хмыкнув, подросток отвернулся от бардака в своей державе. С недовольным, опечаленным видом, он юркнул в сторону дворца, не желая любоваться рассветом, чьи ростки затмевал Гегар. Из разломанных ворот замка выбе-

жал Кан, проведший беспорядки непонятно где.

– Император, выслать преследование? – тревожно осведомился он.

– Нет. Оставь их. К чёрту рабов, – сухо ответил мальчик, пройдя мимо генерала, но не сдвинув взгляд с прямой точки впереди. Его состояние ещё никогда не было таким подавленным; лоб покрылся каплями пота, руки испачкались остывшей кровью, а под пристальным взглядом можно было заметить слабую дрожь, которую Вэнтэр не мог сдержать.

Кан, с неким отстранением смотрел на горевшие имперские города, где порой раздавались новые взрывы, только подоспевших к «вечеринке» заводов.

Чан, наблюдая то же из лабораторных окон – откровенно радовался, что выдавал багрянец его глаз.

Не так уж быстро Гегар развернулся лицом к земле, ставшей местом его «рождения». Устремив взор своих зелёных глаз туда, где люди не будут рабами – он вновь тягостно зашагал.

Среди всех обломков, костров, уцелевших или разрушенных зданий, что оставил монстр, лишь однажды показавшись в чужих землях – не осталось ни единого человека. Только во дворе замка тирана лежали три трупа. Во всём нэогарском государстве, на целом «холодном» материке – не было ни единой человеческой души. Так казалось на первый взгляд, и по большому счёту, это было правда. Но среди за-

брошенных домов на имперских окраинах – скрывалось исключение.

У ветхого, полуразвалившегося дома, вблизи пустыни, в след далёкому Гегару, «уплывавшему» в рассвет – смотрел последний человек Империи. Именно человек, и вовсе не раб, ведь все рабы освободились. Он, как ни странно, был абсолютно цел; среди хаоса явно не мелькал. Некий настрой враждебности придавали ему не только суровые глаза и мрачное лицо; его тёмные волосы, почти касавшиеся плеч, лёгкая щетина, тонкий шрам через нос, крепко сжатые автоматы, что дулами почти упирались в землю, торчавший из-за спины меч, и чёрный старый плащ – всё внесло вклад в облик нелюдимости.

Как смотрят спасённые на спасителей – так смотрел человек на Гегара; восторженно, и умиротворённо. Но обернувшись ликом к Империи – туда, где вдалеке обосновался дворец тирана, избежавший спасения проронил:

– Теперь, тут только я. И ты поплатишься!

5 эпизод. Дань

Растаяв за горизонтом разрушенной, укрытой дымком гасших очагов Империи, гордо шагавший Гегар, тяжело переваливался с ноги на ногу, соблюдая направление в родную для него Евразию.

Над перешейком, что предстояло пересечь, ради возвращения домой – пылало полуденное солнце, чьи жаркие объятья накаляли корпус освободителя до уровня кипящей ду-

хоты. Это был единственный непродуманный нюанс плана повторного спасения людей, принудивший их к поистине горячей прогулке. Пик жары стоял и в центре управления, ведь крохотная голова была ближе всего к светилу; последний раз струйки надоедливого пота на телах управляющих пересыхали ночью.

Куда смотришь, то и видишь – мелькнуло в голове полудремавшего Герда, вид которого был ещё изможденней, чем Джаина.

– Джаин, – проронил он, решив отвлечься от духоты, – ты совершил непростительный грех, взбунтовался против императора. Как выжить умудрился?

– Честно говоря, меня чуть не расстреляли, но случай помог спастись... – опечаленно взглянул повстанец на друга, покорившись горестной улыбке.

– На радарх и следа имперских преследователей нет, но они ведь не отпустят нас просто так. Не лучше ли подумать о плане противостояния? – разбавил беседу другой член управления, настороженный собственным замечанием.

– Нет нужды переживать, – уверенно ответил предводитель, – я более чем уверен, что Чан позаботится об императоре. Ему хватит сил вразумить его, – взглянув в сторону растаявшей Империи на одном из экранов, с некой тоской молвил бунтарь. – А в крайнем случае, – продолжил он, вновь собравшись, – мы воспользуемся трудами третьей вахты, – заявил Джаин.

Не осталось никого, чей лик не преобразило изумление; об этой вахте явно никто не слышал. Вняв общее смятение, Джаин пояснил:

– Третья вахта на славу постаралась, когда устраивала тайники. Честно говоря, я и сам был удивлён, узнав, сколько в Евразии съестных и оружейных запасов. Используя пусть и старое, но действенное оружие – под прикрытием Гегара, нам однозначно удастся поставить Империю на место, – гордо закончил Джаин, чей дух вдохновлял.

– Хочешь сказать, что раскрыл нам ни все тайники? Но почему? Знай мы о них, шансы на успех бы прибавились! – возмутился глава управления.

– Их я оставил на случай, если вы спасёте нас, – спокойно отразил нападку Джаин. – Как я говорил, припасов более чем много, и по моим расчётам, вам вполне хватило бы того, о чём вы знали, – разведя руки, указал великий бунтарь на центр управления, имея в виду Гегара. – Ну, я, пожалуй, пойду к остальным. Там наверняка нужна помощь... – вставая с кресла, огласил Джаин. Металлические двери, что служили входом в центр – раздвинулись перед ним, образовав выход. Меж ними, Джаин взялся рукой за начинавшиеся перила, и обернулся. – А вы всё-таки молодцы, – похвалил он мастеров, глядя на каждого в отдельности и всех вместе. Его глаза, венчавшие умиротворённый изгиб губ, тоже сияли добродушием. – Вы возвели настоящее чудо; Гегар именно таков, каким я его представлял. Ваше ма-

стерство и отвага заслуживают вечной памяти, – после чего негласный вождь покинул пределы дверей, и они сомкнулись. Управляющие, хоть и не ожидали таких слов, не столько удивились, сколько с благодарностью расслабились. Даже ворчливый Герд усмехнулся и, повернувшись, пробормотал.

– Ты-то всё равно достойней...

Империя – именно она нынче укрылась позором поражения. На её горизонте показался лишь один робот, творение рук людских, но никому не хватило мочи остановить его; Гегар пришёл, покромсал утвердившийся порядок дел, взбаламутил русло нэогарской жизни, и ушёл, как ни в чём не бывало, а живая сталь только помахала на прощание, и погасла к этому полудню. Но всё ещё пылал Вэнтэр; не наружностью своей, зато нутром. В нём безостановочно бурлило призрение, его горячило разочарование. Уже давно он прибыл в тронный зал; этой ночью, сон с ним не сотрудничал. Хоть для владыки это вновь, вместо бумажной работы, он позволил себе выйти на балкон. Опершись на перила локтями – властитель оглядел разрушенный, опустошённый материк. Всё уже успокоилось, угроза миновала. Но пред глазами цвета синей пыли не прекращали всплывать фрагменты ночи. Будто кадрами, владыка постоянно видел шагавшего Гегара, повсеместные пожары, панику, гибели – хаос.

– Чёрт! – воскликнул Вэнтэр, оторвавшись от перил. – Пора уже прекратить об этом думать! – нервно сообщил он сам себе. – Но... неужели... неужели рабы сильнее Импе-

рии? Нет, это невозможно! – ударив рукой поручень, возмутился тиран. Сжав зубы, он недовольно взглянул на горизонт. Тихо и суматошно, тиран проговорил:– Я... я сделал глупость, когда распустил армию! Я сглупил, когда снял с Империи дозорных, – резко развернувшись в направлении трона, осознал Вэнтэр. – Я был глуп, когда отказал Кану в проверке Евразии! Но больше, я не ошибусь, – рухнув на хрустальный трон, подпёр подросток щёку кулаком. – Эта ночь дала мне понять, насколько Империя распущена. Но я непременно займусь этим. Я больше никому не позволю ослабиться, – напряжённо отчеканил властитель. – Я наведу здесь, былой порядок! – окончил он тихим гласом, с кричащим о самых строгих целях взглядом. Этим же он окрасил свой призыв генералу явиться на ковёр императора. И Кан явился, в самые скорые сроки.

– Вызывали, император? – как всегда уважительно спросил он, опосля стука в дверь.

– Да, – отрезал Вэнтэр, не отрываясь от заполнения какой-то бумаги. Генерал, ещё с порога уловил настрой мальчишки и, аккуратно прикрыв дверь – зашагал к престолу. – Огласи мой указ, – наконец изрёк Вэнтэр, откинувшись на трон. – Я вновь собираю армию. И призываю служить всех, кто может ходить, и у кого целы руки. Тех, кто сильно пострадал, или кроме смерти ни на что не горазд, можешь не трогать.

– Но император, такая реформа вызовет массу недо-

вольств. Нюгары отвыкли принадлежать войскам, да и вы сами обещали, что для них больше не наступят военные дни, – возразил Кан, скрипнув десницами за своей спиной.

– Я и об этом подумал, – снисходительно заявил Вэнтэр, скрестив руки на груди. – Ты прав в том, что недовольства будет через край, и именно поэтому, я повышаю ставку каждого солдата ещё на две зарплаты. Такой ресурс как армия – больше не будет расходоваться на военные нужды; по крайней мере, первое время. Всю рабочую силу – собранную под началом наших войск, я хочу пустить на реставрацию Империи. Нынешними темпами мы и к следующему году всё не восстановим, а так, процесс многократно ускорится.

– Если вы хотите использовать армию как рабочую силу, то кому быть охраной, кому отвечать за военные нужды? – несколько нервно спросил Кан.

– Раз уж мы привыкли к рабскому труду, придётся хоть что-то вернуть в привычное русло, – на выдохе, ответил Вэнтэр.

– Вы хотите пойти войной на людей?

– Нет, – недовольно растянул мальчик, – от войн слишком много расходов. Раньше как-то жили без людей, и дальше проживём. А они и сами скоро с голода вымрут, – уложив подбородок на скрещенные пальцы, с каплей гнева утешился Вэнтэр.

– Уверен, вы понимаете, что это не так. Их почти два миллиона, они просто так не погибнут, – махнув рукой в такт

шагу, воскликнул Кан. – Неужели, вы боитесь их? Вы считаете, они сильнее нас, потому что у них есть Гегар?

– Ошибаешься! – ухмыльнувшись, отсек мальчик. Кана это, заметно удивило. – Я считаю – они сильнее, потому что едины. Они готовы жертвовать собой, ради своих «великих» целей, – скорчился юнец, будто на языке у него оказалась горчица. – А Империя, стала такой «сильной», что позабыла этот принцип! Я лично хотел остановить Джаина, но мне помешали люди, – прислонившись спиной к трону, вскользь поведал Вэнтэр. – Мы не можем идти на них войной, пока не наведём порядок в собственных рядах. И именно это – наш приоритет! – закончил государь свою речь. – А на счёт военных нужд, у меня другая мыслишка, – только закончил владыка, как дверь в тронный зал громко распахнулась, и за ней показался Чан. Держа его руки связанными за спиной, учёного затолкнул в зал нэогар, лишь немного выше Чана и довольно похожий на него: глазами, белым халатом и тщедушным ростом.

– Император! – вступил пленитель, вволакивая Чана в зал власти.

И Кан и Вэнтэр изумились, опешили от такого зрелища, хотя в отличие от покорителя, что слегка приподнял брови, Кан был откровенно недоволен этакой дерзостью. Врываться к владыке без приглашения, во время приёма генерала... катастрофическая бестактность.

– Этот нэогар – предатель! Я могу доказать, что он со-

участник очередного побега рабов! – голосом же, удерживавший скованными руки Чана нэогар, отличался.

С этими словами, в тронном зале воцарилась тишина. И Кан, исписавший свой лик шоком, и Чан, недовольно глядевший в сторону от правительства, и даже связавший его нэогар – сохраняли молчание. Это продолжилось до тех пор, пока Вэнтэра не задушил смех. Он откровенно, закрыв глаза загоготал, скользя по трону и прикрывая руками лицо. Это повергло собравшихся в ещё больший шок; такой реакции, от такого человека, ожидать не смел никто. Когда воздух в лёгких мальчишки окончательно иссяк, и краткие вздохи прекратили помогать, он проронил:

– А то не ясно, что Чан в этом замешан, – после чего выпрямился и закинув ногу на ногу, высокомерно спросил:– А ты у нас, собственно, кто?

– Я – заместитель президента «Объединённых научных ассоциаций империи», – склонив голову, решительно произнёс нэогар.

– И к чему столько сложностей? Так и скажи, ты заместитель Чана, – с усмешкой ответил повелитель. – Теперь не удивительно, что именно ты его сюда приволок. Тебе ведь хочется занять его место?

–...сейчас куда важнее, что этот нэогар предатель, и он должен понести наказание! – несколько растеряно, ответил заместитель.

– Ну, это само с собой. Чан понесёт ужасающее наказа-

ние, которое будет помнить до самого конца своих дней, – переведя взгляд на Чана, саркастично согласился владыка, но взгляд его похолодевших глаз неизбежно устрасил учёного с чёрно- Белым лицом.

– Значит, вы не станете его казнить? – запереживав ещё сильнее, переспросил нэогар.

– Да разве ж я могу? Ты думаешь, почему именно он президент этой вашей ассоциации? – спросил император, но, не дождавшись ответа, пояснил сам:– Он – самый высоко-развитый нэогар Империи, на данный момент. Убить его, себе дороже...– прислонившись к трону, закончил Вэнтэр.

Это заставило замолкнуть нэогара обвинителя, а Чана расплыться в восхищённом удивлении. Кан единственный – кто просто хмыкнул, отвернувшись в сторону.

– Знаешь, кого я ненавижу, больше всех остальных? – глядя прямо в глаза заместителю, вытянулся Вэнтэр в его сторону. – Подобных тебе! Даже поступок Джайна я ценю больше, чем твой, – с заметной агрессией, сообщил он. – Кан, будь добр, проводи этого... нэогара... обратно в лабораторию, – поручил Вэнтэр, и Кан, без задержек и мягкости, указал заместителю нужный путь. – А мы, Чан, обсудим твоё наказание...– интригуяще озвучил Вэнтэр.

Монарх и не думал высвободить его руки; это мог бы сделать Кан, но он лишь вывел излишне ушастого нэогара, и закрыл дверь с той стороны. Стукач, как виднелось по лицу, деревянной походке и страху обернуться – побаивался

генерала, но увидел бы он его умиротворённый лик, страхи б унялись. Кан увлёкся своими думами, и толком не следил за отпрыском лаборатории.

– Как императора можно не уважать, как можно желать ему зла? – искренне не вразумляя, раздумывал нэогар в броне самого тёмного синего оттенка. – Он ведь справедлив, честен, силён, предан своей стране и своему делу! Для кого-то он жесток, но это лишь строгость. Кто-то винит его во лжи, но это стратегия. Вэнтэр стал императором не за яркость своих глаз, и этим нажил полмира врагов... жизнь скупа на правосудие, но даже это императору не помеха.

Восстановительные работы, а точнее, самая их заря – разбор мусора и завалов, учёт погибших и спасение повреждённых, предварительные подсчёты затрат, давались с трудом обленившимся по самый край нэогарам. Разрозненные группы изнеженной бездельем стали не распространиться даже по всему материку, законно им принадлежавшему. В столице, где поводов хлопотать было меньше всего – рабочая сила собралась в излишке, а во внешних городах, и тем более окраинах, которые веками захватывала пустыня и обращала самой собой – жёлтой пылью, нэогары не намеревались появляться.

Места, близкие к перешейку, были ужасно душны, и жили там лишь по принуждению. Лачужки, отстроенные изгоями, простояли долго, но вскоре от них останется только песок, припавший к пустыне. Но, пока этого не свершилось, и сте-

ны с крышами стояли – халупы могли сослужить последнюю службу.

Ни нэогарам, возведшим их, зато человеку, готовому отомстить.

В на вид самом целом домишке, из всех что последний имперский автономный человек видел – он приканчивал свой скромный ужин, по задумке последний в его жизни. Когда от жёсткого мяса, чёрствого хлеба и выжатой на пищу томатной пасты не осталось ничего – усидчивый мужичок загасил костёр, горевший прямо на ветхом каменном полу. Самозванный мститель поднялся, накинул потёртый чёрный плащ, погрузив в рукава руки с воздушной лёгкостью. Нацепил на спину заточенный меч, нагой, как шрам перечёркивавший нос, укрыл под мрачной накидкой пару автوماتов, и, размеренно постукивая прочной подошвой кожаных сапог – вышел на землянистую улицу. Его суровый, нелюдимый взор тотчас устремился сквозь любые помехи – точно в замок юного тирана. Именно к нему, мстительная персона начала путь.

Чем ближе его тропа подходила к жилому кварталу – опустевшему с наступлением вечера, тем гуще тьма накрывала дорогу; оставаясь незамеченным, он под прикрытием самой природы, высидев в разведке – продолжил шагать, озираясь как вор в богатом доме. Изредка встречая чудом уцелевшие уличные фонари, мститель менял маршрут, выбирая тёмные закоулки. В этом ему помогала сама луна, усердно

прячась за мрачными тучами, и звёзды – света которых едва хватало, чтоб увидеть их самих.

Но было на свете то, что даже во тьме виднелось, а слепец и без глаз прорисует в голове этот облик, облик величественного Гегара, чьи сотрясавшие пустынные пески шаги без передышки таранили перешеек, пока наконец не обрушились на Евразию. Но и тут маршрут не оборвался; клокоча словно гром, спустившийся наземь, Гегар подступил к ближайшему восстановленному укрытию выживших, и лишь тогда тяжело остановился. Из всех его подвижных креплений, обжигавший как пустынный зной пар вырвался словно из турбин ракет, и колоссальный спаситель замер, а подле ног его раскинулось убежище. Из ступней таких больших, что не каждый корабль шире и длинней – донесли звуки открытия износившихся люков, а после, губительный для тревоги раскат вдоха свободы. Суматохи, давки, мелкой ругани и нервозности в процессе извержения спасённых из Гегара было не избежать, но серьёзным происшествиям не позволили даже зародиться. Уставшие, сонные, измученные дорогой ещё сильней, чем побегом люди – едва стоя на ногах, проследовали за спасителями, что проводили всех бывших рабов к подготовленным укрытиям. Всего удалось отыскать и облагородить пять бункеров королевства Сталии; её гранитные подземелья могли бы пережить и нечто большее, чем взрыв разоривший целое полушарие. И пусть они пребывали в отдалении друг от друга, колонны людей, что даже на

твёрдой земле чувствовали подскоки шагов Гегара – брели туда, где могли без тряски отоспаться. Дряблое шмотьё взамен матрасов, а плотные вещи вместо одеял – и никакой еды не требовалось, чтобы людской народ в одночасье вымер. Исключением как всегда стал Джаин; ни о каком сне он и слушать не возжелал. Вождь, и самые приближённые к нему, – собрались в древнем полуразрушенном зале, чей гранит по сей день образовывал помещение.

– Надеюсь, вы достойно содержали создателей нашего будущего? – трепетно осведомился великий бунтарь, словно стеснённый истинным именем своего вопроса.

– Да, они в полнейшем здравии и ни в чём не нуждаются – с самого момента прибытия к нам, – с некой гордостью, ответил один из первозданно выживших, вечно молодой и незнавший смерти.

– Это замечательно, – расслабленно закрыл Джаин глаза. – Без них, мы попросту вымерем... а с ними, наше будущее разделят потомки. – Лучезарную радость повстанца не скрывала даже тень усталости.

– Впереди работы больше, чем неимоверно много; как на землях Евразии, так и в людских головах... и это, кстати, при условии, что Империя к нам не сунется, – невзначай напомнил Герд, ловко лавируя стеклянным стаканом, в котором ниже краёв плескалось что-то чайного цвета, но крепкого вкуса.

– Да, тут нельзя не согласиться... – поникнув, покивал

революционер, опередив грядущие причитания приятеля. – Именно поэтому мы уже завтра разбудим наших собратьев. Работать необходимо как можно больше, отдых сейчас непростительная роскошь.

– Мы вытащили вас с одной каторги, чтобы затащить на другую? Джаин, вздохни хоть раз, дай люду отдохнуть. Дай той свободы, о которой столько говоришь, – в своём тоне отрезал Герд. Вождь благодушно улыбнулся, глядя карими глазами в душевное зеркало Герда.

– Трудиться слыша угрозы, или похвалы; работать на благо кого-то, или себя; выбирать занятие думая своей головой, или следовать указу – самый бесполезный выбор. Наше поколение должно зачать будущий мир, выстроить фундамент для грядущего человечества. Отдыхать – недозволительно, если мы хотим свободы. А мы ведь её хотим? – кивнули все, попавшие под взгляд вождя. И даже Герд, устало ухмыльнувшись, долго царапая затылок короткими ногтями, одобрительно покивал.

С согласия, мини-собрание окончилось, и участники его разошлись. Пути их разминулись также, как мнения Герда и Джаина, за глаза прозванных заклятыми друзьями.

Каждому отвели под наблюдение свою базу из бывшего бункера, и каждый примкнул к ней. А затем за каждым пришёл сон, который не удалось прогнать даже рассветом, что пришёл за ночью. Но выбираться из дремоты людям либо было необязательно, либо не приходилось, ведь многие оста-

лись на страже, и следили за песчаным горизонтом, а один единственный, спасённый от спасения – рассвету не обрадовался вовсе.

Добровольно взваливший на себя ношу мстителя человек солгал бы, обозвав пробуждение солнца неказистым, но с ним на улицы хлынули чипы и платы, одетые в доспехи, и пришлось мужичку подыскивать укрытие. Лезть в подвал уцелевшего дома ни в чью голову не взбредёт – рассудил он, и укрылся среди перепачканных пылью и мазутом проводов питания многоэтажного дома. Мститель как мог придерживался графика, и корил себя за то, что не мог невозможного.

Император же, хоть и лёг спать довольно рано – проснулся к девятому утреннему часу, наплевав на свой график. Сонный и заспанный, он лениво вылез из-под одеяла, сменил пижаму на имперский костюм и, зевая во все зубы – направился в тронный зал. Туда, по его приказу, принесли завтрак, включавший давно остывший крепкий чай, некогда мягкие вафли и пиалы с мёдом, шестью джемами и сгущённым молоком. Вэнтэр к ним даже не притронулся; его заинтересовал только чай, и очередные стопки документов.

– Вы проснулись? Разрешите доложить? – настойчиво заявился Кан, даже не стукнув в дверь.

– Доложи. Может хоть твои новости меня взбодрят... – лениво, не убрав чашку ото рта, ответил мальчуган, и только сейчас решил зачерпнуть краем запечённого теста густое варенье из малины.

– По вашему указу армия вновь сформирована, а новые условия публично объявлены. Большинство нэогаров без проблем вернулось в войска, и ждут дальнейших указов; но совсем не мало и тех, кто наотрез отказался служить во благо Империи, – доложил генерал, глядя выше трона и держа десницы за спиной. Он собрался что-то добавить, но Вэнтэр его опередил:

– Всех, кто со мной не согласен, согласиться заставь, – укрыв недовольство безразличием, выкинул он. – Для этого, как нельзя кстати, подойдёт арена «Бойсдракс»; всё необходимое, я подготовил. Любого, кто способен принести пользу, но отказывается это делать – ссылай на восточный полуостров. Вначале они возведут мне арену, а затем сразятся на ней. Или мигом помрут; воля выбора священна, – Вэнтэр отлично понимал, что никакого выбора не давал, и от этого ему стало чуточку лучше.

– Да, император, – склонив голову, Кан покинул зал. Его реакция казалась неоднозначной, да и поведение в целом удивляло... но властитель не долженствовал забивать подобной ерундой голову.

– Даже Кан не взбодрил... – взгрустнул мальчишка, поглощая терпкий чай.

Кан направился к своему кабинету, в котором появлялся довольно редко. Хоть Вэнтэр и предлагал ему монументальный зал – достойный звания генерала имперской рати и первого советника владыки континента, нэогар всегда отка-

зывался, не считая это необходимостью. Открыв серенькую дверь, подобную многим другим на первом этаже дворца – Кан встретил взгляд Чана, сидевшего на одном из гостевых стульев. В чёрно-белом лице генерал увидел собственное изумлённое отражение, и привёл себя в порядок, нахмурившись, как обычно.

Технолог сжимал в руках несколько свёрнутых бумаг, а его лицо будто чего-то усердно ждало. Кан, не дождавшись объяснений, спросил сам:

– Ты тут чего, меня ждёшь? У тебя закончились посылы-ные? – на пути к своему месту.

– Нет, моё дело нельзя никому доверить... – провожая Кана взглядом, ответил учёный.

– Тогда говори, что хотел, и возвращайся к предательствам, – усевшись на стул, выкинул генерал.

– По личному приказу императора, я должен сконструировать и ввести в обращение новый тип боевых нэогаров, – озвучил Чан с тусклой улыбкой, намереваясь растерять генерала, и успешно это сделав. Хотя скорее, Кан занервничал. – Они должны заменить наших охранников и наступательную силу, обладая примитивным разумом и чёткими инструкциями на любой возможный случай, – с расстановкой закончил технолог, постукивая пальцем о свёрнутые чертежи.

– Ясно. И тебе нужна моя помощь? – взбодрившись, подчеркнул Кан.

– Да. По крайней мере, император разрешил её у тебя про-

силь.

– Если это во благо Империи, я не могу отказать, – снисходительно согласился генерал.

Чан встал с места, скинул на сидение все свёртки, кроме одного, и разложив чертёж на генеральском столе – пояснил.

– Это первый инновационный вид – кентавр. – Кану предстал подробный, заполненный измерениями и пометками рисунок нэогарского туловища с четырьмя лошадиными ногами, что крепились на конский корпус. Выше пояса, это существо ничем не выделялось; оно походило на любого штатного нэогара. Голову его венчал остроугольный шлем, из которого торчали гибкие стальные прутья, словно опавшие перья – небольшое отличие от стандарта. Нижняя часть тела – главная опора и особенность, смотрелась совсем ненатурально; она кричала о своей роботизации. Разве что хвост выглядел реалистично, хотя состоял из острых длинных заточек. – Такое радикальное решение как конский стан – предаст воину дополнительную скорость и силу бега, – пояснил технолог свой замысел. – Вместо обрыдлого оружия, для них спроектированы специфические жезлы, способные стрелять сгустками сжатой энергии, которую не требуется перезаряжать...

– Интересная идея, – замедленно выдавил Кан, не дослушав похвалы Чана до конца. – Таких тварей будет сложно убить в реальном бою. Но разве с конским корпусом, они не будут неуклюжи?

– Честно говоря, это их единственный минус, – сворачивая схему, Чан заменил её другой. – Кроме того, что их легко бить сзади... Но, настолько серьёзная прибавка к скорости, того стоит, – развернув следующий чертёж, добавил разработчик. – Далее – самурай, – показав на схему невысокого, пригнувшего колени, довольно щуплого робота, что в тонких длинноватых руках держал протяжённые односторонние клинки. Его корпус был тонок и хлипкок, на короткой шее держалась небольшая голова, которую завершал длинобортный плоский убор. – Особенность таких воинов, как и первооткрывателей военного дела – мастерское владение мечами. К тому же, они в два раза легче любого нэогара, так что скорость и точность движений, у них на высоте, – не сводя глаз с чертежа, прогундосил профессор.

– А тебе не кажется, что таких примитивных вояк слишком просто убить? Меч, никогда не был грозным оружием... – так и не подняв голову с кулака, безразлично прокомментировал Кан.

– Да, именно поэтому самураев должно быть бесчисленное множество. Их сила заключается в количестве, ибо их создание почти ничего не стоит. Не хочу сказать, что спроектировал пушечное мясо, но они подходят как раз для таких целей, – оскорбился технолог, сворачивая листок в трубку. – Что скажешь? Упрекни меня, с высоты своего опыта, – предвкушая недовольство и критику, учёный прижал два свёртка к груди.

– У тебя всего две схемы? – Кан искренне этому удивился; его зелёные глаза стали чуть больше. – Я уж готовился до вечера тебя выслушивать. Что же тут скажешь... мне понравилось, – сплетя меж собой пальцы, выдал Кан. Настал черёд и Чану изумиться.

– Выходит, ты одобряешь мои разработки? – коралловые точки технолога блеснули.

– Да, твои пешки достойная замена бежавшим рабам, – не сумел Кан полностью воздержаться от упрёков. Он расслабился на скрипнувшем кресле, а Чан одарил его колким взглядом.

– Не смею больше отвлекать, – едва их отношения стали чуть теплее, как снова вздыбилась стена.

– Постой, – окликнул его Кан, отстранившись от спинки и оперевшись локтями о стол. Генерал вновь занервничал, а Чан в своём белом халате безмолвно ждал. – Ты ведь говорил с императором... на тему побега рабов, – взглянув эрудиту в глаза, выдавил нэогар. – Тебе не показалось, что он напуган? Гегаром, или ещё чем...

Всем видом Кан дал понять – для него это был серьёзный вопрос, и он желал дельного ответа.

– Напуган? – усмехнувшись, переспросил профессор. – Я бы назвал это разочарованием, или может, стыдом, за нашу беспомощность, – вяло поразмыслил технолог, – но точно не испугом.

– Вот как... – глядя на стол, отстранённо проямлил Кан.

– Как-то так, – Чан наконец ушёл.

Правой руке сильнейшего короля полегчало, и совсем не от одиночества, в котором он вновь очутился. С собою умирник в халате унёс долю его переживаний; вот бы он ещё и насущные проблемы прихватил... но этого Чан, увы, не сделал.

Некогда Империя и Евразия были лишь полушариями одного материка. Теперь, они стали самостоятельными мирами, меж которыми держались две связи – перешеек, и время, но даже оно в разных глазах двигалось с разницей.

Когда наручные часы выставленных в дежурство людей достигли высочайшей точки, с разных концов занятых укрытий прогулялась волна криков, призывавших встать. Людское племя, лениво приходя к бодрствованию, смочило высушенные глотки, сдобрило урчащие животы, и только после этого откликнулось на Джаин зов.

Под открытым, ясным и просторным небом, собрались все до единого беженцы, чей взгляд и внимание всецело отдались главному бунтарю. Перед раскинувшимся на огромное пространство, как в даль, так и вширь людским народом, на собранной сцене – стоял Джаин, и все его доверенные выжившие. Не смотря на приятную погоду, чистое небо, слабый аромат свежести, и радость от долгожданной свободы – обстановка на собрании была неприятной; она будто давила, рушила спокойствие. Хоть людей было предостаточно, сильный гул не стоял; по толпе бегал шёпот, но не более того. Когда из расставленных в стороны от сцены динамиков,

тех самых, что использовал Гегар – зазвучал голос вождя, утих даже шёпот.

– Мы, наконец, собрались все вместе, на свободе, в целостности, в просторной далёкой Евразии... – с бодрой улыбкой начал он. – Это означает только то, что мы одержали долгожданную победу. Империи не удалось помешать нашим стремлениям! – воодушевлённо и гордо, сакцентировал Джаин внимание. – Но всё же, одну проблему Империя нам оставила... – опустив глаза, огорчился повстанец. – Теперь, мы смертны. Как сказал Чан – смертный человек проживёт около восьмидесяти лет. Нельзя сказать, что это мало, или много, но это опасно, ведь со временем – мы все исчезнем... – глядя в толпу, довольно тихо предупредил бунтарь.

В массах проснулся ропот, порой тихий, а порой кричащий: «Действительно!» «Это так!» «Что же теперь делать?» «Как нам быть?».

Джаин жестом рук смерил народ, и колонки вновь понесли его глас:

– Изучая историю империи, я узнал довольно много ценных фактов. Мы все знаем, что новые нэогары появляются регулярно. Это происходит благодаря производству новых «сыновей» для желающих «отцов». Точно так же, как нас выращивали в колбах – нэогаров собирают на заказ. Каждый нэогар – это личность, но созданная другой личностью, – заинтересовал и запутал своих собратьев Джаин, такими всем понятными фактами. – Но мало кто знает о суще-

ствовании королевы Магны, ведь Империя мечтает об этом забыть. Она была проектом одной из четырёх великих стран, по облегчению продолжения нэогарского рода. Она должна была без посторонних вмешательств производить на свет новых нэогаров. Этот эксперимент не удался, – качнув головой, ненадолго затих бунтарь. – Магна – не сумела производить себе подобных. Для нэогаров – это оказалось недоступным даром. Но не для людей. Мы, в силу своих биологических особенностей – можем создать продолжателей нашего рода! – заявил Джаин, громко и чётко. Великий бунтарь огласил добрую весть, но остался серьёзным, и люд вместе с ним.

– Если у нэогаров не получилось, разве у нас есть шанс? – воскликнул один из зрителей, чьи брови почти накрыли недоверчивые глаза.

– Не стоит забывать, что мы обставили Империю уже дважды! – косо улыбнулся Герд, известный народу прямым участием в сотворении Гегара. Когда на первый план вышел его голос, внимание тут же сместилось к бессмертному. – И третий раз, тоже у нас в кармане, – протягивая руку в сторону входа в убежище, которым пользовались ещё первые выжившие, изрёк он. Оттуда, из тени перекошенного дверного проёма, спешно шагая, вышла милого вида девушка. Лишь сам факт её появления, уже поверг людской народ в удивление.

Тонкие женские ноги, обутое в кожаные туфельки, аккуратно шагали к Джаину. Поверх телесных колготок была на-

дета зелёная юбка, немного ниже колен. За её пояс заправлялась приталенная белая сорочка, с тонкими зелёными полосами и небольшим, светлым воротником. Густые коричневые волосы, аккуратно обрамлявшие лицо и спадавшие на плечи – замечательно сочетались с большими карими глазами, в которых так и отражалось смущение. Даже сквозь лёгкий умелый макияж – видны были слегка розовые щёки.

Эта молодая, поистине привлекательная девушка – произвела фурор, правда только внутри бывших рабов. Несмотря на бурю эмоций и смешанные внутренние чувства – народ остался спокойным, продолжая удивлённо наблюдать. Подойдя к Джаину, творец людского будущего совсем засмушалась и опустила глаза, посильней прижавшись к предводителю. Рядом с ним ей было спокойней, подле него обитало чувство уверенности. Обняв девушку – вождь во весь голос возвестил:

– Эту прелестную барышню зовут Марина – в дань королеве Магне. И она – мать троих детей!

6 эпизод. Месть

Не встречал ещё император Вэнтэр таких проблем, которые не смог бы разрешить; и не важно, сколько на это уйдёт времени. Почти век ради хрустального трона, на котором он восседал, два века ради бессмертия, пол десятилетия ради утопии, или тройка дней ради налаженного контроля над материком – всё едино для мальчика- Тирана, с самыми синими глазами и чёрной душой.

В свете белой дуги на мрачном небе, а также желтоватых звёзд, что с высоких столбов лили свет на нэогарские кварталы – можно было увидеть всеобъемлющие восстановительные работы. По крайней мере, они усердно велись днём; ближе к ночи, нэогары взялись за отдых. Практически все завалы разобрали, а на каждом разрушенном здании виднелись первые этапы работ по реставрации. С наступлением ночи, холодные души практически исчезли с улиц; если кто и остался, так это патруль.

Совокупность плюсов для нэогаров усложнила задачу мстителю, оставшемуся в Империи. Но, не смотря на это, ещё до наступления одиннадцатого часа ночи – последний человек среди холодной расы, показался напротив ворот внешней дворцовой стены. Новые ворота установили первым делом, а любой кирпич, в пригодности которого закрались сомнения, заменили на новый. Как и полагалось в такое время, крепостную стену укрыли мрачные тени. Тем не менее, осторожному в каждом движении мстителю, удалось разглядеть самураев – недавно созданных Чаном пешек. Мужичку, впервые их увидевшему, было плохо понятно, что это за твари, и на что они были способны. Также он не вразумлял сколько их было вокруг стены, зато точно понимал – двоя стояли прямо у ворот, и ещё двоя на самых поворотах за видимые края. С их позиций, область у дверей, вероятно, была недоступна, да и смотрели они точно перед собой, даже не шевеля маленькими головами.

Мощеная тропка, ведшая от самых дверей главного в Империи замка, пролегла через мостик, что в свою очередь переправлял пеших через ручеёк, быстрый и кристально чистый. Вымокший в его мелких водах человек выбрал выгодную позицию для наблюдения из-под креплений моста, и пока вода прозрачными локонами стекала с него – обдумывал свой план.

Безупречно тихо он извлёк из-под мрачной накидки собственноручно заточенную полосу железа. С разгона максимально быстрого, какой возможен был подуставшему мокрому человеку – мужичок вонзил «клинок» в глаз первому самураю, около правой двери. Развернув меч остриём к левому охраннику, он разрубил часть головы первого, и отсёк всё, что превышало глаза – второму. Оба самурая, не издав ни звука, грохнулись на землю – словно неисправная кучка металла. Мститель проделал убийства настолько тихо, настолько умело и талантливо, что сам не поверил своему мастерству. С нэогарами, что дежурили у врат раньше, было бы труднее... а эти пустышки лишь предприняли первые попытки обороны, когда его заточка отделилась от правой головы.

Скрежет стали и металлический звон обмякших доспехов мог бы навлечь беду, но нет, другие пары самураев смотрели в свои стороны. Пустоголовые пешки – проигнорировали нападение.

Вскоре через венец каменной ограды перелетела верёвка с

толстым крюком и, держась за соломенного цвета трос – последний человек Империи предпринял беззвучный подъём, где стыки меж крупными кирпичами служили чем-то схожим со ступенями. Уцепившись пальцами за самый верх, мститель осторожно выглянул из-за последних камней свежей кладки. Его внимание наткнулось на вход в сам дворец. Достигнув глазами грань видимости дверей замка – его очи округлили кентавры, монументально стоявшие по бокам от дверей. Некогда бронзовые половины калитки, если и осталось теми же, то потемнели и сменили орнамент; после рабского побега, главные амбразуры обратились руинами... Картина перемен явно удивила бессмертного Империи, но округлые глаза быстро сменились на решительные, после чего висевший человек – приготовил небольшой пистолет. К его короткому дулу крепился глушитель – по всей видимости, самодельный. Парой точных выстрелов – мужичку удалось прострелить глаза обоим кентаврам, сохранив былую тишину. Конские стержни под ними искосились, и табунщики упали, с разбитым и тусклым глазом у каждого. Перецепив крюк с верёвкой – билет сквозь внешние стены, мститель с комариным свистом спустился внутрь дворика владыки континента.

Красоты ради, на последнем этаже дворца слабо горели симметричные бра, а во имя безопасности, в это самое время – генерал имперской армии и двое его подчинённых, шагали по широкому коридору. Обычно не было нужды за-

ниматься чем-то подобным, но обычно – прижавшись к стенам коридора не стояли кентавры, чередуясь с самураями через одного. Они были неподвижны и бесшумны; на нэогаров, проходивших мимо – реакцию не изъевляли. Но это не означало, что они расслабились; у самураев в готовности держались клинки, у кентавров – жезлы.

– Генерал, разве не опасно зачислять не прошедших испытания воинов в личную охрану императора? – спросил идущий шедший Кана подопечный, уж очень рвавшийся к ореолу.

– Император технологу доверяет, в отличие от меня. Властитель счёл правильным тестировать пешек временем, с чем я не согласен. Мы допустим это, но всегда будем на чеку, – Кан был учтив как сын с отцом подле Вэнтэра, но вблизи собственных подчинённых, умел держаться как истинный атаман. Он не оборачивался, когда говорил с кем-то ниже себя, и никогда ничего не спрашивал. Его рвение уберечь повелителя заслуживало похвал, но генералу было невдомёк, что тёплый мститель уже успел пробраться внутрь замка через окно, иначе он бы не покинул последний этаж, оставив сильнейшего нэогара, ставшего мальчиком, на попечение непроверенным пешкам.

На первом, просторном этаже готического дворца – нелюдимый мужичок не встретил ни единой души. Среди множества арок, украшений, ювелирных ценностей и наследственных нэогарских достоинств – в тишине блуждала только

пустота. Тихо прокравшись к широкой винтовой лестнице, мститель прижался к стенке и, обхаживая ступеньки – крепко сжал оба своих автомата. На следующем этаже, украшенном не менее роскошно, мстителя засёк первый нэогар. Едва ли он приготовил табельное оружие к огню, мужичок устранил броненосца пульей в самый глаз. Звук от выстрела раздался чётко, в такой-то тишине; даже помощи глушителя было достаточно. Но выбора действий у диверсанта не было, поздно стало сетовать на случившееся. Оставалось только бежать, и бежать так, как ноги его не торопились ещё никогда.

Каждый грядущий этаж, как оказалось – охранялся всего одним нэогаром, которого мститель при первой же возможности пристреливал. На бегу, его меткость стала такой же шаткой, как пламя свечи на ветру, и далеко ни с первого раза удавалось отнимать у противника жизнь.

Звуки выстрелов разносились по замку, как грозовой гром после ослепительной молнии; из-за шума, охранники верхних этажей спускались на нижние, где их ждала пуля, выпущенная с мольбой угодить в глаз. Весомая проблема возникла тогда, когда закончились патроны, и мстителю пришлось перезарядить оружия. Тогда-то он и получил первые раны: сильный удар в грудь и задетое пульей ухо. Отбив нападение врага клинком, выдернутым из-за спины взмахом таким резким, что развод отобразил серп – бессмертный заимел преимущество. Но польза оказалась скоротечной; после

пары успешных парирований стала сломалась о сталь, высокой ценой отбросив недобитого противника.

Мститель бегом помчался по ступенькам и, убивая охранников на лету – наконец поднялся на последний этаж. Оказавшись там, среди роскошных стен просторного коридора, мужичок с укрытого плащом и тенью пояса сорвал гранату, отделив смертоносное ядро от чеки. Взрывчатка тотчас отправилась на лестничный пролёт, и едва скрылась в тенях и гуле рвавшихся кверху солдат, как жестокий и беспощадный рокот взрыва пожрал путь на верхний этаж.

В красном зареве кончины лестничной клетки, тени лучшего яруса увяли, и облегчённый своей победой мятежник развернулся к цели – коридору лично императорского этажа. Беззаботность и лёгкость в миг сползли с его лица. На арене показались пешки прославленного Чана, в невиданной прежде концентрации.

Не потребовалось и трёх секунд, чтобы недалёкие вояки приняли человека за врага. Ближайший к цели кентавр, а за ним и самурай – пустились в бой.

Мститель взревел, криком пробуждая остатки смелости и сил. Выбор действий сгорел вместе с лестницей, так что бессмертный пустился на таран. Ещё с расстояния ему удалось множеством неточных выстрелов убить первых напавших тварей, и даже навсегда уложить самурая второй волны. Но на этом успехе – автоматы опустели. Удобным оружием обладали кентавры – у их жезлов не могли иссякнуть заря-

ды. Как раз таким, алым стукотом энергии, ударил ближайший кентавр, целясь точно в нарушителя. Тут себя и проявила неуклюжесть полуконя в узком коридоре: мститель извернулся, и залп лишь испортил пол.

Выкинув бесполезные автоматы вперёд – каратель обнажил поломанный клинок и с ним – пустился в бой.

Пока нескладные кентавры со всех сторон пытались ударить его передними лапами или напрыгнуть сзади, человек пронёсся между ними и ловко уворачивался, хотя изворотливые самураи изрядно ему мешали. Только из-за них, он получил множество серьёзных, глубоких ран; пару раз его ударили об стену и пронзили насквозь клинком – к счастью, не в смертельной точке. Но даже в этом танце с болью и соревновании со смертью, мститель – не собирался уступать. Таким тяжким путём он добрался до своих автоматов, крепко их схватил и, запрыгнув под ближайшего кентавра, прикрылся от удара самурая. Этого времени ему как раз хватило, чтобы наспех перезарядить оружия и меткой пулей – прострелить головы ближайшим меченосцам. Выбравшись из-под бушевавшего зверя, мститель спиной вперёд рванул к дальним дверям. Вражина помчались к нему с обеих сторон, отрезая пути отступления и перекрывая тьмой своих лат сам кислород. Но чудеса судьбы, как показала практика, любили людей; после череды удачных залпов, человек присел на корточки и позволил тем врагам, что были позади – столкнуться собой всех тех, что спереди. Моментально подскочив в пол-

ный рост – смельчак, в окружении яростной стали развернулся туда, где виднелась последняя дверь этажа: его цель, его мишень, и его смерть. Ведь там, по мнению императора – теплилось лучшее место для спальни.

Подбежав к заветной двери на близость прицела, мститель прострелил дверную ручку. Его лицо впервые оттенило верой в собственный успех, как тут же исказилось гримасой страдания; в спину человека ударил выстрел кентавра. Алый сгусток энергии поразил самый центр поясницы, и сдавленно застонав – человек рухнул. Он растянулся прямо перед дверью в покои Вэнтэра; его голова пала как раз по центру входа. Сжав левую руку в кулак, стиснув зубы и наплевав на страшную боль – мужичок замахнулся. Он почти выбил плотную дверь, когда его кулак с громким хрустом прижала к полу неогарская нога. Неудачно попытавшись крикнуть, скованный болью мститель, с трудом поднял очи. Если вначале они горели ненасытным гневом – стоило увидеть возвышавшуюся фигуру Кана, как глаза блеснули безмятежной кротостью. Это стало ответом на холодный взгляд недовольного генерала.

– Чёрт! Как? Как ты здесь оказался? – едва слышно, хрипло спросил мститель.

– Ты наделал столько шума. Неужели считал, что я не вмешаюсь? – непреклонно ответил Кан, покачав головой. Зелень его глаз никогда не была такой томной.

– Он... он замучил, убил, заморил голодом, лишил кро-

ва и друзей стольких людей... Как, как такой как ты, может служить ему? Служить такому демону? – выплюнув густую кровь, проговорил мститель, всеми силами стараясь встать.

– А кому, по-твоему, следует служить? Верить в добро, справедливость, и закончить, как ты? – не отрываясь от мстительных глаз, спросил генерал. – Уж лучше служить демону, но быть уверенным в завтрашнем дне. Не считаешь?

Под звуки генеральского голоса, мстителю удалось направить руку с автоматом в сторону двери, и лишь немного приподняв дуло, он спустил курок. Кан сего не ожидал, и явно изумился, когда дверь с тихим скрипом приоткрылась. Затаив дыхание оба соперника заглянули внутрь, и почти сразу увидели императора. Он, подпирая рукой подбородок, смотрел в приоткрытое окно. Помимо пижамы, на его плечах колыхался шёлковый халат – насыщенного фиолетового цвета с богатыми золотыми плетениями. На лёгком прохладном ветру, вместе с тёмными непослушными волосами, слегка развивались рукава халата – свисавшие на подоконник. В тусклом белом свете далёкой луны, его безразличное лицо, хотя оживлённый взгляд – казались ещё более холодными.

– Красиво сказано, Кан, – проронил император, так и не оторвавшись от окна.

– Вы не спите? – удивлённо спросил генерал, позабыв обо всех манерах.

– Такой шум и мертвеца разбудит, – наконец повернувшись, сонно ответил Вэнтэр. Он просунул руки в рукава ха-

лата и, завязав пояс – медленно зашагал к мстителю.

Внимая звуки поступи, измученный Менос, по-прежнему сжимая зубы – снова и снова сжимал курок. В ответ, доносились лишь пустые постукивания внутри ружья. Под их мелодию, монотонную и пронзительную, чёрные мстительные глаза медленно закрылись. Пальцы его расслабились, отпустив курок.

– Ты знал его? – спросил император, приблизившись к человеку. В его взгляде – читалось отвращение.

– Да. Он был одним из зачисленных в армию людей, – убрал ногу с кулака мстителя, ответил генерал.

– А-а-а, вот откуда столько боевых навыков, – смотря сверху вниз с прямой шеи, владыка потыкал ногой тело. – Раз уж он сам помер, уберите его отсюда, – повернув голову к самураям, распорядился Вэнтэр.

– Менос был смелым и сильным человеком. Позвольте похоронить его, как погибшего воина? – без переживаний, хотя с некой тоской, попросил нэогар.

– Ты кое в чём прав; не смотря на глупость, он достоин уважения. Этим меня и поражают люди, – отходя от Кана, начал император. – В них столько сил, хотя они так слабы. Наверно именно поэтому, они сумели дважды обставить нас, – медленно уходя от спальни, устало закончил Вэнтэр.

По указу его, ему и генералу для спуска подставили лестницы, и пусть такая стезя была опасна и малоприятна, властитель отказался от помощи. Кан сопровождал его, избегая

демонстрации своей опеки, а позади держались самураи, переносившие погибшего нарушителя.

– Я всё реже и реже понимаю, о чём он говорит, и что думает, – прожигая лесной зеленью невозмутимый затылок покорителя, безмолвно проронил Кан. – Неужели, это и есть разница, между людьми и нэогарами?

Словно бы ощущая очередную смерть обездоленного собрата, будто бы прожив это вместе с ним, Джаин, проснувшись в небольшой уцелевшей комнате одного из подбитых жилых домов, встал со старой расцарапанной кровати. С великим революционером её делила та самая девушка – показанная на собрании. Она была отвёрнута в другую сторону и не заметила, как проснулся бунтарь; Джаин, понимая это, прикрыл её раскрытые голени одеялом, после чего подошёл к окну. Посмотрев через стресканное стекло на часть людских поселений и тусклые звёзды, во главе которых плыла яркая луна – великий бунтарь понурено вздохнул. Он погрузился в безрадостные мысли, когда на его плечи легли нежные и тёплые руки Марины. Вздрогнув, Джаин лишь растерянно проговорил:

– Ой, прости, я разбудил тебя?

– Не переживай... хоть мы долго не виделись – я не разучилась примечать, когда тебе тяжело, – стараясь спрятать смущённые глаза, не отпускала она предводителя.

– Всё-таки, ты удивительна. Именно ты стала первой выращенной мной и Чаном женщиной, из-за чего первые пол-

года жизни провела вдали от всего мира. Единственным, с кем ты контактировала – повезло стать мне. Вот ты и привязалась к великому бунтарю, – засмеявшись, развернулся Джаин к Марине.

– Может ты и прав... но ещё с того дня, когда ты дал мне имя и рассказал о моём предназначении – я уже чувствовала что-то необычное, – прижавшись к Джаину посильней, рассказала девушка. – Может, поделишься со мной, своими переживаниями? Тебе полегчает, – наконец подняв голову, нежно взглянула Марина бунтарю в глаза. Джаин с улыбкой выдохнул; это должно было стать смехом, но стыдливость подавила его. Повстанец, не размыкая уст, изгибал их, уводя за собой девушку. Присев на жёсткий матрас, выслушав скрипы старых ножек кровати, великий бунтарь погрузился в воспоминания тех далёких дней, когда соиздание Гега-ра только пережило зарю. Его карие, такие же как у Марины глаза, словно бы увидели то время, и он приступил:

– Дни, когда нас только возвратили в Империю – самые худшие на моей памяти, ведь мы за какой-то жалкий месяц лишились всего, от бессмертия, ради которого были созданы, до свободы, к которой едва прикоснулись. Но как минимум я – не лишился надежды, и заразил ею Чана, главного технолога нэогаров, который не меньше моего негодовал над смертностью, и боялся нашего исчезновения. Полгода мы с ним перекладывали основные занятия лаборатории на штат, а сами корпели на схемами строения королевы Маг-

ны. Я считал себя таким мудрым, таким всезнающим, – Джаин с улыбкой покачал головой, словно ему стало за это стыдно, – хотя Чану так и приходилось обучать меня чему-то тому, что я доселе не знал. Мы перерыли все генетические открытия умнейшего нэогара, наложили их на древние документы эксперимента с Магной, и к концу первого года, сотворили настоящее чудо, – судя по взгляду блеснувших глаз, это не было только гордость за открытие, но и задумывалось как комплимент Марине. – Мы вырастили тебя.

Никогда первейшему рабу не забыть тот день, с которого начался отсчёт жизни первой женщины. День, когда от неё отпрянула зелёная жижа, стекло пустило на кожу свежий воздух, когда Джаину выпала честь обтереть её, и помочь одеться. Прочие люди переносили это стойко, как монументы, смотрели прямо, молчали и не шевелились, пока их не двигали. Но Марина была другой... она активно помогала себя одевать, в очах её с самого начала пылал огонь, и только она заговорила первой, прежде, чем услышала что-то сама. «Я так рада знакомству» – вот, что она сказала, хотя не знала ни своего имени, ни Джаиного.

– Чан тогда был занят, и не мог присутствовать при этом, но без него всё равно ничего бы не было, – эти слова невольно навлекли на революционера тоску, из-за отсутствия преподавателя, и собственной ничтожности в замке императора. – Без него не обошлось и в продолжении. Именно он организовал для тебя укрытие, недоступное другим нэогарам.

Ты наверняка помнишь, что было дальше... следующие полгода к тебе приближался только я, – эта мысль стала приятной для них обоих; под этими словами явно таилось больше воспоминаний, чем они были готовы озвучить. – И вот подошел тот изумительный день, когда твоё чрево наполнилось жизнью, – по старой привычке ладонь Джаина легла Марине на живот, уже давно ставший плоским. Умилению его лица от памяти того момента, когда оттуда его что-то толкнуло, не было конца, а Марина лишь хмыкнула, своими руками сжав персты бунтаря.

– Жаль, что ты не видел, как она его покинула. И жаль, что это случилось лишь раз...

– Ты уж прости, пришлось приврать про ещё двух детей, – осёкся Джаин, понимая, что этот поступок порочил его, но был необходим. – Твой статус это помогло взрастить, и эффект на люд произвело желаемый. Надеюсь, ты не обижаешься? – трепет в голосе принудил понять, что предводителя это тревожило.

– Если и ты не злишься, что я прервала тебя. Продолжай, – попросила девушка.

Джаин на секунду задумался, но затем отодвинулся и промолвил:

– Чан помог мне даже после успеха, когда знал, что ты беременна. Он выкупил десяток рабов, подкупил всех, кто мог стать угрозой, и незаметно для общественности, тебя выслали в Еврозию, – с этими словами кадры всплыли отягоща-

ющие, но тогда оба человека радовались. Марине надоели прятки, а Джаину больше не приходилось за неё бояться, и пусть тогда они надолго расстались – это было светлым вечером, и дело не в яркости луны или звёзд. – Успех опьянил меня; стыдно признаваться, но я приступил к дальнейшему процессу возвращения женщин даже прежде, чем ты добралась до Евразии. Чану переживать успех было проще; он нэогар, и подобное с ним уже случалось. Если бы не его участие, я бы точно прокололся и был казнён... Я хотел в неделю выводить по десятку новых людей, но Чан заставил довольствоваться тремя, и спасибо ему за это. Тем же путём их переправляли в Евразию, и так же, как ты, они здесь по сей день.

– И у каждой уже по два, а то и три малыша, – в шутку насупилась Марина, – а у меня всего один, зато самый старший, – эта мысль растянула уста Марины в улыбку. – Ты хоть помнишь, сколько Артуру лет? – мать первого дитя планеты смотрела так хитро, что очевидно не сомневалась в знаниях бунтаря.

– Три года и три месяца, – без раздумий ответил Джаин. – надо будет завтра же навестить его, а то так и останусь для сына чужим дядей, – с этими словами сердце Джаина что-то кольнуло, хотя он пошутил, и прежде в душе его страха за это не было. – Я очень дорожу нашей семьёй, но это ведь не похоже на семью? – взгляд карих глаз хотел поддержки, но в зеркале души Марины обнаружил лишь согласие. – Ни-

чего, мы обязательно вернём укрытых детей матерям. Когда всё, наконец, уладится, образумится, когда мы убедимся в невмешательстве Империи и создадим в Евразии достойные условия, семьи воссоединятся, но пока, это слишком опасно. К тому же, нам на возделывании целины нужна любая помощь, важна каждая рука, и вклад свой вносят даже женщины, – Джаин сжал руки матери своего ребёнка, то ли согревая её, то ли греясь самому. – Ради возведения свободы.

– Да, я понимаю, и не могу дождаться того дня, когда Артур вернётся к нам, – блеснув мечтательной улыбкой, согласилась Марина. – Но неужели угроза настолько велика?

– Император не умеет проигрывать, я отлично это осознал. Я никогда не прощу себя, если хотя бы один малыш пострадает... – махнув головой, выдавил Джаин, сильнее стиснув пальцы в бездумном гневе.

– Я хотела бы помогать в том укрытии, где содержат детей, – скованно буркнула Марина, решив, что настал подходящий момент. В глазах её, что пытались спрятаться, был намёк на смущение, ведь она просила лёгкой работы над любимым делом, но вовсе не по лени своей, а из любви.

– Народ знает, что мы с тобой вместе. Знает, что у нас общие дети, но не знает, что ребёнок всего один. Пока, тебе лучше держаться здесь, рядом со мной, и быть примером для других девушек, которым не смогу стать я, – быть вождём гораздо труднее, чем грузчиком. Чужие жизни и судьбы не давят на спину, зато сжимают душу. А её вылечить гораздо

сложней...

Марина не смогла скрыть огорчение, но поправив волосы, и отчистив от них лицо в форме сердечка, она обольстительно улыбнулась, и придвинулась ещё ближе, хотя это казалось невозможным.

– Может, мне стоит догнать других рожениц, ведь такой пример будет наглядным, – ответ на это мог быть лишь один – поцелуй.

В завязавшемся споре за право прилечь поверх своей любви, выиграл Джаин. Он избавил Марину от пут ткани на бархатистой коже, не препятствовал её тёплым рукам в том же деле с собой, и не позволял их устам разомкнуться на дольше, чем пара мгновений...

На глазах этой бледной, одинокой луны, свершилось многое. Убийство, предательство, страсть, любовь, но белёсое око ночей вторгло свой тусклый свет, а значит и взор, в место последнего происшествия ночи. В лабораторию замка Вэнтэра, где свой пост держал последний, самый стойкий из умных нэогар.

Свет снопами таранил окна, и только его лужи сгоняли с Чана тени, только свет экрана, работавшего перед ним – противостоял красноте его маленьких глаз.

– Так и не закончил Джаин расчёты, а с ними было бы куда проще довести это устройство до ума, – прогундосил профессор, не отрываясь от монитора. – Хотя, оно же к лучшему. И он, наконец, свободен, и я снова буду рассчитывать

только на себя. Только так, не придётся испытывать разочарование... – с наигранной бодростью проговорил Чан, пряча тоску и грусть где-то в глубине себя.

Только его голос утоп в тишине, как свойственный открытию двери звук прошёлся по пустому цеху. За ним раздались шаги самураев, один из которых был цел, а другой без руки. Позади зацокали кентавры, один с поломанной ногой, а второй с разломанным жезлом. В «квадрате» солдат стоял император, чьи людские шаги не были слышны на плитах лаборатории. Властитель успокоился, хотя лёгкое недовольство, стало чертой его внешности такой же обыденной, как краска на лице Чана.

– Рад, что ты всё ещё здесь. Я думал, сбежишь, – без особых эмоций, сказал мальчик, и позади него закрылись двери. Точный как стрела взгляд сапфировых глаз вцепился в учёного.

– Вы очень зря продолжаете во мне сомневаться. Я не покину свой дом, – заверил Чан. Окинув взглядом недавние творения, он спросил, искажившись волнением: – У вас, я вижу, что-то случилось?

– Да как сказать... моя новая охрана сдавала тест на пригодность. Свою тройку эти создания заработали... – с непонятным настроением, поведал Вэнтэр.

– И вы, в столь поздний час, решили мне об этом сообщить? – учтиво продолжил опрос учёный.

– Не совсем. В принципе, мне было ясно как белый день,

что в Империи останутся людишки, желающие отомстить. Один из них только что проявил себя, само с собой неудачно. Вообще-то, именно таких глупцов я и планировал использовать как испытание твоих солдат. Теперь мне ясно, что только этих пешек, для моей безопасности не хватит, – отведя руку в сторону, заявил владыка.

Чан, уже более недовольно, хотя слегка растерянно, изрёк:

– Если в моих нэогородах есть конкретные недочёты, я исправлю их.

– Твои нэогорода замечательное пушечное мясо; нет смысла их переделывать. Хотя на металл для самураев, ты поспешил; их покромсал даже простой клинок, – насмешливо сообщил воевода. – И название, кстати, неудачное – самураи вымерли за тысячи лет до нашего создания... – качая головой, затараторил император.

– Если вы не хотите вносить коррективы в производство самураев и кентавров, – позволив себе сесть в кресло, начал профессор, – то чем я могу быть полезен?

– Новой разработкой, – Вэнтэр точно не хотел, чтобы край его губ загнулся, но он сделал это.

Явив мимолётное удивление, Чан в своём кресле напрягся, но заговорить не успел.

– Никто не обеспечит мне большую безопасность, чем я сам. Поэтому, я хочу, чтобы ты создал мне личное защитное устройство.

Вняв поручение, Чан не столько удивился, сколько расте-

рялся.

– Какое, к примеру? У вас есть задумки?

– Пока я переваривал итоги нападения того смельчака, я понял, что человеческий потенциал – никогда не превзойдёт нэогарский. Совершенно любой человек – проиграет совершенно любому нэогару. Моё тело бессмертно, оно не стареет, чем очень мне нравится, – собрав руки на груди, сменил владыка рассеянный взгляд, на уверенный, – но раз уж речь зашла о моей защите, мне нужен ещё один покров; само с собой, нэогарский. Он должен всегда быть при мне, возможно частью меня, но при этом, не лишать меня этого облика, – замолчал мальчишка, указав руками на своё лицо. Хоть ему было что добавить, он решил дожидаться реакции Чана.

– Каждая новая ваша идея, в разы сложнее предыдущей. Наверняка следующим поручением, станет машина времени... – пряча глаза, выдал разработчик.

– Мне воспринимать такую колкость, как отказ? – хмыкнув, переспросил Вэнтэр.

– А у меня есть право отказаться? – смело узнал учёный, косо смотря на владыку.

– Само с собой, заставлять тебя я не в праве. Помилование ты заработал, создав новых нэогаров. Я сдержу своё слово и не трону тебя. Если ты не хочешь за это браться, придётся искать других разработчиков, – начиная разворачиваться, пояснил Вэнтэр.

– Думаете, такие найдутся? – окликнул императора Чан, и сразу добавил:– Ваша просьба поистине трудна.

– Именно поэтому, я обратился сразу к тебе; не зря ведь, ты лучший технолог Империи, – строго глядя на Чана через плечо, ответил Вэнтэр без спешки.

– Я осмелюсь вам кое-что предложить, и, надеюсь, вы не решите меня казнить.

Император, медленно развернувшись к учёному лицом, хрипло произнёс:

– Я тебя слушаю.

– В обмен на совершенный девайс, обеспечивающий вас нэогарским покровом – вы отмените все военные планы и намерения относительно Евразии и людского народа. Вы больше не станете пытаться вернуть их в рабство, и оставите жить своей жизнью! – на повышенных тонах отрезал Чан. Вэнтэра это лишь на секунду удивило, а затем позабыло.

– А в случае, если они сами подадут инициативу к военным конфликтам? Если начнут зажимать наши границы или снова попытаются на меня напасть?

– Я уверен, они не позволят себе такой глупости...– замешкался учёный, не ожидав сего ответа

– Но, если такое всё же случится, я получу право вести ответные ударные операции? – будто получая удовольствие от торга, поинтересовался Вэнтэр.

– Да. Хотя я убеждён – вам не придётся. На таких усло-

виях, я со всем согласен, – когда договариваешься с такими, как Вэнтэр, необходимо быть уважительным. Чан поднялся с кресла, в знак почтения.

– Значит, мы договорились, – спешно шагая к Чану, подвёл Вэнтэр итог, протягивая ему тонкую человеческую руку. Под едва заметной улыбкой на детских устах, их ладони скрепило рукопожатие.

– Уже завтра я займусь замами и первыми планами, – пообещал Чан.

Опустив руку вниз – император, глядя учёному в глаза, лишь добавил:

– Хорошо. Буду ждать более точных сроков, и вестей, – после чего развернулся, собираясь уходить. Когда его охрана закрывала двери – мальчик соизволил, глядя через плечо, промолвить:

– Удачи в разработках, – и двери захлопнулись.

Оставшись в тусклом лунном свете и полной тишине – взбудораженный Чан, медленно шагая к выходу, с тенью недовольства, рассудительно проронил:

– Надо же, а я думал, он казнит меня... Видать тема его безопасности стала слишком острой, раз он впервые согласился кому-то уступить, – скидывая халат, определился профессор.

Вэнтэр, держа сложенные руки у груди – стандартным шагом возвращался на свой этаж, в окружении почти целых охранников. Покоритель шёл ровно и смотрел прямо. Каж-

дое его движение, не говоря о лице – преисполняло высокомерие и самодовольство. Несмотря на это, он, продолжая шагать – засмеялся, и опустил голову вниз. Тихо посмеиваясь, воевода отвернулся в пlyingшие на стенах окна и, широко улыбаясь, молвил:

– Всё же, не зря этот нэогар стал президентом «Объединенных научных ассоциаций империи», – замедленно произнёс он. – Чан не просто лабораторная крыса. Помимо научных познаний, он обладает прекрасным рассудком, да и с логикой у него всё отлично. Знает, что я не решусь от него избавиться и пользуется своей незаменимостью. Это поражает даже сильнее, чем раздражает, – склонив голову на бок, рассудил он. – Мне – ради собственной безопасности, пришлось пожертвовать половиной империи... хотя, я всё равно не планировал снова возвращать рабов. И Евразия мне не нужна. Но, как ни крути, я ощущаю себя проигравшим... – опустив руки вниз, Вэнтэр зачем-то поднял голову вверх, уперев взгляд в потолок. – Да ну, уж Чан создаст что-нибудь действительно шедевральное. А проблемные людишки и континент-свалка – не большая цена...

7 эпизод. Кулак

Отколовшийся от жестокого металлического родителя – ущемлённый людской народ, впрочем, как и его создатели – с головой пустились в разрешение огромной кучи нависших проблем.

Немного больше года потребовалось на расчистку основ-

ного Евразийского мусора. Всё, что только сумели обратить в пригодные к повторному использованию материалы – стало основой первых подобию поселений. Ещё за год, примерно в центре людской цитадели – раскинулись небольшие деревеньки, состоявшие из маленьких домиков, базарчиков, небольших заводов и первых фабрик, призванных возвращать в Евразию дух прогресса. Почти во всех скромных домах жили семьи – дружные первые семьи. Пока молодые девушки держали хозяйство и следили за детьми, чей контраст характеров и нравов не поддавался счёту, их мужья трудились на благо своего народа.

Среди множества профессий осталась и обязанность следить за Гегаром. Он степенно возвышался на самой границе заселенных земель и пустошей, которыми только предстояло овладеть. О нём круглыми сутками заботились выбранные мастера, прошедшие серьёзную подготовку. На его содержание выделили целых двести человек, дабы ни один уголок гиганта не остался без заботы. Понимая важность такого идола свободы, как Гегар – Джаин лично возглавил ответственных за его сохранность, и сам проверял выполнение работ внутри него. Громадину по сей день поддерживали в постоянной боевой готовности, ведь только Гегар мог стать гарантом людской свободы.

Как раз к тому времени, когда солнце скрылось за горизонтом, и на небе загорелась первая пара звёзд – в труднодоступный кабинет Джаина пожаловал гость. Толстоватый

мужичок, на вид лет сорока пяти, приодетый в деловые вещи, с круглыми очками поверх узких глаз – никак не мог отдышаться. Это не удивительно, ведь ему пришлось пройти свыше тысячи ступеней внутри Гегара – чей командный центр стал кабинетом великого бунтаря.

– Извиняюсь за грубость, но вам давно следовало спустить свой рабочий зал на землю, – часто вздыхая промеж сжатых руками коленей, промямлил пришедший.

– Я каждый день, и каждый вечер, добираюсь сюда и отсюда, – откладывая бумаги, учтиво начал революционер, чей облик, по большому счёту, сохранился. – Не считаете хамством, так запускать дарованное вам тело, что затрудняетесь пройти дистанцию, лёгкую для вашего равесника?

– Думаю, стоит сразу снова извиниться, – наконец отдышавшись, продолжил мужичок, – но я не перестану отвлекать вас, пока не добьюсь чёткого и заверенного документально ответа: Когда в Евразии появится государственная армия? – подойдя вплотную к столу предводителя, закончил министр.

– Вот уже больше пяти лет, – опуская сложенные руки под стол, промолвил первый раб, – Империя никак себя не проявляет. По поводу возможных угроз было собранно множество советов, на которых голосованием было решено установить круглосуточное наблюдение за всеми направлениями вокруг поселений и сформировать отряды ответственные за чрезвычайную эвакуацию людей. Также существует

специальная группа, необходимая для моментальной активации Гегара, – разъяснил бывший повстанец, безмятежно сидя на стуле.

– Существует мнение, что маскируя истинные цели под безразличием – Империя копит силы на вторжение в Евразию. Гегар устрашает, я согласен, но многие считают, что мы обязаны сформировать Евразийскую рать, и как можно скорей приступить к её тренировкам! – повысив голос, воскликнул гость.

– До тех, пор пока в нашем распоряжении есть Гегар – мы не нуждаемся в дополнительных защитных органах. Рабочую силу и без того есть куда расходовать, рук нигде не хватает. Этого монстра, – разведя руками, – хватит для обороны! – отрезал Джаин.

– Империя действительно уже более пяти лет не напоминает о себе. Будто мы совершенно не нужны нэогарам. За такое количество времени – можно было накопить военную мощь, превосходящую потенциал Гегара, ведь его вооружение не модернизируется так же быстро, как вооружение Империи, – перейдя на низкие тона, напомнил министр. – Евразия сейчас уязвима, а значит под угрозой – все мы! Я не хочу ничего требовать или надоедать, но прошу, как следует рассмотрите идею формирования армии на нашей территории! – не сходил со всей идеи пришедший человек.

– Я не вправе обмануть надежды нашего народа или действовать самостоятельно. В Евразии пройдёт всеобщее голо-

сование; по его итогам, будет принято окончательное решение, – медленно поднимаясь со стула, объявил король.

– Благодарю, что уделили внимание, – приклонив голову, плавно развернулся мужичок. Когда двери закрылись, отрезав гостю обратный путь – великий бунтарь рухнул на стул. Развернувшись к мониторам, что ещё со времён спасения людей отображали пустынный пейзаж, он убрал руки за голову. В тишине растворился тяжёлый вздох.

– А какое решение приняли бы вы, Чан?

За прошедшие со времён рабского побега годы, Империю с лихвой успели восстановить. Ровные здания – обитель богатых томных украшений, вновь наполнили нэогарский континент, придавая ему угрожающее величие.

Свои охранные посты заняли сгруппированные отряды самураев и кентавров – в чей строй не было внесено изменений. Пользуясь лишь подобием рассудка и обладая чёткими указаниями, они превратились в прекрасный низший слой.

Трудами покорённых народов, как и народа покорителя – по воле императора отстроили арену «Бойсдракс». На восточном полуострове Империи – там, где в океан уходил просторный земляной «балкон», отдалённо напоминавший полукруг – возвышался теперь железный монолитный амфитеатр. Круглая арена радиусом в десять метров, из прочнейших титановых сплавов – окружалась множеством цельных зрительных мест, похожих на длинные скамьи. Все сидения держались на высокой, невероятно толстой

внешней стене, что являлась замкнутой в самой себе границей этой конструкции. Снаружи, арена походила на гигантский широченный цилиндр, края которого вблизи не получалось разглядеть. Изнутри же, это были возвышавшиеся от ринга зрительские места, способные вместить до сотни тысяч нэогаров. За восточной стеной, той самой, на которой держалось роскошное ложе императора – постоянно бурлили океанские воды. Частые волны снова и снова плескались о холодное железо. Шумные столкновения океана и арены мешали только на востоке – там, где беспокойная вода омывала стальную конструкцию. С остальных направлений – стена оставалась сухой; там же, не идеально чистой.

Вэнтэр, чей облик ни претерпел ни единого изменения, неделями на пролёт любовался жестокими масштабными бойнями. Сидя под навесом ложа и вкушая свежие фрукты, он отменно видел все детали сражений. Не могла остаться без внимания его правая рука – знамя новейшего подарка Чана. Практически до локтя кожу юного тирана сжимала стальная перчатка – будто отрубленное нэогарское предплечье. На тонкой подростковой руке этот дар смотрелся громоздко; он зрительно уменьшал пальцы, что безжизненно свисали с ладони, и расширял всё остальное; не самое изящное творение. Зато польза девайса, была неоспорима.

На закате очередного дня, проведённого на мягком троне – достойной замене хрустального престола, император объявил о завершении боёв. Победа сильнейшего за весь

день нэогара закончила ожесточённые схватки – высекавшие искры из тел соперников.

– Здешние сражения завораживают; ты очень зря так мало присутствуешь на них, – молвил довольный Вэнтэр Кану, пришедшему за владыкой. Мальчишка лениво поднялся с лежака и, пока подходил к генералу, в ответ услышал:

– Простите, я не любитель таких зрелищ...

– Всё ещё злишься, что я разрешил законно отнимать нэогарские жизни? – опередив Кана, спросил владыка, заглянув ему в глаза.

– Такой способ решения проблем как раз в нэогарском духе, но эти схватки, превратились в цирк. Ценность чужих жизней, становится ничтожной, – отвлечённо закончил генерал.

– Ты строишь проблемы на ровных местах. Благодаря «Бойсдракс» должников и преступников стало в разы меньше, а общий уровень миролюбия только возрос, – говоря на редкость быстро, возразил Вэнтэр, зашагав вперёд. – Ни к чему рушить эту систему.

– Я ведь не спорю, – следуя за владыкой, усмехнулся Кан.

Спасение генерала было там же, где проклятие – ответственность за решения он не нёс, и вину за ошибочный шаг на него не повесят, но он долженствовал устранять последствия.

Императора отлично понял бы Джаин; надобность принимать решения изрядно утомила их обоих, но если для маль-

чишки это было игрой, то для революционера – миссией всей жизни. Уже который раз она вынудила его задержаться на рабочем месте до самой ночи, до самой сени луны и звёзд. Они стали его единственной компанией на пути домой, где отца и любимого мужа всегда дожидались Марина, и пятилетний сын.

За полночь «тёплый» мир опустевал, и в тишине его приходилось избегать звуков открытия двери своего небольшого уютного домика. Джаин разулся, скинул на плечики пиджак, и дойдя до кухни, где планировал забить пустоту желудка – увидел Марину, печально сидевшую рядом с остывшим ужином. Она подпирала щеку кулаком; засыпая, на ходу пробормотала:

– Ну вот где... где твоя совесть? Ты точно хочешь, – прервавшись на зевок, замолкла она, – чтобы Артур родного отца забыл.

Вождь племени людского с повинностью хмыкнул, опустив глаза. Прежде всего, Джаин приветственно поцеловал мать своего ребёнка, и сев за стол, ответил:

– Ты ведь понимаешь, что это не так. Стройка будущего не заканчивается никогда, а мы в самом её начале...

– Случилось что-то серьёзное? Ты говоришь об этом печальнее, чем обычно, – зрачки девушки затрепетали; волнение и правда захлестнуло её. – Неужели... Империя?

– Нет, – качнул повстанец головой, и у Марины отлегло. – Ко мне сегодня пожаловал диковинный гость, – Джаин взял-

ся за ужин, но мысли его точно не отдались вкусу жаркого, – он-то и озадачил меня на весь день. Ну и ночь, соответственно, – ждавший объяснений взгляд женщины не отреагировал на запинку. – Он чуть ли не требовал сформировать армию, утверждая, что Империя неминуемо нас атакует, – вкушая всё новые порции еды, рассказал он. – Ужин, кстати, очень вкусный, – первейший раб действительно отвлёкся; хоть что-то смогло заставить его унять тревоги.

– Ага, был бы он ещё и тёплым, ты б вместе с тарелкой съел, – качая головой, молвила Марина, устало вставая из-за стола.

– Скажи, ты как считаешь, Евразии нужна армия? – с неподдельным интересом спросил бунтарь.

Совсем недавно Марина была сонной, но теперь приободрилась, как не смогла бы даже днём. – Лично я считаю, – продолжил Джаин, прекратив вкушать еду, – что пока у нас есть Гегар и мы поддерживаем его готовность к бою – страхи неоправданны!

– Гегар, говоришь? – выстрелив взором, переспросила Марина. – И, похоже, всё. Если его обойдут, шанса на победу, не останется... – затихая, подвела итог девушка. Джаин в этот момент изменился. Он не удивился, и вроде не задумался, но что-то в нём стало другим.

– Может, в чём-то вы правы. Может, нам действительно нужна армия...

Всеобщее голосование – призванное решить, стоит ли

формировать вооружённые силы – практически единогласно решило их сформировать. Но никто из людского народа не думал, что до конца человеческое войско будет создано только лишь спустя целый год. На подготовку всего необходимого для армии потребовалось уйма как времени, так и сил. Составить все необходимые планы и расписания занятий, подготовить специальные места для солдат и тренировок, разработать систему призыва и ввести столько реформ, оказалось трудней, чем планировалось. Зато, по завершению работ, и в Евразии появилась собственная, подготовленная рать.

Ох, как Вэнтэр полюбил взирать с уютных хором на взывавшие к смерти сраженья нэогаров. Хоть круглыми сутками была способна его безжалостная натура наблюдать за чужим отчаянием, но как бы ни хотелось, постоянно бои проводить не представлялось возможным. В день, когда «Бойсдракс» прикрыли на подготовку новой недели боёв – император безрадостно заперся в тронном зале. Дело подошло к обеду, бумажной волокиты был полный стол, а скука, вперемишку с ленью, душили его.

Император отложил ручку и потянулся на троне, разминая затёкшие суставы. Выдохнув, тиран расстался с престолом, сжав правую руку в кулак. За какую-то мимолётную секунду – стальная перчатка разрослась до облежавшей всё подростковое тело брони, и теперь в тронном зале стоял невысокий, но крепкий безликий нэогар. Каждый участок его бро-

ни раскрашивали серые, и в подавляющем большинстве случаев ониксовые оттенки; латы отторгали свет, мерцая ярче трона из хрусталя, но, увы, не отдавали радужными бликами. Помимо того, что подарок гениального Чана, получивший лаконичное название – Кулак, ни капли не стеснял движения, он был более, чем лёгок; даже простой ребёнок, запросто мог бы его носить. Со стороны – Вэнтэр в активном Кулаке походил на маленького нэогара; только его голова не вписывалась в стандарт роботизированной расы. Она покрывалась нестандартным шлемом, где броскими казались только стеклянные вставки для глаз. Концепт облика всего Кулака как раз и рассчитывался на создание угрозы, что навевал нэогар, не убивая при этом изящность и лёгкость человеческого тела.

Ровными спокойными шагами, за которыми прошёлся шлейф цокота стали о паркет – властитель подошёл к дверям зала и распахнул их, дабы встретить стоявшего напротив самурая. В голове вояки мигом разыгралась угроза, и практически без промедлений – самурай, вытянув свой меч вперёд, кинулся на повелителя. Он бы пронзил императора насквозь, если бы тот не подставил под удар раскрытую ладонь. Клинок, с неприятным звоном, сломался сразу после столкновения. Сжав оставшееся остриё, мальчишка поднял самурая в воздух и со всего размаха ударил об пол – напрочь выведя из строя.

К этому времени, один из ближайших кентавров выстре-

лил сгустком энергии, но Вэнтэр отразил удар собственной волной, чем возвратил выстрел хозяину. Со спины к владельцу Кулака сумел пробраться новый кентавр и, поднявшись на задние лапы – собрался ударить передними. Император лишь протянул свободную руку под брюхо напавшего, и мощным толчком прозрачной энергии – подбил его вверх, да с такой силой, что вбил в потолок.

Вэнтэр остался на месте, причём на удивление спокойным – хотя, совсем близко к нему уже промелькнули два самурая, готовые с разных сторон ударить клинками по шее мальчишки. Даже не показалось удивительным, что их совместная атака просто разбила острые оружия. Самураи проскочили мимо цели, когда император раздвинул руки и прошептал:

– Киобаку! – после чего оба щуплых нэогара притянулись к его раскрытым ладоням. Без труда подняв их в воздух, Вэнтэр размазал каждого об пол – практически полностью разломав покрытие защитников.

Владыку половины известной суши не прекратили атаковать; самураи с кентаврами со всех уголков последнего этажа пустились в бой. Но на лестнице верхнего коридора показался обескураженный Кан, что разглядев смуту – пронзительно крикнул:

– Прекратить! – после чего защитники Вэнтэра замерли на местах. Это забавляло, ведь их создали ради его безопасности, но они так бездарно держали с ним бой.

Услышав приказ, пешки мирно возвратились на свои посты, приняв безмятежную стойку.

– Кан, опять ты всё испортил! – выпрямляясь, буркнул Вэнтэр, собирая броню в Кулак.

– Я всё же отправлю этих нэогаров на внесение вашего боевого образа в их базу данных. Иначе, вы вскоре дворец без крыши оставите... – приблизившись к Вэнтэру, строго проговорил генерал, удерживая руки за спиной. Голова его приподнялась, заманивая и владыку посмотреть вверх. Действительно, на потолке красовалась глубокая вмятина, пронизанная змеистыми расколами.

– Ну почему ты такой грузный? Этими стычками, я развеиваю свою лень, – будто это в порядке вещей, бить свою охрану, ответил обиженный юнец.

– Вам стоит поучаствовать в сражениях «Бойсдракс», если так желаете выплеснуть силу. Ну а пока, вас ждут на обеде, – протягивая руку к уцелевшей лестнице, учтиво сообщил Кан. Император лишь хмыкнул, зашагав вперёд. Генерал, вернув руку за спину, проследовал сзади. А за ним хвостом не стал никто, кроме времени. Кроме хронологии живого мира, которая бесконечно спешила...

Каким бы странным историки это не назвали, но все последующие шестнадцать лет, что Империя, то и Евразия – провели в мире, покое. За это время не случилось ничего выдающегося; всё, чем занимался людской народ, это отстраивал свой континент и расширял границы мелких дере-

вень. За это время успели появиться четыре основных города, и именно города, а не поселения или деревни. Вокруг самого большого, оставшегося столицей, раскинулись ещё три, немного меньшие по размерам, но вовсе не по заселённости. Вдоль ровных улиц, по которым ездили первые автомобили, расположились мощёные тротуары, по которым свободно передвигались люди. Это чувство: спешить куда-то среди своих собратьев и знать с уверенностью: любой твой поступок – тень твоей воли, и ничьей больше, невозможно было передать.

Большинство людей, ещё помнивших рабство – состарилось; сосуды их душ изнашивались, запачкались морщинами, заостенели, покрылись пятнами, а волосы на выдавших всякое головах поредели и поседели; их жизни не были сказкой. Собственно, и жизни у них долго не было... Улицы наводнили молодые юноши и девушки, а так же их пока лавирующие на грани преклонности и свежести мамы.

Вождь Евразии, а именно так прослыл в народе Джаин, сохранявший уважение и почтение на протяжении всех прошедших лет, наконец, решился на ответственный, неизбежный поступок. Осознавая свою неминуемую смерть, когда бы она за ним не явилась – он объявил имя приемника, которому вверит пост предводителя, и позаботился о том, что бы этого вождя, законно звали королём. Первым королём Евразийского государства, единственного Джаинского наследника – Артура. В свой двадцать первый год, уза-

коненный минимальным для короля, сын великого бунтаря унаследовал ношу постаревшего, седого, морщинистого отца. Своим наследнику подарком Джаин нарёк Белый дворец, самый первый настоящий дворец Евразии, в самом её центре. Шесть этажей облицованных белым мрамором, с крытым крыльцом, опёртым на колонны, балконом на верхнем этаже, похожим на клюв гордого орла, с резными окнами, лепниной на гранях каждой внешней стены, которая на крыше продолжала и развивала птичий орнамент. На ровных, матовых, чистых белых стенах не замечалось ни то что царапинки или трещины, а даже шва мраморных плит, белых, и словно мягких на ощупь. Изнутри же, все опоры потолков украшались картинами тех, кто пристрастился к художеству; свет, где он мешал, перебивали роскошные портьеры, а на полах незамысловатые узоры образовывал дощатый настил, и лишь в множествах покоев дворца ступать можно было по тёмному паркету, или ковру поверх него. В этом архитектурном шедевре, в самом его центре, располагался тронный зал – по старой традиции, на верхнем этаже. Как и в императорском – в этом зале у дальней стены стоял широкий буковый стол, чей тёплый оттенок беж мирно сливался со светлыми стенами. Далее, подлокотниками почти трогая стол – на подвижной основе высился Евразийский трон; сидение изящное, богатое, и удивительное. Каркас его был выполнен из малахита, о чём говорил изумрудно-чёрный узор. Его замысловатый рисунок нигде

ни разу не прерывался, основу полировали до блеска, и пусть он не играл радугой, как Вэнтэров хрусталь – имел удивительной красоты гляцевую основу. Его спинку, сидение и подлокотники оторачивал бархат, такой же мягкий и приятный, как пустынный песок. Сидеть на нём составляло одно удовольствие, а если опереться на мягкие подлокотники и откинуться в спинку, не трудно было заснуть, дрейфуя между стенами на шести колёсиках... такой престол больше подходил на дорогой офисный стул, но именно на малахитовой перине восседал новый король.

Артур считался достойным сыном своего отца. Он со всей самоотдачей бился о государственные дела, старался не прибегать к чужой помощи, любой совет обдумывал сам, а всё из мечты юности – превзойти великого отца. Артур вырос светлым мальчиком, и это применялось к любой грани его персоны. У него были светлые, отдававшие пшеном волосы, едва касавшиеся плеч, светлая тонкая кожа, глаза, словно заключившие в себе малахитовые кольца, с изумрудной радужкой и чёрным зрачком; именно глядя в них, любящий отец решил с базой трона, и именно с его кожи взял белый цвет дворца. Одежды короля всегда выглядели опрятно; он предпочитал зелёные одеяния, украшенные росписями сочных цветов и множеством пуговиц; его стесняла собственная щуплость, он прятал её под свободными орнатами. Редко его можно было встретить без длинных рукавов, бивших в пол брюк и воротников типа стоечки. В типичном для него

«мундире», король, что обучался ремеслу у легендарного революционера – изучал сводки новостей родной Евразии. Новый глава управления позволил себе передышку, и на троне развернулся к широким окнам – начинавшимся с пола и тянувшимся до потолка. Из всех пяти идеально чистых рам, только средняя – выводила на балкон. Несмотря на хорошую, тёплую погоду, окна и двери в зале были закрыты, а Артур, хоть и хотел выйти на балкон – не решался.

Тоскливую тишину прервала открывшаяся дверь; в отличие от имперских двух, в этом зале, она была одинока. Развернув трон в сторону звука, Артур услышал слова вошедшего человека:

– Простите, вас желает увидеть Джаин.

Опустив глаза вниз и прикрыв ладонями нос – король, дрожащим голосом, нерешительно спросил:

– Ему, стало лучше? – распущенные волосы должныствовали вытягивать круглое лицо, но не выходило.

– Боюсь, наоборот. Он сказал, что желает проститься со своим первенцем... – отводя взгляд, тихо ответил паренёк. Его внешность не могла оставить без удивления, хотя бы потому, что его волосы, ровно свисавшие локонами – выкрашивал тёмно-синий цвет, игравший на свету голубыми переливами. Его глубокие глаза, слегка прикрытые волосами, поражали простотой и спокойствием, а унылое острое лицо – не выказывало эмоций. Вся его внешность поражала остротой, и такими же являлись его манеры. Рост этого человека

немного превосходил средний; он мог бы видеть макушку стоявшего короля.

Артур, нерешительно поднимаясь с трона, нехотя зашагал к выходу. Тоска и в его взгляде и на его лице не покидали юношу до самых покоев Джаина, где он встретил отца. Первейший автономный человек до самого своего конца прожил в том доме, который возвёл собственными руками, хотя ничего ему не стоило перебраться во дворец, подобный тому, что он даровал сыну. Повстанец благородно жил, благородно бился, и благородно погибал. Он отлёживался в своей спальне, под тонким одеялом. Хоть его срок ещё не иссяк, и он не провёл под небом даже половину сотни лет, постоянные переживания, вечный недосып и тяжёлая работа – расписали его морщинами, истощили, похитили здоровый цвет кожи и волос... его организм не выдержал нагрузок. Видом своим, Джаин уподобился глубокому старцу, с жидкой бородёнкой, которую трудно было сбривать из-за глубоких складок на лице. Рядом с революционером долг его подвигам отдавали только два человека – товарищ по несчастью Герд, и заплаканная Марина, уже не самая молодая женщина. Но, несмотря на мелкие морщины, наполненные горем глаза и опухшее от слёз лицо, она по-прежнему оставалась красивой и женственной матерью.

– Я прожил долгую, хорошую жизнь, – хрипло произнёс отец, друг, любящий и любимый первый мужчина, когда к окружению присоединился сын. – Я делал всё, что было в

моих силах, ради людского блага, – продолжил он, и слёзы навернулись на глаза короля, хотя он всеми силами сдерживался. – Теперь, эта ноша – всецело твоя, – замолчал великий бунтарь, глядя сыну в самые глаза. По правую руку революционера скорбно молчал Герд, молодой гладковыбритый паренёк с квадратным лицом и бесконечным запасом сомнений. По левую его руку, со стороны сердца – Марина, и каждое звучащее слово жгло её душу всё сильнее.

Артур, чьи очи покраснели и намокли, губы дрожали, а слова не покидали горло – спешно подошёл к Джайну, и присел подле него, на место, что освободил королю Герд.

– Эта ноша тяжела и опасна, а ошибаться тебе нельзя. Но я верю, что ты со всем справишься, – благословил своего наследника первейший раб, понимая всю бурю эмоций внутри него.

– Я не подведу тебя, отец! – наконец выдавил Артур, стиснув челюсть, вытирая побежавшие по щекам слёзы и не находя места рукам.

– Я часто советовал тебе, как стоит поступать, и уверен – моя наука вырастила достойную замену. Оберегай наш дом от войн и бед, заботься о нём, и всех его жильцах... – выдыхая в такт кашля, оставил Джайн последние нотации. Расслабившись на подушке, он сжал запястье паренёка в своих ладонях, глазами не властвуя над тем, что творили десницы. Великий бунтарь улыбнулся, и подвёл речь к концу: – Одобри мой последний проект, и знай Артур –

я всегда буду верить в тебя, – прошептал Джаин, и выцветшие глаза скрылись под веками. Его ладони расслабили хватку, и одеяло перестало шевелиться, от вздохов самого первого, разумного человека.

Марина заплакала в голос, безутешная в своём горе. Дабы мать не обезумела, сын обнял её. Ему пришлось обойти кровать и помочь Марине встать, чтобы унять сокрушения женщины.

Герд не стал влезать в семейное горе, хотя Джаин не редко звал его своим братом, а если подумать, тем он и являлся. Товарищ повстанца не заплакал, но его глаза и сухими были способны выразить боль, какую не понять не пережив всё то, что было между заклятыми друзьями.

В этот же день, спустя всего час – Джаина сожгли на главной Евразийской площади, пред очами всего народа, опечаленного до глубины души. Его имя первым высекли на «Золотой плите почёта», что нашла пристанище в том самом месте, где вначале бушевал последний для вождя костёр, а затем земле преданся его прах.

Первенец великого бунтаря, остался у «Золотой плиты» дольше многих других; компанию ему составили лишь мать, томно сидевшая на скамье неподалёку, секретарь, сообщивший печальную весть, пара преданных Джаину граждан, и сварливый профессор, чья слава, как создателя Гегара, давно минула.

– Простите, король, но последний проект вашего отца по-

прежнему ждёт одобрения, – монотонно напомнил Артуру секретарь. Это парадокс, но его острое лицо было самым безликим из всего, что видывал Артур. Тёплая раса скорбела об утрате, а этому человеку с синими волосами хоть бы что. Он был словно из камня, только двигался и говорил.

– Я обо всём помню, – вяло ответил король, – ещё пять минут, и вернёмся во дворец, – огласил он.

Артур заставил себя отойти от плиты, от последнего памятника его отцу, дабы присесть рядом с мамой. Его рука легла на плечо первой женщины и, выжимая бодрость, король вымолвил:

– Мам, ты прости, если я не вовремя... но теперь, я боюсь тебе будет одиноко, в вашем доме... Я буду рад, если ты согласишься перебраться в Белый дворец. У тебя всё ещё есть семья, ни к чему быть одной, – в глазах мамы своей легко было увидеть и отца. Артуру тоже пошёл бы на пользу её переезд.

– Я давно знала и понимала, что его смерти не избежать. Но сколько бы я не готовилась – боль от утраты всё равно не уgomонить, – тихо, глядя вниз, порой роняя слёзы на сухую землю, ответила Марина. – Мне будет проще остаться дома – там, где я прожила счастливую жизнь, рядом с любимыми людьми... Прости, если обижаю, – взглянув на своего сына, отказалась первейшая женщина. Ей это стоило труда, и принесло ещё каплю боли, но она сделала это. Выбрала свой путь.

– Я понимаю, – растягивая губы улыбкой, закивал король. – Будь я тобой, наверно, поступил бы также, – сын замешкался, отчётливо видя горе в материнском сердце, но не зная, как его одолеть. – Я почаще буду навещать тебя, обещаю, – поцеловав маму в щёку, пообещал король, гонимый с места своим долгом.

– Только, не копируй своего отца. Не забывай, о своём доме, – попросила избранница Джаина, с тёплой улыбкой на лице. Ей не было обязательно, чтобы сын помнил о её доме. Главное, чтоб помнил о своём...

– Ни за что, – решительно качнул Артур головой, но ведь сейчас, он делал именно это. Покидал мать и свой дом, во благо государства...

На живых сердцах целого континента осталась тоска, боль утраты и глубокая печаль, ведь всем был люб вождь Джаин, каждый привязался к нему, а теперь скорбел. Но слёзы больше не затмевали их глаз, а новые дела всё сильнее отвлекали от горести... даже если это простые, обыденные мелочи.

В Белом дворце, ставшем королю и домом, и рабочим кабинетом – Артур любовался солнцем, что уже отдалось в объятия горизонта. Из панорамных окон его тронного зала, на непомерно удобном престоле, чья бархатная обивка держала словно сотнями рученок – вид был воистину королевский. Но покой не бывает вечным, и любое блаженство встречает конец.

– Документация подготовлена. – Секретарь короля во-

шёл беззвучно, но его монотонный голос вынудил развернуть трон от закатного вида, и увидеть синеволосого паренька, со стопкой бумаг.

– «Реокрацу», верно? – прищурился король. Фрол скуповкивнул, не шевельнув ничем, кроме шеи. – Вы с отцом вместе готовили эту группировку... расскажи мне о ней подробнее.

Секретарь не обрадовался тому, что придётся говорить много, но повиновался быстро.

– Когорта «Реокрацу» – входит в структуру внутренних правоохранительных органов с возможной реорганизацией во внешний защитный батальон; состоит из прошедших особую подготовку людей от 18 до 35 лет; в состав входят семь отрядов, разделённых на специфические обязанности; отбор в каждый отряд проходит двумя этапами: практическим и теоретическим; отбор в капитаны отряда проходит спаррингом, гарантируя капитанский пост сильнейшему в отряде; иерархия когорты предусматривает расположение номеров отряда капитанов в порядке убывания возможностей, таким образом, первый капитан – сильнейший от лица когорты, а седьмой – слабейший из капитанов.

Фролу словно приказали стоять смирно, смотреть прямо и говорить, пока рот не пересохнет. Но вот он затих, по знаку короля подал документы, и бегло их просмотрев, Артур молвил:

– Судя по жалованию и привилегиям, захотеть пройти от-

бор должен каждый. Это мой отец тоже предусмотрел? – В правителе разыграла гордость, за мудрость отца. Королевский секретарь свёл руки за спиной, как это свойственно делать Кану, и кивнул, невольно взглянув на пейзаж за окном. Артур, упиревшись руками о стол, резко развернулся на троне и, оказавшись лицом к заходу – тихо спросил:

– Тоже любишь закаты? – растаяв под последними поцелуями солнца этого дня.

– Да, – синеволосяй паренёк, в кой-то веки изменил выражение лица. – Наш мир куда красивее без солнца. Только во мраке, можно растаять, – глядя на последние лучи, с прежним безразличием произнёс секретарь. Артур не за это любил закат, но всё же поджал губы и выдохнул:

– «Реокрацу» – разумное решение. От элитной когорты хуже не станет. Я займусь подписанием бумаг, а ты объявишь условия и проследишь за подготовкой. Хорошо? – король обернулся к секретарю вместе с тронном, и паренёк кивнул. Его руки разошлись из-за спины у самой двери, когда он покинул тронный зал. Покинул также чопорно и сухо, как зашёл в него.

Там, за дверью, из коридорного окна на стенах заплясало зарево уплывшего в ночь солнца. Оно, наконец, распрощалось с Евразией, как и с Империей.

Вроде бы ничего необычного – каждый день завершался именно так. Но только этим закатом, на окраинах «холодного» мира, там, где дома едва держались, чтоб не обратиться

песком наползавшей пустыни, показался нэогар – чья массивная нога оставила очередной след в остывавшей золотой пыли. Глядя яркими красными глазами в самое сердце Империи, туда, где тоскливо возвышались девять лучших этажей южного полушария – нэогар едва слышно пробормотал тонким, женским голосом, при этом, не раскрывая сомкнутых твёрдых уст:

– Во имя Джайна, и всех людей – я выясню твои намерения, Империя...

8 эпизод. Вести

Скромность и добродушность, пожалуй, главная черта всего рода Джайна, даже если пока её унаследовал только его сын. В свой день рождения, двадцать третий по счёту – он проснулся как всегда пораньше, и в компании милой, эффектной девушки, чьи карамельные волосы роскошно вились до самых лопаток – завтракал. Свой утренний мини-пир они провели в королевской столовой, неподалёку от покоев Артура. На длинном белом столе, небогато украшенном цветами и сервизом, накрыли будто и не праздничный завтрак; хотя свежие соки и ещё тёплые пироги, там нём присутствовали.

Артур пребывал в своих домашних вещах: футболке с длинными рукавами и тёмных брюках, а компания его – девушка, нарядилась в более уместный для праздника туалет: белое до приталенного пояса платье, с темно-фиолетовым низом. Глаза не могли упустить слишком большой для её

стройной фигуры живот; с первого взгляда было понятно – барышня ожидала малыша.

Непринуждённо разговаривая, королевская чета «избавляла» стол от тяжести.

– Почему ты так не любишь собственные праздники? – снисходительно спросила девица у короля. – Если б ты так мой день рождения провёл, я бы точно сидела надутая! – напрасно стараясь казаться строгой, выдала она.

– Я не то, чтобы не люблю, просто... до сих пор не понимаю, как правильно вести себя с гостями... – слегка переживая, ответил король. – Мне не по себе в больших компаниях незнакомых людей, поэтому, я лучше проведу свой праздник с тобой и мамой... – улыбнувшись, изложил паренёк.

– Ага, знаю я тебя, ты только собираешься маму навестить, – поднимая брови вместе с новым куском торта, возразила девушка, – но очень скоро займёшься делами, и обо всём забудешь...

– Нет, я не стану повторять ошибок отца! – более уверенно ответил паренёк. – Мне известно, что такое постоянно кого-то ждать, и я ни кого не заставлю ждать себя.

– Вот сегодня и проверим, – хмыкнув, ответила обладательница самых изящных рук. Артур застенчиво посмеялся, и позволил себе непохожую на него фразу:

– Надеюсь, наш ребёнок, не будет таким же вредным.

Только его спутница собралась, в такой же шутейной манере возразить – в королевскую столовую вошёл секретарь.

Услышав стук сходящихся дверей, отвлеклись и король, и королева, которая уже пользовала этот титул, хотя закон позволял носить его лишь после того, как чрево разродится наследником короля. Советчик – тот самый, чьи эмоции, в отличие от синих волос, оставались за семью печатями, монотонно объявил:

– Встречи с королём требует один из капитанов «Реокрацу». По установленному регламенту, вы обязаны уделить ему внимание. – Умел же Фрол изъясняться, даже не глядя на собеседника.

Сия новость смутила как Артура, так и беременную девушку, но король выдохнул, и ответил:

– Раз уж мой отец создал именно такой регламент, придётся подчиняться, – решил король, вставая из-за стола. – Я постараюсь вернуться поскорей, – взглядом извиняясь перед Инессой, последовал Артур.

Паренёк довёл короля до двери тронного зала и, открыв её – уступил ему дорогу. В этот момент властитель увидел всех четверых членов государственного совета, рассеявшихся на стульях вдоль стен, а так же девушку, стоявшую в самом центре кабинета – напротив королевского стола. Её утончённую фигуру скрывала необычная форма: чёрные обтягивающие брюки, белая рубашка с широким воротником, и зауженная чёрная жилетка. На правой руке – немного выше локтя, крепко вязалась синяя повязка, с выгравированной на металлическом протекторе цифрой «3».

При виде короля с мест встал весь совет, а девушка – развернулась к Артуру лицом. Увидев что-то кроме собранных в тугой хвост рыжих волос – паренёк сконфузился, ведь у настолько статной девушки оказалось весьма приятное лицо, покрытое редкими веснушками.

– Разрешите представить, – закрыв дверь в зал, промолвил секретарь, – капитан третьего отряда «Реокрацу» – Лира, – указав рукой на стройную девицу, огласил он. – Она капитан со стажем в день; вчера, вызывая на бой каждого лидера когорты, начиная с седьмого, Лира повышалась в звании, но второго по силе, одолеть не сумела... – ввёл советчик короля в курс дел.

– Я извиняюсь, – развернувшись к королю, приклонила капитан голову, – что отвлекла вас от праздника. Позавчера я вернулась с засекреченной миссии Джаина, и дабы поскорее с вами встретиться – затеяла шумиху в «Реокрацу».

Эти слова смутили Артура; брови нахмурились, а в глазах блеснуло недоверие.

– Хотите сказать, что отец раскрыл мне не все свои тайны? А вы, сумели обойти пятерых сильнейших людей Евразии, хотя совсем недавно вернулись с какой-то миссии? – тихо озадачился он. Ему давно пора было сесть на трон, но удивление и смятение, затмившие разум – не позволили отойти от двери.

– Поверьте, король, – вступился вдруг самый известный Артуру советник – нынешний глава программно-развития.

Он запомнился сыну бунтаря тем, что не старел, и тем, что всегда был близок с умершим Джаином. Герд за всё время так и не изменился. – Это я, совместно с вашим отцом, возглавлял особый проект, необходимый для нашего безопасного будущего. Но будучи неуверенными в его успехе, мы решили сохранить всё в строжайшей тайне, до тех пор, пока не вернётся Лира... если вернётся, – исправился советник, заметно поникнув.

– Полный отчёт и фото-доказательства – на вашем столе, – вмешалась девушка, более бодрым гласом.

Артур кивнул, и спешно дойдя до трона, наконец на него сел. После этого свои места заняли и советники; стоять остались только капитан, напротив стола короля, и секретарь, справа от трона.

Подняв плотную стопку фотографий, Артур поочерёдно откладывал их на стол, и чем дальше он заходил в своей проверке, тем более явное удивление приобретало его лицо.

На отложенных фотографиях виднелись улицы Империи, по которым мирно разгуливали нэогары. Это очень походило на людские переулки, только здесь улицы были заметно шире, здания гораздо выше, а вместо привычных глазу людей – поражали фантазию нэогары. Отложив первые шесть фотографий – король увидел седьмую, на которой запечатлелась арена «Бойсдракс» – со своей западной стороны. Слегка приоткрыв рот и почувствовав громкие стуки сердца в груди, Артур немного припустил стопку. Посмотрев капитану в

самые глаза, король тихо, хрипло произнёс:

– Это ведь не могут быть, фотографии... Империи?

– Простите, но это именно они, – ответила девушка серьёзно, хотя совершенно спокойно. – Моя миссия состояла в сборе сведений о нынешней нэогарской жизни. В частности, об их планах, касаемо нас.

– И... каковы они? – будто не отойдя от шока, переживая, поинтересовался паренёк.

– На следующем фото, – недалеко протянув руку, начала капитан, – запечатлён сам император, – сказала она, и король положил на стол седьмую фотографию. Увидев размытый, хотя понятный облик Вэнтэра – Артур растерялся ещё сильнее. Его глаза забегали по фотографии, на которой легендарный император, с надетым на руку Кулаком, сидел в далёком ложе «Бойсдракс». Он был единственным человеком, в окружении трибун, забитых нэогарами. – Мне удалось кое-что разузнать, – снова вступила Лира, но король её перебил; в голосе послышалась неловкость, но Артур не сдержался.

– Это просто чушь. Человек не мог следить за Империей и делать эти снимки! Нэогары бы устранили разведчика, – максимально громко изложил паренёк, хотя звучало это несколько смиренно.

– Артур! – воскликнул самый ближний к нему советник. – Мы понимаем, что тебе не хочется признавать тайны своего отца, но они существуют, и с этим придётся мириться, – на повышенных тонах, заявил он со всей строгостью. – Ты –

король Евразии, и на тебе лежит огромная ответственность, которую твой отец даже умерев, пытается облегчить. Так может, стоит принять его помощь? – устремив грубый взгляд в королевские глаза, предложил главнокомандующий основными войсками.

Напряжённо выслушав разумные поучения, Артур сжался и вынужденно произнёс:

– Извиняюсь за грубость... продолжайте.

– Вы были совершенно правы, сказав, что меня бы устроили, будь я человеком, – без обид или пауз, согласилась девушка, – но кому как ни вам знать размах гениальности своего отца, – улыбнувшись, добавила она. – Он почти самостоятельно спроектировал идеально схожую с настоящим нэогаром броню, которой способен управлять человек. В этой конструкции очень важно подгадать с пропорциями внутренней камеры, ведь в противном случае – управление нэогаром превратится в муку. Я – как раз подошла под критерий конструкторов и, пройдя отбор – заняла место главного агента внедрения. Познакомившись со мной – Джаин убеждал передумать, но я настояла.

– Это чистая правда, – вмешался Герд, ныне глава развития техно- Отраслей. – Над подобными костюмами, только более адаптированными к боевому использованию, мы работаем прямо сейчас. Правда, без Джаина и его свежих взглядов, дела идут не очень... – некогда колкий пессимист теперь стал сентиментальным реалистом.

– Хорошо, способ внедрения я понял, – согласился король. – Но ваша миссия, наверняка, была долгой. Как вы обходились без еды, воды и регулярного сна?

Король даже вопросы задавал, будто через силу; он слишком привык молчать, чтобы так много спрашивать. Но любопытство, некое внутреннее недоверие – принудили его интересоваться.

– Отбор, устроенный вашим отцом на мою должность, созывал только выдающихся людей, – стараясь спрятать глаза, тихо начала Лира. – Я отношусь к первому поколению созданных Джаином женщин, но со мной он допустил погрешность... взамен способности продолжать наш род, я получила удивительную выносливость, а также – внешне я не старею. В настоящем деле, мне уже больше тридцати, и моё здоровье далеко не идеально; но выгляжу я на двадцать, а без еды и воды могу обходиться неделями. Как объяснял Джаин, это генетическая ошибка – сверхзамедленный обмен веществ и пониженный расход энергии на жизнеобеспечение. Благодаря этому, я могу мало спать и почти не есть, но никогда не смогу... стать матерью, – выдохнув, поведала девушка, заметно опечалившись. – За те полгода, что я провела в Империи, мне везло съесть по одной консерве в неделю, и выпивать по сто граммов жидкости в день. Даже с этим, я не теряла самообладания, – бодрее, закончила капитан.

– Мне жаль, что с вами так вышло. Уверен, отец безмерно сожалеет, – сочувственно глядя на третью, молвил Артур.

На этом, доклад зашёл в тупик. Король слишком опечалился бедой девушки.

– Практически все последующие снимки, посвящены императору, – недолго помолчав, продолжила капитан тему Империи. – В нэогарском мире о нас ходит всего один слух. Будто ещё в те времена, когда Гегар только увёл людей из рабства – на императора напал человек, желая лишить его жизни. Само с собой, затея не удалась, но роптание Вэнтэра вышло за все рамки, и он приказал создать для себя идеальную защиту; приспособление, способное обеспечить стопроцентную безопасность. За разработку взялся его лучший технолог; насколько я поняла – именно он в своё время создал Джайна, а впоследствии и остальных людей. Но у разработчика было условие: он создаст нужную Вэнтэру вещь, если тот пообещает никогда, и ни за что, не трогать Евразию. Технолог выполнил обещание: он создал стальную перчатку, получившую название Кулак. Уверяю, её защитные показатели стремятся к идеальным.

– Похоже, и Чан и император честны. Войны ведь всё ещё нет... – добродушно подметил Артур.

Со своего места тут же подскочил главнокомандующий основных войск, и с недовольством заявил:

– Вы меня, конечно, простите, но не может быть ничего глупее, чем доверие императору! – махнув рукой, почти крича выкинул он в сторону короля. – Вы и правда считаете, что для подобных ему тварей, обещания что-то значат?! Он уже

получил свой Кулак и столько времени его носит. Что ему стоит послать Чана куда подальше и пойти на нас войной?! – забавно шевеля густыми чёрными усами, возмущился генерал. Его слова вызвали короткую паузу, после чего остальной совет погрузился в тихий ропот.

Пока Артур переживательно бегал глазами в попытках найти поддержку, Лира занервничала.

– Совершенно не исключено, – продолжил свою речь мужчина на вид лет сорока пяти, грубый и статный, но позабывший своё место, – что император просто проверял совершенство своей защиты, и теперь – убедившись в её идеальности, решит снова получить таких прекрасных рабов, как мы. Разве итоги этой разведки не кричат, что мы должны немедленно приступать к мобилизации? – задал он свой последний, провокационный вопрос.

– Нет! – ответила Лира, глядя генералу в самые глаза. – Вам не кажется, что проверять свою защиту пятнадцать лет, многовато, даже для императора? Хотел бы он войны, она успела бы уже закончиться, – отрезала девушка, став на удивление серьёзной. – Уж поверьте тому, кто своими глазами видел Империю – нам ни к чему сеять в народе страх! – речь капитана даже шепот прекратила, удивив всех, кроме Артура, который скорее восхитился.

– В деле с подобным Империи врагом, – снова собравшись, продолжил гнуть своё генерал, – важнее всего избавиться от лидера, и победа в твоих руках. Осознавая подоб-

ную слабость – император не может действовать без подготовки. А учитывая его запас времени, что пятнадцать лет, что двадцать – не больше, чем миг, – сбавив свой пыл, додумал он. – Мне всего-то очень не хочется, чтобы спустя пять или десять лет, наши с вами дети испытали тот ужас, который может принести рабство... – выдыхая, поник суровый генерал. – Знаете, однажды на собрании под руководством Джана, я услышал слова, что считаю единственно верными по сей день: «До тех пор, пока есть Империя – есть опасность».

– Я тоже не раз слышал это от отца, – дрожащим голосом, поддержал военачальника король, – но, что же делать? Я готов пойти на что угодно, лишь бы сохранить нашу свободу, но само существование нэогаров – ставит это под угрозу, – на редкость уныло, рассудил Артур. – Идти на Империю войной – всё равно, что засунуть в рот ружьё и спустить курок... Как же тогда обеспечить нашему континенту долгую, и мирную жизнь? – объявил король проблему, ставшую главной.

– Как я уже говорил, – сразу вступил генерал, – стоит убить императора, и Империя надолго забудет об идее захватить нас!

– А вам не кажется, что золотое место не пустует? – вмешалась Лира, с очередной учтивой претензией. – Да и даже если у нэогаров не принято мстить – император слишком стойкая фигура, чтобы позволить себя убить. Тут сил всех капитанов «Реокрацу», может не хватить...

– Я не хочу вмешиваться в не свои дела, – привлёк внимание Герд, решив встать со своего места, – ведь я далёк до военных дел и мало что в этом смысле... но, как говорится в моих отчётах, наши попытки создать нэогарский костюм – более адаптированный к сражениям, чем тот, что носила Лира – едва можно назвать успешными. Такое пополнение как солдаты-нэогары, стало бы очень ценным в нашей армии, а разработать что-то более совершенное, мог бы помочь императорский Кулак. Эта стальная перчатка была бы эквивалентна легиону облачённых в броню солдат, что стало бы вторым козырем, после Гегара. Получить бы нам Кулак, и мы бы стали заикаться даже о победе – над самой Империей...

Такая новость не вызвала бурных обсуждений и надоедливого шёпота, но глаза всех прибывших в тронный зал расширились, а мысли смешались в попытках переварить новую информацию. Пока прожившие нелёгкую жизнь члены совета молча обдумывали за и против – юный король, в чьём сердце загорелось стремление к подвигу, тихо сжал край стола руками. Это помогло ему набраться сил, для более звучного заявления:

– Мы обязаны заполучить Кулак! Любой ценой, за любые сроки – главное его достать.

– Король, такие решения не принимаются в спешке... – вмешался секретарь Артура, смотря на него справа от трона. Его голос, как и раньше, был монотонным, хотя безразличное лицо, приобрело более взволнованный вид. – Вам необ-

ходимо больше времени на раздумья, ведь допустить ошибку – вы не в праве, – напомнил он.

– Нам впервые выпал шанс избавиться от угрозы Империи. . . В праве ли я раздумывать? – стеснённо молвил паренёк, повернувшись к советчику.

– Перед любым решением, раздумья необходимы, – выделяя последнее слово, вмешалась капитан. – Нам с советом лучше оставить вас наедине с мыслями; действовать наобум – как минимум опасно. . . – закончила она, давая всем понять, что сейчас самое время покинуть зал.

Члены совета, поняв намёк поднялись и, откланявшись – разошлись. – Ещё раз простите за то, что мой доклад вас оторвал. И. . . примите мои поздравления, – улыбаясь, попрощалась Лира, прежде чем закрыть за собой дверь.

– А как бы поступил мой отец? Что бы предпринял он? – ответ на этот вопрос Артур глазами взмолил у Фрола. Синеволосый паренёк недолго помолчал, но всё же молвил:

– То же, что вы, – с этими словами воцарилась тишина, наполненная беззвучными думами. Король трепетно обдумывал свой выбор, советчик его твёрдо стоял на месте, выжидая, ему одному известно чего. Немую сцену рассёк звук открывшейся двери, за которой показалась будущая мать наследника.

– Я жду тебя уже битый час, весь твой совет разошёлся, а ты сидишь тут и переглядываешься со своим подчинённым? – с дверей, со стандартным недовольством, вмешалась

она. – Это так ты «не заставляешь людей себя ждать»?

– Прости, Инесса, это было трудное совещание, я не до конца пришёл в себя, – устало ответил король. Он поднялся с малахитового трона и, направившись к девушке, обернулся к советчику.

– Я не стану спешить, но и медлить нельзя. Прошу, оповести капитанов «Реокрацу» о новостях, и пусть будут готовы к ассамблее. – Фрол степенно всё выслушал и, скрепив руки за спиной – кивнул. – Думаю, самое время навестить маму, – улыбнулся король своей спутнице. – Надеюсь, ты не разрушила мой сюрприз, – выводя её из зала, поинтересовался паренёк. Дверь тихо соединилась с проёмом, и слова вместе с шагами смазались между собой.

– Нет, я ей ничего не говорила... – только и смог разобрать Фрол легкомысленный голос.

Из пяти чистых словно сам воздух окон тронного зала виднелось многое, и вид был красив. Переживший свою зарю центральный город радовал чистотой и уютом; деревья не толпились лесами и чащобами, они были приглашены как гости к тротуарам. С окон заботливых хозяек свисали вазоны с цветами, улочки и переулки были узкими, зато ровными, и шедшие по ним сердца чувствовали себя семьёй. Город виднелся с любого этажа, ведь в отличие от Империи – главный дворец Евразии не ограждала стена. «Если нам есть чего бояться в родном доме, то мы и со стеной обречены» – так сказал Джайн архитекторам, и стены у Белого дворца не

оказалось. Теперь, из окон виднелось многое, но не всё. Разглядеть короля, занявшего место в автомобиле под крыльцом, секретарь не мог. И уж тем более ему не было видно, как Инесса, обняв Артура за руку, прилегла на его плечо – пока сам король, глубоко дыша, изучал вид в окне.

– На вашем собрании что-то случилось? – обеспокоенно поинтересовалась девица, пытаясь заглянуть будущему отцу в глаза. – Когда я открыла дверь, мне показалось, что ты напряжён...

– Долг обязывает, – когда Артур так вяло улыбался, и долго не убирал волосы с лица, можно было понять, что тема не нравилась ему. – Кстати, я так давно не встречал Кира. Как он? – а вот и новый веток. Будущая королева знала, что паренёк сменит тему, но не догадывалась, что на эту.

– А- То ты не знаешь, что я встречаю его ещё реже, чем ты, – колко ответила Инесса. – С тех пор, как он возглавил первый отряд «Реокрацу», дома ночует лишь раз в неделю...

– Не удивительно. На его плечах немалая ответственность... – поникнув, согласился король. – Хотя, тебя должна брать гордость, ведь твой старший брат – сильнейший во всей Евразии! Такому любой бы позавидовал, – улыбнувшись, добродушно промолвил Артур.

– Да уж, я бы и сама себе завидовала, если бы он не забывал о своей сестре... – с тенью печали, согласилась девица. – И вообще, Ты ведь король, Ты командуешь «Реокрацу», мог бы и недельку отпуска своему лучшему другу выписать. Я

уже молчу о его пользе – хотя бы как давнему другу, – со стандартной претензией, возмутилась девушка.

– Ты так говоришь, будто я не пробовал. Я постоянно прошу Кира взять перерыв, но он воспринял титул сильнейшего в Евразии слишком близко, и теперь стремится оправдать любые надежды. Что я в такой ситуации, могу сделать? – взглянув на Инессу, отчаянно спросил король.

Доводы заставили девушку затихнуть и задуматься, но лишь недолго поведив глазами по салону, она снова встретила с Артуром взглядом. Спокойно, слегка улыбаясь, барышня произнесла:

– Ещё с тех пор, как детей только начали собирать в самом дальнем Евразийском укрытии – ты и Кир постоянно следили за мной, старались уберечь от любых проблем... Он делал это по велению мамы, и отдавал на мою защиту все силы, а ты – ни с кем больше не ладил, и во всём ему помогал... – опустив глаза, с некой тоской, но при этом улыбаясь – завела Инесса рассказ воспоминаний. – Тогда, ещё будучи глупым ребёнком, я строила мечты о том, как было бы здорово, если бы вы всегда оставались друзьями и защищали меня, даже от пролетающей мимо мухи. И, как ни странно, когда Евразия стала расширяться и детей разобрали по семьям, ты, я и Кир виделись каждый день, продолжали играть и делиться новостями, мыслями, мечтами... Это только продолжало разгонять мои опасения ссор и расставаний, но вот – ты стал королём... Джаин придумал «Реокрацу», и под предлогом мо-

ей защиты Кир стал-таки сильнейшим капитаном. Вот только, именно тогда – мир моей мечты рухнул... – совсем уж расстроено, даже прослезившись – закончила девушка своё откровение.

– Инесса, я, – попытался успокоить её Артур, стараясь приобнять и утешить, но будущая мать, лишь утерев слезу – перебила его:

– И знаешь, за что я себя ненавижу, – наконец взглянув красными глазами в самую душу Артура, – за то, что до сих пор мечтаю вернуть, то золотое время...

Король несильно удивился, услышав это. Но он не знал, что тут можно ответить. Его спасло только то, что машина плавно остановилась, и дверь со стороны Артура – открыл его секретарь.

– Вы прибыли к месту назначения, – сообщил он, слегка приклонив голову.

– Что? – удивлённо промямлила Инесса, – но... он ведь остался во дворце, – шепнула она Артуру.

– Не заморачивайся, – отвлечённо ответил паренёк и, встав с сидения – подал девушке руку. Не менее удивлённо Инесса вышла из машины и, не сводя изумлённых глаз с советчика – направилась вместе с Артуром в дом его мамы.

Это место – его семейное гнездо, здесь он рос и крепчал, брал уроки у отца и познавал как внешний мир, так и свой. Так уж вышло, что именно здесь были посажены ростки потомства первого законного короля, а вовсе не в Бе-

лом дворце, куда вскоре Артур пригласил Инессу, как свою избранницу. Он позвал её жить в самое сердце Евразии, такое же светлое, как его намерения относительно их семьи.

Личные покои монархов были раскинуты на шестом этаже. На первом же, разместились служебные комнаты, к одной из которых подступила новоиспечённая капитан третьего отряда «Реокрацу». Дважды стукнув дверь тыльной стороной кулака, Лира приоткрыла её, сразу спросив:

– Простите, не отвлеку? – она старалась выглядеть бодро, но переживания душили её.

У дальней от входа стены, свои уставшие, красные глаза, под которыми красовались глубокие синие мешки – поднял человек, не менее поразительной внешности, чем секретарь короля.

– Ни в коем случае, – дружелюбно ответил паренёк, с волосами огненного цвета.

Лира вошла и, закрыв за собой дверь – подошла поближе к столу, за которым сидел нужный ей человек. Видом взрослее Артура, он на два года был его младше. Его поразительного цвета волосы лежали непослушно, заминать их приходилось силой; овальное и, по всей видимости, доброе лицо, пачкал груз усталости и недосыпа. Одевался он в ту же форму, что Лира; на правой руке заметна была синяя повязка, но металлического протектора было не увидеть; так уж сидел этот непонятный капитан.

– Меня зовут Лира; со вчерашнего дня – я капитан третье-

го отряда «Реокрацу» , – собравшись с мыслями, сообщила девушка, глядя немного выше головы собеседника.

– Точно, вот где я вас видел, – встав с места, протянул он девушке руку. – Моё имя Кир – я капитан первого отряда, – представился он, с улыбкой пожав собеседнице кисть. Только когда капитан встал – девушка увидела и его повязку, и внушительный рост; Кир оказался на голову выше третьей по силе.

– Да, мне сказали, что от вас я должна законно получить свою должность. Вчера так вымоталась, что было не до этого... – затараторила девушка, не отпуская руку первого капитана.

– Могу представить; я видел ваши бои только с четвёртым, третьим и вторым капитаном, – кивая, опустил Кир длань вниз, – но даже после этого, пожалел, что сам с вами не сражусь, – не решаясь сесть, выказал капитан должное уважение.

– Для меня бой с вами был бы честью, но король ведь не зря держит Второго так близко к себе. Только вчера, я поняла почему... – улыбаясь, рассказала Лира, искренне добрым голосом. Она отошла от переживаний за приём, и раскрепостилась, что языком, что телом.

– Согласен, Второй не так прост, как умеет казаться, – кивая, подтвердил первый. – Ну а что до вас, идёмте знакомиться с третьим отрядом, – выходя из-за своего стола, озвучил первый порядок дел.

– Вот этого я и боюсь. Они наверняка невзлюбят меня за случай с бывшим третьим ... – пряча глаза, заволновалась Лира.

– Не переживайте, третий отряд как раз базируется на разведке; я думаю, вы поладите, – спокойным голосом и добрым взглядом, утешил капитана Кир.

– Да, именно на это я надеялась, продолжая драться с капитанами слабее третьего, но всё же... – не как не унималась Лира, уже разворачиваясь за Киrom и неспешно подходя к дверям.

– Если у вас возникнут трудности – как первый капитан, я обязательно помогу, – пообещал сильнейший в Евразии – улыбаясь шире, чем раньше. Когда он открыл дверь и, пропустив девушку, стал её закрывать, третий капитан с осязанным любопытством молвила:

– Простите мне мою бестактность, но, сколько дней вы обходитесь без сна? – при этом, не сдерживая дружелюбный смех.

– Сегодня третий – ерунда, – непринуждённо ответил уходивший голос Кира, вначале хмыкнувший.

И разве такой мирный день не радовал сердца всех проживших его людей? Проблемы Евразии были слишком мелки, чтобы из-за них заморачиваться; по крайней мере, пока...

9 эпизод. Отважный шаг

Праздники людям необходимы; тёплым головам важно

знать, важно быть уверенными в том, что хотя бы день в году внимание точно будет направленно на них. Но судьба ни всегда милостива к тем, кто что-либо празднует, и порой даже дни именин приходится встречать с грустными вестями. Но начало празднования, не определяет его конец.

Встречу двадцать третьего года король Артур довершил вблизи своей мамы и той самой девуш, что ждала от него ребёнка. Солнце предательски растворилось под натиском луны, и теперь её дуга просвечивала с той стороны небосвода. Но даже тусклость освящения не стала помехой императору, в присутствии только лишь Чана и двух стоявших позади технолога кентавров, устроить очередную проверку своего Кулака. Он, и свита, находились на окраинах Империи – далеко за жилой чертой. Там располагался заброшенный полигон. Хотя с виду, и спустя века, так сказать не смог бы никто.

Под чистым небом, на широкой поляне, окружённой старым проржавевшим забором, утёсом держался император, примерно в центре участка. На расстоянии не больше двух метров от него, вдалеке друг от друга – установлены были громадные чугунные котлы, округлой формы и внушительной массы. Внутри каждого из них давно застыл свинец, нужный для утяжеления предметов. Император, чьи ровные волосы слегка колыхал ветер, спокойно и строго смотрел на левый котёл, в полной тишине. Похоже, он размышлял о чём-то. Пристальное внимание Чана не смущало его; уже ко-

торый век все глаза обращались только к нему. Но пришёл миг, когда владыка сжал пальцы в кулаки, и его тело облачилось нэогарской бронёй. Тогда думы окончились; вытянув к левому котлу правую ладонь, чьи пальцы неровно растопырились, Вэнтэр тихо произнёс:

– Киораку! – после чего котёл моментально откинуло назад. Его будто снесло с места резким порывом ветра – незаметного глазу, и на вполне приличной скорости, тяжеленный чан, немного приподнявшись с истресканого асфальта, умчался в сторону забора. Император, лишь слегка пригнувшись – за пару секунд взял незаметный глазу разгон и, только иногда мелькая по направлению к котлу, в конце – концов опередил его. Мощным ударом ноги с тыла, Вэнтэр отбил «снаряд» в обратную сторону – куда-то туда, где сам раньше стоял. Конечно, удар такой силы оставил на котле заметную вмятину, и заставил его завращаться вокруг себя. Теперь, неуправляемый чугунный метеор устремился напрямиком в Чана, что никак не успел бы спастись. Хотя, ещё задолго до столкновения – Вэнтэр вновь догнал котёл и, появившись в этот раз над ним, со всей силы, обеими руками, сжатыми в один кулак – ударил по нему сверху. Всего за мгновение, груда помятого железа протаранила собой покрытие полигона; на и так разломанном асфальте появилось раза в три больше трещин, а вошедший в землю почти наполовину котёл, судя по всему – сумел даже нагреться; лёжа в дыре – он дымился. Император аккуратно приземлился на

колени рядом с игрушкой. Он плавно поднял голову, и так уж вышло, что на глаза ему попался перепуганный Чан, за алым защитным куполом кентавров. Опустив задранные в разные стороны руки, и поправив свой запачканный пылью халат, учёный обиженно прогундосил:

– Похоже, из всех способов меня убить, вы решили выбрать не самый гуманный.

Вэнтэр же, выпрямившись, сквозь шлем взглянул на нэо-гара, как на комара.

– Я бы извинился, но ты ведь по-прежнему жив. Стало быть, я ни в чём не виновен, – после чего, без передышки – согнул ногу в колене и слегка развернувшись – ударил ею торчавшую из земли грудку чугуна. То, что недавно было котлом – оставляя за собой глубокий кривой ров, отъехало сквозь грунт ещё дальше, а император, взглянув в сторону второго котла, пока ещё целого – довольно хмыкнул и, вытянув к нему ладонь, пролепетал:

– Киобаку! – Котёл снесло с места, только в этот раз – направляя к императору.

Вэнтэр и сам решил не ждать; он снова оттолкнулся от земли и спустя секунду – долетел до цели, которую со всей силы ударил Кулаком. Это стало первым ударом, оставившим глубокую вмятину, но далеко не последним. Сразу после того, как правый кулак отлетел от столкновения, новую вмятину оставил левый, и снова правый, и в таком порядке Вэнтэр продолжал наносить удары, да с такой силой и ско-

ростью, что новые вмятины появлялись будто бы в бочке с мёдом, а размахи рук – мелькали в глазах, множеством тёмных силуэтов.

Не больше семи секунд носителю Кулака потребовалось, чтобы насквозь пробить чугунный котёл, сделав в его центре покорёженную, промятую дыру. Император пролетел сквозь измятую пробоину, созданную множеством следов от кулаков, а продырявленный котёл – с грохотом упал на землю и слегка дымясь, остановился на месте.

Вэнтэр, до придела возвысившись – обернулся к результату своих трудов. Он собрал внутри брони шлем с головы и, настоящим лицом – довольно осмотрел измятый до неузнаваемости котёл.

– Единожды, каждую неделю, – сказал вдруг Чан, – начиная с пяти вечера, вы из раза в раз проводите плановые тесты Кулака – устраивая новые и, как правило, более безумные испытания, чем были в прошлый раз, – напомнил технолог, пока Вэнтэр с недоумением на него глядел. – Я понимаю, что тесты вашей перчатке необходимы, но они могут проходить не чаще раза в год. К чему вам так часто искать изъяны? Да и вы их, кстати, ниразу не нашли... – гордо, но из приличия отводя взгляд, выдал Чан.

– Ну, видишь ли, – начиная шагать в сторону технолога, спокойно завёл император беседу, – тренировать своё тело мне ни к чему – ты создал его и так идеальным; привыкать к способностям Кулака тоже, я их лучше тебя заучил, – усмех-

нувшись, подметил он, продолжая шагать, – но любое изобретение, имеет свойство терять форму из-за простоя, или же выпускать в свой строй мелкие сбои, которые могут стоить мне жизни, – наконец остановившись прямо перед Чаном – на время затих владыка, смотря снизу вверх, но всё равно надменно – прямо в глаза нэогару. – Так, что плохого в моём желании не допустить подобного? – грубо проговорил воевода, со слабой улыбкой на детских устах. Обойдя оставшегося недовольным Чана, не спеша шагая к личному транспорту – Вэнтэр собрал броню в перчатку и, вздыхая, закончил мысль:– На этом свете полно дураков, что могут возжелать мести. Каждого из этих глупцов, я жажду наказать лично!

Императора из столицы доставили сюда одиноким, а обратно он уж тем более двигался таким. Властитель бросил своего технолога, зная, что тот доберётся до замка, но ни на секунду не интересуясь как. Вэнтэр бросил Чана, а луна сбросилась с черного полотна, и её вновь нагнало солнце.

В ранних его лучах, когда расстояние меж горизонтом и светилом не превышало ладони, Евразийский король уже разлучился со сном, и с Инессой. Сделал он это в пользу совещания с «Реокрацу», запланированного на этот день, но не имевшего точного времени. Когда Артур огласил его, капитаны, не смев опоздать, прибыли все до единого, за исключением второго. Перед сидевшем на бархатном троне королём, в ровную линию выстроились самые выдающиеся люди Евразии, в согласии с номером отряда и, соответствен-

но, с уровнем сил. Правее всех стоял Кир, он заодно был и выше всех; выглядел, как и раньше, уставшим, хотя старался это скрыть. Сразу после него теснилась Лира, на чьей руке блистала цифра «3». Далее был мальчуган на вид лет шестнадцати; его торчавшие вверх волосы, окрашивал черный. Пожалуй, только его затылок и виски были стрижены коротко, а разбитая на локоны чёлка – торчала вверх, немного наклоняясь влево. Пятый отряд представлял паренёк на вид лет двадцати; у него, как ни странно – волосы были ярко жёлтые. Шестая и седьмая капитаны – были девушками, явно строгими и спортивными. Хоть их лица выражали покой, они часто пылили. Самый слабый капитан носила волосы фиолетового оттенка; шестая же – зелёного. Каждый глава отряда стоял максимально ровно и держал руки за спиной. Униформа капитанов также была одинакова: чёрные брюки, белая рубашка с широким воротником, и чёрная жилетка – не обязательно застёгнутая. Позади Артура – правее него, стоял секретарь, чьи синие волосы неплохо вписывались в «карнавал».

– На этом собрании я хочу решить, как быть с принесёнными третьим капитаном новостями, – напряжённо отчитался король, лишь изредка поднимая потупленные глаза. – Надеюсь, второй капитан ввёл вас в курс дела? – с блеском надежды в зелёных очках, молвил Артур.

– Меня ввёл не второй, но суть ясна, – первым ответил сильнейший капитан, серьёзный перед лицом короля. – Но

ни мне, ни моим коллегам не понятно, что вы планируете решать? – тишина и пять острых взглядов поддержали Кира; королю пришлось поёжиться.

– Мой отец был безмерно прав, когда говорил, что пока существует Империя – существует опасность, – несколько опечаленно, припомнил он. – Королевская семья и совет министров считают, что пока силовой перевес у Империи, мы вынуждены жить в страхе. Нам приходится бояться нэога-ров, которые могут вторгнуться в Евразию, бояться за своих детей, и внуков... я тоже думаю, что это вопрос времени – когда император воспользуется преимуществом, – каждое слово короля преисполнял трепет; его голос дрожал, как колокольная сталь во время звона.

– Король Артур, – вступила и Лира, – вы сочли необходимым заполучить Кулак императора? – приподняла девушка бровь, и эшелон взглядов сдвинулся к ней. Капитаны «Рео-крацу», хоть и старались не подавать вида, всё равно заперезивали, ведь именно такую весть, они боялись услышать.

– Если, чего доброго, разразится война с врагом имперского масштаба, мы её проиграем, – тихо посулил наследник Джаина. – И, даже если, пока живы мы с вами – она не начнётся, боюсь, нашей расе – её не избежать. И я считаю, что если есть шанс раз и навсегда забрать силовой перевес на нашу сторону, мы обязаны это сделать, – робко молвил Артур. Его идеи были легки для понимания; он был первым королём, и хотел увековечить своё имя не только этим. Если в

период его правления будет добыто оружие, способное склонить Империю, память о нём не исчезнет. А какому королю это не желанно...

– Простите, если я недопонял, – Кир снова опередил своих коллег, – но император обзавёлся Кулаком как раз ради того, чтобы быть неуязвимым перед новыми покушениями на свою жизнь. Ведь так? – Кивки сильнейший получил и от короля, и от Лиры, а затем продолжил: – В таком случае, это всё равно, что лечить здорового. Кулак делает из императора нэогара, человеку с таким не справиться. Нам нужен свой нэогар, а его не получить без Кулака. Это абсурд, как и надеяться на победу в игре, по его правилам.

– В этом я с капитаном первого отряда солидарен, – холодно вмешался королевский секретарь. – Мы могли бы надеяться на успех миссии, если бы обладали и своей боевой бронёй, но, как вы помните, атакующие способности имеющихся костюмов, далеки от совершенства, – выпрямляя спину, помедлил Фрол, – как и защитные...

Нападение сразу с двух сторон заставило короля опустить глаза и подперев ладонью щеку – призадуматься... Даже напряжение среди капитанов спало, но стоило Лире зашевелить устами, как волнение вновь накрыло тронный зал.

– Если наш король считает эту миссию настолько важной, один выход есть, – невинно улыбнулась девушка, и Артур с надеждой впился в неё взглядом. – Я обсуждала наши нэогарские облачения с главой роботизации, когда сдавала свой

покрыв, и он кое-что предложил, – Лира осеклась, обдумывая, с чего начать. – Мы выяснили, что с моей сетчатки можно списать все сведения о нэогарских телах и на их основе внести коррективы в наши костюмы, но процесс этот длительный, – поделилась третья по силе. Она мужественно и ответственно умолчала о том, что он также болезненен, и способен привести к неприятным последствиям. – Я не хотела бросать свой отряд едва став капитаном, и вежливо отказалась, но если король прикажет, я пойду на это.

– Постой, Лира, – обычно капитаны избегали фамильярностей, но Кир себе её позволил. – Если в твоей голове и так хранятся нужные знания, зачем нам риск с Кулаком?

– Того, что я видела, будет мало, ведь я не капалась внутри живых нэогаров... этого хватит на улучшение базиса, и костюм станет совершенней, но если мы им воспользуемся, акцент должен быть на внезапности, а ни на силе, – добродушно пояснила капитан, чьи рыжие локоны на свету краснели. В этом они с Киrom сходились; только локоны паренка краснели всегда...

– Это ведь замечательно! – взбодрился Артур, выпрямив спину на мягком троне. – Это значит, у нас всё же есть шанс.

Капитаны восприняли новость без радости, которой отозвался король. Они сохраняли спокойствие, и всем сердцем возжелали своему дому победы, но понимали, что исполнителем придётся стать одному из них, а учитывая, что сильнейший – королевский друг, второй по силе избавлен от та-

кой участи заранее, Лира нужна в Евразии и её повторно не пошлют, выбор падёт на кого-то из последней четвёрки.

– Если броню и улучшат, кому доверить её использование? – секретарь стал первым, кто главный вопрос озвучил. Его монотонный голос опечалил короля сильнее, чем новая проблема. – Как ваш советчик могу заметить, что разумнее всего назначить сильнейшего из нас, – указав чопорной ладонью на первого, молвил Фрол, – капитана Кира.

– Нет! – возразил Артур, как только секретарь закончил. Ради громкости слов ему пришлось сжаться, и стиснуть кулаки. – Первый капитан нужен в Евразии. Он лидер когорты, и на него я возлагаю безопасность своей семьи.

Всё верно, этого ожидал каждый. Кир не только друг короля, но и брат его возлюбленной; Артур ни за что не стал бы им рисковать.

– Ваши опасения оправданы, – согласился пятый капитан, – но кому, в таком случае, доверить столь ответственную миссию? – раз Фрол замолк, пришлось озвучить новый вопрос вместо него.

– Полагаю, разумнее всего, – с дрожью произнёс король, – следующему после первого... – не желая это озвучить, тянул Артур время, – капитану второго отряда, – учащённо дыша, наконец выдал король.

– Что?! – воскликнул его секретарь. – Да... да как вы можете такое говорить?!

Не часто лицо синеволосого паренька бывало настолько

обескураженным. Его глаза расширились и сверкнули страхом, руки сжались в кулаки и растопырились как ноги, перебирая которыми, он отошёл от трона. Стоя в стороне от стола, чтобы лучше видеть взволнованного короля, советчик оскорблённо изрёк:

– Вы хотите оставить Кира в Евразии только потому, что с детства водите с ним дружбу! Вам плевать на самого верного королю человека! – не скрывая раздражённости, явил свой истинный характер самый безразличный капитан. – Вас совесть не замучает, когда пусть и второй по силе, но безмерно верный вам – погибнет ради несбыточной мечты о безопасности?! – наконец замолк второй капитан «Реокрацу», пока остальные главы прибывали в не особо ярлом шоке.

Артур, сжимая кулаки, стыдливо прятал взгляд. Понимая, что тишина слишком затянулась – встревоженный секретарь, упиревшись о королевский стол – более тихо, хотя не менее гневно добавил:

– Я поклялся вашему отцу, что вы не познаете серьёзных невзгод. Но раз вы сами решили скормить меня провальному плану – пусть Кир с вами носится, – вытянув в сторону первого указательный палец, заявил Второй со всей наглостью.

Друг короля сдерживался из последних сил; взором, он вот-вот просверлит в советчике дырку.

Раскалившуюся обстановку, охладило громкое слово Лирь:

– Секундочку! – заявила она, обратив к себе всеобщее

внимание. – Нам понятны мотивы как короля, так и капитана второго отряда; но ни Кир, ни Фрол – не годятся для этой миссии.

– Правда? – вслух озадачился синеволосый парень. – И что в такой ситуации делать? Радоваться, или считать себя оскорблённым? – иронично спросил он у Лир, вернув безразличный лик.

Девушка перевела взгляд на короля, и в своей стандартной, рассудительной манере, пояснила:

– Пусть сильнейший в Евразии и второй после нег, обладая хорошим боевым костюмом, смогли бы победить императора один на один – без прочих помех или неудачных нюансов, это дело не обойдётся, – слегка покачав головой, замолкла барышня. – Император достаточно осторожен и внимателен; чистой силой, его не одолеть. Именно поэтому, против него необходимы навыки и знания, которые словами не передать, – опустив глаза, притихла девушка. – Я же, целые полгода изучала его, наблюдала за его жизнью; мои глаза и память станут Вэнтэру более страшным врагом, чем кулаки первого или второго капитана, – Лира подвела итог и, не смотря ни на что, улыбнулась.

– Только не говори, – вмешался Кир, взволнованно глянув на третью по силе, но Лира – взглянув ему в самые очи, решительно вставила:

– Если кто и способен выкрасть Кулак – то это я! Я – вызываюсь добровольцем! – замешкавшись лишь на секун-

ду, взглянув выше трона Артура, объявила капитан, скрасив безмолвие шагом вперёд.

– Но это безрассудство! – вновь вмешался Кир. – Пусть ты знаешь больше всех об Империи и повадках Вэнтэра – этим, его не одолеть!

– Ошибаешься... – тихо, глядя первому в глаза, со слабой улыбкой возразила девица. – Я досконально знаю его привычки, места уединения, распорядок дня и правила собственной безопасности. К тому же, только я уже управляла нужным костюмом, а значит, на тренировку его эксплуатации – время тратить не придётся. За те тяжкие полгода – броня стала мне второй кожей, и даже стаж в имперском деле говорит сам за себя, – рассудительно и спокойно, убедила Лира весь тронный зал, в своей пригодности к новой миссии.

Каждый капитан, как и король, заморожённый доводами, и так склонился к одобрению её плана, но девушка, элегантно улыбаясь, перевела взгляд на хозяина престола, и добавила:

– Да и разве, добровольцам отказывают?

Артур, услышав это, отодвинулся назад и, зашевелив глазами, стараясь спрятать их, слегка стукнул ладонями о стол. Посмотрев на более низких званием капитанов, он объявил:

– Я считаю, что столь серьёзные вопросы, как выбор творца нашего будущего – можно доверить только совету капитанов «Реокрацу». Будьте добры поднять руку в знак согласия с отправкой первого капитана, – закончил король, подняв в воздух дух напряжения.

Без промедлений руки подняли Кир, и его сосед по званию – второй в «Реокрацу».

– Кто согласен с кандидатурой второго капитана?

Поднятых рук не последовало.

– Спрашивать уже ни к чему, но всё же... кто за отправку Лиры?

По очереди, начиная с седьмого капитана, которая оказалась самой решительной – руки подняли остальные. Фиолетововласую девушку поддержала шестая по силе в «Реокрацу», а затем пятый капитан, после которого руку поднял четвёртый; даже сама третья, проголосовала за себя.

Кир, встревожено за этим наблюдая, осознал результат. Понимая, что он не в силах был что-либо исправить, сильнейший отвернулся в сторону.

– Я, очень благодарна вам, за доверие, – искренне улыбаясь, тёплым голосом молвила Лира. – Я обещаю сделать всё возможное, чтобы Кулак помог нашему делу, – заявила она, сжав руки за спиной.

– Боюсь, только «возможного», для успеха не хватит... – сухо проямлил секретарь короля, отвлечённо глядя в сторону.

– По-твоему так, – вступился за девушку Кир, – благодарят прикрывших твой зад?!

– По-моему так, – безразличным голосом, но с призрением глядя в глаза сильнейшего, – констатируют факты, – ответил второй капитан.

Артур поднялся с трона, предупреждая конфликт, и вначале запнувшись, молвил:

– Я – от лица всего народа, благодарю вас, Лира. Ваши поступки заслуживают вечной памяти... – опустив глаза, за- тих король.

– Пока их слишком мало, – самокритично ответила Лира, кивнув.

– Благодарю всех за участие. Вы свободны, – объявил на- следник Джаина, вернувшись на трон.

Тронный зал быстро почти опустел; в это «почти»– вошли капитаны первого и второго отрядов. Кир так и продолжил стоять на месте, смотря на Артура, что с некоторым смущением оглядывался по сторонам, не зная, как себя вести. Королевский советчик, спокойно стоял справа от трона, беспристрастно глядя на сильнейшего в Евразии.

– Я так понимаю, – с явной неловкостью начал Артур, – разговора с тобой, мне всё равно не избежать?

– В точку, как всегда... – опуская руки, сжатые за спиной, согласился капитан.

Король, посмотрев на секретаря, лишь собрался что-то сказать, как синеволосый паренёк изрёк:

– Подожду за дверью... – после чего, размеренным шагом – покинул тронный зал.

– Зачем ты утвердил на эту миссию Лиру?! – во весь опор начал капитан. – По-твоему, она мало пережила?! – подходя к королевскому столу, не сбавлял он тон. – На долю этой де-

вушки и так выпал град испытаний, а тут ещё и бой с императором! – разводя руками, ошетинился Кир.

– У меня толком не было выбора... ты ведь сам видел, она лучший кандидат, – не выказывая смятения, начал оправдываться Артур, хотя в конце своей речи сник...

– Ты запросто мог... да не то что мог, ты должен был отправить меня! – указал на себя первый.

– Нет, не мог! – огрызнулся король, повысив голос. Он держал сжатые в кулаки руки на столе, а голову опущенной вниз, пытаясь таким способом унять переживания. – Даже если и был должен, всё равно не мог, – наконец взглянув Кире в глаза, добавил он. – Можешь наплевать на себя, на меня, но я не позволю тебе плевать на Инессу.

– Ей можно было ничего не говорить! Я и так вижусь с ней редко... – отводя взгляд, стих капитан.

– Вот именно! – прижавшись спиной к трону, согласился король. – Я и сам не замечал, какую боль ей причиняет твоё безразличие, пока вчера, она не раскрыла мне глаза... – со слабой дрожью пояснил он, припустив голову. – Она действительно обожает тебя, и не перестаёт благодарить ваших родителей за такого брата... – приподняв голову, король слабо улыбнулся. – Но чем сильнее ты от неё отдаляешься, тем больше ран оставляешь в её душе... – услышав это – Кир занервничал. – Инесса очень мне дорога, и так же сильно я дорожу ребёнком, зреющим внутри неё. Я настолько сильно хочу для них счастья, что не позволю ничему на этом све-

те, навредить им. Твой уход ранит Инессу даже больше, чем смерть – ведь если ты покинешь дом, ты от неё откажешься. А я – не в праве этого допустить!

– Я понимаю тебя. Твоё решение стало неплохим выходом, – поникнув, согласился Кир, глядя вниз и говоря довольно тихо. – Ты позаботился о тех, кто тебе дорог; семья должна быть на первом месте – ты всегда чтил это правило, – переведя взгляд на друга детства, безрадостно продолжил капитан. – Вот только, ты король, и твоя семья – вся Евразия. Пусть ты и стараешься обеспечить комфорт каждому человеку, порой совсем не замечаешь, – смяв рукой свою форму в ближайшем к сердцу месте, замолчал паренёк, – как рушишь чужие миры, – после чего, развернувшись к королю спиной – окончил разговор.

– А как я должен был поступить?! – вскочив с трона, воскликнул Артур. – Отправить в Империю тебя и уничтожить мир твоей сестры? Рискнуть единственным, ближайшим другом, когда вместо него можно положиться на более разумный вариант?! – накинул на капитана кучу вопросов король, волнуясь и не скрывая злинку.

– Я не вправе отвечать на это королю, – даже не повернув голову, сжал Кир дверную ручку, – но другу я бы ответил, что порой, ради чужого счастья – можно позабыть и о своём... – наконец покинув тронный зал, вместе с дверью закрыл тему сильнейший капитан.

У самого вступления в кабинет по-прежнему стоял второй

по силе; его взгляд – дарованный Киру, был безразличен и вял.

– Я думал мою истерику никто не переплюнет... – монотонно произнёс он. – Ты меня даже в этом обошёл, – за всей своей сухостью, он был остёр, как бритва.

– И не надоело тебе, прятать страх за каменной миной? – подняв брови, будто с насмешкой ответил Кир. – Хотя, прости за вопрос. Тебе ведь не удаётся его спрятать, – после чего, всё тем же спокойным шагом, продолжил уходить.

Много всего возжелал второй предпринять, но все попытки сместить Кира с титула сильнейшего – провалились, и как бы не хотелось Фролу отнять у того жизнь прямо здесь и сейчас, за это придётся отдать свободу. Итог не лучший... пусть себе идёт куда шёл, всё равно Артур узнает и поймёт, кто из них преданней и сильней.

Конкуrentов на это у второго с каждым днём прибавлялось; вот Лира заявила, обольстительная и рассудительная, всё знает наперёд и на всё у неё готов ответ. Кто следующим станет помехой? Сопляк четвёртый? Слабоумный пятый? Что однозначно, так это отсутствие повода переживать за двух слабейших капитанов; они на своих постах с самого момента формирования «Реокрацу», и даже не делали попыток расти в звании. После сегодняшнего совета, они задержались в замке дольше всех.

Шестая и седьмая всегда держались вместе, вместе пребывали даже сейчас – прогулочным шагом выходили на ули-

цу из Белого дворца.

– Мне одной кажется, что третья провалится? Она сильна, и много знает, но даже первый вряд ли завалит неогара, а тут аж третья, – шестая любила сплетни, и любила поддерживать свой облик в порядке. Она всегда держала под рукой зеркальце, тушь и румяна, подчёсывала волосы и подкрашивала губы.

– Эта девица не внушает уверенности, – категорично ответила седьмая в «Реокрацу» – девушка с фиолетовыми волосами. Её короткой стрижке шли мужские вещи, и в целом она была мужеподобна. – Я бы ей свою жизнь не доверила. Но навыки порой куда важнее силы, а у неё они отточены.

– Прощу прощения, – послышался позади голос Кира, а чуть опосля и его гулкие шаги. – Вы не знаете, куда направилась Лира? – поинтересовался он, у слегка удивлённых капитанов. Шестая была бы рада ответить, но покраснела и отвлеклась на рост сильнейшего, на широкие плечи, на его плавные скулы и цветом напоминавшие огонь волосы.

– Вроде, собиралась в Евразийский центр развития наук... – поделилась седьмая, после чего локтем пихнула свою подругу. Та закивала, пожимая плечами, как набитая дура.

Поблагодарив коллег – сильнейший капитан отправился в указанную сторону, к центру, где шефствовал Герд. Располагался он совсем не близко к дворцу, а скорее – далеко. В желании увидеться с Лирой обретя спешку, первый набрал скорость, а спина его набрала взгляды двух слабейших ко-

горты.

– Везёт же новенькой, – неустойчивость глаз шестой явно хвалила не спину в чёрной жилетке.

– Ты не там и не та, чтобы об этом думать... – вздыхая, взялась за упрёки седьмая.

Свой путь сильнейший в «Реокрацу» проделал на личном транспорте, и добрался до центра научного развития в сроки, что можно назвать скорыми, но это не обеспечило его быстрой встречей с Лирой. Кира заставили ждать под дверями лаборатории Герда, пока тот всё не закончит, а дел у него с девицей оказалось много.

Когда девушка со светло-рыжими волосами, часто собранными в тугий высокий хвост, вышла за двери Евразийского храма наук – сменилась дата; один день, перетёк в другой. Какого же было её удивление, когда сидевший на встроенных скамьях паренёк поднялся; его рост – снова поставил Лиру в неловкое положение.

– Твоя сетчатка уже прошла нужные тесты? – спросил Кир, озарённый лёгкой улыбкой.

– Д- Да, вот только результаты долговато ждать... – рассеянно ответила девушка. Заглянув первому в глаза, она от радно добавила:– Если ты здесь, чтобы отговорить меня от миссии захвата Кулака – не трать время даром, – добродушно отрезала она, качнув головой.

– Я понял, тут бесполезно пытаться, в этом мы с тобой схожи, – уперев руки в бока, хохотнул Кир. – Я перед тобой

с другой целью.

Лира с интересом согнула уста, намекнув на желание услышать конкретику. Блеск оттенявших красным глаз Кира, и чем-то тигровым очей барышни, и так говорили меж собой.

– Я буду прям, – приблизившись к ней, натянул сильнейший серьёзность. – Предлагаю тебе совместные с моим отрядом тренировки. Твой третий и мой первый отряды пойдут по одному пути обмена мастерством, а твоим главным куратором подготовки к миссии – стану я, – приобняв Лиру за плечо, изложил Кир. – Возможно, я не лучший учитель, но как первый капитан – стану хорошим наставником, – упоенно пообещал паренёк, незаметно уводя Лиру за собой. Третий капитан, в свойственной ей нерасторопной манере, улыбаясь, поинтересовалась:

– А кто-то, кроме нас с тобой, знает об этих реформах?

– Чем меньше люди знают, тем крепче они спят... – не скрывая рвение побыть рядом с капитаном – заключил Кир, продолжая уводить Лиру...

10 эпизод. Последний дар отца

Среди двух миров, что сосуществовали на полушариях материка, разогнанные друг от друга перешейком и враждой – меньше в отдыхе нуждались нэогары, но именно люди пренебрегали им.

Вплоть до самого вечера бессмертный Герд пробыл на рабочем месте, в пустующем кабинете, что походил на скром-

ную лабораторию, где места было не так уж мало, но оборудование нещадно его крало. Он вкрадчиво перебирал сотни фрагментов памяти единственного человека, видевшего Империю совсем недавно. Изучая и сохраняя самые нужные данные, профессор, куняя носом и потирая глаза между зевками – настороженно приободрился. Его глазам вернулась ясность, а лицу любопытство; не иначе, он наткнулся на что-то странное. Вскоре на лицо накатила восторг; он изумился тому, что показалось ему гениальным.

Рабочее место слилось с Гердом в единое целое до глубокой ночи, и осталось таковым до самого утра, ибо некогда главный конструктор Гегара, не стерпел усталости и против воли своей уснул. Даже пальцами нежного солнца не удалось согнать сон с его разума.

Светило водрузилось над горизонтом совсем рано, а когда поднялось повыше, к компании бодрствующих присоединился Евразийский король. Не сменив измятую сном пижаму, Артур лишь сонно приступил к своему завтраку, когда его покой потревожил секретарь. Время, по меркам монарха, было весьма раннее, и когда скучный Фрол, закрыв за собой дверь, молвил:

– Простите, король; начальник технологического развития требует вашей аудиенции, утверждая, что нашёл в памяти третьего капитана нечто важное, – реакция паренька отобразила нежелание никого слушать. Не зря ведь он отправился на трапезу раньше Инессы; любому порой хочется

уединения.

– Я не готов к приёму советников... – обескуражился Артур, оглядев свой непристойный вид.

– Простите, – вмешался вдруг сам профессор, голосом сдавленным и быстрым. Он умудрился пропихнуть голову чуть ниже локтя секретаря, где места на полные вздохи не хватало. – Ждать моя находка не может! – сообщил он, как в былые годы спорил с Джаином.

Подобная дерзость прогневала телохранителя Артура, но король, поняв, что стесняться ему теперь нечего, безысходно решил:

– Только прошу, поторопитесь... если Инесса увидит, что я ушёл без неё, она обидится.

Второй капитан пропустил бессмертного, и тот подоспел к столу короля с последними его словами. Вблизи, как разглядел Артур – Герд выглядел ничуть ни лучше; его халат был измят, волосы растрёпаны, под глазами собрались синяки, а на правой щеке красовалась розовая вмятина от складок рукава.

– Из множества документов об одобренных и закрытых проектах, найденных в подсознании третьего капитана, я наткнулся на этот, разработанный самим Джаином тип нэогаров, – сухая рука вручила королю подробную схему роботизированного тела. – К сожалению то, что вы видите, не пригоден к использованию как внешний скелет, зато как отдельная боевая единица – он, не побоюсь этого слова – идеален! –

заявил член совета, пока Артур, нахмутив брови, рассматривал не самый понятный рисунок нестандартного нэогара

– Ну, внешне мне этот нэогар нравится... – замешкался король, не отрываясь от схемы, – но, даже если я чего-то не понимаю, разве наша основная цель – не приспособленный к ближним сражениям нэогарский костюм? – приподняв бровь, уточнил паренёк. Он солгал насчёт внешности; её он тоже не разобрал, ведь состояла она из цифр и чёрточек.

– Поверьте мне, лаборатории хватит ресурсов хоть на пять запущенных проектов, без вреда нашей главной цели. Переверните лист, и вы поймёте, почему я позволил себе вас потревожить, – заявил профессор, без малейших сомнений. Артур, с любопытством поднял первый листок вверх и, увидев содержимое следующей схемы – перестал шевелиться. Он вцепился взглядом в последующий чертёж, а вдоволь насмотревшись, улыбнулся.

– Это в духе моего отца – придумывать трудное для реализации, но полезное в эксплуатации... – радушно огласил король, и опустил верхний лист. – Скажите, нам удастся заменить этим нэогаром выбранного агента внедрения? – возвращая фиксатор с документами, спросил король.

– Очень сомневаюсь. Для создания нэогарского костюма у нас почти всё на руках, а для этого проекта – мы совершенно не подготовлены, – пояснил профессор, пожав плечами. Станным получился его визит, он ведь не мог прийти просто похвастаться находкой?

– Как последний подарок моего отца – этот нэогар должен увидеть свет. Вы смогли бы заняться параллельно и им?

– Если вы прикажете, – ошастливился советник, низко кинув. – Но потребуются спонсирование, и не малое, – только Фрол почему-то нахмурился, сделав острый взгляд мрачным. Его лицо заострилось ещё сильнее, хотя Артур догадывался, что этим диалог и завершится. – Проект «Спидрайдэр» обойдётся нам дороже, чем отправка Лиры, и придётся привлечь новых сотрудников... но разве подарок Джаина того не стоит? – Герд не боялся вождя, и не боялся его ведомого наследника.

– Вас снабдят всем необходимым, – тихо кивнул Артур. Товарищ его отца расплылся в улыбке, откланялся, и не обратив на нелюдимого Фрола внимание – ушёл, получив своё. Хотя профессора не в чём было винить; он действовал в общих интересах, пусть и отклонялся от приоритетного задания... но время стояло ранее, а за день, начатый рано, можно успеть много.

Это однозначно стоило сделать личным девизом Кира, который, сколько себя помнил – подрывался со сна едва отсветит зарево рассвета. И с сегодняшнего дня он возжелал взрастить корни этой привычки в своей подопечной, ставшей таковой уж точно не ради ранних подъёмов. В этот час, для кого-то чуть ли ни ставший поздним, в центральном штабе первого отряда «Реокрацу», располагавшегося на границе столицы и северного окружного города – сильнейший

в Евразии, и его новоиспечённая ученица – третья по силе, спарринговались под лозунгом обмена мастерством. Они обучали друг друга использованию мечей, нанося удары и подбирая блоки, на размеренных скоростях. Танец их движений проходил в просторном зале, чей пол был услан матами, а из двух маленьких окошек сочился утренний свет. В его белёсых лучах переливались выступавшие капли пота, и раздавалось отягчённое дыхание.

Лира, совершенно не желала уступать Киру; нескончаемый обмен ударами завершился тогда, когда первый капитан поддел ногу девушки тыльной стороной тренировочного оружия, из-за чего Лира упала на спину. Не самое приятное ощущение, но устало посмеиваясь – она с тяги Кира поднялась.

– И как ты изворачиваться успеваешь? – поправила она норовившую задраться безрукавку.

– Проблема в твоей стойкости, – указывая на ноги, пояснил Кир. – Пока ты наносишь удары, твой центр тяжести слишком уязвим. Ты не придаешь ему должного значения, – глаза его мерцали серьёзностью, но уста сердечно изгибались лёгкой улыбкой.

– Тогда, может научишь следить за ним, а оружие на ком-нибудь другом собьёшь? – колко предложила Лира, глядя в на редкость бодрые глаза первого капитана, с привычными усталыми синяками.

– Мне известен только один способ добиться идеальной

стойкости, – растягивая улыбку, сжал Кир свои мечи, – Практика! – после чего снова напал на девушку. Лира этого ожидала и первые удары парировала, как опытный разбойник, но нанести свои – ей мешала безупречная техника сильнейшего.

Тренировка первого и третьего капитанов, показавшаяся последней бесконечной, продлилась до самого обеда, когда они оба, наконец, согласились хоть немного перекусить. Их желудки потребовали этого громче голосов, которые лишь изъявили согласие.

Множество на свете ощущений неприятных; их, пожалуй, можно насчитать даже больше, чем приятных. Но только пару из них император ненавидел всей душой – это старость, и голод. Он навсегда отринул первое, а со вторым не прекращая боролся; свежие соки, мягкая выпечка, пироги, торты и джемовые конфеты, которые уж очень ему полюбились – поддерживали Вэнтэров аппетит на сытом уровне непрерывно, и мальчик уже давно отказался от расписания приёма пищи. Время переходов от трона к трапезной можно было потратить на разбор бумажек, извечно обставлявших его стол. Но если не обед, так Чан отвлечёт его.

– Император, – выглядывая из-за двери, прогундосил технолог, – сможете на меня отвлекаться?

– Как показывает опыт, ради тебя отвлекаться стоит, – взгляд синих глаз, сместившись с документов на нэогара – дозволил войти. Чан дошёл до края стола, и вот настал мо-

мент говорить, но учёный поник.

– Я... даже не знаю, как бы начать... – Вэнтэр хмыкнул, недружелюбно посмеявшись.

– А я думал, ты свои вступления заранее продумываешь, – собрал мальчик руки на груди.

– Обычно, так и есть, – подтвердил технолог, – но в этот раз, я решил импровизировать... – пояснил он, снова увидев ждущий взгляд Вэнтэра. – Думаю, начать стоит с вопроса о том, какой вы представляете жизнь после смерти? – выдал вдруг профессор, изумив мальчишку. Откинувшись на спинку трона – воевода заёрзал на месте, словно сидел на еже.

– Я думаю, в головах практически всех нэогаров, на этот счёт одинаковое мнение. И тебе оно известно, не хуже, чем мне, – медленный и тихий голос говорил о недовольстве больше, чем слова.

– Да, вы правы. До тех пор, пока вы не наложили запрет на информацию обо всём, что касается других жизней – нэогары получали одни и те же знания, – напомнил Чан, и император нахмурился ещё сильнее. – Раньше, в нас встраивали информацию о том, что помимо нашего измерения, известного как Материальное, существует другое – названное Ментальным. Всё, что было удостоено жизни в нашей вселенной, после своей смерти – сохраняется как память, знания, характер и образ мышления, только в Ментальном мире. Это давно надвигало лучшие нэогарские умы на мысль о возвращении

сознания из Ментального мира, в Материальный, но...

– Техники воскрешения запрещены! – перебил главного учёного мальчишка, грубым и даже злым голосом. – Я не знаю, зачем тебе то измерение, но думать забудь трогать чужие души! – буквально приказал он, привстав с трона.

– Вы очень зря меня перебили, – спокойно подметил Чан, – ведь я как раз хотел сказать, что практика воскрешений не приводила ни к чему хорошему, и техники – рушащие завесу миров, ни в коем случае не должны снова нам вредить.

– Тогда к чему разговор о Ментальном мире?

– Я нашёл один способ, очень даже трудоёмкий, но всё же реальный...

– Ближе к делу! – нетерпеливо выкинул воевода.

– Имея на руках тело мёртвого нэогара – его можно вернуть к жизни, не выискивая новых сосудов для души, как это необходимо при обычных техниках воскрешения. Такой вариант – не навредит ни одному из миров... – наконец огласил суть доклада профессор, и владыка, чьи глаза, расширившись, опустели, лишь медленно прижался спиной к трону.

– Думаю... ты хочешь предложить вернуть к жизни кого-то конкретного? Иначе, ты б изложил всю суть идеи в простом отчёте, – не сдвинувшись с места, проговорил он на одном дыхании, ощущая в груди сильные, глухие стукки...

– Практически сразу после вашего становления челове-

ком, – глядя в сторону, пробормотал технолог, – вас настигла, та самая неприятность, вызванная слабо контролируемые человеческими эмоциями. В этом, отчасти виновен я, – опечаленно загнул нэогар, стараясь скрыть своё сожаление.

– Если неприятностью ты назвал ту грандиозную ссору, то не переживай, в ней нет твоей вины... мой заместитель – не контролировал свои эмоции даже будучи нэогаром, – уныло оправдал Чана Вэнтэр.

– Я просто подумал, – фанатично затараторил Чан, – что если смогу вернуть к жизни причину ваших разногласий – эта вражда будет окончена.

– Нет! – сразу же вставил Вэнтэр, в такт удара кулаком о стол. – Перестань думать о вмешательстве в другой мир! Это тот самый случай, когда цель не окупит средства! – махнув рукой, приказал властитель.

– Как скажите, – не решился возражать технолог. Вариантов, кроме как уйти – у него не осталось.

Вэнтэр редко отвергал разумные, и масштабные его предложения, но сегодня властитель сделал это, и не в пример грубо. Хотя, сама по себе Империя располагала быть грубой, ведь население её составляла холодная живая сталь, и даже первый бессмертный, всё ещё жил теми днями, когда был силён и жесток.

Евразия же – лучшая, от того что единственная её противоположность, не растрчивала дни на документы и воскрешения неназванных лиц. Она погрязла в делах и обязатель-

ствах, поставленных пред её носом первым королём. Научные центры и верха когорты «Реокрацу» – неделями напролёт всё разрабатывали, улучшали и совершенствовали возделанный план по захвату Кулака. Нельзя не представить, ни сосчитать – сколько сил, ресурсов и стремлений было вложено в проект безопасности от и так мирной Империи, за последние два месяца. Целых четыре недели понадобились самым лучшим Евразийским умам, чтобы собрать готовую к работе боевую броню нэогара. Столько же – ушло на исправление мелких неполадок и подгон костюма точно под третьего капитана – выбранного для повторной имперской миссии. Вызвавшийся доброволец, из всего этого времени, и часа впустую не потратила. До тех пор, пока её облачение не было доведено до совершенства, она тренировалась совместно с сильнейшим в Евразии, и оттачивала каждое движение, каждый удар, каждый приём...

И вот наступил тот самый день, когда для отправки Лиры в Империю – приготовили всё. Завершив свои важные дела, которых у девушки оказалось непредсказуемо мало, на закате долгожданного дня, третий капитан – облачённая в созданную по её же памяти броню, и остальные капитаны «Реокрацу», вместе с королём и сестрой Кира, желавшей посмотреть, куда это её муж направлялся в столь позднее время – собрались на границе Евразии и пустыни; в том самом месте, где солнце запросто могло даже песок превратить в красную россыпь, на фоне алого неба.

Секретарь Артура стоял позади него – с правой стороны, сохраняя безразличие и отвлечённость. Инесса находилась слева от короля, держась за его руку; её уж очень большой и соответственно тяжёлый живот, будто намеревался лопнуть, хотя этого, к счастью, не происходило.

Торчавшая из громоздкого нэогарского тела голова милой, рыжеволосой, покрытой редкими веснушками девушки, чья шея была закрыта со всех сторон – смотрелась довольно несуразно. Никто из присутствовавших, кроме самой Лиры, даже не улыбался. Она единственная обеими ногами стояла в песке; позади неё виднелся внедорожник, чьи колёса наполовину «затянула» пустыня; король с капитанами, стояли на территории Евразии, там, где земля была прочна хотя бы от того, что усеивалась мелкими камнями. Ближе всех к Лире стоял Кир; в этот раз, именно ему приходилось смотреть вверх, ведь теперь, это он был на пол головы ниже «нэогара».

– Надеюсь, вы простите меня за то, – разрушил тишину Артур, – что снова мы всё оформляем по-тихому... Просто, если придавать этому огласку, в народе начнутся лишние беспокойства...

– Ничего, – спокойно ответила девушка, – и вы и ваш отец поступили мудро; чем меньше люди знают, тем крепче они спят, – широко улыбаясь, усмехнулась капитан, взглянув на Кира.

– Будь осторожна, и возвращайся поскорей! – неумело пряча заботу под наставлениями, изложил сильнейший ка-

питан.

Ли́ра лишь умилённо кивнула и, развернувшись лицом к своему транспорту, собранному как раз для поездок по пустыне – решительно пошла в его сторону. Подняв с переднего сидения шлем – идеально походивший на настоящую голову нэогара, она надела его, и в конец обратилась враждебным роботом. Оседлав место у руля – отважный капитан завела мотор, и все её коллеги, кроме только Кира со вторым по силе в «Реокрацу», громким хором крикнули:

– Удачи и до встречи!!! – синхронно, чеканно.

– Ждите меня с Кулаком! – подняв левую руку, ответила Ли́ра, после чего на полной скорости умчалась вперёд – туда, где горизонт размывался окраинами Империи...

Даже спрятав лицо под нэогарским шлемом – девушка не смогла сдержать слёзы, отдаляясь от того, к кому успела прикипеть. Кир, из-за которого сердце Ли́ры не хотело более покидать дом – опустив махавшую руку поник, и вяло произнёс:

– Надеюсь, ты вернёшься скоро... – будто даже не сомневаясь в возвращении своей последней – самой дорогой ученицы.

– Ох, не нравится мне эта девица, – сморщив лоб, прошептала Инесса, смотря в спину своего брата. – Ведёт себя так, будто уже возвратилась с успехом.

– Её отвага и решимость заслуживают всех похвал, – не сводя взгляд с удалявшейся машины, пробормотал король. –

Она сама вызвалась вновь побывать в аду, ради того, чтобы заполучить наш силовой перевес. Лично я – не знаю более смелых людей.

Хоть Артур понимал, что такие слова вызовут в Инессе бурю самых неприятных чувств – совесть, не позволила ему ответить иначе.

– Вам стоит радоваться; она уберегла от этой участи вашего брата, – глядя на королевскую жену, позволил себе вставить секретарь короля. Присутствие Фрола с давнего времени вызывало у Инессы смятение; этот острый вид и каменный нутром человек с синими волосами пугал её, но сейчас, впервые получив от него наставления, она разозлилась.

– Тебя спросить забыли! – огрызнулась будущая мать.

Король оставил их перепалку без внимания; он рукой обнял плечи своей возлюбленной, и бережно сопровождал к транспорту, управление которым доверил секретарю. Королевская чета отстояла положенный срок, и теперь они со спокойствием могли возвратиться домой. Они дождались, пока с последними лучами сегодняшнего солнца вездеход Лирры не растаял за буграми опалявших воздух дюн; четвёртый, пятый и шестой капитаны, тоже направились к своему транспорту, включавшему всего семь мест. Но Кир остался на месте. Он не сводил болезненный взгляд с горизонта; глубоко вздохнув, сильнейший опустил голову так, чтобы в поле зрения был только всё ещё горячий песок. В такой же позе, он нерешительно зашагал по территории пустыни, соблюдая

направление точно к следу транспорта Лиры. Его голова была опущена и глаза спрятаны, но, судя по уныло висевшим рукам и будто уставшим шагам, было понятно – первый капитан отчаялся.

– И куда ты собрался? – прозвенел вдруг голос седьмого капитана, чьи фиолетовые волосы теперь казались тёмными. Она подловила Кира на очередном шаге, когда он добрался до начала следов внедорожника. Его нога так и застыла в воздухе, а из опущенной головы – донеслись тихие слова:

– Я никогда себя не прощу, если позволю ей рисковать. Я должен...

– А если не позволишь, – во весь свой грубый голос, перебила Кира седьмая, – тебя никогда не простит она! Это её выбор, её путь и её цель! Ты не сделаешь ничего хорошо, если превратишь её в беспомощную неудачницу, – выдала капитан, чем привлекла внимание остальных – севших на свои места людей.

Кира это заставило взглянуть на собеседницу, после чего он сжал руки в кулаки и снова отвернулся – в сторону корня всех людских проблем.

– Если ты сейчас проследуешь за Лирой – это разобьёт её уверенность в своих силах. С ней случится кое-что пострашнее смерти... – припустив глаза, рассудила девушка. – Она разочаруется в самой себе, – после чего развернулась, и направилась к капитанскому транспорту. Она всё сказала; Киру пришлось остаться в окружении собственных мыслей, на-

веянных седьмой. Может прошла минута, может час, а может, и целая изнурительная вечность, прежде чем Кир отстранил взгляд от живописного горизонта из песчаных бугров. Он наконец решился. Уверенным, быстрым шагом лучший в когорте дотопал до транспорта, где выбрал место у руля. Заведя мотор и начиная выезжать с расчищенных окраин – он решил вернуться домой, позволив Лире самой вершить возложенную на неё миссию. Хотя боль и тяжесть, оставшиеся после расставания – с трудом смог бы вообразить не познавший привязанности человек...

Единственная из капитанов, способная мило улыбаться даже пред лицом смертельной опасности, и не думала убирать ногу с педали газа. Лира, а точнее поглотивший её нэогар – мчала сквозь мрачную пустыню к самому неприятному для человека месту. К Империи. Не совершая ни единой паузы и придерживаясь ровного направления, всю ночь напролёт она провела за рулём. Это окупилось; уже к следующему рассвету, транспорт враждебного нэогара – достиг имперских окраин. Оставив внедорожник под навесом одного из полуразвалившихся зданий, неузнаваемая Лира, покрытая будто живым нэогаром, в лучах встававшего солнца, раздосадовано огласила:

– Зря я так гнала, выжгла почти всё горючее... – проверив бак, упрекнула она себя. – Ну да ладно, чем раньше приступлю, тем скорей станет ясен исход. А уж обратно добратся, как-нибудь сумею, – решив не унывать, озвучил нэогар, вот

только женским голосом. Направив свой вдохновенный взор к столице нэогарского континента, отважная девушка отправилась в путь.

Насколько бы Лира не спешила исполнить долг, солнцу без труда удалось её обогнать; добравшись до зенита, оно, наконец, перестало так стремительно плыть по небосводу.

Увидев, что полдень уже минут двадцать был в разгаре, император, изредка поглядывая на чудесную погоду за окном тронного зала, всё продолжал заполнять и изучать стопки скучных бумажек. И вот, наконец, в его рабочие покои пожаловал Кан, как всегда смиренно сообщив:

– Простите за задержку, ваше сопровождение прибыло.

– Оно в курсе, что я уже должен быть на полпути к «Бойсдракс»? – спросил император, с недовольством вставая. – Где их пунктуальность?

– На транспорт, перевозящий ваше сопровождение и сменный караул – совершили вооружённое нападение. Кто и зачем это сделал, продолжаем выяснять, – сообщил Кан, пока Вэнтэр покидал зал.

Воевода закатил глаза, и отвёл взор в сторону, утомлённо выдохнув.

– Надеюсь, моё прикрытие уцелело?

– Да, ни кто из сопровождения не пострадал. Новые смотрители за дворцом, также в порядке.

– Кто-то наверняка решил выкрасть государственное оружие, вот придурки... – не сдержал свои догадки император,

выглядывая в коридорное окно...

Методично обойдя винтовую лестницу – единственную связь между дворцовыми этажами, владыка захваченного континента вышел во двор, где как раз проходила смена основных наблюдательных постов. Собранные группы нэогаров менялись сменами как на просторе вокруг дворца, так и внутри – на этажах самого замка, по старым правилам: нэогар на этаж.

Вэнтэр, не придавая значения проходившим во дворе переменам – сел в дожидавшийся его солидный автомобиль, стоявший между открытыми внешними воротами, и в сопровождении элитных нэогаров- Охранников, вместе с Каном отправился в путь. Накинув ногу на ногу и подпирая подбородок кулаком, мальчишка озадаченно промолвил, не отрываясь от городского вида в окне:

– Теперь, я точно не успею на начало схватки. Как же это злит...

– В «Бойсдракс» ведь важно не начало, а кульминация... – решительно ответил Кан. – Надеюсь, вы не станете злиться, если я спрошу – зачем вам собирать и ожидать отряды сопровождения, когда ваша безопасность обеспечена Кулаком?

– Хах, если ты думаешь, что я сомневаюсь в Кулаке, или же в себе, то очень зря. Просто, завоевав титул императора, начинаешь понимать, как нелепо всегда рассчитывать лишь на себя, – пояснил властитель, – и хочешь полагаться на других. Мой Кулак, – посмотрев на будто чужую руку, за-

тих Вэнтэр, – это, так сказать, крайняя мера; к чему применять его, если существуют отряды личной охраны? – окончив свои мысли риторическим вопросом, Вэнтэр снова отвернулся в окно.

Как и транспорт императора – солнце, поспешило добраться до пункта назначения, объявив о конце этого дня задолго после прибытия Вэнтэра к месту нэогарских игр. Покоритель всех доступных ногам земель, и некогда сильнейший на всём свете нэогар – вернулся в умиротворенный замок, как раз когда дневной свет почти иссяк.

В ещё не тёмной Империи – зажглись сотни фонарей и ламп. Сам имперский дворец тоже тепло светился своими бра, расставленными по углам торшерами, свисавшими с высоких потолков люстрами, и даже настольными лампами, видимыми через приоткрытые двери во множество дворцовых комнат.

Наконец добравшись до последнего этажа, прогулявшись мимо будто каменных самураев с кентаврами – Вэнтэр безразлично вошёл в комнату, где предпочитал спать. Скинув с себя красивые, тёмно- Синие и серые одеяния, он остался в серой футболке с короткими рукавами, и брюках, приметных разве что тем, что их носил сам Вэнтэр. Аккуратной рукой, и массивной кистью нэогара, он сложил богатые одеяния на специально подвешенные плечики, и тогда отвлечённо проронил:

– И долго ты планируешь там стоять? – даже не отвлёт-

шись от парчового камзола.

Из-за сделанных под старину витражей, служивших украшением – аккуратно выступил нэогар, на вид безоружный. Он нерешительно, соблюдая дистанцию – встал напротив спины императора, не считавшего нужным оборачиваться. По крайней мере, пока.

– Моё присутствие, было настолько заметно? – поинтересовался замеченный визитёр, тяжёлым раскатистым голосом.

– С того самого момента, как я узнал о нападении на отряд сопровождения, – наконец развернувшись к гостю лицом, сухо начал мальчишка, – я не прекращал ожидать удара в спину, думая, что среди охранников сидит диверсант, – рассудил он, придавая взгляду спокойствие. – Но только сейчас до меня дошло, что вся эта история с нападением, была нужна лишь для отвода глаз от новой партии зрителей. Ведь именно вместе с ними, ты забрался в замок.

– И ты не станешь звать охрану? – озадачился нэогар, не сводя с императора глаз.

– Не думаю, что набитые взрывчаткой кентавры и самураи, мне сильно помогут, – также холодно, рассудил он.

– Как же мне хотелось дожидаться пока ты уснёшь, чтобы без лишней шумихи окончить свою миссию... – пожаловался гость самого императора.

– Думаю, ты знаешь, что жить мне ещё очень и очень долго, не хотелось бы увеличивать число неприятелей... Пред-

лагаю мирно всё обсудить, и решить твою проблему полюбовно, – смягчив голос, предложил владыка. Даже сапфиры его очей и изгиб уст, стали другими, дружелюбными. На него это совершенно не походило, никогда ещё он не шёл на уступки, не замыслив мечь.

– Да я бы с радостью, но боюсь, вы откажите мне, в решение этой проблемы... – с грустью опустив голову, предположил нэогар.

– Попытка, ведь, не пытка, – заключил Вэнтэр, ожидая последующих действий незваного гостя.

Нэогар же, недолго в тишине посмотрев на собеседника, снова опустил голову и взявшись за неё руками, стал снимать идеально созданный шлем.

Лицо Вэнтэра, наблюдавшего за этим, покорило глубокий шок, смешанный с растерянностью. Такого он и ожидать не смел. Когда в его широко распахнутых глазах отразилась человеческая голова – голова рыжеволосой милой девушки, спускавшей шлем всё ниже и ниже, император, бездвижно стоявший на месте, не смог сдержать широкую детскую улыбку, после которой разразился громкий раскатистый смех. Продолжая откровенно гоготать и едва удерживаясь на ногах – Вэнтэр лишь сдавленно вставляя слова между откровенными «ха-ха», спросил:

– Чёрт возьми, теперь я просто горю желанием узнать, зачем ты здесь?

– Я... должна заполучить твой Кулак... – понимая всю

фантастичность своих слов, молвила Лира. После этого, Вэнтэр вдарился в такой гогот, что закололо в боках; даже придерживая рот рукой, он не мог прекратить заливаться и чуть не упал с ног, плясавших в такт хохота.

– Кто, просто скажи, кто настолько глуп, чтобы отправить за Кулаком человека? – протягивая трясущуюся руку в сторону Лир, поинтересовался он.

– Третьего по силе в когорте «Реокрацу», – исправила девица мальчугана.

– «Реокрацу»? Это имя сильнейшего нэогара всей нашей истории, – наконец отсмеявшись, беседуя будто с другом, сболтнул Вэнтэр. – Тот, кто дал когорте имя – хорошо знает наше прошлое.

– Не удивительно, ведь это был Джаин, – сохраняя строгость и дистанцию, решила поведать девушка.

– Надо же. Делай вас смертными, не делай, всё равно живучие...

– К сожалению, не настолько, насколько хотелось бы. Джаин уже год как мёртв. Но его наследие, будет жить вечно! – бодро и даже громко, прервала Лира едва дружескую беседу.

– Мне куда интереснее узнать, кто остался его наследником, и кто, чёрт возьми, послал тебя за Кулаком? – потребовал Вэнтэр ответа.

– Один и тот же человек, король Евразии – Артур! – озвучила капитан, со всей серьёзностью.

– Насколько гениальным был Джаин, настолько глуп его

сын, – завершил милую беседу мальчишка, и даже не активировав Кулак, кинулся на капитана – вытягивая правую руку.

Лиру такое рвение к битве удивило; ей хватило резвости увернуться, после чего она собралась ударить пролетевшего мимо императора по спине. Вэнтэр изловчился подставить под удар Кулак, чьи пальцы сразу сжал. За мимолётную секунду, около третьей в «Реокрацу» появился настоящий небольшой нэогар, моментально ударивший девушку ногой в живот, да с такой силой, что та отлетела до самой стены. Едва её не пробив, Лира упала коленом на пол. Смекнув, что перед ней серьёзная угроза – она выстрелила в Вэнтэра небольшой ракетой, выпущенной из грудного оружейного отсека.

Император, не желая вредить своим покоям – позволил выстрелу взорваться о свою броню. На всю спальню расплылся густой серый дым, чьим центром стал упорный мальчишка. В такой удачной завесе, Лира вздумала как можно скорей нанести новый удар, и с разбега направила локоть туда, где раньше стоял её противник. Но Вэнтэр словил её руку и со всей силы сжал, как раз там, где находился стык частей костюма. Капитан не растерялась и ногой ударила врага в живот, но тот подставил колено, чем блокировал нападку. Свободной рукой, властитель схватил нэогарскую броню за шею, и со всей силы её сдавив – сжал горло Лире. Вэнтэру не хватило элементарного роста, чтобы поднять капитана- Нео-

гара в воздух, поэтому, он лишь максимально вытянул руку и, вернув свой шлем внутрь доспех – надменно произнёс:

– Это твой конец! – после чего, Кулак его всеми перстами сжался в единый массивный таран. Мишенью его было чрево синевшей от удушья Лиры...

11 эпизод. Цена победы

Отвага и самоотверженность, с которой каждый капитан «Реокрацу» гордо носил своё звание – в лице одной лишь Лиры, и то сумела поразить императора. Стоило хозяину нэогарского материка замахнуться на неожиданно появившегося гостя – третьего капитана «Реокрацу», как нэогар с женской головой сдавленно вымолвил:

– Конец ещё далёк! – и в центре Лиреной брони, немного ниже грудных росписей, из нескольких дисков выстроился генератор энергии, почти моментально ударивший максимальным напором. Прямо в императора – в верхнюю часть брони, с ближайшего расстояния выстрелила метровая в диаметре взрывная волна, ярко-красного цвета. Вэнтэр успел лишь изумиться перед тем, как растворился в густом взрывном напоре, силы которого хватило на красочный взрыв даже снаружи дворца.

На последнем этаже, из несущей стены раздался ало- Жёлтый всплеск – привлёкший внимание внутреннего двора и даже Кана, не спеша уходившего за наружные ворота. Шок и паника, вызванные взрывом – перечеркнули нэогарскую слаженность. Даже их холода не хватило на отлаженность дей-

ствий, ведь диверсию на этаже императора нереально было вообразить.

На высшем ярусе, где прогремела огненная вспышка – император, держась обеими руками за края кривой дыры в стене позади него, изумлённо смотрел вниз, сквозь прикрывший его голову шлем. Броня Кулака пострадала совсем слегка – матовый в потёмках оникс лишь лишился гладкости. Отойдя от края пробитой в стене дыры, мальчишка ровно замер на месте и в этот раз сквозь шлем, озадаченно изрёк:

– Твоя экипировка воистину хороша. Она в точности копирует нэогарские возможности. Да и внешне – неотличима от оригинала, – прищуриив спрятанные под стеклом глаза, похвалил владыка работу мастеров. – Но теперь, когда мой дворец извещён о нападении, тебе бы ни о Кулаке думать, а о спасении.

Лира отвела удушающие прикосновения стального ворота, и жадно вдохнула вечернюю свежесть.

– Не зря ведь я, так долго тебя дожидалась, – хрипло, но упоенно, ответила она. Девушка содрала с левого запястья небольшую продолговатую крышечку, и всей ладонью надавила на оставшиеся снаружи датчики. Таким незамысловатым поступком, она активировала десятки бомб – установленных на лестнице меж этажами замка.

Пока нэогарские отряды толпами поднимались по лестницам – ступеньки, на которые они возлагали надежды – пооче-

рёдно взорвались, от самых верхних, к нижним. Слабые, но эффективные взрывные толчки рассыпали почти под корень единственную связь меж ярусами. Каждый, кто стремился на помощь своему императору – полетел на чью-то голову, падая с взорванных лестниц.

Кан, вбежав в холл дворца – увидел только завершённую картину: как меньшинство способных шевелиться нэогаров выбиралось из-под груд камней и собратьев, которым не повезло совсем. Генерал, отвлекаясь от солдат – поднял голову вверх. Некогда вбитая в стену лестница, ведшая на верхние этажи – превратилась в настенные дыры, из которых по-прежнему что-то сыпалось...

Вэнтэр, из-за глубокого толчка, чуть снова не выпал в дыру позади себя, но, устояв на ногах, он совсем уж недовольно кинул взгляд на нэогара с дамской головой, и сквозь зубы выдавил:

– Что там к чёрту происходит?! – после чего выпрямился, и взглядом дал понять, что ждал ответа именно от капитана.

– Путь к нам перерезан, – не выказывая радости, сообщила Лира. – Этот этаж – наша арена! – заявила девушка, и император, – стиснув зубы ещё сильнее, уже в полёте издал протяжный рык, собираясь вытянутым кулаком поразить Лиру.

Капитан, оценив ситуацию – схватила нэогарскую руку и за долю секунды, выбила мальчишкой двери в спальню. Пробив спиной деревянный ход – Вэнтэр со всего размаха влетел

в самурая, и не успевший среагировать воин – моментально взорвался. Взрыв оказался не особо сильным; за мимолётными языками пламени, растянулась завеса дыма, поглотившая часть коридора.

Едва придя в себя, Вэнтэр выскочил из серого облака как кузнечик, сменивший травинку, направляясь обратно в покои. Но его тут же сбил с пути выстрел кентавра, и воевода отлетел в сторону, как раз туда – где об его спину сломал клинок очередной самурай. Столкновение – расцвело ало-жёлтым взрывом.

Кентавр, на всех копытах скакавший к владыке материка – столкнулся с ответным ударом, когда Вэнтэр из дыма вытянул в его сторону руку, тихо произнеся:

– Киораку!

Это заставило бывшего охранника сбиться с пути и отлететь точно от императора – устремившись в дальний край коридора. Упав на вступивших в бой кентавра и двух самураев, взрывчатка вновь о себе напомнила, и в этот раз – взрыву удалось вынести дверной проём, к которому совсем недавно подступала лестница. Но за её отсутствием, вниз полетели лишь обугленные остатки недавних вояк.

– Всё же стоило послушать генерала, – стараясь не язвить, вставила Лира, – и внести в сознание охраны образ и такого императора... – донёсся её голос из полуразрушенной спальни.

– Я внесу только образ смерти! – отсёк попытки пого-

ворить Вэнтэр, попутно отбивая ногой подбежавшего кентавра. Вытянув в сторону бывшей лестницы правую руку, он молча притянул к себе двух самураев – один из которых пролетел мимо и взорвался об стену позади владыки, а второго, мальчишка схватил за самую шею. Без промедлений, крепко держа своего «охранника», он протаранил им пол под своими ногами. Этаким проворным способом тиран вызвал взрыв, сумевший с громким треском проломить под ним пол. Провалившись в кривую дыру толстого потолка – Вэнтэр приземлился этажом ниже, и прочно встав на ноги, поднял к дыре над собой левую руку. Из массивной стальной перчатки вверх вылетел невзрачный тоненький стержень, длиной не больше десяти сантиметров. Он быстро оказался на последнем этаже и, долетев примерно до центра коридора – оглушительно сильно взорвался. Мощь, с которой брусок рванул, вынесла багровыми вспышками каждое окно верхнего этажа, и на мгновение показалось, что сама крыша – подпрыгнула со своего места.

Оглушительный гул трясшегося бетона навёл куда больше жути, чем сам огонь, выползавший из кривых дыр и оконных рам. Снаружи, великолепный своим сдержанным стилем дворец – стал похожим на спичку, которую не удалось зажечь с первого раза. На предпоследнем этаже почти весь потолок и даже части стен – истрескались, крупными посыпавшись на пол.

В просторном, но запачканном развалинами холле, отку-

да за происходившим наблюдал Кан – не было видно всей живописности атаки. Зато виднелся Чан, встревожено шедший из лаборатории.

– Перед тем как винить мою идею с рабами, – начал он, не сбавляя скорость шага, – напомним, что их причастность пока не доказана, – проведя пальцем из стороны в сторону, решительно заявил технолог.

– О да. У тебя ещё полно времени на оправдания, – даже не пытаясь выглядеть злобно, ответно заявил генерал, будто и не собиравшийся никого винить.

Вэнтэр, чей одинокий силуэт виднелся сквозь дым и пыль от взрыва – стоял в свете лишь пары уцелевших бра в дальнем углу коридора.

– И как ты это обойдёшь? – Император поднял голову, взглядываясь в пустоту верхнего этажа. Только его шлем защищал глаза от пыльных облаков и падавших с краёв дыры осколков. Хоть ему и хотелось поскорее узнать участь противника – возврат на верхний этаж был опасен; владыка терпеливо ждал.

Момент истины, нагрянул с неожиданным грохотом; на том самом этаже, где остался Вэнтэр – дальше от него окно, и так усеянное трещинами, вдруг выбила Лира, ногами вперёд залетев в коридор. Таким незамысловатым, хотя шумным способом, она показала напротив императора, прибывавшего в удивлённом гневе. Увидев уцелевшую и почти не раненную девушку, он сдавил пальцы кулаками и стиснул

зубы – придав оскалу угрожающий вид; хотя, Лира не могла это увидеть, так что труд Вэнтэра пропал зря.

– А мне казалось, что тебя заботят собственные вещи, – поднявшись на ноги из полуприсяди, мило молвила девушка. – Теперь утерян самый прекрасный этаж крепости.

– И это твоя вина! – не особо громко, хрипло обвинил император капитана. Приняв боевую стойку, он добавил, – а я, виновных не прощаю!

Вэнтэр взмыл к противнику – вытягивая кулак. Быстрее, чем глаз успел бы заметить – он добрался до своей цели и со всего размаху нанёс удар. Но Лира, на такой же поражающей скорости – сумела зажать руку мальчишки под своей и, избежав удара, нанесла другой – ногой в живот. Ей удалось замахнуться довольно высоко, и мощь нэогарской брони подбросила Вэнтэра вверх. Пока он отлетал – своим затылком поцарапал потолок. Наконец приземлившись на пол, сгибая ноги в коленях – император ещё немного отъехал назад, а выпрямившись – сразу вытянул к Лире правую руку. Из ладони выстроилась небольшая в диаметре трубка, моментально выпустившая яркое раскалённое пламя. Длинная струя алых языков направилась прямоком в капитана, которая, вначале пригнувшись под удар, стала проскакивать от стены к стене – не позволяя своей броне сильно нагреваться. Наконец добравшись до Вэнтэра – Лира выскочила из-под пламенного залпа с левой стороны и собралась нанести удар сверху. Император, будто этого и ожидая – вызвал такое же

дуло из левой руки, и обстрелял девушку обычными пулями, скорость подачи которых также поражала, как жар огненного напора. Подставляясь под выстрелы – Лира всё же добралась до владыки Кулака и, выстрелив из предплечья длинным остриём – собралась ранить мальчишку. Но она лишь разбила своё орудие ближнего боя, а Вэнтэр, схватив её за руку – перекинул через себя, будто малого ребёнка. Упав спиной на пол, капитан пустилась в высекавшую искры поездку. Прекратив огненное шоу, Вэнтэр не спеша развернулся к девушке лицом, как раз пока она, вытирая капли крови со своей щеки, поднималась на ноги. Оставаясь где-то в двух метрах от сильнейшего нэогара, третий капитан выпрямилась, и стоя на ногах уже более затруднённо – кинула на укрытого под шлемом императора суровый, полный неприязни взгляд.

Вэнтэр же, сохраняя сердитые глаза под защитным стеклом, лишь не спеша поднял левую руку – с каждой секундой всё сильней её вытягивая.

– Когда встретишься с Артуром на том свете, – холодным голосом, молвил он, – передай ему, что он кретин! – повысив голос почти до крика, заявил повелитель.

Вся ровно вытянутая к Лире рука, от плеча и до кончиков пальцев – покрылась способными вращаться пистолетными дулами; чем ближе они были к краю, тем меньше становился их калибр, и тем ниже они располагались. Не желая больше ждать, император открыл по незваному гостю несконча-

емый свинцовый дождь; его рука почти растворилась в постоянных ярких золотых вспышках, которые пусть и слабо, но всё же осветили коридор.

Лира чудом успела скрестить руки на груди и собрать из специальных брусков прочный щит, прикрывший её голову и грудь. Густой быстрый обстрел, направленный в одни и те же точки, заставил девушку отъехать назад, скользя ногами по полу и опираясь руками в жавший словно стена свинец.

Вэнтэр снова проявил нетерпеливость; сохраняя идеально прямое положение сверкавшей выстрелами руки, он спешно зашагал к капитану, вставляя после каждого шага слова:

– Вылитый... нэогар... такой же... каким был я... но, увы... глупый... и почти мёртвый, – подойдя практически в прыжок; чуть ли не касаясь кончиками пальцев капитанского щита – подвёл мальчишка победоносную речь к концу.

Упившись спиной в стену – Лира впервые сжала зубы. Придав лицу решимость, испачканную яростью, она раздвинула образовавшие щит руки, и в тот же момент из генератора ниже нэогарской груди – ударила настолько же яркая и мощная волна энергии, насколько сильным был взрыв последнего этажа замка. В Вэнтэра с ближайшего расстояния влетела сильнейшая из всех возможных нэогарских атак. Но обладатель Кулака, как раз в момент залпа – прекратил обстрел и, расправив пальцы на левой руке – прошептал:

– Киораку! – ударив в ответ отталкивающим напором равной мощности. Из-за этого вся взрывная волна раздалась

нестерпимым ключом в стороны вокруг бившихся людей. Напор энергии, бурным ветром развивавший волосы Лиры – создал грохочущий гул; трещины и расколы, побежавшие по стенам, полу и потолку, только придали общей картине больше угрожающих звуков и опасных последствий; но хмурый император, и вопившая яростью Лира – не сдвигались с мест и продолжали противостояние.

– Если не хочешь вылететь за стену, – заявил вдруг Вэнтэр, едва перекрикивая общий гвалт, – лучше прекрати рушить мой дворец! – потребовал он, поднося ладонь всё ближе и ближе к центру генератора.

Лира, стена позади которой действительно держалась из последних сил и разваливалась под давлением двух напоров – обеими руками схватила запястье императора, лицом изъясив удивление не меньшее, чем вскоре приобрёл воевода. Обе ударные волны вырвались из-под контроля. Громыкнул очередной, яркий оранжевый взрыв.

Переживая за Кулак, что Лира удерживала у самого сердца пылавшего очага – император отдернул своё защитное устройство, а заодно и девушку. Вместе с Лирой, из ядра гремевшего пламени, он спас правую руку, без которой вся броня стала бы лишь прочным обмундированием.

Перекинув капитана через левый бок, Вэнтэр правой рукой прикрылся от цветшего взрыва и бушевавшей ударной волны.

– Да ты ещё безумнее, чем Джаин! – выкрикнул он, ожи-

дая конца огненной бури.

– Само с собой, – лишь с тенью напряжения, молвила де-
вушка, когда Вэнтэр, наконец, развернулся.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что Ли-
ра, обеими руками вцепившись в Кулак – стояла, согнув-
шись почти пополам. Её ноги были идеально ровны, но
всё, что превышало пояс, она нагнула; голова, с растрёпан-
ными рыжими волосами – висела ниже стальной перчатки. –
Кто же ещё согласится прийти сюда, – подняв взгляд прямо
в имперские очи, явила барышня своё милое, слегка запач-
канное лицо, – за твоим Кулаком! – гневно крикнула она, и
слегка светившиеся синим светом «манжеты» её костюма –
засеяли ещё ярче, хотя до этого, такие волнистые отступле-
ния от стальных запястий нэогара, император не примечал.

Поняв, что это очередная уловка – Вэнтэр собрался сво-
бодной левой рукой нанести удар, но стоило лишь слегка
приподнять Кулак, как он тут же замер. Мальчишка, запер-
тый внутри брони, сжал зубы, лишь пытаясь хоть чем-то по-
шевелить, пока капитан «Реокрацу», выпрямляясь, продол-
жала усиливать свечение «манжетов». Лира намертво схва-
тила Кулак – успевший стать великим, и стиснув челюсть, но
улыбаясь кончиками губ – не сводила надменного взгляда со
шлема Вэнтэра.

– Что за к чёрту ты творишь? – гневно выкрикнул влады-
ка, безуспешно продолжая пытаться шевелиться. Третья по
силе в Евразии, переведя взгляд на свои голубоватые запя-

стья – спокойно проговорила:

– Не было секретом и то, что я могу провалить задание... – опечаленно сообщила она. – Поэтому, король одобрил моё прошение, о возможном суициде, – лишь заикнулась Лира, и Вэнтэра передёрнуло испуганным гневом; отдёрнувшись, он ударился виском о внутреннее покрытие шлема. Не трудно было догадаться, к чему клонил его противник, и с новым усердием пытаясь пошевелиться, властитель слышал, – ценой которого будет уничтожен и Кулак, вместе с императором, – тихо, мрачно огласила девушка, из чьего глаза выступила слеза.

Лира держалась спокойно – по не было шанса сказать, что капитан «Реокрацу» испугалась или расстроилась. Но слёзы, медленно катившиеся по щекам – выдавали её душевную боль.

Недавно совсем слабый, а ныне яркий свет «манжетов», всё продолжал набирать мощь, и уже почти весь коридор утонул в его тёпло-голубом свечении. Император, шибуршавшийся внутри неподвижной брони, лишь сдавленно подумал:

– Чёрт, мне ж потом стыдно будет за такую крайность, – после чего крикнул Лире, которую едва видел из-за уж слишком яркого блеска: – Я вижу твои слёзы! Остановись и одумайся, тебе есть ради чего жить! – тревожно прокричал он, но в ответ услышал лишь:

– Почти вся твоя энергия перетекла в мой генератор, –

глядя вниз, пробормотала девушка, после чего убрала от Вэнтэра правую руку. Дотронувшись до левого бока, она резко распахнула создававшую покрытие живота дверц, за которой в широком, глубоко посаженном отверстии, всюду бушевал накопившийся ярко-жёлтый шар. Он лишь самой дальней стороной слегка касался отверстия генератора; вокруг плотной жёлтой энергии частенько сверкали не менее яркие алые вспышки, походившие на уменьшенные копии молний.

Явив императору цену своей победы, Лира закрыла поглощавшие чужую энергию «манжеты», и теперь, коридор освятил яркий, свистевший из-за собственного напряжения шар – тигровый шар украденной силы. Зацепив своей ногой голень мальчишки – третья в «Реокрацу», на весь дворец заявила:

– Я раздроблю твой Кулак! – после чего, заставив Вэнтэра упасть на спину, сама пала сверху.

Лира, чьи глаза наполнили слёзы, но уста изогнула улыбка – спустила удар с орбиты. И когда её суицидальная атака явила себя во всей красе – огромный, разъярённый столб, размером больший, чем весь император – в секунды протаранил все этажи замка. Мощь его беспрепятственного спуска на нижние яруса сквозь любые потолки – нанесла имперскому дворцу невиданный ранее ущерб. Снаружи каждое окно замка ярко блеснуло золотыми переливами, а внутри, на самом первом его этаже, из потолка ударила толстенная

струя раскалённой энергии, чьё столкновение с полом разбросало по углам каждого свидетеля сей картины.

Кан, столь крепко стоявший на ногах, вылетел в распахнутые ворота и спиной расцарапал тропу в замок. Чан, испугавшийся грохота раньше всех, унёсся обратно к своей лаборатории, где лбом встретил закрытые двери. Прочие нэогары, недавно вбежавшие в замок со своих дворовых постов, или уцелевшие после крушение лестницы – поотлетали в стены, из-за неспособности удержаться на месте. Ни осталось никого, кто стоял бы на ногах. И даже того, кто пытался бы встать.

Гроыхнувшее столкновение энергетического заряда и фундамента дворца создали красочное представление, полное огня, шума и пыли. Самым явным следом этого происшествия стал глубокий кратер, почти в самом центре первого этажа; у него были покорёженные края, по которым скатывались обугленные камешки. Он по-прежнему дымился, его глубина была около двух метров, а форма такой, что изображение само дорисовывало лежавший в нём метеорит. Хотя, в этом деле у воображения нашёлся помощник – которым стал сам император.

Примерно в центре безобразного кратера, на середине его глубины – в воздухе, покачиваясь, висела тёмно-красная сфера. Хотя её цвет скорее звался багровым, и лишь иногда менялся на алый, проступавший изменчивыми пятнами. Очертания сферы также были очень непостоянны, её поверхность будто бурлила и испарялась, а насыщенные цвета, по-

стоянно переходившие от багрового к алому – постепенно светлели, из-за чего всё, что находилось внутри – становилось хоть немного понятным. Со стороны создавалось впечатление, что сами грани этого непонятно «метеорита» становились тоньше, поднимавшиеся пары слабее, а цвета светлее. Из едва различимых тёмных силуэтов исподволь собрались очертания императора, лежавшего на спине, и Лиры, безжизненно лежавшей на императоре. Кипевшие на сфере волдыри мешали разглядеть внутренность шара, хотя вглядываться всё равно никто не мог.

Не замедляясь ни на секунду, сфера продолжала светлеть и опускаться до тех самых пор, пока медленно не исчезла, позволив Вэнтэру и капитану мягко лечь в центр кратера. В последние свои мгновения она словно растворилась, устав оберегать владыку от падения. Вэнтэр, чьё лицо скрывал истресканный шлем, не шевелясь, лежал на месте, слегка растопырив руки с ногами. Лира, чья голова лицом вниз спадала с имперского плеча – лежала также расслабленно, и не подавала признаков жизни. Состояние обоих костюмов, было настолько же плачевно, насколько вид дворца. Кулак императора весь, с пят до шлема покрыли мелкие, а местами и широкие трещины, сквозь которые виднелась слегка потёртая кожа. Броня на спине капитана, чувствовала себя не лучше; её тоже расписывало множества ветвистых расколов.

– Как... какого чёрта мы живы?! – едва слышным, полным призрания гласом, молвила Лира.

– Думала, так просто меня грохнешь?! – не на шутку злобно спросил император, скидывая с себя бездвижного капитана. Ему пришлось задействовать обе руки; по-другому перевернуть девушку, ему б не удалось. Перекатив Лиру на спину – он вздумал встать, и с попыткой этой – на него свалилась вся тяжесть ониксовых доспехов. Оторвавшись от пола, мальчуган потянулся к едва поднятым коленям.

Капитан, лежавшая на спине с раскинутыми руками, безжизненно смотрела вверх. Её взгляд был тусклым и пустым, а глаза безразличны и грустны. Торс её брони – оказался разломан куда сильнее, чем спина; особенно пострадала область генератора – от неё не осталось практически ничего.

– Я ведь защитить себя хотел, – наконец поднявшись на ноги, повернул Вэнтэр голову к Лире, – когда возжелал Кулак. Ты правда думала, что он позволит меня убить? Вот и крайняя мера защиты – поле Магнэрайс, – слегка приподняв руки, пояснил владыка. – Мне очень стыдно за то, что дело дошло до него, – с недовольством, упрекнул мальчишка то ли себя, то ли опустошённую Лиру. – Так ещё и ты настолько ко мне прижалась, что Магнэрайс тебя прикрыл. Ты не представляешь, как это бесит.

– Добей меня, – промямлила Лира, наплевав на имперские речи. – Я не переживу такого провала. Я не хочу жить дальше, – приподняв голову, ради взгляда на Вэнтэра – взболтнула она, не сдержав потёкшие слёзы из мокрых красных глаз.

Император, увидев это – сморщил лоб не столько от удивления, сколько от возмущения, после чего вытянул руку и грубо молвил:

– Киобаку! – из-за чего Лиру сдёрнуло с места, и она полетела к Вэнтэру, который в последний момент успел схватить её за шею. Капитан так и осталась висеть в руке мальчишки, на согнутых коленях, безжизненно болтавшихся по полу.

– Ты пришла сюда убить меня, или поиздеваться?! – будто в несерьёзном гневе, выдал Вэнтэр, содрав свободной рукой стекло со своих глаз. – Ты продырявила все этажи моего замка, практически уничтожила Кулак, сумела меня обездвигить, и теперь просишь смерти?! – на повышенных тонах перечислил владыка, чей взгляд более восхищался, чем злился. Не сдержав вспышки ярости, он выкинул Лиру из кратера, и она, перелетев через обугленный край, покатилась к воротам.

Как раз в них с трудом вошёл Кан; он сжимал разбитое плечо рукой и заметно хромал на левую ногу. Примерно в метре от него остановилась Лира, лёжа на боку, лицом к пробитой яме. Оттуда выскочил император, упав на согнутое колено. Капитан, немного оживившись – упёрлась рукой в пол и стала пытаться подняться, хотя её успехи не были велики. Вэнтэр же, неспешно шагая к девушке, сменил лицо на иронично-довольное, и громким, слегка посмеивавшимся голосом, изрёк:

– Да я б на твоём месте от счастья помер. То, что удалось

тебе – считается нереальным! – улыбаясь кончиками губ, заявил он.

Лира к этому времени почти поднялась; ей осталось только встать с колена.

Кан, державшийся за кусок стены у ворот – не вмешивался. Он молча, с интересом наблюдал.

– Но... увы, на этом свете, за всё приходится платить, – остановившись на месте, огласил хозяин половины суши. – Тебе хватило глупости согласиться на эту миссию, а сынишке Джаина – хватило идиотизма её одобрить. И вы понесёте строгое наказание, за свои деяния. Я готов поклясться, не хотело моё сердце до этого доводить. Но теперь, Евразии не избежать войны! – грозно заключил Вэнтэр строгим, холодным голосом. – Артур поплатится кровью тех глупцов, которые не избрали короля с головой, а ты – заплатишься ответственностью за полученные сведения. Евразия, а точнее то, что вы там устроили – несомненно проиграет, так что нет смысла скрывать свои намерения. Но люди будут уничтожены ещё быстрее, если не будут подготовлены; даже я разочаруюсь, увидев такое, – выговаривая каждое слово самым гневом, не уставал нарекать проблемы Вэнтэр. – Тебе предстоит вернуться домой и передать моё объявление – иначе, думаю понятно, насколько быстро я истреблю рабов. Полагаю, ты не справишься, но всё равно – удачи! – грозно выкинул Вэнтэр, и за словами последовала рука. Крикнув «Киораку!», он ударил по Лире отражающей волной, и снёс её с места на-

столько сильно, что капитан отлетела до самых внешних ворот и, ударившись об них, раздвинула. Её истерзанное тело – скрылось в щели.

– Император, – бесцеремонно ляпнул Кан, отцепляясь от стены, – вы только что объявили Евразии войну! Вы это хоть поняли? – не громко, хотя изумлённо спросил генерал, чьи глаза отражали шок.

– Те, кого мы звали рабами, тронулись умом в самый край! – содрав с головы полуразбитый шлем, выкрикнул мальчишка. – Только оглядись по сторонам и посмотри, что стало с моим дворцом! Они и раньше переходили границы, но этот рубеж – будет для них последним! – даже запыхавшись, прекратил император кричать угрозы. – Я думал уж ты Кан, поддержишь меня. Или ты считаешь, что это нормально?! – это большая редкость, услышать от Вэнтэра вопрос, даже если допустим был лишь один ответ.

– Я всегда готов вас поддержать, и понимаю, насколько вы разгневаны. Но, что бы не сотворили с вашим дворцом – это не повод начинать войну! – отложив привычные манеры, спорил генерал, не оставляя надежд переубедить императора.

– Кан, с каких пор ты оспариваешь решения владыки? – вставил вдруг Чан, неспешно шагая к спорившим сторонам. Его руки спокойно болталась около бёдер, белый халат был испачкан только слегка, а лицо оставалось спокойным и даже категоричным.

– С тобой я тоже разберусь, – лишь повернув голову к технолог, заявил Вэнтэр, одинаково недовольными глазами и голосом. – Твоя наручная бандура оказалась бесполезной! Только посмотри, что с ней стало, – разведя в стороны руки, оглядел мальчишка броню.

– Цель Кулака – ваша защита, – учтиво напомнил нэогар. – С ней, он прекрасно справился, раз уж вы живы, – заключил Чан, остановившись на месте лишь в паре шагов от Вэнтэра. Тиран смутился.

– Поможешь снять с меня Кулак, его автоматика накрылась.

Властитель мира нэогаров не ожидал, что Чан ответит словами императора. Это и заставило его убавить пыл. Старясь идти как можно быстрее, воевода направился в лабораторию; отчётливо было видно, с каким трудом ему давался каждый шаг.

Пожалуй, с таким же, с каким луна плыла к горизонту, перетаскиваясь от одной звезды, к другой. Должно быть, ночное светило задыхалось от зависти, ведь за его дневным собратом следили и считались с ним, а когда коронацию проходила луна – зрители отпраплялись в сон. Хотя, всё же ни все послушно сдавались дремоте; к примеру, сильнейший в «Реокрацу», убивший этот день в тренировочных залах и за капитанским столом, только сейчас вернулся в свой скромный дом – расположенный в западном окружном городе. Вместе с ним, на уютной кухне ужин доедала его сестра, не

прекращавшая поглаживать живот.

– Мой малыш сегодня слишком активен, весь день покоя не даёт, – улыбаясь, произнесла Инесса.

– В нашей семье, похоже, редко бывает покой, – глядя в тарелку, уныло тыкал Кир вилкой еду. – Артур точно не был против твоего ко мне приезда? – подняв взгляд, поинтересовался братец. – Я думал, он не хочет выпускать вас из-под дворцовой опеки.

– И ты думал правильно, он отговаривал меня и предупреждал, что весь вечер я проведу в попытках хоть немного поговорить с братом, – отодвигая почти пустую тарелку, ответила девушка. – И, что я не справлюсь ...– в тоне Кира, закончила она.

– Прости, если обидел. Просто сейчас все мои мысли в Империи... я не могу забыть об этой миссии.

– На этой миссии твоя жизнь не закончилась, и на этой Лире тоже! – не сдержавшись, вставила Инесса, из-за чего лик Кира потускнел. – Ты не должен отворачиваться от всех, кто тобой дорожит, из-за той, кем дорожишь ты, – продолжила она, не смев поднять голос, но не сдержав недовольного тона.

Первый капитан, отведя взгляд в сторону, выдохнул – расслабившись на стуле.

– Ты, пожалуй, права... уже думали, как назовёте ребёнка? – слегка улыбнувшись, посмотрел старший брат на живот королевской жены. Он солгал, и правой сестру не считал. Но не смел с ней спорить, и от неё отворачиваться. Инесса,

приобняв чрево обеими руками, нежно ответила:

– Артур сказал, что имя дело второй важности; главное, чтобы роды прошли успешно и ребёнок был здоровым... но я, – заглянув в самую душу своего брата, молвила она, – очень бы хотела назвать мальчика Аланом, а девочку Миленой, – улыбаясь от самой души, поделилась Инесса.

– Замечательные имена. Думаю, Артур согласится, – поддержал выбор сестры Кир, счастливо глядя на её живот. Это ведь и его родственник. Неизвестно, будут ли дети у самого Кира, но шанс понянчить карапуза точно предоставит сестра, а порой даже на сильнейшего накатывало сие желание.

– Сказать честно, я думала и Артура с собой взять. Мы ведь так давно не сидели втроём, наедине... Но он упорно отказывался, прикрывался работой. Мне кажется, вы стали избегать друг друга. Что между вами случилось?

Кир мечтательно усмехнулся, подложил под щеку разогнутый кулак, и умилённо молвил:

– Мы вместе с самого детства, и с тех же пор мы совершенно разные. Ты обожала со всеми спорить и подкалывать; я вечно лез с помощью в не свои дела; Артур пытался всем угождать и хныкал, когда слышал недовольства. Рядом с ним я чувствовал, будто могу нарушать законы жизни – ведь он был сыном короля, но именно он постоянно обращался ко мне за помощью. Рядом с ним, я ощущал себя сильнее, а он себя спокойней. Тебя мы любили одинаково сильно, и именно ты связывала нашу дружбу общей целью. Но сейчас – и

сила, и власть, и цель – всё перешло королю. Я с этим смирился, я понял, что законы жизни мне не переделать. Тогда, моей новой целью жить – он тоже пренебрёг.

– Ясно, проблема в Лире. Ты сердит на её миссию...

– Ну, самое время отправляться на отдых. Ты наверняка устала за день, – встав с места, помог лучший в «Реокрац» беременной девушке подняться. Уловив тонкий посыл, Инесса согласилась:

– Ну да, думаешь вытаскивать из тебя слова так просто?

Не выпуская руку Кира – младшая сестра дошла до свободной комнаты, в которой некогда жила. Сев на мягкую, готовую ко сну кровать, Инесса отползла подальше от края, и снова приобняв своё чрево, счастливо молвила:

– Поскорее бы в нашей семье настало пополнение... – после чего Кир, стоявший у двери, выключил свет и, сказав на прощание:

– Я буду в соседней комнате, если что – зови, – закрыл дверь, оставив сестру наедине с тусклым светильником у кровати. Устроившись под мягким одеялом как можно удобнее, Инесса, в чьих глазах горела редкая радость жизнью, прошептала:

– Пусть былые времена уже не возвратить – я верю, что грядущие, будут только лучше, – после чего закрыла глаза, и с умилением уснула...

12 эпизод. Короли прошлого

Лучи нового рассвета нежно покрыли в первую очередь

арену «Бойсдракс»– самую восточную точку Империи, и только потом остальные уголки «холодного» мира, в который закралась искорка тепла.

Лира, обеими руками держась за живот, согнувшись почти в пополам, шагала на пике возможной скорости. Перед ней стояла всего одна задача – покинуть Империю. Её недлинные волосы распустились, и это лишний раз выдавало человеческий дух в нэогарском госте. Приостановившись, чтобы слегка отдышаться – девушка подняла голову и, прищурив глаза от поднимавшегося вдалеке солнца – подавив ком в горле, проямлила:

– Уже скоро улицы заполнят нэогары, а я даже до окраин не добралась... – после чего, с таким же напряжением, продолжила шагать. Заворачивая за угол очередного здания, не поднимая головы, Лира добавила:– Придётся просить помощи старого друга...

Едва перебирая ногами, она пошла напрямик к громоздкой стальной двери, где-то с краю соседствовавшего дома. Подойдя к ней практически вплоты – девушка сжала руку в кулак и, замахнувшись как можно сильней, со всего размаху ударила дверь. Грохот и полетевшая в стороны пыль ничуть её не удивили, а сама дверь, будто запаянная по сторонам – с глухим скрипом приоткрылась. Зацепившись за край, капитан отворила её и, пригнув голову, пошла по ступенькам вниз, пока дверь, также глухо скрипя, закрывалась.

Пробираясь по беззвучному мраку, Лира направилась к

увиденной вдалеке слабо светившей лампе. Скользящими шагами, она дошла до входа в небольшую кирпичную комнату, откуда исходил свет. Там, за небольшим жестяным столом, вбитым в угол комнаты, сидел престарелый нэогар, чьи золотые глаза едва горели, а покрытое ржавчиной и царапинами лицо, казалось совершенно безжизненным. Упираясь в одну из стен, прикрывая руками живот и безуспешно стараясь выпрямиться – Лира выдавила только:

– Прости, что не пыталась звать, – но нэогар, на вид столь отстранённый, лишь хрипло ответил:

– Правильно, я б всё равно не услышал.

– Мне нужно переждать сегодняшний день, на улицы вот-вот нахлынут нэогары... – тяжело дыша, скрипя спиной об угол, присела Лира на пол.

– Неужто, уже светает? – более оживлённо поинтересовался старик.

– Да, солнце минут пять, как встало, – убирая одну из рук от дыры в броне, попыталась подняться Лира. – Прости за неудобства, я покину это место до твоего возвращения... – отдавая и силы и внимание попыткам встать, молвила она. Но вдруг почувствовав поддержку, подняла глаза и, увидев поднимавшего её нэогара – услышала в ответ:

– Если бы не ты, пару месяцев назад я б покинул сей мир. Но я люблю Империю, и хочу продолжать ей служить, – глядя уставшими глазами, поведал старик и, направившись к выходу – добавил: – Можешь задержаться, насколько нужно,

возможно, я сегодня останусь на службе... – ковыляя к двери над ступеньками, предупредил он.

– Ты по-прежнему трудишься? Не хочешь уйти на покой? – выглядывая из-за угла, об который девица держалась, дружелюбно спросила она.

– Мы работаем, пока живём, или умираем, пока бездействуем... – поднимаясь по ступеням, размеренно ответил нэогар. Приоткрыв дверь, и сквозь щель посмотрев на улицу – он, не повернувшись, добавил: – На улице опасно. Терпение, и всё пройдёт... – закрывая дверь, закончил старик.

Лира же, буквально рухнув на плоский твёрдый лежак нэогара, с воплем вздохнула. Раздвинув куски измятой пробитой брони, она болезненно осмотрела полигон ссадин и ушибов. Даже вздохи давались ей с трудом, а прикосновения холодных железных рук и подавно... капитан уплатила цену победы, ведь Вэнтэр сам признал себя поражённым.

В его далёком дворце, а точнее в том, что от него осталось – по установленной между этажами временной лестнице спешно поднимался Кан, пока на каждом ярусе дворца вовсю велась подготовка к реставрации. Наконец забравшись на самый верхний, и самый разрушенный ярус – он такими же быстрыми шагами направился к тронному залу; по пути его спешку сбавляло разглядывание дыр в стенах, тёмных разводов на шикарных росписях и пятнах залы там, где пожар не всё уничтожил. Наконец дойдя до громоздкой двойной двери, которая хоть и пострадала довольно сильно,

но осталась рабочей, несколько раз стукнул по обгоревшей краске.

– Император, это снова я, – сообщил он, поднеся рот к дверному стыку. – Всему дворцу известно, что вы в зале; бесполезно продолжать прятаться. Ваши подданные ждут распоряжений!

В ответ генерал ничего не услышал, он так и продолжил вслушиваться в пустоту.

– Что, по-прежнему молчит? – спросил вдруг Чан, поднимаясь по неудобной тонкой лестнице.

– Да, уже который раз зову! – скрывая недовольство под спокойствием, ответил генерал.

Чан, тихо подойдя к дверям, будто переживая и чуть ли не заикаясь – деликатно молвил:

– Император, я закончил анализ вашего Кулака, и выяснил всё, о чём вы просили... – ненадолго замолчав, забегал он глазами. – Не желаете послушать? – будто выманивая владыку, поинтересовался учёный.

В ответ, не последовало ни звука.

– Ну всё, я эту дверь сейчас открою! – не сдержался Кан, замахнувшись рукой.

– Но если ты, – лишь начал отговорку Чан, как генерал со всей силы ударил ребром кулака по ручкам. Его удар, само с собой, распахнул запертые двери, правда с грохотом и неприятным треском. Когда обе двери столкнулись со стенами внутри зала, и профессор и Кан увидели мальчиш-

ку, спавшим прямо на своём столе. Обе подростковые руки образовали «подушку» его голове – утонувшей в них. Сам тронный зал был на удивление цел; только на одной стене остались крупные трещины, и с потолка сыпались кусочки люстры.

Кан, недовольно выискивая императора – удивился, только увидев его; Чан, с шоком выглядывавший из-за дверей, тоже не ожидал увидеть такого. Убавив свой пыл, генерал тревожно зашагал к повелителю, и Чан, «поплыл» в след за ним, стараясь прикрыться Кановой спиной. Подойдя к столу, Кан тихо склонился над бездвижной головой, «тонувшей» в сложенных руках.

– Император уснул на рабочем столе? – озадаченно произнёс он.

Причём не в самой удачной позе... – подходя также близко с другой стороны, подметил Чан.

– Я не сплю... – недовольно буркнул Вэнтэр. Подняв голову, он явил своим гостям уставшие покрасневшие глаза, под которыми собрались мешки. Хотя вместе с ними они увидели недовольное, решительное и холодное лицо, которому действительно не доставало сна. – Я думаю... думаю из-за всех сил, – размеренно добавил император.

– Даже для раздумий, это не самая удачная поза, – решил поведать Чан.

– Что же тяготит ваши мысли? – убрав руки за спину, заинтересовался генерал.

– Несмотря на то, что я цел и почти невредим, – не сдвинув голову или взгляд, тихо начал мальчишка, – Магнэрайсом обладаю только я; если у людской армии полно костюмов подобных тем, с которым явился капитан «Реокрацу», нашим войскам придётся нелегко, – растягивая последнее слово, подставил император руки под подбородок.

– Вы опять о войне?! – с кричащим недовольством ляпнул Кан. – Я думал ваш гнев вскоре пройдёт. Но сколько же вам потребуется времени? – претенциозно посмел спросить генерал.

– Ровно столько, сколько продлится война, – сурово произнёс владыка, лишь слегка повернув голову, взглянув генералу в глаза.

– Мотивом для полномасштабных боевых операций не может быть личная месть королю, решившему заполучить Кулак! – протараторил Кан, не сдвинувшись с места.

– Кан! – повысив голос до грани крика, ударил император кулаком свой стол. – Меня дважды пытались убить и однажды почти убили! Я не желаю допускать третьего раза, который, по идее, должен увенчаться успехом, – сверкая синими подлобными глазами, признал Вэнтэр. – Я предпринимал множество мер; все они были уместны и полезны, но теперь... – замолчав, опустил свой взор воевода, – я желаю истребить всех, кому ненавистен! – заключил покровитель, заставив как Кана, так и Чана отступить назад. – Да и, в конце концов, я император – император поднебесный! – под-

нявшись с трона во весь рост, напомнил Вэнтэр. – Я ценой огромных усилий и неисчислимых жертв покорил все доступные ногам земли! Так какого чёрта моей власти нет в Евразии?!

– Но император, взамен на Кулак вы пообещали не трогать людей и их зем. . .

– До тех пор, пока они продолжают из них не высовываться! – перебил технолога мальчишка, преисполненный нетерпением. – Только посмотри на мой замок! – указал он рукой на чёрный, разрушенный коридор. – Сейчас мой дом – самый яркий пример человеческой дурости. И только смерть, – пристукнув кулаками о край стола, рухнул на трон Вэнтэр, – станет для них искуплением!

Своей громкой, сердитой и безжалостной речью, император создал тишину, которая так долго не царил на верхнем этаже. Чан, не решаясь возражать решениям владыки, с интересом ждал ответа Кана, что немного припустив голову, вяло произнёс:

– С вами трудно спорить. . . это, на мой взгляд – показатель правоты, – выпрямившись, он подарил Вэнтэру смиренный взгляд. – До тех пор, пока вы будете правы, я всегда поддержу вас, и подчинюсь, – закрыв глаза, приклонил голову генерал.

– За это я безгранично тебя ценю, Кан, – слегка улыбнувшись, расслабил воевода сжатые кулаки. Переведя взгляд на раскиданные по столу карты и писания, он отвлечённо сообщил: – Всю эту ночь я провёл в размышлениях над тактикой,

стратегией, началом и проведением грядущей войны. Скажу честно, успехи мои невелики... – выдыхая, обвинил себя Вэнтэр. – Всё, что мне хорошо удалось, так это просчитать опасности, риски и козыри, спрятанные в наших с Евразией рукавах. В остальном же, мне нужна будет твоя помощь, – взглянув на Кана просящим взглядом, огласил император.

– Я исполню любой приказ, – кивнув, ответил генерал.

– Будь добр, созови военачальников на имперский совет. Пусть они соберутся в штабе внешних дел, ровно в десять. К тому времени подспею и я. Ну а пока, можешь быть свободен, – распорядился император, и Кан, учтиво кивнув – направился к выходу.

– А ты, значит, выяснил, – переведя взгляд на Чана, начал Вэнтэр, – каким это чудом наш «воришка» заставил Кулак замереть?

– Да, император, – кивнул технолог и, встав напротив повелителя – начал объяснение. – Ваш Кулак, дабы облегчить ношу костной системе – черпает сигналы прямо из спинного мозга, и благодаря этому практически ничего не весит, пока вы им пользуетесь. Но для контроля над сигналами, само с собой, нужны вычисления, которыми занимается встроенный в броню миникомпьютер. Напавший на вас человек, сумел записать в его память вирус, уничтоживший данные о получаемых импульсах.

– Вирус, значит, – не на шутку удивившись, перебил Чана Вэнтэр, недовольно улыбаясь. – И как, интересно, такое

получилось?

– Для передачи настолько расторопной программы потребовался бы непрерывный контакт между вашими бронями не более десяти секунд. Не зная об этом, вы могли и не заметить столь тихий трюк... – утешил императора его технолог.

– Да нет, я помню, как это случилось. Хотя действительно, не заострил внимание... – отвлёкся Вэнтэр.

– Когда Кулак лишился всех данных и замер в одной позе, – продолжил пояснения профессор, – человек, по собственной глупости ударил чрезмерно активным волновым спектром, из-за чего отдельные датчики активировали поле Магнэрайс, и начали перезапуск повреждённой системы. Кулаку пришлось сохранить жизнь и нападавшему, а лишённую смысла систему контроля импульсов – он отключил от источника сигнала. Вот и все объяснения... остальное, думаю, понятно.

– Когда я впервые пришёл к тебе с просьбой о Кулаке, – хитро глядя на нэогара, решил напомнить повелитель, – ты поставил условием безопасность людей... хотя больше всего, ты ведь переживал о Джаине? – не сменив хитрый взгляд, поинтересовался он.

– Вы правы... – опустил глаза, тихо ответил Чан. – Я был впервые активирован три сотни лет назад, и с тех самых пор – отдаюсь науке. Я не раз задумывался о создании собственного сына, но всегда отказывался от этой идеи, желая создать нечто поистине особенное, гениальное, – тёплым голо-

сом, поведал нэогар, будто улетев в мечтания, или же воспоминания... – Выходом стал Джаин. Я увидел в нём идеально-го сына, и по-прежнему, желаю ему всего наилучшего. Я не могу назвать себя отцом, – тоскливо рассудил учёный, после чего взглянул Вэнтэру в самые глаза, и более решительно заключил: – Но тот, кого я считаю сыном – достоин всех жизненных благ!

Император, едва заметно кивнув головой, опустил глаза и на пару секунд замолчав, продолжил:

– Если же я попрошу не только восстановить Кулак, но и усовершенствовать его как идеальное атакующее оружие, ты поставишь условием отмену военной затеи? – спокойно и размеренно, но явно серьёзно предположил завоеватель.

– Вы как всегда проницательны.

– Таким способом, ты хочешь спасти Джаина от лишних хлопот, и возможной смерти? – Чан глубоко, молчаливо кивнул головой.

Вздохнув, Вэнтэр собрал руки у живота – спрятав их под столом. Со слабой тоской, он изрёк:

– Я понимаю тебя и твои мотивы... Но, боюсь они бессмысленны. Джаин больше пятнадцати лет как мёртв. Защита – ему ни к чему, – закончил император, и Чана будто молнией ударило, повергнув в шок. Глубоко взволнованным голосом, в такт аккуратным шагам назад, он лишь с дрожью повторял:

– Нет... это враньё... вы лжёте... Джаин не мог умереть!

Ему ещё жить и жить! Люди знатно о нём заботятся! Они любят его! – уже подобравшись к крику, никак не успокаивался технолог.

– Хотя мне и есть смысл лгать, сейчас – я честен, – с ноткой грусти, качнул мальчишка головой. – Грубо говоря, он не прожил в Евразии и трёх лет, а сейчас людьми командует его сын... этот глупец и замыслил заполучить мой Кулак. Посуди сам, разве Джаин пошёл бы на такую глупость? – холоднее рассудил Вэнтэр, слегка приподняв брови.

Чан, не отошедший от шока, лишь так же спешно продолжил спорить:

– Напавший человек мог быть не причастен к Джаину или королю, что мешало ему прийти из личной мести и соврать?!

– Отсутствие смысла. В таких ситуациях, страх берёт верх. Да и посмотри на мой дворец. Чтобы сотворить с ним это – нужно обладать серьёзным боевым костюмом, и серьёзными ресурсами для его создания. А людское поселение слишком мало, чтобы укрыть от властей такие запасы, – огласил император.

Чан, сердито глядя на Вэнтэра, стал успокаиваться и опускать ненавистный взгляд. Расслабившись, он обеими руками прикрыл лицо и сквозь пальцы, сжато произнёс:

– Даже не верится, что рабы могли позволить Джаину умереть! Они должны были на руках носить его! – возмутился профессор. – За свою халатность и глупость, за позволение Джаину почитать, они поплатятся! Я займусь вашим Кулаком,

и поверьте, больше вас никто не оцарапает, – пообещал нэо-гар, после чего поспешил уйти.

Вэнтэр, оставшись в одиночестве, лишь расплылся в косяй, мрачноватой улыбке. Ложь не была его коньком, но сейчас, она сработала на ура, хотя и в его словах было больше правды, чем кривды. Теперь Чану захочется мести, и лучшим для него выходом станет сотворение непобедимости юному тирану.

Любой, кому хватило сил и мужества отдать себя на беспощадные нужды службы в «Реокрацу» – уже давно приучился мириться с тяжкими трудностями. Но даже сильнейший во всех отрядах, не мог смириться с расставанием, и отказывался верить в его неизбежность.

Кир, высокий красноволосый паренёк, заслуживший звание непобедимого во всей Евразии, спешно шагал по светлому коридору королевского дворца, проходя мимо редко встречавшихся госслужащих. Наконец дойдя до приметной двери в тронный зал, он, даже не постучавшись – открыл её. Его взору предстали капитаны, что стояли к двери спиной, а к королю лицом, но по случаю появления Кира – обернулись.

Артур, сидевший на троне напротив входа, подпирал руками подбородок. Без претензий, хотя не особо радушно, король произнёс:

– Раньше, вы не опаздывали...

– Простите, – закрыв дверь, замешкался Кир. – Я был в штабе третьего отряда; спрашивал, не вернулся ли их капи-

тан, – направляясь к началу строя, пояснил он.

– Будто не ясно, что её нет, – иронично вставил секретарь короля, стоявший справа от трона.

– Теперь, ясно, – приподняв лишь одну бровь, отрезал Кир.

– Кстати о Лире, – не дав начаться новой ссоре, вступил король, – что о ней слышно?

– С тех пор, как она покинула свой транспорт, мы потеряли возможность с ней связываться, – начала отвечать седьмая капитан, глядя строго выше трона.

– А вычислить её местоположение по данным костюма не удаётся со вчерашнего вечера, – продолжила отчёт шестая капитан, куда расслабленной, и глядя в королевские глаза. – Причиной этому мог послужить сбой геопередач, или неисправность отдельных частей брони... – вполне спокойным, звонким голосом, закончила говорить девица.

Король, отстранённо глядя на стол перед собой, лишь протяжно хмыкнул и, мельком осмотрев капитанов, выдохнул:

– Понадеемся, что всё у Лире хорошо.

– Да уж, – недовольно качая головой, буркнул Кир, – у неё всё лучше некуда.

За далёкой утренней пустыней, пока не успевшей накалиться до дневного зноя – император, лишь за две минуты до десяти часов утра, вошёл в раздвижные двери штаба внешних дел Империи. Внутри небольшой светло-серой комнаты был установлен вместительный стол, вокруг которого си-

дело пять нэогаров. Сам стол насчитывал семь граней; он был бы круглым, если бы не ровно спиленные края.

Только завидев мальчишку-воеводу, весь совет поднялся с массивных стульев, и Вэнтэр, позади которого шагал Кан, пошёл к своему пустовавшему месту. Сев напротив окна, он, не издав ни звука – позволил и остальным занять стулья; Кан, как его доверенный помощник – разместился по правую руку.

– Император, – тихим, будто старческим голосом вступил вдруг нэогар, тот самый, прикрывший Лиру в скромном подвальном жилье. – Вы не собирали этот совет уже около трёх сотен лет, ведь его предназначение – обсуждать и готовить войну, – с трудом выдавливая звуки, напомнил старик, сидя практически напротив воеводы. – Решение собраться здесь и сейчас, наводит пелену переживаний...

– Совсем не зря, – едва позволив нэогару договорить, отрезал мальчишка, – ведь я действительно хочу обсудить и подготовить войну, – сообщил Вэнтэр, и весь совет упёрся спинами в сидения. – Настоящую, несущую смерть и разрушения войну, призванную искоренить факт человеческого существования! – с трудом не переходя черту крика, объявил свои намерения властитель.

– Сплетни по Империи бегут быстрее, чем нам бы того хотелось, – сболтнул другой член совета, на вид молодой, приметный уж слишком богатыми и громоздкими доспехами. – Главы военных отраслей готовы обсуждать войну ещё

со вчерашней ночи, и при условии, что она принесёт выгоду – половина совета согласилась вмешаться в Евразийский конфликт. Остальная половина, осталась безразличной и будет солидарна с вами. Так что, последнее слово как всегда за вами, император, – небрежно улыбнувшись, вычурно сообщил советник. Его голос был на редкость неприятен; отдавал тонким писком и глубоким, далёким эхом.

– Какую выгоду ищет совет? – лишь с тенью недовольства спросил мальчишка, спокойно глядя на расписного нэога-ра. Слегка передёрнувшись, любитель благ перевёл внимание на своего соседа – ничем не приметного. Поняв, что его товарищ не желал больше говорить – нэогар, не глядя на Вэнтэра, проронил:

– Рабы... мы хотели бы их возвратить, – неловко, с паузами, выдавил неприметный советчик.

– Исключено! – наконец выпустив гневный крик, треснул Вэнтэр кулаком о стол. – Причина этой войны – безграничная наглость и глупость всех тех, кого столь усердно спасал Джаин! И я собираюсь уничтожить, стереть и забыть всех людей! Всех и без остатка!

– Но император, – снова вступил в спор роскошный любитель рабов, – вы предлагаете всем нам тратить ресурсы и жизни на то, что создаст лишь расходы и убытки. Я думаю, самые влиятельные из нас согласятся – вкладываться в чужую месть, не разумно, – стараясь не подавать повода серьёзным размолвкам, заключил советник.

– Правда? – протяжно спросил Вэнтэр, подняв брови. – По-вашему, разумней не подчиниться воли императора? Вы считаете более мудрым вариантом, спорить со мной и ставить условия? – размеренно, строго, вдавливая собеседника в стул, начал Вэнтэр продвигаться к цели.

– Нет, просто... – попытался богач наладить разговор, но воевода, не желая слушать, продолжил:

– Не подчинитесь вы – знатные высокопоставленные военачальники, так подчинятся обученные убивать наёмники... – наконец перестав всё сильнее подтягиваться к своему нравному нэогару, замолчал и, откинувшись на стул, отвлечённо добавил: – А без вас и проблем с войском не станет...

Вызвав куда больше недовольства, чем испуга – Вэнтэр решил позволить слушателям немного подумать, стараясь смотреть по сторонам и не подавать вида злости.

– Наш император не любит уступать, – хрипло подметил старикан напротив мальчишки, – вероятно, благодаря этому, он им и стал, – выговорил дедок мысли вслух. – Зная его жёсткий нрав, есть ли смысл спорить? – спросил он у всего совета, намекая на нужду согласиться.

– Ну хорошо, – истерично вскрикнул любитель излишней роскоши, – я и на истребление согласен! – недовольно махая руками, пафосно выдал он, после чего сложил руки на груди и отвернулся от мальчишки.

– Пусть все, кто по-прежнему желает вернуть рабов, встанет и покинет эту комнату, – холодно попросил импера-

тор, оглядывая прятавших глаза нэогаров. Никто не возжелал встать; каждый, остался на прежнем месте. Проведя в ожидании не слишком долго, Вэнтэр довольно кивнул и, закинув ногу на ногу – победоносно произнёс:

– Думаю, вы не забыли, что у меня всегда были проблемы с составлением стратегий и тактик. Зато я преуспеваю в подсчёте подводных камней, и способов от них обезопаситься...

– Считаете, в Евразии подводные камни завалились? – иронично спросил разодетый нэогар.

– Неужто вы забыли, о такой насущной проблеме... как Гегар? – сохраняя холод в голосе и взгляде, напомнил повелитель. И после этих слов, никто не решил нарушать тишину, хотя далеко ни все встревожились. – Я провёл целую ночь в раздумьях над фактом его опасности... думаю, вы все согласны, что настолько гигантский робот – серьёзная проблема?

– У вас есть способ её решения? – не желая играть в загадки, напрямую спросил ранее молчавший, на вид грозный нэогар. Цвет его покрытия был практически чёрным, хотя всё же немного светлее полного мрака. Вместо левого глаза, у него зияла глубокая, заполненная тенями дыра, с краями расцарапанными и покорёженными. Всё лицо, ниже и дальше этого глаза – будто выжгли, причём настолько сильно, что виднелось серебряное покрытие внутренних элементов головы.

– У меня нет, зато у экспериментальной оружейной ассо-

циации, решение должно найтись, – протараторил император, куда более расслаблено, чем раньше. – Видите ли, Гегар стал бы идеальной мишенью для дальнобойных атак, а значит, люди не станут пускать его в первойшую линию обороны. Вероятнее всего, они используют его, как «громкий ответ тихим голосом». Нам же, стоит поступить ещё тише...

– Предлагаете тактику меньшинства на большинство? – переспросил невозмутимый нэогар.

– У кого-то есть более удачные идеи? – осматривая молчаливых советников, поинтересовался воевода. В ответ, все лишь размеренно качнули головами. – Тогда, пусть ассоциация займётся разработками; все отчёты буду ждать прямоком на свой стол, – говоря преимущественно безглазому нэогару, подвёл итог Вэнтэр. – Ещё одной серьёзной проблемой, я считаю количество людей. Из Империи ушло немного- Немало два с половиной миллиона человек, и как я недавно узнал – им удалось создать продолжателей своего рода, – уныло поведал владыка. – То, чем должна была заниматься женщина-нэогар Магна – оказалось вполне реальным и прямо сейчас пополняет ряды наших противников, – сжимая пальцы в кулаки, нахмурился мальчишка. – Нельзя утверждать точно, но предположим, что сейчас в Евразии три миллиона людей, чей возраст превышает пятнадцать лет. Как можно догадаться, все они, каждый из этих трех миллионов, в крайнем случае, может обернуться боевой единицей и помогать на фронтах чем угодно, включая ведение боя. Я

не говорю, что это гарантированно будет так, я лишь разворачиваю самый неудачный сценарий... – оградил себя от пустых перебивай владыка, поняв их неизбежность. – И при таком раскладе, их общая численность примерно равна поголовью армии, которой мы обладаем в свободном распоряжении. Невзирая на хитрости и тяжёлую боевую промышленность, я считаю необходимым увеличить наше поголовье войск.

– Призвать на службу тех, кто этого не желает? Вызывать в Империи новые протесты и беспорядки? Прошлого раза, вам не хватило? – менее уважительно накинулся на Вэнтэра старик, переживая за мир в своей стране.

– Что вы, такие радикальности мне ни к чему, – едва улыбнувшись, ответил воевода. – Президент «Научного единства» четырёх великих стран уже имел опыт создания полезных пешек, для поддержания внутреннего имперского порядка. Теперь, я намерен повторить его успех, только в более промышленных масштабах. Уверен, каждому известны столь удобные самураи и кентавры патрулирующие улицы и хранящие нашу безопасность. На общий военный бюджет мы создадим ещё миллион кентавров, и три миллиона самураев, – улыбнувшись куда шире и гораздо мрачнее, распорядился повелитель.

– Сколько? Да вы представляете, что случится, если мы организуем проект такой численности?! – с неприкрытой претензией накинулся на Вэнтэра роскошный задира. – Об-

нищаете даже вы, а Империя останется без малейших ресурсов!

– Зато по окончании войны, когда от людей останется лишь пепел – наши убытки и резервы восполнит Евразия, – легкомысленно отмахнулся первейший человек, жестоко глядя в сторону.

– Это безумство! – вскинув руки вверх, воскликнул неприкрытый богач.

– Это война! – ответив тем же самым, утихомирил Вэнтэр недовольства. – И наконец последняя, пожалуй самая неприятная проблема – людской технологический прогресс, – постукивая пальцами о стол, выдохнул император. – Доказательством тому служит мой замок, – недовольно заключил он.

– Их прогресс не обогнал наш! – не согласился грозный советник, с «пожёванным» лицом.

– Но практически догнал, и уж поверьте – если подобных костюмов у их армии наберётся хоть сотня – мы встретим достойное сопротивление! Не важно станет, сколько нэогаров придёт на фронт... – спадая на тихие, даже хриплые тона, утих хозяин Кулака.

– Может, создадим новый вид киборгов и натравим на людей инопланетян? – иронично, саркастично и бесстыдно, ляпнул на всю комнату богатейший советник. После его слов половина совета захихикала, а остальная, в которую вошёл император – просто ухмыльнулась.

– Как только вы найдёте способ это сделать, – сдерживая смех начал Вэнтэр, – сразу доложите... Но как более реальный способ, – вернув своему лику непреклонность, молвил мальчик, – я решил зачислить в боевой строй одну легендарную троицу... – нагнав на совет интригу, сделал он паузу. – Тех трёх нэогаров, что сотни лет назад, вместе со мной, держали в страхе весь мир, разделяя его на четыре державы, – снова приостановившись, заставил он слушавших нэогаров откровенно изумиться и даже приоткрыть рты. – Ту мировую элиту, превзойти которую удалось лишь мне, – замедляя речь, помрачнел Вэнтэр, как и обстановка в комнате. – Вам они известны под именами – Сталис, Вайдэр и Магна.

Каждый присутствовавший на заседании нэогар – лишился дара речи; всё, что им удавалось, это разинув рты, искоса смотреть на императора, нахмутив то, что у людей считается бровями. В обстановке шока и тишины, только Вэнтэр смог согнуть уголки губ, а глаза наделить блестящим мраком, будто радуясь общему смятению.

Первый, кто преодолел толи испуг, толи шок – нагнулся к воеводе и от лица разумного генеральского мнения, прошептал:

– Император, вы понимаете, о чём говорите? – подавляя дрожь, изрёк Кан, максимально уважительно.

– Более чем Кан, более чем, – стандартным детским голосом ответил он, взглянув в столь близкие нэогарские глаза. После этого, генерал вернулся на место, а император, мед-

ленно развернув голову – обратился к изумлённому коллективу:

– Я намерен возратить в наш мир трёх легендарных королей прошлого, дабы они помогли моим доблестным войскам при штурме и захвате вражеских земель, – поднимаясь со стула, заключил мальчишка.

– Я во многом поддерживал и понимал вас, – хрипя не так учтиво как раньше, встал с места и старейший нэогар. – И я понимаю, как заманчиво выглядит поддержка такой элиты, как короли прошлого. Но рушить грани меж мирами, не дозволено даже вам! Техники воскрешения под запретом! – во весь свой слабый голос, приказным тоном напомнил нэогар.

– Я это знаю. Можете не волноваться, ни один запрет я не приступлю... – разворачиваясь боком, отмахнулся воевода. – На воплощение всех планов, у вас есть две недели. Отчёты о продвижении я хочу получать каждый день, – протягивая руку к двери, отдал последние приказы шестнадцатилетний тиран. – Ну а вам, удачи в обсуждениях стратегии, и всём остальном, – закрывая дверь с другой стороны, попрощался Вэнтэр, оставив нэогарских глав наедине.

Позволив юному тирану отойти немного дальше, нэогар, что спорил больше всех и возмущался чаще остальных – собрался с духом и, вскочив со стула – умеренно громко заявил:

– Вы собираетесь молча это терпеть? – не скрывая претензию, спросил он. – Строгость и жёсткий нрав –необходимы

при контроле материка, но их нельзя путать с безумством!

– Наш император всегда был суров и своенравен, – хрипло решил напомнить старикан. – Возможно, этим и обусловлен его статус. Но я согласен с тем, что он заходит слишком далеко...

– Бессмертный обладатель тела человека ясно дал понять – непослушание карается смертью, – выложив руки на стол, припомнил самый грозный член совета. – Я предпочту не спорить с его принципами...

– Сейчас у мальчишки даже Кулака нет, а ведёт он себя, словно по-прежнему сможет убить любого на своём пути! – продолжил недовольства самый богатый в комнате. – Может, ему стоит напомнить, что времена, когда весь мир безоговорочно склонялся – позади!

– Вы пытаетесь построить заговор?! – выкинув в сторону крамольника указательный палец, агрессивно воскликнул Кан.

– Вам так нравится терпеть самоуправства этого эгоиста? Или вы до сих пор его боитесь? – не выказывая ни капли уважения или страха, ответно спросил богачёк.

– Я боюсь того, что случится с Империей без него! – махнув вниз рукой, импульсивно изрёк генерал. – Именно его эгоизм, самоуправство и жёсткий нрав – держат Империю так крепко, как вы можете наблюдать! – поочерёдно оглядев всех, кто успел изъявить недовольство, протараторил Кан, указав пальцем в небольшое окно. – Без Вэнтэра, этот мате-

рик растрескится по швам и утонет в гражданских войнах. Так может, покорение Евразии лучше, чем ваши клинки в спинах друг друга?! – не сдерживая гнев ко всем советникам – окончил генерал свою речь, заставив каждого ровно сесть и прикрыть свой рот. Заняв место около опустевшего стула императора, Кан холодно, размеренно выдавил:– А теперь, мы займёмся обсуждением всего, что требовал император...

13 эпизод. Храм последней элиты

Возложив надежду и не предав веру в Кана – император, не отходя от глубоких размышлений, держал путь обратно в свою крепость. На личном транспорте он вполне быстро вернулся к массивным стенам вокруг замка и, въехав во внутренний двор, молча покинул машину. Не поднимая глаз с начинавшей желтеть травы, он вошёл в проём для внутренних ворот – правда, двери оттуда временно убрали. Так же размеренно шагая по полному рабочих холлу, он дошёл до слегка перекошённых дверей лаборатории, открыть которые ему пришлось самостоятельно. Завидев у входа самого императора – каждый учёный оторвался от работы и поднялся с места, где бы оно ни находилось. Только Чан, поглощённый восстановлением Кулака, настолько внимательно выравнивал огрехи, что даже не заметил показавшегося владыку.

Развёрнутый в полный рост Кулак установили на прочную подставку около окна, и, соответственно, около рабочего уголка президента ассоциации. Более активно отстукивая подошвой о пол лаборатории, Вэнтэр в тишине держал путь

к умнейшему нэогару, подражая безмолвию лаборатории.

– Простите, что не приветствую, – сухо произнёс Чан, – просто, не хочу отрываться.

– Как неудачно, я как раз хотел своровать твоё время, – подступив к нэогарской спине, так же сухо молвил Вэнтэр. – Сможешь, мне его уделить? – не услышав ответа, решил мальчишка спросить.

– Если вы не станете злиться на задержку реставрации, – нехотя поворачиваясь, сообщил технолог.

– Ничего, я уверен, лишние десять минут не окажутся фатальными... – следуя за Чаном, ответил Вэнтэр, направляясь к выходу. Покинув пределы лаборатории, профессор, не раздумывая, направился в сторону временной лестницы. Вэнтэр же, едва закрыв лабораторные двери, вдруг изрёк:

– Сезон тёплой погоды близок к завершению, – чем привлёк удивлённый нэогарский взгляд. – Может, стоит провести хоть немного времени на улице? Уверен, ты там давно не бывал... – спокойным, даже приятным голосом, предложил завоеватель.

– Если вам угодно, – склонив голову набок, согласился нэогар.

Показавшись по-прежнему тёплому солнцу и слегка прохладному ветерку, собеседники проследовали к лавочке, напротив небольшого фонтана. Отдавшись красотам мини-парка, созданного ради Вэнтэра, Чан не стерпел, и спросил:

– Вы ведь чего-то хотели? Судя по всему, чего-то важного? – сохраняя в голосе настороженность.

– Да, мне необходимо кое-что переспросить. По поводу твоей идеи с воскрешением, – проронил мальчишка, и лик Чана тут же загорелся жизнью. – Ты утверждаешь, что обнаружил безопасный способ вдохнуть душу в настоящее тело погибшего нэогара, хотя менять оболочку, или нет, душа ведь всё равно покидает Ментальный мир, а это и есть вред завесе измерений...

– Не совсем... – вступил Чан, готовый к пояснениям. – Видите ли, хоть мы и используем общий термин «воскрешение», обычные техники скорее перерождают душу в новых телах. Мой же способ, возрождает её. Но в этом деле, конечно, есть одна проблема, – покачав головой, опустил Чан глаза, – души обретают дом в Ментальном измерении, проходя сквозь врата меж мирами. Для каждого усопшего их специально отворяют ответственные смотрители, и это никак не вредит мировому балансу. Воскрешение же, напротив – проламывает врата изнутри, и даёт возможность многим другим мертвецам, вновь переродиться. Это, как правило, не происходит благодаря ментальной страже, но риск всё же велик, – заговорился технолог, пока Вэнтэр терпеливо ждал сути дела. – Как вы и сами знаете, наши предшественники не придавали безопасности большого значения, и именно по их вине мы наблюдаем такие строгие запреты. Но я, изучив древне-нэогарские исследования выяснил, что по большому счёту,

душу можно безопасно вернуть, позволив ей проскользнуть сквозь открытые ментальные врата. Другими словами...

– Жертва... – кивнул вдруг император, отведя взгляд в сторону. – Тебе нужна жертва... – так же отвлечённо глядя в сторону, повторил мальчишка.

– Верно. Без неё никак... – понимая смятение императора, подтвердил разработчик. – Хотя одной жертвы хватит и для двух и для пятерых воскрешённых, это не слишком большая цена, – стараясь выглядеть оптимистично, добавил Чан.

– В принципе, ты прав, в наших тюрьмах или «Бойсдракс» найдутся сотни тех, кто не достоин жить... – оправдывая своё хладнокровие, убедил владыка сам себя.

– Неужели вы... передумали? – прервавшись, задал технолог вопрос, переживательно глядя на императора. Но мальчишка в ответ так и продолжил молчать, томно глядя вниз перед собой. – Вы, всё же решили... воскресить своего...

– Нет! – отрезал Вэнтэр, пока профессор мямлил. – Я желаю вернуть с того света другие души... души тех, кого сам туда отправил, – наконец взглянув на Чана целеустремлённым взором, поведал император.

– Вы многих «туда» отправили, но, на мой взгляд, даже за такую услугу, как воскрешение, каждый возжелает мести... почти каждый, – исправился Чан.

– И снова ты прав, – откинувшись на лавку, вздохнув, согласился Вэнтэр. – Даже я бы отомстил себе, после своего убийства, – посмеиваясь, сморозил мальчишка. – Мне

пришлось задуматься, что заставило бы меня сотрудничать с тем, из-за кого я провёл уйму времени в просторах ада? – задрал брови, по детски спросил Вэнтэр. – Только уверенность в том, что снова я, туда не попаду, – косо улыбнувшись, ответил покоритель.

– Хм, пусть не гарантированно, но такой шанс есть... – согласился учёный, ненадолго задумавшись. – И всё же... кого, и что куда важнее – зачем, вы желаете воскресить?

– Тех, кто вместе со мной носил звание нэогарских королей, – со вздохом объявил мальчишка. Очевидно, от мысли снова увидеть их, его душа ликовала. – Их вклад в мою войну, будет неоценим.

Чан, прижавшись спиной к лавочке, опустил голову вниз и, зажав пальцами подбородок, протяжно хмыкнул.

– Я не могу сказать, что поддерживаю вас. Но для воскрешения павших королей, мне нужны лишь их тела, и я вдохну в них души. Остальное – всецело за вами... – покачав головой, решил Чан.

– Я рад, что ты на моей стороне... – улыбнувшись, выразил Вэнтэр благодарность, приличия ради.

– Ну а теперь, позвольте вернуться к вашему Кулаку. У меня ещё много работы... – вставая, сообщил Чан, пока император, глядя снизу вверх, великодушно ответил:

– Да, ступай.

Кивнув, профессор спешно направился туда, где раньше смыкались прочные внутренние ворота. Вэнтэр – оставшись

наедине с самим собой, закинул руки за спинку скамьи и, взглянув в чистое небо, по которому плыло пока ещё тёплое солнце, тихо, безмятежно молвил:

– Как мне не нравится эта капитанская девка... интересно, где и как она сейчас? – злобно прищурив глаза, озвучил воевода.

«Капитанская девка», как раз пока оставивший ей жизнь человек размышлял о ней, с трудом поднималась с лежака, хотя с виду казалось, что ей стало лучше. Лишь придерживая по-прежнему расцарапанный живот, она, даже не касаясь стен – вышла из комнатки, за чьим углом наткнулась на почти полный бак воды. Зачерпнув чистую, казалось бы, даже свежую воду – девушка утолила жажду и, взглянув на закрытую дверь, улыбнувшись, проронила:

– Даже спустя столько времени, мои запасы воды он не убрал... замечательный нэогар, – умилённо покачав головой, добавила она, и развернувшись, «поплыла» обратно в комнату. – Только узнав его, я поняла, что ни все нэогары бессердечные куски стали, – помогая себе рукой, села капитан на стул, около стола в углу стены. – Были бы все верха Империи такими же, как он, мирная жизнь не казалась бы сказкой. Всему виной император! И всему решение, его гибель... – ещё тише, но не менее гневно – определилась Лира.

К тому дивному времени, когда солнце прошло весь путь по небосводу и склонилось к горизонту – Вэнтэр, мирно восседал на хрустальном троне, пока шум и суматоха стройки

подбирались всё ближе и ближе к его залу. Именно туда, в двери, почему-то распахнутые – вошёл Кан, со стандартной учтивостью спросив:

– Вы желали меня видеть?

– Да, хотел узнать, как прошёл совет?

– Без осложнений; мы с пользой провели время.

– Это хорошо... – отстранённо озвучил император. – Мы на пороге войны, отказываться от неё уже глупо, – его взгляд был целеустремлён, а голос серьёзен и строг. – Во времена правленья нэогарских королей, победа не была зачислена до тех пор, пока предводитель твоего врага, не пал в бою. Теперь, когда король противника – лишь человек, я не считаю нужным красоваться на поле боя, да и мой Кулак не скоро будет вновь готов... но ради лучшего исхода боевых операций, на поле брани должен присутствовать тот, кто возьмётся за воодушевление основных войск. И я считаю, что если ни мне, то именно тебе стоит доверить это бремя.

– Но император, я ведь генерал! Мои обязанности – следить за боем и принимать решения, а не глаголать красивыми речами... – не особо радушно, ответил нэогар.

– Именно поэтому, я назначаю тебя заместителем императора, – также спокойно, скрывая в глубине себя радость, озвучил Вэнтэр. – Ты станешь моим наместником и главным представителем; в твой долг не будут входить красивые речи. Лишь команды и приказы, на всём поле боя.

– Но император, назначить заместителя в вашей ситуации,

означает назвать своего приемника, будущего хозяина престола. Вы ведь осознаёте это? – скорее шокировано, но всё же радостно, напомнил Кан.

– Я не иду на то, чего не понимаю, – соединив все пальцы в один кулак, заёрзал владыка на троне. – Когда империи начинают войны – императорам необходимы заместители; кому я могу доверять больше, чем тебе? – слегка улыбнувшись, оказал Вэнтэр очередную почесть.

– Я... я не знаю, если достоин и справлюсь, – отступив назад, покачал нэогар головой, – может, лучше вернуть на эту должность бывшего заместителя? – робко спросил Кан, будто за что-то переживая. И не зря.

Вэнтэр ляпнул ладонью о стол. Встав с трона, в стандартной манере, властитель заладил:

– Да вы с Чаном сговорились что ли, с чего вы вообще его вспомнили? Я не стану разыскивать его и пытаться ему угождать. Кто из нас император, в конце концов?! – подойдя к Кану, владыка также строго произнёс:– Только ты сейчас достоин стать моим заместителем. Ты служил мне со всей самоотдачей последние четыре сотни лет. Прошу, не предавай меня и в этот, наиболее важный момент! – не сводя глаз с нэогарского лица, эмоционально потребовал Вэнтэр.

– Ни за что! – выпрямившись, выпалил Кан – собрав руки по швам и направив взгляд точно перед собой. – Я оправдаю ваше доверие!

Хозяин «холодного» мира, несколько расслабившись, с

улыбкой зашагал к выходу из тронного зала; в его глазах было легко прочесть усталость, а на лице тоску, но что-что, а уста его изгибались....

Знамя нового дня, прозванное рассветом, в очередной раз озарило просторы неогарского континента; Лира, в очередной раз покидая Империю – наконец добралась до окраин жилых городов. Шагая твёрже и уверенней среди развалин и пустырей, она подступила к спрятанному под навесом одной из построек внедорожнику, и без особой жадности напившись воды, припрятанной под сидением, «оседлала» свой транспорт. Вдавлив педаль газа в пол, на максимальной скорости капитан рванула в объятия пустыни, пока ещё не знойной, но далеко не прохладной. Позабыв и о боли, и о тяготах предстоявшего пути, взор капитана налился жизнью; её глаза блестели, а уголки рта приподнялись, ведь теперь, она сумеет предупредить Евразию об объявленной войне. Хотя, это ли причина её радости, или же встреча с Киrom так манила домой, известно было ей одной...

Император Вэнтэр встретил это утро, куда непривычней, чем обычно. Лишь только солнце оторвалось от горизонта, как он уже переступил порог кабинета организатора боёв «Бойсдракс», что находился под зрительскими местами, на самом первом ярусе арены. Даже на вид – Вэнтэр был подростком уставшим, и истощённым. Под его глазами чернели тёмно- синие мешки; щёки облегали зубы куда сильнее, чем обычно; верхние веки полузакрылись, а само лицо было

изнуренно и безжизненно. В сопровождении всего двух кентавров и стольких же нэогаров, мальчишка дошёл до стула и, стараясь не упасть – присел. Во всём кабинете не было и намёка на окно.

– Я был откровенно удивлён, когда вы назначили столь раннюю встречу, в столь далёком, от вас, месте, – решил разорвать тишину нэогар, чей рот скрывал ехидную улыбку. – Обычно я сталкиваюсь с таким, когда кому-нибудь что-то требуется... – заёрзав на стуле, невзначай поделился организатор.

– Логично, – прохрипел мальчишка, – иначе, смысл угождать? – приподняв бровь, спросил он. – Но у меня другой случай; мне просто нужна конфиденциальность... – отведя взгляд, закинул Вэнтэр ногу на ногу, чтобы было удобнее подпирать рукой щёку. – О нашей с вами встрече известно всего трём нэогарам. Я хочу, чтобы так и оставалось, – со всей серьёзностью, потребовал покоритель.

– Какое же дело, требует такой секретности? – менее ехидно спросил нэогар, и сам подставил под щёку кулак.

– Я, пожалуй, самый ярый поклонник боёв и бойцов, что вы сводите на поединках, – также вяло, проворчал император. – И я очень ценю ваше умение из сброда и преступников, так быстро возвращать достойных воителей... и чемпионов, – практически прошептал Вэнтэр, чья голова соскользнула с руки.

– Да, – встав с места, подхватил организатор, – нэогар-

ский потенциал не прекращает поражать. Они так легко и быстро ведутся на обещания, которые нельзя спутать с правдой, – бодрым, даже весёлым голосом, поведал глава поединков, медленно перешагивая от плаката с изображением поединка, к другому постеру, с другим поединком.

– Вряд ли найдётся кто-то, знающий возможности чемпионов лучше, чем вы, – всеми силами сдерживая зевок, предположил мальчишка.

– Можете не сомневаться. Даже они сами знают меньше, чем я, – широко улыбнувшись, заверил Вэнтэра нэогар, возвращаясь на своё место.

– Вот и замечательно, – слегка хлопнув ладонями, ухмыльнулся император. – В таком случае, вы поможете бойцам узнать о том, какие возможности им необходимы, на поле грядущей войны, – улыбаясь всё мрачнее, скрыл Вэнтэр былую усталость в собственных мешках под глазами. Услышав это – организатор, не размыкая рта, тихо захихикал...

Кан к этому времени, сидя верхом на одном из кентавров, задумчиво смотрел немного ниже спины своего «транспорта», шагавшего среди густых древних лесных зарослей. В окружении высоких и толстых деревьев, покрытых густым тёмно-зелёным мхом, в его голову так и лезли воспоминания прошлого вечера. Вечера того дня, когда он стал заместителем самого императора. Тогда, сразу после его согласия, Вэнтэр, направляясь к выходу из тронного зала, в своей стандартной манере молвил:

– И теперь, когда ты согласился на эту ответственность, я хочу дать тебе первое задание, в твоей новой должности.

– Что бы это ни было, я вас не подведу! – ответил заместитель, догоняя владыку.

– Я хочу, чтобы ты, взяв каждого, кого сочтёшь нужным, отправился в «Храм последней элиты». Оттуда нужно забрать тела убитых мною королей, и доставить их Чану, – за тих Вэнтэр, с некой тоской.

– Как прикажете, я отправляюсь туда немедленно! – крепко сжимая руки за спиной, и не подумал противиться Кан.

– Верно. Храм стоит позади Дарисского леса, на западном берегу Магnezийского моря. Туда проще добраться в обход, но на это потребуется целая неделя... Если же идти напрямик через лес, уйдёт лишь ночь... – решил напомнить заместителю император, и Кан, при первой же возможности встал:

– Я пойду напрямик! Взять с собой оборудование и транспорт, конечно, не удастся, но мне хватит лишь парочки кентавров и доверенных солдат.

– Я не сомневался, что ты найдёшь решение, – устало улыбнувшись, обернулся мальчишка. – На этом, пока всё. Буду ждать тебя, вместе с ценным грузом... – спускаясь на всё более низкие этажи, своеобразно пожелал удачи Вэнтэр.

– Простите мне моё любопытство, но куда направляетесь вы? – остановившись на месте, спросил Кан, увидев в окне подъехавшую к воротам машину.

– Прогресс наших противников обошёл все ожидания, – не прекращая спускаться, ответил владыка. – И когда нам удастся обойти их козыри, один из них, я хочу прибрать к рукам... – не выказывая особых эмоций, скрылся воевода на нижнем этаже...

Выбравшись из сети воспоминаний, Кан покинул и Дарисский лес; используя кентавра, как обычного коня, он преодолел последнее толстенное высоченное дерево, чьи корни огромными лапами виднелись над землёй. Вместе с ним, из-за других подобных деревьев, выбрались и остальные нэога-ры облачённые в стандартные армейские доспехи. Они тоже сидели на кентаврах, что послушно везли пассажиров.

Пересилив раскинутую на огромную площадь чашу, отряд имперского заместителя выбрался к побережью, где лишь в паре метров от моря, захлёстывавшего сушу, стоял древний, неизменно величественный, «Храм последней элиты». На всём этом берегу, кроме накатывавших как по таймеру волн, не было ничего; только двухэтажный монументальный мини-дворец скрывался в тени леса, пока солнце поднималось за макушками деревьев.

– Мы прибыли! – воскликнул один из отряда, ловко спрыгивая с кентавра.

– Никогда не знал об этом крае... – спокойно изрёк другой, самый ближний к Кану. – Кто мог додуматься строить здания в таком месте? – не решаясь слезать с кентавра, озадачился он.

– Раньше тут располагался гарнизон Маггара. Это здание было самым маленьким из огромных цепей построек, – не сводя с Храма глаз, решил ответить Кан, начиная слазить с «коня». – После победы в войне, император приказал оставить только этот спарринговый зал, чтобы использовать его как гробницу для поверженных предводителей.

– Неужели, их тела и по сей день покоятся здесь? – не сдержал очередной вопрос помощник заместителя. – Неужели, никто не пытался украсть их и продать, или же по частям разобрать и переплавить. Думаю, обладать чем-то созданным из великого короля, желают многие...

– Желали... – шагая перед неопытным, но очень любопытным нэогаром, отмахнулся Кан. Пока он прогуливался до ступенек, ведших к запертым дверям храма, плотно сомкнутые железные ворота с трудом распахнули нэогары помощники, которым не терпелось увидеть королей куда больше, чем Кану.

Пропустив заместителя Вэнтэра вперёд, они лишь с интересом заглядывали внутрь, стоя у ворот, пока на потолке высокого зала, пытались включиться старые дневные лампы.

Справа от бывшего генерала, в шаге от него, следовал единственный помощник, зашедший в зал. Он, молча, слегка приоткрыв рот – смотрел вперёд, туда, где расположились цели их приезда. В самом центре этой хоть и целой, но грязной, пыльной, местами зелёной от мха палаты – на полу стояли три примерно по пояс высотой саркофага, высе-

ченные из тёмного камня. Они далеко не идеально повторяли контуры тел, зато теснённые рисунки, изображавшие лица, доспехи, герба и знамёна – были выполнены настолько чётко, что образа королей будто оживали, хотя их тел нельзя было увидеть.

Подступив к среднему саркофагу, Кан, глядя вниз не сгибая шеи, провёл ладонью примерно по центру теснения. Стряхнув слой пыли, он увидел герб Маггара – гнувшего шею дракона, сидевшего на солнце.

– Знаешь, сколько глупцов считали, что разбогатеют на победе императора? – не повернув головы, вернул Кан своего помощника из мира изумления.

Услышав голос заместителя, нэогар отдёргнулся и слегка испуганно выпалил:

– Не-ет.

– Только в первый день после закрытия этих дверей, были пойманы и казнены двести нэогаров, пытавшихся проникнуть в Храм, – недовольно, хотя несколько тоскливо, поведал он. – Среди них был и мой брат, казнь которого император доверил мне, – изрёк Кан, и слушавшие его откровение нэогары позамерали на местах, не ожидав такого узнать. – В тот день, я лично пообещал всей империи, что любой, кто хоть приблизится к этому берегу – будет обречён на смерть; и ждать её, вовсе не придётся, – сжимая кулак на крышке саркофага, подвёл заместитель рассказ к концу. Развернувшись лицом к дверям – он посмотрел на столпившихся у вхо-

да нэогаров и, не обращая внимания на восхищённый взгляд стоявшего справа помощника, добавил:– Вот с тех пор, желание пробраться в «Храм последней элиты», ни у кого не возникало...– зашагав к выходу, суровый и мрачный заместитель распорядился:– Генор, я назначаю тебя командующим над погрузкой королей. Проследи за порядком и расторопностью работы...– спускаясь по ступенькам, окружённым собственным отрядом, Кан удалился.

Генор ещё недолго, восхищённо глядел в след бывшему генералу. Встряхнувшись, он громко, надменно произнёс:

– Вы слышали команду, вытаскивайте королей и готовьте их к переезду! – набравшись смелости и даже махнув рукой, приказал он.

Все участники операции забежали внутрь храма, хотя до этого, не осмеливались даже переступить порог, что разделял ступеньки, и бордовый матовый пол. Разделившись по три нэогара на саркофаг, они аккуратно, а это большой труд, учитывая вес каменных изваяний, подняли скульптуры и поочерёдно, начиная со средней, стали выносить. Даже сил трёх подготовленных избранников заместителя едва хватило, чтобы спустить груз по ступенькам, и снова положить на землю, в паре шагов от гарнизона. Когда у дверей храма показался следующий саркофаг, трудяги, что тащили его вниз – заметили нечто непонятное, но довольно шумное и далеко не маленькое; оно приближалось, скрываясь в солнечных лучах. Яркое светило – расположилось прямо за его спиной. Не

потребовалось и пяти секунд, чтобы этот объект на чертовски огромной скорости рухнул у входа в лес, подняв своим «приземлением» туман из пыли и земли. Не дожидаясь пока завеса усядет, из дыма выступил трёхметровый нэогар, чья нога оставила след даже в твёрдой сухой земле. Полностью показавшись из сероватой пыли – бронированный, нестандартно плотный нэогар, за чьей спиной виднелись сложенные крылья, подобные самолётным, унял смятение отряда Кана, и нэогары, на время позабывшие о тяжести ценного груза – продолжили его спускать.

Крылоносец, будто управляемый кем-то совершенно бестактным, подошёл к стоявшему на земле гробу и схватил его, как колосок пшена. Расправив крылья, он взмыл в воздух. Даже подняться с земли и набрать высоту – составило проблему, но, преодолев её, нэогар набрал скорость и развернувшись в нужном направлении, полетел в столицу, откуда и был прислан.

– Значит так было решено транспортировать бывших королей... – промямлил Генор, стоя в левом углу между ступеньками, и фундаментом Храма.

– Да, – согласился Кан, вышагивая из-за угла постройки. – Их тела безжизненны уже три сотни лет; дорога по корням Дарисского леса – в конец их уничтожит.

– А я думал, вы отправились обратно в замок, – не выказывая удивления – молвил нэогар, когда пред храмом приземлились ещё два крылоносца, таких же бестактных и

Сильных.

– Я лишь отправился сообщить, что всё готово к возвращению королей, – неспешно «уплывая» в сторону нового вынесенного гроба, который уже попался в объятия большому нэогару, поведал Кан. – Оставляя свою команду, не в моих правилах, – покачивая головой, решил он напомнить.

Пока по ступенькам стаскивали последний саркофаг, с изображением полумесяца, качавшегося на волнах, второй по счёту, на котором гарцевал крылатый единорог, покрытый крупной острой будто чешуёй – начал свой неблизкий путь.

– Простите мне мои вопросы, – нагоняя Кана, извинился Генор, – но если для транспортировки выбрали воздушный путь, почему нас не отправили по воздуху? К чему нам было скакать на кентаврах через весь, прославленный непроходимостью лес? – лишь с прозрачным намёком на недовольство, озадачился помощник.

– Вся имперская авиация занята подготовкой к войне, – размеренно ответил Кан. – Не хочется нагружать их ещё больше, – отводя взгляд в сторону, поднял заместитель то, что у людей звалось бровями.

– Ну, это справедливо... – согласился нэогар.

– Готовься возвращаться обратно, путь будет долгим, – разворачиваясь, заключил начальник миссии. – На нас крылоносцы не рассчитаны.

В Евразии прошёл примерно час с тех пор, как главный

технолог, с новыми силами продолжил создание нэогара, под кодовым названием «Спидрайдэр». Но только сейчас, в небольшом рабочем цеху собрались и остальные участники проекта. На тридцать человек команды приходилось всего четыре девушки, и лишь одна из них, была молода. По совместительству, представляла седьмой отряд «Реокрацу». Несмотря на обыденную строгость и холод, только зайдя в цех, она направилась к бессмертному профессору.

– Опять ты всю ночь здесь провёл? Опять сутками ничего не ешь? – выдыхая, покачала она головой.

– Спидрайдэр базируется на дальних атаках, у него много огнестрельного оружия, а его подвижности может позавидовать даже настоящий нэогар, – затараторил Герд, расправляя руками непонятную схему. – Процесс его сборки убьёт много времени и сил, зато его характеристики – могут стать ключом ко многим победам! – восторженно заключил давний друг Джаина, не скрывая восхищения.

– Его сборка скорее тебя убьёт, если не начнёшь думать о себе, – непреклонно, но нежно поругала капитан, своего мужа.

Герд ненавидел уступать, а подчиняться был готов всего одному человеку – Джаину. Свою жену он любил, заботился о ней и оберегал, насколько мог, но работа, у таких как он, всегда стояла на первом месте.

– Не щадишь ты себя... – расщедрившись на улыбку до белых зубов, выдохнула капитан. – Смотри не повтори участь

Джаина.

– Джаин был великим героем, он подарил нам как жизнь, так и свободу! – выпрямившись, с блеском в глазах заключил Герд. – Участь, подобная его, была бы для меня честью.

А к чему обладать честью, если она сведёт тебя на погребальный костёр? Тогда труды твои выкуют твоё имя в памяти, но труп от этого мало проку. Сказать такое своему мужу, седьмая если и могла, то не решилась. Она не считала верным усугублять и так напряжённое положение распрями с семьёй. Распри вообще стали непростительными, ни где и ни между кем, если только в груди их стучали сердца.

Совсем недалеко от места создания Спидрайдэра, и также вполне близко к королевскому дворцу – в одном из тренировочных залов первого отряда «Реокрацу», Кир, в окружении десяти своих подчинённых, проводил утреннюю разминку. Учитывая назначение отрядов «Реокрацу», все тренировки проходили преимущественно в виде спарринга. Капитан сильнейшего отряда, само с собой, выходил из них победителем. Хотя, как ни посмотри, Кир проявлял излишнюю агрессию и вкладывал слишком много сил. Любой его противник, сдавался пусть и с лёгкими, но всё же травмами. Даже набрасываясь на капитана по трое, четверо, пятеро, а разок и шестеро – участники поединка сдавались, оставляя попытки победить. Первый капитан не думал прекращать тренировку, пока дело не дошло до громко хрустнувшего локтя его противника, за которым последовал протяжный, сдав-

ленный крик. Наконец осознав свой уж слишком буйный напор, озлобленный взгляд и оскаленные клыки Кир сменил на рассеянные глаза и приоткрытый рот, суматошно проговаривающий:

– Ой, прости, я не хотел, извини... врача! Позовите кто-нибудь медика! – собравшись с мыслями, наконец скомандовал капитан. Один из его отряда побежал в санчасть, а сам Кир, спиной вперёд попятился к ближайшей стене, разглядывая трясшиеся руки страхом, спрятанным под недовольством. Уткнувшись в стену, он схватил светло-Синюю мастерку и в спешке надев, выбежал за дверь комнаты.

Его отряд, нахмурив брови, лишь наблюдал за действиями Кира, пока было за чем наблюдать.

– Да что с ним сегодня такое? Побил свой рекорд по бессоннице? – недовольно ляпнул один из первых, уложенных Киrom.

– Или снова недоволен решениями нашего короля?! – подловил волну другой задира.

– У всех бывают трудности, а у сильнейшего в Евразии, по-вашему, нет?! – нашёлся смельчак, вставший на защиту Кира. – Его проблемы и переживания выходят далеко за ваши рамки. А если злитесь, что не можете его одолеть, то вините себя! – потребовал, пожалуй, самый взрослый во всём отряде.

Глава «Реокрацу», запыхавшись, забежал в уборную и, открыв максимальный напор холодной воды – стал жадно ею

умываться, снова и снова обливая лицо. Достаточно остыв, он обеими руками упёрся в стену, что держала зеркало, и глубоко дыша, не сводил глаз с собственного отражения. Эти липшие ко лбу огненные волосы, отдававшие красным радужки глаз и красные как печной уголь сосуды вокруг них, фиолетовые синяки и тонкий нос, выше пересохших губ. Когда-то всё это могло только поддерживать и помогать, когда-то Кир был годен лишь на наставления и дружбу, но теперь... его зубы за губами только скалились, подтянутую кожу пробирали злые мурашки, а кулаки несли боль.

– Так больше нельзя... – самому себе, покачал он головой. – Нельзя оставаться в Евразии; я не обрету покой, пока не верну её! – ударил он кулаком стену. Решительными стуками твёрдой подошвы, сильнейший среди тёплых – начал нелёгкий путь к своему успокоению...

14 эпизод. Новые жизни

Любовь – понятие живущие только в тех телах, откуда можно выжать кровь и чья жизнь пульсирует сквозь сердце. Для нэогара, забота о чужой жизни так же абсурдна, как дорогой подарок совершенно незнакомому человеку. И не редко знающие люди завидуют крайнему хладнокровию живой стали, но что уж поделать... плата за счастье – любовь. Что печалит более всего, так это отсутствие сил на избавление от привязанности, и столь частые исчезновения тех, к кому привязан...

Солнце едва встало в зенит, как внедорожник Лиры на-

прочь заглох, где-то на пустынных просторах; увы, даже не в центре перешейка меж континентами. Постучав по панели управления, понажимав на педаль и поворчав себе под нос, девушка вылезла из уютного прохладного салона, со злости хлопнув дверью.

– Ну конечно, давай, брось меня прямо здесь! – в такт удара ногой о колесо, возмутилась она. Злиться и биться в разогретое солнцем железо было также несуразно, как будить покойника, но не сразу Лира дошла до этого. Когда силы на агрессию иссякли, она свалилась на песок, спиной оперевшись о горячую обшивку, и устало запустила пальцы в засаленные рыжие волосы. – Не зря ведь я бесплодна, – выдохнула она, не забывая об этом ни на секунду, но напоминая всегда, когда нужны силы. – Моей выносливости хватит и на пеший путь, – заставила капитан себя встать.

Она последний раз залезла в салон внедорожника, дабы зверски содрать с сидений сероватую обивку. Накинув рваные лохмотья на крышу транспорта, новой задачей стало отделение неисправного нэогарского костюма от уставшей кожи, с чем девица вновь справилась, пусть и убила больше времени. Следующим шагом стало наматывание на голову, а также грудь и пояс не особо ровных кусков обивки; сменив образ нэогара на оборванца – капитан обзавелась шансом отлично загореть. Встав в позу бегуна, Лира пустилась наперегонки с самим временем, игравшим против неё. Она объявила забег лично солнцу, ускользая от его жар-

ких лучей. Как же это несправедливо, что настолько оно пекло именно здесь. Толи дело в Империи, в её столице...

Неважно, в полдень, или парой часов его позже – там с коротким рукавом было даже прохладно, не говоря уж о докучной жаре. Зато сейчас, внутри стен, что окружали имперский дворец, не было той тишины, что обволакивала в перешейке; не только роптание рабочих и их инструментов гудело как осиный рой, но и приземление первого крылоносца, крепко обнимавшего саркофаг королевы Маггара, внесло звучный гром. Манимый то ли звуком, то ли знаниями, за ценным грузом выступил отряд нэогаров, что в прочие дни являлись охраной. Четверо носильщиков, с каждого угла подцепив холодными руками гроб – оторвали королеву от земли, когда авианосец уже скрылся из виду. Вразброс перебирая ногами, они понесли саркофаг в недавно установленные распахнутые ворота. Едва те нэогары, что были спереди, переступили порог дворца, как по всё ещё временной лестнице слетел император, чуть не упав на плиточный пол. Даже не задействовав руки, он сумел прочно упереться ногами и, встав во весь рост – с блестящими от радости глазами молвил:

– Они здесь! – самым кровожадным из своих обличий.

Прошедшее время воевода явно не использовал для отдыха; как его не оправдывай, а сон стал бы полезен. Но у него была более важная миссия; он словно младенец за материнской грудью следовал подле каменного изваяния Магны, что двигалось без усилий для него, но с душасцей тяжестью

для грузчиков. Порой жестикуляция тирана выдавала желание дотронуться до гроба, но, даже положить на него руку, он не решался.

Проскользнув в приоткрытые двери научного центра, носящиеся, последними силами дотащили груз до рабочего места Чана, и едва не уронив саркофаг на пол, подпустили к нему императора.

– А вы позаботились об их доставке даже скорее, чем я планировал, – изъяснил профессор, упиревшись рукой в «руку» королевы Магны. Он лишь слегка её толкнул, но искру крышка всё равно съехала со своего места, спав сбоку от Чана. Даже не грохот падения, а именно то, что оказалось под крышечкой – заставило учёного замереть на месте; изумление, исписавшее его чёрно-белое лицо, человеку повторить бы не удалось.

Нэогары, стоявшие позади знати, тоже не мало удивились; их ожидания однозначно не оправдались. Оно и понятно, ведь саркофаг был набит камнями. Снизу доверху в нём лежала мелкая галька, заполняя почти всё пустое пространство. И только император, косо ухмыльнувшись, произнёс:

– Ни к чему было спешить с его открытием, – нагибаясь, и с трудом поднимая упавшую крышку. – Это гробы самих королей трёх великих стран. С ними не обошлось без фокусов, – натащив на раму каменный портрет Магны, и ровно его установив, мальчишка приказал:– Переверните саркофаг, – хлопнув по гробу, император отступил. С такими

же усилиями, нэогары-грузчики перевернули каменный шедевр сначала на бок, а потом и на крышку, после чего Вэнтэр упёрся пятой в край поддона и, надавив на него – сместил нижний слой по рельсам. Он словно шуфлятка съехал с места; упав на пол с той стороны – обнажил тело великой королевы.

Изнутри, вся низкая камера была оббита мягкой красной кожей. Лицом вверх, на ней лежала первая нэогар-Женщина. Состояние Магны оказалось на диву хорошим: она не проржавела, не потрескалась, осталась чистой, и на вид целой. Багровый металл был материалом всего её тела; над ней поработал однозначно искусный ювелир, ведь и на железном воротнике, длиной в пол шеи, и на неглубоком декольте, и на крепких изящных руках, и на тонкой талии, с которой вниз спускалась бархатная алая повязка, украшенная белым мехом вдоль всего верхнего края, и даже на бордовых ботфортах, с невинно коротким каблуком – красовались рубины и гранаты, розовые и рдевшие турмалины, шершавые кораллы и кровавая шпинель.

Сходу сказать, что стало более поразительным, груда камней или же королева с тусклыми глазами – не сумели даже те, кому повезло их повидать; шок с их лиц, по-прежнему не спал. Только император, ухмыляясь, обошёл край саркофага и, пригнув шею, взглянул на Магнино лицо.

– Даже столько времени и смерть, не сумели изуродовать тебя... – качая головой, всё тише и тише признавал воевода.

– Действительно, – вмешался Чан, будучи в не отступившем лёгком шоке, – я не ожидал настолько хорошо сохранившуюся модель.

– Она – далеко не обычный нэогар... уверен, остальные короли, – замолчав и повернувшись к двери, подловил Вэнтэр занос нового саркофага, – сохранились хуже, – закончил он, когда гробы со Сталисом и Вайдэром тоже достигли пола.

Шагавшие к выходу нэогары, что занесли первый саркофаг, насмешливо прошептали:

– Удачи в перевороте, – когда проходили мимо своих сотрудников. После этого, они поспешили покинуть лабораторию, и даже закрыли за собой двери.

– Да, переверните гробы кверху дном, – покручивая ручкой, отвлёкся император. – А ты Чан, надеюсь, как можно скорей вернёшь их в наш мир, – собираясь уходить, выдохнул уставший мальчишка.

– Но император, как же ваш Кулак? – озадачился профессор, заставив владыку хмуро посмотреть на него через плечо. – Я завален его восстановлением! – несколько возмущённо, напомнил учёный.

– Тогда доверь Кулак лабораторному штату, а сам займись королями. Они сейчас приоритетней, – стоя в пол оборота, распорядился воевода.

– Стальная перчатка – всецело моё детище. Я не могу ручаться за идеальный результат, если не лично займусь

ею, – рассудил Чан, всеми силами избегая грубостей или конфликтов.

– Ты не доверяешь собственным подопечным? – приподняв брови, удивился мальчик. – Хотя, – не дал он Чану начать говорить, – короли мне нужны для войны, которой Евразия будет всерьёз занята. Не думаю, что им хватит сил на диверсии, при которых мне потребуется защита Кулака. Ты, конечно, отдай его лучшим своим специалистам, но сам – примись за королей, – наконец договорив, развернулся Вэнтэр и, направился к выходу.

– Как скажете, – кивнул профессор, не выказывая эмоций. – Интересно, – подумал он, впритык подойдя к телу Магны, – почему он столько времени не спит? – всерьёз озадачился профессор. – Его мучает бессонница? Ему не хватает времени? Или же желания? – но качнув головой, президент научной ассоциации запустил руки под шею и колени легендарной королевы, дабы приподнять её. – Вот я и перестал понимать его мотивы... – прошептал Чан, удаляясь от каменного гроба.

Солнце, взяв пример с императора, поплыло по небосводу и, пройдя весь долгий путь – склонилось к горизонту, сменив оранжевые лучи на алое сияние. На этом – дневное блуждание солнца почти закончилось, как и дорога Кира, пришедшего на место последнего расставания с Лирой.

С трудом перебирая ногами, дыша так глубоко, будто вот-вот задохнётся – сильнейший капитан ступил в просторы

обжигавшей пустыни. Увидев неким чудом сохранившиеся следы капитанского внедорожника, лучший в «Реокра-
цу» рухнул на землю. Не пожалев свой копчик, он уселся в
рыхлый песок. Подняв истекающее потом лицо к небу, он
закрыв глаза, а с уст его сорвался шёпот:

– Я верну её, во что бы то ни стало!

Не прошло и пары секунд, как до его ушей донёлся сла-
бый, хриплый женский голос:

– Война... – промолвила она, и Кир, тут же вскочив – со-
всем не далеко, лишь в паре десятков шагов, увидел силуэт
Лиры; она переваливалась с ноги на ногу, её руки безжиз-
ненно болтались, а голова с распущенными волосами подбо-
родком упиралась в грудь. – Война, – снова прошипела она,
и изумлённый Кир, убедившись в реальности видения – со
всех ног бросился к девушке. Только подбежав к безразлич-
ному капитану, Кир схватил её за плечи и взволнованно, хо-
тя куда больше ошарашено, воскликнул:

– Какое счастье, ты вернулась! Ты жива, и ты вернулась! –
прокричал он, обняв ослабшую девушку, совсем слегка при-
жав её к себе.

Лира, наконец подняв голову, с трудом положила ладони
на спину паренька, и поднесла губы к его уху, сдавленно про-
шептала:

– Император... он объявил нам войну...

– Да чёрт с войной! – лишь слегка отпустив девушку, ска-
зал сильнейший капитан ей в глаза. – Главное, что ты вер-

нулась! И сейчас тебе необходима помощь, – бегло осмотрев третью, определился Кир. Не допуская промедлений, он поднял Лиру на руки. Как можно быстрее, девушка «полетела» к машине – оставленной там, где дорога имела право так называться.

Всё время с обеда до заката, главный имперский технолог провозился с бывшими королями. Он не позволял себе ни единой паузы; каждую минуту он снова и снова заменял их части, улучшал облицовку, совершенствовал строение, исправлял всё дурное влияние времени. К рассвету нового дня, сам не ожидая такой скорости – Чан закончил необходимые процессы. И Магна, чей образ он ни капли не изменил, и Сталис, чьи королевские доспехи преисполняли шипы и заострения, и Вайдэр, чья броня была идеально ровна и обтекаема, «выстроились» в ровный ряд – стоя на ногах; спины их упирались в специальную подставку, чем-то похожую на аппарат для переноса сознания.

Временной промежуток до полудня, Чан потратил на поиски подходящей жертвы. Его выбор пал на заключённого нэогара, приговорённого к сражениям на ближайших играх «Бойсдракс»; преступление кандидата было настолько тяжким, что сражаться ему бы пришлось хоть до конца жизни, ведь исход битвы долженствовал быть одним – смертью.

Без затруднений притащив нэогара во дворец, Чан, на чьё удивление избранник ни разу не оказал сопротивление, не решился на риск; к выкованному из сотен фрагментов кре-

сту, где куда не глянь имелся тугой фиксатор для конечностей пленника, нэогара пригвоздил специальный отряд, который и служил его конвоем. Избранный преступник взирал сурово на всех, кто помогал его смерти и того, кому предстояло убить его, но вопреки ожиданиям молчал, как труп. Чан же, старался создать вид, будто этого не замечал, хотя даже ему было неудобно.

Стоило профессору отойти к своему рабочему месту, как в лабораторию пожаловал император, сопровождаемый двумя кентаврами. Внешний вид владыки континента – претерпел заметные изменения; и дело было не только в его одежде. Само подростковое лицо, не было похоже на себя. Под глазами цвета синей пыли красовались настолько насыщенные, что будто чёрные синяки, а вокруг зрачков разбежалось множество красных сосудов, заметных даже издали. Уголки его рта загнулись, что создало впечатление слабой улыбки, а кожа побледнела сильнее, чем обычно. Хотя, возможно, это из-за чисто чёрной одежды, в которую он решил облачиться. Поверх чёрной бархатной рубашки, чей воротник казался великоватым, он надел такую же чёрную жилетку, правда не бархатную. Её двубортная застёжка соединялась золотыми ремешками. Лишь слегка прикрывая пояс чёрных брюк, жилетка покрывала ремень, чья бляха изображала герб Витры – плясавий под молниями ураган. Брюки, в свою очередь, слегка спадали на блестящие чёрные туфли, с совсем небольшим каблучком. Но самую интересную часть его ново-

го образа, представляла накидка, накрывавшая лишь одно плечо, и оканчивавшаяся у соседней лопатки. Она также была черна, состояла из шёлка, лежала негустой сборкой и завершалась бордовым мехом, по всей длине нижнего края. Хотя куда сильнее в глаза бросались белые знамёна каждой захваченной Вэнтэром страны, вышитые на этой самой накидке. Они были разбросаны без порядка и частенько повторялись, зато так хорошо контрастировали, что их невозможно было не заметить. Его настроение, по всей видимости, приподнялось; при входе он собирался что-то спросить, но увидев стоявших в центре рабочего зала королей – замер на месте и будто испугавшись, поднес руку к сердцу. Ахнул, и ступил назад.

– Ух, чёрт! – выпалил властитель, немного успокоившись. – Они готовы? – внезапно восхитившись, спросил он, зашагав к своим давним соперникам.

– Да, просто пока ещё мертвы... – ответил Чан, едва скрывая удивление. – Прошу простить, но вы хорошо себя чувствуете? – пристально глядя на Вэнтэра, поинтересовался технолог.

– Более чем, не стоит переживать... – разглядывая нэогарских королей, будто любопытное дитя – ответил воевода.

– Я как раз собирался послать за вами...

– А я как раз решил проведать твои успехи, – также задорно улыбаясь, перебил Чана Вэнтэр, отступая от королей спиной вперёд.

– Возрождать их? Или, может, всё-таки не стоит? – промямлил Чан, подойдя к кресту с выбранной жертвой.

– Я не меняю своих решений... – оглядывая каждое мёртвое лицо, сболтнул император. – А это наша жертва? – переведя взгляд на преступника, по-детски спросил человек. – Для тебя честь, стать ключом к их воскрешению... – надменно сообщил повелитель.

– О да, – протяжно прохрипел нэогар, едва способный шевелиться, – именно поэтому, я не пытаюсь сбежать. Я жажду умереть и с того света любоваться, как эта троица уничтожит тебя и если ни всю Империю, то хотя бы её столицу! – скрывая ненависть и гнев под достойным тоном, выкинул он без малейшего опасения. – Давай, убей меня, убей же уже, хватит тянуть! – потребовал он у Чана и, получив от императора кивок – профессор подошёл к рычагу позади креста. Спустив его вниз, профессор заставил каждую внутренность преступника заискрить и сгореть, после чего – нэогар безжизненно повис на фиксаторах.

Заворожённый такой смертью Вэнтэр продолжил наблюдать за Чаном, подошедшим к рычагу позади спин королей. Технолог взялся за него рукой и, вслух стал просчитывать:

– Два, три, четыре, пять, – и, произнеся «шесть» – поднял рычаг вверх.

Император, внутри которого боролись восхищение и смятение, лишь с замиранием сердца наблюдал за ликами королей, на которых постепенно, из тусклых огоньков – зажглись

яркие, живые глаза.

Размыто, тускло, нечётко, просочились очертания лаборатории. Сквозь смазанные краски и намешенные световые блики, постепенно, но очень медленно создававшие более чёткую картину – едва удавалось различать рабочие места нэогаров-учёных, пристально наблюдавших. Всё вокруг плыло и мерцало, вертелось и светлело. Из более-менее уравновешенных фрагментов, удалось узнать лицо Чана, стоявшего на вполне близком расстоянии.

– Какого беса?! – раздался нэогарский голос будто бы из неоткуда, пока Чан, терпеливо не сводил глаз. – Ты ведь лабораторный прихвостень Вэнтэра! – снова раздался голос; глубокий, серьёзный, но такой чужой.

– А ты Сталис! – вставила Магна, стоя одесную короля Сталии, который дольше всех не мог прийти в себя.

– Магна?! – изумлённо вскрикнул он, повернув голову направо и от испуга – ступив назад.

– Эй, осторожней! – возмутился Вайдэр, не позволив Сталису и дальше себя толкать. – Вы тут не вдвоём! – сообщил он, пихнув стального короля обратно.

– Пойдите, ты ведь Вэнтэр! – указав пальцем на мальчишку в чёрных одеяниях – привлекла Магна внимание к императору.

– Даже спустя столько лет и смерть, ты всё равно можешь меня узнать, – улыбаясь самыми углами рта, молвил Вэнт-

эр. – Уже пришли в себя?

– Ах ты лживый подонок! – не сдержавшись, гневно воскликнул Вайдэр. – Ты обманул меня и втихаря убил, вероломная тварь! – со всей ненавистью, накинулся на владыку бывший король Валлона.

– Странно, что ты лично стоишь перед нами, – подметил Сталис. – Всё ещё не вернул своего...

– Заместителя? – перебил короля Вэнтэр, подняв брови. – Да, теперь его место занимает другой нэогар, – несколько омрачённо, ответил он.

– Хватит уже трёпа, я тут сейчас морское дно устрою! – расправляя руки, пообещал Вайдэра, как вдруг его за плечо схватил Сталис, и грубо произнёс:

– Да уймись ты уже! Мы были мертвы, но как видишь теперь – живы. По-моему, неспроста... – переведя взгляд на ехидного мальчишку, нэогар затих.

– Что с моими способностями? – не обращая внимания на «коллегу», изумился Вайдэр. – Что ты сделал с этим телом? – оглядывая себя, с нетерпением изрёк он.

Вэнтэр, не скрывая смятения – посмотрел на Чана, и тот, почуяв вопрос, расторопно поведал:

– Ваши «особые механизмы», под давлением времени вышли из строя, и так как я не знаю их строения – не могу восстановить. Но дня через два они снова заработают, им нужно лишь время на самообновление.

– С того света нас вернул? На кой чёрт? – пафосно выки-

нула Магна.

– Когда-то, я решил обзавестись рабами, из таких же тел, как моё, – приступил к своей легенде мальчик, озадаченно шагая в сторону, – но они сумели меня обставить и...

– Нам известна эта история, – вмешался Сталис – единственный, кто ещё не сделал ни единого шага. – Ментальный мир не имеет влияния на Материальный, но сплетни о вас – бегут даже среди мёртвых.

– Ха! Сам с людьми справиться не можешь? – насмешливо вякнул Вайдэр, проявляя надменность.

– Не хочу зря рисковать, – качнув головой, ответил император.

– Может, ещё нашей помощи попросишь?! – претенциозно качнулась Магна, вытягиваясь вперёд. – Ты нас убил! И лично я сейчас желаю лишь одного – мести!

– Ну хоть раз не зря рот раскрыла, – поддержал королеву Вайдэр. – Плевать на «механизм», и так тебя замочу! – сжимая кулаки, дерзко заявил король.

– Ваши навыки, несомненно, на высоте, – размеренно, без капли страха ответил Вэнтэр, утратив былую улыбку. – Но за моей спиной целая армия, а у вас нет своих главных козырей. Из мести вы можете убить и меня, и Чана, спасшего вас кстати, и ещё многих, кто встанет на мою защиту... – перешагивая с места на место, завёл император речь, – но это не приведёт ни к чему, кроме вашей новой гибели. Разве какая-то месть стоит билета на службу алчному бо-

гу? Опять... – хмыкнув, подметил воевода. Это вразумило и Вайдэра и Магну, а Сталис – серьёзный до непреклонности, протяжно хмыкнул.

– Ты, а так же твой... заместитель, – отрывисто вступил король Сталии, – обрекли каждого из нас на три сотни лет службы умалишенному Сураксу. По-моему, избавление от этой службы не стоит помощи такой твари, как ты.

– Значит, предложение всё же устраивает, нужно лишь сойтись в цене, – иронично предложил Вэнтэр.

– Вот мне просто крайне интересно, – в таком же тоне вступила Магна, – что тебе хватит наглости предложить?

– Если по Ментальному миру хорошо бегут слухи, вы, должно быть, знаете о бессмертии моего тела. В обмен на мою победу, я одарю вас такими же телами. Вы наверняка слышали и о моём Кулаке; стоящее изобретение. После захвата Евразии, вы получите такие же, – приятным, умеренно быстрым голосом, предложил Вэнтэр своим почти союзникам.

– Хах, по-твоему, короли стоят так дёшево? – возмутился Вайдэр. – Я потребую не меньше чем кусок земли, равный Валлону, и нэогаров, равных численности побеждённого тобой войска!

– А мне вот и этого хватит, – сказал вдруг Сталис, выходя из ряда недовольных королей. – Я получил свой титул в наследство от отца, хотя даже не успел его сразить, – не спеша шагая к Вэнтэру, решил поведать нэогар. – Мне не хотелось

становиться королём, так что я намеренно тянул время, но это меня не спасло. Теперь, когда выбор стоит между возвращением в тот мир, и возможностью наблюдать за течением времени, я выберу то – чего всегда желал, – встав за спину настороженного мальчишки, объявил Сталис, – посвящу себя рассказу, сотканному из чужих судеб.

– Ты ничуть не изменился, – искренне улыбаясь, молвил Вэнтэр, посмотрев Сталису в глаза.

– Сказать честно, я тоже не горю желанием снова умирать, – размякла Магна, опустив голову. – Этот сердитый божок ненавидит меня; считает, что я недостойный существования эксперимент, – крепко сжав кулаки, выдавила она. – Пусть позлится и на моего врага. Божий гнев всегда находит способ поразить... – сужая ярко красные глаза, изрекла Магна, продолжая стоять на месте.

– Ну да, конечно, давайте, бросайте меня! – занервничал Вайдэр, всплеснув руками. – Я уж думал, хоть после смерти объединимся ради мести, но вы попросту боитесь Суракса!

Люто посмотрев на своего убийцу, король Валлона тонким голосом спросил:

– А ну- Ка скажи, вот получишь ты победу. Предположим, что даже сдержишь свои обещания, но что потом? Сделаешь нас своими пешками? – поставил бывший король новый вопрос.

– Нет, по окончании войны я наделю вас полной свободой, и выбором дальнейшей жизни. Я вознагражу вас, как

пожелаете, и никогда не посмею тронуть, если вы сами не захотите этого, – выходя на редкость добрым и учтивым, огласил Вэнтэр свои планы.

– Опа, а вот это мне подходит! – хмыкнув, ляпнул Вайдэр. – Ну, чёрт с тобой Вэнтэр, посмотрим чего стоят твои слова, для воскрешённых, – косо улыбаясь, выразил своё согласие и Вайдэр, после чего, сделав умелое «колесо» – оказался слева от императора. Поняв, насколько владыка стал низок, взбалмошный король бодро засмеялся. Похлопав его по плечу, бывший монарх сморозил:

– Да тебя б на войне первым залпом убило!

– Поэтому, я избегаю участия в ней, – отмахнулся Вэнтэр.

– Мыть вам всем подошву Суракса, да даже под властью Вэнтэра – лучше, чем под Его... – выругалась Магна, и с недовольным видом, протянула мальчишке руку. Вэнтэр, снова растянув уста в изгиб улыбки – направил свою ладонь к неогарской, но Магна отодвинула руку, и выловив имперский взгляд, со всей возможной строгостью изрекла: – Если обманешь, тебя не спасёт и сам Суракс!

– Если обману, пусть сам Суракс грохнется на меня с небес! – проговорил мальчишка, гневно клацая зубами, и схватил руку королевы. Недолгое рукопожатие, окружённое лишь напряжённой тишиной, прервал Сталис, спросив:

– И что теперь? Что делать прикажешь?

– Нам ещё многое предстоит обсудить, но делать это в моём тронном зале – временно недостойно компании пусть и

бывших, а всё же королей, – опустив руку, рассудил Вэнтэр. – Лучше направимся в музей четырёх держав; после войны трофеи из каждого дворца я собрал в своём... – поведаль мальчишка, неспешно удаляясь от нэогаров.

– И далеко до него по полу звенеть? – нарочно отбивая подошвой громкие стуки, вякнул Вайдэр.

– Она в другом крыле. И прекрати портить плиты, – не скрывая раздражения, потребовал Вэнтэр.

Доблестного капитана третьего отряда «Реокрацу», хранившего в себе ошибку самого Джайна, уже давно доставили в больницу, стараниями Кира. Там Лиру отмыли от сажи и пыли, одели в синеватую больничную пижаму, и уложили под капельницу, на удобной мягкой кушетке. В её палате, явно не самой худшей, предусмотрели все удобства. Единственным, кто делил с ней процесс восстановления, был Кир, не отходивший от девушки ни на шаг. Пока она мирно спала лёжа на спине – сильнейший, чьи глаза наполнились состраданием, не отпускал её руку. Паренёк никоим образом не хотел ей мешать; в палате было настолько тихо, что слышалось лишь её сопевшее дыхание.

Первый капитан, несомненно, просидел бы с лучшей разведчицей до самого её выздоровления, но в палату вдруг заявился Артур, позади которого промелькнул второй по силе. Если король не мог сдержать волнение и раздвинуть приподнятые брови, то его секретарь, даже не убирал синие пряди волос со скучных, безразличных глаз.

– Ой, я кажется не вовремя... – смекнул Артур и попятился назад, но Лира, будто вовсе не спав – раскрыла глаза.

– Нет- Нет, проходите, – стараясь присесть без помощи Кира, пригласила она короля.

– Я понимаю, что вам нужен отдых, я могу и... – переживая, проявил Артур волнение, заметив суровый взгляд Кира. Но Лира, упиревшись спиной в подушку, невзначай встала:

– Отдохнуть я успею, а вам доложить обязана, – выдохнула она.

Король, подступив к кушетке поближе, позволил своему секретарю закрыть дверь. Оставив у входа, телохранитель молча взглянул в окно, где солнце как раз перешло черту горизонта.

– Мне... как только доложили о вашем возвращении, я сразу отправился сюда. Уже завтра, думаю, вас переведут из этого города в столичную лечебницу. Всё же, из-за близости к пустыне и направленности прямо на Империю – этот регион не скоро догонит развитие остальных... – затараторил паренёк, не зная, как подступить к своему вопросу.

– Помните, вы не могли придумать этому городу название? – спросила Лира, и пока Артур удивлённо на неё смотрел, добавила: – Его стоит назвать Авангардным. Ведь именно по нему, придётся первый удар Имперских сил... – снова опустив голову, подвела девушка короля к своим новостям.

– Что? – посмеявшись, переспросил Артур. – Первый

удар? – также улыбаясь, повторил он. – Это такая шутка? – по всей видимости, действительно не понимая ситуации, продолжил паренёк невинно улыбаться.

– Нет, король, – буркнула Лира, не поднимая головы. – Император... – прошептала она, медленно выравнивая шею, – он объявил нам войну, – без грамма веселья, вызвала девушка тишину.

Король побледнел, распахнул глаза и не смог сомкнуть уст. Непонятно зачем он попятился назад и, не заметив стула, споткнувшись – на него присел. Он, не меняя выражения лица, опустил голову, взялся за неё руками, и отчаянно прошептал:

– Это конец.

Королевский телохранитель, забежав глазами по палате, не смог скрыть переживаний, но глубоко вздохнув, он снова натянул маску безразличия, и негромко произнёс:

– Скорее, его начало.

– Мы ещё не проиграли! – воскликнул Кир, желая вскочить с места но, не делая этого, из-за Лир. – Рано ставить на себе кресты!

– Война с Империей – сама по себе крест, – обречённо, траурно, хрипя предсмертным стоном, выдавил король. – Ни Кулака, ни нэогарского костюма, ни мирных дней. Ни это ли – конец... – глядя в никуда, приподнял он брови.

– И в этом только моя вина, это я сплеховала... – выдавила Лира, стыдливо пряча взгляд. – Я готова понести любое на-

казание. Моя слабость – привела к войне... – не встречаясь ни с кем глазами, рассудила девица, не зная, как себя вести. Капитан первого отряда даже встал со стула у кровати своей сослуживицы, но Артур, не позволив ему начать говорить – выловил взгляд Лиры. Не сводя с неё глаз, он медленно ответил:

– Мне не за что тебя наказывать. Виновен и я, раз хватило глупости отправить на бой с императором, – он прервался на извинительный вздох, – лишь третью по силе... Теперь я понял, как был глуп, разрешив эту миссию; к войне привёл мой фанатизм...

Услышав такие слова, Кир изменился в лице; его бурная готовность защищать свою возлюбленную, растворилась в сомнениях и смятении, из-за которых он обратно сел.

– Нет смысла искать виноватых. Лучше искать решение нашей проблемы, – озвучил сильнейший, преданно глядя на давнего друга.

– Решение искать, говоришь? – уныло выдавил Артур, посмотрев и на Кира. – Я объявлю это известие на всех советах и через все СМИ, организую мобилизацию и сейчас же займусь обороной, – поднимаясь с места, произнёс он вдохновенные слова голосом, погрязшем в отчаянии. – Не хочу запомниться королём, что струсил, пусть и на пороге гибели, – разворачиваясь, выказал Артур свой пессимизм. Секретарь открыл перед королём дверь и, позволив ему пройти – сам покинул палату.

– Я и не думал, что он воспримет это так просто... – улыbnувшись Лире, разрушил Кир тишину.

– Ты, похоже, знаешь его не так хорошо... – натянув улыбку, ответила капитан разведотряда.

– Какой он, император? – спросил вдруг Кир, на чьём лице улыбка угасла. – Я хочу всё о нём знать. Расскажи мне всё, что знаешь сама, – потребовал капитан, на чьём плече красовалась повязка с единицей.

– Зачем тебе это? – рассеяно спросила Лира, будто взволновавшись. – Что тебе даст эта информация?

– Шанс, – отвернувшись, шепнул паренёк. – Я не оставлю это так, и мне нужен хоть шанс, на победу в схватке с ним!

Как ни странно, Лира лишь мило улыbnулась и, недолго посмотрев Киру в глаза – промолвила:

– Потенциал Кулака – человеку не превзойти, – покачав головой, проронила она. – Это дано лишь герою, в которого я не верила. Но однажды повстречав тебя, посмотрев на твои сражения, пусть это и были лишь спарринги – я поверила, что герои, могут существовать. К одному из них я мчалась из Империи, часто желая наплевать на войну и просто умереть но, не позволяя себе этого, ради тебя. Ради будущего, которое ты можешь построить нашим потомкам. И ради всего этого, я сделаю тебя первым, кто получит мой самый подробный отчёт о Вэнтэре, – улыбаясь милее, чем многие прежние разы, заставила Лира засмеяться даже Кира. Слабый изгиб счастливых губ и глаза, полные интереса, побу-

дили третьего капитана на самый красочный, и ёмкий рассказ...

15 эпизод. Подготовка

Где-то на просторах агрессивной, не переносящей долгий мир Империи – за гранью готической столицы, в нэогарскую мастерскую, прославленную лучшим качеством создаваемых доспехов, за своим заказом прибыл заместитель императора. Он, и его приближенный помощник – Генор, пожаловали в просторный, сдержанный тёмный холл, украшенный множествами различных искусно выкованных предметов, от оружия и защитных средств, до обмундирований и целых нэогарских тел.

– Поскорее бы вы примерили новую броню, мне так не терпится её увидеть, – молвил Генор, голосом полным спешки.

– Похоже, даже больше, чем мне. Я здесь, только по приказу императора... – с нотками усталости, заключил Кан.

В пустовавшем зале, наконец, показался хозяин мастерской: здоровый, крепкий, будто оплавленный нэогар; его броня от пояса до самой шеи, была слишком сморщена. Это смотрелось небрежно, или же создавало вид старости.

– Ах, это вы... прошу, следуйте за мной, – сдавленным, непривычно низким голосом велел мастер. Проводив гостей к небольшой, хорошо освящённой кирпичной комнатке, кузнец подошёл к столу, на котором мёртвым грузом лежала белоснежная тряпица, присборенно свисавшая. Взявшись за её

ближайший край – нэогар смахнул накидку с товара, за которым явился Кан. На столе остались разложенные в правильном порядке доспехи, так и ждавшие своего хозяина.

– Как распорядился император – лёгкие, подвижные, ориентированы на повседневную носку, но при этом достойны звания заместителя императора, – расписал мастер, пока Кан и Генор разглядывали искусную работу.

Подступив к заместителю, кузнец стал размыкать фиксаторы на спине Кана, дабы помочь ему сменить мундир. Скинув с верного заместителя нагрудник, наплечники, набедренные украшения и шлем, в котором Кан прошёл сквозь все ужасы войны – лучший имперский кузнец явил Генору ничем не прикрытого начальника. Без доспехов, любой нэогар выглядел не так статно и величественно; истинный цвет покрытия Кана, был немного темнее, чем серый; плечи стали не такими уж широкими, ноги не казались столь крепкими, а голова, своей формой, чем-то напоминала человеческий череп.

Пока мастер обмундирования занимался подготовкой к «переодеванию», Кан, глядя на Генора, прятавшего взгляд, рассматривая стены комнатки, заговорил:

– С тех пор, как меня повесили, наша армия осталась без доверенного предводителя. Должность генерала временно занимает Дэнзис, имперский казначей, – сообщил заместитель, неясно зачем.

Его помощник, вспомнив лицо вычурного, разодетого,

усеянного побрякушками нэогара, что вечно спорил с императором на военном совете – подхватил разговор лишь словами:

– Не самая приятная фигура. На поле боя – он бесполезен...

– Да, поэтому император поручил мне назначить нового генерала, которому доверился бы я, – позволяя кузнецу нализывать на свою руку рифлёные части брони, поведал Кан.

– Это большая честь, заслужить доверие императора.

– И куда больший труд, ведь наш император – вовсе не доверчив... – отвлёкся Кан, пока мастер приступал ко второй его руке. Первая же – покрылась идеальными по размеру частями мундира, расписанными золотыми узорами, на тёмном, почти чёрном фоне. – Если бы я был твоим давним другом, что бы ты ответил на мой вопрос: каким должен быть командир войск? – не пытаясь скрыть любопытство во взгляде, спросил Кан. Ненадолго задумавшись, Генор изложил:

– Ну, лично на мой взгляд: надёжным, сильным духом, авторитетным, и, разумеется, мудрым. Генералу необходим ясный ум, холодный рассудок и скорость в принятии Верных решений, – подметил помощник, чем изрядно удивил бывшего генерала. – Сказать честно, я просто описал вас – таким, каким всегда знал, – признался нэогар, опустив глаза над смущённой улыбкой.

– Если бы я тебя не знал, счёл бы это за лесть, – рассмеявшись, помешал Кан нацепить на себя стальной корсет,

также расписанный неизменным орнаментом. Снова выпрямившись, он позволил мастеру продолжить работу, а сам, посмотрев на Генора – изрёк:– Ты примешь повышение, до генеральского чина?

– Ге... генеральского? – шокировано переспросил он, не доверяя своему слуху. – Но, почему я? Есть ведь более подходящие кандидатуры, нэогары с большим опытом и заслугами... мой отец, к примеру, думаю, стал бы куда лучшим генералом, чем я.

– Твой отец... грозный Грозор, – озвучил его имя Кан, вспомнив лицо нэогара, чей глаз и пол лица сильно отличались от нормы. С ним, как и с вычурным богачом, они в последний раз виделись на военном совете. – Не прими на личный счёт, но стоило императору пригрозить расправой – как твой отец тут же ему подчинился. Я не оспариваю то, что это можно расценить как преданность, но таким нэогарам – не место на управляющих постах. Твой же характер, совершенно иной, – скудно похвалил Генора заместитель, пока кузнец заканчивал работу с ногами Кана. – Ты не станешь ни перед кем прогибаться, всегда выразишь собственное мнение и сделаешь что угодно, дабы доказать верность своего решения. Я считаю, что именно такие нэогары – должны вести за собой войска, и возвращаться домой с победой! – вдохновенно изрёк Кан, когда на его плечи взгромоздили роскошные, широкие позолоченные бармы, меж которыми свисала присборенная наспинная накидка. На всей её темно-фио-

летней площади был вышит плясавший ураган, цвета тёмной стали. Позади него гремели раскатыстые голубые молнии, расправленные в самые разные направления. На рассмотр такой броской части, как герб Витры размером с целого нэогара – отвлеклись и Кан и Генор. Собравшись с мыслями, молодой помощник снова взглянул начальнику в глаза и, выказав всем видом серьёзность, смело огласил:

– Я не стану клясться, что никогда вас не подведу. Но я клянусь, что приложу ради этого – все усилия!

Кан, внимательно его выслушав, опустил глаза и скромно улыбнувшись, глядя в пол, промолвил:

– Почти также, я ответил императору, становясь генералом захваченных войск. И знаешь, я ведь так и не подвёл его, – подступив к Генору, положил заместитель руку на твёрдое плечо. В какой-то степени, эти слова считались самодовольством. Но Кан, всего лишь подбадривал нового генерала.

Евразия, чей дух пока не сломило известие о войне – мирно доживала сей день. Король людских земель, в окружении лучших бойцов – глав «Реокрацу», всех кроме Лиры, что наконец отсыпалась, приступил к первым обсуждениям. Вяло сидя на троне, он упирался подбородком в собранные пальцы, и смотрел на пустовавший стол, пока сильнейший среди капитанов докладывал:

– Наши войска интенсивно оснащаются необходимым оружием и вскоре будут организованны в батальоны, рас-

пределённые по границам с пустыней и прочим стратегическим точкам. Линия обороны Авангардного города проходит углублённые проверки и тестируется на неисправности. К концу недели, тесты будут завершены.

– Солдаты, распределённые среди населения – закончили формирование и приведены в готовность. Они эвакуируют население и не позволят распространиться панике, даже если Империя начнёт войну сейчас же, – едва дождавшись пока закончит Кир, хвастливо сообщил капитан второго отряда, стоявший в непривычном месте – среди прочих капитанов.

– Все убежища осматриваются на огрехи в последний раз, – продолжил вещать четвёртый по силе, самый молодой из глав – мальчишка шестнадцати лет, с торчавшими набок, чёрными волосами. – План эвакуации в разработке, зато бункеры для важных персон, готовы уже сейчас, – стараясь договорить как можно скорей, изложил он. Даже его голос, не говоря уж о лице, был пропитан неким стеснением.

– Мне поручено доложить за третьего капитана, – вступил пятый по силе:– Разведка и коммуникация совсем недавно влились в Евразийскую жизнь, и пока далеки до совершенства. Необходимые на их наладку сроки, неизвестны, – сухо сообщил он. – По делам пятого отряда, могу сообщить о расширении поставок тяжёлой военной техники ко всем пограничным зонам...

– Лёгкий оружейный комплекс и без того работает на своём пределе, поставляя и разрабатывая как основное, так и за-

пасное оружие. Мы отстаём от запланированных графиков, поэтому, с завтрашнего дня, начнётся посменная работа, – высоким, истинно женским голосом сообщила шестая капитан, не скрывавшая девичьих прелестей.

– Отдел научных разработок, занятый как созданием более модернизированных боевых костюмов, так и последним подарком Джаина – уже давно работает в три смены, но не может даже построить график выполнения задач. Приблизительные сроки завершения проекта «Спидрайдэр» неизвестны, а в распоряжении носителей нэогарской брони – лишь шесть полностью готовых облачений, – холодно сообщила слабейшая, хотя на вид опаснейшая девушка в зале.

Выдержав недолгую паузу – Артур, так и не оторвавшись от точки на своём столе, выдохнул.

– Похоже, нам повезло, что мы занимаемся подготовкой к войне с тех самых пор, как обосновались в Евразии, – неумело скрывая обречённость, подметил он. – Хотя, всё же жаль, что подготовка шла не на пике возможности...

– Остался ещё один замолчанный момент, – напомнил Кир низким голосом. – Распространение «новости», среди народа. Вы всё ещё считаете, что это необходимо? – обратился он к королю.

– А вы считаете, что об этом стоит умолчать? – с интересом, спросил паренёк совета.

– Готовность к войне избавит нас от лишней паники, когда покажутся нэогары, – вставил свою мысль секретарь, и Кир

тут же ответил:

– Или вызовет её сейчас, пока нэогары и сами заняты подготовкой.

– И как же поступить разумней? – озадачился Артур, даже отцепив лицо от рук.

– Распустить известие лишь тихой сплетней, – застенчиво пробормотал четвёртый капитан, глядя в пол перед собой, – и дать понять, что пусть война реальна, шанс на победу – у нас не отнять, – наконец устремив взор на короля, предложил мальчишка, с тёплыми глазами цвета речного перламутра.

Замешкавшись, Артур поудобнее устроился на троне и, не зная, как себя повести – торопливо молвил:

– Это, вероятно, самая удачная идея. Так, пожалуй, и поступим, – решил он, после чего встал с места. Окинув капитанов взглядом – король объявил:– Только Наши старания, могут построить Наше будущее. Уверен – каждому хочется жить, и у каждого есть ради чего. Именно ради этого, мы обязаны приложить все усилия, во благо своего смысла жизни. Пусть каждый сделает всё, чтобы не дать Империи вновь почувствовать победу! За свободу! – буквально закричал король, даже взмахнув вверх рукой, что очень на него не походило.

Поддавшись пробуждённым эмоциям, за Артуром повторили капитаны, разрушив деловую тишину Белого дворца. Только четвёртый по силе, лениво вздёрнув руку вверх, вы-

дыхая, покачал головой. Ему откровенно не по душе пришёлся такой накал эмоций.

В Империи, также подверженной ночному спокойствию, в просторный монументальный музей, только сейчас пожаловал император. Среди высоченных полок, забитых артефактами и небольшими памятным сувенирами, можно было увидеть даже сохранившиеся тела древнейших неогаров – чей облик внушал дикость и разъярённость.

Оживлённые по воле Вэнтэра короли, уже давно сидели на стульях вокруг широкого круглого стола, с изображением подробной карты далёких времён четырёх королевств. Спешно шагая к пустовавшему месту – бессмертный мальчишка, без явных эмоций, промолвил:

– Простите за задержку, возникли дела с Кулаком...

– Я кстати, и раньше хотел спросить, – косо улыбаясь, практически перебил императора Вайдэр, – начерта ты так вырядился? – не скрывая издёвку, поинтересовался он. Только в голову короля Валлона пришла мысль уместить ноги прямо на столе; в такой позе, он дожидался властителя.

Молча заняв пустовавший стул, император закинул ногу на ногу и, натянув слабую улыбку, ответил:

– Я решил, что это выкажет уважение вам, как великим королям прошлого, – сказал он, будто только Вайдэру.

– Или напомним о нанесённых поражениях... – невзначай вставил Сталис, тоже закинув ногу на колено.

– Раз уж ты всё же выделил время и для нас, – недовольно

изрекла Магна, прекратив стучать ногтями о стол, – не расскажешь, кто мы теперь, для этого мира? Вряд ли короли...

– Мои верные и преданные бароны, что пронесут победу императора до самого дальнего берега Сталии! – сообщил владыка, указав пальцем на противоположный пустыне берег Евразии.

– «Баронесса императора Вэнтэра, покорная и верная»?! – откровенно язвя, передразнила Магна мальчишку. Треснув кулаком о стол, она на грани крика, сурово выкинула:– Да я лучше вычищу весь трон Суракса, чем приму такое звание!

– Именно поэтому, я объявлю вас, как Бароны – победившие смерть! – также язвительно ответил император, взмахнув руками в след за взглядом – в потолок. – Да и титул баронов будет закреплён за вами лишь до моей победы. После неё – получите по бессмертному телу, Кулаку, и хоть войну мне объявляйте, – слегка улыбнувшись, показался император с самой хорошей своей стороны.

– Ты только что подал мне отменную идею, – усмехнулся Вайдэр, чей удар ладонями высек звон.

– Доверять тебе – глупая затея, – непреклонно изрёк Сталис, – но когда же ещё глупить, если не после смерти? – смягчая голос, покачал головой самый адекватный из королей.

– Ну а теперь, каждого из вас проведут в личные покои, где вы будете ожидать начала войны. В случае проблем... постарайтесь никого не убить, – будто специально для Магны и Вайдэра, выделил Вэнтэр последние нотации. Подняв-

шись с мест – вновь живые нэогары зашагали к выходу.

– Да- Да, постараюсь, – отмахнулась Магна, шагавшая от бедра.

– А я постараюсь постараться никого не прихлопнуть, – сморозил Вайдэр, когда Магна открыла дверь.

Баронесса первая ушла за нэогаром, долженствовавшим её сопровождать. Вайдэр – следующим. Последним вышел молчаливый Сталис, и медленно прикрыл дверь. Хотя не до самого конца; король Сталии оставил небольшую щель, в которую вперились светло-серебряные глаза. Среди всех нэогарских очей – именно его были достойны особого внимания, ведь серебряный цвет встречался редко, в отличие от красного, как, к примеру, у Магны, или синего, как, скажем, у Вайдэра.

Решив, что дверь уже закрыта – Вэнтэр рухнул на стол и «словив» голову обеими руками, сложенными на краю карты, тяжело задышал. По его повадкам запросто можно было понять – человеку значительно нездоровилось; ему составляло трудность даже поднять голову со стола. Наконец выпрямив шею и упиревшись спиной в стул, владыка устало провёл ладонями по лицу и, потирая глаза, не сумел сдержать зевок.

– Так я и думал... – спокойно произнёс Сталис, размеренно возвращаясь в музей. Его графитового цвета доспехи не блистали Магниной роскошью и изяществом, не завораживали насыщенным цветом морской волны, как лёгкие мато-

вые латы Вайдэра, зато дивили своей практичностью. Мундир Сталиса был самым громким. Он издавал стуки и звоны, ведь состоял из пары дюжин орудий ближнего боя, сложенных, как части пазлов в цельный доломан. На руках умещались порой скрипевшие кинжалы и стрелы, почти всю грудь занимал щит; ниже, из частей, можно было собрать копьё и парные клинки, на спине заметны были очертания боевого обоюдоострого топора, трезубца и гарпуна. были также мелкие детали, что по идее служили ручками, али запасными частями, но гудели больше всего именно они.

Вэнтэр половину своей жизни прожил по соседству с цитаделью «магнитных механизмов»— Сталией, и по собственному опыту знал, насколько такая броня удобна была сталовцам в сражении.

Услышав недружелюбные слова, император вздрогнул, но не смог развернуться и лишь облокотившись об стол, не открывая глаз, вытирал слезинки, вызванные глубоким зеванием.

Медленно обходя подробную карту, нэогар степенно проговорил:

– По твоей вине, из измерения Суракса пропали его игрушки. Ты и правда считал, что это пройдёт бесследно? – упиревшись в стол руками, взглянул король императору в с трудом открытые, красные, и без того уставшие, так ещё и озлобленные глаза, блестящие из-под лба.

В ответ на слова Сталиса, Вэнтэр лишь молча смотрел,

своими синими зрачками, в кольцо красных сосудов.

– Сон нужен всему живому. Ни нэогары, ни люди – не смогут обойтись без него, – продолжая обходить стол, рассудил Сталис. – А ты страдаешь жуткой бессонницей, не правда ли? – продолжая удаляться, ухмыльнулся нэогар.

– Считаешь, это проделки Суракса? – вцепившись в стул и с трудом развернувшись, хрипло выдавил владыка. – Но это невозможно! У него нет такой власти!

– У него нет. Зато у его братьев есть. Мир Грёз – измерение бога Алира. Там наши души отдыхают во сне, и туда – Суракс попросил не впускать твою, – смыкая двери, изложил король. – Похоже... – усмехнулся он.

Королева Евразийского континента, чьё чрево служило временным домом будущему королю, хоть и засыпала под боком своего мужа, проснулась в гордом одиночестве. Королевские покои, укрытые от дневного света занавесками оттенка спелого персика, остались в полном распоряжении Инессы, не особо этим довольной. Скинув с себя одеяло и, первым делом нырнув в мягкие тапочки, девушка встала с кровати. Скользя по полу, она «поплыла» к вещевому шкафу.

– Опять удрал на свои советы, и даже доброго утра не пожелал! Тоже мне муженёк, – сквозь зубы бормотала она. Достав нежно зелёные свободные одеяния, Инесса принялась переодеваться. – Я уже и забыла, когда в последний раз он хотя бы спрашивал меня, чего бы мне хотелось на зав-

трак, – поправляя мешавшие волосы, не желала девица успокаиваться.

– Что вам угодно отведать? – вдруг прозвучал учтивый вопрос капитана четвёртого отряда «Реокрацу», заглянувшего в приоткрытую дверь.

Королева испуганно вскрикнула и, прижавшись спиной к шкафу – часто дыша, накричала:

– Ты... ты кто такой?! Какого фига так пугаешь?! И как ты смеешь подглядывать за королевой?! – не унимая недовольства, разнервничалась девушка.

Мальчишка же, вошёл в комнату и, закрыв дверь – спокойно ответил:

– Простите, если сделал что-то не так. Король назначил меня вашим личным охранником. Я – четвёртый в «Реокрацу», моё имя... – опустив глаза, замолк капитан, – Джой.

– Что? – также недовольно, хотя расслабленной, чем раньше, возразил Инесса. Направляясь к окну, она заявила:– Меня, мать будущего короля – охраняет лишь четвёртый? Артуру следовало прислать моего брата... опять он непонятно чем думает! – отдёргивая занавески, осветлила покой девица, пока Джой, держа руки за спиной – молчаливо ждал. – Так почему ко мне послали тебя? И ты разве не маловат, для службы в «Реокрацу»? Там же вроде с восемнадцати, а тебе сколько, лет пятнадцать? – присев на край кровати, устроила девушка расспрос.

– Сильнейший из нас – слишком загружен работой. Вто-

рой по силе – обязан защищать короля. Третья – временно не может исполнять свой долг, – нехотя отвечал мальчуган. Позади него вдруг открылась дверь, и показавшийся за ней Артур, с лёгкой улыбкой вставил:

– А четвёртый, не смотря на свой юный возраст, а ему, кстати, девятнадцать – успел проявить себя как искусный воин и смысленый человек. Думаю, доверить ему твою безопасность, не глупое решение, – избегая всяческих конфликтов, рассудил король, подойдя к Инессе и присев рядом с ней. На его лице держалась счастливая улыбка, будто он давно не виделся со своей возлюбленной, и вот, наконец, повстречался. Или же, будто им предстояло расстаться, хотя этого не хотелось никому.

– Вот я и убедилась, что ты всё сильнее превращаешься в своего отца... – покачивая головой, с сожалением в глазах, молвила Инесса. – Я понимаю весь груз твоего долга, но ты совсем забываешь о собственной жене.

– Да, прости... просто дел навалило, по самый край... – не зная как себя оправдать, заёрзал Артур.

– Ты всегда можешь со мной поделиться, а я всегда помогу всем, что будет в моих силах. Расскажи мне хоть раз, что за очередные дела? – не сводя со своего избранника сочувствующих глаз, нежно спросила королева. – Хотя меня больше пугает, твоё решение приставить ко мне охрану. С чего бы? – изменив лицо на подозрительно-удивлённое, сменила девица приоритетный вопрос.

Артур, не решаясь делиться известием о войне, совсем уж запереживал. Забегав глазами по комнате, король остановил взгляд на Джое. Увидев смятение в малахитовых глазах, сдержанный капитан решил ответить за короля:

– Ваш срок беременности уже неделю как больше восьми месяцев, – учтиво привлёк он внимание. – Ни все люди согласны трудиться во благо себя и Евразии; некоторые – могут возжелать лёгкого выкупа. Во избежание таких неприятностей, я буду вас оберегать, – со всей серьёзностью, кивнул капитан.

Королева, выслушав его, посмотрела на поникнувшего, отвернутого в сторону Артура, и слегка посмеявшись, молвила:

– Ты всё же заботишься обо мне, как ни кто другой... – умилённо расплывшись в улыбке. Инесса ощутила тепло и нутро её возжелало хоть как-то отблагодарить любимого, хотя бы объятием.

– Нет, – ляпнул вдруг король, чем шокировал в первую очередь себя. Подняв серьёзные глаза, он заявил:– Я не настолько труслив! И я не хочу, чтобы между нами жили тайны.

Инесса отпрянула, и опустила нацеленные на плечи Артура руки.

Джой, не сходявший с места, устало покачал головой, прикрыв лоб ладонью.

– Император... – продолжил откровение Артур, чем привлёк настороженное внимание королевы. – Он объявил нам

войну, – сообщил король, и его жена, сделавшая глоток воды, выпрыснула всё, что успела налить в рот. Выкинув прозрачный стакан в сторону, она раскрыла глаза как можно шире и вцепившись Артуру в плечи – вскрикнула:

– Совсем сдурел такую чушь нести! Шутников развелось больше, чем нэогаров!

– Это не шутка, – заступился за Артура капитан. – Если вы не заметили, король серьёзен... – не сводя тяжелого взгляда с женских глаз, сбавил мальчик её пыл.

Поникнув и растерявшись, но, не отпуская королевские одеяния – Инесса испуганно пробормотала:

– Но как... когда... почему... за что... с чего ему это делать?! Какого чёрта ему неймётся?!

– Важно лишь то, что нам грозит война, и мы даже не знаем когда... – отмахнулся Артур, нежно опуская руки королевы. Сжав её дрожавшие пальцы в своих, не менее напряженных ладонях – паренёк привстал и, не разрывая контакта глазами, молвил:

– Не переживай, и отдыхай. Джой обо всём позаботится. А мне уже давно пора в Авангардный город... – отходя от будущей матери своего ребёнка, вяло попрощался Артур.

Дождавшись окончания всех работ как внутри, так и снаружи дворца – император занял свой любимый трон. Сонно сидя с припущенной головой, он не желал даже поднять на стол руки. Внешне владыка выглядел лучше, чем раньше. Синяков под глазами видно не было, краснота глаз спала,

да и кожа не была столь бледна. Оделся он в синеватую толстовку, и это всё, что позволял увидеть стол, придвинутый к повелителю нестандартно близко. Пусть внешне Вэнтэр был вполне обыден – выглядел он всё равно уж слишком вялым, а дышал глубоко и редко.

Уединение хозяина целого континента прервал Кан, войдя в зал. Его новые доспехи поблёскивали на светлом солнце, а движения полнились статностью и величием. Новый мундир, как и новая должность – быстро прижились к повадкам заместителя самого императора.

– Уже неделя прошла с тех пор, как я приказал главам военного совета ежедневно сдавать мне отчёты о нашей подготовке. Но я не получил ни единой сводки. Как так? – пусть и вяло, всё равно грозно, потребовал захватчик объяснений.

– Простите мне мою наглость, – склонив шею, молвил Кан, – но я назначил нового генерала...

– Наглость? – прислонив затылок к трону, перебил заместителя Вэнтэр. – Разве ни я об этом просил?

– Моя наглость заключается ни в этом, – покачав головой, стыдливо пробормотал Кан. – Сбор всех новостей я поручил новому генералу, поэтому, мне неизвестны причины, и новости военного совета... – взглядом будто извиняясь, объяснился Кан.

– Ах, ну это логично. Непристойно моему заместителю заниматься такими мелочами... – в стандартном нраве, опустил споры император. – Тогда может наш новый генерал,

займётся рассказом о проведении подготовки? – более бодро намекнул Вэнтэр, выпрямившись на троне. Об усталости он вмиг позабыл.

– Наш новый генерал, – протянув руку к дверям, огласил Кан:– Генор, – молвил он, и в зал вошёл его доверенный помощник, ничуть не изменившийся с их последнего разговора. – Сын грозного Грозора и мой самый верный подопечный, – закончил заместитель.

Вошедший нэогар – зажато кивнул. Он ощущал себя неловко, это нельзя было скрыть.

– Думаю я, в представлении не нуждаюсь, – создавая впечатление спокойствия, дружелюбно вставил император. – Рад, что и у Кана есть на кого положиться. Как тебе, в новой должности? – тускло улыбаясь, поинтересовался мальчишка.

Кан, уловив одобрителный кивок владыки, учтиво склонил шею и, развернувшись – начал уходить. Элегантно свисавший с его плеч герб Витры, на время занял всё внимание Вэнтэра, пока он не услышал:

– Я ещё не разобрался, – усмехнувшись, ответил Генор. – Всё, что приходится делать, это гулять среди солдат или глав нашей промышленности, постоянно их подгоняя. Я ожидал более насыщенной работы, – забыв статус своего собеседника, рассказал нэогар.

– Это только начало, – улыбнувшись шире, предупредил император. – Впереди будет куда больше насыщенности, –

несколько мрачно, пообещал Вэнтэр. Его поведение стало совершенно стандартным; от усталости и сонности не осталось следа.

Новый генерал продолжил бы беседу, но в тронном зале вдруг раздался претенциозный голос Магны, которая, не до конца открыв дверь – возмутилась:

– Воскресил ради войны, а дёргаешь по пустякам! Начерта опять звал? – гордо шагая перед Сталисом, как всегда спокойным.

Дождавшись, пока последний король Сталии закроет дверь, император, смутившись, спросил:

– Разве Вайдэр не относится к имперским баронам? Я ведь просил прийти всех.

– Он сказал, что скорее поднимет к небу океан, чем будет бегать сюда, по твоим просьбам... – передал Сталис.

– Я почти придумала такой же подкол, но Сталис уговорил не наживать врагов хотя бы в новой жизни... – колко поведала Магна, всем видом выказывая безразличие ко всем, кроме мальчишки на хрустальном троне.

– Ну ясно, смертью вас не изменить... – хмыкнув, заключил владыка. – Со дня вашего воскрешения уже пару раз прошло два дня. Вот мне и стало интересно, вернулись ли к вам ваши способности? – отвлëкшись от диалога с новым генералом, решил познать повелитель.

Магна, недолго думая – создала под своей левой ладонью небольшой, размером с гранат шар. Хоть его габариты не

впечатляли, яркость и насыщенность красных оттенков – были стократ внушительней, чем у плода. Без раздумий, королева лёгким взмахом руки выкинула сферу сквозь окно позади Вэнтэра и, разбив тонкое стекло, шар полетел во двор замка.

В сторону внешних ворот как раз шагал Кан; он почти подошёл к приоткрытому выходу. Заместитель императора спокойно покинул бы внутренний двор замка, но примерно в трёх метрах от его спины упал Магнин шарик. Едва коснувшись ровной дорожки из светлой плитки, сфера разразилась огромным, пусть и довольно узким, но высоким, горячим ураганом. Оранжевый вихрь, высотой соперничавший с самим дворцом императора, неровными языками заплясал во всех замковых окнах, выходявших в его сторону. Погорев лишь пару секунд, свирепое вращение огненных языков постепенно угасло, оставив за спиной заместителя лишь обугленные, кривые лохмотья, вместо вдохновлявшего герба Витры. Недовольно глядя в едва видимое, разбитое окно тронного зала – Кан фыркнул, продолжив издавать звонкие звуки поступи.

Вэнтэр, наблюдавший за яркими бликами в окне даже не вставая с трона, а просто выглядывая из-за него, смотрел на представление совершенно спокойно. Взглянув на Магну, он, выдыхая, изрёк:

– Жаль, что я не начисляю вам жалование. Иначе ущерб едва восстановленного дворца – оплачивала бы ты! – всеми

силами сдерживая грубость, не удержался владыка.

– Шоу окончено, – разворачиваясь, высокомерно заключила Магна и, проходя мимо шокированного Генора, добавила:– Можно без оваций...

Всё, увиденное юным генералом, разожгло в нём бурю эмоций и жгущих впечатлений. Его изумление и восхищение видны были настолько явно, что заметил бы даже слепой. С разинтым ртом наблюдая за походкой единственной королевы, он, стараясь успокоиться, думал:

– Это, это просто невероятно! Впервые вижу действие «особого механизма» вживую, и это бесподобно! Столько силы, столько энергии, столько грации... Магна, как и «пламенный механизм»– превосходны!

– А ты хорошо держишься...– отвлекли генерала слова Сталиса, предназначенные Вэнтэру. Хоть король Стalii выглядел серьёзным, в его тоне слышалась издёвка. – Неужели, сумел уснуть? – поинтересовался он, пока Вэнтэр становился всё мрачнее, и снова сгибался на троне.

– Генор, не мог бы ты вернуться минут через пять, – приказал повелитель, не сводя сурового взора с бывшего соседствовавшего короля...

16 эпизод. Начало великого дня

Вызывать подданных в личный тронный зал – привилегия любого властителя. Так всегда думал Вэнтэр, пока не обратился к баронам бывших королей, которые очень поверхностно чтити его правила. Из трёх явились лишь двое, одна из

которых разбила окно и сожгла дорогу в замок. Второй, при новом генерале, неприкрыто обсуждал неприятные властителю вещи, из-за чего ему пришлось попросить Генора зайти позднее.

– К-как скажете, – кивнул генерал и максимально быстро покинул зал, пока сам воздух тяжелел.

– Даже на труп больше не похож, как сумел? – продолжил свой расспрос Сталис, с серьёзным видом, но ироничным голосом.

– Это грим... – безысходно выдавил мальчишка, снова лишившись всей бодрости. – А под столом висят три капельницы, помогающие мне держаться, – наконец вытащив из-под стола руки, показал он воткнутые иглы, немного выше запястий. – С этим помог Чан, но этого не может быть достаточно! – собирая гнев в своих сонных связках, с трудом повысил владыка голос.

– Ты не прекращаешь поражать с тех пор, как получил свой первый трон... – отвлечённо восхитился Сталис, и начал медленно разворачиваться. Встав к мальчишке спиной – бывший король безразлично потопал к выходу, но Вэнтэр, весь припущенный вниз, выглядывая из-под бровей, недовольно прошипел:

– Тебе рано уходить.

– Ваше имперское величество желает чего-то ещё? – через плечо огрызнулся Сталис.

– Ты говорил о мире Грёз и братьях Суракса, – снова по-

давяя усталость, отложил владыка передышку. – Как можно избавиться от бессонницы, не отдаваясь во власть Ментального мира?

– Смеёшься? – лишь слегка повысив голос, развернулся Сталис к императору лицом. – Против тебя объединились два бога независимых измерений! Пока ты не умрёшь, Алир не позволит тебе уснуть. Думаю, Суракс это обеспечил.

– И самому развитому, мудрому, начитанному королю из последней четвёрки – не известны способы отдохнуть в обход мира Грёз? – бросая Сталису вызов, поднял Вэнтэр брови.

– Хм, я бы не оправдал твои слова, если бы поддался на такую нелепую провокацию, – качнул головой нэогар. – Я не был доволен своей жизнью как король Сталии, но она была блаженным островком, рядом с Ментальным измерением. Ты серьёзно считаешь, что я стану помогать тебе, в твоих проблемах?! – даже возмущившись, тыкнул Сталис пальцем почти что в нос завоевателю.

– Кто не любит власть и лёгкие пути? – вытягиваясь к собеседнику, выпалил мальчишка. – Кто не желает бессмертия и непомерного богатства? – продолжил он давить Сталиса вопросами, пока нэогар удивлённо отводил голову. – Всего лишь встань на моё место и пойми – мой поступок самый очевидный нэогарский эгоизм, присущий каждому из нас. Чем больше имеешь, тем больше хочешь! – выдавли-

вая давно закончившиеся силы, встал Вэнтэр с трона и даже слегка стукнул кулаками о стол, тем самым сорвав капельницы. – Скажи, что я поступил не так, как желал каждый, и можешь покинуть Империю хоть сейчас! – выплеснул мальчишка, по-прежнему ослабленный, но искусно это скрывавший.

Строгий Сталис, непреклонно смотря на Вэнтэра, отступил пару шагов и присев на стул, стоявший у продолговатого стола, спокойно заговорил:

– Тебе известно, что такое душа? – спросил он мальчишку, чьи дрожавшие руки уже не в силах были держаться о стол.

– Да, – выдохнул Вэнтэр, упав спиной на трон. – Это образ мышления, навыки, черты характера и накопленные за жизнь знания, – будто ленивый ученик, ответил император.

– Не только, – качнул головой нэогар. – Это нечто большее, чем живые могут представить. Твоя душа – это ты сам. Это то, что выходит за рамки потребительского тела, – сложив руки на груди, развёл нэогар лекцию. – Сейчас император Вэнтэр – бессмертная человеческая плоть. А его душа, это всё – кроме плоти. Её составляет любой, кто знает тебя, и кого знаешь ты. Любой жизненный случай как для одного тебя, так и для целого континента – является твоей душой, конечно, если ты в нём участвовал, – стараясь донести как можно больше подробностей, вёл объяснение Сталис.

Вэнтэр, прищурился, слушал его, хотя по лицу видне-

лось, что понимал далеко ни всё...

– Каждое твоё чувство, каждая эмоция, испытанная тобой или из-за тебя, тоже составляет твою душу. Все эти крупички – живут и питаются твоей повседневностью, создавая нематериальную, но реальную сущность. Твою сущность.

– Хорошо, с понятием души мы разобрались, – с лёгкой хрипотой заключил император. – Но причём это к моей проблеме? – нетерпеливо пожал мальчишка плечами.

– Мир Грёз представляет собой некое укрытие от обыденности и мирской суеты, – более расторопным голосом приступил Сталис к новым объяснениям. – Не посещая уединённое измерение Алира, душа начинает уставать. Точно как и твоё тело, нуждающееся в ночном отдыхе. Насколько бы бессмертным оно ни было, без восстановления во сне – умрёт кто угодно... – прохрипел барон, – но только не душа, – также тихо, зато с блестящими глазами, натянул он улыбку. – Только душа поистине бессмертна, и даже если её лишить отдыха, она вовсе не умрёт, – улыбаясь всё откровеннее, заявил бывший король. – Так что, пусть Чан поддерживает твоё тело на жизненном уровне, а ты можешь забыть или о сне, – замолкнув, чтобы встать со стула, прервался Сталис, – или о жизни, – предупредил барон, после чего направился к выходу.

Заворожённый Вэнтэр – молчаливо отвернулся в сторону и тихо хмыкнув, насмешливо буркнул:

– И всё так просто?

Победивший смерть барон покинул тронный зал. Почти сразу после стука закрывшихся дверей – их снова приоткрыл Генор, недоумевая спросив:

– Полагаю, мне пора отчитываться?

– Ещё успеешь, – кинув взгляд на генерала, не сменил владыка выражения лица. – А пока, донеси до всего имперского руководства мой указ, – вдохновенно начал завоеватель:– Врагов необходимо наказывать, а лучшее наказание – уничтожение! – разошёлся тиран, пересказывая свой указ спустя неделю, после его издания...

Вэнтэр, бодрый и свежий, облачённый в свой новенький чёрный наряд, стоял на небольшом пьедестале, в окружении заместителя, генерала армии и трёх баронов, занятых каждый своим, бесспорно важным делом. Магна вычищала заострённые серебряные ногти; Вайдэр играл с водным пузырьком, что подчинялся каждому его движению; только Сталис спокойно стоял на месте, с интересом рассматривая подготовленную к войне имперскую армию.

Хоть возвышение с главами войск стояло почти в самом начале окраин, расчищенных от построек специально для марша, собранные войны и орудия – простирались далеко в знойную пустыню, раскалённую двухчасовым солнцем. Ближе всех к императору стояли нэогары, вооруженные самым разнообразным, как ближним, так и дальнобойным оружием. Спустя тысячи рядов основных солдат виднелись ровные строи кентавров и самураев, неисчислимых глазом. Если

казалось, что в одном месте собралось невообразимо много нэогарских пехотинцев, то податливых пешек – было вдвое больше.

Помимо усеявших всю пустыню, от берега до берега и от окраин до горизонта воинов, не редко встречалась тяжёлая техника. Вместительный, максимально забитый солдатами транспорт, тоже виднелся во многих местах.

– Мы уже давно простили нашим последним врагам их грехи, – продолжил свой диктат Вэнтэр, подлавливавший каждое дуновение приятного ветра, что колыхал его чёрные волосы и такую же узорчатую накидку, – но милости... пришёл конец! Я объявляю начало новой, и да услышат меня люди последней войны, – отклацал зубами мальчишка, с гневными надменными глазами, – ведь теперь её конец означает Только голова последнего человека! – подчеркнул он и голосом, и взмахом руки. – Мы не берём пленных и не захватываем трофеи. Мы убиваем, и побеждаем!!! – завопил Вэнтэр будто на всю пустыню, обоими кулаками ударив пьедестал.

Бурю его гнева подхватил каждый нэогар, чей взор устремлялся на Вэнтэра. Вслед за сильными детскими речами разразился тяжёлый нэогарский рык – покорный и величественный. Армия расступилась, словно две схлестнувшиеся волны, и в трёхметровом «коридоре» между берегами остались стоять пять облицованных искрившимся на солнце золотом кентавров. Они медленно шагали ровным косяком

в сторону императора; величественные, роскошные, степенные, но как ни странно – безголовые. В их руках блистали позолоченные жезлы, копыта проваливались в песок, а шеи были наглухо запаяны, будто головы засунули внутрь и закрыли крышкой.

– Это мой вам подарок, как выдающимся нэогарам и членам управления армией, – пафосно изрёк Вэнтэр, осматривая баронов и Кана с Генором.

– Вот это кентавры! – дрожащим голосом воскликнул генерал, и первым побежал к почётному транспорту.

– Что?! – недовольно озадачилась Магна. – Ты предлагаешь на этом идиотизме до Евразии тащиться? Да я лучше пешком дойду! – возмущённо разразила баронесса новый спор.

Кан, с упрёком на неё посмотрев – не спеша отправился за Генором, претенциозно выкинув:

– Почему бы просто не подчиниться... – будто бросая королеве вызов, сморозил он.

Нервно фыркнув ему в след, Магна и сама пошла к кентаврам, даже обогнав Кана. Её шаги были куда шире заместительских, и они хотя бы оставались на поверхности песка. Шаги Кана – песком покрывал его новый наспинный герб.

– А вы особой просьбы ждёте? – спросил у Вайдэра со Сталисом император, взглянув на оставшихся баронов.

– А? – незадачливо переспросил Вайдэр, оторвав взгляд от водяного пузырька. – А что, уже выдвигаемся? – будто

не зная ситуации, поинтересовался он. – Ну ладно, – уронив водный сгусток в золотистый песок, зашагал барон. – А то скучно как в склепе...– собрав руки за головой, он равнодушно отошёл.

– Ты как всегда слишком печёшься о красоте...– покачивая головой, упрекнул давнего соседа Сталис.

– Не припомню, чтобы мне это мешало...– отмахнулся Вэнтэр, кинув взгляд в нэогарскую спину.

Снова посмотрев на неисчислимое, холодное, пугавшее войско – детские уста неизбежно растянулись в улыбку. Ему доставило искреннее удовольствие созерцание всего нэогарского кошмара, собранного в пустыне-перешейке. Глубоко вздохнув и приподняв голову, чтобы увидеть небо над удалявшимся горизонтом, владыка дождался, пока пятеро кентавров обзаведутся «наездниками» и, раздвинув руки с приподнятыми ладонями в стороны, Вэнтэр, что было мочи – прокричал:

– В АТАКУ!!! – и проснулся ветер, ударивший свирепой волной слева. Император не обратил на это внимания; позволяя волосам и вещам со всей силой сдуваться по направлению порыва, он видел лишь, как каждый пехотинец его полчища – развернулся в сторону Евразии. Не смыкая прохода между половинами армии, войско перестроилось лицом к своей цели, и теперь, отдав авангардные посты кентаврам с самураями, Империя отправилась в бой.

Вдохновлёно дыша и широко улыбаясь – Вэнтэр с насто-

ящей радостью смотрел на угрожавшую мощь. Остановив взгляд на отдалившемся силуэте спины Генора, в его памяти всплыли дела этого утра. Мальчишка вспомнил военный совет, назначенный на давно прошедшие десять часов. Там, в компании всех глав имперских отраслей, заместителя императора и, конечно, самого императора – Генора, неумело пряча неловкость, отчитывался:

– По вашему приказу за прошедшие две недели мы должны были пополнить армейские ряды миллионом кентавров, и тремя миллионами самураев. Я лично неоднократно проверял исполнение вашего распоряжения на всех доступных фабриках, заводах и цехах. Можете быть уверены – нэогары работали без перерывов, в три смены, не упуская ни минуты... – затараторил генерал, оправдывая грядущую плохую новость, – но выполнить ваш приказ, оказалось невозможным... – опуская обескураженные глаза, сообщил нэогар.

– А то не ясно, – выдал вдруг император, совершенно спокойно. – Само с собой невозможно за две недели создать четыре миллиона нэогарских единиц, пусть и не совсем разумных... Зато как вы старались и спешили, – слегка улыбнувшись, почти похвалил Вэнтэр совет. – На это и был мой расчёт.

Самый богатый, увешанный кучей побрякушек, хотя в этот раз менее вычурных – Дэнзис, нахмурился. В его горле застряли броские словечки, но ему хватило мудрости не разжигать новых скандалов. Уже слегка расслабившись, Ге-

нор, более смело добавил:

– Мы успели выплавить лишь четверть заказного количества.

– Даже дополнительного миллиона к нашим готовым боевым рядам – должно хватить. Вы хорошо потрудились... – вставая с места, со слабой улыбкой похвалил своих подданных Вэнтэр, после чего направился к выходу. В его спину тут же устремилось множество взглядов, так и кричавших о глубокой неприязни...

Территория пустыни считалась нейтральной только в дни, когда мир не пачкала война. Но после её объявления – песчаные россыпи делились поровну, и та половина, что прилежала к твоему континенту, считалась твоей. По крайней мере, в это верили люди, и этим они пользовались – в целях разведки.

Не выходя за грань своей половины, двое пареньков лежали среди невысоких дюн. В «Реокрацу» слишком любили пометать своё имущество, так что на левых плечах каждого из них красовалась ровная цифра «3» – символ разведотряда. Шокировано таращась в бинокль, один из наблюдателей сдавленно сообщил:

– Чёрт возьми, они идут на нас! – заметив на горизонте полчища вражеской стали, перепугался паренёк. Его напарник, в спешке стал доставать рацию...

Король людского континента, только сейчас приступил к мирному обеду в дворцовой столовой. Вместе с ним и Инес-

са – терпеливо поглаживавшая живот. Хоть перед ней красовались разные блюда, она ничего не ела; её обед состоялся раньше, она осталась лишь компанией своему мужу.

– Тебе нездоровится? – заметив вялость жены, взволновался король.

– Нет, всё в порядке. Просто, странное предчувствие... будто вот-вот разорвётся сердце, а затем и живот...

Артура заметно смутили эти слова, он ничего не понял. Недолго перебирая их самостоятельно, паренёк решил разузнать побольше, но его вдруг перебил грохот распахнутых дверей.

Лира, вломившаяся в столовую с бесстыдным грохотом, едва отдышавшись глубоким вздохом, суматошно выпалила:

– Они показались! Они почти в центре пустыни! Вам необходимо укрыться!

Артур ошарашен и, уронив со страха вилку, вжался в спинку стула. Хотя его шок оказался не самым страшным; то ли от испуга, то ли по зову сроков – Инесса всеми пальцами вцепилась в живот и прерывисто, тяжело дыша – сменила протяжные стоны на глубокие крики. Королевский секретарь смекнул побежать за врачебной поддержкой, пока Джой, в отличие от Артура, хоть как-то пытался помочь...

Имперское войско, как впрочем, и нетерпение – оказалось настолько масштабным, что авангард достиг возможности услышать противника, уже к следующему рассвету. Слева самураи, справа кентавры, и где-то далеко в центре – ба-

роны с генералами.

В десяти километрах от границы с Евразией, свои посты уже заняли людские оборонители. Их возглавлял Кир, разрывавший взгляд между восходом и врагом. За его спиной стояла внушительная сила; со времён последнего конфликта на людских землях, боевая мощь тёплых солдат заметно возросла.

Кир почитался как отличный капитан, сильный воин и добрый человек. Это убеждение жило в каждом, кто хорошо был с ним знаком. Понаслышке его знали многие, стоявшие в авангарде обороны. У каждого из них были свои мысли, свои идеи, но схожи они были в одном – Киру предстояло сказать нечто вдохновенное.

– Вот оно, начало Великого дня, – та, сильнейший в «Реокрацу» разорвал напряжённую тишину.

Сбежавший из суетливого тыла собственных войск – император, спустя лишь час после рассвета, показался в лаборатории, где, к своему большому удивлению, не обнаружил даже Чана. В точности как улицы – лаборатория была пуста. Порассматривав пустовавшие рабочие места, уставший Вэнтэр собрался уходить, как раз когда в «Грааль науки» вошёл Чан. Он даже замешкался, встретив владыку.

– Вы впервые опередили меня, с приходом сюда...

– Обычно, ты просто отсюда не уходишь, – сморщил лоб мальчишка. – А я, как только прибыл в замок, сразу направился к тебе, – не спеша пошагивая за технологом,

осмотрелся Вэнтэр, будто впервые попал в лабораторию.

– Желаете приступить к смене тела, уже сейчас? – включая в цеху свет, напряжённо спросил нэогар.

– Боюсь, что да... – выдохнул покоритель, – из этого тела, больше нечего выжимать, – осматривая вытянутые руки, обречённо заключил человек. Каждая вена на его запястьях была синей и вздутой, будто под кожей разместился уж.

– Это просто удача, что у меня заранее было запасное тело, в точности копирующее ваше. Сменив сосуд своего сознания вы избавитесь от тяготящей усталости, но опять же – временно. Что планируете делать дальше? – успев подготовить новое, такое же тело императора, спросил учёный, указывая Вэнтэру на стул, в котором покоритель сидел ещё тогда, когда в последний раз был нэогаром.

– Я не знаю... – подходя к сидению, покачал он головой. – Этого тела хватило на 2 недели без сна. Хотя мои руки исколоты твоими уколами, а в горле не опускается ком из горьких снадобий, – усевшись на стул, пожаловался император, перебарывая сонливость. – Зато я понял, почему раньше воскрешали только стандартными техниками... цена за чужую жизнь, слишком велика! – смыкая глаза под приятными манипуляциями Чана – озвучил повелитель.

– Ну что ж, – бодро подвёл Чан итог, – готовьтесь к перерождению! – подчеркнул он, запустив процесс переноса сознания. В его глазах так и пылал интерес, а уста скрывали теневую улыбку.

В этот раз, в отличие от первого, он переживал куда меньше.

Граница твоего дома – однозначно худшее место для приёма незваных гостей. Понимая это, вся доступная людская рать, выступавшая авангардом, отошла от границ с Евразией, и пока лишь узрела своего врага, во всём холодном величии. Кентавры – по правую сторону, самураи – по левую, и генералы – в центре, держались хмуро и строго. Далеко не каждому солдату удавалось успокоить бешенные стуки тёплого сердца, и бурю эмоций, в основном из страха, гнева, переживаний и рвения к победе. Скрипя зубами, вытирая капли пота в пока ещё прохладной пустыне, глубоко дыша и сжимая на сердцах кулаки – воины Евразии не позволяли себе сорваться. Только Кир – высокий красноволосый паренёк, с повязкой сильнейшего в «Реокрацу», выглядел совершенно спокойным. Но его глаза... эти глаза желали убийств. Они не видели достойных преград, и кричали о засевшей в душе ненависти.

Расталкивая плотный строй как опытных и взрослых, так ещё совсем юных, перепуганных мальчишек – за Киrom показался генерал людской рати, в грязно-жёлтом картузе.

– Что ты забыл на будущем фронте?! – недовольно спросил он, развернув капитана за плечо. – Тебе положено сидеть в штабе, и действовать скрытно! – сердито напомнил он, внимательно смотревшему в сморщенные глаза пареньку.

– Я помню, – спокойно ответил тот, обходя генерала, –

просто убедился, что среди этого металлолома – нет императора, – отвлечённо отмахнулся он, проходя мимо расступившихся солдат.

Не желая рушить сплочённость и так поникшей армии, генерал перевёл внимание на врага, степенно шагавшего ровными, необъятными рядами. На расстоянии не больше километра от людской «границы», оба имперских фланга замерли на месте, прекратив перебирать ногами. Вся армия – от авангарда до тыла, терпеливо дожидалась, пока в зоне видимости людских сил покажется заместитель владыки Кулака.

Кан, собрав руки на груди, плавно покачивался на роскошном кентавре; его шея брала начало как раз там, где должна была виднеться голова полуконя. Справа, немного дальше от заместителя – покачивался Генор, держась за кентавровские плечи. Слева, примерно на уровне юного нэогара – недовольно подпирала кулаком щёку Магна, ожидая окончания своего пути. И ровно за Каном, замыкая строй управляющих, двигался Сталис – единственный, кто использовал «особый механизм» и, вбив кентавру в пояс стальные прутья, создал вполне удобные поручни.

Никуда не спеша, никого не подгоняя, холодный Кан доехал до первого ряда послушных пешек. В полной тишине, которую не смел рушить даже ветер – заместитель поднял вверх руку, выдерживая её ровной. Нэогарская фигура была видна на удивление чётко; без деталей, но суть его действий виднелась даже людским оборонителям. Задержав

десницу в воздухе не дольше, чем на пять секунд, Кан, попутно приказав:

– Уничтожить!!! – махнул ею вниз.

И наконец, нагнетавшая тишина спала. Ведь двадцать пять тысяч кентавров и семьдесят пять тысяч самураев – сорвались с мест, поднимая в воздух пыль и сотрясая само пространство. Огромной синхронной ордой ополчение преданных вояк погнало навстречу сопротивлению, и столь степенный Кан чуть не слетел с кентавра, из-за огромных воздушных волнений. Его наспинный герб и даже элементы доспех метались из стороны в сторону, как, впрочем, и подвижные части его соратников.

Не столько из-за надвигавшихся противников, сколько из-за крика Кана – генерал людских солдат с таким же рвением приказал:

– Выдвигаете орудия! – после чего стал протискиваться между солдатами, на которых возлагалась роль первичной обороны.

Не посмевав послушаться командира, группами подвоя – солдаты выкатили на линию огня десяти- Зарядные ракетные установки, нацеленные прямо перед собой. Ответственные за удар наводчики –открыли огонь. Из растянутых максимально ровным рядом орудий ударили по десять среднего размера ракет, наведённые прямо в ряды противников.

Учуяв опасность, имперские пешки позволили себе сбить строй и пытались обходить снаряды стороной, но само с со-

бой сделать это, удавалось крайне редко.

Взамен топота и гула надвигавшихся войск, пришли красочные оглушавшие взрывы, цветшие прямо среди вражеских рядов. Каждый взрыв, которых прогремело около ста тысяч на всей пустынной линии фронта, забрал с собой если не десятерых, то семерых точно. Хотя пусть подбитые, разорванные и искалеченные, но самураи продолжали выскакивать из чёрных дымных столбов. Сжимая свои в основном разбитые клинки, они втапывали в песок остатки союзников, продолжая бежать к цели. Так же поступали кентавры; безногие, безрукие, со сквозными дырами или ослеплённые яркими взрывами прямо у своего носа, лишённые жезлов или копыт, всё равно мчались галопом. Единственное, что вызывало смешанные чувства, так это стремление вояк урвать оружие павших собратьев, ещё пригодное к дальнейшей битве. Самураи, справлялись с этим куда проще кентавров, вынужденных скакать на слишком согнутых ногах.

Проведя первый удачный залп, людская граница осталась без доступных снарядов, и им пришлось откатывать ракеты обратно. Пробравшиеся дальше всего кентавры, лидировавшие в скорости среди всей имперской армии, сократили разрыв между войсками до половины первоначальной дистанции. Развивавшиеся позади них дымовые столбы и догоравшие нэогарские тела перестали радовать людских защитников. Поняв, что первым ударом удалось лишь слегка разбавить основное наступление, плотный солдатский строй су-

етливо стал раскапывать песок около своих ног, под которым вскоре первые шесть рядов обнаружили верёвки. Достаточно толстые, прочно сплетённые канаты – люди похватали обеими руками и, начав их натягивать, попятились назад. Вскоре с других краёв верёвки стал сыпаться песок, из-за поднимавшихся будто стен. Чем выше солдаты их водружали, тем становилось ясней, то были цельнометаллические плиты, по два метра высотой.

Полностью их подняв, силы Евразии возвели ровную, сомкнутую по швам стену, усеянную длинными конусными шипами с другой стороны. От правого, до левого берега растянулась «острая» стена, за которой и укрылись пока что не пострадавшие люди. Ориентируясь на гул и топот захватчиков, смелейшие войны подошли вплотную к месту соединения с канатом и, дождавшись нужного момента – выдернули его из крепления. С щелчком, вовсе не походившим на выстрел – каждый шип с обратной стороны вылетел со своей позиции, привязанный к стене другой, менее толстой верёвкой. Конусные колья улетели совсем не далеко; длина верёвок не превзошла десяти метров. Но даже это, хоть убило совсем не многих – знатно задержало подошедших практически в упор врагов. Связав неразумных пешек между собой: пробив их животы, плечи, реже головы – стена создала замешательство и разбила слаженность кентавров с самураями.

Встретились и шипы, которым не посчастливилось никого пронзить. Такие удобные верёвки похватали в первую

очередь кентавры, и пока менее развитые самураи топтались друг у друга на головах, те отступали назад, с лёгкостью опрокидывая стальную завесу. Таких случаев было всего четыре, на всей протяжённости пустынной баталии.

Случаи прорыва сильно пошатнули уверенность людских бойцов; такого – они не ожидали. В большинстве своём, отдавшись страху, молодые защитники открыли по кентаврам, или пробравшимся самураям прицельный огонь, хотя страх и паника – сказались на точности выстрелов. Лишь один патрон из пяти достигал цели, и только один из десяти, являлся смертельным. Пока кентавры выстреливали алыми сгустками, пытаясь порушить как можно больше стоявших около себя преград, самураи бездумно махали мечами, отсекая не познавшим вкус войны людям, что попадёт.

Наступавшие пешки не заметили, что каждый патрон, выпущенный человеком внутрь их тел, с небольшой силой взрывался, из-за проходившего сквозь детонатор тока. Такая слабая вспышка в руке, не была способна её оторвать, зато вывести из строя – очень помогала. Мини взрыв внутри головы и вовсе убивал, после чего груды разогретого металла падала, зарываясь в песок.

Если совсем недавно фронт был оглушён глухими стуками и постоянными ударами, теперь звуки сошлись к крикам страдающих людей, и стонам тех, кому помочь уже не удастся...

Безразлично замерший на прежнем месте Кан, даже не

расправил руки. Продолжая держать их у груди, он спокойно смотрел на бойню.

На место его послушных пешек пришли настоящие нэогары, бывшие равными человеческим бойцам в плане морали. У них были эмоции, они могли осмысленно думать, и чувствовать боль, неизбежную на войне. Хотя предстоявший штурм не сильно их пугал; стальные лица были холодны и заинтригованы войной.

– Как гениально, удариться лбом о лоб... – сморозила Магна, скучавшим взглядом окидывая всё то, что позволяла увидеть спина Кана. – Я думала, вы с Вэнтэром хоть стратегию создали... – не скрывая упрёк, пожаловалась баронесса.

– Тебе не довелось повидать чудо людской свободы, – ответил Кан. – Мы обязаны принести большую жертву, и лучше это будут пустоголовые ополченцы, чем основное войско...

– Зато это «чудо», – впервые натянув уголок губ, подметил Сталис, – довелось повидать мне... – привлёк он внимание Магны. – И поверь, нас ждёт завораживающее зрелище... – вернув взгляд к линии пролома – пообещал барон. Магна же, тоже отвернулась и, расплывшись в улыбке, хмыкнула.

Пока людской оборонительный пост всеми силами сдерживал натиск так и прорывавших воздвигнутые плиты противников, среди тёплых солдат, всё сильнее бесчинствовала холодная орда. Больше сотни кентавров скакали среди

всполошённых людских постов, разрушая их слаженность частыми алыми залпами. Самураев внутри строёв было и того больше. В основном – только из-за них вопили раненные, а то и искалеченные люди. Кровь регулярно орошала утренний песок, а пока ещё тёплые и даже шевелившиеся конечности, часто попадались под копыта наездников. Противостоявшие этому выстрелы взрывными пулями, несомненно приносили результат, и порой враги замертво падали прямо у ног атаковавших смельчаков, но масштаб людских потерь – не сопоставлялся с убийством пушечного мяса. Страху совсем не сложно было победить агрессию, а боль затмевала смелость и самоотверженность...

На пока ещё выдержанной дистанции от основного кровопролития, практически у самой границы внутри Авангардного города – возвышалась семиметровая башня, выкрашенная в светло-красный цвет. Строеение военного штаба было более чем необычно, оно напоминало песочные часы, хотя сужение в самом его центре, не было настолько узкое. Направленная к пустыне часть, полностью состояла из стекла; её разделяли только пластиковые рамы, и ничего больше. Так оригинально отделали только верхнюю часть башни, нижняя «чаша» не имела ни единого окна.

Сквозь блестяще чистые, отражавшие лучи света стёкла, видны были главы «Реокрацу», сидевшие на самом верхнем этаже. Внутри каждого отделения не было стен; ярусы представляли собой цельные просторные залы. Самый верхний,

куда подоспел первый, третий, пятый и шестой капитаны этаж – снабдили круглым, разделённым на семь участков столом. К стульям по его границам направлялись мониторы, что отображали собранные по всей Евразии данные. Каждый капитан усердно работал и раздавал всё новые команды, только Кир позволял себе стоять у окон и отчаянно смотреть на видневшийся вдалеке фронт. Его глаза были слегка прищурены, скулы напряжены, а взгляд полнился состраданием.

– Долго они продержатся? – спросила Лира, понимая чувства сильнейшего.

– Нет, вскоре начнут отступление... опустив глаза, выдавил Кир. – Мы проигрываем пустынную зону, – отвернувшись от окна, сообщил он суровую правду.

– Второй доложил, что на эвакуацию потребуется ещё около получаса, и Авангардный город опустеет, – наигрывая бодрость, передала Лира. – Мы ещё побьём их у своих границ! – будто веря в свои слова, пообещала она.

– Вот такими темпами, – указав пальцем в окно, – мы скорей лишимся Авангардного города, – неумолим остался Кир.

– Ну уж нет, свой город мы отстоим! – неумело внушая уверенность, воскликнула шестая.

– Половина возведённых укреплений в пустыне прорвана, – вмешался в капитанские речи пятый по силе. – Прогнозы крайне не утешительны...

– Это ведь всего лишь начало! Не прошло и часа с момента столкновения! Рано унывать и делать выводы! – исключи-

тельно бодро, старалась поддержать общий настрой Лиры.

Её слова хоть немного, но заставили остальных расслабиться. Капитаны не утратили надежд.

– Я только одного не могу понять... – вновь вступила шестая, – почему ни один нэогар из сохраняющего дистанцию батальона не вступил в прорывную операцию. Чего они ждут? – озадачила она зал управления.

– Конца мясорубки, – ответил Кир, снова выглянув в окно...

17 эпизод. Противостояние (часть 1)

В месте, где всё ещё было тихо и спокойно, но, как ни крути, вовсе не безопасно – Евразийском дворце, оставшийся в замке король, и само с собой его верный телохранитель – второй в «Реокрацу», пребывали в тронном зале, стоя у открытой двери на балкон. Обеспокоенный Артур, чьи светлые волосы вились на осеннем ветру, не решаясь выйти под открытое небо, смотрел на едва видный, почерневший от набега нэогаров горизонт.

Секретарь, чьи синие локоны тоже пошевеливались от ветра, стоял прямо и сохранял тишину, пока король взволнованно бегал глазами по виду, без единой подробности.

– Вы ведь боитесь высоты. К чему мучить себя взором сверху вниз? – поинтересовался телохранитель.

– Сейчас тысячи людей, наделённых чувствами и желанием жить – смотрят в глаза не то что страху, а самой смерти. Они испытывают боль, их кровь кипит, их клич гремит, но

они не смеют предавать тех, кого любят... Какой я к чёрту король, – бросив взгляд в самую душу второго, изрёк Артур, – если не в силах даже пощекотать свои нервы? – снова посмотрев в открытую дверь, он добавил:– Я не могу помочь ничем – я бесполезен, как никогда. Но я хочу хотя бы видеть и знать всех тех, кто отстаивает нашу свободу... – тихим, опечаленным голосом, но серьёзным, сильным взглядом – закончил он.

Оставаясь в такой же безопасности, хозяин противоположного континента как раз открыл глаза в своём очередном, третьем по новизне теле. Позволив зрачкам привыкнуть к свету и различить смазанные цвета, мальчишка глубоко вздохнул и, закрыв глаза, расслабился на анатомической подставке.

– Я бы с радостью поспал, но теперь хотя бы не валяюсь с ног, – восприняв помощь как нечто должное, подметил он, даже не улыбнувшись.

– Теперь, запас материала для человеческих тел исчерпан, я не скоро смогу создать новое... – заранее решил оправдаться профессор, помогая императору накинуть халат. – Похоже, перенос из человека в человека, не вызывает столько проблем? – на всякий случай, сменил технолог тему.

– Даже не знаю... возможно, хотеть спать уже просто привычка, – покачав головой, предположил мальчик. Пока Вэнтэр осматривал своё свежее, ещё влажное после среды в колбе тело, играя пальцами и разминая суставы – Чан успел при-

нести владыке Кулак, чем заметно удивил покорителя.

– Все прощенные вами модернизации, успешно окончены, – протягивая перчатку обеими руками, приклонился Чан. – Скорость и интенсивность обработки получаемых данных главным компьютером – на возможном приделе.

– Я удивлён, даже более чем, – подняв брови, лишь слегка улыбнулся Вэнтэр. Протянув к Кулаку руку, властитель надел его на правую ладонь. Не шевеля пальцами, он зачем-то стал поглаживать перчатку. – Какое же это приятное чувство, – искренне улыбнувшись, молвил он. – Моя рука сучала по этому ощущению... ощущению мощи, – улыбнувшись ещё шире, выказал мальчишка радость. – Пойду, посмотрю как там дела, – отшагивая от учёного, сообщил владыка. Чан кивнул ему в след.

Новая жизнь, что уже давно росла внутри королевы Евразии, видать стоговилась выйти в мирскую реальность, но, пока что, всё ещё не решалась.

Инесса, стараниями своего мужа, укрылась в самом надёжном и хорошо охраняемом бункере на территории Евразии. Она лежала на удобной кушетке, в окружении множества следивших за королевой приборов, а у дверей не совсем законченной, лишь отштукатуренной изнутри палаты, стоял Джо, ненавязчиво наблюдая за девушкой. Хоть её состояние не было самым стабильным, королеву покрывали капельки пота, а дыхание прерывалось – она всё равно находила силы недовольствоваться.

– Слушай, даже я не знаю, как попасть в это укрытие, – напряжённо озвучила Инесса. – Здесь никто и не подумает мне навредить. Так зачем ты продолжаешь торчать прямо у дверей?

– По приказу короля, я не должен упускать вас из вида, – учтиво ответил капитан. – Да и, если вам станет хуже – нет риска, что вам не помогут.

– И не надоело тебе стоять? – в прежней манере, решила королева проявить заботу.

– Я четвёртый по силе в Евразии. Стоять – для меня не проблема, – выразительно молвил мальчишка.

– Ну, если решишь отдохнуть, можешь сесть на гостевой стул... – отвлекаясь на покалывания в животе, проявила Инесса мягкость.

Джой этому даже удивился...

Восседая на хрустальном троне, в самой высокой точке готического центра столицы, Вэнтэр, впервые за долгое время, использовал ручку и бумагу для собственных нужд. Он расписал ровными буквами почти всё место на листе, и недолго посмотрев на него с тоскливой улыбкой, дважды согнул. Встав с места, Вэнтэр положил листок в карман своих синеватых брюк, и резко обернулся в сторону балкона. Уверенно зашагав к двери на «небесный пирс», он вышел из тёплого зала, и его недлинные волосы поддались порыву прохладного ветра. Вниманию императора предстал далеко не обычный балкон, каким его можно было вспомнить. Немного вы-

ше уровня перил, надёжно закрепили три широкие плазмы, что улавливали сигналы разведки с самого фронта. Усевшись в мягкое кресло, подняв со столика большую чашу всё ещё горячего чая, Вэнтэр присоединился к тем единицам везучих людей, лишь наблюдавших за войной. Каждый из экранов передавал вполне качественную картинку происходившего на поле брани, с трёх направлений. С блеском заинтересованности в синих глазах – юный тиран изрёк:

– Я говорил, что сотру ваши наглые жизни с лица моего мира, и я это сделаю! – отклацали зубы ненавистный «тост».

К сожалению всего населения обоих материков, спокойствие можно было встретить только в цитаделях предводителей своих народов. Песчаный перешеек, окружённый тревожной морской гладью – истерзал ход войны. Людские силы, отчаявшись отстоять свой пустынный кусок, забросили поддержку шипастых стен. Натиск скакавших среди оборонителей кентавров и мелькавшие самурайские мечи – всё продолжали разрезать человеческий состав. Потери, что несли имперские силы, были ничтожны рядом с тем, что на фронте гибли люди, привязанные к чужим сердцам. Уничтожение кентавра или самурая, что также встречалось нередко – никого не заботило. Но убийство сына, брата, любимого человека или лучшего друга – оставляло кровавый шрам, не способный зажить.

– Держать линию огня! Отступать под прикрытие!!! – командовал во весь голос генерал, и пареньки, чьи зубы запро-

сто могли треснуть от напряжения, отходили в тыл более уверенно.

Каждый топтавший песок кентавр, среди напуганных самым зрелищем войны людей, не упускал шанса жезлом разорвать на кровавые ошмётки попавшегося солдата. Очень немногим везло попасть под прикрытие товарища, чья пуля заранее пробивала шею многолапого врага, и тихий взрыв разрывал важные соединения.

Самураи, бегавшие среди врагов, сильно пригнувшись и растопырив мечи по сторонам, действовали тише и быстрее. Всего одним невнимательным взмахом, щуплый нэогар с маленькой головой способен был напололам разрубить человека, и тут же лишит другого руки. С ними оказалось легче бороться, встречаясь лоб в лоб, а там, уже и взрывную пулю можно было засадить. Практически все стоны, все травмы, лишения конечностей или даже обезглавливание – несли самураи. Крики и вопли, свежая кровь и слабый запах ржавчины, что источали ещё тёплые раны павших за родину, тоже становились своеобразным оружием; всё это выводило не познавших истинной бойни солдат из собственного рассудка. Страх, паника, ужас и боль, что разносила Империя, нельзя было затмить никакими командами даже самого опытного, самого уважаемого генерала.

Командование чужими Евразии – нэогарскими войсками, так и оставалось на своих местах, восседая на позолоченных, смиренных кентаврах.

– Людская линия огня уничтожена, они отступают! – отчитался генерал пред заместителем, непреклонно смотревшим вперёд.

– Держались даже дольше, чем я полагал... – призадумался Кан. – Наш план тебе известен. Следующий шаг, я доверяю тебе, – обернулся заместитель к генералу. Даже удивившись такой чести, Генор – сдерживая счастливую улыбку, ответил:

– Я не подвиду! – после чего выехал вперёд. Строгим, не кричащим, но максимально громким голосом, Генор командовал:– Подготовить тыльный залп!

Из сохранявших дальние позиции рядов, по оставленным как раз для них тропам – стали выезжать ракетные установки, во многом превосходившие людские. Их мощные колёса, высотой по нэогарский пояс, с лёгкостью рассекали песок; стоявшие позади двухметрового дула нэогары – видели перед собой удобную систему наведения, держась за что-то похожее на руль. Размер этих установок превышал любого нэогара; управлявший ракетницей на полторы головы возвышался над стоявшими на песке солдатами.

Показав свои смертоносные орудия – имперская ударная группа растянулась ровной линией перед всем авангардом, закрыв ракетницами практически всех собратьев. Только Генор, оставшийся в центре между двумя флангами, был хорошо виден и свободен в движениях. Восхищённо осмотрев растянутые меж берегами пушки – примечательные широ-

кими длинными дулами, генерал скрыл улыбку и, замахнувшись – выкрикнул:

– Прицелить удар!

Не совсем синхронно, но довольно быстро каждый наводчик поднял дуло ракетницы вверх, создав практически ровный угол, но всё же слегка его наклонив.

– Удар!!! – прорычал генерал, со всего размаха опустив руку. Не успела его ладонь пасть ниже сидения на кентавре, как все установки разом пальнули. Вспыхнув яркими вспышками под местом для наводчиков, выкрашенные в бело-чёрные линии ракеты покинули свои «дома». Взрыв в безмятежное небо, крупные снаряды, не походившие ни на одно живое существо, с оглушительным хриплым свистом устремились к целям. Не прекращая пронзительным гулом отвлекать от основного боя солдат, окутанные смертью ракеты очертили серым дымом длинную, бесцветную радугу и, опустив носы ниже хвостов, наконец, перестали свистеть. В этот момент они преодолели наступающих кентавров с самураями, избавив их ряды от возможных потерь.

Разогнавшись будто сильнее, чем прежде, залп наконец достиг рыхлой поверхности. Ударив в тыл отступавших людей, бело-чёрные ракеты расцвели багровыми столбами огня и дыма. Прямо за спинами тёплых солдат, отстреливавших противников – разгорелись трёхметровые вспышки погибели. Ударная волна без малейших проблем отбросила всех, кто посмел подойти слишком близко – обратно на фронт,

прямо в лапы услужливым пешкам. Кому повезло больше: тем, кто сразу обгорел и не понял сути случившегося, тем, кого убило разъярённой ударной волной, или тем, кого тут же перехватил кентавр, с готовым жезлом или самурай, с уже тупым, окровавленным мечом – решить было невозможно. Завидовать остались лишь те, у кого сохранились силы вести бой, и патроны, чтобы стрелять по врагам.

Само с собой погибли и имперские приспешники, которым не хватило сообразительности оставаться подальше от вражеского тыла. Но сотни кентавров, разбросанных в виде кусков, и дымившиеся людские трупы, лежавшие около залпов тысячами, не могли идти в сравнение.

В тех точках, куда попали воздушные жнецы, теперь красовались глубокие, выжженные кратеры, напрочь отрезавшие путь к границе Евразии. Все отправленные на удержание врага в песчаных пределах, просто не могли вернуться к своим; они либо живьём запеклись бы в покрытых расплавленным песком кратерах, либо погибали, стараясь забрать с собой хоть пару ненавистных расходных нэогаров.

Граница союзников, что отдалялась лишь парой сотен метров от тех, кому не суждено было возвратиться домой, в ужасе наблюдала за последней бойней, на той линии фронта. Генерал людских сил, а также все, кто стоял стеной у порога в свой континент – не могли видеть все подробности из-за пыли, дыма и кратеров, что изменили ландшафт. Но крики, выстрелы, мелкие взрывы и предсмертные сто-

ны, прерванные очередным ударом кентавра – смогли передать всю картину творившихся по ту сторону зверств. Генерал, чья воля долженствовала быть стержнем всей армии, держась за плечо одного из солдат, смотрел сквозь мешавший пар на остатки своего отряда. Его лицо испачкал страх, рот приоткрылся, глаза наполнились тоской и слегка покраснели, а лоб сморщился. Неоднозначно выглядели и многие солдаты: на их лицах, как и в их сердцах, гнев сражался со страхом, а ненависть давала бой отчаянью.

Удивительная своим холодным величием стальная орда, в чьи ряды возвратились ракетные установки, толком не отреагировала на победу. Ровные ряды готовых к бою нэогаров – сохранили спокойствие, наблюдая за угасавшим фронтом.

– Отлично сработано! – похвалил протеже Кан, глядя в спину Генору.

– В этом не было, – начиная разворачиваться, прогундосил он, – ничего сложного, – смотря вниз с ровной шеи, потопал нэогар обратно, на своё место. Он всеми силами скрывал эмоции, но под маской безразличного генерала, легко замечалось некое уныние. Встав обратно за Кана, немного опережая Сталиса – Генор продолжил смотреть на фронт.

– Это было твоё первое, массовое убийство? – вытягиваясь к юнцу, тихо спросил Сталис.

– Это было вообще первое, моё убийство... – даже не обернувшись, также вяло ответил нэогар.

– Интересного генерала, подобрал Кан, – усаживаясь как

прежде, проямлил барон.

Печальная тревога – самое точное описание чувств генерала людской армии, запечатлевшихся на его потёртом старостью лице. Его душа болела и разрывалась при виде новых жертв, принесённых имперской бесчеловечностью, и он бы отдал всё, что угодно, включая свою жизнь, чтобы спасти их от страшной расправы. Но его жизни в таком обмене не хватало, а жертвовать чужими – запрещал рассудок.

– Отступаем! – не смея поднять головы, скомандовал он. – Движемся к блокаде у Авангардного города, – прекрасно осознавая всеобщее недовольство, проскальзывал среди рядов командир. – А этим тварям, подготовьте танец со смертью, – выплеснув весь гнев именно в этой фразе, даже остановился генерал. Разжав трясшийся от напряжения кулак, мужичок продолжил спешно уходить от границы с Евразией, пока разбежавшиеся трусцой солдаты направлялись к транспорту, или же сразу к дому.

По другую сторону глав войск – Сталис, неустанно разглядывая беспощадные зверства кентавров с самураями над последними, достойными вечной памяти героями, вяло спросил:

– Что дальше? Первая победа за тобой, но ты всего лишь истребил примерно пятьдесят тысяч человек, заплатив за это половиной собственных пешек, – рассудительно подвёл итог барон. – Может я и проиграл свою войну, но как по мне, ты поступил глупо, – критично ударил бывший король по

самолюбию Кана.

– Эта грудя воинствующего железа не несёт ценности, – тяжело ответил Кан, не желая показывать собеседнику лица. – Я могу позволить хоть всем до последнего быть уничтоженными. Мой долг – спровоцировать бывших рабов всего на один ход, и победа за нами, – монотонно выдавил заместитель императора, не стараясь скрыть недовольство.

– К тому времени, когда твоё мясо для пушек добьёт набитые костями мешки – рвы от ракет успеют остыть, – будто делая одолжение, сообщила Магна.

– Хватит с нас ожиданий, – изрёк Кан, после чего его кентавр зашагал вперёд. – Все за мной, – громко скомандовал полководец сильным, раскатистым голосом.

Всё войско, что ещё не приступило к сражениям, тотчас последовало за ним. Генор, не смев ослушаться, также поехал вслед за начальником. Только Магна демонстративно закатила глаза и, покачивая головой, отправилась в неспешный путь, так и стараясь всегда опережать Сталиса.

– Корпус кентавров, корпус самураев – встать в строй! – приказал глава всех собранных сил.

Моментально забыв о стремлении разорвать ударом жезла или погромсать едва целыми мечами, каждый расходный нэогар встал около своих братьев, выстроив ровные ряды прямо на испачканном кровью, трупами или же их частями фронте. Никому из вояк не было дела, на чём стояла его нога, даже если там была голова такого же, как он.

Как и до начала военного театра, справа от Кана выстроились кентавры, слева самураи. Даже на вид, самураев осталось больше, но далеко не столько же, сколько их было вначале. Теперь, растянувшись по одному в ровную линию, они не смогли бы сомкнуть берега.

Осмотрев самую преданную часть вооружённых сил, главнокомандующий вытянул правую руку в сторону близкой как никогда Евразии и, «тыкнув» в неё указательным пальцем, величественно распорядился:

– Корпус самураев, отправиться вслед за противником! – лишь объявил он, как все способные двигаться меченосцы развернулись и в полуприседе – побежали за людьми сквозь отвердевшие углубления в песке. – Корпус кентавров, держаться тыла самураев! – таким же тоном продолжил раздавать приказы Кан.

Кентавры беспрекословно подчинились. Они развернулись лицом к разбежавшимся по разным путям меченосцам, и расторопными прыжками, отправились за ними.

– Остальным держаться за мной, и передвигаться с моей скоростью, – изрёк заместитель императора, повернув голову влево. Он не развернулся сам, не повернул кентавра лицом к войску, а просто показал нэогарам щёку, даже не стараясь на них посмотреть.

Заместительский кентавр, на совсем уж размеренной скорости, пошёл вперёд, и в след за ним – передвигаться начала вся армия. Два берега нэогаров, разделённых на ряды в за-

висимости от выделенных ролей, и генерал с баронами, что совсем разочаровались в Кане, молча следовали за предводителем. Его взгляд, взгляд самого доверенного помощника Вэнтэра, стал хладным и целеустремлённым. Он выказывал лишь тень недовольства, скрытой за рвением к быстрой победе. Кан видел только мишень, что необходимо было поразить.

Когда основные вооружённые силы, во главе которых двигался заместитель, подошли вплотную к кратерам, которые уже преодолели и самураи и кентавры – самый первый отправленный за людьми корпус вдруг начал взлетать на воздух, подброшенный слабыми красными вспышками. Всё чаще и чаще самураи взрывались без видимых причин, просто продвигаясь вглубь Евразийских пустот. Такое неожиданное происшествие заставило армию Кана остановиться, хотя делать этого ни кто не велел. Даже сам Кан, буквально у края кратера – замер, чтобы взглянуть в суть проблемы. Подошедший к нему Генор, учтиво подметил:

– По ту сторону их земель минное поле. Не лучше ли отозвать самураев, пока не поздно?

– И как тогда избавиться от мин? – прищурился Кан, задумавшись. – Мы продолжаем движение! – приказал заместитель. – Разобраться с такой мелочью, не проблема... – покрепче держась за выемку вместо шеи кентавра, пробормотал начальник, спускаясь вниз по крутой скользкой яме.

Самураи, и даже первые ряды расторопных кентавров –

мирно взлетали на воздух, преследуя отступивших на целую милю людских оборонителей. Они пытались сбивать линии маршрута, но это не помогало, и многие взрывались на ровном месте, чем дальше – тем чаще. Хотя, если самураи сразу оставались без всего, что ниже пояса, то кентавры ещё кое-как, без лап, да пытались следовать приказу.

Штаб капитанов «Реокрацу» – неустанно наблюдал за ходом войны. Кир, так и продолжал смотреть в широкие окна на обширный людской отряд, возвращавшийся к границам Авангардного города.

– Эвакуация мирного населения окончена! – доложил пятый капитан своим коллегам. – Авангардный город освобождён от возможных потерь среди гражданских...

– Уцелевшие с пустынного фронта скоро доберутся до своих постов? – спросила шестая, поправляя обтягивающую жилетку.

– Да. Наше минное поле не преодолено и на половину, – не особо бодро ответил Кир, – а ответственные за его активацию – продолжают прикрывать спины отступающих. Имперским пешкам не удастся нагнать взвод генерала... – выдохнул сильнейший капитан, закрыв глаза.

Лишь только преодолев созданные собственной атакой рвы – Кан, и малая часть тех, кто поспел за его кентавром, снова остановились, боясь попасться на всё ещё активные мины. Внимательно осмотрев все области, доступные глазам, заместитель, глядя вдаль, приказал:

– Три первых ряда нэогарского корпуса, провести противоминную операцию! Только ваши старания, спасут ваши жизни... – сбавив приказной тон, добавил нэогар.

Приготовив автоматы, более ценные солдаты стали собираться в длинный плотный ряд. Если раньше на их лицах так и блестело спокойствие, теперь его сменило напряжение; война угрожала жизни в любом случае, но из-за подобных приказов, надеяться приходилось не столько на себя, сколько на удачу...

Продолжая с трудом выбираться из покрытых тенью ям на яркий, даже горячий солнечный свет – нэогары пополняли ряды подрывников, становясь за спины тех, кто уже занял свою позицию и держал оружие наготове. Такое строение позволяло быстро заменить того, кому не повезло на минном поле, а так же, в случае опустошения патронного запаса, давало возможность без остановок перезарядить автомат. Как только сформировались три нэогарских ряда, преданные долгу солдаты открыли по песку огонь и уверенно пошли вперёд. Практически сразу раздалась пара взрывов, уцелевших после самураев мин. Ни один нэогар из-за них не пострадал, и пока кроме звуков тысяч выстрелов ни слышалось ничего. Кан продолжил размеренный путь; становившаяся в прежний строй армия вместе с ним, хотя скорее – за ним.

– Как же они любят тянуть время... – выдавил заместитель, покачивая головой. – Даже минное поле предусмотре-

ли, лишь бы нас задержать.

– Тебе стоит этому радоваться, – ухмыльнулась Магна, – ведь Вайдэр, не иначе, опоздать решил. Спешка сейчас ни к чему, – косо улыбаясь, качнула баронесса головой.

– Откуда тебе знать? – повернув к королеве голову, спросил Кан. – Он получил миссию лично от императора, на нём огромная ответственность!

Магна, громко рассмеявшись, чуть не слетела с кентавра, хотя, вовремя зацепившись за его руку и продолжая похихикивать, широко улыбаясь, ответила:

– Ты и правда думаешь, что ему не пофиг? Тебе стоит надеяться, что он вообще ещё собирается помогать, твоему императору...

Линия обезвреживания скрытых среди песка мин, тем временем, продолжила продвижение, сменив ведущий ряд. Их прогресс удостоился похвалы, хотя всё же нашёлся нэогар, неосмотрительно ступивший туда, где не видны были следы от пуль. Он оказался первым, кто погиб в противостоянии, из числа разумной холодной рати. Взяв этот случай на вооружение, место погибшего занял другой, и дело продолжилось более осмотрительно.

Когда к вставшему на самой границе Авангардного города людскому посту, наконец, прибыли все отступившие, первым среди которых оказался генерал, солдат разделили на сильно раненных – их отправили на медосмотр, и тех, кому помощь не была обязательна – их отправили в тыл погра-

ничных сил. По большей части молодые, пусть и прошедшие подготовку, но ещё не видавшие войну пареньки – увидев, что случилось с их дальними союзниками, не могли отойти от испуга. Пусть не многих, но таких же защитников родины покалечили, разломали их кости, отсекали руки или растерзали взрывом ноги. Даже на протяжные, глубокие стоны, у пострадавших не осталось сил. Такое зрелище не могло оставить равнодушным, особенно, когда уже видны были прошедшие сквозь смертельное поле самураи. Они бежали вне строя и в принципе пока ещё были далеки, но бешеные стук тёплых сердец сводили оборонителей с ума.

Авангардный город был довольно велик по размерам; если не миллион, то девять сотен тысяч человек проживать в нём могли без тесных неудобств. Но, как и остальные два города, что окружали столицу – границы Авангардного напоминали полукруг. Если бы людские силы стояли только по окраинам своего дома, имперские захватчики с легкостью взяли бы их в кольцо, так что оборонителям пришлось снова растянуться между правым и левым берегом, дабы не пропустить внутрь ни одного вражеского ополченца. Но теперь, когда угроза подошла к самому порогу, на помощь людям пришла техника. Помимо вооружённых взрывными пулями солдат, свободные места заняла целая сотня танков, управляемых сразу двумя наводчиками. Прямо из уже прочной, заранее подготовленной к бою земли, виднелись многозарядные пулемёты, с максимально большим калибром и пятиде-

сятиметровыми пулевыми лентами. Наряду с этими орудиями дальнего боя стояли, солдаты, сжимавшие базуки на своих плечах. Ни времени, ни свободных рук, чтобы уставить тяжёлым оружием весь фронт, у Евразии, увы, не было; пробелы между основными способами защиты, закрывали простые солдаты, готовые пролить дождь из взрывных пуль. Глубокие вздохи их встревоженных лиц даже меняли направление капель пота; за гранью пустыни стояла не сильная жара, так что влажные лица, служили признаком волнения, или же страха.

– Они прошли достаточно! – вскрикнул генерал, поднявшись на предпоследний этаж военного штаба. – Отбросим тварей от своих ворот!!! – завопил он, что было мочи, и в этот раз, выставленные в первую линию люди, вскормленные новостями о гибели своих друзей, и знавшие всю опасность вражеского прорыва, оглушили самураев своим рыком. Сорвавшись с границы рассудка, человеческий авангард ударил вначале гневным криком смелости, и открыл полномасштабный огонь.

Затрещали сотни выстрелов из сверкавших искрами пулемётов; раздались низкие залпы ровных танковых дул, что немного отъехали назад; с громким хлопком вылетели из широких вместилищ тяжёлые и толстые ядра, что падая между врагами – разрывались сотнями мелких осколков, за просто рвавших на куски даже сталь, и посрывались со своих мест автоматчики, веровавшие в своё прикрытие и прицель-

но отбивавшие каждого, до кого доставала пуля.

Первая волна самураев просто отлетела назад; ряд меченосцев буквально сбило с ног людским рвением к победе, или же мести. Самураи спинами сумели повалить тех, кто оставался позади них, будь то хоть кентавр, хоть такой же самурай. Пока нашествие набирало новый разгон, одиночные стрелки отбежали от своих границ и всюду стреляли способными взрываться пулями, целясь в основном в головы. Хотя повреждение ноги, или разбитый жезл, тоже вполне удовлетворяли. Единичным залпом дело не обошлось, и только перезарядив орудия, авангард нанёс повторный удар. Снова раздались залпы сотни танков, пробивавшие насквозь целые группы имперских пешек. Снова разорвались в мелкие дребезги массивные ядра, начинившие осколками всех окружавших вояк.

Такой серьёзный настрой, подпитанный гневом – пошатнул бы веру в себя даже самого Кана, но только не полумудрых шестёрок. Пока кентавры с самураями были способны двигаться, они следовали приказу, они стреляли залпами плотной энергии, они ломали собственные мечи или же сразу руки, только ради убийств...

Звуки, что нельзя было спутать ни с чем, кроме войны – наполнили Авангардный город, и слабыми нотками добрались даже до опустевшей, безлюдной столицы. На улицах, в окнах домов, среди множеств деревьев и зарытых магазинов, не затаилось ни одной души. Только ветер порой сме-

тал лежавшие в кучках жёлтые листья, или потерянные рекламные буклеты, обычно собранные в мусорки. Небо не затянулось тучами, хотя солнце спряталось за множеством белых, безобидных облаков. Такие ватные комочки разбросались по небу довольно густо, но между ними всё равно мелькал голубой фон, да и тучами их, назвать было нельзя.

Второй отряд «Реокрацу» на славу постарался, распределяя людей по укрытиям. Все женщины и ещё совсем маленькие дети укрылись в обширной сети подземных каналов, пригодных для безопасной жизни целый сезон. Карты с их подробными путями, а также множество скрытых входов, держались в секрете даже от самих граждан; зато теперь, во времена беспокойные, весь народ, бесполезный на войне, укрылся от вражеских лап.

Как персона особой важности, и в особом положении, королеву Евразии – сокрыли в отдельном месте. Знания о входе, и маршрут лабиринтных путей, ведущих к жилым отделениям, дозволялись очень узкому кругу людей. Но Инесса, что уже давно отлёживалась в родильной палате, к ним не относилась, и даже при желании, не смогла бы покинуть убежище. Совсем заскучав от унылых перелистываний журналов, девушка снова кинула взгляд на Джоя и, отложив глянцевою безделушку, наиграла любопытство:

– Ты же стал аж четвёртым по силе во всей Евразии. Не расскажешь, как сумел?

Заметно удивившись такому вопросу, капитан, замешкав-

шись, ответил:

– Я... всегда хотел знать правду, и не быть отстающим ни в чём. Это и побудило ко вступлению в «Реокрацу», ведь мирным жителям не рассказывают и доли истины...

– Обычно, в «Реокрацу» вступают ради привилегий, – отведя взгляд, подметила Инесса. – Твоя причина довольно интересна, – не зная, что ещё могла сказать, заключила королева. Джой – в ответ неумело улыбнулся.

– Ну, а родители твои не против, что их сын так рано подался в армейский состав? – придумав новую тему, расправила Инесса брови.

– Мои родители... – поникнув, ответил Джой, – были убиты, – выпалил он, посмотрев на королеву новыми, необычайно суровыми глазами. – И виной тому, был император...

– Оу, прости, не следовало спрашивать... – впервые проявив искренность, заёрзала девушка на месте.

– Ничего, – отрезал Джой, – со временем, каждый за всё ответит, – натянув холодную улыбку, пообещал мальчишка, будто сам себе.

Из пелены мечтаний его вырвал протяжный сдавленный стон. Стон королевы, что с трудом даже кричала, а выгнутыми пальцами пыталась держаться за живот...

18 эпизод. Противостояние (часть 2)

По-прежнему возглавляя своё войско, из раза в раз осиливавшее песчаные кратеры – Кан с интересом вглядывался в ситуацию на фронте. Его взору так и представляли поте-

ри среди расходного железа. Несколько выскочивших прямо противникам в руки людских стрелков тоже погибли, принося своими мини взрывами замыкания, и отключения стальных голов.

– У них там что, танки что ли? – всматриваясь в пока ещё далёкий фронт, недовольно выпалила Магна. – Разве твои будущие трупы не умрут раньше времени, если продолжат скакать среди залпов? – колко спросила она Кана, снова играя на его нервах.

– Мы этого не допустим, – строго ответил Кан, не смев повысить голос. – У нас тоже припасено не мало артиллерии... – спадая на низкие тона, заключил заместитель.

В этот раз ему не пришлось разбрасываться громкими командами; нужные посты всё равно бы – не услышали... все распоряжения по рации передал генерал, и имперские силы тоже подготовили свой, дальнобойный удар.

Во всех уголках обоих «берегов» их построения, с самого отправления из дома стояли внушительные грузовики, раскрашенные чёрно-жёлтыми цветами. В отличие от вместительных машин с открытым кузовом, в которых передвигались особые взводы нэогаров, грузовики со всех сторон были закрыты; даже их стёкла не отражали солнечные блики. Только сейчас непонятные машины явили своё предназначение. Понемногу поднимаясь с колёс, часть для хранения груза отделилась от кабины, и тогда, в сторону Евразии, направились двадцать квадратных камер, внутри которых вид-

нелись остроносые ракеты, размером больше среднего. Каждый такой грузовик, а всего их насчитывалось около двухсот среди вооружённых сил – превратился в готовую к залпу ракетницу.

Капитанский штаб, подготовленный в качестве командного центра, неустанно наблюдал за ходом войны. И лица глав «Реокрацу» даже слегка ошастливились, успехом своих войск. Как вдруг пятый по силе, окоченев у своего монитора, повернулся к Киру с замершим в шоке лицом и, медленно качая головой, плавно выдавил:

– Наши перехватчики не сумеют это обезвредить... – после чего сильнейший капитан, с недоумением посмотрел в окно. И его взгляду предстала картина, что надолго опустила нижнюю челюсть. Со всех концов и краёв орды Кана, даже с тех, что ещё не пересекли кратеры – в Евразию яркими искорками летели тысячи воздушных залпов. Они были словно соблюдавшие строй светлячки, только горели оранжевым, и позади себя оставляли клубни дыма.

Стараясь не отвлекаться от фронта, солдаты хоть краем глаз следили за этим, на диву тихим ударом.

Не прошло и минуты, как редкий дождь имперской взрывчатки обрушился на головы людских оборонителей. Лишь несколько десятков ракетных единиц удалось остановить перехватчикам, взорвав их ещё в воздухе. Все тонкие длинные стрелы, что запустили грузовики, повтыкались кому куда повезло; кто зацепился за затоптанную землю, кто лишь при-

землившись – убил солдата, кто пронзил броню танка; нашлись даже те, кто перечеркнул границу с городом и, залетев на тихие, опустевшие улицы прифронтальной области, поставили под удар людские постройки. Синхронно «иглы» взорвались, довольно слабо. Хотя разрушительного эффекта это не отменило; прогремевшие чередой взрывы нанесли новый, безвозвратный ущерб. Погибли люди, от передовых до тех, кто оставался в тылу. На куски разлетелась техника, как танки, так и ракетницы, вместе с миномётами. Лишились целых стен, лестничных пролётов, а то и этажей дома, по всему Авангардному городу. Буквально чудом уцелел штаб капитанов; красные «песочные часы» остались нетронутыми ни одной ракетой.

Будто ощутив всю боль, всё разочарование, весь страх перед летящей смертью – сильнейший капитан, искажив лицо гневной вспышкой, обоими кулаками стукнул по стеклу верхнего этажа штаба, и голосом, пропитанным безысходностью, выкинул:

– Чёрт вас всех дери!!!

Генерал людских сил, перенеся эту потерю куда тише, не придумал ничего лучше, чем закрыть широкие ставни и тяжело выдыхая, отправиться к выходу. Ни перед кем мужичок с густыми чёрными усами не отчитался, куда намеревался путь держать.

А ведь как было бы удобно, если бы небеса докладывали обо всём, что видели. Тот, на чью сторону они бы встали,

получил неисчерпаемые запасы сведений... взять к примеру мировой водоём. Океанские просторы – единые для всех берегов, но не покрывавшие размеренными волнами земли заселённых людьми городов. Обустроенный центр Евразии был довольно далёк от границы суши с водной гладью, хотя постройки восточного и западного городов, уходивших от столицы в тыльную сторону – подходили к морским границам куда ближе, чем какие-либо ещё. Люди беспечно к этому отнеслись... «Авангардный город опасен, он слишком близок к Империи, а всё, что за нашей столицей, нэограмм не достать» – убедили они сами себя.

Несмотря на прохладное время года, ведь осень уже вступила в свой разгар – воды мирового океана были спокойны и ровны. Лишь иногда они поднимались невысокими волнами, забирая с собой те мелкие камешки, что не сдавались течению раньше. Но без единой видимой причины, просто по истечению времени – вода, начала пениться. Конечно не везде, только в некоторых местах, на протяжённом друг от друга расстоянии, мирная гладь запузырилась, быстро набирая размах и захватывая белой пенкой всё большую площадь. Не прекращая нарастать, количество и область пузырьков внезапно взорвались высокими водяными столбами, разлившими тысячи брызг по всему берегу. Длинные, шипящие и бурлящие вулканы, выросшие на ровных местах около Евразийских берегов, поспешили спастись обратно в синие воды. Шоу, что они учудили – закончилось достойно. На поверхности,

остались двенадцать смотревших острыми носами на берег кораблей. Величественные, высокие, выкрашенные в приятные глазу голубые оттенки, с растянутыми между тонкими канатами серыми парусами, носившими лазурный полумесяц, что лежал на волнах. Показавшись поясом из дюжины державшихся на одной линии парусников, им пришлось дожидаться, пока бушевавшие под ними волны, поднявшие суда наружу, вновь успокоятся.

Покачиваясь из стороны в сторону, корабли не сходили с намеченных мест. Это объяснялось переживанием капитанов за возможное крушение, если плыть по слишком бушующей воде. Но капитан самого первого из всего ряда кораблей, чьё судно возглавляло их движение по пути к этому месту – просто поднял вверх руки, и с невероятным напряжением сжал пальцы в кулаки. Между каждой его фалангой будто крепились не желавшие сгибаться прутья, но они всё равно поддались, и чем ближе кулаки были к сжатию, тем быстрее успокаивались волны, бившие о покрытие кораблей.

Главным на главном судне, само с собой был Вайдэр. Позади него – нэогарские матросы, разбросанные по сухой палубе, хоть и пытались, но не могли скрыть шок, наблюдая за возможностями главы их миссии. Вначале ему удалось погрузить дюжину кораблей под воду и, обеспечивая от бортов до макушки парусов воздушное пространство – провести флот аж до самого края Евразийских земель; затем, только его силами, все суда были подняты с ближайшего к берегу

расстояния; теперь же, всего сжав руки в кулаки, он заставил морскую гладь лечь ровной толщей, и не мешать его флоту продвигаться.

– В честь чего стоим? – развернувшись к морякам, спросил барон. – Разбежались по местам и взяли маршрут к берегу. Как только состыкуем фланг с землёй, начнём диверсию! – шагая к своей каюте, громко хлопая ладонями и при этом себя перекрикивая, распорядился бывший король.

Команда каждого из дюжины судов, получившая приказ Вайдэра, приступила к выполнению незамедлительно. Разворачивая носы флота влево, нэогары взяли курс к берегу, и понемногу приближая правый фланг к земле, стремились открыть второй фронт.

Капитан первого, и адмирал сразу всех судов, не придавая суете на палубе корабля внимания, вошёл в свою каюту и у порога хмыкнув, завалился на роскошное, мягкое, оббитое синим мехом ложе, стоявшее справа от входа. В лазуритовых глазах барона, неизбежно всплыли воспоминания того самого дня, когда он, отказав Магне, не явился в тронный зал по приказу императора. Тогда он тоже валялся на менее роскошной перине, но его покой потревожил Вэнтэр, войдя в выделенные барону хоромы.

– И не думай ездить по моим ушам, я не ради этого пропустил твой совет, – сразу вставил Вайдэр, пока Вэнтэр не успел и дверь закрыть.

– Хоть и бескультурно, но совсем не злобно, – со слабой

улыбкой, ответил император. – Тебе ведь всё равно скучно, а я пришёл по серьёзному делу... – шагая к барону, начал мальчишка.

Вайдэр, перевернувшись на правый бок и подложив под щёку кулак, ехидно сморозил:

– Я вот прям шмат внимания.

Вэнтэр сел на стул, напротив собеседника. Подвинувшись поближе, мальчишка начал:

– Магна и Сталис, без затруднений могут сражаться в пустыне, их способности не зависят от окружающей среды. Но пускать тебя на основной фронт вместе с ними, не особо разумно. Твои способности полезнее вблизи водоёмов...

– Хочешь сказать, что я слабее этих царьков? – возмущённо взъелся Вайдэр.

– Нет, просто тебе нужна определённая среда. И я хочу, чтобы в этой войне – ты взял на себя миссию как раз в нужном пространстве, – улыбнувшись ещё шире, изъяснил владыка.

– Хватит пафоса, скажи прямо, чего от меня хочешь?

– Ты поведёшь за собой дюжину кораблей, но не по воде, а под водой. Незаметно для Евразийской разведки опустишь каждое судно не глубоко под морскую толщу и, обогнув их материк с тыла – устроишь диверсию.

– Ты с какого этажа навернулся? – с явным удивлением, отрезал барон. – Ты хоть представляешь, какого одновременно держать под водой дюжину боевых кораблей, а потом

ещё и поднять их со дна? – возмущённо заладил Вайдэр, даже привстав с перин. – Это граничит с фантастикой!

– Значит, легендарный последний король Валлона – победивший прежнего короля спустя лишь семь лет после своего создания, сдаётся перед сражением с реальностью? Возможно, я переоценил народ «лазурных механизмов», – вставая с места, обречённо выдохнул покоритель. Его слова кричали провокацией, но игра была более чем убедительна.

– Чем тебе не угодили субмарины? Смысл тот же – мороки нет.

– Вооружение, и вместительность доступных к использованию подлодок, сильно проигрывают боевым кораблям. Притащив в Евразию даже все имеющиеся субмарины – диверсия, превратится в фарс.

– Чёрт с тобой, Вэнтэр, – снова натянув улыбку, прежним голосом молвил барон, – я попробую себя в роли диверсанта. Но если по твоей дурости снова погибну, только попробуй не поставить мне памятник, и не построить в мою честь целый город! – указывая на повелителя пальцем, заладил Вайдэр серьёзным голосом, но с кривой улыбкой и азартными глазами.

– По рукам! – смекнул мальчишка согласиться, протянув бывшему королю руку. Вайдэр – охотно её пожал, глядя в детские глаза своими, ехидными очами.

Потребовалось не больше десяти минут, чтобы линия кораблей, сохраняя разрыв в двести метров между каждым суд-

ном, окольцевала берег как можно ближе, упиревшись флангами в усеянную строй- Мусором отмель.

Дважды стукнув в дверь каюты Вайдэра – её открыл нэо-гар, дабы доложить:

– Адмирал, якоря скинуты. Мы причалили к Евразийскому берегу.

– Отлично. Выкатывайте орудия, и готовьтесь к спуску... – сверкнув мрачной улыбкой, приказал он.

Зрение обычного человека, с большим трудом смогло бы наблюдать сразу за тремя направлениями, ясно понимая каждое из них. Но это не касалось хозяина Кулака, которому не составило проблем отвлечься и на третий монитор, что показал всплытие его флота.

– Хм, всё-таки опоздал, – скосив улыбку, буркнул покоритель. – Хотя, учитывая сложность миссии, что я ему поручил, требовать пунктуальности – безрассудно... – опустив голову, покачал ею мальчишка. Вдруг кинув к захваченному берегу тяжёлый взор из-под самых бровей, Вэнтэр добавил: – Давай же, разбуди в этих глупцах панику!

Основной фронт, разгоравшийся у порога в Авангардный город – притих после имперского залпа. Люди с радостью бы взяли передышку, чтобы хотя бы отойти от шока, полученного при, в большинстве случаев, тщетных попытках избежать взрыва прямо под своим носом. Между рядами оборонителей то и дело горели пожары, пожиравшие или топливо, что осталось в попавшемся танке, или ящик с припаса-

ми, что не сумели уберечь, или людской труп, чья одежда и кожа оказались не жаростойкими. Во взрывах пострадали и несколько медицинских палаток, установленных в тылу основных сил. Парочку разнесло осколками и засыпало землёй, вместе со всеми кто прибывал внутри; других зацепил пожар, но его успели потушить, не позволив навредить пострадавшим ещё сильнее; и только одна палатка стала очагом взрыва; тонкая боеголовка приземлилась прямо в неё. Результатом остался лишь широкий кратер, и ни единого напоминания о тех, чьи жизни забрал нэогарский залп.

Эта мнимая тишина, что почему-то окутала фронт, являлась лишь отсутствием массовых выстрелов и прежних атак. В настоящем деле – бои продолжались, и самураи с кентаврами, которых в общей сумме осталось меньше трёх сотен, всё пытались урвать чужую жизнь. Стрелки отвечали им выстрелами; занявшие скрытые позиции, и бегавшие у всех на виду посреди сражений, но уже без былой победой искры. Ими двигала цель хотя бы выжить; желание отстоять дом любой ценой – растоптала артиллерия противника.

Тот слабый лучик передышки, что казался солдатам близким, ведь вскоре будут перебиты все имперские пешки – с новым толчком втоптали в грязь закончившие продвижение по минному полю нэогары. Малочисленный, но смыкавший оба берега строй вооружённых автоматами егерей, состоявший из трёх ровных рядов – подошёл вплотную к границе с Евразийской обороной.

Увидев подкрепление на опасной близости, надежда отдохнуть – покинула людские головы. В те мгновения, когда рассудок не был занят попытками убить того, кто пытался убить тебя, сердца готовых сдать людей, захлестнули воспоминания, и у каждого они были свои. Нашлись те, кто вспомнил, как в детстве бегал с друзьями, а потом получал от мамы, за очередные порванные брючки, или снова разбитые коленки. Кому-то, дороже оказались моменты, проведённые с любимой девушкой, когда в мирное время, на тихой террасе – они беззаботно болтали и смеялись над тем, что без своей половинки смешным не покажется. Кто-то задумался о братьях и сёстрах, о лучших друзьях, о памятных событиях, и о том, какова была его жизнь. И эту жизнь, пусть не идеальную, но местами такую прекрасную, пытались оборвать? Пытались лишить всех радостей, стереть улыбки с лиц дорогих людей, а возможно и убить их, пробравшись вглубь городов. Пронести смерть, вперемешку с чужим триумфом на родные, знакомые с самого детства улицы. Кому захочется такое терпеть? Кто спокойно позволит сделать это? Уж точно не хозяева тёплых сердец, отказавшихся от желания сдать. Лишь минутка дорогих воспоминаний так растрепала желание снова ощутить удовольствие быть счастливым, что людской фронт воспрял духом. Со всех уголков разрозненных взрывами строений, снова слышались знакомые уху крики:

– За свободу!!! Прочь с порога!!! Долой холодных тва-

рей!!! – и громыхнула уверенность людей в своих желаниях. И снова ударом оглушили фронт танки, один из которых лежал на верхнем люке, но продолжал поддерживать общие цели. И защёлкали выстрелы наводчиков, взрывавшие пулями платы внутри врага. И свистнули почти синхронные залпы базук, заставившие людей отъехать назад, а некоторых даже упасть. Многие из тех, кого до этого держали в мед палатах, тоже присоединились к противостоянию, понимая трудности на всём пороге Авангарда.

Но даже такой прилив людского рвения не смутил нэогаров и они, не сбивая строгий строй – перевели огонь с земли, под которой возможно хранились мины, на людей, чей смелый ход разбавил их узкие ряды. Потери оборонителей возросли, ведь теперь за них взялись вооружённые более качественно противники. Хотя, ряды врагов тоже стремительно редели. В отличие от людей, нэогары не останавливались, не старались никому помочь; они шли напролом, и если товарищ погибал – он не был достоин воевать за императора.

Песочные часы, внутри которых разместилось всё управление военными областями, продолжали трудиться над сбором сведений. Только Кир из всех капитанов, предпочёл наблюдать за фронтом вживую, а не схемой на мониторе, как все остальные. И даже на лице сильнейшего, не отрывавшего от места сражения глаз – можно было прочесть ситуацию на стыке двух армий: всё настолько же удручало, насколько радовало. Но вот лицо Лиры, чьи глаза под нахмуренны-

ми бровями смотрели в монитор, выказали довольно неоднозначный настрой; вместе с гримасой смятения, читалось и удивление, и волнение, и насмешка.

– Что за глупости они прислали? – озадаченно сболтнула девушка, чем привлекла всеобщее внимание. Увидев три ждавших взгляда, она, замешкавшись, пояснила:– Мне доложили, что к северному берегу Евразийских пустошей причалила дюжина кораблей, под знамёнами полумесяца.

– Что? Этого... этого быть не может! – возмутилась шестая, уткнувшись и в свой монитор. – Нам бы доложили об этом за несколько часов до их прибытия к берегам, – проверяя всю поступавшую за последний день информацию, затараторила девица.

– Попроси разведчиков, приславших это, установить видеосвязь, – спокойный, хотя в глубине души неизбежно взволнованный, додумался Кир, подходя к сидению своей дражайшей коллеги.

– Хорошо, вывожу на общий экран, – не отрывая ни взгляд, ни пальцы от рабочих поверхностей, объявила Лира.

На широком экране, свисавшем над кофейным столиком недалеко от входа, включилась трансляция с высотного здания западного города. Оттуда, группа разведчиков следила за тылом собственного дома. На съёмке, слегка подтормаживавшей, видны были двенадцать кораблей, упёртых флангом к побережью Евразии.

– О, чёрт побери, как они сумели там оказаться? – с недо-

верием спросил пятый, пока остальным не хватало сил даже закрыть разинутые рты.

– Это совершенно не важно... а вот что с этим делать, обсудить стоит, – размеренно, не сводя с экрана глаз, подметила шестая, чьи эмоции балансировали между паникой, и шоком.

Наспех получивший своё высокое звание адмирала Вайдэр, как раз подошёл к борту корабля, что стоял во главе остальных и, посмотрев на тянувшийся одиннадцатую судами хвост, вполне спокойно сказал нэогару, стоявшему около входа на мостик:

– Для начала возьмём угол в 30, а там посмотрим, – дружелюбно рассудил он. – Прицелиться и ударить! – более громко, отдал капитан приказ.

Экипаж его корабля, услышав распоряжение в живую, начал готовить бортовые пушки.

Они оснащались не особо длинным, зато вполне широким дулом, и маленькой чёрной кнопкой с заднего края облицовки. Подобрал нужный угол выстрела, наводчики всех кораблей с широкого размаха зажали эту кнопку и, выплюнув немного белого дыма, пушка выстрелила. На внушительной скорости из каждого дула вылетели стальные пирамиды, настолько синего, что почти чёрного цвета. Их размеры были относительно велики; держа такую пирамиду обеими руками, человек не смог бы соприкоснуться пальцами.

Пролетев примерно половину пути, между кораблём и

окраинами городов, пирамидки, чьи углы были тупы, попадали наземь, так и не добравшись до цели. Очень немногие из всех запущенных сумели воткнуться в чистую землю; основная масса или упала на бок и покатилась дальше, или влетела в строй- Мусор, и там зацепилась за край чего-нибудь. Даже прекратив свой тяжёлый путь, пирамиды ничего не сделали; они лишь остановились, и продолжили мирно лежать.

– Упс, не попали, – пожав плечами, простодушно молвил Вайдэр. – Теперь, пусть будет угол в 45.

Между домами двух городов, по которым пока только пытался попасть Вайдэр, аккуратно, выглядывая из-за углов построек, показались людские солдаты, одетые в отличную от фронтальной форму. Цвета подобрали под стать окружавшему пейзажу, всё в коричнево- Серых тонах, и распределялось не пятнами, а ровными линиями, будто ломанный детский рисунок. Из-за множеств зданий, создававших грань между домом для людей и ещё не освоенной пустошью, команде флота не видны были вылезшие на оценку ситуации люди, зато людям, отлично виднелась дюжина готовых к новой атаке кораблей.

«Песочные часы», разрывая внимание между двумя фронтами, как раз обсуждали дальнейший сценарий.

– Сколько нужно времени для построения формации? – спросил Кир, присоединившись к разбору данных, уже сидя на своём месте.

– Все резервные войска будут переброшены на северный берег за ближайшие пять минут, но там не наберётся и пятисот человек... – забыв о подачи своих прелестей, отрапортовала шестая в «Реокрацу».

– А сколько на кораблях может уместиться нэогаров? – озадачился пятый, посмотрев на Лиру.

– Судя по оценкам разведки, не больше семидесяти единиц на судно, – усердно работая пальцами на клавиатуре, протяжно сказала девица.

– Мы уступаем им в численности, их должно быть не меньше восьмисот... – покачав головой, напряженно подметил Кир.

– К тому же, вооружение резервных войск, оставляет желать лучшего. В их батальоне всего сотня базук, и на каждого по одной винтовке, – пояснил расклад пятый. – Если вспомнить ещё и о флоте, не трудно понять, наши восточный и западный города – будут быстро взяты... – обречённо выдавил паренёк, не решаясь посмотреть ни в чьи глаза.

– Вот чёрт! – треснув кулаками стол, вскочил с места Кир. Ото всех отвернувшись, он устало потёр ладонями лицо. – Неужели... выбора нет, – окинув видимый фронт прищуренными глазами, призадумался сильнейший капитан.

Северный берег в это время, снова словил порцию мини-Пирамид, выпущенных по приказу Вайдэра. И в этот раз они пролетели немного дальше, но опять не достигли людских построек. Снова некоторые вонзились в чистую земли-

цу, другие остановились среди обломков, или затерялись под грудой развалин, но, ни одна пирамида даже не ударилась о пограничные дома, и ничего кроме падения, не учудила. Они все просто лежали там, куда их занесло.

– Ай-ай-ай, опять мимо, – играя недовольство, звонко щёлкнул пальцами адмирал. – Ну- С, готовим новый залп; возьмём угол в 60 , – добрым голосом решил барон.

Собравшиеся в безопасной зоне тёплые солдаты отказались продолжать ждать и тоже приготовили залп. Половина всех оборонителей, которым доверили использование гранатомётов, выбежали из растянутых полукругом домов. Присев на колени – бойцы навели орудия. Далеко не синхронно, но вполне быстро, пятьдесят наводчиков ударили по кораблям длинными чёрными снарядами. Преодолев пустую черту в среднем за минуту – буквально каждый залп достиг выбранной цели. Вся череда кораблей Империи расцвела четвёркой красочных взрывов, хотя чёрного дыма оказалось больше, чем багровых вспышек на облицовке парусников.

Вайдэр, с недоумением разглядывая потухавшие очаги, монотонно молвил:

– И что они делают? Они и правда хотят таким способом разбить мой флот? – переведя взгляд на выстреливших людей, ухмыльнулся неогар. – Спуститься наземь! – что есть мочи скомандовал вдруг он. – Приготовиться к пешему бою! Последний залп, огонь! – проявив серьёзность – приказал

адмирал громко и холодно.

Команда его флота разделилась на две группы: основная масса, спустив высокие борта – скинула с палубы до приморской области стальные рейки. Вскочив на неудобные лесенки, нэогары ровными рядами побежали в бой. Синхронность и порядок этих взводов, слегка удивили самого Вайдэра. Остальные, те, кто не спустились со всеми, хлопнули по кнопкам на пушках, и снова стрельнули пирамидами; в этот раз, поднимая их выше прежних.

– Они спускаются, нам пора выдвигаться! – встав в полный рост, объявил предводитель центральных сил резервных войск. – Положим этих гадов среди северных пустот! – победно выкинув крепкую руку вверх – громко, но вовсе не крича решил воитель, внушавший страх только своим твёрдым видом. За его спиной с лёгкостью помещались два других солдата, а благодаря безрукавке, носившей общие цвета – виднелись руки, расписанные чёрными завитыми татуировками. На фоне собранного под его командой войска, в этот раз точно в цель, ударили запущенные пирамиды. Многие из них застряли в стенах домов, разбив отделочный слой силой столкновения. Но опять-таки, ничего кроме повреждения внешнего вида и неприятного треска покрытий, не сделали...

– За свободу!!! – раздался клич людских оборонителей, услышанный даже Вайдэром; это и понятно, ведь крик почти пяти сотен человек, настроенных на нелёгкий бой, и всем

сердцем желавших победы – мог разноситься на огромные дистанции.

Не придерживаясь ровных групп – тёплые солдаты выдвинулись из укрытий. Они большой волной, не особо густой, но растянутой на все около-городские области, бежали навстречу сходящим с судов нэогарам. Они кричали, и каждый кричал о своём. Кому-то проще было издавать протяжный рык; кто-то требовал свободы; некоторые гнали холодных тварей, но картина бежавших солдат, озлобленных такой подлостью, внушала уважение. И даже нэогары, чьи солдаты давно вели бои, не решались взять такой же разгон как те, кто готовился их встретить.

Адмирал Империи, глядя на аккуратно спускавшихся с кораблей нэогаров, устало потёр лоб и, слабо улыбаясь, протяжно молвил:

– Эх, мелюзга, – после чего вдруг с ровного места взмыл вверх, перелетев борт корабля. Под ним моментально поднялась вода, будто бесформенная лапа, желавшая его словить. И он действительно в неё окунулся. Только голова барона скрылась в струившемся «щупальце», как нэогар вылетел из его основания и, перевернувшись в воздухе – присел на влажную землю. Водяной всплеск, оставшийся позади барона, вместо того, чтобы упасть, поднялся ещё выше и, обогнув Вайдэра, ударился о землю в паре метрах от него. Барону осталось лишь подняться на ноги и, вытянув в сторону расплескавшейся волны руки – заставить её пошире растя-

нуться. Сжав пальцы в кулаки, Вайдэр принудил небольшие капельки, внутри бесформенной стены, на огромной скорости вылетать из волны и словно жидкие пули, бить по наступающим солдатам. Каждая такая капля, довольно длинная из-за огромной скорости полёта – за секунды находила свою мишень и насквозь её пронзив, растворялась. Количество людей, попавших под оригинальный обстрел, оказалось колоссальным; область полёта «пуль» не превышала ширину водяной стены, но весь тот ряд, что был напротив волны Вайдэра – барон замертво уложил на землю. Спасти от попадания густых капель чуть ли не в каждую область тела, сумели очень не многие...

– Ну, чего стоим? – оглядев замерших позади себя нэогаров, спросил Вайдэр. На их лицах так и сиял шок, после показа способностей бывшего короля. – В атаку! – указав рукой на приближавшихся людей, приказал барон, и нэогары, вернувшись из мира изумления, приготовили автоматы. Продвигаясь вперёд – они открыли огонь. То же самое давно делали люди. Им даже пришлось сбавить скорость бега; шоу Вайдэра, поразило не только его сторонников...

Сидевшие в безопасности капитаны «Реокрацу», вовсе не ощущали себя неприкосновенными, особенно после прямой трансляции атаки сверженного короля.

– Что это за нэогар такой? – растерянно, хотя скорее изумлённо, озадачилась шестая. – Он способен контролировать воду? – нахмутив брови, затихла она.

– И как с этим быть?! Нам необходимо отстоять оба фронта, но и там и тут мы вскоре проиграем! – в пустую разводил панику пятый, утратив контроль над эмоциями.

– Ух, – устало выдохнул Кир, стоя у своего компьютера с согнутой спиной. Он специально не хотел садиться, ведь на его мониторе отобразился вызов от второго капитана. Включив соединение, сильнейший в «Реокрацу» вывел изображение на общий экран и, как ожидал, вместо второго – увидел короля.

Артур, сидевший на бархатном троне в брошенном всеми Белом дворце, так и блестел тревогой; его дыхание участилось, зрачки сузились, а по лицу катилась парочка капель пота. Напротив короля стоял его секретарь, а между ними ноутбук, с которого телохранитель и сдавал отчёты в капитанский штаб.

– Кир, ты же видел, что творится на северном берегу, – только увидев главу когорты, возмущённо затараторил паренёк, – почему меры ещё не предприняты?! Мы не можем больше ждать! – гневно треснув кулаком о стол, вскрикнул король.

– По всем критериям, ещё слишком рано. Не уничтожено и 30% основных неогарских сил, – сохраняя учтивость, объяснил сильнейший причину промедления.

– Слишком рано?! – ещё громче возмутился наследник трона. – Зато самое время быть захваченными с другого фронта! – истерично крича, указал паренёк за свою спину. –

Тем войскам не сдержать удар целого флота, Кир, нас перебьют в собственных домах! – покраснев, растрепав гладкие волосы и заставив вены на лбу вздуться, не преодолел король свой страх. – Подумай об Инессе, о ребёнке, которого она родила, и не пропусти этих тварей в наш дом! – суматошно находил причины Артур, при этом не успокаивая кричавший, раздражённый голос, едва скрывавший нотки наворачивавшихся слёз. Докричав искромётную речь, Артур упёрся кулаками в стол и, опустив перед ноутбуком голову, не сумел сдержать дрожь. Перед всеми капитанами, не занятыми другими делами, из королевского глаза на стол упала солёная капля. Сморгнув носом, сын великого Джаина снова взглянул в монитор – красными, мокрыми глазами, молившими о помощи. – Капитан первого отряда, – в полусогнутой позе, буркнул он. – Я, как ваш король, приказываю немедленно зачистить южный фронт, – натягивая на испуганный, дрожавший голос строгость, изрёк он. – Все войска сейчас же перебросьте на северный берег...

19 эпизод. Козырь

Ещё со времён ныне покойного Джаина, главы людского управления старались строить планы, и придерживались их. Но у людей, в отличие от нэогаров, был один недостаток – эмоции. И те и те ими обладали, но тёплым сердцам было куда труднее сдерживать над собой контроль. Вот и сердце Артура, не смогло выдержать страха быть убитым. Уже прервав связь с другом детства, в тот миг являвшимся сильней-

шим бойцом, он услышал скучный до безобразия голос своего телохранителя.

– Король, может не стоит, идти против намеченных схем... – протянув Артуру голубоватый платок, тихо попытался дать совет Фрол.

– А может лучше взять и умереть?! – так же истерично вскрикнул паренёк, схватив платок и снова сморгнув носом. – Я не хочу, и не могу допустить смерть Инессы. Как и нашей дочери! – в таком же тоне, сморщив брови и смахнув тряпицей набегавшие слёзы, вернулся к крику монарх Евразии. – И я не допущу! – сжав платок между рукой и столом, более уверенно качнул Артур головой.

В Песочных часах, где подавленные, а теперь и разочарованные капитаны – лишились назначенного плана действий, только Кир нашёл в себе силы расправить брови и, усмехнувшись, молвить:

– Ну всё, Артура понесло... – после чего слегка улыбнулись и остальные.

– Что будем делать? – мило улыбаясь, поинтересовалась Лира. – Надеюсь, ты не планируешь, нарушать его приказ? – взявшись за плечи первого руками, с такой же улыбкой продолжила третья расспрос.

– Делать это, себе дороже... – слегка посмеявшись, проскользнул красноволосый паренёк мимо бёдер третьей по силе, где обнаружил рацию. Зажав её боковую кнопку между своим лицом, и макушкой Лир, он чётко произнёс: – Капи-

тан седьмого отряда, ваше время пришло!

Первый фронт, бушевавший между Авангардным городом и оставленными до лучших времён развалинами старой Евразии, продолжал вести жестокое противостояние. Кучка нэогаров, назвать которых подкреплением было нельзя, терпела серьёзные потери, при этом принося смерти в ответ. Если с кентаврами и самураями солдаты особо дистанцию не соблюдали, с ними разбирались, идя на пролом, то нэогары вынуждали оборонителей надеяться на артиллерию, ведь даже всадив взрывную пулю врагу в шею, не было гарантии, что ты его убьёшь; а попасть в голову, дело редкого везения...

Кан, отошедший от кратеров вполне далеко, неспешно покачивался на размеренно шедшем кентавре. За ним повторяли бароны с генералом и вся армия, что успела перебраться через остывшие ямы в песке, правда, они шагали на своих двоих. И пусть через труднопреодолимые памятники мясорубки при первой битве перебралось множество солдат, больше половины остались с другой стороны, дожидались своей очереди; этот углублённый «бордюр» создал самую объёмную пробку из всех, что успевали случаться на любых ранних войнах.

– Заместитель, мне доложили, что адмирал имперского флота нанёс свой удар, – со стандартной учтивостью, сообщил Генор Кану.

– Надо же, он не смылся... – вставила вдруг Магна, ироничным голосом. – Вот не ожидала.

– Значит теперь, дело пойдёт быстрее, – холодно рассудил заместитель. – Думаю, людские верха уже поняли – выбора у них, не осталось... – спадая на низкие тона объявил Кан, величественно глядя на фронт.

Ещё минут сорок такого неспешного пути, и его кентавр дотопал бы до самого тыла имперских сил. Но безмятежные шаги пришлось прекратить, ведь земля, усеянная втоптаннами, разбитыми, расстрелянными и прогнившими кусками былых домов, начала дрожать. Совсем слегка, немного вибрируя, южная пустошь Евразии покачивала вражеских предводителей, вместе с их основными войсками. Кану пришлось остановить продвижение, когда мелкие камни стали подскакивать снизу вверх, а крупные, создавать тихий гул, постукивая о землю при каждом невысоком приподнятии. Заметно недоумевая, Кан бросил взгляд на фронт, и слегка прищурившись, ему вдруг стало видно, как там, вдалеке, где-то в центре между ближайшим к фронту городом и видимым ему тылом войск, с места поднималась земля.

Ровным, толстым, широким пластом участок почвы, чей дальний левый край почти касался красной башни, а ближний захватывал часть фронта – поднимался вверх, содрогая смещением все близлежащие земли.

Оборонители присвоенных земель не думали отступить или чего-то бояться; те, кто остался на с трудом возвышавшейся земле, давали отпор не ждавшим такой тряски нэограм, частенько скидывая их с не особо высоких краёв. Хлип-

кие самураи спадали сами, стараясь нанести удар по стрелявшим людям. И только кентавры, самые устойчивые из имперских пешек – скакали среди солдат, нанося жезлами точные удары.

Под плитой, что содрогая обе армии стремилась ввысь, не виднелось ничего, кроме чёрной пустоты. Ну а земля, поднятая вверх, держалась на стальном каркасе, достаточно плотном, для такого огромного груза. Поддон показался, когда все маскировочные куски зданий отвалились и полетели, кому куда повезло; в основном, они упали рядом с краем обрыва, ведущим в затемнённую шахту, очень внушительных размеров.

Поднявшись на три метра вверх, плита размером с треть всего видимого фронта замерла, и в этот же момент дрожь прекратилась. Войска по бокам от получившегося обрыва старались не отвлекаться от сражений, но нэогары, в отличие от людей, куда чаще заглядывались на огромную ровную дыру, шириной и длинной не имевшую равных.

Не прошло и полминуты, как висевшая на стальных балках почва, где до сих пор слышался шум войны и откуда не прекращали слетать как люди, так и нэогары – разошлась пополам, и стала разъезжаться в стороны. Два пласта, разделённых в самом центре ровным расколом – отошли влево и вправо, пропуская в глубокую пустошь лучики света.

Озарив мрачную шахту, солнце явило её дальнюю стену – облицованную чистым, серебристым гранитом. Это и на-

дёжно, и эстетично, и дёшево, ведь бой пылал на территории стёртой с карты Сталии, а нигде нельзя было сыскать гранита больше, чем там.

– Неужто, решились... – натянув улыбку под изумлённые глаза, озвучил Кан.

И стоило обеим плитам отъехать в стороны, накрыв тяжёлой тенью фронт слева и справа от шахты, как перед главным штабом, из неопиcуемо масштабного люка в земле – медленно показалась макушка легендарного Гегара...

– Это он! – не разделив тревогу с радостью вскрикнул Кан, после чего развернул своего кентавра и что было мочи приказав: – Отступаем!!! – на ломовой скорости помчался обратно туда, откуда пришёл.

Позади заместителя, величественно поднялась вся голова великого гиганта, и на такой же скорости, продолжило подниматься его тело. Раньше, как центр управления, так и основной корпус – были наспех собраны из меди и ржавых листов металла. Теперь – Гегар заметно преобразился. Его голова была ровна и мягко блестела на солнце; в качестве глаз, вставили две зеленоватые лупы, передававшие в центр управления очень качественный обзор всего, что вставало на пути гиганта; шеи как и раньше не было, голова плотно прилегала к корпусу, облицованному светло-серым алюминием. Если раньше Гегар был похож на нечто старое, забытое и рыхлое, то теперь, идол человеческой свободы даже видом внушал свежесть и мощь. Его размеры, внешне казались бо-

лее внушительными, а ведь он поднялся только на треть своего роста.

Понимая опасность, что несло появление этого монстра – Кан, и практически все войска, что он вёл, драпали обратно со всех ног. Бароны догоняли Кана даже не оглядываясь, но если Сталис хоть переживал – Магна, словно блестела счастьем; её безумно радовало, что гряло настолько увлекательное зрелище.

На прежних местах остались только Генор и подъехавшие на одну плоскость с ним грузовики – с открытым верхом, забитым нэогарами. Из тридцати собравшихся около генерала машин выскочили по двадцать обычных нэогаров. У каждого из них были приметные чёрные кейсы в обеих руках, довольно вместительные и прочно закрытые.

– Мы знаем свой долг, и мы его исполним! – указав пальцем на не прекращавшего подниматься Гегара, скомандовал Генор, и шесть сотен стоявших поблизости к генералу нэогаров, сорвались с мест. С особым усердием они сжимали ручки кейсов, занимавших их кисти; никто не смел ронять тот груз, что прятался внутри.

И вот настал тот потрясающий момент, когда жемчужина людской независимости, во весь рост поднялась на лифте из самых глубин созданного специально для него укрытия. Минимум в пять раз превышая высоту любой постройки Евразии – Гегар ногой прикрыв Песочные часы, откуда на лишь небольшую его часть, восхищённо смотрели капитаны. Ли-

ра, в обнимку с Киром, пятый, с ошарашенным взглядом и счастливым изгибом губ, и шестая, активней всех желая его разглядеть, бегала от окна к окну.

– Он неимоверен, – застыв в увлечённом волнении, молвила третья в «Реокрацу».

– Теперь, всё в руках седьмой... – косо улыбаясь, озвучил Кир.

Даже в Империи, Вэнтэр, рискуя лишиться нижней челюсти, не в силах был сдержать восторг.

– Это бесподобно!!! Меня аж сидя здесь, сковала дрожь... как те, кто стоит на фронте – ещё способны шевелиться?! – широко улыбаясь, не сводя распахнутых глаз с фигуры огромного Гегара, изумился владыка.

Артур, что обладал одним из лучших видов на спину феноменального творения, со спокойствием рассматривая блики солнца на его серебристой поверхности, умилённо проронил:

– За те года, что мы живём вне Империи, не прошло и дня, когда мы б не заботились о Гегаре. За такие старания, мы получим свою награду. Пока у нас есть Гегар – мы не проиграем, – ни разу не повысив голос, изложил король свои надежды.

Чрезвычайный гигант сделал первый шаг, специально правой ногой, чтобы капитанский штаб остался под прикрытием левой. Его прочные, неестественно длинные и широкие руки, висевшие немного ниже колен – остались бездвижны-

ми, зато по всему огромному корпусу, от самого верхнего края, до множества балок контролировавших ноги – открылись люки; нетолстые пластины облицовки откинулись вниз, и громадный корпус гиганта усеяли квадратные клетки, метр на метр. В их центрах, виднелись маленькие красные носики тысяч ракет, направленных во все стороны до самых берегов пустыни; разместить ракеты ещё дальше, не позволяли десницы.

Сверкая подошвами своих металлических ног, армия Кана удирала бесхвостыми зайцами, со всех сил стараясь опередить удар несравненного гиганта. Наблюдая за весёлой картиной, как оба нэогарских фланга, забыв о строе и позициях, сбившись в шумное стадо отступали, капитан седьмого отряда, дерзкая девица с фиолетовыми волосами, взъерошенными вверх, что сидела за центральным пультом управления в голове Гегара, вместе с ещё девятью управлявшими профессорами, чьи места, как и прежде, описывали круг внутри центра, не раскрывая рта, изогнутого широкой улыбкой, надменно посмеялась, и победно выкинув:

– Ловите, холодные твари! – вдавила ударный рычаг своей крепкой рукой.

И каждая ракета, что засела на переднем корпусе Гегара – со слабым хлопком вылетела из своего «домика».

В длину боеголовки не превышали полуметра, и всё кроме круглого красного носа, выкрашено было в белый. Ни толщина, ни длина этих снарядов не впечатляли, но их ко-

личество, было колоссально. Гегар буквально пролил дождь взрывными припасами, по всей армии, что посмела посягнуть на людскую свободу. Не было ещё произведено атаки, с настолько широкой зоной поражения; взрывы буквально усеяли двухметровыми столбами дыма всю землю, практически от самого тыла отступавших нэогаров и, скорее всего, сумеют преодолеть их убегавший авангард, ведь и половина ракет пока не коснулась земли.

Кан и оба барона, что следовали за ним, на кентаврах заскочили внутрь кратеров среди песчаных россыпей, и ценой своего транспорта – добрались до укрытия. Последовав их примеру, в каждый кратер волнами стали спрыгивать нэогары, надеясь укрыться от дождя из боеголовок в твёрдых углублениях.

Сталис, попавший в «котёл» с Магной и Каном, как только смог, подбежал к отвердевшему песку внутри ямы и треснув его ладонью, вырастил по краям углубления стальной полукупол, накрывший кратер сверху и по бокам.

– А побольше ям прикрыть не судьба? – перекрикивая гул нёсшихся нэогаров и гремевших с огромной частотой взрывов, недовольно спросила Магна, посмотрев на расслабленного Сталиса.

– Я тебе не Вайдэр. Металл на дальних расстояниях, контролировать невозможно! – с таким же трудом перекрикивая фоновый шум, ответил он.

Кан решил не влезать в баронские распри; он занял-

ся удивлённым рассматриванием стального купола, слегка волнистого по краям, вполне тонкого, и так просто созданного. Вскоре, по этому самому прикрытию, прошла волна взрывов. Она ударила по всем кратерам, и разнеся в рыхлый песок противоположную сторону – прошла дальше, прикончив ракетами совсем немного противников.

Довольно далеко от места, где раздались самые первые огненные бури, остался стоять Генор, ничтожно маленький нэогар перед неимоверно огромным Гегаром. Гиганту чужой генерал и не заметен был, зато генерал, замечал посланных на миссию нэогаров. Как раз сейчас они добежали до первой, выставленной вперёд, не имевшей аналогов ноги. Половина из них остановилась, окружив место упора гиганта; вторая же – продолжила свой путь. Добравшиеся до в сотни раз увеличенной копии ступни любого нэогара, они, наконец, раскрыли кейсы, и прижали их внутренностью крышек к ступне монстра. Убрав чёрные хранилища, нэогары оставили на ноге Гегара множество отдалённо напоминающих пауков механизмов, с четырьмя тонкими лапами, и зелёным индикатором, горевшим на бесцветной спинке. Хоть в разобранной форме эти штуки размером были с человеческую голову, будучи собранными – они занимали места не больше кулака, поэтому с лёгкостью уместились в больших количествах, на маленьком пространстве. «Захватив» облицовку своей мишени, стальные паучата зашевелили лапками и поползли вверх, держась за поверхность сильным магни-

том, приделанным к своим брюшкам. Чем выше они поднимались, тем сильнее рассеивались и уже не так сильно бросались в глаза; хотя вначале, ступня Гегара буквально почернела, от густо посаженных паразитов...

Ход сражений, что не как не прекращался по бокам от монстра- Освободителя, полностью обернулся в сторону людей. Кентавров с самураями практически не осталось; добивать их под и над плитами, что скрывали Гегара всё это время, перестало составлять проблему. Нэогаров же, выжило не больше чем полуразумных шестёрок, да и зрелище отступления своей подмоги, сильно сказалось на их настрое; вспомнив, насколько был Гегар фантастически опасен, и поняв, что отступить шансов не предвидилось – не оставалось ничего, кроме как хоть с доблестью покинуть мир живых.

Всё больше освободившихся тёплых солдат покидали первый фронт; за ближайшими построениями их ждали собранные со всех городов грузовики и любой вместительный транспорт, на котором они держали путь к северному берегу, выжимая всю доступную скорость.

Очень удачно для продолжавших путь миссионеров Генора, Гегар сделал ещё один шаг, на этот раз левой ногой. Всего один удар массивной конструкцией о землю – с лёгкостью уложил на спины всех тех загруженных кейсами нэогаров, которые как раз подошли довольно близко к месту, куда наступил гигант. Но, встав с земли и догнав парочку улетевших в сторону футляров, они принялись за то же дело, что и пер-

вая группа их коллег.

Пустынные просторы, а также целая половина южных пустошей Евразии, до сих пор укрывалась дымкой отгремевших взрывов. И дело было не в силе огненных вспышек, а в их количестве и близости; не было ни одного места, где два удара боеголовок были бы дальше друг от друга, чем на полметра. Имперские приспешники, ещё недавно готовые ударить по границе с Авангардным городом – теперь не знали, как избавиться от неприятного чувства повреждений, конечно, если им повезло пережить Гегарский дождь. Хотя, больше половины основных вооружённых сил выжило. Были и совсем разбитые, лежавшие на просторах пустыни едва шевелясь; были покалеченные, они разыскивали потерянные части тел, и были уцелевшие, что заполонили кратеры в песке. Именно эти углубления оказались самым безопасным местом. Стальной полукупол Сталиса, помятый лишь слегка – усилием барона разошёлся в две стороны, явив заместителю и Магне небо.

– Он, похоже, закончил, – прислушиваясь, бегал глазами Кан.

– И этого ты так ждал? – возмущённо выпалила Магна. – Ради этого, так долго играл в свои провокации? – не сбавляя гонор, возмущалась баронесса.

– Гегар – главный людской козырь, они выкинули бы его в любом случае. Нам было необходимо как можно скорее от него избавиться, а для этого он должен хотя бы показать-

ся, – не сильно стараясь скрыть отвращение, пояснил замеситель.

– Ну, он перед тобой. Что делать будешь? – спокойно спросил Сталис.

– Обо всём нужном, позаботится генерал, – будто сквозь толщу песка посмотрев на Генора, хмыкнул Кан.

Песочные часы, оставленные таким надёжным щитом, как нога Гегара, в этот раз не просто переняли, а скорее раздали воодушевление всем страдавшим под нэогарским натиском людям, призвав на помощь легендарного титана свободы. Хотя бы сейчас, Кир, обнимая Лиру, расслабленно смотрел на опустевавший фронт, и открыто радуясь, делил приятную картину рядом с девушкой, что так глубоко запала в его душу. Остальные капитаны, лишь недолго посмотрев на свой первый масштабный триумф, вернулись на рабочие места. Не прошло даже пары минут прежде, чем пятый капитан, протяжно помычав, с неким стыдом озвучил:

– На втором фронте у нас неприятности... там, назревает прорыв внутрь обоих городов...

– И что ты предлагаешь? Мы не можем ускорить передвижение подкрепления, они и так мчатся на максимуме... – отрезала лёгкий путь девица с повязанной цифрой «6».

– Гегар всё равно поднят, так чего ж мы тянем?! – добродушно улыбаясь, смело вставил Кир.

Лири, слегка посмеявшись, протянула сильнейшему рацию, и Кир, установив связь с седьмой по силе, задал вопрос:

– Капитан седьмого отряда, насколько далеко может ударить Гегар?

Слабейшая в «Реокрацу», высокомерно хмыкнув, спокойно ответила:

– Просто дайте координаты, и цель не успеет их сменить... – не сомневаясь в своём всевластии, заявила она.

– Сейчас отправлю положение каждого из дюжины кораблей, – протараторила шестая, усердно отстукивая по клавиатуре.

Глава отряда научных разработок, получив на свой широкий монитор удобную карту с выделенными красным точками, не очень громко распорядилась:

– Готовим силовые снаряды воздух-вода! И только попробуйте промазать!

Гегар покорно подчинился командам управлявших. Они отвлеклись от дел на первом фронте, и подвластный им гигант – медленно задрал правую руку вверх. Поднять такую длинную, и куда более тяжелую конструкцию трудно было даже для него, но вытянув её ровно вверх, он согнул три широких пальца. Со стороны «запястья», на его облицовке ровным рядом открылись двенадцать люков, из которых, на квадратных подставках выехало столько же ракет. В этот раз, они были два метра длиной, тёмно-Серебряного цвета, усеянные множеством маленьких крылышек, ради лучшего рассеяния воздуха. Сами подставки перенаправили ракеты из ровного положения, в немного приподнятое, и слабейший

капитан, громогласно выкрикнув:

– По заслугам!!! – спустила ракеты с «поводка». Вырвавшись с мест на ярком огне, они взмыли ввысь, готовясь к неблизкой дороге...

Второй фронт к этому времени, полностью погрузился в зверства ближней войны. Пока нэогары расстреливали и ловили пули сами, Вайдэр, стоя чуть ли не в самой гуще событий, мирно наблюдал за процессом. Его лицо источало скуку, руки сложились у груди, справа и слева не прекращались убийства, но ни один человек не пытался выстрелить в барона; настолько сильно их ввёл в ужас его последний удар.

Самым смелым, и также самым свободным среди тёплого войска, оказался их предводитель, увы, не способный контролировать воду, но и без этого внушавший страх. Мощью лишь своей руки, он не только оторвал нэогара от земли, вцепившись ему в шею, но и ударив о каменную плиту – раздавил тонкую грань меж головой и телом. Заметив в толпе Вайдэра, готового «зевнуть» – главарь решил, что, наконец нашёл достойного себя противника и, подобрав увесистую стальную ногу, взамен разбитого о чью-то голову пулемёта – с рёвом кинулся к бывшему королю.

Барон быстро заметил бежавшего безумца, что только приблизившись, замахнулся «дубиной», по его голове. Без малейших затруднений Вайдэр отступил назад и, отодвинув голову – правой рукой создал около живота напавшего плотный водяной шар. Лопнув, он мощным всплеском откинул

человека, даже подбросив его вверх.

– Ты, дядька, с головой, не дружишь? – создавая вид недоумения, отрывисто спросил барон.

– Завались! – огрызнулся командир сопротивления, поднимаясь с колен. Он переборол жуткую боль из-за переломанных рёбер.

Вайдэр лишь захихикал, и когда его соперник приготовился к повторному рывку, барон заправил ладони за противоположные бока, создав над запястьями расплющенные пузыри. Поверженный король резко махнул руками в сторону бежавшего мужика. Так он создал перекрещенные будто серпы, способные разрубить человека. Но глава людского резерва чьей-то ногой ударил по самому центру водяных хлыстов. Так, он заставил их превратиться в быстрые густые брызги.

Вайдэр, хоть этому удивился, не прекратил ухмыляться. Он собрал опущенные пальцы левой руки клином. Грубый дядька, горевший желанием прибить чужого предводителя – замахнулся металлической дубиной и со всего размаху кинул её в его голову, но Вайдэр лишь подбил ногу ударом руки снизу, и пока она раскручиваясь, взлетала вверх – направил собранные пальцы в человека. С его «клина» слетела вытянутая капля воды, насквозь пробившая сердце настолько быстро, что внушавший страх лишь видом мужик, заметил не столько рану, сколько растекающуюся кровь, прямо оттуда, где долженствовал биться биологический мотор. Замерев

в ужасе и кашлянув густой красной юшкой, воин свалился на колени. Не успев закрыть закатанные глаза, командир рухнул на землю.

– С простой железякой, меня и ударить не выйдет, – разворачиваясь, снисходительно молвил Вайдэр. – Как же всё-таки мерзко убивать неравных... – затаив недовольство на приказы Вэнтэра, решил бывший король Валлона вернуться на корабль. Пока его нэогары вполне успешно оттесняли людей обратно во внешние города, сам он подошёл к накатывавшему на берег волнам, и перед его ляпнувшей в воду ногой, выросла ледяная ступенька, на которую ступила вторая нога. Набираясь из воды под нэогаром, ступеньки одна за другой возвышали его над берегом, по пути к кораблю. Такая ледяная лесенка, по которой вполне надёжно шагал Вайдэр, проросла да самого борта первого судна, на котором король прекратил движение. Устало сказав:– Там слишком скучно... – он собрался вернуться в свою каюту. Но на полпути его отвлёк неприятный, очень быстро нараставший свист чего-то большого, чего-то опасного. Обернувшись назад, приподняв голову вверх, его взор лишь засёк промелькнувшую ракету, что без затруднений протаранила палубу корабля. Такая же участь постигла и все остальные суда его флота, одновременно с капитанским.

Адмирал бы очень удивился и разгневался, но попросту не успел. Ударная волна, что проснулась в трюмах кораблей, без единой вспышки или яркого пламенного языка, разнес-

ла вражеский флот прозрачными густыми волнами. Бесцветные порывы плотного ветра вырвались и вверх и вниз и в стороны от кораблей, чем вначале опустили весь флот под воду, а потом, на маленькой глубине, разорвали каждое судно, на широкие громоздкие куски облицовки и каждой детали, что таилась внутри наводных конструкций. Поверхность водной глади, что некогда так просто успокоил Вайдэр, снова разбушевалась поднявшимися столбами, на каждом месте, где шеренгой стояли корабли Империи. И каждый этот столб, пусть и состоял из вспененной воды, в точности напоминал гриб ядерного взрыва, разве что в пару раз меньше.

Такое зрелищное крушение основных сил западного фронта, как ни что другое вдохновило резервную армию, и люди, почуяв далёкий лучик победы в беспросветной тьме отступлений – ударили по противнику с новым энтузиазмом. Пока на заднем фоне «опадали» высоченные водяные грибы, гул выстрелов и свист ещё не успокоившихся порывов сжатой энергии, перебил людской клич:

– Прочь с порога!!! – и впервые уступавшие всем солдаты, оттеснили подошедших как никогда близко нэогаров.

С громким хлопком, о беспоконную гладь океана ударились «шляпки» грибов, и под самым первым из них – среди разваливавшихся, стремительно тонувших обломков лазурного корабля, ко дну опускался сам Вайдэр, умиленно глядевший в светлый верх, на грань между океаном и воздушным пространством. Его состояние было куда хуже, чем у

любого поражённого корабля. Вся левая часть тела, по крайней мере рука с ногой – напрочь оторвались. Его внимательному взору даже удалось их заметить, где-то среди других утопавших кусков металла. Начиная от плеча, и заканчивая бедром, разрастались сотни мелких трещин, тянувшихся вплоть до противоположных руки и ноги, которые хотя бы остались. Шея и голова, пострадали слегка слабей; там расколов было меньше, но они разошлись шире. Даже в таком состоянии, уже почти опустившись ко дну, барон нашёл в себе силы ухмыльнуться и, не отрывая задорного лазурного взгляда от темневшей грани меж «стихиями», подумал:

– Точно знаю, Вэнтэр не построит в мою честь ни город, ни памятник... – оставшись без возможности подчинить родную стихию, заключил бывший король, и его лазурные глаза начали барахлить, угасать. Их тёплое свечение затухало до того самого момента, пока спина не коснулась твёрдого дна, и всё, что осталось от Вайдэра, не прилегло на каменистый пригорок. Ил поднялся жухлым облачком, пожирая его тело своей мретью, в то время, как смерть пожирала душу. Снова утратив свечение жизни, самый молодой король Валлона смирился со своей повторной кончиной... как что-то сдвинуло его с места, хотя что, осталось загадкой даже для него...

В далёкой, безжизненной, но уж точно мирной Империи – её бесспорный предводитель разбил тонкий фарфор чайной чашки о плиты балкона.

– Вот наглые твари! – не сдержал владыка гнева, увидев, как недавняя атака Гегара за раз потопила весь его флот. И пусть это было не менее зрелищно, чем поднятие самого гиганта – такое событие, в планы владыки не входило. – Они лишили западный фронт главного преимущества! – не мог успокоиться мальчишка. – Хотя плевать, всё равно свою задачу диверсия исполнила. Теперь, осталось дождаться главного шоу, – расплывшись в надменной улыбке, сбавил захватчик ненавистные претензии.

Штаб управления главной силой людской армии, а заодно и самая высокая рукотворная точка на обоих континентах, вернулась к делам на первом фронте. Седьмой по силе капитан, созерцая милую глазу картину имперских сил, что уже не так быстро, но всё ещё продолжали отступать, отвлеклась на чьи- То слова:

– Империя отступила достаточно далеко. Теперь, наши руки развязаны...

– О, да, – загнув в улыбке самые кончики нежно розовых губ, наслаждённо изрекла управляющая.

Отступление сил Кана продолжалось полным ходом, хотя сдавали свои позиции не совсем все. Те, кто пострадал от ракетного дождя, не успев добежать до песочных кратеров, как раз пытались их пересечь и отступить с теми, кто уже давно отбежал от ям. Только занявшие позиции внутри опалённых углублений – сидели на местах и чего-то выжидали, не решаясь покинуть самодельное укрытие. Те, кто либо пе-

ребрался обратно за кратеры, либо ещё не успел их пересечь, составляли основные отступавшие силы; не ломовым бегом, но они отходили обратно, направляясь к границе с родной Империей.

Сражения, что всё ещё теплились по бокам от Гегара – не составляли опасности, и полностью покинули радиус поражения его атак. Победа людских сил над обессиленными нэогарами и практически истреблёнными холодными пешками, осталась лишь вопросом времени. Не сходя с выбранного ранее места – идол человеческой свободы, с громким тяжёлым гулом тысяч надрывающихся механизмов, приподнял обе руки, направив растопыренные пальцы к далёким друг от друга берегам. Его руки поднялись не идеально прямо; они слегка склонились вниз, и расправились по обоим флангам отступавшей Империи. Закончив наведение громоздких ручищ, меж тремя не особо нужными пальцами раскрылись трансформаторы, по одному круглому люку на каждую «ладонь». Из глубины этих тёмных, пока не понятных отсеков, постепенно стали проблёскивать ярко-красные вспышки, освещая туннели внутри рук гиганта...

20 эпизод. Потеря

Войну нельзя назвать живой, но у неё будто есть изменчивая душа, что постоянно меняет хозяина победного пьедестала.

Подняв наружу Гегара, людское войско вырвалось в победители, обратив орды Кана в бегство. Но единичным залпом

тысяч ракет, идол свободы не собирался прекращать бомбёжку. В этот раз, он растянул руки меж нэогарскими флангами, и растопырил пальцы. Чем дольше Гегар продолжал собирать беззвучные вспышки, тем ярче и чаще они проявлялись, накапливаясь в светло-красные напоры, прямо внутри главного оружия огромного монстра. Когда мощь этих издававших едва слышный шёпот волн возросла настолько, что яркими красными сферами показала свои границы на уровне раздвинутых пальцев, из обеих рук Гегара вырвались две феноменально мощные струи энергии. Они походили на цельные и очень объёмные напоры пены из огнетушителя, только невероятно плотные, чертовски быстрые и чем дальше покидали свой источник, тем шире разрастались по сторонам. Их светло красный, местами проблёскивавший белым цвет постоянно менялся, вовсе не бурля или испаряясь, а будто переливаясь из места к месту. Они словно разлетающиеся охотничьи сети раскинулись в стороны всей видимой пустыни, направляясь к флангам убежавших сил противника. Их мощь была настолько велика, что под ними дрожала земля, а песок дымился и плавился, растекаясь в мутные испарявшиеся лужи.

Лишь завидев первые секунды этих волн, Сталис, обычно спокойный и рассудительный, в панике скрепил обе руки в один кулак и со всего размаху, ударил им о твёрдый песок под своими ногами. Он сделал хотя бы что-то, пока Магна с Каном, будто испуганные школьники, не отрывая изумлён-

ных лиц от монстра, держали руки по швам.

Красные струи разъярённой горячей энергии, наконец ударили по имперской армии, начиная с самых близких к берегам зон. Нашлись глупцы, что со страху прыгнули в океанские воды. Но хоть красные волны ударили только по песку и то метрах в десяти от берегов, спокойная гладь моментально покрылась бушевавшими пузырьками кипятка, и даже нэогары повсплывали вверх, разрывая свои глотки в попытках перекричать истерзанные болью крики друг друга.

Подобно воде, песок вблизи расплзавшихся магмой по дальним пустынным просторам волнам – вскипел, и стал стеклянным.

Не задерживаясь на одном месте, руки великого освободителя стали постепенно сдвигаться к центру, но не слишком быстро, чтобы позволить ярко-красным волнам подальше пробраться за кратеры и забрать не только излишне беспечных нэогаров в прикрытиях, но и отступавших на полной скорости.

Впервые за всё время тяжкой войны, нэогары, отступая, закричали. Страх смерти, что вот-вот нагонит и перемешает их со стеклянным песком – исказил их высокомерные голоса пугливыми громкими криками, порой вызванными страхом, а порой болью от накалявшейся спины и ног...

Пока руки Гегара приближали волны друг к другу, нынешний барон, а некогда король Сталии – неустанно создавал чертовски толстые круглые сферы по всей площади кра-

тера, что стал для него и остального управления прикрытием. Металлическая сфера за очередной сферой, толщиной примерно в десять сантиметров и на расстоянии половины метра друг от друга – именно по такому принципу Сталис снова и снова создавал купола, прикрывавшие со всех направлений.

Генерал холодных войск – самый ближний к Гегару нэогар из всех ответственных за армию начальников, по-прежнему стоял перед ним и снизу вверх смотрел на сходящиеся руки монстра.

– Какого ж чёрта ты такой огромный?! – скрывая нервозность за переживанием, тихо молвил он, покрепче сжав в руке похожий на рацию пульт.

Отойдя на пять сотен метров от первого места касания волны с пустыней, она, наконец, показала свои труды. Жара этой магма-подобной струи как раз хватило, чтобы из обычного нэогара, на затвердевшем под огромной температурой песке, остался покрытый корявыми волдырями на стальной обшивке труп, застывший в позе мучительной боли и отчаянных попыток спастись, от неизбежного. Каждый, кто задержался в объёмах раскалённой энергии хотя бы на минуту, собственной бронёй приплавился к песку, расставшись с жизнью. Лежавшие кто где нэогары, застывшие с вытянутыми руками и ногами, что будто пытались ползти, стали похожими на пугавшие скульптуры, разбросанные по пустынно-му фронту. Те, кому посчастливилось как-то выскочить из

атаки гиганта раньше крайнего срока, тоже недолго смогут оставаться в живых. У многих самые уязвимые части тела, к примеру, пальцы на руках – приплавилась друг к другу; под давлением горячего напора растеклось лицо и вышли из строя механизмы, необходимые для жизни. Те, кто расставшись с ярко-красной волной продолжали жить, могли даже позавидовать тем, кто не успел из неё сбежать. Основная масса таких «счастливчиков» засела в кратерах; там, практически каждый нэогар вопил и стонал от гнетущей боли перегрева, но ничего кроме как дёргаться из стороны в сторону, он не мог...

Император стал, пожалуй, единственным человеком, в чьих глазах шок горел не восхищенный, а разгневанный.

– Это уже слишком, – тихо буркнул он. – Это даже больше, чем слишком! – выпустив хоть часть гнева, вскрикнул юный тиран.

Гегар, не прекращая собирать плоды невероятных возможностей, продолжал сближать ревевшие мощными залпами руки. На прежней, совсем не торопливой скорости он сводил их всё ближе и ближе, покрывая дальние просторы пустыни тяжёлым настилом сильнейших энергетических волн. Чем ближе к центру подбиралась его сеявшая мучительную смерть «коса», тем больше слоёв металлических куполов вокруг своего прикрытия создавал Сталис. Окружать себя прочными шарами он решил прекратить; теперь – выращивал изогнутые в свою сторону стены, служившие как бы

kozyрьком над уже возведёнными куполами. Барон задался целью спастись и даже верил, что справится.

Поглотив больше, чем половину пустыни, идолу людской свободы пришлось сбавить напор, чтобы раскаленных волн хватило на всю необходимую территорию. Подача энергии слегка уменьшилась, это стало заметно как по размерам бивших струй, так и по их скорости.

Генор, не на шутку нервничая, снизу смотрел на уже почти сведённые руки огромного монстра.

Гегар будто и сам не хотел затягивать. Уменьшение мощности атаки вынудило его сделать новый шаг, чтобы дальний край всплесков захватил побольше отступавших вражков. Подняв правую ногу вверх, гигант – наконец свёл руки, прислонив их друг к другу. Теперь оба трансформатора били, будто один, и мощь их совместного напора, устрасала даже на вид. Её цвет сменился на светло-алый, а скорость и дальность напора только возросла. Как раз пока Гегар опускал свою ногу, Генор, что вот-вот раздавит рацию в своей руке, наконец, услышал заветный доклад:

– Все позиции заняты, формация завершена! – сообщил один из спецотряда, и лишь шепнув:

– Ну наконец-то, – генерал придавил большим пальцем кнопку на левом краю своего пульта.

Стоило этой неприметной, тугой кнопочке углубиться в гнездо, как у самых креплений ног гиганта к его туловищу – разрослись громогласные взрывы. Ало-жёлтые огнен-

ные шары, непостоянной формы с оглушавшим гулом взрывов множеств отдельных бомб расцвели прямо под корпусом гиганта, и мощь этих вспышек не то, что сдула пару песчинок с пустыни под собой, а отшвырнула и генерала и всех солдат, что оказались хоть как-то приближенны к ногам освободителя. Песчаный шторм золотыми волнами унёс их с собой, погребя под пустынной толщей и сдерживая лапами золотой пыли.

Утратив устойчивость, такая громадина, как Гегар – само с собой опустится вниз, не имея возможности наклониться. В его голове, где царила невиданная тряска, управляющие порхали от стены к стене. Никто не мог взять ситуацию под контроль; люди не в силах были даже усидеть на месте, не то, что как-то помочь разрушенным ногам самого огромного робота.

Генор, погребённый под песчаной дюной где-то в сотне метров от своего прежнего поста, единственной целой рукой прорыл себе путь кверху, к воздуху, с которого виднелось небо. Прикрыв рукой глаза от солнца и посмотрев на Гегара, не способного больше бить волной – он расслабленно улыбнулся. Но мирно летевший вниз гигант стёр эту улыбку, когда сотни роботизированных паучков, на верхнем краю его спины, тоже взорвались не менее слабым толчком. И теперь, направление падения монстра изменилось – он полетел прямо на пустыню, всем умопомрачительно громадным телом.

– Что? Какого чёрта, он должен был рухнуть на Евразию!!! – ошалев от неожиданности, замер в испуге Генор. Ледяной ужас наполнял его лик, проникал в душу и отравил её езумными мыслями. Генерал был развернулся, попытался выбраться из песка и побежать, убежать прочь, спасти свою жизнь, но... он сумел взять себя в руки, и подумать. Подумать о том, что дать ему эта затея? Он сможет спастись? Естественно нет.

Генор, со строгим лицом развернулся, как раз за мгновение до того, как его вдавило в самое основание песчаных россыпей, падением многотонной силы человечества.

Грохот туловища Гегара, сверху на которое с громким звуком упали его ноги – создало небывало сильный толчок; не было на этом фронте тряски неистовее. Песок тоннами поднялся в воздух, заполонив жёлтым туманом всю видимую пустыню. Высота песчаной дымки поднялась до самых Гегарских боков, поглотив при этом свисавшие вниз руки. Голова феноменального гиганта зависла как раз над рядом кратеров, один из которых прикрыл Сталис. Его старательные труды объединённый напор Гегара изрядно потрепал; вместо блестящей, прочной и ровной внешней стены, что прикрывала внутренние укрепления, осталась измятая, оплавленная тёмно-серая клякса, растянутая давлением в сторону от Гегара.

Даже Этому гиганту не удалось перебить абсолютно всех нэогаров. Около тысячи из холодного войска всё же выжили;

либо убежав достаточно далеко, либо укрывшись под расплавленными товарищами внутри кратеров, либо охладив покрасневшие от накала части тела в успевшей остыть воде. Но те, кому пережить удар монстра не довелось, так и остались либо погребённые под ним самим, либо замеревшими в виде монументов, его фантастической мощи.

На спине освободителя, в том месте, где у людей находится шея, осталось множество маленьких чёрных пятен; именно там крепились паучки-взрыватели, и именно из-за этого, падение Гегара погубило ответственного, за победу над ним. Генор, стоявший у подножья идола свободы до самого конца, никак не мог пережить падение монстра. Его жизнь – стала ценой этой победы.

Внутри центра управления сильнейшим оружием Евразии, царил полнейший погром: света куда больше поступало снаружи, сквозь пробитые трещины, нежели из едва горевших, барахливших ламп; ни один монитор не стоял на месте; одного из управляющих задавил собственный стул; остальные, так сильно повредили головы, что либо пребывали без сознания, либо уже вне его. Признак жизни подала только капитан; девица, взявшись за поломанный кусок собственного стола, попыталась приподняться, недовольно выглядывая в самую крупную трещину...

Евразия, оставленная Гегаром без прикрытия, хотя бы не оказалась раздавлена собственным козырем, как это было запланировано Генором. Песочные часы, снова озаренные яр-

ким полуденным солнцем, даже снаружи утопали в безотрадности. Кир, нахмутив брови и приоткрыв рот, Лира, опустив руки и потеряв жизнь в глазах, пятый капитан, пряча лицо под сложенными ладонями, упёртыми в стол, и шестая, упавшая на стул, с безэмоциональным бледным лицом.

– О нет, нет... – покачиваясь, выдавила Лира, прислонив тонкие пальцы к прозрачному окну. – Наш Гегар, нет... – уже шепча, не сдержала девушка появление слёз.

Едва удерживаясь от впадения в отчаяние, Кир размеренно подошёл к дражайшему сотруднику и, приобняв талию Леры левой, а голову правой рукой, умиротворённо произнёс:

– Мы не проиграем... ни за что!

Дворец ошастливленного громогласным падением Гегара тирана, конечно, заметно опустел, но не остался совершенно пустым. Помимо плясавшего от счастья на балконе императора, среди двух самых работающих учённых остался и Чан, на месте президента «Научных ассоциаций», в своей лаборатории. Отстукивая гибкими пальцами всё новые и новые комбинации потёртых клавиш, нэогару удалось подключиться к парочке камер внешнего Евразийского наблюдения.

– Ваши системы безопасности явно не Джаин проектировал, – пробормотал профессор, прислонив спину к стулу. – Не так уж сложно их взломать.

Его коралловые глаза так и забегали среди разных ракурсов, что захватывали уличные камеры Авангардного города.

Но кроме Гегара, неподъёмным грузом лежавшего на пол пустыни, учёному не виднелось ничего. К примеру, ему невдомёк было, что пережившие последнюю атаку монстра бароны, как раз сейчас пытались освободиться из защитной клетки. От верхнего её края, направляясь к нижнему максимально ровно, сквозь множество ярких искр пробилась тонкая, явно горячая огненная струя, невероятно сильно сконцентрированная. Без особых затруднений разрезав всю толщу сплавленных вместе стальных преград, струя погасла. Будто лепестки увядшей розы, металл раздвинулся в стороны, показав Магну, с вытянутой клином рукой, и Сталиса, широко разверзшего десницы.

– Ну блин, из-за тебя я пропустила самое зрелище! – буркнула Магна, опуская дымившуюся кисть.

– Это повод меня благодарить, – с упрёком ответил Сталис.

Кан же, всеми силами пытался вылезти из ямы; цепляясь за любой удобный бугорок, он полз вверх, стремясь посмотреть на труды генерала. Магне хватило лишь одного прыжка, чтобы вылететь из остывших барьеров Сталиса. Ну а сам барон-спаситель – наклонил в свою сторону одну из стен, превратив её в подобие лестницы. Так, он без особых затруднений выбрался наружу.

Оказавшись за пределами кратера, троица командиров застыла на месте, увидев свисавшую над ними голову Гегара. Только шок Кана перерос в одобрительную улыбку; бароны,

остались в волнительном недоумении.

– Какого беса, он ведь должен был своим падением разрушить Евразию?! – оглядывая зелёные глаза монстра, озадачился Сталис.

– Не совсем... – посмотрев за спину, ответил Кан, и по расплавленному волнами Гегара песку, стали разрастаться трещины. Не особо близко друг к другу, а скорее даже далеко, но из маленьких и тонких, они быстро превратились в глубокие и толстые. Их образование продолжалось до тех пор, пока плиты остекленевшего песка не поднялись в воздух, спадая со спин нестандартно крупных нэогаров. В самых разных местах за чертой из самодельных ям, вставало всё больше и больше уцелевших на глубине бойцов, и вместе с ними, в основном выбираясь из-под приваренных друг к другу тел – восставали чемпионы «Бойсдракс». Каждый, кто выпрямился и отчистился от надоедливости песка – ровным шагом направился к Гегару.

– И кто они? – на редкость недовольно спросила Магна.

– Наши особые силы. Наш ключ к всевластию... – отвлечённо ответил Кан, наблюдая за послушными действиями «восставших» нэогаров. Они разбрелись в разных направлениях, но никто не отходил далеко от Гегара, бездвижно лежавшего в глубоких насыпях песка.

– А как же генерал? Он... он ведь не мог пережить это падение... – предположил Сталис, осматривая смиренных, нерасторопных нэогаров.

– Верно, Сталис, – вмешалась Магна, – он и не должен был, – осознала вдруг она. – С самого начала миссия по уничтожению Гегара, была для смертников... – презренно огласила баронесса.

– Так ты воспользовался им! – не сдержал нападку Сталис. – Воспользовался юнцом и преподнёс его жертвой в своей игре? – накинулся на заместителя барон.

– Война без жертв нереальна! – отрезал Кан, так и не посмотрев на Сталиса. – Так лучше пожертвуем мы, чем нами... – спадая на низкие тона, отвлёкся нэогар на «ключ к всевластию».

– Какая знакомая фраза, – выдавила Магна, глядя в никуда. – Не напомнишь, где я слышала её?

– Так говорил предыдущий заместитель императора... – опустили глаза нового заместителя.

– Ах, точно, – загоревшись жизнью, скосила Магна улыбку. – Точно...

Пока трица управления вела свой спор, работающие нэогары обошли Гегара, примерно до середины его громоздкого туловища. Без порядка в чередовании, сторонники Империи протиснули руки под песок, на котором покоился гигант, и приложив уйму усилий каждой частью своего тела, стали его поднимать. Со стороны это выглядело совершенно невероятным, ведь огромность Гегара была фантастична. Но сил нестандартных воинов всё же хватило, чтобы изрядно напрягшись, взгромоздить Гегара на уровень своего роста.

Самое громадное рукотворное создание планеты, силами лишь пары сотен нэогаров, оторвалось от песка и зависло примерно в двух метрах высоты, опираясь на дрожащих под неимоверной тяжестью носильщиков. Если удивление Кана размыла радость, Сталис многое за жизнь повидал, и не сильно изумился такой картиной, то Магна, хоть и не отрывала от висевшего Гегара глаз, всё равно выглядела не столько удивлённой, сколько озадаченной.

Любивший безопасность и информированность Чан, не за что не переживая продолжал наблюдать за Гегаром, которого понемногу оттаскивали от границы с Евразией. Его лицо, слабо отражавшее сияние монитора, однозначно было довольно, ведь детище его величайшего проекта – собирались вернуть прямо в руки технологу.

– Люди сами виноваты, в неуважительном отношении к Джаину! – с нотками упрёка, утешил себя учёный. – Если бы они должным образом за ним следили, весь безграничный запас его познаний – не позволил бы ситуации сложиться так дурно. Моя единственная гордость впустую потратила жизнь ради вашего благополучия, но позволив ему умереть – вы доказали, что не заслужили такой щедрости... Вы не достойны пользоваться его величайшим творением, и не достойны наслаждаться жизнью! – даже повысив голос, излил Чан всю бурю кипевших эмоций, что уже давно просились наружу...

Пока Гегар «уплывал» в сторону безоблачной Империи,

Сталис стоял недовольный подлостью Кана, Магна витала где-то в облаках, а заместитель не мог нарадоваться гиганту, что сокрыл всё небо над его головой – один из глаз центра управления вдруг множеством осколков полетел вниз, и вместе с кусками стекла, вылетела седьмая по силе в «Рео-крацу», сжимая в руках широкую продолговатую трость. Девушке удалось упасть позади командующих нэогаров, и прокричав: – До встречи в аду! – она кинулась к баронам, разломав взрывной брусок напополам. Из половинок необычной взрывчатки почти сразу яркими вспышками брызнули оранжевые искры, что разливались позади бежавшей к смертной победе девушки.

Не столько испугавшись, сколько удивившись – Кан со Сталисом остались на местах, и только Магна кинулась на встречу к смельчаку.

Капитан, приблизившись на расстояние не меньше метра, уже собралась кинуть во врагов оба бруска, но баронесса крепко схватила руками искрившие разломы и насильно опустив человеческие руки вниз, качая головой, выкинула:

– Глупая девочка! – после чего раздался яркий взрыв, поглотивший алыми пламенными языками обеих соперниц. Раскаты взрыва не тронули заместителя и Сталиса; по ним не прошёл даже лёгкий ветерок. Последствия вовсе не слабой вспышки, будто полностью вобрала Магна, не пропустив мимо и пылинки.

– Где ж такое видано, огнём тушить огонь? – стряхивая

пепел и залу с ладоней, молвила Магна, выходя из развивавшихся дымных клубней. Ничего кроме рук, она даже не запачкала...

– Уверен, южный фронт Евразии остался без должного внимания, ведь Гегар – истребил практически все наши силы, – предположил Сталис. – Но даже чтобы собрать выживших и пойти в бой, необходима связь. Как ты сообщишь план действий без генерала, и его связного узла?

– Это ни к чему, – возразил Кан. – Все уцелевшие и так соберутся под Гегаром. Такой сценарий входил в курс подготовки. Сейчас, наша главная цель – не позволить помешать транспортировке Гегара, хотя бы до центра пустыни.

– И где хоть один выживший? Кажется, нэогары не согласны с твоей затеей, – подметила Магна, оборачиваясь по сторонам.

И действительно, хоть Гегар понемногу проплывал над головами управления, кроме них троих и всех, кто тащил на себе поверженную машину, не виднелся никто. Но даже это не смущало наиболее сильно; где-то там, аж в области далёких креплений к оторванным ногам, стали доноситься взрывы и глухие тяжёлые стуки, причём глазами ничего увидеть не выходило; всё распознавал лишь слух. Если вначале звон металлических орудий, глухие трески и раскатистые взрывы доносились с одной стороны, вскоре подключилась и вторая.

– Что там творится? – приподняв бровь, озадачился Кан.

– А то не ясно, что кто-то мешает твоему сценарию... – с одолжением, ответила Магна.

– Тогда, остановите их! Кто здесь легендарные короли? Я, что ли?! – указывая в направлении звуков, повысил Кан голос. Оба короля, лишь усмехнувшись, с наигранной спешкой побежали к дальнему краю.

С той стороны, где некогда у освободителя крепились ноги, теперь шла односторонняя борьба. Примерно сотня солдат, которую решили не отсылать к западному фронту, в компании нэогаров – управляемых людьми, словно блохи мешались под ногами «грузчиков». Те молодцы, что сумели сохранить своё оружие исправным, приносили больше пользы, чем потрёпанные пареньки, бившие массивных чемпионов арены найденными где-то палками или поломанными жезлами. Зато нэогары, игравшие на стороне людей, были способны, лишь раз ударив тягача ногой – оставить на нём заметную вмятину. Всего среди собранных для этой «таскальной» миссии мелькали три таких нэогара, но даже они вносили ощутимый вклад. Пусть им не хватало времени для убийства одной из «опор» передвижения Гегара, сломать ногу или выбить руку из плеча чемпиона, они вполне поспевали. Не критично, но это тормозило процесс переноса, ведь для такой махины, как Гегар, важна была каждая «ножка».

В суматохе множеств точных движений этих нэогаров, удавалось заметить выгравированные на их плечах цифры. Синей краской покрывались углубления в виде тройки,

пятёрки и шестёрки.

Сражавшиеся вместе с нэогарами люди прекрасно знали, что под костюмами скрывались капитаны «Реокрацу», и чтобы не путать индивидуальные для каждого облачения, технологи решили обозначить их номерами отрядов.

Продвижение под Гегаром и постепенное отсеивание наименее способных носильщиков, к концу пути даже остановило бы перенос, но по правую сторону бившихся людей, вдруг разгорелась протяжённая огненная вспышка, достигшая в длину более двадцати метров. Никто не заметил её заранее, никто не сообщил остальным об угрозе; пламенная струя просто показалась перед отвлечёнными солдатами и, моментально захватив их одежду, стала поглощать кожу. Отстранившись от дел, они попадали на песок и, крича болезненными воплями, пытались избавиться от пировавших языков огня, лизавших нежную плоть. Безмятежно за этим наблюдая, и даже желая закрыть уши от невыносимых визгов, между обгоравшими телами вышагивала Магна, направляясь к следующей группе жертв.

Такой инцидент, как сожжение живьём, не остался без капитанского внимания, и буквально ошалев от подобного злодеяния – со своего места сорвался нэогар под цифрой три, внутри с воинственной Лирой. Позабыв за вспышкой гнева любую другую эмоцию, она, разрывая связки рыком, готова была незамедлительно истерзать баронессу.

С ухмылкой наблюдая за рвением девицы, Магна позво-

лила ей приблизиться и с расстояния двух метров – ударила раскатистой, не длинной, но объёмной огненной волной, не только отбросив капитана, но и ослепив. Не желая дожидаться растворения нэогарского взблеска, сквозь пламенные языки пролетел нэогар с шестёркой на плече. Вторая уцелевшая девушка-капитан, сумев изрядно удивить Магну своим рискованном поступком, элегантно ударила бы баронессу прямо в щеку, да ещё с такого отличного размаха. Но бывшая королева не осталась без прикрытия.

Просвистев немного выше её головы, мелькнул стальной заострённый штырь, чей блеснувший на солнце наконечник опередил шестую, и вонзился в центр капитанской грудины. Показав самый краешек гладкого острия из спины девицы, удар подоспевшего Сталиса отбросил её назад, так и не позволив тронуть Магну. Рухнув спиной на песок, протяжно мыча, вцепившись в торчавший из костюма прут, шестая стала всеми силами его вытаскивать.

Усердие воительницы отвлекло её от Магны, чей недавний залп как раз развеялся. Безрадостно глядя на поверженного чужим ударом «нэогара», баронесса приподняла правую руку, и не до конца сжав кулак, стала накапливать в нём оранжевое пламя. Королева встала к шестой полубоком, из-за чего вся правая часть тела была совершенно открыта. Этим воспользовался пятый – выстрелив в её плечо из скрытого под запястьем дула. Звон пули, не сумевший даже пробить баронской брони, зато заметно развернувший Магну,

услышал и Сталис. Зацепив Лиру левой рукой, а её коллегу правой – капитан отскочил подальше в сторону, позволив простым солдатам хотя бы задержать баронскую пару.

– Что это за чудовища, – простонала шестая, наконец вытащив из себя окровавленный прут.

– Не встречала ещё нэогаров, способных на такое, – согласилась Лира, поднимаясь с песка.

Оба прелестных капитана только начали собираться с силами, под прикрытием подоспевшего пятого, когда чрезвычайно сильные «воры» унесли тело Гегара достаточно далеко, чтобы две громадные ноги, опертые об низ спины после падения – лишились упора. Похожие на колонны опоры, не идеально целые, но хотя бы цельные, рухнули на головы глупцов, бежавших к баронам под ними.

Конечно, ни Магна, ни Сталис не упустили такую опасность; их положение было удачно. После громкого падения, баронов даже не запачкало пылью. Пятому капитану тоже хватило внимательности подобрать безопасную зону, но его вместе с коллегами замело жёлтым туманом.

Пустыня видала падения и в разы массивнее, но даже после удара лишь пары Гегарских ног – она не смогла сдержать лёгкую тряску. Дрожащие толчки повалили среди дюн любого человека, не попавшего под недавний удар, но при этом будто и не коснулись особых имперских сил. Чемпионы «Бойсдракс» – продолжили своё дело.

– Что, закончились?! – бросила Магна вызов людям, ко-

торых даже не видела сквозь песчаную пыль, но очень пыталась разглядеть.

Сталис, уже не обращая на это внимание, подошёл к одной из ног, что была к нему ближе всего. Положив на неё обе руки, он нежно погладил металл ладонями, и громадная нога, способная выдержать вес в сотни тонн, стала уменьшаться. Вернее, она будто таяла, растекаясь по своим краям в густые тягучие лужи. Сероватая жидкость, что будто вытекала из ноги, при этом её уменьшая, была настолько густа, что не успевала растекаться в стороны, а скорей повышала уровень высоты. Довольно быстро, у основания ещё не растаявшей ноги, скопилось жижи высотой немного больше метра, и тогда, спинами вверх, из неё восстали нэогары. Они были светлей, чем долженствовали, их броня и лица не были настолько подробны, как должны быть, но рост, общие черты и подвижные места – были крайне схожи.

Чем сильнее в жидкую сталь обращалась нога, тем больше таких созданий восставало из луж, уже больше походивших, на небольшое озеро.

– Ого, ты и так умеешь?! – с интересом наблюдая за бывшим королём Сталии, восхитилась Магна.

– Я такой же король, как и ты, – снисходительно ответил барон, закончив оплавливать часть Гегара.

– Выходит, ты королева? – хихикая, сморозила баронесса. Решив выказать разумение, Сталис прекратил беседу. Развернувшись назад, он крикнул:

– Кан, они твои!

– А вторую ногу переделать, не хочешь? – не особо громко спросил заместитель, выходя из оседавшей пыли.

– Тут около трёхсот солдат, тебе этого не хватит? – показав рукой на разорённую, подбитую и израненную часть выживших людей, приподнял барон бровь. Кан, посмотрев на до конца восставших из стали солдат, одобрительно хмыкнул.

Сам же барон вдруг услышал далёкий, но стремительно нараставший человеческий крик и, посмотрев в сторону, откуда доносился звук, увидел бежавшего сломя голову члена отряда «Реокрацу», далеко не капитана, зато хорошо вооружённого. В такт каждого касания земли он испускал пулю максимального калибра из каждого автомата, что сжимали его руки. С такого расстояния даже Сталис получил бы лишнюю дыру, пропустив выстрел.

Барон отсоединил узорчатый по краям щит, вырвав его из грудной части своих складных доспех, и прикрывшись от первого ряда пуль, топнул о песок ногой. Это вызвало моментальный рост острого шипа, в паре шагов перед человеком. Четырёхугольная пика без труда насквозь пронзила живот смельчака, посмевшегося показаться пред бывшим королём. Значительная часть окровавленного железа торчала из спины уже умершего солдата, а Сталис, вернув щит на место – вдруг подскочил вверх, сильнее, чем в своё время это сделал Вайдэр. Лишь одним прыжком преодолев расстояние

до убитого паренька – барон заскочил ему на плечи и, снова от них оттолкнувшись, набрал ещё большую высоту. За секунду в его руках оказались топоры, собранные из пазлов доспех за спиной, с широкими блестящими двойными лезвиями, короткой пикой меж ними на макушке, и длинными тонкими ручками; с максимально высокой точки, он метнул графитового цвета орудия в пятого капитана.

Перед спасителем последних девушек на фронте встал нелёгкий выбор: либо топоры пробьют головы не окрепших после боя девиц, либо пареньку придётся пожертвовать руками, ведь времени на блок другим способом, Сталис ему не оставил. Сам того не ожидая, пятый подставил под удар оба предплечья. Летевшие на внушительной скорости топоры, вонзились сквозь броню практически до тыла лезвия. Прикрыв таким способом даже не понявших произошедшего барышень, единственный парень в капитанской компании был бы рад сдержать нараставший протяжный крик, но он просто не смог, и только выкрикнув страдальческую «А», рухнул на колени. Вот теперь и Лира, и Шестая – обратили на напарника внимание, но это оказалось лишним.

Приземлившись где-то вдалеке Сталис, лишь коснулся ладонями песка – сидя на одном колене, как с трёх направлений пятого пронзили колья, выросшие из песка вокруг капитана. Они вонзились ему точно в грудь; лишь один попал в спину, но пророс с противоположной стороны. Это случилось прямо на глазах у нэогаров, внутри которых пребыва-

ли девушки. Им не хватило сил даже на ответный крик; паника и удивление, застывшие в стеклянных глазах – вызвали оцепенение.

– Сталис, куда собрался? – во весь голос крикнула Магна.

– Здесь я тебе не нужен, – также громко ответил барон, пустившись в ломовой бег.

На своём пути в Авангардный город, он бежал быстрее, чем смог бы любой спринтер. Его взор направлялся строго вперёд, а мысли переместились в тот самый день, когда император громогласно заявил о своих военных планах. Тогда, мальчишка-Тиран впервые пожаловал в покои Сталиса. Они были вполне сдержанны, и вовсе не походили на те, что заказал Вайдэр; ничего лишнего, ничего неопрятного.

– Сталис, ты ведь не занят чем-то более важным, чем моё поручение? – отходя от закрывавшихся дверей, спросил владыка.

– Ты не давал мне поручений, – недоумевая, ответил барон.

– Верно, но как раз собираюсь. Как ты считаешь, каким способом лучше всего оборвать жизнь?

– Врать в глаза, а затем вонзать ножи в спины?

– Нет, – усмехнувшись, ответил Вэнтэр. – Всеми живому – важнее всего голова. Стоит её лишиться, и ничего кроме предсмертных судорог, ждать не стоит.

– Лучше бы ты так и действовал, – остался убитый король непреклонным.

– В этом и состоит, моё поручение. Пусть образно, но такова твоя задача на грядущей войне. Ты должен будешь обезглавить Евразию, и позаботиться об устранении любых других «голов». Уверен, ты понимаешь, о чём речь.

– Грязно играешь, Вэнтэр. Меня убивать невинных, Вайдэра бить в спину...

– Вайдэра? – перебил Сталиса император, заметно удивившись. – Ты-то откуда знаешь?

– Я вообще не мало знаю. Но мне всё же не известно, куда ты денешь Магну?

– Магна слишком взрывоопасна, чтобы доверять ей тонкие дела. Пусть бушует на фронте...

Обернувшись назад, в уже едва видную пустынную даль, убежавший Сталис промолвил:

– Уж с Магной Вэнтэр не прогадал. Она покроит своих противников густым пеплом, поверх обугленных останков...

21 эпизод. Геройский выбор

Интриги стандартное дело для тех, чья рука близка к власти. Но если император Вэнтэр любил строить планы за чужими спинами, поверженному королю Сталису, это претило. Чего только не сделаешь, ради жизни, вне Ментального мира – так тешил себя нынешний барон.

Вбежав внутрь Авангардного города, ориентиром для Сталиса стал штаб капитанов «Реокрацу», успевший опустеть к моменту его появления. Безразлично оставив песочные часы позади, барон продолжил свой ускоренный путь.

Возглавлявший нелюдимую, и благодаря этому такую тихую столицу, дворец короля, молочного цвета снаружи, радужный изнутри – впервые за весь день встретил нового гостя. Из всех, кто до сих пор не спрятался в безопасных подземельях, только и остались король с советчиком; оба пребывали во дворце. Но в их безлюдную цитадель пожаловал Кир, спешно шагая к тронному залу. Наконец, завернув в нужный коридор, красноволосый паренёк, одарённый ростом – увидел у двери в королевский кабинет телохранителя Артура, с прежним безразличием глядевшего на Кира. Ничего не сказав, сильнейший капитан направился к заветной двери, но второй по силе, встав ближе к её ручке, монотонно заявил:

– Король не желает никого видеть.

– Наши желания редко сбываются, – протянув руку к двери, ответил Кир.

– Королевские – не редко, – помешав капитану, отрезал секретарь.

Сердито отойдя на шаг назад, Кир взглянул строгим взглядом в глаза второму и, наполнив голос суровостью – объявил:

– Я – первый капитан «Реокрацу». Я – его лучший друг с самого детства. Я – брат его жены. У него и правда не найдётся для меня времени?

– Заканчивай, Фрол, – послышался голос короля из-за двери. – Впусти капитана... – Как отвратительно, что он выбрал именно этот повод. Назвал Кира именно так.

Лишь с тенью недовольства, синеволосый паренёк отошёл в сторону, и Кир, спешно заскочив в тронный зал, предоставил закрытие двери телохранителю.

– Прости, что так врываюсь, но нам нужно срочно поговорить! – выпалил королевский друг.

– Хочешь обвинить меня в потере Гегара? – дрожащим голосом, спросил Артур. – Вряд ли ты скажешь то, что я ещё сам себе не сказал...

– Потеря Гегара только начало наших проблем, – донёс капитан, и король, удивившись, оживился. – Прямо сейчас его забирает Империя, пригнав к краю Евразии отряд небывало сильных нэогаров. Вступившая в бой парочка противников, что раньше не отходила от наместника императора, тоже оказалась с причудами. Сил трёх капитанов просто не хватит, чтобы их остановить. Как мне доложили совсем не давно, один из них превратил целую ногу Гегара в батальон нэогароподобных роботов, а затем и вовсе убежал в сторону внешнего города. Оставленные на первом фронте войска не смогут не то что победить, а даже задержать этих тварей, без поддержки тех сил, что сейчас удерживают северный фронт. Мы в невыгодной ситуации, и вот-вот получим прорыв внутрь городов!

– Тогда, что ты тут делаешь?! Чем описывать мне наше положение, лучше бы вместе с остальными отправился на фронт! Твоя помощь нужна больше, чем слова!

– У этой войны одна цель – месть. Мечь обиженного им-

ператора, его ответ нашей «наглости». Но заметь, в победе – заинтересован только он. Всё, что там творится, – указал Кир рукой в окно, из которого едва виднелись префронтальные области, – нужно ему одному. Только императору.

Внимательно слушавший король, всё больше и больше вникал в слова капитана, но от этого, его лицо терялось во всё большем и большем недовольстве.

– Я никогда так не поступлю! – размеренно, в меру грозно, выдавил Артур. – Нам и опыта Лиры достаточно, не по плечу людям тягаться с нэогаром!

– Ты сам говорил, что осознал ошибку, отправив лишь третью по силе. Я Первый – со мной всё иначе!

– Способности Кулака не поддаются описанию, а опыт императора затмит любого старика! Нам нужно лишь отбить его нападение, погасить хотя бы один фронт...

– Мы не в силах это сделать! – вставил Кир, оборвав слова короля. – Раненых у нас в два раза больше, чем уцелевших, и меньше, чем погибших! Мы не тянем войну с Империей, тем более теперь, лишившись Гегара... Нет другого варианта, кроме как покончить с императором! Я... я обязан хотя бы попытаться. Я не могу помогать на фронте, зная, что это лишь отсрочит проигрыш!

– Попытаться?! А если не сможешь? Если он убьёт тебя? Я ведь не прошу себя за это. Я не могу заставить тебя не пытаться, но что, если ты проиграешь? Что, если не вернёшься?

– Если я не вернусь, значит – я победил, пожертвовав со-

бой. Это лучшее, что я смогу сделать ради всех, кого люблю. Но что, если я не попытаюсь? Всё, что мне дорого – уничтожат вместе с этим дворцом и даже не подумают, что лишили кого-то не просто жизни, а целого мира.

Артур припустил смиренный взгляд и, недолго помолчав, навёл среди мыслей порядок.

– Ты ведь здесь ради моего разрешения на использование «змеинового скелета»? – подняв глаза из-под бровей, спросил король.

– Да. Это лучший тип костюмов созданных твоим отцом. Самим законом запрещено его использовать, без личного одобрения короля. Иначе, я был бы уже на пути к императору.

– «Скелеты» – мощное оружие, им не стоит принадлежать злым умыслам... Но помимо выдающихся характеристик, эти костюмы самые беспощадные. Уверен, ты в курсе, и тебя это не пугает...

– Всё так, – хмыкнув, подтвердил капитан.

– Я сообщу исследовательскому центру, что одобряю использование «скелета», – безрадостно согласился Артур. – Но лучше возьми с собой и второго капитана; так будет надёжней...

– Твой телохранитель не должен покидать дворец, ведь один из баронов – как их называет Кан, сейчас где-то в Евразии. Я и сам справлюсь, а Фрол пусть оберегает короля, – одобрительно улыбнувшись, попятился Кир к выходу.

– Удачи тебе... и будь осторожен! – натянув улыбку, попрощался король.

– Мне стоит быть только сильным, – выходя за дверь, от-
радно попрощался и Кир.

Король, оставшись в одиночестве, заерзал на троне. Не на-
ходя удобной позы, он встал с роскошного сидения. Подойдя
к окну, Артур сложил ладони и, вставив их между лицом и
стеклом, пробормотал:

– Хоть бы всё обошлось... хоть бы он справился...

Кир, закрыв дверь с другой стороны, снова встретился с
телохранителем, безжизненно глядевшим в стену напротив.

– Уверен, ты знаешь о нэогаре, бегающем где-то в Евра-
зии, – молвил самоотверженный капитан.

– Да. Доложили.

– Тогда тебе известно, на что он способен, и насколько
опасен. Уж не подведи, – проходя мимо прямого взгляда,
молвил Кир без былого напряжения.

– Ты тоже, – выкинул вдруг Второй, посмотрев Киру в
затылок. Первый капитан аж обернулся, не ожидая такого
дружелюбия, и уверенно кивнув – продолжил путь.

Даже смелые люди, не смогли отказать себе в безопас-
ности, и под руководством второго отряда скрылись в под-
земных укрытиях. Отсутствие трусливости или же одиноче-
ство, оказались недостаточной ценой для пребывания снару-
жи, когда с двух сторон к дому подобрался враг. Только са-
моотверженность смогла дать сил на свободу от подземелий.

Как оказалось, ею обладали совсем немногие.

Но она точно присутствовала в профессоре, что возглавлял отдел научных модернизаций. Именно под его контролем находились Евразийские костюмы нэогаров, и именно его жена, слабейшая в «Реокрацу», погибла в попытке устранить баронов.

Давний напарник и близкий друг Джаина трудился в мастерской совсем один; в уставленном техникой цеху не было ни единой души кроме учёного, и его главного проекта. Паренёк со всем усердием копошился в левом колене необычного нэогара, что ровно стоял на опоре, собранной из тонких железных прутков. Видом этот нэогар действительно удивлял: был белого, снежного цвета, с головой округлой и гладкой. Его тёмно-синие глаза были нестандартно велики и практически соприкасались у носа, который, как и рот – отсутствовал. Дальние края глаз заострились и уходили в сторону висков, которые тоже никак не выделялись. Шея этого творения была прорезинена чёрными складками, затем следовали плечи, белые; обыгранные видом груди закрытые люки, ниже которых в ряд спускались по три округлых выпуклости, до самых бёдер. Они играли роль заслона оружейного отсека, хотя неплохо вписывались в образ даже как простое украшение. Каждая подвижная часть устроена была по принципу шеи, и только ладони с пальцами чернели сами по себе, хотя с обратной стороны, почти до первых фаланг, спускалась белая пластина, необходимая

для укрепления кулака. Ноги были пропорциональны телу, а ступни, были выкрашены в белый, и напоминали закругленную на носу туфлю.

Закончив мастерить колено, прикрытое чёрными складками, заинтригованный профессор оторвался от механической мороки и, подбежав к компьютеру, нажал лишь на пару клавиш. Кинув озадаченный взгляд на труд своих последних бессонных недель, его уставшее лицо растаяло в умилении и восторге. Спидрайдэр, как его назвал сам Джаин, ещё пребывая в Империи – зажгёт глаза синим светом, и беспроblemно соспустил с опоры. Величественно оглядывая горевшими глазами лабораторию, он остановил взгляд на профессоре.

– Спидрайдэр? – в ответ технолог получил размеренный кивок. – Твоё самочувствие в рамках нормы? – в этот раз Спидрайдэр посмотрел на руки, что крепко сжал в кулаки, и снова кивнул. – Мы не можем больше ждать, тестирование пройдёшь на поле боя! – воодушевившись, развернулся знаток к монитору. – Я внесу в твоё сознание всю имеющуюся информацию о военном положении, а ты – отправляйся на фронт, и сделай всё, чтобы быть полезным!

Снова смиренно кивнув, Спидрайдэр ускоренной походкой направился к выходу. Как раз в этот момент, недалеко от дверей показался Кир. Пропустив белого нэогара, что на целую голову был ниже капитана, паренёк зашёл в лабораторию и, в растерянности глядя на учёного, спросил:

– Это что за гуманоид?

– Возможно, он наша последняя поддержка...

– Вы ведь получили одобрение короля? Вы подготовили «змеиный скелет»? – перешёл Кир к своему главному вопросу.

– Да, «скелет» всегда готов... я стал бы тебя отговаривать, но понимаю – сейчас у нас выбора нет. Уверен, любой счёл бы тебя героем, и тот выбор, что ты сделал, геройским. Всё, что я могу, это снарядить тебя в путь. Путь, что можно сократить, если ты отправишься на эндуро.

– На чём? – искажился Кир удивлением.

– Представь мотоцикл, способный летать. Разработки эндуро мы переняли у Империи, но не окончили их. Эндуро значительно сократит время передвижения, но даже садиться на него, уже риск.

– Я собираюсь биться с императором, – на выдохе размяк Кир. – Что может быть рискованней?

– Тогда, за дело! – вскрикнул учёный, уводя за собой сильнейшего в Евразии паренька.

Крыша Евразийского центра разработок, за одно и штаба седьмого отряда «Реокрацу», оказалась очень удобной взлётной полосой; Кир, что уже примерил «змеиный скелет», присел на заранее заведённый эндуро, перед которым открывалась прямая дорога, ведущая в Империю. На вид этот летательный аппарат очень напоминал мотоцикл; руль, размеры, даже фары и круглые колёса, всё сходилось с оригиналом, но выглядело более футуристично. В колёсах этого прибора та-

илось принципиальное различие: они крутились не по направлению езды, а вокруг самих себя, создавая будто единую сферу, вместо простого плоского круга. Как только под Киrom сформировались жужжавшие шары, он поднялся в воздух примерно на полметра, напрочь оторвавшись от покрытия крыши.

– Этот эндуро запрограммирован на полёт строго к замку императора. Сбить его с курса будет невозможно, – стараясь перекричать не тихое жужжание, сообщил технолог.

– Это не проблема.

– Что ж, тогда удачи!

– Без неё – никуда! – вытянулся Кир вперёд, переключившись на максимальную скорость. Его унесло с места невероятно быстрым порывом мощного голубого пламени из установленных сзади турбин; даже сам Кир, не сразу понял, что уже начал путь.

Проводник капитана в мир высоких технологий, лишь ухмыльнулся в след самоотверженному герою, что едва виднелся вдали внешних городов.

Возможно, профессору тяжело было расставаться с последним напоминанием о совместных с Джаином проектах, ведь один из них – только что отправился в опасный путь. Или же его душа радовалась, что этот самый проект так подошёл Киру, и пригодился для столь важного дела. «Змеиный скелет» ничем не походил на обычный костюм; он словно множество педантичных стальных радуг плотно захва-

тывал каждую часть тела, оставляя небольшие зазубрины между дугами. Исключение составляли разве что длани; для них были цельные перчатки, и ноги – их берегли прочные ботинки. Само же тело, руки, ноги и шея – будто покрывал высохший скелет змеи, от чего и пошло название. Затылок и лицо тоже качественно защищались; от лба до носа прикрытием служило прочное стекло.

Если и было место, где людской триумф выглядел неизбежным, то это северный фронт. Там, где в успокоившемся океане плескались остатки имперского флота, тёплые войска теснили нэогаров как числом, так и силой. Отступать приспешникам Империи было некуда, но и совладать с пополнением вражеских сил, им не удавалось. Они несли потери, теряли позиции, переживали смерти соратников, но всё равно не сдавались.

Это один из не многих поводов уважать нэогаров; пусть они холодны – они не трусливы, и стоят на своём до конца. Они сопротивляются; убивают голыми руками, если больше нечем; терпят бурлящую боль повреждений, не желая принимать свой проигрыш.

Такая стойкость дождалась вознаграждения; всеми забытые пирамидки, лежавшие кого куда забросило, вдруг синхронно раскрылись. Независимо от положения, из покрытой серой сеточкой будто колонки, спрятанной под гранями снарядов, раздался пищащий, чертовски громкий звук, разом оглушивший весь северный фронт. Он походил на скрип со-

тен тысяч мелко о гладкие доски, усиленный мощнейшими рупорами. Каждая пирамидка, что при ранних атаках вызывала лишь смех, теперь превратилась в ужасающее оружие. Любой солдат, где бы он не находился и чем бы ни был занят – зажал уши ладонями с такой силой, что вот-вот собственноручно проломит череп. Но даже это не приглушало страшный вопль; из ушей каждого человека, сквозь сомкнутые пальцы просочилась кровь, растекаясь тонкими струйками по щекам и ладоням. У многих не выдержали сосуды даже в носу, и помимо ушей кровь полилась и оттуда. Вся тёплая армия села на колени и дробя сжатием зубы, вжимала руки в уши. Только нэогары будто не заметили атаку звоном; они, как ни в чём небывало – вернулись к военным делам, и стали отбивать солдат, что просто не могли противостоять.

Когда минутный «громкий ад» наконец прекратился и пирамиды остались без энергии, половина людских сил, истекая кровью из ушей, уже лежала без сознания. Оставшиеся пареньки, что оказались повыносливее, не могли даже разогнуть колени, противостоя страшному гулу в собственных головах.

Добивая всех, кто мог бы стать угрозой, полные сил нэогары двинулись вперёд. Шагая по трупам, пиная лишившихся сознания, и отстреливая сумевших выстоять, они двигались к городам, оставшимся без защиты.

Пожалуй, единственный человек, которому по нраву пришелся сей исход – как раз сейчас взирал на далёкие просто-

ры Евразии с личного балкона.

– Вот время затишья и кончилось. Всё-таки это удобно, что людской слух, и нэогарский, не идеально схожи; если бы мы применили вариант с ядовитым газом, у людишек было бы больше шансов спастись... А теперь, мы разом уложили практически все их силы. Второй фронт – бесподобен, – рассудил владыка, постукивая стальными пальцами Кулака о прозрачное покрытие стола.

Одинокая, брошенная последним «коллегой» Магна – лишилась намеченного плана действий. Она растерянно стояла между Каном, и стальным войском, что сотворил Сталис.

– Солдаты, прорваться в заселённые земли! – скомандовал Кан, и три сотни послушных вояк, сжав руки в локтях – трусцой побежали к Авангардному городу.

– И что мне теперь делать? Кажется, у баронов больше нет задач, – огласила Магна.

– Помоги оцепить захваченную территорию, – распорядился Кан. – Огневая поддержка всегда кстати...

Магна ехидно перевела взгляд в сторону первого города, но в её поле зрения вдруг попал отлетевший стальной штырь, что вытащила Лира из убитого капитана.

– Не позволю! – рыкнула девица, укладывая пятого на рыхлый песок, запачканный следами крови.

Баронесса даже вздрогнула, услышав этот крик.

– Лучше бы вы притворялись мёртвыми, – выдавила Магна, разжигая меж ладоней яркую сферу огня.

Когда последние главы «Реокрацу» первого фронта ровно встали на ноги, Магнин заряд разросся до размеров, превышавших её голову, и она запустила шар в капитанов.

Девушки лишь отскочили в разные стороны, как красочный взрыв озарил пустыню. Из далёких от центра языков огня, оба капитана устремились окружить баронессу. Магна направила в них обеих пальцы, собранные клином, и ударила раскатистыми волнами огня из самых кончиков фаланг. Лира, сделав виртуозное колесо, по диагонали сократила путь к пылкому противнику, а шестая, лишь повторив за третьей, тоже подобралась к Магне как никогда близко. Поменяв свои позиции, они оказались у ног королевы, и пока та лишь меняла направление мощных струй – двойным ударом сбили её с ног.

Падая на спину, Магна руками упёрлась в песок и, перекинув ноги за голову, отскочила назад, не позволив себе упасть. Только лишь коснувшись почвы в паре метров от напавших, баронесса приготовилась ударить изогнутыми вспышками, похожими на серпы. Но из-под песка около её ног, вырвался чёрный трос, завершённый острым недлинным наконечником, будто безугольной пирамидой. Попав точно в Магнин живот, трос подбил королеву вверх, откуда отшвырнул назад.

Потерялись все грани удивления каждого, кто это увидел. А трос, вернувшись под песок, заполз обратно в спину Спидрайдэра, размеренно шагавшего к спинам капитанов.

На другом конце враждовавших земель, там, где война не портила ландшафт, опережая время, показалось эндуро, перевозившее сильнейшего в Евразии паренька. Промчавшись над Империей, он – заранее готовый к проблемам с посадкой, перелетел внешние стены дворца и, спрыгнув с летающего мотоцикла, позволил ему громким взрывом разорвать внутренние ворота замка. Сам Кир умело приземлился на уцелевшую стену, которую ради этого и уберёг.

Оглядев снизу вверх доступные глазу окна, паренёк не увидел ни единой живой души. Зато император, чей лик переполнял гнев, с ненасытной яростью взирал на гостя, с высоты балкона...

Добровольцы когорты «Реокрацу» проходили внушительную подготовку и были способны на удивительные вещи: к примеру, без малейшей травмы соскочить с трёхметровой стены, хотя Киру эту задачу облегчил «змеиный скелет».

Капитан первого отряда внимательно оглядел наружные просторы дворца, и кроме него, во всём огороженном месте, не нашёл живых существ. Решительным шагом пустившись к входу, уничтоженному столкновением с эндуро, Кир попал внутрь замка. Это место сильно отличалось от дворца, где заседал его король.

Даже забравшись на второй этаж, а затем и третий, капитан встретил лишь роскошную пустоту.

– Такая тишина начинает пугать, – прошептал он, не сбавляя шаг. – Неужто, алчность императора отправила на фронт

каждого солдата? Вряд ли он настолько расточителен, но где хоть один страж?!

Капитану не придумалось ничего лучше, чем шагать по ступеням, пока они не закончатся. Лестница оборвалась на самом верхнем этаже, плавно перетекая в коридор. Ещё со времён разговора с Лирой Киру было известно, что именно этот этаж был излюблен императором; он, можно сказать, обитал здесь.

Не на шутку переживая, но сдерживая лишние эмоции, необычный «нэогар» осторожно приоткрыл первую на этаже дверь, заглянув в которую, увидел уютную небольшую комнатку, но, увы, пустую. Перешагнув к следующей двери, он приоткрыл и её, не издав при этом звук даже вдоха. Это оказался личный зал водных процедур, и его тоже никто не занимал. Подобравшись к следующей двери, Кир вначале протянул к её ручке ладонь, но в паре шагов заметил более интересный вход: две сомкнутые дверищи, внушительных размеров и роскошных облицовок. За ними таился императорский тронный зал, и даже вход туда выделялся вычурностью. Будто почуяв непонятный зов, добровольный герой подступил к этим дверям, миновав все остальные. Взявшись за широкие ручки, капитан ощутил глухие стуки сердца. Они тревожной чередой нахлынули на его выдержанное спокойствие, и Киру пришлось задышать приоткрыв рот, ведь волнение прекрасно умеет «душить». Набравшись смелости, сжав с равной силой ручки и скулы, Кир распах-

нул обе двери, скрывавшие тронный зал. Его первому взору мог предстать хрустальный трон, мраморные стены, ветвистая люстра, но предстал – император, спиной облокотившийся о перила балкона, и державший руки собранными у груди. Смотрел он точно на капитана, стоявшего в роскошной амбразуре. Вэнтэр взирал хмуро, но спокойно. Весь его вид кричал о серьёзности, но не было и намёка на ненависть.

– Вас специально просят портить мой дворец, или вам самим это нравится? – с тенью призрачности, молвил мальчишка.

– Это ты – император? – смутившись, спросил Кир. – Тебе сколько, лет пятнадцать? – улыбнувшись, по доброму спросил паренёк.

– По меркам людей – шестнадцать, – не сменив манеру речи, решил тиран ответить. – Предыдущие гости были поуважительней. Или, может, я выгляжу недостаточно злобным?

– По крайней мере, на вид. Слушай, если эту войну развязал ты, просто прекрати её. Она уже принесла достаточно жертв! Какие бы ошибки мы не совершали, уверен – столько смертей хватит, чтобы сполна их искупить! Ты жертвуешь собственными нэогамами и невинными людьми, ради чего?! Что тебе это даст?! – перешёл капитан с дружеской беседы, на требовательный крик.

– Умиротворение, – ответил Вэнтэр, без малейших пауз. – К тому же, все люди кое в чём виновны. И дело не в побеге, не в том покушении, из-за которого я создал Кулак, не в нападении девицы, что разнесла дворец и впервые ис-

портила перчатку, нет... дело в том, кому не хватило ума это предотвратить. Если ты ударишься ногой о камень, разве станешь винить камень, или ногу? Ты обвинишь голову, в невнимательности. Я же, виню твой народ за поддержку короля, очень глупой головы. Теперь, мне желанно, чтоб каждый человек, разделил участь «головы» и понёс ответственность за глупости, что вы ему позволяли. Это ведь он первый запаниковал, когда открылся второй фронт? В потере Гегара, по большей части, виноват сын Джаина. Глупый король – лишь симптом. Болезнь – поражение!

– Если вся причина в этом, если ты зол на Артура и нашу преданность королю, к чему война до истребления?! Я извинюсь, король извинится, да хоть все люди разом попросят прощения, только прекрати свои зверства!

– Я уже говорил, покончив с вашим существованием, я, наконец, буду умиротворён. Ваши жизни – словно камень на шее, так он ещё и регулярно крошит «острые осколки». Мои войска в шаге от победы! Вскоре Гегар станет моей собственностью, а ваши капитаны падут от рук моих баронов. Нет ничего глупее, чем сворачивать силы, – презренно ухмыльнувшись, рассудил император.

Эти слова заставили Кира припустить голову, и погрузить печальный взор в глубины паркетного пола.

– Значит, не договоримся? – уныло задал капитан свой последний вопрос.

Вэнтэр, резко опустив руки вниз, выпалил:

– Никогда! – чем заставил Кира разбудить свой редкий, бессердечный и гневный взгляд. Теперь, из-под самых бровей горели жестокие, бездушные глаза, чей хозяин постепенно шагал в сторону балкона. С каждым касанием пола капитан слегка ускорялся; император это прекрасно замечал, и даже его такое поведение слегка настораживало, но Вэнтэр бесстрашно стоял на месте, даже не меняя позу. Сделав лишь шаг от имперского трона, Кир предпринял неожиданный удар; вдруг замерев на месте после спешного пути, он высоко задрал правую ногу, и со всей силы ударил ею пол. И сам капитан не был обделён силой, а при поддержке костюма, ему удалось моментально рассеять по полу глубокие, густые трещины, направленные в основном к балкону.

Сила повреждения оказалась достаточно велика, чтобы надёжный ранее балкон тоже перенял расколы, хотя не такие сильные. Крепление «небесного пирса» никак не рассчитывалось на такую брешь; не успел император и шагнуть с места, как дальний край балкона накренился вниз, забирая с собой возможность покинуть пристройку. Вытягивая руку и лишь пытаясь шагнуть вперёд, лицо Вэнтэра пробрало удивление, но ничего кроме него, Кир застать не успел. Мальчишка слишком быстро полетел вниз, вместе с отколовшимся балконом...

Уж такой высоты даже ему должно хватить, не сомневался Кир, но решил убедиться, и подступил к краю обрыва. С каждым шагом приближаясь к оборванной пристройке, без

видимых причин в капитане нарастало волнение; он сам не понимал почему, но стерёгся подойти слишком близко. И это оказалось нелишним; когда меж капитаном и обрывом осталось не больше шага, пред Киром резко взмыло нечто большое и быстрое. Тёплому нэогару едва хватило внимания заметить, что это был император, стоявший по центру балкона, беззаботно висевшего в воздухе, окружённого красным, будто пылавшим шаром энергии. В чём-то очень схожем Вэнтэр и Лира спаслись от падения, во время прошлой битвы императора и капитана. Кир слышал от неё об этом, но позабыл взять в расчёт...

Только показавшись пред противником, мальчишка ментально взмахнул правой рукой, на которую был надет пока собранный Кулак, и с нэогарской силой отбил капитана, не успевшего ничего предпринять. Шар, что держал мальчишку и кусок постройки в воздухе – подлетел поближе к стене и, прижав балкон к месту крепления, позволил Вэнтэру вернуться в тронный зал. С лёгкостью переступив истресканный порог, император прекратил подпитывать пылающую сферу, и всё, что удерживало его «пирс» в воздухе – исчезло. Подбитый балкон полетел вниз, в этот раз и правда разбившись при падении. Владыка остался у самого обрыва за своей спиной. Пока капитан поднимался, Вэнтэру решилось предупредить:

– Возможно, ты видишь перед собой «пятнадцатилетнего» мальчишку, которого винишь во всех мирских бедах. Но

это не больше, чем иллюзия. Я – нэогар, живущий в сотни раз дольше тебя. Тебе не убить меня. Людям – это не по зубам, – закончил покоритель свою речь уже перед стоявшим во весь рост Киром, глядевшим всё тем же, свирепым взглядом.

– Вот и проверим! – выкинул Первый, накинувшись на юного тирана голыми кулаками. Вэнтэр лишь отвёл правую руку назад и, резко выбросив её вперёд – шепнул:

– Киораку!

С его металлической ладони сорвался прозрачный заряд, настолько мощный, что попав капитану в область живота, тот не просто отлетел, а преодолев открытые двери в зал – спиной пробил стену коридора, выбросившись в открытый полёт. Теперь капитан покинул пределы дворца и стремился к земле с самого верхнего этажа.

Императору показалось ненадёжным просто позволить противнику упасть. Сжав стальную перчатку в кулак, властитель и сам сорвался с места, моментально долетев до пробойны в стене. Его взгляду предстал очень интересный вид: даже свободно падая, Кир умудрился руками уцепиться за наружную стену, чем притормозил полёт. Резко сдав в сторону, Евразийский герой ухватился за балкон третьего этажа. Того самого, с которого давным-давно вниз сиганул повелитель, дабы отнять жизнь сбегавшего Джаина, и встретить отпор трёх дружных смертных.

Махнув ногами, Кир заскочил на пристройку, после чего,

из чистого интереса – поднял голову вверх. Как же сильно он удивился, увидев летевшего точно на него императора, в активированном Кулаке и с вытянутой рукой. Не придумав ничего лучше, Кир нанёс встречный удар, прямо в стальной Кулак.

Ни один из воинов толком не пострадал, но послеударный толчок оказался такой силы, что и этот балкон не выдержал натиск. Истрескавшись до состояния неровных булыжников, в пыли собственных кусков, он обрушился вниз.

Император резким ударом приставил ноги к стене и, зацепившись особыми креплениями, избежал падения.

«Скелет» капитана, на такое, увы, не был горазд. Но Кир нашёл выход; он накрепко схватил Вэнтэра за руку. Упившись ногой в стену, сильнейший в Евразии свободной ступнёй ударил императора в живот. Пусть ему не хватило сил на разрушение стены позади владыки, скинуть мальчишку с креплений, как раз удалось.

Перекинув покорителя через всего себя, Кир откинул его в сад за дворцом. Вэнтэр громко рухнул среди невысоких кустов, уже отцветших чайных роз. Не удержался в воздухе и Кир; хотя, ему повезло упасть около дворца, не с такой уж большой высоты.

– Не плохо, – буркнул воевода, поднимаясь из поломанных кустов и разбитых ограждений. – С первым капитаном сложнее, чем с третьим...

– Тебе повезло, что и с третьей всё было не слишком про-

сто, – вытряхивая кусочки камней, попавшие между частями «скелета»– защитил дорого человека Кир. – Иначе, я бы не дал тебе шанса уладить всё словами.

Вэнтэр громко рассмеялся, глубоким неискренним смехом. Приложив покрытую бронёй руку к спрятанной за шлемом щеке он, покачивая головой – выдавил:

– Один смешней другого...– чем вновь ударил по нервам капитана.

Нахмурившись, как полагалось защитнику целого континента – Евразийский герой решил не ждать. Он сам пустился в атаку; сам устремился к императору, чья жизнь равнялась миллиону других...

22 эпизод. Барон сопротивления

За всю войну не случилось более отчаянных свершений, чем потеря северного фронта. Не было среди всех державших его солдат ни одного, желавшего пропускать стальных тварей в свой дом. Но также не было ни одного, способного хоть что-то предпринять. Пусть и незначительные, но холодные войска всё же вошли в западный и восточный города. Переступив черту стоявших оградой домов, одинаковых словно близнецы, силам Империи удалось не столько захватить контроль, сколько разорвать людскую надежду. Их веру в победу, их желание сражаться, их готовность погибнуть во благо дорогих людей – вот, что преступили «матросы» Вайдэра.

Цель их внедрения в города была проста, как мимолёт-

ный чих; разбредшись по всем ближайшим постройкам, солдаты, без заметных трудностей, выламывали двери, после чего-либо утаскивали за собой всё, что сочтут достаточно ценным, либо, в случае отсутствия подходящих предметов – брели дальше, подыскивая новые, обнадёживавшие места.

В пока ещё далёкой от тыльных зверств столице, над которой нависали густые белые облака, прятавшие солнце, но оставлявшие клочки голубого неба – продолжительная тишина, превратилась в волнительное безмолвие. Пусть никто не способен был увидеть это глазами, учуять томящую немоту сердцем, сумел каждый. Только Евразийская королева, волновалась так долго, что теперь умиротворилась.

В своём надёжном укрытии, под надзором четвёртого по силе в «Реокрацу», измученная родами девушка впервые в жизни, как своей, так и той, что произвела на свет, утоляла голод совсем ещё малюсенького карапуза. Не было на устах Инессы большего умиления, а в глазах бережливее заботы, чем сейчас, когда её внимание отдалось первой в королевской семье дочурке. Даже Джой, что скрывал своё наблюдение за девичьей парой, не был так степен, как обычно; сквозь служебное лицо капитана пробивался добрый лик паренька, что искренне радовался за чужое пополнение.

– Джой, положи Милену в кроватку. Ей не стоит слишком объедаться, – заворачивая кроху в белую простынку, попросила королева, приподнимая свою дочь. Капитан поспешил выполнить просьбу и, забрав малыша, перенёс её в ко-

лыбель, буквально в паре шагов от кушетки Инессы. Укладывая плод королевской любви, юный капитан впервые явил свою чистую улыбку; даже его чёрные волосы и почтительный взгляд, не создавали отстранённость. Вид крошечной, беззубой, молчаливо улыбавшейся девульки, перенявшей от мамы пока ещё редкие карамельные волосы, а от папы слабо различимые зелёные глаза, не был способен оставить равнодушным никого; в том числе и самого молчаливого капитана.

– Вы отлично справились, никто не ожидал таких лёгких родов... – встав на место, молвил Джой.

– Да, и все силы, похоже, ушли на облегчение работы акушерам... теперь и я должна поспать. Если Милена чего-то захочет, сразу буди. Рассчитываю на тебя, – улыбнувшись, смягчила королева голос. Изогнув края губ, Джой кивнул, и королева, положившись на паренька, растворилась в объятиях мягкой подушки.

С другой стороны людской цитадели, там, где некогда столь яро ревел первый фронт, сейчас, нельзя было насчитать и сотни способных устоять на ногах людей. Даже в голову не лезла идея о том, что могли сделать едва вооружённые солдаты, проигрывавшие абсолютно во всём, трём сотням спокойных словно трупы нэогарам, безмятежно надвигавшимся строгим строем. Пусть у них не было оружия, страх нагонял даже внешний вид; подобно армии нэогаров, что вёл Кан до удара Гегара, эта халатность могла свести с ума. Лю-

бая выпущенная тёплым воином пуля, не оставив и заметной вмятины, отлетала от творения Сталиса.

Когда место для степенного отступления закончилось, и спины последних защитников родины упёрлись в первые дома, отступление прекратилось. Но это вовсе не значило, что теперь противник прекратит продвижение. Вместо отступления, началось дезертирство. Та горсть солдат, что понимала свою бесполезность, побросав остатки оружия, разбежалась... Конечно, единицы особо смелых воинов, выкрикивая в спины убежавшим:

– Труссы! Твоя шкура не стоит спасения! Свобода не бесплатна! – пустились встык с врагами. Но либо сразу получив пробоину в черепе, либо оставшись с раздавленной шейей, либо разом лишившись обеих рук, смелость не осилила холодную орду. Она даже не даровала лёгкой смерти.

Взрывной характер бывшей королевы Магны, а также очень ранимое самомнение, не позволяли баронессе легко мириться с пропущенными ударами. Держась на полусогнутых ногах, она особо красными глазами оглядела стоявших капитанов и белого нэогара, что двигался к спинам девушек.

– Какого чёрта сейчас произошло?! – негодуя после тихого удара Спидрайдэра, прищурилась королева. – Прodelки того недомерка? – сомнительным голосом, предположила она. Не выпрямляя ноги из положения, будто готового прыгнуть, Магна свела обе руки поближе и, оставив меж ладонями немного пустоты, разожгла пока слабую вспышку.

Удивлённые не меньше Магны, но лишённые нотки злобы капитаны, обернувшись, тоже заметили нэогара, по всем признакам готового помочь. Он прошёл между молчаливо смотревшими девицами, и в паре шагов от них, остановился.

– Спидрайдэр?! Это правда ты? – изумлённо спросила шестая. В ответ нэогар беззвучно кивнул.

– Кто-кто? Ты уже видела «это» раньше? – смутилась Ли-ра.

– Нет, просто седьмая рассказывала о подобном проекте. Теперь мы знаем, её муж сумел...

– Тогда, оставим «огнемёт» ему. А сами, хоть попробуем остановить тех ополченцев... – предложила Ли-ра.

С пониманием кивнув, шестая отступила вместе с третьей. Это произошло одновременно, ведь Магнин заряд как раз вырос до нужных размеров и без лишних промедлений, баронесса резким толчком выкинула его. Пламенный ярко-оранжевый шар оказался не таким простым, как мог показаться. Покинув Магнины объятия, он с тихим хлопком разорвался на маленькие, но не менее горячие, бившие по многим направлениям осколки, что будто крошечные метеориты раскинулись в направлении барона Евразии. Такую атаку не то что проблемно, а вовсе невозможно отбить до конца; хоть один из полсотни осколков, да заденет. Но только не последний подарок Джаина. Стоило ему отделиться от своей спины небольшой диск, начинавшийся ниже шеи и заканчивавшийся под «лопатками», что держался на невзрачной чёрной

ножке, как из двенадцати направлений, подобных цифрам на часах, выросли щупальца. Всюду одной толщины, чем-то походившие на переплетённые канаты, строго чёрного цвета и завершённые будто скорпионьим жалом, только прямым. Именно таким оружием Спидрайдэр отбросил Магну в прошлый раз. Хотя и в теперь, двенадцать гибких, послушных и быстрых щупалец, смогли остановить удар баронессы. Пробивая наконечником в среднем по одному осколку ядра в секунду, новоиспечённый барон создал тёмно- Оранжевую завесу, смешанную с пылью и песком даже до того, как один из метеоров до него долетел. Пробив каждый пылающий заряд, он остановил нападку королевы, чем снова попортил её нервы.

Прорвав туманную стену небывало сильно сжатой огненной струёй, настолько сконцентрированной в одном направлении, что толщина её равнялась карандашу, Магна собралась прожечь в сопернике сквозную дыру. И у неё бы всё получилось, если бы Спидрайдэр, уткнувшись тем тросом, что на «шести часах»— не поднялся вверх. Вслед за струёй показалась и Магна, которой ничего не стоило поднять руку и разрезать ловкого нэогара. Но, наконец увидев оппонента, помощник Евразии протянул упёртое в песок щупальце до самой королевской ступни, и незаметно оплеля Магнину лодыжку – вздёрнул её вверх, не отпуская ногу. Белый нэогар вернулся на поверхность, а баронесса, негромко крича по ходу своего вращавшегося полёта, не могла ничего, кро-

ме как порой отпускать новые огненные вспышки, лишь бы куда. Раскрутив павшую королеву достаточно сильно, Спидрайдэр отпустил е, направив в сторону от себя, с приличного разгона и шести метров высоты. Конечно грохот после такого удара, пусть и о песок, всё равно был не слабый. Сквозь не сильно поднявшуюся пыль заметна была глубокая яма, что Магна оставила приземлением.

Отрицая факт переживаний, Спидрайдэр лишь ждал развязки. Ему хотелось бы таким способом покончить с баронессой, но его сознание понимало, попавшийся противник был особенным. И это верно, ведь опустив руки ниже, чем обычно, из оседавших клубней выходила королева, в этот раз потрёпанная сильнее прежнего. Её броня исцарапалась, а местами и промялась. Но пусть внешне она пострадала, шагала неуверенно и смотрела вниз, стоило ей поднять пылавшие багровым свечением глаза, как настрой баронессы стал ясен. Воздух вокруг неё будто искажало пламя, а песок около ног дымился, стекленел.

– Ну держись, падла! Испепелю!!! – рыкнула Магна небывало громким голосом, поддавшись самому сильному гневу за всё время её второй жизни. Подняв руки как можно выше она, скрестив запястья, ударила по песку перед собой, сиюсекундно создав безудержный огненный напор. Он разрастался от её рук чем дальше, тем сильней. Создавался будто из завитых спирали, поглощавших песок у своего основания. Насыщенный красный цвет, слепящая яркость и пора-

зительная скорость пламенного урагана, что лежал на боку, за секунды вобрали Спидрайдэра, пред которым не осталось ни единого доступного пути; в любой стороне: и сверху, и снизу, и перед ним – бушевал лишь огненный коридор. Первый барон Евразии не успел отступить даже назад, как выюга из бурлившего пламени сожрала его.

На феерию света и тепла отвлеклись даже капитаны, что до этого били имперских пешек в спины и добивали, пробивая головы, как оказалось, пустые.

– Откуда это? – увидав схожий с жерлом вулкана вихрь, изумилась Лира.

– Чёрт, внутри наверняка Спидрайдэр...

– Он такое выдержит? Он сможет устоять?

– Я не знаю. Но седьмая всегда его расхваливала, так что, может и переживёт...

Разгневанная наследница последнего «пламенного механизма», держала шторм бушующим не меньше целой минуты. Но даже она устала разжигать настолько мощные огненные спирали и, с трудом поднявшись, прекратила удар. Развеиваясь на местах остекленевшего песка, пламя не оставило ничего, кроме слабого белого дыма, поднимавшегося с самых жарких точек. Насколько же изменилось измученное лицо королевы, когда её утратившие ярое свечение глаза увидели прикрывшего голову руками Спидрайдэра, и его настезь раскрытые грудные люки, издававшие тёпло-голубое свечение. Белый окрас, конечно, покрылся залой, а ноги

слегка оплавилась. Люки вскоре закрылись и тогда, неогар опустил руки, показав уцелевшее, неизменное лицо. Он выжил, и его двенадцать «помощников», росших за спиной, готовились к продолжению сражения.

– Помню я такие модели... – молвил вдруг Кан, приблизившись к Магне. – Они были рассчитаны и как помощники при пожарах, так что испепелить Спидрайдэра не выйдет.

– Ох, замолчи... – сквозь зубы выдавила Магна, чем удивила заместителя. Даже не обернув головы, она, сжав всю злобу, что в ней была, отклацала, – я выжгу к чертям всю пустыню, и подниму пламя до самых небес! Но эта пустышка Будет расплавлена до самого основания, чего б это не стоило...

Пересекая улицу за улицей, одолевая дом за домо, Сталис так и продолжал выжимать всю скорость, что уместилась в его теле. Когда препятствием стал центральный парк, полный зелёных насаждений и мест для сидячего отдыха, бывший король лишь немного сбавил скорость, осознавая близость к месту назначения. Покинув приделы и этого места, он, наконец, увидел Белый дворец, что был выстроен в самом сердце Евразии. Не выказав и тени эмоций, он продолжил бежать, лишь слегка прищунив глаза.

Барон беспечным ударом левой руки выбил обе двери, что стояли преградой пред входом в главный замок Евразии. Но стоило ему продвинуться по коридору лишь на метр, как после глухого удара, он вылетел обратно. Едва устояв на ногах,

Сталис с трудом затормозил о мощеную дорожку, знатно её повредив. Кинув недовольный взор к выбитым дверям, король увидел стоявшего у основания ступеней паренька, известного в Евразии, как капитан второго отряда «Реокрацу». Его безразличие, даже сейчас, поражало, но хотя бы не граничило с отрешённостью.

– Далеко собрался? – монотонно спросил капитан.

Мельком посмотрев на Белый дворец, а затем снова на возникшего оппонента, даже не надевшего нэогарский костюм, Сталис выпрямился, и ответил:

– Похоже, уже нет. Давно поджидаешь?

– Тебе ведь всё равно.

– Ты прав. Не будем тянуть время, – не слишком бодро решил барон.

В спинной части его картуза зияла брешь, на месте которой раньше держались топоры. Но их потеря не отняла у него оружие; из трёх фрагментов сформировалось острое на обоих концах копьё, гладкое, как остриё иглы, и быстрее любой пташки, оно порхнуло к капитану. Фрол, пользуясь запасом свободного места, рукой перехватил бросок и, развернувшись вокруг себя, с новым ускорением вернул копьё барону. Слегка удивившись, Сталис едва успел отбить созданный им же штырь, простым взмахом руки, из которой брызнули искры. Лишь на мгновение замешкавшись, барон опустил вниз левую руку, к чьей ладони примкнул выстроенный из барм острый меч. К правой, с тыла длани, он накреп-

ко прикрепил щит, достаточно широкий, чтобы прикрыть и плечо, и голову. Отодвинув прикрытие в сторону, барон со всех ног кинулся к капитану, готовя прямой удар мечом в самый вражеский живот.

Если Сталис и правда был самым быстрым бароном, то Фрол – самым быстрым капитаном, и ему снова удалось про-вернуть нечто удивительное. С полуоборота выхватив у Ста-лиса меч, он проскользнул мимо короля и ударив нэогара по спине его же оружие, отбросил врага на ступеньки. Уловв удачный шанс, Сталис обеими руками упёрся в ступень.

Отступив от капитана лишь шаг, из земли вырос стальной кол, готовый насквозь пронзить защитника дворца. Заметив опасность, Фрол отскочил назад, а Сталис, оттолкнувшись от пола, поднялся на ноги, и собрался с лёгкого рывка забраться во дворец. Но, даже не коснувшись надёжной земли, капитан выбросил украденный меч, во вражескую спину. Будто почув-яв угрозу, Сталис развернулся и щитом отбил бросок. Это-го капитану как раз хватило на успешное приземление. Да-же не выпрямляясь, он сразу кинулся к Сталису, что уже не рад был этой стычке. Чтобы хоть как-то задержать паренька, барон сорвал с руки свой щит и запустил прямым в капи-тана, раскрутив выгнутую пластину до приличной скорости. Щит, при таком вращении, сумел бы обезглавить паренька, так что из всех вариантов, Фрол выбрал самый уместный: он присел, позволив пластине пролететь над головой. Стоило ему согнуть колени, как тоже самое сделал Сталис, стукнув

ладонью о плитку.

Отступив от паренька не больше двух шагов, его окольцевали десять прутьев, внушительной толщины. Тугими ветвистыми плетениями, они создали прочную клетку с острой крышей и замысловатым узором меж прутами.

– Может хоть это, тебя задержит... – буркнул Сталис, не спеша уходить. Он будто желал выждать новый ход капитана, заворожённый интересом к его способностям. И барон задержался не даром; присев на корточки, синеволосый паренёк, что так любил казаться скучным, вытянув ногу вперёд, раскрутился вокруг самого себя, постепенно отбивая балки у самого их основания. Не потребовалось даже минуты, чтобы разорвать тугую сталь и, скинув клетку с креплений, выскочить из неё. Хоть почти весь низ капитанских брюк разорвался в клочья, ноги безэмоционального Фрола, даже не оцарапались. Понимая это, Сталис, уже с тенью изумления, спросил:

– Да из чего ты... сделан?

– Тебе ведь не интересно.

– Поразительно, – покачивая головой, ухмыльнулся нэо-гар...

Один из «миров», что отделяла от другого пустыня – тонул в хаосе зверской войны, зато второй, где недавно показалась последняя надежда на победу, был умиротворён и безоблачен; единственное, что создавало суету, это императорская надменность.

Перед владыкой континента открылось множество вариантов контрудара по капитану, бездумно бежавшему напролом. Избрал повелитель не самый оригинальный: дождавшись, пока Кир максимально сократит расстояние и готовится нанести удар мальчишке в живот, Вэнтэр шепнул:

– Киораку! – показав капитану правую ладонь. За секунду напавшего отбросило незаметной глазу ударной волной, чьи-ми последствиями стал не только лёгкий дымок, но и потресканная земля. Трудно представить, кому бы хватило внимания углядеть за капитанским кулаком, что разогнулся за мгновение до удара, и отпустил чёрный шарик, размером не больше глазного яблока. Этой, на редкость маленькой бомбе, удалось миновать имперское отторжение. Позволив Киру отлететь ещё на пару метров, бомбочка взорвалась, сожрав императора яркими пламенными языками.

Чуть ли не у самой крепости, Кир наконец коснулся почвы, и старательно оставляя в земле следы, притормозил. Вернув внимание укрытому дымом мальчишке, капитан удивился безмятежно выходявшему из клубней императору. Его высокомерию было бы к месту сказать пару надменных слов, но Вэнтэр, в полном безмолвии, лишь снова вытянул к Киру ладонь.

– Киобаку! – выкинул мальчишка, и капитана будто что-то дёрнуло, заставляя, волоча за собой ноги, распахнув объятия, полететь к покорителю. Раздвинув пластины, что создавали видимость груди, Вэнтэр выстрелил небольшой, скорее

даже маленькой ракетой; круглоносой, бескрылой, бывшей слабым огоньком из своего хвоста.

Вспыхнувшие под ногами капитана огненные взлески, кое-как заставили его подняться выше удара, и нападка императора направилась дальше по курсу, в его дворец. Не придав этому значения, мальчишка отскочил назад, ведь прямо по нему пришёлся бы удар капитанской ноги, сумевший оставить в опустевшей земле совсем не слабые сгустки трещин. Не успев толком притормозить, Вэнтэр спустил ещё одну ракету, вновь намереваясь застать противника врасплох. Но вот повелителю не повезло; Кир, будто этого и ожидал. Он схватил снаряд, зажав его ладонью, покрытой прочной чёрной перчаткой. Взрыв, чей шум был ясно слышен, оказался незаметным, а капитанский кулак лишь слегка дымился, на удивление владыки.

– Какого... он сдержал взрыв? Или предотвратил его? – насторожился юный нэогар.

Его противник разжал кулак, и на землю посыпались обугленные осколки, не сумевшие и повредить перчатку главы «Реокрацу».

Новый шаг предпринял ни кто иной, как император. Вытянув вперёд левую руку, он постепенно превратил её в стержень для разнокалиберных дул, направленных в капитана...

У нэогаров, особенно избалованных властью, всегда были свои причуды. Кто-то переставал замечать любого, кроме себя; кто-то терялся в розовом мире и лишался связи с

реальностью; кто-то взваливал на себя все мирские проблемы, замыкаясь в делах и спешке; и только Магна заменила поддержку близких, жестокостью. Поддавшись гневу после неудачной попытки выжечь Спидрайдэра, баронесса решила дожждаться его хода.

Подарок Джаина не особо спешил пускаться с Магной в схватку, но, когда та зажгла собственные руки ярким струившимся пламенем, из спинного люка нэогара вырвались шесть щупалец. Неожиданно для любого, кто за этим наблюдал, Магна изо рта испустила будто огненный прут, обьятый рыжими вспышками. Он оказался не особо длинным, зато на редкость быстрым, и хоть не мог задеть летевшие с разных направлений клешни, запросто способен был прожечь в Спидрайдэре дыру. Белому барону пришлось снова подняться выше уровня атаки, для чего он использовал канат на «шести часах». Его атака слегка замедлилась, и Магна, отскочив назад, горевшими руками опалила песок. Она издала огненную волну, прикрывшую её, словно завеса. Клешни Спидрайдэра преодолели пламя и вонзились в песок, но совсем не в Магну; атака помощника людей, попросту сбилась. Спидрайдэр не спешил возвращаться на землю, ведь сверху проще увидеть баронессу, но всё, что он сумел узреть – это собравшиеся из завесы огненные шары, получившиеся из будто намотанного пламени. Восемь вращавшихся метеоров разом ударили по подвижно висевшему барону. Какие-то он без труда сбил, взорвав раньше времени; какие-то

миновал, позволив улететь в небо.

Дела на уровне выше пустыни, отвлекли нэогара от единственной опоры, что держала его наверху. Магна, вдруг выскочившая из собственного гасшего пламени, лишь взмахнув рукой по линии горизонта, выпустила тонкий огненный серп, разрубивший чёрный канат. Впервые лишившись своего щупальца, Спидрайдэр не придумал ничего лучше, чем упасть. Этого и выжидая, Магна собрала руки в единый кулак, которым ударила по песку напротив белого барона. Создав огненного «крота», что лишь слабым свечением виднелся из-под жёлтой пыли, баронесса запустила новую, молниеносную атаку.

Восстановив контроль над мыслями, подарок первого короля смекнул, уперившись другими четырьмя клешнями, вернуться на былую высоту. Это оказалось своевременным, ведь лишь спустя секунду после его подъёма, из-под песка вырвался напор будто лавы, словно Магна разбудила невидимый вулкан.

Спасаясь от возвышавшихся раскаленных языков огня, барон направился к баронессе, ударив по ней ещё двумя клешнями, что летели в правый и левый бока. Нацелились они в близкие точки, так что Магна выкинула сжатые кулаки, ударив струившимся, алым огнём. Напор пламени был объёмен и яр; он даже выглядел горячим, не гас на длинных расстояниях, и прикрывал весь Магнин фас. Но это не напугало белого барона, и его парные щупальца, прон-

жив раскатыстое пламя, насквозь его преодолели. Обе клешни достигли своих целей, и с тихим щелчком подбили Магну вверх. Хотя, если приглядеться, видны были последствия оплавления, и острые наконечники затупились; их толком-то и не осталось.

Прекратив ярый напор, Магна, возвышаясь, отлетала назад, не способная ни на что, кроме недовольного рыка сквозь стиснутые зубы. Хотя кое на что, баронесса изловчилась; она обеими руками схватила прочные чёрные тросы, и со всех сил, что смогла собрать – дёрнула их вверх.

Знал бы об этом Спидрайдэр, держался бы за что-нибудь покрепче, но это стало для него неожиданностью, так что подобно Магне, он оторвался от земли. Стремительно к ней подлетая, последний подарок намерился клешнями баронессу потрепать, но Магна оказалась быстрее, и снова ударила пылающим прутом изо рта. Находясь в свободном полёте, Спидрайдэр уж никак не сумел бы избежать столкновения. Зато он сумел открыть одну из самых нижних выемок на своём теле, и выстрелил оттуда остроносой ракетой, скорее длинной, чем толстой.

Подобно противнику, Магна не сумела отразить удар, и оба оппонента сполна получили, пребывая в воздухе. Два красочных взрыва откинули их друг от друга, и на песок упали лишь дымившиеся нэогары.

Пусть запачканные, потрёпаннные, разряженные, они всё равно поднялись на ноги. В этот раз, целее оказалась Магна.

Огонь не в силах был сильно ей навредить, чего не скажешь о Спидрайдэре.

В мирной обстановке, но совсем не безопасном месте – глава научного модернизирования столкнулся с редкой честью: сам король окольцованных врагом земель пожелал с ним поговорить. От этого паренёк и сидел около монитора, что устанавливал между ними связь.

– Надеюсь, вы не обижены, таким способом переговоров. Просто, покидать дворец, как и ваш научный центр, сейчас опасно... – просиживая трон, неловко напомнил Артур.

– Само с собой, я только рад вашей безопасности. Хотя и удивлён, нашим разговором.

– Да, просто... меня не покидает ощущение того, что мы поступили неправильно. Мы отправили Кира в Империю, а Спидрайдэра на первый фронт. Но, что если стоит это изменить? Против императора мало шансов у любого, но смерть первого капитана хуже, чем нэогара.

– Несомненно, утрата Кира стала бы страшным ударом. Но Спидрайдэра я завершил лишь пару часов назад; мы не уверены в его готовности вести настоящие бои. Кир же – последние семь лет только и делал, что тренировался. Он победил даже Фрол, нынешнего второго капитана, а это, как вы знаете – почти чудо. Против императора больше шансов у сильнейшего; живая смекалка и капитанский опыт, важнее дюжины клешней.

Артур заулыбался, и слегка посмеявшись сквозь сомкну-

тые губы, тихо молвил:

– В этом вы правы. Но внутри меня не перестаёт звенеть мысль о том, что прямо сейчас он рискует жизнью, выкладывается по полной ради нашего спасения, а я – король этих земель, бесполезно трачу время, грея трон. Я понимаю, что никчёмен как никогда, и поэтому, осмелюсь у вас кое-что попросить... – несколько стыдливо, озадачил король Герда.

Пока светловолосый наследник трона озвучивал своё прошение, двор около Белого дворца опустел, хотя и остался заметно повреждённым. Из многих мест торчали стальные копья, хотя окровавлены были далеко ни все. Двор опустел, и двери во дворец, поскрипывая, болтались на ветру.

Закрыв оставленный секретарём ноутбук, Артур тяжело выдохнул и, глядя на серебристое покрытие последней связи, проронил:

– Надеюсь, я не совершил ещё одну ошибку...

Задумчивое уныние короля прервал его телохранитель, открыв дверь в тронный зал. Хоть Артура вначале и удивил его внешний вид: растрёпанные волосы, струйка крови из носа, ссадина на щеке, разбитая губа, порванный воротник рубашки, оторванные пуговицы на жилетке, слегка окровавленный левый бок, две кровоточавшие дыры выше колена, разорванные низа брюк и чуть ли не сквозная дыра в правой ступне, удивление быстро сменилось радостью, и король счастливо выпалил:

– Ты одолел того нэогара!?

– Да, – безразлично ответил капитан, глядя пустыми, стеклянными глазами ниже королевской головы. Он и раньше любил отстранённость, но настолько пустым, Артур его ещё не видел.

– Тебе, я вижу, хорошо досталось. Лучше сходи в мед часть. Теперь угрозы нет, я в безопасности.

– Я в порядке. И должен вас оберегать. Мне сообщили, что ваша семья просит с вами встречи. Они сказали, что волнуются, – отрывисто, будто устало выдавил Фрол.

– Они? Ты имеешь в виду Инессу? – смутился король. – Мне сказали, что пока лучше её не тревожить, она ведь совсем недавно родила.

– Но она сама желает встречи с вами. Так мне передали, – совершенно не меняя позу, взгляд и манеру речи, стоял капитан на своём.

– Кто? Джой? Почему он со мной не связался?

– Нет, королева. Остальное, мне не известно.

– Хм, это довольно странно. Может у них и правда, что-то случилось...

Король решительно двинулся к выходу и, пройдя мимо телохранителя, пересёк порог зала. Синеволосый капитан, размеренно «поплыл» за ним.

Спустившись на первый этаж, единственные во всём дворце люди дошли до неприметной двери, ведущей в самый обычный туалет. Для рабочего персонала там всегда действовали три кабинки, а напротив стояли два умывальника;

странно было только то, что над ними не было зеркал. Подойдя к раковине, что дальше от входа, король обернулся к секретарю, будто чего-то ожидая.

– Ключ доступа; я ведь не забрал у тебя свой... – попросил Артур, пока телохранитель мёртво смотрел в пустоту. Он начал усердно шарить руками по карманам брюк, стараясь его нащупать.

Артур же, лишь просунул ладонь во внутренний карман капитанской жилетки, откуда вытащил неприметную пластиковую карту.

– Ты ведь всегда носишь его там, – просунув ключ между мывальницей и стеной, напомнил капитану паренёк. – Может, всё-таки, тебе стоит отдохнуть? – сморщив лоб, уточнил король, пока другой умывальник, тот, что был ближе к двери, въезжал внутрь стены, освобождая уходящий вниз коридор.

– Я в порядке, – стремился секретарь продолжать нести службу.

Податливо кивнув, Артур проскользнул в открывшийся проход, а капитан послушно проследовал за ним. Спешивший к семье король и не заметил, как его телохранитель, возвращая ключ доступа во внутренний карман, не попал краем карты в разрез и, отпустив, позволил ей упасть у самого входа в бункер. Вскоре после их спуска умывальник снова закрыл проход, а карточка так и осталась лежать у правдоподобной стены.

Спустившись на уровень ниже дворца, парочке людей среди узких невысоких коридоров, что освещались лишь неяркими лампами в углу меж потолком и стеной, открылся неблизкий путь среди запутанных, одинаковых, длинных ветвистых коридоров. Передвигаясь вполне расторопно, Артур так и водил за собой телохранителя, что уже столько времени был одинаково пуст и хладен. Ни эмоций, ни изменений во взгляде или голосе. Но король слишком старался узнавать лабиринтные ходы, и беспокоился о своей семье, чтобы придавать этому значение. Артур и сам не радовался такому фанатичному стремлению укрыть дорогих людей от опасностей; ходы, что создали под дворцом истинный лабиринт, вымотали и его ноги, и его память. К счастью, без лишних злоключений, любящий муж, а теперь и отец, добрался до жилой части созданных лабиринтов. Миновав парочку комнат, наследник трона открыл дверь в палату Инессы, где она, как ни странно – мирно спала.

– Король? – не сдержал удивлённого возгласа Джой, чем потревожил сон королевы. Приоткрыв глаза и приподняв голову с подушки, девушка растаяла в улыбке, увидев главу правления своей державы.

– Артур, я так рада тебя видеть, – небывало откровенно проронила Инесса, и подбежавший к ней паренёк приобнял избранницу. Лишь обменявшись нежными поцелуями, более- Менее отдохнувшая королева сразу начала расспрос:

– Как, как там на фронте? Что с Киром? Как наши дела?

– Тебе сейчас нельзя волноваться. Лучше оставим эту тему, – торопливо отсёк Артур.

– Вот теперь я точно буду волноваться. Быстро рассказывай, или порошу Джоя закрыть нас здесь, пока не выведу всё, – с лёгкой улыбкой, шутейно пригрозила королева, отныне законная.

После её слов усмехнулись все, и даже Джой, но только не второй по силе в «Реокрацу», что стоял за порогом открытой двери, как холодное стальное изваяние, с синими волосами и следами крови.

Слабо улыбаясь, Артур недолго посмотрел вниз и, сдержав вздох, признался:

– На фронте наши дела не очень. Гегар уничтожен, из-за моей глупости, и его утаскивает Империя. Мы бы отбили нападение едва целых вражеских сил, но внезапно появились два нэогара, способные манипулировать природными силами. Даже капитаны не идут с ними вровень, так что пришлось выпустить Спидрайдэра, – изредка поглядывая в глаза Инессе, вёл король свою исповедь, пока его жена, не отводя взгляд, смотрела прямо в любимые очи. – Также был открыт второй фронт, на наших северных землях. С помощью Гегара мы его разгромили, отправили туда все оставшиеся войска и почти перебили холодную рать... но солдат оглушили, и как мне сообщили в последний раз – сейчас наглые нэогарские лапы грабят всё, что приглянется бесчестным головам, – Артур всегда был пай-мальчиком, и сейчас всё неиз-

менно. Он описывал страшные вещи, но говорил тихо, глазами бегал, а когда на язык попадались бранные слова, на щеках загорался румянец.

Внимательно выслушав короля, Инесса рассмеялась, сверкая чистой улыбкой. Поддержав супругу недоумевающим изгибом губ – Артур, качая головой, спросил:

– Что такое? Вроде тут ничего весёлого...

– Ты ни разу не упомянул Кира. Значит, он в безопасности. Значит, ты не позволил ему рисковать... – убедил сама себя королева, всем сердцем желая в это верить.

Артур впервые помрачнел. Его опущенные глаза покраснели, улыбка стёрлась, а ровный голос задрожал.

– Это не так. Кир, как сильнейший капитан «Реокрацу» – отправился на бой с императором...

23 эпизод. Преданные

Время не умеет течь плавно; оно либо тянется словно сахарный сироп, либо ускользает песком сквозь разжатые пальцы. Чем сильней ты занят, тем скорее время себя исчерпает, а как раз сейчас Евразия погрузилась в массу неприятных, опасных дел.

За нескончаемым рвением к победе, из-за упорного противостояния холодных вояк и тёплых солдат, ни одна из сторон не успела заметить, как тёплое солнце, яркое над пустыней, но сокрытое облаками для заселённой Евразии, перешагнуло небесный центр и склонилось к западному горизонту. Даже небесному светилу не безразлична была участь тёп-

лых воинов, но оно не могло вечно освещать путь войне, и постепенно освобождало пост своему соседу, что уже сейчас явился миру полумесяцем. Также дневная звезда поступила в Империю, хотя там время выбрало другую позицию, оно сочло нужным потянуться, как сироп.

Среди целого опустевшего континента, казалось бы, совсем ничего не происходило. Но свои дома покинули далеко ни все нэогары. Самые влиятельные из них, а в основном только такие и отсиживались, решили не позволять времени тянуться напрасно...

Штаб внешних дел Империи хоть и находился в столице «железного» материка, стоял на её окраинах. На целые районы вокруг, не было ничего приметней монументального кубического здания, украшенного сдержанно, почти лишённого окон, вполне большого, и поразительно квадратного. Каждый угол как снаружи, так и внутри, был практически идеален, и не было ни единого элемента, рушевшего симметрию. Именно по темноватым коридорам этого штаба двигался поражавший добротой нэогар, один из старейших среди живых, и «теплейших» среди всех. Без его помощи разведоперации Евразии не смогли бы пройти успешно, ведь именно он оказывал бесценную поддержку третьему капитану.

Добравшись до тёмно-Серой двери, старик, скрепя локтями, открыл её, и с первого шага внутрь зала совещания военного совета, увидел четверых нэогаров, что вместе с ним, императором и Каном, завершали состав совета. Они сиде-

ли на своих местах, ожидая, судя по всему, именно старца.

– Значит, это не ошибка. Я уж думал, над стариком решили поиздеваться, заставив одолеть такой путь без нужды... – с трудом прохрипел нэогар, подхрамывая к своему месту.

– Уверен, вас слишком уважают, чтобы так поступать, – вставил сосед Дэнзиса – неприметный, молодой, трусливый любитель поболтать.

– Правда? Тогда, почему так поступили? – сипя, молвил старче, вызвав удивление коллег. – Военный совет нужен для обсуждения грядущих войн, а созывать его в праве действующий глава державы, или круг его наследников. Война уже идёт, а императора здесь нет. Кто-то из присутствующих, приступил закон.

– Сам военный совет нужен для безопасности державы. Да, мы обсуждаем войны, но мы говорим о том, как победить, или хотя бы не проиграть. Война, что мы ведём с людьми, только тень той борьбы, что император ведёт против нас. Материк не может вечно подчиняться своенравному тирану, только и думающему о его уничтожении! Хватит с Империи расходов, хватит лести перед самозванным нэогаром! Мы должны обсудить не ту войну, что способна стирать с планеты города, а ту, которой всего один упрямый мальчишка хочет растоптать построенный нашими силами мир! – громко вступил Дэнзис, не изменивший своей безвкусице. Он, как и прежде, разоделся в уйму дорогих тканей, ярких и аляповатых; обвесился мерцавшими даже без света каме-

нями, в самых различных оправах.

– В чём вы его обвиняете? В стремлении избавиться от тягот старости, из-за которых он стал человеком? Или в истинном нэогарском духе, что изголодался по войне и потребовал пир? – перебарывая старческий хрип, поставил старец крикливого Минфина на место.

– Мы все, я уверен, уважаем императора за его подвиги, – впервые заговорил неприметный нэогар, терпеливо молчавший между Грозором, пугавшим нэогаром без глаза, и рассудительным стариком, – но такие пороки как бездумность и эгоизм, у него не отнять. Достоин ли подобный предводитель, своего поста? Достоин ли любитель подчинять всех и вся Вэнтэр, быть императором?

– Да, он ведь открыто угрожал каждому из нас. Он угрожал собственному военному совету! – напомнил юный трушшка, ждавший очереди после покровителя – Дэнзиса.

– Он угрожал тем, кто ему мешал. Каждый из нас по сей день действует так же, – непреклонно изрёк Грозор. – Проблема ни в этом. Империя нуждается в переменах, а все принципы императора стары, как мир. Он отвергает разумные шаги, и действует, будто последствия не могут быть плохими. Нашему народу, нашим наследникам, и нам самим – нельзя вечно молчать ему в спину.

– Полностью согласен! – не смог не вступить Дэнзис. – Империя не зацветёт, под пяткой эгоиста!

Будто устав от суеты, что министры развели своими иде-

ями, старик вяло взялся слабыми пальцами за край стола и, оглядывая каждого коллегу сизыми глазами, твёрдо спросил:

– Скажите, почему я вхожу в этот совет?

– Вы отставной начальник внешней разведки предыдущего короля Витры. Ваше прозвище – детектив; вас даже создавали, чтобы вы всё знали, – буквально выпалил его с Грозором общий сосед.

– Верно. Я живу, чтобы знать, и знаю много...

– А вы знаете, что любопытство тоже грех? – перебил его тот же нэогар.

– Наравне с грубостью, – добро ответил старец. – Мне известно то, что вам знать было бы страшно. Вы зря полагаете, что император один. Не стоит думать, что объединившись, без труда его уберёте. Речь даже не о Кане, не о баронах, все они незначительны рядом с тем, кто заявится сюда после войны, – начиная вставать, скрепя и хрипя, заявил старикан. Явно намереваясь уйти, он добавил:– Я не люблю вражду, и всегда стремлюсь её предотвратить. Но я не всемогущ. Не стоит трогать императора. Его тень, уже в пути... – чуть ли не прошептал старик, покидая зал совета.

– А я думал маразм бывает только у людей, – съязвил прихвостень Дэнзиса.

– Глупо было его звать. Мы теряли время и в ожиданиях, и в выслушивании... – вякнул и сам Дэнзис.

– Ладно, уж теперь, мы обсудим наш переворот, – выдавил Грозор, укладывая подбородок на кулак.

Спина, за которой в этот самый момент точился крамольный нож, нестигаемо стояла на своём, атакуя пришедшего за победой Кира. Нескончаемая дробь самых различных пуль без труда проделала бы сквозную дыру размером с мяч в любом человеке, но только ни в том, кто носит «змеиный скелет».

Едва заметно капитан отдернулся в сторону, пока ни одна пуля не успела его коснуться. Расстояние до Вэнтэра не превышало пяти метров, так что даже император толком не заметил, как ускользнул оппонент. За мгновение, оттолкнувшись ногой словно мастерский бегун, Кир кинулся напрямик к императору, который, вновь увидав врага – перевёл направление пуль точно по нему. Броня капитана не обеспечивала полнейшую защиту, как прочие нэогарские костюмы; между стальными дугами зияли неприкрытые участки тела, но таковы они были только на вид. Любую пулю, что билась как по «скелету», так и между ним – отбивало плотное синеватое поле, заметное только при нанесении удара. В нужном участке оно будто густо сплетённая паутина проявлялось светло-синим свечением, и сминая свинец будто пластилин, отбрасывало его от капитанской плоти.

Осознав бесполезность обстрела, Вэнтэр отодвинул левую руку, прекратив огонь. Его взору тут же предстал кулак Кира, готовый как следует ударить по шлему воеводы. Хотя владыка будто и не удивлённо, словил кулак своей ладонью, крепко сжав чужую перчатку пальцами. Это выглядело уди-

вительно невозмутимо, хотя за спиной юного тирана истрескалась земля, и взвыл ветер, перегнавший облака пыли. Буквально исчезнув со своего места, где за мгновение простыл размытый след, Кир ударил императора ногой в правый бок, который, в отличие от левого, не защищала опущенная рука. Сила удара снова заставила удивиться, но только не Вэнтэра, который, даже не оторвавшись от земли, слегка отъехал. Исчезнув из видимости в третий раз, капитан не изменил стратегии и, на мгновение показавшись за императором, подошвой сапога въехал мальчишке промеж лопаток. Уж теперь покоритель не сумел устоять на ногах, и дабы не упасть прямо на лицо, упиревшись руками о землю, перевернулся, встав на ноги к Киру спиной. Он развернулся, глядя сквозь шлем более недовольными очами. Не успел владыка ступить с места, как две моргавшие красным точки, установленные никем иным, как капитаном, расцвели алыми взрывами, у локтя и на спине мальчишки. Не самый честный удар, понимал Кир, но где честность в целой войне?

Взрывы нельзя было назвать невероятно сильными, но их должно было хватить на повреждения в любой броне. Об этом говорил и серый дым, и мелкие змейки трещин около очага.

Не решаясь предпринимать новых ходов, капитан выжидал, надеясь увидеть хотя бы часть настоящего тела воеводы. Но увидел он вылетевшую ракету, судя по всему из наплечного отсека.

Молчаливо ахнув, Кир накрепко схватил её и снова подчинил взрыв, утонув в чёрных клубнях жаркого пара. Не пришлось переводить взгляд, чтобы понять, где находился император. Его нараставший клич, летевший где-то сверху, и так привлёк Кира, не ожидавшего увидеть совершенно целого, даже не поцарапанного врага в паре метров над собой.

Смекнув избежать удара, капитан решил отскочить назад. Подобную атаку он бы отразил, но заметил сжатые в один кулак руки нэогара, горевшие чем-то алым, будто прозрачным сферическим огнём. Евразийскому герою хватило бы скорости избежать удара самого императора, но мальчишка махнул объединённым кулаком вниз, сбросив плотный шар на Кира.

Преодолев сам звук, сфера опередила паренька и ударила по нему, с грохотом прибив к почве. Не прогремел взрыв, не разожглись пламенные языки, но Кира вдавило в землю и раздробило площадку глубокими, широкими кривыми расколами, образовавшими паутину трещин вокруг капитана.

Ступив на разрывы около носителя «змеинового скелета», Вэнтэр, без раздумий, со всего размаху пнул его ногой, послал к внешней стене. Врезавшись спиной и в эту, толстенную преграду, Кир оставил ветвистые трещины ещё в одном месте. Спадая вниз, паренёк не смог предотвратить раскручивания, и дважды обернувшись вокруг себя, приземлился на бок.

Невредимого Вэнтэра, гордо стоявшего близ дворца, это

даже позабавило. Но вспомнив, кто перед ним стоял, захватчик, слегка приклонившись, пустился в атаку.

Не желая больше терпеть поражений, Кир и сам подскочил на ноги. Дёрнув руками вниз, он заставил показаться скрытые с обеих сторон запястья клинки, шириной на пол ладони, и отходившие от краёв пальцев примерно на длину предплечья. Вызвав по два одинаковых лезвия на каждой руке, меж которыми уместилась ладонь, Кир, стиснув зубы, рыкнул. Его гневный крик добрался до императора, когда оба соперника уже бежали, намереваясь встретиться в ближнем бою.

Хозяин нэогаров также не остался без оружия; из того же места, что верхние клинки Кира – его Кулак выбросил одну волнистую заточку, длиной поменьше капитанской, и два изогнутых серпа, острых с каждой стороны. Обладая такими когтями над каждой дланью, император выказал готовность к бою. В отличие от стального блеска клинков его врага, когти Вэнтэра отливали нежным золотом, хотя искры, что они отбрасывали при ударах, ничем не отличались. Если раньше бой вёлся силой и скоростью, теперь всё решали мастерство и умения.

Что Вэнтэру, то и Киру довольно сложно было следить за обеими руками соперника, при этом изворачиваясь наносить собственные удары. Темп их схватки стоял на грани видимости; движения всё ещё улавливались, но переставали различаться.

Попытка ударить через плечо, прямая атака в грудь, протяжный скрип по животу, прямой удар в сердце, звон скрещенных у бедра лезвий, неудавшаяся подножка, замах по шее, удар по прикрытой щеке, точный взмах по макушке, прорез по глазам – даже это лишь скудное перечисление всего, что предпринимали друг против друга оппоненты. Пока свистели мановения острых клинков, и слабые искры отлетали от лезвий, обе стороны не прекращали друг друга изучать, продолжая наносить удары – ловкие, быстрые, беспощадные.

С какой бы силой, на какой бы скорости зачинщик всех проблем не бил по корпусу капитана, не старался отсечь руку, лишённую должной защиты, не решал пронзить насквозь важные уязвимые места, его клинки будто проскальзывали мимо; они достигали своей цели, но даже не порождая искры, не могли нанести удар. Их блокировала светло-Синяя паутинка. Но как подметил мальчишка с Кулаком, так происходило не везде. Только те части, которые походили на высохший скелет огромной змеи, могли без следа отражать удары. Но вот стальные перчатки, шлем на голове, и даже неприемные ботинки – ничем не защищались. При ударе о них, пусть не всегда, но всё же оставались царапины.

Вэнтэру пока не удалось добиться достаточно сильного прореза, чтобы увидеть капитанскую кровь, но мальчишка очень старался добраться до живой плоти. Следя за атаками героя всех людей, он так и трудился над ударом по кистям

рук, или же голове.

Сильнейший в «Реокрацу», подобно оппоненту, не думал сбавлять натиск, хотя частью сознания понимал, лидировал император. Соперники не редко расходились в стороны, использовали ускорение падения, пропускали чужие удары, и наносили свои. Но по уязвимым местам капитана всё чаще растягивались царапины, пока броня владыки континента, оставалась неизменно целой. Удары о костюм, что создал Кулак, часто высекали искры, ведь Кир вкладывал в каждый выпад не то что все силы, а саму душу. Но вот его клинок достигал цели, вот он скользил по шее надменного тирана, вот вызывал слабые оранжевые вспышки, но его лезвие проходило дальше, а шея мальчугана оставалась целой.

Одним из ударов, Кир спрятал верхний клинок обратно в запястье, а нижним нанёс прямой удар в глаз на шлеме Кулака, воспользовавшись силой высокого прыжка. Хоть сталь капитанского оружия проявила себя, как первоклассная, она – сломалась пополам, где-то посередине лезвия. И что же стало с глазом владыки? Ничего. Он, как и прежде, был цел. Разве что теперь, за светлым стеклом покрытия шлема, взгляд Вэнтэра стал более жестоким; его разгневало такое усердие врага.

Танец клинков прекратил именно воевода; отразив разом обе капитанские руки, мальчишка ногой отбил главу «Реокрацу», вложив в ступню силу Киораку. Волновой удар далеко отбросил Кира, но красноволосый паренёк уже почти

привык к такому, так что хотя бы не упал при приземлении.

Не выпрямляя ноги в коленях, капитан внимательно взгляделся в нэогара, стоявшего в паре метров от него. Что он заметил? Ничего. Броня была цела, будто только что покинула мастерскую. Даже царапин или потёртостей, после такого-то урагана пронёсшихся по ней ударов острыми клинками, не было видно. То ли дело «змеиный скелет». Пусть только на отдельных частях, но он износился. Одна из трещин в шлеме и вовсе пропускала внутрь свет.

– Да что с ним не так?! По словам Лиры, его прочность не может быть настолько высокой. Какого чёрта он такой твёрдый?! – мысленно возмутился капитан.

– Это удивительно! – отвлёк мальчуган Кира от размышлений. – Ты вправду заслуживаешь своё звание.

– Из чего ты сделан? Откуда такая крепость?!

– Может, дело не во мне? Может ты, слишком слабо бьёшь?

Кир тотчас явил верхний клинок правой руки, и без труда его сломав, метнул в стену дворца. Обломок лезвия насквозь её пронзил, оставив столько трещин, сколько не сумело даже красное ядро императора. Не прошло и пары секунд, как стена, избитая расколами – обрушилась, пав ниц кирпичами.

– Этого мало?! – гневно выкинул Кир.

Хранитель Империи по- Детски захихикал. Он собрал внутрь костюма головной шлем и, явив надменную ухмылку, молвил:

– Ты обрёл себя на гибель, бросив мне вызов. С тобой, я могу поделиться. Не стоит думать, что скинув меня с последнего этажа дворца, ты победишь. Я бы выжил, упав и с высоты побольше, просто ощущения малоприятные. Дабы их избежать, я впервые показал тебе Магнэрайс. Он всегда выглядит примерно одинаково, – приподняв на уровень головы сжатую в кулак руку, вокруг которой горела красная, плававшая будто огнём сфера, поведал покоритель, – вот так. Это поле способно обеспечить полную защиту, и даже бетон уступает ему в прочности. Пусть тебе привычно видеть Магнэрайс пылающим красным шаром, он может менять формы, если уменьшить его концентрацию. Каждую секунду нашей битвы, его едва ощутимый слой покрывал мою броню, и покрывает её сейчас.

– Каждую секунду, всю броню... Намекаешь на неуязвимость?

– Нет, уверен, есть на свете существа, способные хотя бы пробить Магнэрайс. Но это не ты. Ты ведь уже понял, что не справишься со мной. Ты пришёл проиграть, – невинно кивая, загнул Вэнтэр губу.

– Не у тебя одного есть защита! Меня тоже не так просто пробить!

– Ну да, магнитная паутина. Чан применил её как основу жезлов кентавров, она и правда обладает защитными свойствами. Но Магнэрайс и был создан, – едва заметно отломав от руки среднюю заточку, по которой сразу пустился заряд

красного поля, изрёк завоеватель, максимально быстро метнув её в капитана, – как лучшая альтернатива, – договорил он.

Заворожённый рассказом Кир и не заметил броска; он ощутил лишь боль, где-то в области нижних рёбер. Взглянув на свой левый бок, капитан увидел сиявший красным «пламенем» клинок, без труда пробивший синеватую паутинку, по которой бегали будто помехи. Изгибистый острый брусок почти наполовину углубился в капитанский живот, между предпоследним и следующим ребром. Капитан не удержал сдавленный крик, хотя сила сжатия его зубов без труда откусила бы язык. Не позволяя ногам сгибаться, герой родом из Евразии вытащил заточку, даже не упав на колени. Выкинув окровавленный клинок, Кир едва сдержал болезненный стон.

– Это могло бы быть сердце, – остерёг капитана Вэнтэр. – И в следующий раз – будет.

– А будет ли, следующий раз?

Император надменно засмеялся, отведя взгляд в сторону. Шлем вновь покрыл его голову. Покоритель, не собирався сдаваться. Радовало то, что и герой, держался как мог.

В жизни встречаются два вида новостей – хорошая, и плохая. Хоть и случается, что одна и та же весть для разных людей – две разные крайности, новость об отправке Кира в Империю, была равно плоха любому.

Особенно ужасно, узнать об этом было королеве. Само

время вокруг Инессы замерло. В её ушах проснулся противный звон, глаза опустели, а лицо превратилось в безжизненную, унылую, отчаянную обречённость. Она медленно опустилась обратно к подушке, склонив затылок над периной.

– Нет...– шепнула она, коснувшись опоры. – Как ты мог? Как ты посмел, отправить его туда?! – кинув на Артура самый суровый, самый ненавистный, самый обречённый взгляд из всего своего арсенала, расслабилась девица на перине. Её глаза краснели и наполнились слезами, что уже преодолевали скулы, растворяясь в густых карамельных волосах. От неистового крика её сдерживала только Милена, что безмятежно спала в кроватке.

– Инесса, я...– приближаясь к королеве, вступил Артур, но девица, резко поднявшись, вцепилась ногтями в королевские одеяния, и чуть ли не касаясь носом носа, злобно процедила:

– Ты лишил меня брата! Ты подписал, его смертный приговор!

Артур растерялся и замешкался. Он напугался собственной женой; понимал, что она была права, и не представлял, что ей ответить. Вернее, он полагал, что ответить было нечего.

– Вспомните, о ком вы говорите! – бестактно вставил Джой, не сдвигаясь с правой стены от входа. – Это ведь Кир! Он сильнейший капитан и лучший воин. Кому из нас удастся хотя бы представить победу над ним? Не стоит хоронить

лучшего бойца Евразии прежде смерти. Не стоит хоронить, нашу надежду... – предав свою привычку вечно молчать, не особо эмоционально, но достаточно ярко – настоял четвёртый по силе.

Инесса отпустила одеяния Артура и, глядя в пустоту перед собой, полушёпотом молвила:

– Ты прав. Раньше, мой брат был только моим героем. Теперь, ему предстоит стать героем каждого, на этом континенте, – решительно взглянув на короля, ослабила свой гневный взор Инесса. Артур – с облегчением выдохнул и, посмотрев на Джоя – благодарственно кивнул.

– Кстати, Инесса, ты для этого меня позвала? Хотела узнать о внешних делах?

– Позвала? Я никого не звала. Так вымоталась, что только и могла уснуть... – озадачилась девица.

Артур, заметно смутившись, обернулся к своему секретарю.

– Ты ведь сказал, что королева хотела видеть меня?! – недовольно припомнил паренёк. Он и сам не знал, какой ожидал ответ. Но то, что сделал второй капитан, повергло его в полный шок.

Синеволосый паренёк рухнул на пол. Склонив колени, он растянулся от порога до самых королевских ног, не проронив ни слова. Артура это, мягко говоря, поразило, и от неожиданности он попятился.

– Он соврал, – раздался тяжёлый нэогарский голос, у са-

мых дверей в палату. За её порогом, как раз у ног второго, показался Сталис, во всей своей красе. Доспех на нём не осталось; звеневшие и гремевшие меж собой элементы лат, он растерял в сражении со вторым. Общему взору представилась его серая нагота. – Точнее, соврал я, только его ртом.

Первым, чьё лицо оттенило шоковым кошмаром, стал Джой. Его не трудно было удивить, но довести до настолько испуганного недоумения, казалось невозможным. Даже король с королевой не настолько сильно изумились, как это сделал четвёртый по силе в Евразии. Его шок, пристально уставленный на Сталиса, даже привлёк внимание барона.

– Что такое? Впервые увидел нэогара? – сурово спросил он, и четвёртый, обезумев неясно от чего, словно вспышка проскользнул между бароном и стеной. Даже его тень бесследно растворилась среди коридоров. При особом желании, барон поймал бы его, и с лёгкостью обезвредил, но юный капитан сумел сбежать; сбежать так искусно и напугано, что ни Артур, ни Инесса, не захотели кричать ему в след.

Король настороженно стоял между кушеткой своей жены и кроватью Милены, а Инесса, не зная, как реагировать, полусидя наблюдала.

– Ну и настроили же вы тоннелей; я имел представление, куда идти, но всё равно дважды заблудился.

– Что тебе здесь надо?! И... и что ты сделал с Фролом? – с трусливой агрессией выкинул король.

– Ты – король, – указав на Артура пальцем, молвил нэо-

гар. – А все они, твоя семья; твои наследники. Вэнтэр, чёрт возьми, не глуп. Пусть он не собирается оставлять выживших, понимает – убить каждого, не удастся. Восстания на почве преданности королю, нужны ему меньше всего. Поэтому, я должен устранить королевскую семью.

Напряжение, биение сердца, количество капелек пота на лице – всё это нарастало на лицах людей после каждого слова барона. И только Милена безмятежно спала в кроватке, ни о чём не зная.

– Но вначале скажите, что это за человек? – заставляя второго капитана подняться, спросил Сталис. – Только посмотрите, что он со мной сделал, – показав выгнутую ногу и серьёзную пробоину в районе лопаток, выпрямил он синевлатого паренька, чьи глаза, наконец, закрылись. – Он не обычный человек, это я уже понял. Его преданность вам поражает. Ни то что этот, который сбежал. Взгляните, какие пытки он выдержал, прежде чем умер, так и не раскрыв рта, – изрёк барон, задрав на Фроле рубашку. От увиденного, королева, сморщившись, отвернулась, а король, изумлёнными глазами, забегал среди бессчётных ран. На всём теле капитана не осталось живого места; повсюду зияли рваные язвы, следы от глубоких проколов; в районе живота была сквозная дыра, из которой просочилась та кровь, что запачкала жилетку. Как ни странно, в остальных местах крови не было; сами раны были красны, но чисты, словно его кровь не изволила их покинуть. – Не каждый нэогар, такое выдержит.

Так как выдержал он?

– Ещё с детства, он страдает неизлечимой болезнью, – безрадостно, настороженно решил король не перечить интересам гостя. – Она поразила центр мозга, отвечающий за толкование поступаемых сигналов. Другими словами, он практически ничего не чувствует. Всё детство он ощущал безнаказанность, вседозволенность, из-за чего регулярно отбывал различные наказания. Когда проблемы с его поведением дошли до моего отца, Фролу был дан второй шанс. Папа подарил ему потрясающую физическую силу, а также способность упрочнять определенные участки своего тела. Ценой за это, стал пост моего телохранителя, под прикрытием секретаря. Это стало его новой целью в жизни; новым ориентиром смысла. Фрол, как и Лира – не простые люди; мой отец сделал их выше.

– Надо же. А он, как я понял, лишь второй среди ваших «силачей». Интересно, что за монстр первый...

– Он не монстр! Над ним не ставили таких опытов! – выпалила Инесса, защищая единственного брата.

– Не важно. Даже ему, вас не спасти, – создав тонкий меч в своей руке, отпустил Сталис капитана, в этот раз рухнувшего к углу.

– Постой, – увидев оружие, выпалил Артур. – Я тебе всё рассказал, теперь скажи и ты: как ты заставил Фрола ходить и разговаривать, если он мёртв?

Сделав лишь шаг, Сталис решил рассказать, в благодар-

ность за столь подробный ответ.

– Я – король Сталии, последний хранитель «магнитного механизма». Я покрыл кости этого человека железным напылением, которым управлял, словно он нэогар. С его связками, я сделал тоже самое, – продолжив шагать, пояснил барон.

Времени рассказа Артуру как раз хватило, чтобы вытащить из-за пояса спрятанный револьвер. Набравшись смелости, паренёк вспомнил давние наставления отца и, резко дёрнув рукой, выпустил пулю в нэогарский глаз. По крайней мере, ему бы очень хотелось туда попасть. Но угодила пуля в стальную щёку, и со звоном отскочив, знатно подпортила Сталису лицо. Не стерпев гнева, барон так же яро выкинул руку вперёд, пронзив сердце короля с идеальной точностью. Тонкий острый клинок показался самым кончиком из его спины, и под болезненный вопль своей жены, что на весь бункер взмолилась «Не-е-е-т», король выронил револьвер. Теряя устойчивость, он спал с клинка, безжизненно рухнув между женой, и дочерью. Он едва успел закрыть закатанные глаза, прежде, чем из раны хлынула кровь, затопившая пол.

Масса громких звуков разбудила Милену. Она, перебирая ещё крошечными руками и ногами заплакала, издавая неприятные, шумные звуки. Оставшаяся мать, и с этой секунды вдова, не в силах была сдержать отчаянные, горькие слёзы утраты. Она прикрывала рыдавший рот руками, чтобы хоть как-то успокоить себя, и не пугать дочурку ещё сильнее.

В то же время, она не в силах была оторваться от убитого короля, ради которого соскочила с койки.

– Ты чудовище! – выкрикнула она Сталису, вогнанному в замешательство, такой бурей эмоций. – Ты чудовище... – лишь твердила Инесса, поднимаясь с бездвижного тела супруга. – Прошу, ты можешь убить Артура, меня, только умоляю, не трогай мою дочь. Она ничего никому не сделала, она не знает, кто она... прошу, не трогай хотя бы её, – вытирая слёзы, твердила девица, глядя в холодное серебро нэогарских очей. Заплакан был даже её голос, который в придачу дрожал. Но слышался, что удивляло, ведь сзади всюду кричал новорожденный карапуз.

– Я не стану уподобляться Вэнтэру, и врать ему в глаза. Я не желаю быть похожим на него, ни в чём! – непреклонно отрезал барон, всадив меч в живот королеве.

Он безжалостно пронзил хрупкую плоть, насквозь, оставив оружие внутри Инессы. Лишь жалобно, тихо издав тонкую «а, королева обернулась лицом к кровати, и её дочурка перестала кричать так громко. Инесса протянула к её личику нежную руку и, перебарывая жуткую боль, натянула улыбку.

– Не плачь, дорогая, не надо. Не бойся... я рядом... ничего не бойся. Я всегда... буду любить тебя...

Поглаживая безмятежно смеявшуюся дочурку, королева лишилась последних сил. Её ноги подкосились, и она медленно упала, спиной ударившись о пол. Карамельные волосы разлились по плитам, а ещё будто живые глаза смотре-

ли на Артура, погибшего в попытке её спасти.

Милена не заплакала снова, она спокойно лежала в кровати, замкнутая в розовом, добром мире.

– Мы все на многое готовы, ради своих детей, – молвил вдруг Сталис, с неким почётом оглядывая убитых людей. – И для каждого, собственный ребёнок – выше всех других.

Барон создал обычный стальной клин; недлинный, трёхгранный, острый на своём конце. Переступив королеву Евразии, нэогар замахнулся над колыбелью с ребёнком. Безжалостный Сталис – нанёс свой последний удар.

Его клин без труда отнял бы жизнь младенца, но сталь столкнулась далеко не с плотью. Над гранями бортиков кровати, его удар встретило некое поле, не пропустившие клин, и более того – отбросившее Сталиса в стену с такой силой, что он практически её пробил. Незримая волна подбила его вверх и буквально впечатала в стенку, не позволив навредить ребёнку. Над колыбелью же остались очертания красной сферы, покрытой средними по размеру непонятными буквами. Они чем-то походили на нэогарские письмена, что барон успел позабыть за столько времени в другом мире. Очертания были прозрачны, но вполне четки. В отличие от Магнэрайса императора, кровать ничем не горела. Буквы были ровны и стабильны, к тому же, явно прочны, и сильно били в ответ...

Мимолётный мир воцарился не только в бункере под Белым дворцом. Между императором и Киrom, тоже посели-

лась тишина. Даже эту краткосрочную паузу, перервал император. Он ничего не сказал, и даже не стал нападать. Ему хватило поднявшегося с плеча отсека, хранившего в себе три остроносых ракеты. Их края смотрели вверх, а не прямо, так что спустив удар, Вэнтэру пришлось наблюдать за первичным взлётом, а затем перенаправлением коротеньких ракет.

Эта смертоносная тройца оказалась самонаводящейся, так что пути к побегу пред Киrom закрылись. Но капитан нашёл выход, и пока ракетные носы лишь брали направление в цель, он со всех ног побежал вперёд, промчавшись прямо под скоростными зарядами. Ракеты не позволили своей цели сбежать и, завернув под себя, устремились капитану в спину. Кир, будто этого и желая, снова перешёл на максимальный уровень скорости, и буквально испарившись из виду, его слабые очертания показались за спиной мальчишки, по которой он нанёс удар ногой. Нечто подобное он уже делал раньше и, как прежде – его подошва заставила владыку сбиться с места. Вэнтэр собственным Кулаком встретил ракеты, не успевая ничего, кроме как взорвать их об себя. Клубившийся покров завоевателя относил о силой удара всё дальше, и даже взрыв ракет не заставил его сбиться с пути.

Конечно, приземление владыки оказалось не мягким. Но поднявшись с истерзанных тропинок своего парка, он с привычным высокомерием нарочно показал свой костюм во всей красе; Кир снова ничего не увидел. Покров остался цел и невредим, собственно, как и его хозяин. Позволив первому

в «Реокрацу» полюбоваться искусной работой Чана, Вэнтэр протянул к капитану руку.

– Киораку! – сказал мальчишка стандартным голосом. По Киру снова ударила отторгающая волна, но капитан слишком к ней привык. Он вновь сорвался с места и спиной полетел в крепостную стену. Сумев ещё в воздухе перевернуться, Кир подставил под удар лишь ноги. Усердно оттолкнувшись, его мощный прыжок тряхнул кольцевую стену, оставив в ней пару сколов. Промелькнула лишь секунда, а Кир уже летел в обратную сторону, намереваясь с такого-то разгона, поразить противника очередным ударом...

24 эпизод. Грань победы

Множество горячих очагов вражды пылало на обоих континентах, как и в пустыне-Перешейке, что их соединяла, но самая яркая дуэль, так и осталась внутри внешних стен дворца императора. От сражения сильнейшего в Евразии, и сильнейшего в Империи, зависели тысячи судеб, и столько же жизней. Это и заставляло обоих оппонентов выкладываться на полную, стараясь тратить как можно меньше времени.

Пользуясь дарами «змеинового скелета», герой Евразии и правда мог развивать скорость близкую к звуковой, но кто сказал, что на это не был способен императорский Кулак?

Вэнтэр, не оставляя за собой даже размытых следов в пространстве, исчез с места и пока Кир не понял, что долженствовал выискать своего врага, показался на корточках точно под пролетающим выше капитаном. Кир не сразу это за-

метил. Он увидел лишь как Вэнтэр вытягивался вверх, сжимая объятый Магнэрайсом кулак всё сильнее. Мгновение – столько времени ему потребовалось, для удара. Поднявшись в полный рост, мальчишка со всех собранных сил ударил оппонента объатым алым шаром кулаком в самый живот. Не успев издать и звука, Кир, от сильнейшего толчка взмыл вверх, выпуская алые очертания прозрачных языков из собственного тела; в основном – живота. Эта вспышка Магнэрайса чем-то походила на плавную пирамиду; у неё не было острых углов, но чем дальше её край, что внутри Кира, покидал основание – Кулак императора, тем она утончалась и становилась прозрачней. Мальчишка настолько сконцентрировал удар, что по земле у его ног разве что пробежал ветерок; ни трещин, ни тряски не последовало. Это даже удивляло, ведь толчок был поистине феноменален. Покоритель счёл нужным нанести новый удар, и когда Кир взмыл до уровня средних этажей его замка, он поднял вверх руку, тихо шепнув:

– Киобаку!

В этот раз, до капитана добралась менее привычная волна, способная притягивать. Не позволив пареньку продолжить полёт вверх, она заставила его, ускорившись, отправиться вниз, навстречу довольному владыке. Хотя, снова используя заоблачную скорость, император испарился с места, обеспечив Киру крайне твёрдую посадку. Паренёк со страшным грохотом врезался в голую землю, а Вэнтэр, в па-

ре метров от грохнувшегося тела, мирно остановился.

В этот раз, как и во множество других – место падения укрылось поднявшейся пылью и расписалось ветвистыми трещинами. Император недолюбливал чужих интриг, к тому же, терпеть не мог ждать; дёрнув рукой, он смёл поднимающийся дым, оставив кратер Кира видным глазу.

Хоть после падения прошло немного времени, капитан уже почти поднялся. Он оставался согбенным, одной рукой держался о землю, а другой прикрывал изнывавший болю живот. Но его ноги выпрямлялись, а голова уверенно смотрела на врага. Капитанским глазам не видно было лицо, скрытое под шлемом Кулака, неизвестно было, насколько самодовольно оно выглядело. Насколько уверен был взгляд, расслаблены губы и спокойны скулы. Император будто знал то, что мог узнать лишь тогда, когда Кир полностью встал. И это были последствия удара воеводы, это то, чем он наградил капитана за его храбрость. Начиная немного ниже грудной клетки, захватывая края боков и обрываясь в районе пояса «змеинового скелета», красовалась открытая дыра. Этот участок совершенно ничто не прикрывало. На нём не осталось ни кусочка защитной брони. Всю область удара Вэнтэра обороняла лишь покрасневшая, расцарапанная, израненная кожа. На ней не было крови, сильных ожогов, только это удивляло императора.

– У тебя ещё остались сомнения, по поводу моей победы?

– Я не сдался! – сквозь зубы выдавил Кир, не находя сил

даже для шага из ямы.

– Зря. Ты и до этого не стоял наравне со мной, а теперь у тебя огромная уязвимая дыра, – указав на сжимавшийся с каждым вздохом живот, напомнил Вэнтэр.

– Чёрт! – мысленно крикнул капитан. – Как же его одолеть? Оружием он что ни делай превосходит; в ближней схватке его и прежде нельзя было ранить, так теперь и приближаться опасно, – прикрыв открытую брешь рукой, сжал Кир зубы. – Ладно, он вроде достаточно отвлётся...

– Надеюсь, ты надумал мирно сдаться? – спросил император, устав ждать.

– Зря, – передразнил Кир соперника. Не успел владыка материка удивиться, как на его спине, по которой первый в «Реокрацу» не так давно нанёс удар ступнёй, мерцавший красным жучок, красочно взорвался. Это стало неожиданностью для императора, и вызвало ждущий взгляд героя, родом из Евразии.

Взрыв был будто слабее тех, что мини-бомбы порождали раньше. Сквозь беловатый дымок виднелись очертания небольшого нэогара, подобно Киру, поднимавшегося с земли. Прежняя устойчивость юного тирана явно покинула его Кулак, раз уж он не выдержал взрыв, как это было в предыдущий раз. Взгляд Кира, что поставил свою жизнь ниже блага тысяч других людей, стал ещё более недоверчивым. В нём проснулись сомнения, по поводу имперской неуязвимости.

Пусть самый ярый очаг борьбы горел в Империи, самый

горячий неустанно клокотал в пустыне, близ Евразии. Последняя из числа баронов, давний неудавшийся эксперимент Маггара, поднялась с обожжённого, а то и продолжавшего гореть песка, раньше своего противника. Её не скромно украшенный корсет, яркая повязка на бёдрах, изящные стальные руки, уже давно утратили блеск новизны.

Спидрайдэр же, получил более ощутимые повреждения. Почти весь его корпус измазала зала, а ниже центра груди виднелось оплавленное углубление, почти до самых внутренних частей. Да и его оружейный набор претерпел сокращение: одной клешни он лишился целиком; две другие, в принципе, стали бесполезны.

Терпение, как всегда, закончилось у Магны, и она решила стать тем, кто нанесёт новый удар. Дёрнув ладонями вниз, бывшая королева создала ярко пылавшие факелы на собственных руках и, пригнувшись, рванула вперёд. Разгоняясь чуть ли не до скорости Сталиса, Магна в разы сократила расстояние до Спидрайдэра, который снова провернул скрытый удар. В паре шагов от Магны выросло одно из щупалец белого барона, готовое вонзиться в неогарский корпус. Но Магна, будто ожидая этой подлости, подскочила вверх, перепрыгнув клешню. Ещё в воздухе она со звонким хлопком соединила ладони, создав направленную в одну цель струю. Она вовсе не была яркой, её языки не клубились жгучим жаром, зато её скорость, окупала прочие недостатки.

Один из тросов людского неогара по-прежнему оставал-

ся в песке; им оказался тот, что был на «семи часах» спинного диска. Поднявшись с помощью него вверх, Спидрайдэр не уберёг от попадания в огонь свои ноги. Ему пришлось раздвинуть их, будто сев на шпагат, только вместо пола под ним бушевала огненная струя. Подняться выше, барон уже не мог. Зато тем концом каната, что пересёк Магнину атаку – Спидрайдэр во второй раз попытался пронзить баронессу. Острым наконечником он бы угодил ей в открытую спину, но Магна вовремя развернулась.

Обеими руками королева схватила гладкий, упорно давивший трос, что оборвало её напор. Даже ей едва хватило сил, чтобы сдержать желавший внутрь брони канат. Баронесса отъезжала, всеми силами упираясь в рыхлый песок. Вернувшись на опору, Спидрайдэр освободил длину своей клешне, и той её частью, что держала на себе «копье», обогнул Магну. Он крепко связал её ноги и, надавив на спину, заставил упасть.

Оказавшись почти утонувшей в песке, королева всё равно не сдавалась, и продолжала отгибать от себя клешню. Решив не упускать удачный момент, Спидрайдэр выпустил ещё пять щупалец, что будто опадавший фейерверк с разных сторон нацелились на части тела баронессы.

Увидав приближавшиеся длинные «когти», Магна разозгла сам воздух вокруг себя, накалив собственную броню. Она засияла оранжевым пламенем, судя по испарениям песка и искажённому вокруг королевы воздуху – чертовски го-

рячим. Даже щупальце в её руках стало податливей, лишившись прежней жёсткости.

Но разве способно было пламя остановить леевшие стрелы белого барона? Несмотря на температуру, что обратила песок в стекло, Спидрайдэр вогнал каждое щупальце, куда хотел. Он не знал, куда следует целиться, но угодил в правую руку, левый бок, пояс, и каждую ногу, немного ниже колен. Созданный Магной накал сделал мягче и её корпус. От этого, разогнанные клешни вонзились глубже, практически насквозь пробив взрывную королеву.

Не было среди баронов никого жёстче Магны, но даже она, закричала от подобных повреждений. Она больше не могла поддерживать пламя, созданное для защиты и, упиваясь собственным криком, боялась пошевелиться.

Подарок великого бунтаря, зная осложнения военного положения, не смел тратить время. Подняв себя теми же клешнями, что успешно засадил в Магну, Спидрайдэр добрался до баронессы. Повиснув точно над её отошедшем от болевого шока телом, барон вытянул к ней левую руку.

Магна ожидала чего угодно, вынашивая способ избавиться от вражеских щупалец, но того, что Спидрайдэр выстрелит собственной рукою, она и представить не смела. Отделившись от тела в районе локтя, его предплечье, соединяясь с телом тонким чёрным тросом – на высокой скорости ударило Магну раскрытой ладонью. Едва коснувшись основания её груди, в шестнадцати местах по всей отделившейся руке,

в стороны разошлись маленькие дверцы. Королеве захваченной державы плохо видны были прочные канатики, толщиной с большую свечу, но то, что они делали, она прекрасно ощущала. Каждый удивительный своим расположением трос старательно оплёл баронессу, покрыв её тело петлями и узлами. Закончив словно змейки плести свои узоры по всем подвижным местам королевы, края тросы нашли себе подходящие пары, щёлкнув при прочном смыкании между собой. Из одной руки, Спидрайдэр создал целых восемь накрепко сжатых мини-клешней, невероятно плотно сковавших движения Магны.

– Что за к чёрту ты устроил? – наконец попытавшись пошевелиться, разгневанно воскликнула баронесса. – Я всё равно освобожусь!

Не придавая обещаниям значения, белый барон из своей правой ладони создал настоящий бурильный аппарат, раскрутив сжатые пальцы. Лишь единожды коснувшись ими троса, что держал отпущенную десницу на связи, Спидрайдэр разрезал канат, лишив самого себя конечности.

– Ну и что? Думаешь, мне это помешает? Я выжгу все твои мерзкие клешни, а потом и всего тебя! – не желала замолкать королева, не способная даже подёргаться.

Переставив каждое щупальце, сумевшее побывать внутри Магны, Спидрайдэр забросил одно из них как можно дальше – в направлении Империи. Опираясь на него, он потянулся к месту крепления своих дополнительных рук, стремительно

сокращая дистанцию с нэогарской зоной...

В очередной раз брошенная Магна, осознав всю безуспешность попыток вырваться, снова разожгла вокруг себя огонь, выдавливая каждый градус до последнего. Её лицо так и горело напряжением, укрытым под ненавистью и злобой. Королева не охладит бушующий пыл, пока каждая клешня Спидрайдэра не будет превращена в лужу.

Из капитанов «Реокрацу», что по-прежнему были живы, и всё ещё имели право носить своё звание, во всей Евразии остались лишь двое. И, как ни странно, они были девушками, что выкладывались на фронте в облачении стальных костюмов. Их единственным видимым врагом, до сих пор оставались созданные Сталисом вояки. Они шли вперёд синхронным строем, погружаясь всё глубже и глубже в Авангардный город. Последние люди на первом фронте настолько сосредоточились, что не придали никакого значения начавшемуся дождю. Плавно, маленькие редкие капельки, летевшие с небес, переросли в полноценный дождь, покрывший улицы тонкими струйками стекавшей воды. Евразийское небо не почернело, тучи не стали мрачными. Они нежно серым оттенком, словно мягкое одеяло, укрыли небеса, позволив солнцу отдохнуть.

Расплакалось само небо; даже оно не было в силах сдерживать скорбь по всем погибшим в этом неравном бою. Никому пока неизвестно было, о гибели короля Евразии, и его возлюбленной королевы; но небо знало, оно заплакало пер-

вым. Под его унылыми слезами и вели свой бой девицы-капитаны.

Вояки Сталиса без интереса шли вперёд; они не трогали дома, не рушили постройки, но стоило им заметить трусливого глупца, что решил передохнуть после дезертирства, как они тут же наваливались целыми группами. Их цель была проста и едина – убивать людей. Их волновал результат, средства значения не имели. У капитанов же, был некий иммунитет перед солдафонами. Под нэогарской бронёй человека не отличить от собрата, и пользуясь этим – обе девицы всю отбивали вторженцев.

Свой знак сожаления небо явило только над Евразией, смыв густыми каплями грязь войны и следы невинной крови. Над Империей же, тучи начали густеть только сейчас. Вставшего во весь рост хозяина Кулака, впервые за долгое время накрыла настоящая тень, от тучи, что разом затмила половину небосвода. Некоторое время, Кир ещё погрелся в лучах светила, но вскоре туча захватила небосвод и над ним. Кое-где всё же мелькала голубизна, да и давящей пасмурности по-прежнему не было.

Оба соперника слишком увлеклись мыслями, чтобы замечать изменения в погоде. В случае капитана все раздумья поглотил анализ его последних атак; в случае Вэнтэра, каждое второе слово готовило для капитана изошрённое проклятье. Посмотреть на спинное покрытие лучшей в мире брони нужно было только Киру, так что первым, в этот раз, «шагнул»

он.

Исчезнув с места, капитан не оставил владыке и намёка на точку грядущего удара. Но Вэнтэр, спустя время, просто вытянул левую руку в сторону от себя, и даже не шепнув заветное словцо, нарочно целясь в капитанский живот – ударил отторжением. И попал он куда замышлял; заставив Кира кашлянуть кровью, после незримого, но чертовски ощутимого удара в слабую зону, Вэнтэр отбросил его в сторону старой доброй внешней стены. Но и Кир не остался без сюрпризов; по рельсам, что хранили в себе клинки для ближних атак, одно из прочных лезвий выстрелило, навсегда покинув прежний «дом». Покорителю не стоило затрат его словить, сжав кулаком. Слегка надавив, мальчишка в стальные осколки раздробил клинок. Махнув рукой вверх, он разбросал частички по воздуху.

– Вот сопляк! Я слишком затянул этот фарс, хватит тратить время! – решительно сказал Вэнтэр сам себе, не разинув рта. Его единственный видимый противник, не позволил себе в очередной раз столкнуться со стеной. Он сумел рывком вокруг себя сбить инерцию, после чего ногами топнул о землю, лишь в паре метров от непреклонно стоявшей преграды.

И поза и взгляд капитана говорили о готовности нанести новый удар, но император, решил выкинуть сюрприз. Под его ногами плавно разгорелся полукупол Магнэрайса, не спеша поднимавший его вверх. Владыка будто стоял на срубленном под основание казане, прозрачного алого цвета. Его

ступни слегка захватили слабые испарения, внешне походившие на пламенные языки. Поднявшись ввысь, на уровень около двух метров, владыка всех видимых земель ни разу не свёл с оппонента взгляд. Его стремление покинуть двор замка слегка удивляло, хотя Кир, решил не забивать голову раздумьями, и предпочёл кое-что проверить.

Оставив на прежнем месте лишь размытые очертания своего присутствия, первый в «Реокрацу» проскользнул под императором и, остановившись позади юного тирана, взглянул на спинную часть его брони. В этот раз, он наконец увидел то, чего так долго ждал. В месте взрыва осталось пятно чёрной залы, и совсем слабые, едва заметные с такого расстояния потёртости. Кир удивлённо хмыкнул, будто не ожидал такое увидеть. Широкие глаза и улыбка создали удивлённую радость, испытанную капитаном.

Ненавистный каждому человеку император, успел подняться на высоту равную четвёртому этажу дворца. Обернувшись к Киру лицом, Вэнтэр не спеша развернулся полностью, явив капитану фас своего Кулака. И то, что увидел Кир, вогнало его в бледное изумление. Весь костюм юного тирана раскрылся на множество люков и отсеков, настолько густо наляпанных, что в некоторых местах виднелось живое человеческое тело. Но пугало далеко не изобилие раскрытых проемов, а то, что в них хранилось. Вся броня мальчишки превратилась в один цельный оружейный комплекс, состоявший из столько оружия, что глазом не сосчитать. Среди са-

мого приметного были ракеты любых мастей, окрасов и размеров; собранная в бомбы взрывчатка; осколочные, газовые, дымовые и звуковые гранаты; не потерялась и уставленная дулами рука, способная обстрелять сразу любым калибром. Вторая рука стала местом хранения тоненьких, хилых стержней, одним из которых покорителю доводилось уничтожить целый этаж своего замка. Начиная шей и заканчивая голенью, не осталось во всём костюме места, из которого не готовы были дождём посыпаться припасы императора.

– Передай привет Джаину, – хмуро попросил владыка, ни на секунду не сомневаясь в своей победе.

Направив каждый обнажённый припас в цель, властный мальчуган спустил арсенал «с поводка». Несчётный ливень всех его припасов, безжалостным стальным дождём разлетелся как в направлении капитана, так и по сторонам от него, дабы исключить шанс на побег.

Всего секунда, одна мимолётная секунда показалась Киру более долгой, чем всё время сражения. Ведь именно эта секунда разделила его, и напор самого разнообразного оружия, что так сильно желало его кончины.

Со времён первого залпа Гегара, не гремел настолько ярый взрыв. Каждая боеголовка в отдельности, создала потрясающе сильный взрывной грохот, ставший единым. Затряслась стена вокруг дворца, едва сдерживая новые трещины. Разом вылетели все окна первых этажей, стеклянной россыпью запачкав роскошные полы замка. Самые тонкие

деревья имперского парка сломались пополам, оторвавшись от свежих пней. Не хватило только поднявшегося ввысь гриба, из дыма и пламени внутри него. Всё остальное, Вэнтэр сотворил; он испоганил собственный двор, как никто другой. Он принёс тяжёлую жертву, ради столь желанной победы.

Лишившись всех оружейных тайников, мальчишка закрыл распахнутые люки. Он снова вернул броне целостность, прикрыв открытые, уязвимые места живого тела. Под ногами воеводы клубился густой серый дым, заполонивший стены вокруг замка чуть ли не до краёв. Вэнтэр знал, что мог бы лишь одним рывком руки раздуть весь дым, но в этот раз, он не желал портить интригу; она была его собственной.

Также неспешно опускаясь, как и поднимаясь, он погрузился в ослабевавшие облака, и вскоре коснулся земли. Кроме чёрной, кривой, уходившей под скос к основному месту взрыва почвы, немного левее тыла дворца – ничего и не осталось. Чем больше становилось видно, тем сильнее пробирало чувство хаоса и беспорядка; мальчишка собственноручно испортил всю былую прелесть жемчужины столицы мира нэогаров. И даже после этого, после, казалось бы, неминуемой победы, тиран стоял с ликом самого недовольства, презрительно оглядывая оставшуюся разруху.

– Ну и как ты это сделал?! – во весь голос вдруг крикнул он, резко обернувшись к крыше дворца. Первейшее человеческое тело обладало отменным зрением; Вэнтэру не стало проблемой увидеть Кира, стоявшего на краю кровли замка.

– У всех свои фокусы! – несколько бодро, крикнул Кир в ответ, сделав руками «рупор». Хотя целостность капитана, снова заметно пострадала. Сильнее всего досталось левой ноге, она разбилась в кровь. Странно то, что он ещё в силах был на неё упираться; правое плечо попало под один из взрывов, и его покров тоже вот-вот развалится. Сеть трещин протянулась и ниже плеча, но не фатально.

Зачинщик большинства мирских проблем, издав звук, напоминавший рык, полностью развернулся лицом к дворцу. Оттолкнувшись от земли, он взмыл вверх, облачив себя в шар Магнэрайса. Его целью стала куполообразная крыша дворца, на которой капитан спасся от беспощадных взрывов сотни залпов.

Увидев стремительно приближавшийся, пылавший метео, лучший в «Реокрацу» обратным сальто заскочил за центр крыши; за заострённый бугорок, прямо посередине кровли. Примерно туда, откуда отступил красноволосый паренёк, залетел император, растворив Магнэрайс за секунду до касания поверхности. Мимолётно окинув взглядом тесноватое поле нового боя, Вэнтэр яро кинулся в атаку. Он все силы бросил на поимку первого, который умудрялся пользоваться крышей верхнего этажа, словно собственной поляной для прятков. Увёртываться от прямых ударов, блокировать и избегать хитроумные нападki императора, ещё никогда не казалось капитану таким простым. Но удача неприкосновенности покинула паренька, и вот владыка нанёс долгожданный

удар, нарочно целясь в слабое место. Когда правый кулак погрузился в неприкрытую плоть главы «Реокрацу», даже результатов утомительных тренировок оказалось мало, чтобы избежать ломящей боли.

Добившись сдавленного выдоха, хозяин Кулака придавил подошвой израненную ступню Кира, даровав пареньку ещё одну, подлую дозу боли. Только лишь собравшись с мыслями, капитан левой рукой схватил имперскую лапу, надеясь суметь её отодвинуть. Вэнтэр, замахнувшись левым кулаком, сосредоточил вокруг него чёткий шар Магнэрайса, опоясавший стальной покров детской руки. Эта сфера была настолько густа, что почти не прозрачна; даже испускаемые испарения, в виде пламенных языков, выглядели более натурально.

Целясь напрямиком по защитному шлему, Вэнтэр нанёс свой удар. В повидавшей множество всего голове, не могло закрасться и мысли, что обессиленный человечиска – переживёт тряску. Но Кир, который раз оправдывая звание героя, правой ладонью поприветствовал атаку. Стоило яркой сфере коснуться покрытия его перчатки, как в самом центре чёрной оболочки раскрылся трёхступенчатый трансформатор, сиявший приятно-голубым огоньком. Ярче всего свечение издавал центр получившихся люков. Именно он, подпуская к себе Магнэрайс, густой струёй вбирал его, будто высасывая из Кулака. Потребовалось не более трёх секунд, чтобы растворённые в голубом потоке света соперники увидели полное исчезновение алого шара. Он, втекая потоком равным

по ширине центру воронки, попросту впитался в неё, оставив кулак без прикрытия. Удар не лишился остальных сил, и со звоном – Вэнтэр вдарил по ладони капитана. Но это не принесло толка.

– Чёрт! – промелькнули в голове покорителя последние минуты боя с третьим капитаном. В тот раз, используя нечто похожее, Лира лишила его Кулак энергии. Испугавшись, юный тиран отдёрнул руку, даже не заметив грядущего удара. Ногой, что осталась цела и ничем не зажата, Кир со всей силы ударил по Вэнтэру, выпроводив его за края крыши. Усердно размахивая руками, сбитый с толку воевода, спиной вниз полетел на твёрдую землю. Он будто не сразу это осознал, но, только смекнув, что случилось, изловчился в воздухе перевернуться, согнув ноги в коленях и направляя их вниз. Его приземление оказалось даже громче, чем громогласным; мальчуган наделал не мало шума вперемешку с пылью, и ещё большей разрухой.

Стоило Киру, из любопытства подойдя поближе к краю, окинуть подножье дворца внимательным взглядом, как капитан увидел вновь летевшего сорванца, готового забраться на крышу.

– Ты нас недооценил! – словно хранитель справедливости, изрёк Кир, махнув в Вэнтэра пока ещё раскрытым трансформатором в своей ладони.

Виновник бушевавшей войны, не успел подняться выше пятого этажа, когда ему на встречу вырвался будто коготь

дикого зверя, бравший основу у руки Кира. Плясавшая вокруг самой себя голубоватая энергия, шире, чем вся капитанская рука и вполне протяжённая – вот-вот столкнётся острым краем с взмывавшим мальчишкой. Этот, похожий на клык заряд, наворачивал стремительные круги, что говорило о способности пробурить преграду.

Отреагировав за долю секунды, владыка выкинул навстречу заряду руку, испуганно крикнув:

– Киораку!

Его ответный напор энергии не столько отразил голубоватый бор, сколько замедлил и удар, и императора. Но замедление не сильно помогло мальчишке, и пусть не также быстро, но ярый клык пробирался сквозь густые волны. Поражавший удар капитана дал понять: таким фокусом, его не остановить.

– Расточительная козьявка! – сквозь зубы выдавил бывший нэогар, сжав раскрытую ладонь в кулак. Это вызвало создание Магнэрайса, что полукуполом прикрыл мальчишку, обрываясь где-то в районе пояса.

Напор отторжения иссяк, и коготь Кира со всем усердием ударил по Магнэрайсу. Это отодвинуло ощущение неизбежной победы главы «Реокрацу»; теперь, его вращавшаяся волна била по алому полю, бурля и испаряясь.

Красивыми блестящими кольцами остатки сил «змеиного скелета» прошлись по прочному Магнэрайсу, на мгновение полностью сковав голубыми струйками. Но у Кира закончи-

лись похищенные силы, и его раскрытый трансформатор – закрыл каждый из трёх люков. Вэнтэр же, повис в воздухе, на прежнем месте. Он, был цел и невредим, а Магнэрайс, что он, ухмыляясь, держал активным – дымился белой дымкой.

– Я вас идеально оценил! И только поэтому – заслуживаю победу! – выкрикнул император, с ярим рывком взмыв к Киру на крышу...

Виновник самого жестокого преступления за последнюю войну, давно покинув Белый дворец через тыльные окна, вновь со всех ног бежал. С высоты полёта создавалось впечатление, что он бежал к северному фронту, хотя зачем, представлял он один. Барону пришлось потратить даже больше времени, чем в прошлый раз, ведь западный и восточный города были вполонину протяжённой Авангардного. Приложив отнюдь не мало усилий, Сталис всё же домчался до северного берега. Что же там творилось, оказалось очень интересной новостью.

Нэогары, пережившие бомбардировку кораблей и схватку с силами Евразии, почти закончили сносить к берегу награбленные ценности. Кто-то нёс их в шкафах, кто-то в тумбах, кто-то выискал мешки, или нашёл так мало стоящих предметов, что уместил их в руках. В основном, нэогарский интерес привлекло всё, что имело отношение к драгоценным металлам и камням. Прочее же, вызвало интерес по другим, различным причинам. Оглядев непристойное поведение вторженцев, Сталис, у самого берега, одного из переносчиков

спросил:

– Какого беса тут творится?! Где хоть один корабль, и зачем вам это барахло?

– Это приказ императора, собирать ценные предметы. А суда, на которых мы прибыли – потоплены все до единого.

– Не может быть... из двенадцати кораблей не осталось ни одного?!

– Если вдруг найдёшь, позови, – возвращаясь к работе, съязвил нэогар.

Бывший король Сталии устало качнул головой, обречённо переведя взгляд к воде.

– А где Вайдэр? Среди вас? – крикнул он, оставшись без единой души поблизости.

– Мы не знаем, его не видно с момента потопленья флота... – ответил более сговорчивый солдат.

– Неужто смылся... – тихо озадачился барон, подходя к берегу.

Позволив накатывавшим волнам омыть свои ступни, Сталис напряжённо вытянул вперёд обе руки, держа их ладонями вниз. Постепенно он стал разворачивать запястья, поднимая дрожавшие длани кверху. Собрав позади себя внушительную аудиторию уставших зевак, Сталис поднял со дна один из кораблей, старательно подобрав самый целый. Собственными силами он заделал огромную брешь в центре палубы, и починил самые серьёзные расколы облицовки. Восстановив способность разбитого судна держаться на плаву,

поверженный король обернулся к «матросам» команды Вайдэра.

– Если это приказ императора, грузите всё в трюм. Мы возвращаемся в Империю...

Просторы материка, которому свезло остаться в стороне полномасштабных боёв, всё также безмятежно ждали, сами не зная чего. Возможно, победы своего владыки в его тяжёлой схватке, или же вовсе не ждали ничего. Зато Кир, точно больше ничего не ждал; пока Вэнтэр, издавая рев, вновь забирался на крышу, капитан спрыгнул с неё, в противоположном направлении.

Заметив попытку сбежать, покоритель, будто переместился к месту прыжка, повторив отважный шаг первого. В планах Кира было просто сменить место битвы на менее наклонённое, но в планы Вэнтэра вошло скорейшее прекращение этого поединка.

Удар отторжением в спину, стал для главы «Реокрацу» серьёзной неожиданностью; как и полёт Вэнтэра позади. Разогнавшись до пугавшей скорости падения, Кир чудом успел подставить под удар согнутый локоть и бедро, надёжно защищённые «скелетом». Рука «утонула» в глубоких расколах по самое плечо, чему удивился и покоритель.

Забыв о раздумьях, Вэнтэр использовал притяжение; он повысил скорость собственного падения, применив «Киобаку» на земле. Разогнавшись подобно капитану, мальчишка, в который раз создал вокруг кулака алую сферу, не прогорев-

шую и секунду перед скоростным ударом по Киру. Эта атака не имела равных по жестокости; более агрессивных выпадов, император ещё не совершал.

Понимая опасность звукового кулака, капитан снова решил пожертвовать частью брони. Он подставил под удар левое предплечье, за миг до попадания в цель. Мгновенно каждая дуга костюма разлетелась в дребезги, раскрошив защиту до самого плеча. Лишь на кисти осталась чёрная перчатка. Довольно странным показалось то, что удар такой силы, оставил под собой совсем не много трещин, да и ожидаемый кратер после столкновения, вовсе не походил на кратер.

Но какое уж дело было владыке до последствий, он слишком увлёкся кончиной оппонента, чтобы смотреть по сторонам. Не придумав ничего лучше, император отвёл ногу назад, и как следует замахнувшись, пнул капитана по открытому животу, о котором Кир успел позабыть. Удар прочного стального сапога болевым фоном разбрёлся по всему телу красноволосого паренька, сковав даже сердце, бившееся из последних сил. Киру ничего не осталось, кроме как одарить внешнюю стену очередной вмятиной, в этот раз у самого основания. Боль, что терзала первого и спереди и сзади отчётливо виднелась: лицо Кира, его движения, едва слышные мучительные стоны, всё это выдавало адские муки.

– Вот так выглядит твой конец! Так выглядит конец Евразии! – выпалил Вэнтэр, гневно крича Киру. Скинув с головы почти полностью разбитый шлем, первый показал уставшее,

подбитое лицо.

– Убив тебя, я бы прекратил войну. Но убив меня, ты ничего не добьёшься. Не путай войну за жизнь, и за императора! – не думая признавать проигрыш, сердито ответил Кир.

– Твоя смерть ни к чему. Я ведь сказал той девчужке: эта война уничтожит людей, и саму Евразию – НА КОРНЮ!

Кира насторожила подобная речь; он забоялся неприятных сюрпризов, которыми кишела Империя.

Прикоснувшись указательным пальцем к шлему, юный тиран установил аудио-связь.

– Авиационный штаб! Я приказываю обратить в исполнение «Багровый закат»! – слишком высокомерным тоном распорядился владыка.

– Что ещё за закат? Что ты удумал?!

– Время стычек меж войсками – позади. Я сделал всё желаемое: заполучил Гегара, растоптал вашу армию, наверняка обезглавил Евразию и вскоре получу всё, что сумею унести. Твой дом мне больше не нужен, и дабы он, наконец, растворился в руинах проигрыша, – подняв на уровень плеч руки, затих владыка, – я отправил в путь пять атомных боеголовок, – растянув надменную улыбку, поведал мальчишка.

Честность этих слов подтвердили показавшиеся под серым небом истребители; они взлетели ровным косяком, охватывая меж собой целый континент. На полной скорости пять авианосцев помчались в родной дом капитана; в дом миллионов пока ещё живых людей.

– Настало время, моей победы!!! – поддерживая злорадную улыбку, надменно заявил мальчишка...

25 эпизод. Посланник короля

Люди стараются быть предусмотрительными; они считают, что заранее расставив защитные фигуры, смогут оставаться в безопасности. Надежда и вера, подводят чаще и больней всего; кому известно, чем бы всё закончилось, если бы телохранителем королевы стал кто-то другой... кто-то, готовый отдать за неё жизнь. Теперь, другого исхода не узнать.

А тот, кто жизнь отдать не вознамерился, стоял у разбитого входа в Белый дворец. Джой, вжавшись спиной в стену, тяжело дышал. Его широко раскрытые глаза, поникши смотрели в никуда; перед его взором, помимо надоедливого дождя, будто всплывали красочные картинки, очень важные фрагменты вероятно из прошлого паренька. Он бы с радостью продолжил убегать, присел на землю, остановил дрожь в коленях, да хоть бы упал и лишился сознания, но не мог. Его разум захватило что-то непонятное, что-то известное лишь ему.

Пробраться сквозь все лабиринтные ходы, было довольно утомительной задачей, даже для ног четвёртого по силе капитана. Колени Джоя сами заставили его присесть, спиной тщательно стерев пыль со стены. Рухнув на порог, изнурённый капитан обхватил лицо руками, не позволяя глазам пропускать слёзы. Только сейчас он ощутил, как сильно под-

вёл королевскую семью. Только сейчас он понял, насколько низок был, его поступок. Сорвавшись с места он, едва не упав на повороте за дверь, ринулся обратно в убежище. Даже Джою трудно было понять, что и зачем он делал последние полчаса, но, не смотря ни на что – он продолжал.

Домчавшись до жилого ответвления среди уймы коридоров, он поскользнулся на луже у самой двери в палату королевы и, дабы вовремя остановиться, зацепился рукой за косяк. Джой заглянул внутрь, наконец лишившись страха узреть правду. И то, что он увидел в этой самой палате, заставило его с каменным лицом отступить назад. Джой впервые побледнел, увидев кого-то убитого. Сожалевший взгляд, сжатые брови, движения головы, молившие «нет-нет-нет», и степенные шаги назад. Это всё, на что хватило четвёртого по силе в «Реокрацу».

Прервать его безысходные жесты сумели тихие постукивания, слышные у кровати Милены. Капитан со всех ног кинулся к колыбели, в которой увидел живого, невредимого ребёнка. На ней не было ни одной раны, она даже не испачкалась кровью. Но узнать её, получилось с трудом. Ещё совсем редкие, короткие волосы младенца побелели; их цвет был чист, словно утренние облака; даже снег бывает менее белым, чем завитушки Милены. И глаза, совсем недавно мутно-зелёные, теперь стали предельно отчётливыми, а цвет их – светло-фиолетовым. Джой не поверил собственному зрению, увидев в кроватке такое дитя. Если раньше Миле-

на часто улыбалась и хихикала, теперь её совсем маленькие уста были прямы, как горизонт.

Капитан будто побоялся коснуться её. То ли его гложил стыд, то ли он боялся быть обвинённым в убийствах, но убедившись в целостности малютки, родилось решение снова уйти. Пусть случившихся трагедий не изменить, четвёртый радовался, что хотя бы Милена осталась цела. В этот раз, мирно и размеренно, он покинул палату королевы со спокойной душой.

Удивление можно называть по-разному: шоком, изумлением, окаменением, и вызвать его можно длинным рядом причин; неожиданной новостью, поступком кого-либо или каким-нибудь свершением. В случае сильнейшего капитана «Реокрацу», каждая причина слилась в одно бледное оцепенение. Император растоптал надежду Кира вернуться домой, ведь если смерть владыки испугает его солдат, запущенным атомным бомбам – будет всё равно.

– Нет... ты не можешь... это безумие! – шевеля заплетавшимся языком в такт шагам назад, мрачно выдавил капитан, не способный прикрыть разинутый рот. – Ты, ты ведь не только Евразию уничтожишь, но и своих подчинённых! Одумайся! Там по-прежнему твой заместитель, твои бароны, твоя армия!

– Плевать! К чёрту армию, к чёрту баронов, пускай спасаются как могут! Они лучшие в своих державах, что-нибудь придумают! – утратив беззаботный оскал, выкинул Вэнтэр.

– А твой заместитель? Или и его к чёрту? Доверил эту роль лишь бы кому? Сомневаюсь, чёрт тебя дер!

Надменность покорителя исчезла без следа. Пусть капитан не видел, но его взгляд наполнился сожалением. Не было на памяти завоевателя такого ужасного чувства в самом центре груди, будто что-то сжалось, под давлением сотен клинков.

– Я могу решить все проблемы за один удар. Ещё полчаса, и Евразия будет погребена среди атомных грибов. Это стоит того!

Вся наигранность этих слов слышалась в голосе; Киру ни к чему было видеть покрасневшие глаза мальчишки, чтобы почуять ложь.

– Ты безумец... – медленно пробурчал капитан. – Отмени это! Остановись, пока не поздно!

– Смеёшься? Заставь меня!

Первый капитан сорвался с места, словно голодный дикий зверь, увидевший добычу. Он понимал, теперь мало что можно было исправить. Теперь убийство владельца Кулака ничем не поможет. Но ярость, гнев, месть за прошлое, и грядущее, единым порывом выкинули его в атаку.

Перед ослеплённым бурей эмоций противником, Вэнтэру открылось множество вариантов действий. Лишь взглянув на капитана можно было понять, он ослаб как минимум в половин, против начала схватки. Его живот стал одним большим уязвимым пятном; левая рука – лшь копировла жи-

вота; правая нога – удивляла тем, что позволяла на себе стоять. Оппонента как нельзя просто добить – решил император. Он нацелил правую ладонь на шею капитана, попутно шепнув:

– Киобаку!

Кир и не заметил, как толчком его понесло к Вэнтэру, прикрытым «скелетом» горлом в самую ладонь. Воевода крепко схватил паренька, сумев оторвать от земли и с высоты поднятой руки – вбил в землю.

– Ты достойно бился, и лучше любого меня измотал. Звание первого капитана «Реокрацу» – не пустой звук. Но, невзирая ни на что – победа моя. Твоя жизнь и сама Евразия – памятник моего величия! – повысил владыка голос. Его кулак, что за мгновение осветил спину тирана шаром Магнэрайса –нацелился на голову капитана. Не осталось ничего на этом свете, что сумело бы остановить удар... И вот, бесстрашное лицо лучшего в «Реокрацу», встретилось с пылавшим алым кулаком.

Свой неизбежный конец Кир встретил достойно; его мужество и честность не позволили даже испугаться. Всё, что источал его лик – сожаление, за нарушенное обещание...

Попадание пылавшего шара густой энергии казалось неминуемым до того самого момента, пока на расстоянии длины ресниц, сфера не замерла. Сам того не желая, Кир всё же закрыл глаза, но решив, что Вэнтэр подозрительно медлил, приоткрыл очи. Бурливший Магнэрайс и правда не схо-

дил с места, не решаясь ударить в цель.

Взгляд покорителя был также обескуражен, как и капитанский; взглянув на свою руку, что чуть не отняла капитанскую жизнь, владыка увидел намотавшийся петлёй чёрный трос, накрепко державший десницу неподвижной.

Прежде, чем в сознании мальчишки проскользнула хоть какая-то мысль, вторую его руку, ту, что сжимала капитанское горло – подобный трос насквозь пронзил. Окровавленное остриё показалось из внутренней части предплечья, по которому стремительно потекли струйки густой крови. Император во весь голос закричал от боли, лишившись последней капли контроля. Ужасная агония захватила его руку от плеча до кончиков пальцев. Словно подбитый зверь владыка вскочил на ноги, размахивая обеими руками, в попытках сделать нечто непонятное ему самому. Он позабыл о накопленном Магнэрайсе, которым намеревался лишить противника головы, а алая энергия не терпела халатности. На месте самой важной части Кулака – расцвел взрыв, созданный бесконтрольным полем. Из огненных раскатов Вэнтэра выбило вверх, откуда испачканный взрывом воевода бездвигно полетел к внешней стене.

Кира тоже вовсе не пронесло; он, царапая наспинную часть «скелета», убрался назад. Ещё до того, как ударная волна утихла – вдалеке за капитаном землю продырявила клешня, в след за которой приземлился Спидрайдэр. Он помог Первому остановиться, удержав того за плечи.

Никто из живых внутри дворцовых стен так и не понял, что произошло. Смутные представления имел лишь Спидрайдэр, посланный на помощь капитану его лучшим другом. Изумлённо обернувшись к нэогару, Кир требовательно спросил:

– Какого чёрта? Ты здесь откуда?

Безмолвный Спидрайдэр, указал рукой в сторону Евразии. Смекнув о чём речь, Кир выпалил:

– Да уж понятно, что ни с луны. Но, почему ты здесь?

Барон Евразии, той же рукой, указал на укрытое дымом место, куда недавно унесло императора.

– И кто же тебя прислал? Артур?

На этот раз, белый нэогар кивнул.

– Хах, не второго капитана, так хоть тебя... – усмехнулся красноволосый паренёк.

– Чёрт подери!!! – раздался яростный крик детских связок, будто силой голоса рассеивавший густой серый дым. – Какая боль! – сквозь зубы выдавил он, покрывая стон рыком. Едва держась на ногах, прикрывая сквозную дыру на окровавленной руке, Вэнтэр только и мог, что сквозь силу недовольно вопить. – Не могу и пальцем шевельнуть, – осматривая кровавые струйки на правой руке, подумал завоеватель. – Ещё повезло, что пробита только эта рука. Задел бы Кулак, и конец моей броне.

– Что случилось? – заинтересованно спросил первый, вставая на уставшие ноги. – Где твоя неуязвимость?

Как Магнэрайс допустил такое?

– К чему ты это? – озлобленно огрызнулся мальчишка.

– Ты так расхваливал Магнэрайс. Это и наилучшая защита, и всемогущая атака, и пусть в этом ты не врал – алая энергия не может быть бесконечной. Теперь стало ясно: ей требуется слишком много питания, чтобы ты держал её вечно активной. Теперь, я убедился – ты сам решаешь, когда себя защищать, а когда атаковать. Благодаря этому, открытые удары для тебя не проблема, и Магнэрайс прикроет от всего. Но стоит тебе отвлечься, или приготовить алый шар для собственной атаки – твоя неуязвимость, лишь пыль в глазах.

– Впечатляет, – натянув улыбку, растянул владыка. – Ты сообразил, в чём минус Магнэрайса. Хотя, если б не чёртов Спидрайдэр, ты бы начал свой путь в Ментальный мир.

– Но он здесь, и благодаря нему, ты остался лишь с одной рукой. Уверен, твои алые фокусы на исходе, и пусть я не на пике сил, теперь – я не один!

Ни капитан, ни император, не придали большого значения прибывшему гостю, а это зря. Стоило первому в «Реокрацу» закончить речь, как с трёх сторон из-под земли вокруг владыки вырвались клешни, готовые «стрелами» пронзить его ещё раз. Но тут же вспыхнул Магнэрайс, преградив щупальцам путь.

– Я больше не стану подавлять Магнэрайс. Не зря мне не понравился проект «Спидрайдэр», вообще не терплю пауков. Плевать как, но я вас изничтожу! – поклялся покори-

тель, выкинув к капитану ладонь.

Беспрекословно, из ближайшей области алого поля – в сторону Кира вылетел шар, размером немного больше головы. Он довольно быстро вырос из основного поля; будто ребёнок надул бурлящий мыльный пузырь.

Рассекая сам воздух, сфера намерилась подорвать капитана, но тот встретил её касанием своей перчатки. Ему едва хватило времени на раскрытие трансформатора, и только озарив Магнэрайс голубым свечением, Кир соприкоснулся с шаром. Он решил вновь поглотить атаку, хотя Вэнтэр, не забыл об этом неудобстве. Тиран звонко щёлкнул пальцами, чем вынудил сферу взорваться преждевременно. Стоило ей лишь приступить к растворению в люках капитана, как горячий взрыв перебил голубой огонёк, и прошёлся языками по каждой части тела Кира. Само с собой, Евразийский герой отлетел назад, снова повредив спину поездкой по земле.

Не теряя удачного момента, Спидрайдэр направил четвёрку клешней в императора сверху; только там не горела защита Магнэрайса. Барону бы удалось продырявить голову и плечи воеводы, но как нельзя кстати – алое поле загорелось над Вэнтэром, преградив путь клешням. Владыка лишь недовольно посмотрел на уткнувшиеся остриями щупальца, как в самого Спидрайдэра, успевшего забраться на край внешней стены – нацелился пылающий метеор. В этот раз, он был больше прежнего.

Изворотливый нэогар соскочил со стены, а круглая «раке-

та» императора достигла цели, пробив в ней сквозную дыру, размером с любого человека.

– Как же вы достали! – махнув «живой» рукой из стороны в сторону, выкрикнул мальчишка. Горевший словно округлое яйцо Магнэрайс, создал из себя множество плавающих сфер, размером с небольшие апельсины. Они со скоростью передового автомата обстреляли любое направление, куда могли направиться противники Империи.

Вэнтэр явно устал от столь неприятного боя; кто же будет рад отобранной из самых рук победе. Нервы долго живущего, но всё же эксцентричного человека, увидели свой предел. Император впервые так наплевал на собственный дворец; он и думать не желал о последствиях атаки. Ему важно было лишь добить противников. Неважно как, неважно чем, важно одно – их смерть.

Размах его яростной спешки, отчётливей всего отобразился на нижних этажах замка, и всех около дворцовых областях. Даже сквозь приставучий дым и поднятую пыль виднелись укрытые сетями расколов кратеры, едва касавшиеся друг друга своими гранями, но нигде не пересекавшие их.

В мыслях капитана не было и идеи, как можно пережить Магнэрайсовый «дождь», но он, как ни странно, сделал это. Высвободив каждую клешню на максимальную длину, Спидрайдэр укрыл лучшего в «Реокрацу» внутри плотного тугого кокона из щупалец, а сам спрятался позади своего плетения, где тоже было вполне безопасно. Далекое ни

один шарик Магнэрайса попал по тугим плетениям чёрных тросов, но они не смогли разорвать настолько плотную связь. Переждав безумный выброс, белый барон возвратил гибкие «руки» внутрь люка, закрыв его.

– Вот сила Магнэрайса! Вот его истый размах! – не сумел промолчать император, указывая руками на многочисленные разрушения, после лишь одного залпа. – И вы считаете, что способны меня победить? Ни- За- Что! Я не проиграю вам! Ни вам и никому!

Его слова полнились уверенностью, но громкий подростковый голос, так и кричал сомнением. Вэнтэр осознавал, что сам испытывал страх. Что не так уж хороши были его дела. Но он лишь продолжал затягивать повязку эгоизма на своих глазах. Его ноги не могли устоять на месте, ведь душа так и рвалась в отчаянный бой, за обожаемой победой.

Слетев с отдалённой позиции, повелитель разогнался, как только мог, оставляя позади себя непрерывный след раскопанной Магнэрайсом почвы. Практически сразу союзник капитана поднялся в воздух, всеми клешнями стараясь остановить Вэнтэра, помешать ему, навредить сквозь алое поле. Но владыка не замечал нападки барона. Щупальца никак ему не мешали, он мчал под куполом Магнэрайса. Сократив расстояние до пары метров, мальчишка внезапно остановился и, едва не упав на спину, выкинул обе руки вперёд. Он будто оттолкнул от себя нечто незримое, чем побудил новое деление поля. В этот раз, из его купола вырос такой же по разме-

ру шар. Он отделился от родительского Магнэрайса за долю секунды, дабы на такой же скорости поразить оппонента хозяина.

Даже сфера размером с имперскую, была Киру по кодык. Но этого вполне хватит, чтобы обездвигнуть капитана, навсегда. На этот раз, Кир придумал, как сохранить свою жизнь, и на максимальной скорости – взмыл вверх. Его едва заметные очертания растворились прежде, чем он оказался в двух метрах от земли, позволив Магнэрайсу проскользнуть точно под ним.

Вэнтэр решил, что взрывной волны всё равно хватит, чтобы достать первого, и наспех щёлкнул пальцами. Своеобразная команда к взрыву сработала, и летевший Магнэрайс расцвёл оранжевыми бликами огня. Никому кроме покорителя не удалось бы заметить, как Кир, в последние мгновения, ногами упёрся в ближнюю к владыке стенку шара, позволив взрыву стать личной доской для прыжка. Единственный вред, что принёс этот удар – разорванная клешня Спидрайдера. Всё остальное, Кир превратил в преимущество. Со всей набранной скорости, что за миг доставила первого к Вэнтэру, капитан с глухим стуком врезал по бурлившему алому полю. Он не сделал с ним ничего нового; только глубокое дрожание разбавило звуки сражения.

– Всё не доходит, что тебе меня не тронуть?! – ухмыльнувшись, расслабился воевода. Всё внимание мальчишка собрал на капитанском кулаке, что тянулся с правой руки. Рас-

тянув надменную улыбку, Вэнтэр, на мимолётную секунду растворил Магнэрайс, «горевший» вокруг него. Он позволил руке лучшего в «Реокрацу» пересечь свою зону безопасности, после чего вновь «зажёл» Магнэрайс.

Не сразу Кир понял, что и зачем произошло. Но, ощутив неистовую боль в правой руке, он понял. Жаль, что оказалось слишком поздно. Половина предплечья красноволосого паренька, безжизненно пала к ногам покорителя. Выше чёрной стальной перчатки на ней не было ничего, только голая окровавленная кожа, внутри которой белели кости, и чернела плоть.

Забрызгав густой красной юшкой бурливший Магнэрайс, капитан, в чьём раздутом венами горле застрял истерзанный болью крик, не решился дать слабину. Даже испытывая боль от лишения руки, его несгибаемый дух нашёл силы, для повторного удара. И как же сильно лицо Вэнтэра испачкалось недовольным шоком, когда вокруг последнего капитанского кулака, словно вспышки молний разбежались трещины, внутри «неуязвимого» поля.

Свою лепту внёс и Спидрайдэр. Лишившись устойчивости наверху, барон чётким сальто приземлился позади владыки, распахнув каждую дверцу, что таила под собой оружие. Весь дальнобойный арсенал белого барона, беспроблемно добрался до тыла имперского купола, раскрыв двор позади владыки очередным дымившимся взрывом. Резко обернувшись назад, мальчишка гневно рыкнул, стис-

нув оскаленные клыки. Тотчас снова обернувшись к Киру, он выдавил тихим, спокойным голоском:

– О, боги, – увидев светившую голубым огоньком ладонь, что так нежно касалась Магнэрайса. Киру потребовалось мало времени, чтобы из длани вырвался небольшой ревуший клык. Шум, что издало его вращение, напомнил рёв, подметили оба соперника ещё при первом его появлении. Ослабшее поле, вмиг дало сети трещин, пропустив внутрь себя си-не-голубой коготь Кира.

В следующий миг, красными осколками Магнэрайс разлетелся на части, постепенно испаряясь, будто сухой лёд. Клык капитана прожил недолго; Кир собрал слишком мало энергии. Но теперь, пробившись напрямую к покорителю, первому в «Реокрацу» ничего не мешало со всей силы сжать кулак, и пока замерший Вэнтэр лишь всё шире раскрывал рот под изумлёнными глазами, с высокой позиции въехать мальчишке в щёку.

Если бы не защитный шлем, каждая кость в голове владыки превратилась бы в кривой бисер, а кожа оттянулась сорванным парусом. Вэнтэру повезло, и всю немыслимую силу первого – остановил шлем, разбившись на крупичицы.

Толчок кого угодно заставил бы растянуться по земле; исключением не стал, и сам император. Он с тем ещё грохотом рухнул на выжженную почву, спиной проделав новые ветвистые расколы.

Едва ли Кир ногами коснулся земли, как Спидрайдэр,

чьей целью было хоть жизнь положить, ради победы над Вэнтэром – направил в мальчишку тройку своих клешней. Не нашлось ни единой преграды между острыми наконечниками и животом покорителя; насквозь пробив броню Кулака в области солнечного сплетения, барон своеобразно отомстил за капитана. Лишённое прикрытия лицо завоевателя, скорчив мучительную гримасу, плюнуло кровью; всё его тело неестественно вздрогнуло.

– Как? – сдавленно шепнул император. – Как ты это сделал? Откуда... в тебе столько сил?

Киру стоило немислимых усилий продолжать стоять; пустота ниже правого предплечья так и требовала душераздирающего крика; она молила паренька пасть на колени и завопить от всех чувств сразу... но Кир даже не смотрел, ни на свою руку, ни на уже чужую.

– Я толком ничего не делал, всё сделал ты, – довольно тихо, выдохнул капитан. – Это ты лишил себя энергии, ты бездумно тратил Магнэрайс, а я ловил моменты...

– Ты всё равно не победил, – загнув уголки губ, приказал владыка Кулаку собрать броню. Стальной костюм обломал щупальца барона, и тот вернул их обрубленные части за спину. – Я – проиграл, но ты – проиграл в точности, как я.

Одеяния покорителя на вид были целы, единственное но – испачкались в крови практически полностью; красные разводы на славу постарались, заливая его серый батник. Упившись не лишённой сил рукой, той, что ещё могла дви-

гаться, Вэнтэр напрягся, в попытке встать. Его состояние было отчаянно; с такими ранами, кровопотерями – люди не живут.

– Со мной был Спидрайдэр, с тобой Кулак. Носил бы такой и я, Спидрайдэр бы не влезал.

Стоя на дрожавших ногах, рукой прикрывая изнывавшее болью сплетение, Вэнтэр взглянул Киру в глаза совершенно новым взглядом; взглядом безмятежного смирения.

– Я мог бы просто умереть, позволив воздушным силам уничтожить Евразию, – прохрипел император.

Кир, про это позабывший, мгновенно побледнел и, приоткрыв рот, сделал безысходный шаг назад.

– Но я отменю «Багровый закат». Терпеть не могу проигрывать, – мучительно разворачиваясь в сторону, качнулся мальчишка с ноги на ногу, – а мстить возможности нет. Но я непременно сделаю это, я отомщу. Пусть не тебе, пусть не твоему сыну, и не сыну твоего сына... но я не трону Евразию, дабы спустя хоть сотню лет вернуться, и отомстить твоим отпрыскам!

Бормоча глупые слова на редкость убедительно, измученная фигура Вэнтэра двигалась к входу во дворец, переваливаясь с ноги на ногу.

– Уж если вернёшься ты, поверь, вернусь и я, – пообещал человек самой негибавшей воли.

У разбитого места для двери, Вэнтэр искренне усмехнулся и, сдавив окровавленные зубы – заставил пробитую руку

зашевелиться. Он вцепился ослабшими пальцами в запястье Кулака, сдёрнул его с правой руки, улыбнулся, и вымолвил:

– Лови, – после чего перекинул через плечо легендарную стальную перчатку. – Мой тебе подарочек, – вновь зашагав, пояснил владыка. – Должен подойти...

Растворившись в тенях мрачного разрушенного холла, император покинул своего последнего оппонента. Проводить знатную фигуру имперского управления решило даже солнце; у самого горизонта, почти пропав среди нэогарских построек, багровое светило показалось из-за туч, окинув унылый мир прощальными лучами навсегда для Вэнтэра, и на ночь для Кира. В таком нежном свете, небо не сдержало слёз и над Империей; дождь полил на чужом материке, точно как в Евразии.

Кир, в след юному тирану смотрел с некой грустью; его сердце впервые сжалось не от боли, не от обиды, не от утраты, а от сожаления.

– Всё-таки, он не такой демон, каким его рисуют, – с теньвой улыбкой, озвучил лучший в «Реокрацу». Надев на остаток руки, с которой до сих пор капала кровь – подарок покорителя, Кир почувствовал расслабленность; его боль стремительно рассеялась. Зажав кожу капитана до самого плеча, Кулак знатно сдавил непривыкшую плоть, не подходившую по размеру. Закончив стискивать капитанскую руку, перчатка вернула пареньку утраченную ладонь, и на удивление самого себя, Кир смог пошевелить пальцами, сжать руку в ку-

лак... использовать подарок словно обычная, ну разве что стальная десница.

Кир, за радостью, позабыл о Спидрайдэре. Барону пришлось встать перед капитаном, чтобы о себе напомнить.

– Точно, нужно вернуться в Евразию... Думаю, ты с этим поможешь? – неловко попросил первый.

Безмолвный барон кивнул.

Владыка холодного материка, чья жажда к бессмертию породила целую расу, дошёл до более-менее целого входа в лабораторию, где в привычной позе работал Чан. Побледневший, усеянный синеватыми венами, с тёмными синяками под глазами, истёкший кровью Вэнтэр ввалился в двери, рухнув на колени за самым входом. Услышав громкое появление, технолог подскочил, и выкрикнув:

– О нет, император! – кинулся к погибавшему тирану.

– Чан... я хочу... отмени бомбардировку, – силами одного лишь Чана поднимаясь на ноги, выдавил воевода. Ошалевший учёный глазам не верил, разглядывая израненного императора.

– Я... этого... не может быть... как... кто это... – в пучине шока тянул слова учёный, не зная, как поступить.

– Неважно... сохрани Евразию... и жди... – на последнем издыхании распорядился Вэнтэр. Его кровавая рука соскользнула с плеча профессора и, оставив на белом халате красные разводы, император рухнул на пол. Его правая щека вжалась в холодную плиту, пробитая рука упала выше волос,

а закрытые глаза стали бездвижны и спокойны. Только уста изогнула довольная улыбка; Вэнтэр покинул этот мир так, как мечтают доблестные нэогары.

Лучший имперский учёный, оставленный в одиночестве, боялся даже взглянуть на лежавший у его ног труп. Чёрно-белое лицо профессора кричало испугом. Он был взволнован, ему было страшно и грустно; убили не просто его лучший опыт. Убили его драгоценного, единственного начальника.

Потух самый яркий очаг войны, закончилось противостояние героя и тирана; это знаменовало завершение изнурительных сражений. Но кто знал, что пора прекращать, кроме Кира? Никому невдомёк было, что ужасы войны остались позади.

Под тем же надоедливym дождём – два последних капитана, рушили планы вредительства оставшихся в деле пешек, хотя силы каждой из них исходили. Ситуация казалась хотя бы стабильной, но подчинение чужим планам никак не входило в планы великой королевы.

За спинами отважных третьей и шестой капитанов из неоткуда вспыхнул огненный столб; довольно ровный, довольно яркий, объятый жегшими сам воздух языками пламени.

– Ну что там ещё?! – нехотя отвлеклась шестая.

– Похоже, «огнемёт» никак не уймётся... – устало выдавила Лира.

– Считаешь, стоит проверить, в чём дело?

– Да. Не в обиду, но с пламенным психом – тебе не совладать... будет лучше, если отправлюсь я.

– А я и не спорю, – усмехнувшись, согласилась шестая. – Но, всё равно, будь осторожна... – приступая к новому вояке Сталиса, размякла девица.

Лира, кивнув, рванула к угасавшему столбу оранжевой пыли. У его основания, в это время, королева Магна, наконец, избавилась от тугих пут.

– Ну, ты, гнида паукообразная! – выскакивая из дымных туч внутри стеклянного песка, выпалила баронесса. – Я тебе лапки-то подпалю! – энергично оглядываясь по сторонам, источал нэогар злобу.

Вместо прежнего недруга, Магна увидела выскочившую из-за ближних построек Лиру. Девица в нэогарской броне тотчас запустила в баронессу, ставшую стандартной ракету, ещё с внушительного расстояния. Магна, фыркнув при виде этого, накалила кончики пальцев, сложенных клином. Выпустив яркую сжатую струю, объятую разгоравшимся пламенем, она не только разрубила снаряд пополам, но и задела шлем капитана. Это оставило через всё «лицо» глубокий расплавленный шрам.

Пока горячий металл не навредил коже, Лира спешно скинула головное прикрытие, явив Магне человеческое лицо. Растрепанные рыжие волосы, разбитая губа, небольшой синяк левее глаза – заметно удивили королеву; она даже забы-

ла опустить руку.

– Ты... ты ведь Лира? – тихо спросила Магна, наконец, припустив клин, но, не прикрыв рот.

– Что? Ты знаешь моё имя? – не менее шокировано, молвила капитан.

Магна засмеялась, своим привычным громким смехом. Только ей было известно, что его вызвало, но закончив гоготать в подпаленные руки, королева проронила:

– Вот уж не думала тебя повстречать... вернее, надеялась этого избежать.

– Откуда ты меня знаешь? И, что ты вообще знаешь? – потребовала капитан ответа.

– Ох... я восхищаюсь тобой, и я завидую тебе, всей душой, – с доброй улыбкой, изложила Магна. Это – вызвало на лице рыжеволосой девицы очередное смятение. – У тебя нелёгкая судьба; по чужой вине ты не можешь иметь дитя, хотя ради этого была создана. Только тебе дано в полной мере понять, мою тяжкую ношу. Но, несмотря на это – ты, как и я, боролась и борешься, во благо любимого дела. После смерти, знаешь ли, мало времени на наблюдение за миром живых. Но я как могла извёртывалась и наблюдала, за жизнью самой похожей на меня женщины. Как же мне хотелось, чтобы ты всё-таки прибила Вэнтэра, прямо в его любимом дворце. Как же я мечтала, чтобы сведенья, что ты раздобыла – помогли людям поставить эту паскуду на место. И как же мне хочется, чтобы у тебя с Киром всё сложилось...

– Ты и Кира знаешь? Подозрительный у тебя интерес, к моей жизни... – несколько напряжённо, подметила Лира.

– Стоит умереть, как сразу понимаешь, что теперь – твоё несчастье вечно и бесконечно. Единственная отдушина, наблюдение за чужим счастьем. Возможно, сейчас ты не поймёшь, но наступит день, когда и ты начнёшь просто за кем-то наблюдать...

– Ты ведь не плохой нэогар, я вижу – у тебя есть сердце, у тебя добрая душа. Не опускайся на уровень императора, не подчиняйся его безумствам! – решив уладить ситуацию миром, предложила Лира спокойный исход.

– Если б я могла... Вэнтэр ведь узнает, что я пощадила капитана, и тогда он откажет мне в создании вечного тела. А я, теперь, уже не могу вернуться под пяту Суракса...

– Но ты ведь не хочешь сражения, ты не желаешь мне зла. Если мы и правда похожи, ты не станешь ни под кем прогибаться! Ты поступишь правильно, даже если весь мир требует иного!

Молча удерживая взгляд на песке, баронесса не решалась заговорить. Но безмолвие окончилось.

– Очень мало в мире людей, которые мне вправду нравятся. Но Кир и ты – возглавляете список лучших в моих наблюдениях. Знаешь что, – устремила Магна уверенный взор в капитанские глаза, – я не хочу тебе вредить, и не стану! Пошёл Вэнтэр к чёрту, он и так мне обязан! – определилась баронесса, засияв спокойствием. Это передалось и Лире; встре-

воженная, напряжённая девица, наконец расслабилась.

Притихнуть решило само небо; дождь перешёл в более умеренную фазу. Просветления между серыми тучами явили вечерний настрой небосвода. Солнце успело укрыться за горизонтом, ему повезло не увидеть... клин имперских авиасил. Сжимая под собой целый континент, строй истребителей показался под капавшими тучами, выдерживая путь к Евразии.

Неважно, насколько ты силён – увидеть опасность спиной, не может никто. Вот не сумела и Магна, но заметив на лице Лиры глубокое недоумение, взгляд, прищуренный страхом и смотревший вдаль, баронесса повернулась к Империи лицом. Даже её вспыльчивая душа затрепетала, ведь она, в отличие от людей знала, как выглядят нэогарские авианосцы с самым ужасающим оружием.

– Вот поддонок... – покачивая головой, шепнул нэогар, понимая безнадёжность ситуации.

Немного позже клин истребителей заметил и Сталис, удивившийся прикованному вниманию каждого «матроса» к горизонту отдалённой Евразии. Изумлённо подойдя к хвостовым перилам судна, последний король Сталии недовольно буркнул:

– Тебя и смерть не исправит, Вэнтэр...

Привлечь внимание пешек спокойного барона, авианосцам не удалось. Но увидев мрачную картину под плакавшим небом, Сталис прекратил поддержку вояк, и позволил им

распасться на части. Они, каждый на своём месте – развалились на куски, заполонив улицы Евразии робо-мусором.

И какого же было удивление наблюдавших зевак, когда ещё над территорией пустыни, как раз на уровне того места, куда отволокли Гегара, каждый из пяти смертоносных самолётов, плавно набрав высоту – незаконченной восьмёркой вначале взлетел вверх брюхом, а затем, вернувшись в привычное положение, полетел обратно, в родную Империю. Начиная с того, кто летел первым, синхронно развернулись и остальные. Таким элегантным способом, пилоты уберегли Евразию от гибели, лишней раз подведя народ к инфаркту от испуга.

Была бы Магна человеком, она б расслабленно выдохнула, ну а так, просто изменила позу, готовую к противостоянию с атомным огнём.

– Я знаю, почему ты не можешь зачать дитя, – обернувшись к Лире, что снова расплылась в удивление, молвила королева. – Я далека до ваших терминов, но понимаю, что внутри твоих маточных труб – словно сорняки процветают опухоли, от которых медицина не в силах избавиться. Человеческие доктора боятся прибегать к кардинальным методам, ведь последствия неизвестны. Но я – не человек, – усмехнулась Магна, и словно вспышка объятая искрами – домчалась до Лиры. Она с размаху ударила раскрытой ладонью в область живота, и капитан почувствовала небывало ярое жжение. Внутри неё будто зажглось солнце, своим безмерным

жаром опалая те самые трубы. Стоило Лире снова посмотреть на Магну, взамен её крепкой стальной руки, как ни её, ни жжения – не стало...

26 эпизод. Ветер перемен (часть 1)

Времени в Евразии было достаточно, чтобы солнце распрощалось с ней на ближайшую ночь. Тем не менее, было рано даже для первой звезды; небо казалось тёмным, но никак не мрачным. Любому глазу всё ещё отлично виднелся фронт, наконец опустевший. В редких местах теплились очаги потухавших пожаров, испуская слабые дымки. Где-то лежали погибшие нэогары, любого из множества видов; увы, куда чаще встречались трупы людей – настоящая галерея самых различных травм. Хотя, что может описать слово «травма», после той мясорубки, которую в безобидных землях устроила Империя.

Ещё со времён совместной работы с Джаином, все его близкие друзья научились предусмотрительности. Его ближайший помощник в разработке «змеиною скелета» уже который час не находил себе места; мысли Герда занимало переживание и за Кира, и за Спидрайдэра, отправленного Первому на помощь. Глаза бессмертного профессора покраснели от неустанного наблюдения за своеобразным радаром, похожим на карту Евразии. На его просторах отмечались все капитаны, от седьмой до второго, даже если половина из них погибла. Не хватало только белой единицы, на жёлто-коричневых просторах континента. Учёному неизвестно было, где

появится символ Первого, и появится ли он вообще. Но вера его не колебалась; он преданно ждал, всем сердцем веря в лучшее.

Обескураженная Ли́ра, оставленная у первых песков пустыни, всё не могла понять, что сделала Магна, зачем ей это, и куда она, после всего, делась? Ни в одной стороне баронесса не виднелась, хотя в пустыне было много дюн любых размеров; спрятаться можно было как минимум в половине из них. Оглядев фронт с целью найти королеву, капитан заметила, что война уже, вроде как, закончилась. Она лениво развернулась, и зашагала в сторону родной Евразии; туда, где оставила Шестую. Но предпоследний капитан вскоре убежала за грань Авангардного города и, скинув нэогарский шлем –крикнула:

– Л-и-р-а, мы побед-и-л-и! Не знаю почему, но последнее сопротивление замертво упало, не успела я и новую парочку прибить, – пригнувшись к уставшим коленям, выдохнула счастливая девица. Её лицо покрылось капельками пота, вызванного и эмоциями, и духотой внутри каски, что она убрала под плечо. Ли́ра радостно улыбнулась, испустив мимолётный расслабленный выдох. Но выше её милого изгиба уст блестели беспокойные глаза, полные некой тоски, сожаления. Любо́й, кто плохо знал жизнерадостную девушку, не заметил бы её опечаленный взор, но Шестая, видевшая Ли́ру буквально каждый день, ещё издали подметила тень грусти. Наконец, добежав до шагавшей по пока не освоенным зем-

лям Третьей, шестая, встав сбоку, откровенно спросила:

– Ну и что это такое? Где радость?

– Я рада, правда. Просто, переживаю... я сама сражалась с императором; его Кулак величайшее из созданных чудес. Одолеть его... единственное чудо, громче Кулака, – снова натянув милую улыбку под тоскливые глаза, молвила девица.

– Ах, вот как. Ну что ж, твои чудеса на Кулаке не окончатся, – хмыкнула шестая, хлопнув Лиру по плечу. Девица вовсе не хотела приложить столько сил, но будто специально рукой развернула третью, лицом к горизонту Империи. Довольный взор Шестой был устремлён туда ещё во время её слов, туда же он направлялся сейчас. Но теперь, вместе с ней туда смотрела Лира, чьё лицо расплылось в бескрайнем восторге. Широкая искренняя улыбка, намокшие слезами радости глаза, перехваченное дыхание – впервые разом вызвал Кир, сидя на спине Спидрайдэра, что остановился в пяти метрах от третьей в «Реокрацу». Его израненное тело меркло под ошастливленным лицом, и сжатой в кулак легендарной перчаткой, что он держал как можно выше.

Вместе с Лирой, этот великий момент триумфа увидел любой человек, укрытый в подземельях Евразии. Символ самой тирании – эмблема холодной власти, что воплощение людских проблем носило не снимая, теперь победоносно преподнёс родному народу герой, вырвавший ключ к жизни самозванного нэогара.

Исторический миг победы над бездушным влады-

кой был показан на каждом мониторе лаборатории Герда, довольно гнувшего уста. Именно его заслугой стала трансляция величайшего триумфа во всех комнатках укрытого народа. Восторг людей лишился границ; пусть и не зная подробностей, любой понимал – Кулак надел лучший в Евразии; это была своеобразная корона, некий легендарный трофей, что герой раздобыл ради дома. Вывод один – нэогары обломали стальные зубы, о тёплые сердца людей.

Момент триумфа вместе с Лирой, что уже рванула к Кире, поделила и Шестая. Она продолжала держать свой шлем под плечом, даже не зная, что прямо сейчас даровала родному миру надежду, записывая нэогарской каской легендарные кадры.

Спидрайдэр, державший собою первого на высоте трёх метров, стал опускаться вниз, приближаясь к родной, отвоёванной почве.

– Победа... – промолвил Кир, скидывая ноги с нэогара.

Лири была далека, но бежала, как только могла. Счастье источали даже её спешные шаги, не говоря уже о зиявшем восторгом лице.

– П-о-б-е-д-а, – повторил Кир, в этот раз громким, наслаждённым голосом.

Только подбежав к любимому герою – Лири обхватила его обеими руками и, вжавшись в пострадавшую без брони кожу, глотая слёзы радости, шепнула:

– Какое счастье, ты вернулся. Ты жив, и ты вернулся...

Почти каждое действие капитанов напоминало тот день, когда со своей миссии вернулась Ли́ра, и Ки́р встретил её в пустыне. Только в этот раз, вместо измученных слов «война», звучала благородная «победа», а взамен беспокойству, пришла уверенность, и уют. Ответно обняв столь дорогую сердцу девушку, Ки́р привычным уху голосом изрёк:

– Император, теперь не станет проблемой. Мы вклеили в эту историю, жирную чёрную точку!

– Я так рада... я так рада, что ты снова здесь, – подняв безмерно любящий взгляд, растаяла девица.

– А я рад, что ты здесь по-прежнему, – усмехнувшись, молвил капитан. – Теперь точно возьму отпуск, давно я столько не переносил...

– Даже если отдыхать не захочешь, уверена – король сам запрёт тебя в госпитале...

– Кстати о короле, сейчас же донесу все новости Артуру с Инессой. Не терпится посмотреть на реакцию второго капитана, – пребывая в счастливом неведении, упоенно толковал победитель.

– Уверена, твоя сестра будет гордиться, – покрепче стиснув капитанскую руку, успокоила Ли́ра неосведомлённое сердце.

Люди поражали уже тем, что находили радость в простых встречах, разговорах, других людях, дорогих их душам. Не всегда имело значение, что творилось вокруг, сколько висело проблем, насколько тяжело и безысходно они чувствовали

ли себя лишь пару минут назад. Нэогары – никогда так не смогут. Они слишком зависели от логики и материальности, чтобы переживать о подобных себе. Именно в этом убеждены были обе расы, и этим нэогары даже хвалились, но это не всегда оказалось возможным.

В этот день, насыщенный уймой событий, в Империи пострадал только имперский дворец. Все остальные места остались совершенно неизменны, поводов для радости было явно больше, чем для грусти. Но Чан, отсиживавшийся в лаборатории, был траурен, как никогда. Не горела в его цеху ни одна лампа, кроме той, что изнутри освещала колбу, хранившую императора. Технолог избавил его от брэнной одежды, оставив на виду истерзанное тело. Мальчишка пребывал в такой позе и обстановке, будто вот-вот откроет глаза, вновь оживёт и примет всё как должное, но как бы Чану этого не хотелось, такое не было возможно. Об этом и говорило его лицо – истинный портрет отчаянной безнадёги.

Под светом уже высокой, лишённой половины себя луны, по следам крови на разбитых плитах холла замка, в лабораторию вошёл Кан, встревожено оглядывая тёмные просторы. Ему не пришлось искать долго, заместитель сразу заметил своего императора. Ещё с порога, его встревоженное лицо заслонила пустота. Он не знал, как долженствовал реагировать; не нужны были особые знания анатомии, чтоб понять, к чему приводят дыры в груди.

– О нет... – метнувшись к колбе со всех ног, простонал

нэогар. – Это правда! – ударив кулаками стекло, выдавил он, самым безысходным голосом. – На нём ведь был твой Кулак! Как?! Как это получилось?! Как Кулак допустил это?! – накинуся на Чана бывший генерал, подняв его с места за ворот халата.

Профессор не представлял, что ответить. Недолго посмотрев в чужие глаза, он опустил свои, не проронив ни слова.

– Знаешь, где он сейчас?! – швырнув учёного на пол, продолжил расспрос заместитель. – Знаешь, где этот безупречный металлолом?! Красуется на руке человека! На руке убийцы своего подзащитного!

– Нет! – наконец вставил Чан. – Кулак победил человека, что сейчас его носит. Императора убил Спидрайдэр, уверен ты видел его на поле боя. Не только я виноват, в гибели императора...

– Но ты виноват! Кулак был нужен для защиты императора, и что мы видим? – протянув к его трупку руку, замолк Кан. – Он убит. Убит под сенью Кулака!

– Да! Да я виноват! – в разы громче прежнего заявил учёный, возродившись из пятна, каким лежал на полу. – Мне, поверь, куда хуже, чем тебе, ведь я облажался! Я это понимаю, и нет на свете слова, чтобы описать, как сильно я ненавижу всё, что успел создать! К чему этот разговор? Хочешь вызвать во мне стыд? То, что я ещё не расплавился, не значит, что я не горю от стыда каждой своей клеткой!

Ответный гнев профессора остудил Кана; заместитель прекратил яриться.

– Ты прав, в этом нет смысла. Во всём этом, теперь нет смысла. Мы проиграли войну, император убит, армия почти истреблена развалюхой, что сейчас валяется в пустыне. Раньше я во всём видел смысл. Но со смертью императора – он исчез...

– Умер не просто император... умерла целая эпоха. Целая эра нашего величия – завершилась сегодня. И я не могу вообразить, что с этим делать. Ты заместитель, тебе и карты в руки. Если не собираешься меня казнить, я покину Империю. Мне невыносимо здесь находиться...

– Да делай, что хочешь, – отвращено махнув рукой, выкинул Кан. – Я хочу, чтобы ты подольше жил в этом мире, осознавая, насколько ты бесполезен. Насколько пусто было всё, что ты творил... – покидая «Грааль науки», распрощался с профессором Кан.

В свете нового дня, на самой-самой его заре, в ещё тусклом белом свете, на бывшем, уже мирном поле боя, копошились люди. Они расчищали мелкие завалы, унося трупы погибших собратьев. Они разносили пригодные к использованию вещи, и совсем неважно какие; от простых разбросанных среди мед частей аптечек, до оружия и техники, что в основном была выведена из строя.

Когда война прекращает греметь, утоляя свой голод жизнями солдат, тоску и пустоту работой заполняют выжив-

шие дети, женщины, старцы, и трусы, пропустившие сражения. Выживших, как требует закон победы – меньше, чем погибших.

Лишь единицы тех счастливиц, что отделались совсем слабо, уже вернулись домой. Все остальные превратили санчасти, больницы и госпитали в переполненные заведения. Почти все они были с северного фронта, и по-прежнему ощущали боль в ушах. О самых пострадавших уже позаботились, остальные жизни, не были в опасности.

Общий настрой радости, может незаметный глазом на лице, но ощутимый сердцем в разговорах – рушил только Белый дворец. В рамках экстренных новостей о трагедии в палате королевы сообщили гражданам. Это, несомненно, окидывало тенью траура выдержавшую напасти Евразию, но не всем смогло сломить её дух. Зато сломило дух одного человека, что разом лишился и лучшего друга – знакомого с детства, и родной сестры – ради которой всю жизнь стремился стать сильней.

Вместо королевского стола, на месте трона, отодвинутого до самого балкона, в тронном зале стояли ишь три белых гроба, раскрашенных зелёными узорами, в любимом стиле Артура. Левее всех лежала изумительно красивая Инесса, с кожей бледно-молочного цвета. Её изящный покой пробирал мурашками до самой души. Любительница колких шуток никогда не была так бездвигна и светла; её брату трудно было смотреть, на эту пусть и элегантность, но всё же хо-

лодную. Рядом с ней, в вечной безмятежности лежал Артур – первейший король Евразии. Его светлые волосы впервые собрали в хвост, очистив от пуха умиротворённый лик. И замыкал ряд покойников второй капитан «Реокрацу», положивший жизнь во благо короля. Теперь у него не было ни прошлого, ни будущего, и никто не смел сомневаться в преданности Фрола. Его поступок выглядел несоразмерно малым, подле подвига Евразийского героя, но он тоже являлся своеобразным героем для пары, что теперь навечно будет неразлучна.

Кир злился на себя уже из-за того, что не мог самостоятельно стоять. Его главной опорой служили костыли, даровавшие истерзанной ноге покой. Киру безмерно тяжело было находиться в компании навеки замолчавших друзей и родственников; глаза первого были красны, но сухи. Он не позволял себе проявлять пред ними слабость, заглушая душевные муки стойкостью.

Когда входная дверь тихо приоткрылась, за спиной носителя знамени победы показалась Лира. Её лицо не меньше капитанского отражало траур, но ей с этим справиться было легче; в гробу не лежал никто, кого она поистине любила. На руках третья по силе держала кроху Милену, по-прежнему молчаливую и безрадостную. Она спокойно держалась за незнакомую девицу, разглядывая фиолетовыми глазками безмерно любивших её родителей.

– Всё-таки она поражает... разве дети бывают, с настолько

белыми волосами? А её глаза... в жизни не видела ни одного цветка, с таким же насыщенным тоном.

– Она пережила смерть собственных родителей, стоило только появиться на свет. Что угодно могло случиться, с ещё неокрепшим дитя... – оправдал странности малютки Кир. – Прости, что тебе приходится её держать... если Милену возьму я, боюсь, не устою.

– Ничего, я понимаю. «Змеиный скелет» от того настолько хорош, что позволят пользоваться телом, даже если физически это невозможно. Ты лишился руки, но у тебя по-прежнему работают обе. Раненная нога, не кажется проблемой, – нежно улыбнувшись, рассудила Лира, подступив к Киру, и оставив на его щеке след бледно-розовой помады. Пареньку ничего не осталось, кроме как усмехнувшись, ответить:

– Ты права, может рано ставить крест на своей ходьбе.

– Кстати, ты уверен, что её зовут Милена? Королева не оставила никаких записей или посланий...

– Уверен. Мальчик – Алан, девочка – Милена. Я отлично это запомнил, – не отпуская тоску из голоса, настоял первый. – Четвёртый так и не объявился?

– Нет. Если тело второго хотя бы нашли, и мы уверены в его смерти, что с четвёртым, так и не ясно.

– С ним как раз всё ясно. Он струсил и сбежал куда подальше, отдав мою сестру и короля в лапы убийцам... – решительным гневом молвил Кир.

– Не будь таким категоричным, случиться могло, что угод-

но... Может, его пленили нэогары, или путь сражения оказался настолько далёк, что туда мы пока не добрались, – не уставала предполагать Лира.

Кир принимал мнение Третьей к сведению, но его глаза, сквозь безмолвие, винули Джоя.

– Я бы мог просидеть тут до самых похорон, оживляя воспоминания в их кругу. Но я понимаю, что теперь, всё это не больше, чем прошлое. Не больше, чем скорбь в сердце. Лучше подумать о будущем, и побыть с теми, кем скорбь можно заглушить, – развернувшись к Лире, впервые за всё утро искренне улыбнулся Евразийский герой. Рыжеволосая девица ответила тем же и, подстраиваясь под темп шажков Кира, вместе с ним и младенцем, покинула бледный тронный зал.

Лишь на пару часов позже, в истинном «Граале науки», где полсотни лет назад создали Джаина, свои дела почти закончил Чан. Набегавшись по всей лаборатории, он аккуратно сложил важные записи, собственное оборудование, парочку личных вещей, и всё это на глазах пяти нэогаров, молча наблюдавших за главой, под видом неспешной работы. Никто из них не одобрял уход профессора, им и представлялось трудно, как работать без его наставлений. Но Чану до этого не было дела; его занимало одно: безмолвное самобичевание.

Никому непонятно было, зачем хранить погибшего императора в колбе, ещё и в таком видном месте; пост владыки, как в дни перерождения, занимал самый центр цеха.

Если главный учёный уже отчаялся на него смотреть, нашёл тот, кому важно было это сделать.

Двери в лабораторию приоткрылись, рассеивая тень на фигуре, что их толкала. Порог переступила нога, несомненно человеческая. Неприметные кеды, синеватые брюки, никак не вписывались в образ нэогара. Не спеша проследовала вторая, издав в тишине негромкий стук. На гостя отвлёкся лишь один нэогар, и то не Чан. Увидев вошедшего человека, как глаза, так и лицо работника утонули в шоке; и шок этот не наглость бывшего раба вызвала. Шок оттенял страхом.

Следующая пара шагов, пошатнувшая низ рубашки в сине-белую клетку, привлекла внимание ещё пары нэогаров, не сумевших разнообразить реакцию на гостя. Выше застёгнутого доверху воротника виднелся подбородок, чья форма и даже кожа напоминала императора. Но разглядеть рот мешала густая тень, что отбрасывали, казалось бы, совсем недлинные тёмные волосы. Их цвет, и даже то, как они лежали, отдалённо походило на Вэнтэра. Хотя становилось понятно: это, скорее всего, был не он.

Беззаботно пройдя мимо спины занятого и умом, и руками Чана, человек, чей рост был немного ниже императорского, наконец привлёк его внимание. Обернувшись в след нацеленному на колбу с Вэнтэром мальчишке, главный технолог присоединился к остальным, что уже давно изумлялись. В гробовой тишине самоуверенный ребенок, наконец, подступил к телу, к последнему телу владыки. Подняв голо-

ву достаточно высоко, чтобы взглянуть на лицо бездыханного покорителя, гость позволил свету растворить тень. Даже чертами лица этот мальчик походил на того, чьё тело коротало время в зелёной жиже. Его глубокие голубые глаза заинтересованно смотрели на закрытые имперские. Его рот, изогнутый безрадостной ухмылкой, испустил первые слова в окружении немых нэогаров:

– Всё ж таки ты помер, Вэнтэ... – тихой тоской молвил он.

– К...кукольник? – преодолев ком в горле, выдавил Чан в спину мальчишке. – Как... откуда вы здесь? – небывало растерянно, спросил он.

– Здесь с коридора, а в коридоре с холла, – усмехнувшись, ответил кукольник, развернувшись к профессору. На его лице, не прекращая, блестела ухмылка, довольно слабая, но всё же заметная.

– Я... и представить не мог, что вы снова покажитесь в Империи.

– А я не мог представить, что Вэнтэра убьют. Это до сих пор в голове не уместается, – слегка растянув края губ, поделился гость.

– Теперь, вы хотите занять трон? Вы намерены мстить?

– О нет, ты же знаешь, я не стремлюсь гробить время на чужие проблемы, – разговаривая будто с давним другом, совершенно спокойно, вечно улыбаясь и часто посмеиваясь, ответил подросток. – А месть – не то, чего бы от нас хотел Вэнтэр. Его бы унизило, отмщение от чужих рук.

– Что? Но почему? Его подло убили, против него сражались вдвоём, ему не оставили шанса выжить! Уверен, он сейчас больше жизни, мечтает об отмщении! Я ради этого покидаю Империю, я намерен собственноручно истребить людей! Как за императора, так и за Джаина! – разошёлся профессор.

Кукольник молча похихикал, даже не разинув рта. Добро улыбаясь, мальчишка спросил:

– Скажи, ты бы стал мстить за самоубийцу? – чем заметно удивил учёного. – Не думаю. Тогда, зачем мстить за Вэнтэра? Да и Джаина кстати. Они оба хотели своей смерти, оба понимали её неизбежность и, что занимательно – умерли, оставшись довольными. Я жил среди людей с того момента, как женщины налегли на роды. И поверь, Джаин умер благородно, а главное – радостно.

Чан лишь сильнее впал в пучину смятения; его растеряли слова ребёнка. Но собравшись с мыслями и памятью, технолог возразил:

– Не вы были с императором, в момент его смерти! Не вам знать, что он говорил и как себя чувствовал! С ним был я! И всё это, известно мне, – настойчиво подчеркнул нэогар.

– Верно. Но будь уверен, Вэнтэр хотел умереть. Его жизнь в последнее время представляла смесь усталости и проблем, а под конец и проигрышей, чего он всегда стыдился. Ты ведь тоже хорошо его знаешь. Захотел бы он выжить – предпринял бы всё, что только возможно, – неизменно простодушно

но толковал кукольник, улыбаясь левым углом рта. – Приказал бы вернуть себя в старое тело, потребовал немедленной операции, или ещё что-нибудь, уж Вэнтэр горазд придумывать, – хмыкнув, ляпнул гость. – Ну а в случае неудачи, в лучших своих традициях – прихватил бы тебя с собой, прямо в Ментальный мир. Уж если я не знаю его лучше, чем он сам себя знает, его не знает никто, – пожал плечами под смеющийся выдох, загнул ребёнок. – К тому же, его императорство оставил мне послание, которое никому не хватило глаз заметить, – вынув из кармана сложенный листок, некогда исписанный Вэнтэром, сообщил мальчишка. – Тут он, в принципе, подтверждает мои догадки.

Гость протянул листок Чану, который взял, и развернул бумагу, с неким переживанием. Недолго побегав по строкам записки, нэогарские глаза вернулись к человеческим.

– Это... это ведь его завещание! Последняя воля императора... – чуть ли не шёпотом, молвил он. – И вы – должны быть следующим... следующим императором!

– Он лишь намекнул, что не против, но не сказал, что желает этого, – стандартно ухмыляясь, ответил кукольник. – Так что я не стану новой грелкой его хрусталу.

Мальчишка забрал найденную записку, и сложив – вернул в карман. Как раз в этот момент, около дверей, послышался грохот и свист, залетевшего в цех заместителя. Кан, отшагнув от входа лишь одной ногой, вытаращился на удивлённого мальчика ещё внимательней, чем вся лаборатория на Ка-

на.

– Кукольник... ты правда здесь! – восторженно объявил он, проблёскивая радостью сквозь шок.

– Опа, и кто меня спалил? – в уже привычной улыбающейся манере, ответил человек.

– Поверить не могу, это и правда ты! – с ещё большим восторгом, воскликнул нэогар.

– Я кстати очень рад, что ты сам спустился. Уже забоялся нужды тащиться наверх, – зашагав к заместителю, язвил куколовод. – Вэнтэр ведь так и не установил лифт? Любитель мучить мои ноги...

– Нам столько нужно обсудить, твой возврат настоящее чудо!

– Только не вынуждай обходить все лестницы, давай в музее посидим... – наигрывая усталость, не отказался человек от загнутой левой губы. – А что с тобою, Чан, – у самых дверей обернулся к профессору мальчик, – я не вправе запрещать тебе мстить. Но если хочешь быть правда полезным – лучше останься на месте, и помогай своему дому, – истинно добро предложил кукольник, покидая «Грааль науки» следом за заместителем.

Оставшись в окружении нэогаров, почти смирившихся с возвращением удивительного человека, технолог погрузился в раздумья, медленно вернувшись в кресло.

Белый дворец, печально известный прикрытием истребленного бункера, не сочли зданием первой важности; внутри

него не вели восстановительных работ, и пока даже не готовились. От этого, среди целых внутри, но подбитых снаружи стен, было совсем мало людей. Сейчас работникам там нечего было делать, зато капитаны «Реокрацу» и весь государственный совет Евразии, по старой традиции проводили собрание во дворце, сменив только место – с тронного зала на комнату, где королевская семья могла, как коротать вечера слушая живую музыку, так и учиться играть на любых инструментах.

Хоть людям столь близким к власти привычно было сидеть за столом, на этот раз его не стали устанавливать; два из трёх капитанов в нем не нуждались, а третий, увы, не мог ничего таскать. Каждому пришлось самостоятельно добыть себе стул; повезло лишь трём, что заняли кресла уже бывшие в зале.

– Раз все в сборе, пора начинать, – вступил генерал, оглядев собравшихся коллег.

– А зачем здесь, простите, мы? – озадачилась шестая в «Реокрацу». – Капитаны ведь исполнители.

– Вы хранители порядка. Без вашей поддержки, нас не услышат, – рассудил Герд.

– Дел, кроме как поднимать развалины, сейчас нет. О чём же мы должны кричать? – с ноткой отстранённости, спросил Кир.

– Кто-нибудь из вас был среди отправленных на «поднятие развалин» людей? Что там, то и среди восстановленных

на службу солдат, рвавшихся на помощь, любой разговор сводится только к обсуждению триумфа Кира. Даже те, кто не видел трансляцию «поднятия Кулака героем» – всё равно восхищены первым капитаном. Вас чуть ли не боготворят. Вас готовы на руках носить, и считать императором Нашего континента.

– Мне это не нужно, – отрезал Кир.

– Зато нужно народу! – продолжил речь министр финансовых учётов. – Вы подарили людям надежду, вы доказали им, что будущее может быть светлым! Они благодарны вам, они полюбили вас за свершения, ранее считавшиеся нереальными. И они готовы следовать за вами, подчиняясь силе вашего духа.

– Я как-то перестал понимать... – замямлил Кир, вернувшись из раздумий.

– Наш совет уже давно принял решение, – вмешался и глава социальных ведомств. – Новым королём – должны стать вы, – обращаясь именно к Киру, выдал мужичок.

В глубине размышлений первый капитан был готов к этому, но он не смог не удивиться.

– Я был готов отдать ради Евразии жизнь, – глядя на колени, выдавил Кир. – Но вместо меня, это сделали король с королевой. Без помощи Артура, я бы тоже был убит. Моя слава – его подарок. Как я могу занять этот пост, как могу взять такую ответственность, когда не сумел защитить даже самых близких, самых любимых людей?

Покрасневшие от слёз глаза капитана, оглядели собравшихся в комнате болью и отчаянием.

– Глупости, – тихо возразила Лира, уже давно глядя на Кира. – Пусть король и помог тебе, Ты закончил его дело. Ты вернулся с Кулаком. Ты предотвратил залп авиации! Ты – защитил всех нас. Ты спас каждого, кто сейчас живет под небом Евразии, и каждый – это знает. Так кто может стать лучшим королём, чем ты?

Пусть девица и начала агрессивно, закончила она мягко; с нежной улыбкой и тёплым касанием геройского плеча. У Кира не осталось слов, способных выразить тоску. В его душе разгорелся новый зов – зов, к продолжению своих свершений.

– Я стал лучшим в «Реокрацу» , – упиревшись о подлокотники стула кулаками, – за волю, что, как говорил Артур – невозможно сломить, – слегка приподнявшись без помощи костылей, стиснул он зубы. – Я бы подставил своего лучшего друга, так просто сдавшись, – выдавливая слова сквозь боль в израненной ноге, выпрямился Кир без чьей-либо поддержки. – Если народ за меня – я не подвиду никого, как это вышло с королём. Я возглавлю их, я поведу их, пока не смогу передать трон Милене! – снова возвысившись над советом и болью, горевшей в колене, объявил Кир старым добрым взглядом победителя.

Среди восторженных глаз и довольных улыбок, только один взор полнился истинным восхищением, смешанным с

любовью. Принадлежал он, конечно, Лире.

Пройдя двери в музей, где некогда император встречал баронов – кукольник, улыбаясь, огляделся по сторонам.

– Столько лет прошло, а изменений ноль. Какое постоянство, – усмехаясь, молвил он.

– У нас конечно множество тем для бесед, но вначале я спрошу, почему ты решил вернуться? Почему именно сейчас? – не сдержался Кан.

Подступив к столу и комфортно разместившись в кресле, мальчишка жизнерадостно ответил:

– Даже мне не удалось жить в отстранении, без душевных тягот. Я устал от одиночества, мне захотелось изменений, а узнав, что Вэни развязал войну – я решил вернуться, и поздравить его с победой; сколько его знаю, не было ничего, что он любил сильнее. Ну а, придя в Империю, – прервался кукольник на смех, – я обнаружил его завещание...

– Я знал, что ваша связь на этом не закончится, но не думал, что первый шаг сделаешь ты. Жаль, что всё вышло так... – помрачнев, буркнул заместитель.

– По плану всё никогда не идёт. Необходимо уметь смиряться, – снова растянул он улыбку. – И я знаю, как тебе было бы проще оставить позади печаль утраты. Ты – заместитель императора, ныне погибшего. По всем действующим правам, новым императором – должен стать ты, – разведя руками, загнул губы кукловод.

Кан не сильно удивился, хотя явно не ожидал это услы-

шать. Изменив положение рук, он ответил:

– Но сейчас в Империи и ты, самый первый заместитель покорителя наших земель. Причин, по которым на троне должен оказаться ты – куда больше, но уверен, ты не желаешь их вспоминать. Тем не менее, они есть, и права на твоей стороне.

– Ох, нет, ты не вынудишь меня прогнуться под горой проблем материка. Я ж помру под завалами бумаг, не-не-не – это не моё. Ты же – другое дело; ты пользуешься авторитетом, не считаешься отступником, и лучше меня знаешь нынешнюю Империю. К тому же, я готов публично отказаться от прав на престол, и тогда у тебя не останется выбора, но к чему нам такие крайности? – посмеиваясь, невинно пригрозил ребёнок.

– Вот почему? Просто скажи, почему ты так не хочешь брать положенное?

– Смерть уже давно бежит за мной, а я жутко её бешу, вечно ускользя. Став императором, я просто ручкой помашу всем своим врагам вместе взятым, а у меня их если не пол Империи, то четверть точно. Как думаешь, старые уловки спасут меня, при таком раскладе? – покрыв мрак в глазах теневой улыбкой, рассудил кукольник.

Кан притих, смерившись с его правотой.

– Ну а ты чего такой уступчивый? Когда тебе предлагают власть, нужно хватать её всем, включая пальцы на ногах. Хотя, у тебя ж их нет... – съязвил мальчишка, задрал брови.

Заместитель по-прежнему копался внутри себя, молча обдумывая верное решение.

Кукольнику показалось недостаточным приведенных аргументов; оптимистично, он продолжил:

– К тому же, перед тобой не стоит даже элементарной проблемы сражения с предыдущим предводителем; если он умер не дав поединок – трон ловит его старший сын, или, в случае бездетного Вэнтэра – ближайший по званию нэогар. Наш народ даже не станет противиться, на твоей стороне все законы, – откинувшись на спинку стула, сложил кукловод руки на груди.

– С тобой по-прежнему сложно спорить, – прервал безмолвие Кан, впервые за долгое время усмехнувшись. – Но мне будет слишком трудно нести бремя предводителя в одиночку. Боюсь, я могу не справиться... Ты был отличным заместителем, твой вклад в победы над тремя королевствами неоценим. Может, согласишься хотя бы вернуться в звание заместителя императора?

– Ну ты прям гений, из одной горы проблем – в такую же, только менее знатную. Нет уж, снова откажусь. Но не думай, что я не позаботился об этом, – не выпрямляя губы ни на слово, толковал кукловод, источая глазами холодную доброту. – На пост твоего заместителя я подобрал даже более подходящего нэогара, и пусть народ не одобрит мой выбор – «он», быстро получит признание, – растянул человек последние слова.

– А ты что, намерен в тени сидеть? Будешь простым гостем в замке? – не одобрил Кан лень кукольника.

– Что ты, я найду себе не маловажный, но менее проблемный пост. Сейчас куда важнее разобраться с основными проблемами – не дать слететься старым хапугам на беззащитный трон. Нам предстоит масса перемен, а у их истоков не могу стоять лишь я. Теперь Вэнтэра нет, но его наследие, наследие, о котором так мечтал мой отец, не может разлететься пеплом. Ради этого, я останусь в Империи, ради этого соберу всех, кто сможет оказать пользу. Ты одобряешь, мои взгляды? – стрельнув с виду добрым, но в глубине безмерно мрачным взглядом, спросил кукольник. Прекрасно зная, кто перед ним сидел, Кан взволнованно кивнул, согласившись оказать мальчишке помощь...

27 эпизод. Ветер перемен (часть 2)

Среди множеств дел отвоеванного материка, не мало сил бросили на подготовку центральной площади, а точнее королевского мемориала. Около того места, где некогда был сожжён Джаин, а ныне стояла «Золотая плита почта» – готовили место сыну революционера. Неподаляку от последней обители глав тёплой расы, всю возводили сцену, дабы последний день Артура под небом, остался в памяти каждого, жившего в его времена...

Назначенное время прощальной церемонии не заставило себя ждать; полдень быстро вступил в свой разгар. Небо, в центре которого горело осеннее солнце, было спокойно

и лишь слегка облачно. Оно уже оплакало невосполнимую утрату, теперь, позволило сделать это остальным.

На главной площади собралось много граждан Евразии; народ отложил работу по восстановлению. Люди, все как один облачные в белые одеяния, с зелёными узорами любимого Артуром плетения, безрадостно стояли у последнего для короля костра. Он горел меж преданными гражданами и сценой, на которой траурно молчал Кир, Ли́ра, держа скромную Милену, капитан шестого отряда, и члены государственного совета. Даже костюмы капитанов на день подверглись изменению – они стали белой основы, с зелёными узорами. Повязки с номерами отрядов сняли; живых капитанов осталось слишком мало, что бы их не различать.

Сквозь языки всеочищавшего огня виднелся не только гроб с королём Артуром. По бокам от него, на ярус ниже пылали его жена, побывшая матерью лишь час, телохранитель, седьмой и пятый по силе капитаны. Пламя на славу постаралось, избавляя их тела от ужасов гниения. Зрителям было отлично известно чьи тела, и благодаря чьим стараниям, сейчас обращались прахом.

Не так уж мало времени требовалось силам огня, чтобы поглотить брэнную плоть. Дождаться окончания пламенного пира верхам Евразии казалось необязательным. Когда самые высокие огненные вспышки опустились хотя бы в половину начальной высоты – Кир, по-прежнему опиравшийся на костыль, огласил:

– Быть королём – тяжкий труд. Не каждый способен с ним совладать, не каждому дано умело править. Первый король Евразии, как и его отец – вёл нас сквозь мрачные дни, будучи готовым ко всему. Вклад Артура, в нашу свободу – ничем не меньше любого, кто бился на фронтах, и погибал. Быть королём сложно. Умереть королём – достойны единицы... Сегодня мы прощаемся с тем, под чьим командованием выиграли войну с ненавистной Империей. Мы прощаемся с сыном великого освободителя, с мужем моей сестры, с основателем когорты «Реокрацу», и с отличным человеком, чья судьба несправедливо жестока. Без Артура, трон Евразии опустел. Любой державе необходим предводитель, что станет поддержкой и защитой народу. Государственный совет проведёт выборы, основанные на голосовании и представленных народом кандидатах. Начало сбора голосов мы...

– Кир! – крикнул вдруг один из толпы, оборвав слова носителя Кулака.

– Кир! – выкрикнул другой человек, огласив своего кандидата.

– Кир! – подхватила девушка, что лично знала его сестру.

– Кир! – тонко прозвенел голосок семилетней девочки, что после войны осталась сиротой.

– Кир!!! – гремело имя хором и поодиночке среди сотен тысяч собравшихся у сцены людей.

– Кир!!! – скандировала толпа имя своего избранника, чьей поддержке и защите она доверяла.

Кира – народ желал видеть на престоле. Киру – люди желали верить и служить. На Кира – возлагалась их надежда и преданность.

Красноволосый паренёк не знал, что делать в такое мгновение. Когда весь видимый люд твоей страны горит желанием усадить тебя на трон, не хочется даже улыбнуться. Хочется взгромоздить знамя победы над головой, и держать Кулак, в память о свободе и силе.

Имя Кира первым высекли на «Золотой плите почёта» при жизни. В тот же день на главную площадь вызвали мастера, что нанёс теснение в виде имени легендарного героя, его заслуг, и должности, что он занимал. Второй король Евразии со времён Джаина, так вошёл в историю красноволосый капитан первого отряда когорты «Реокрацу». Его имя следовало сразу после великого бунтаря, первейшего человека, славного освободителя от рабства. Его сын, пусть и сидел на троне, не удостоился занять строку на «Золотой плите». Скромный светловолосый король провёл на престоле больше трёх лет, и не вошёл в историю как герой. Кир, ещё ни разу не касался трона, и уже занял почётное место в истории. Осознание этого угнетало лучшего друга убитого короля; Кир был слишком благороден, чтобы не ощущать из-за этого боль.

Одинокое заглянув в пустовавший тронный зал, где и стол, и трон вернули на прежние места, новый король неуверенно подступил к бархатному креслу, узорчатого малахитово-

го цвета, и ностальгично вздохнул. С некой неловкостью, он сел на мягкую обивку. Растаяв на спинке, упиревшись о подлокотники, второй король закрыл глаза. В его памяти неизбежно всплыли моменты того дня, когда госссовет объявил решение назначить его королём. Вскоре после этого, речь зашла об итогах правления Артура. Только узнав, что министры не намеревались выделять ему строку на «Золотой плите почёта», капитан досадно вставил:

– Как вы можете раздумывать об отказе в его геройской славе? Это Артур подарил нам победу! Это он приказал направить мне на помощь Спидрайдэра! Без Артура, был бы убит и я, и все вы!

– Спидрайдэр стал орудием. Спидрайдэр подобен мечу, который Артур вам преподнёс. Но ничего больше, он не сделал. Создан белый барон Джаином, собран мной, а использован вами. Разве, мы ставим памятник тому, кто выковал победный меч? Нет. Мы помним и чтим того, чья рука его держала, в победный момент.

Слова друга великого вождя глубоко ранили Кира. Они ранили дружескую преданность.

– Артур славный парень, но скверный король, – новую рану нанёс генерал. – Ему не стоило так фанатично рваться за Кулаком; не стоило бояться расстаться с лучшим воином; не стоило паниковать и выбрасывать Гегара прежде нужды. Можете ненавидеть меня, и презирать, но светлой голове было бы ясно – Артур внёс львиный вклад в очаг вражды. А вы –

в победу над императором.

Как тогда, так и сейчас, эта похвала не радовала Кира. Ему было горько, признавать ошибки друга.

Планы главы холодных сил были воистину масштабны; но всё, что осталось от его стремления вызвать в людях панику – причалило к южному берегу Империи. Едва способный удержаться на плаву корабль, что двигался усилиями одних лишь нэогаров. Его состояние говорило само за себя; Сталис не старался облагородить потопленный флот, он вернул судну возможность доставить его обратно.

Прямо у берега импровизированного порта уже стояли готовые грузовики, целых пять штук. Поприветствовать вернувшихся с войны собратьев вышел лишь один нэогар, водитель транспортного средства. Первым к нему на встречу шагал барон, размеренно и плавно. Его руки уныло болтались в районе бёдер; он был единственным, кто мог позволить себе такую роскошь. Остальные нэогары – тащили к грузовикам награбленные ценности, в основном подвоя.

– Рад вашему возврату, – лестно приклонился встречавший нэогар.

– Не ври, ты рад увидеть хоть какие-нибудь ценности. Кстати, зря здесь столько транспорта. Вам хватит и двух машинок, – пройдя мимо встречавшего, упрекнул бывший король.

– Нам не было известно, сколько богатств будет получено. Это предусмотрительность, – обернувшись вслед Стали-

су, учтиво ответил нэогар.

– Я так и не увидел грибов атомных взрыв. Вэнтэр передумал хоронить свои проблемы? – глядя никуда, кроме едва видимого вдали дворца, спросил барон.

– Да. Как нам сообщили, это был его последний приказ, перед смертью.

Сталиса будто молнией жажнуло; он резко развернулся и чуть не схватив собеседника, выпалил:

– Что ты сказал?! Вэнтэр мёртв?

– Так нам сообщили. В любом случае, это не отменяет принесённых его идеями растрат... – приступая к помощи погрузчикам, отстранился нэогар.

Сталис растворился в пучине радости и смятения. Он как бы улыбался, но глаза – были поражены.

– Хах, его убили? Не-е-е-т, он бы не умер просто так... и Евразию б от гибели не спас. Что-то тут не вяжется. Стоит разобраться... – медленно переведя взгляд на небо, определился барон.

Даже в дни послевоенного хаоса и неразберихи, связь в Евразии старательно поддерживали на рабочем уровне. Именно благодаря этому, лишь на пару минут позже пяти вечера, в центр программного развития тёплой расы, заглянул Кир. Неумело пользуясь костылём, он приоткрыл дверь в кабинет бессмертного профессора, что как раз сейчас, упираясь спиной в кресло, не выпускал из рук снимок своей жены, капитана седьмого отряда «Реокрацу». Она вошла в число

героев, отдавших жизнь ради свободной жизни.

– Простите, если я не вовремя, – увидев такую картину, пролепетал Кир.

– О чём вы, это же я попросил вас прийти. Сам не вовремя решил ностальгировать...

– Я понимаю, каково вам. Могу вернуться и завтра, – ощутил Кир себя лишним.

– Нет, я ведь потому и позвал вас – дело срочное. Даже если я кажусь разбитым, скоро всё пройдёт. Я держался, старался не подавать вида боли, душил крики утраты в своей душе. Знаете, я ведь готовился к такому. Я понимал, что я не состарюсь, и не умру, хотя все окружающие – непременно сделают это. Так сделал вначале Джаин, а теперь и моя жена. Я ждал боль утраты, но не думал, что она будет такой неистовой. Поначалу я был рад вечной жизни. Но теперь – это ноша...

– А, в чём ваше важное дело? – вернулся к смыслу беседы новоиспечённый король.

– Собственно сама война была спровоцирована нашим стремлением заполучить Кулак. Мы считали его кладом с ценными знаниями, и вот – получили его. Я понимаю, что сейчас Кулак является вашим протезом, и эмблемой победы. Но, прошу понять его важность как научный объект исследований; Евразии необходимо выудить из него все знания, что получится.

Кир замешкался, услышав эти слова. Он стал метать

взгляд, продумывая правильный ответ.

– Я, совсем не против отдать его на изучение; сам виноват, что позволил императору лишиться себя руки. Но, у меня не получается снять Кулак. Он будто въелся в кожу, и не намерен её отпустить.

Теперь замешкался профессор, получив обоснованный отказ.

– Не обязательно отдавать его целиком, мы сможем проводить исследования, пока он часть вас. Единственный минус – это отнимет драгоценное время короля...

– Я по Артуру знаю, времени у королей не мало, – хмыкнув, согласился паренёк.

– Устройство Кулака позволяет считывать мышечные сигналы даже при отсутствии определённой конечности. Если мы сможем разобраться, каким образом, ваша нога вновь станет полноценной. Это тоже внесло вклад в мою идею, попросить у вас помощи, – поведал Герд.

– И без этого, я бы не посмел отказать, – уверенно улыбаясь, заверил сильнейший капитан.

Целая жизнь человека, и целая жизнь нэогара – нельзя было сопоставить. Стальным телам требуется в разы больше времени и нагрузки, чтобы износиться. Но всё же, в жизни любого нэогара наступает страшный период старости, концом которого может быть лишь смерть.

Добрый старец Империи, детектив военного совета, ещё не дошёл до своего предела; сам он не знал, радовало

это его, или огорчало. Как бы то ни было, его скромную обитель покидал Сталис. Барон закрыл за собой тугую тяжёлую дверь, и без спешки двинулся в сторону дворца, ныне избытого разрухой. Он преодолел угол обычного дома, как за его спиной вдруг раздался крик:

– Сталис! – отрадно выпалил кукольник, радостно взмахнув руками.

Бывший король аж вздрогнул, резко развернувшись к мальчишке.

– Ка...

– Ку. Кукольник, – сквозь удивление барона вставил человек. Его улыбка была ярка, будто откровенна.

– Ты?! Здесь?! Какого из шести дьяволов...

– Ну, дьявол среди них только один, – снова перебил нэогара мальчуган. – Ты лучше расскажи, как там Детектив? Жив ещё? – с неизменной улыбочкой, наполнил он голос добротой.

– А ты намерен это исправить?

– Что ты, этот дедуля слишком полезен. Я лично отрублю любой палец, что посмеет его тронуть, – усмехнувшись, пообещал кукловод.

– Тогда, что ты тут забыл? И тут не в смысле у его дверей, а в Империи. Ты ведь сбежал.

– Ну, как видишь – прибежал обратно. Несмотря ни на что, мне хочется сохранить Империю такой, какой её оставил Вэни. И в этом, я посмею просить твоей помощи, – рас-

тянув уста в улыбку, создал кукольник надменно просящий взгляд.

– Хах, твой император уже пытался это сделать, и я дал согласие. Дело кончилось его кончиной. Не боишься, повторить историю?

– Вэн сунулся на рожон; его самомнение взлетело даже выше, чем моё. Но я, привык учиться на чужих ошибках, и потому прошу твоей помощи. Императору нужен заместитель, в лице и советника, и помощника, и, не побоюсь такого слова – друга. На трон я уже усадил Кана, мне не грозят трудности владыки. А в его заместители, я хочу посадить тебя. Почётная роль, согласишься.

Если прежде барон наклонялся к болтливому мальчишке, чтобы хотя бы зрительно быть на одном уровне, сейчас он гордо выпрямился.

– Да я больше Суракса ненавижу тебя, Вэнтэра, и Кана, что вёл ваши войска, и вёл хорошо. Среди вас троих все девять из десяти причин моей смерти, и тех жутких лет, что я корчился в Ментальном мире. Твоему, чтоб его, Вэнтэру – хотя бы было что предложить. А что есть у тебя? А? Ты даже не император. Ты мальчишка, с пугающей славой и вагоном врагов. А что кроме?

– Стафис, – с покрытой мраком улыбкой и наглой искоркой в глазах, вставил человек.

Сталис – моментально окаменел. Лишь одно слово, заставило его душу рассеяться в трепете.

– Не было и не будет в твоей жизни ничего, дороже сына. Я-то знаю, почему ты так быстро согласился помочь Вэнтэру с войной. В Ментальном мире душу сыночки ты не встретил, хотя оббегал каждый ярус, и делал это все триста лет своей смерти. Он должен быть жив – решил ты уже давно, но так и не отыскал его в нашем мире, а всё почему? Потому, что не знал, кого искать. Ты плохо следил за тайными делами лаборатории; не увидел, в кого обратился твой сынок. А он ведь уже давно человек. Такой же как я, или Вэнтэр – бессмертный. Где он, и кто он – известно только мне. согласишься удружить, и я устрою вам встречу, – загнув уголки губ, невинно пообещал кукольник.

Каждое его слово, последний король Сталии впитал словно губка, не смев даже шевельнуться. Настолько ему был важен сын, настолько нэогар любил своё дитя, что даже тень шанса его отыскать – сотней иголок кольнула душу. Но барон вспомнил, кто кормил его надеждой.

– Не верю! – вскрикнул он, прижав хрупкого ребёнка к стене. – Ты обманешь! – нацелив созданный из руки кол в самое его горло, рыкнул нэогар. – Врал сотни лет назад, врешь и сейчас! Ты сам, на моих глазах обезглавил Стафиса! Не смей пользоваться его именем в своих целях!

– Ты ведь знаешь, это не поможет, – обратив внимание только на кол у шеи, усмехнулся мальчик. – К тому же, поверь, я качественно докажу, что мой подопечный – твой сын. От тебя нужно только честное слово, и Стафис вернется к

любящему папику. Договорились? – протянув раскрытую ладонь ниже косой ухмылки, заставил кукольник барона согласиться.

– Я дам тебе шанс. Но только посмей обмануть, и ты не спасёшься... – со всей строгостью пригрозил поверженный король. Он вернул человека на место.

Оттряхнув пыль, кукольник добавил:

– Завтра на рассвете, в этом же месте. И будь повеселей, Стафис немного на тебя зол...

Бессонница давно вошла в привычку Кира; он выработал способность не спать целыми сутками, за что потом расплачивался тяжким состоянием любви к кровати. Этим поздним вечером, когда звёзды ярким бисером украсили небосвод вокруг остроугольной луны, Евразийский герой разделил обитель своего сна с Лирой. Их готовность дремать выказывало одеяло, почти полностью покрывшее уставшие тела, но о бессоннице напоминали разговоры, что они вели.

– Это ведь замечательно, что ты снова сможешь ходить без затруднений. Кулак даже в этом помог.

– Ну, пока это спорно. Глава программного развития не уверен, что всё срыбotaет, – выдохнул Кир.

– Тебе стоит больше доверять нашим учёным. Они доказали, свою пользу.

– Я не прекращу удивляться этому ребёнку, – с тенью радости взглянул Кир на колыбель, что стояла в углу у входа. – Не встречал ещё более тихих детей. Милена – даже подозре-

тельна спокойна...

– Я тоже постоянно так думала, и часто к ней подходила. Но она всегда мирно лежит на спине, и смотрит в самые глаза, будто что-то различает. Не беспокойся, она в порядке.

Король со стажем в день прекратил отвлекаться от Лиры, которая тоже развернулась к нему в полный фас. Паренёк, в приступе зависти самому себе, захотел провести рукой по мягким волосам и тёплой коже рыжей девицы. Но, едва коснувшись её стальной рукой, Кир отдёргнул Кулак, смущённо прерывая момент близости.

Лира остановила перчатку, пока та не слишком далеко отошла. Вернув громоздкий Кулак к своей голове, после его мягкого касания, она проронила:

– Не стесняйся своей руки. Она – эмблема твоей победы.

– Она не должна быть такой. Она говорит о моей слабости, о моём лишении...

– И о восполнении утраты, – наконец заняв королевские губы более приятным делом, отдалась Лира своему возлюбленному, вся и без остатка. Этой ночью, для короля и капитана не стало никого, кроме друг друга. Тоска и отдалённость, что так мешали им – наконец разбежались по углам и растворились в свете единых чувств и желаний, что пара отыскала в зеркалах своих душ.

Эта мирная ночь, под блестящим небом, уволокла с собой в мир Грёз каждого человека, что все силы оставил на поднятии развалин. Красотой лунного полога любовался всего

один тёплый сосуд молчаливой души.

Западный берег Евразийских земель давно прекратил показ красоты багрового солнца, но будто по-прежнему это созерцающая, вблизи накатывавших волн, сидел Джой, чей взгляд уходил далеко к горизонту. Он сидел, обнимая колени; что удивляло, так это насколько обходительны с ним были морские воды. Они подступали совсем близко, но не смели мочить обувь безрадостного паренька. Эта тишина, казалось бы, продлится до самого утра... но её разорвал привередливый голос кукольника:

– Вот ты где. Не мог поближе к городам прятаться? Я дважды с ног свалился, пока разыскал тебя, – подступив к спине паренька, иронично поведал кукловод.

– Зачем ты здесь? Мы в расчёте. Больше, я тебе не обязан... – даже не повернувшись, отрезал капитан.

– Здесь я, чтобы от самой чистой души тебя поблагодарить, – сжимая руками центр груди, ехидно молвил мальчишка. – И даже наградить тебя, за тяжкие труды.

– Быть предателем не сложно. Как и стукачом.

– Ну что за противные слова, не надо всё расценивать так, – мимолётно улыбаясь, противился бывший зам императора. – К тому же, твоя работа не была настолько чиста. О «змеином скелете»-то ты не настучал, – в шутку грозил пальцем, протянул слово кукольник.

– Я не знал о нём! – впервые развернувшись, смело выкинул Джой. – Не знал о нём никто, кроме короля и первого

в когорте.

– Значит, тебе стоило стать первым. Зачем же ты в четвёртых сидел?

– Дело не в звании, не в силе капитана. Был бы Кир вторым, или четвёртым, он бы всё равно всё знал, а первый нет. Дело в его с королём отношениях, они ведь друзья. «Змеиный скелет» негуманен, и кроме названия, нам ничего не говорили. Знал только Кир, и не потому, что он Первый.

– Что ж, – усмехнувшись, хлопнул кукольник руками, – ты был отменным наблюдателем, но скверным капитаном. Возможно, я поступил опрометчиво, доверив наблюдения тебе. Хотя, теперь, это даёт шанс всё исправить, позволив вступить в игру новому капитану. Ближе всего к королю Первый, разумно доверять безопасности сильнейшему... Именно лучший в «Реокрацу» имеет все шансы сдружиться с королём. Придётся подарить Евразии ещё один, свой талант... А что до тебя, уверен, ты в розыске; и тебя отыщут. Стало быть, ты отправишься в Империю, где опасности будет поменьше, – неизменно отрадно, толковал мальчуган.

– Не глупи. Из-за тебя я столько раз сам себя проклинал, столько раз ненавидел свою беспомощность, жалость, слабость... я не хочу снова это испытывать. Я не хочу быть твоей куклой!

– Тогда, чего ты хочешь? – улыбнувшись шире, кукольник положил руку на плечо капитана, присев рядом.

– Я не знаю...

– Зато я знаю. Ты хочешь встречи с тем, кто обнажил всю твою слабость и пронзил тебя ею насквозь. Ты хочешь увидеть того, кто убил твою веру в лучшее. И задать один единственный вопрос – зачем?

Взгляд Джоя стал другим. Его рассеянность и лёгкое недовольство выжгла уверенность и строгость. Холодный блеск в его серых очах вызвал тень мрака на улыбке кукловода.

– Я лишь хочу взглянуть в его бездушные глаза. Хочу узнать, ради чего его руки отобрали эти жизни.

– Вот мы всё и выясним. А теперь, пора в путь. Дорога не из близких...

Чем сильнее хочется всё успеть, тем больше проблем с реализацией задуманного. Хотя, это правило можно нарушить, если ты сумел стать заместителем императора, покинуть Империю, вернуться обратно, и после всего остаться в живых.

Скучен оказался путь, в который кукольник уволок Джоя. Но вовсе не продолжителен; эндуро имперских мастеров прилично обогнал Евразийские разработки.

Каждый коротал эту ночь, как считал нужным; многие нэогары, не занятые работой – восстанавливали силы и баланс энергии. Сталис – вошёл в число единиц, не способных отдаться отдыху в мире Грёз. Его мысли убежали далеко за черту времени; в тот рассвет, когда олицетворение обмана должно было возвратитъ королю сына. С трепетом дожидаясь первых лучей, нынешний барон с наигранной размеренностью показался у того самого угла дома, где вчера разо-

шёлся с кукольником. Мальчишка, что отринул пост заместителя, опирая стену, уже поджидал нэогара. Его вид был неизменен: довольные глаза, растянутые губы, сложенные у груди руки... стало казаться, что эта почти откровенная радость, лишь с капелькой мрака в глубине, былл его привычкой.

– Пунктуальность превыше всего. Обожаю тебя за это, – улыбнувшись шире, поздоровался человек.

– Ты один? Ты врал? – агрессивно отрезал барон любезности.

– Врал. Много врал. Но ни вчера, и ни тебе, – посмеиваясь, отстранился мальчуган от стены. – Просто хочу уточнить: я пообещал тебе встречу с сыном, и ты её получишь. Ты обещал стать заместителем, советником, помощником и даже другом императора. Чем бы ваша беседа ни закончилась, это нарушать нельзя. Верно?

– Верно. Хотя, мне это уже не нравится...

– Стафис, – протянув руку, почти полностью повернувшись к двери в дом Детектива – огласила ехида.

Без великих прелюдий, тугая дверь отъехала. За ней, с холодным чёрствым взглядом стоял человек, довольно молодой, приятный взгляду. За свою жизнь он проносил не мало званий; одно из последних – капитан четвёртого отряда «Реокрацу».

Взгляд Сталиса, со ждавшего сменился на недоверчивый; его бровь поднялась вверх, а правая щека выступила вперёд.

– Ты? Это ты был в том убежище, в Евразии. Ты убежал так, что я и понял не сразу...

– Да, это был я, – зашагав к нэогару, подтвердил Джой. – Я – снова струсил, не стал биться, хотя должен был. Я не силён. Не был таким тогда, не стал и сейчас. Что может человек, против нэогара?

Встав почти вплотную к непреклонному стальному собеседнику, снизу-вверх, но всё же требовательно смотрел человек. Сталис обернулся к довольному кукловоду, что не сменил места.

– Не трудно надоумить человека умело сыграть свою роль. Где же качественные доказательства?

– Не трудно, ты прав, – вместо улыбочивого лжеца ответил капитан. – А такому научить, просто?

Джой на высоту головы поднял правую руку, растопырив напряжённые пальцы. Между ними, почти касаясь кожи, буквально из воздуха скопился серебристый сгусток, стремительно набиравший размеры. Не потребовалось и пяти секунд, чтобы из бесформенных разводов плавно скопился стальной единорог, давший начало раскинутым крыльям. Схватив детальную фигурку за покрытие под чешую, человек ударил нэогара гербом его страны в самый центр груди.

– Таким меня сделал ты. И ни сделал ничего, чтобы это исправить. И ты, и твой сын Стафис – в тот день погибли. Остались лишь преданный барон, и капитан Джой.

Мальчик отпустил объёмный герб, и Сталис, с трудом его

словив – прекратил сомневаться. Он убедился, что кукольник умел быть честным; его взгляд наполнился волнением, и тревогой.

Сын великого короля безмятежно зашагал обратно, к двери в жилище старца.

– Стафис, постой, я так...

– Нет! – обернувшись, ткнул паренёк пальцем в барона, – Он мёртв. И тебе стоит.

Очередную попытку уйти, Сталис снова прервал, силой развернув сына за плечо.

– Чем ты так разгневан? И как ты мог выжить, оставшись без головы?

– Ты убил единственных людей, что действительно заслуживали счастья! – выпалил человек, скинув с себя холодную руку. – Только король считал меня достойным, только королева была со мной открыта! Она не врала, а он не призрачил, как это было всю мою жизнь! – в пике огорчения, Джой не смог удержать эмоции, что окрасили его глаза красным. – Ты считал, что это тебе не повезло; что твоя жизнь «не такая», но я был в ещё большем мраке! Тень отца короля – улыбки в лицо и мерзкое жужжанье за спиной... ненавижу это! И тебя за это, тоже! У меня была одна правда, Артур и Инесса. Но ты их убил.

Ничто больше не сдержало Стафиса. Он отрёкся от отца, и растворился в тенях подвального жилища.

– Я отвечу на второй вопрос, – подходя к барону, молвил

кукольник. – Я убил вовсе не Стафиса, а подделку, очень на него похожую. Война ведь страшна, я заранее позаботился о друзьях.

– Перечил Вэнтэру? Похвально. Теперь я понял, твои сомнения. Ты заранее знал, чем всё закончится.

– Если ты про дело с твоим сыном, то да, – ухмыльнулся мальчишка.

– Что ж, пошли в замок. Я не ты – не стану нарушать обещаний.

– Что до этого, тут тоже стоит поболтать, – уводя за собой нэогара, сменил он улыбку на задумчивую. – Ты может и станешь заместителем, но без стимула – абы каким; нам в Империи такой не нужен. Ты умнейший король из последней четвёрки; я хочу, чтоб ты выкладывался на полную.

– Подстроил ссору с сыном, а теперь смеешь мне указывать?

– Нет, готовлю почву к новому конкурсу. Уверен, ты слышал о завещании Вэна. И не понаслышке знаешь его упёртость. Взгляни, какие интересные вещи он написал, – протянув бывшему королю сложенный листок, не сбавлял мальчишка темп. Оббегав глазами письма, Сталис усмехнулся.

– Если он думает, что даже там всего добьётся – он дурак. Суракс непреклонен.

– Ну, это уже их справки. Наше дело – организовать Империи процветание, как о том мечтал мой отец. Если ты верой и правдой прослужишь моим целям до момента кульми-

нации замыслов Вэнтэра, я заставлю Джоя полюбить тебя, как ни один сын никого никогда не любил.

– Я уже убил тех, кто был ему дорог. Пусть ты и мастер вранья, правды не изменить.

– Ну, во-первых – малютку Милену ты, к счастью, оставил. Это уже плюс. Во-вторых, правда – такое заблуждение, которым можно вертеть сколь душе угодно. Сегодня солнце встаёт на востоке, а садится на западе. Это правда. Но стоит переименовать направления, как оно уже садится на севере, а встаёт на юге. Это новая правда. И что здесь правдивей?

Сталис поник, вслушиваясь в идеи кукловода. Хотя то, что он слушал, не сильно его озаботило. А вот упоминание о Милене, о том младенце, что он прикончил бы, если б не всплеск защитного поля, с самого начала побудило в нём глубокие мысли. Это пугало его, также сильно, как интриговало...

Неделя малый срок, чтобы успеть отреставрировать целый город, разорённый войной. Зато первый этап восстановительных работ, успешно подошёл к концу. Туда же подковылял и рабочий день короля, что уже более смело сидел на троне, и привычнее обращался стальной рукой со стопками бумаг. В окнах позади него виднелся вечерний город и тусклое небо. Этой ночью, оно смотрелось пасмурно.

Дверь в кабинет Кира открыла Лира, смело войдя внутрь.
– О, молодец что пришла, я тоже почти всё закончил. Ещё

пара подписей, и вместе поедem домой. Уже думала, что на ужин будет? – с заинтересованной улыбкой, оторвался паренёк от бланков.

– Кир, – проронила Лира, смущённо ёжась на месте. Она взглянула королю в глаза, и стеснительно подрагивая на месте, неуверенно молвила, – я беременна...

Хозяин Кулака, от неожиданности кратко посмеялся, откинулся на трон, снова похихикал, недоверчиво оглядывая свою любовь. Вытянувшись вперёд, он с неким недопониманием уточнил:

– Ты серьёзно?

– Да, моё самочувствие изменилось, я сдала анализы, и... по их результатам – беременна...

Если Лира была крайне растеряна и даже не знала, как реагировать – Кир, с частично удивлённым восхищением посмеивался, проводя руками то по лицу, то по волосам...

В этот же вечер, куда ближе к грани с ночью, в одной из солидных квартир западного города, опустевшую кружку горячего шоколада на прикроватную тумбу вернул кукольник. Он полусидя отдыхал на роскошной перине, в самом центре изящной комнаты. Закончив тешиться ароматным вкусом любимого напитка, мальчишка вытащил из кармана листок, последний подарок Вэнтэра.

– Хватит мне с тобой носиться. Тебя прочли все, кому надо.

Указательный палец свободной руки, казалось бы, челове-

ка – разошёлся в стороны последней фалангой. Под ней появилось нечто похожее на зажигалку, что сразу вспыхнула огнём.

– Время забвения, – скомандовал он, поднеся листок к очагу. Пламя бесцеремонно вцепилось в бумагу, избавляя мир от лишних свидетельств. Но даже просто на это глядя, мысли кукольника воспроизводили речи императора, что навсегда засели в его памяти...

– Если ты это читаешь, значит – я больше не в силах говорить. Уверен, моё послание окажется именно у тебя. Сейчас, я вовсе не намерен умирать, и сделаю ради победы всё. Но ты сам твердишь – по плану дела идти не могут. Мы в ссоре долгие тридцать два года, и могли бы провести в ней ещё столько же, будучи нэогарами. К счастью, или нет – мы люди, и я устал держать маску безразличия. Если ты это читаешь, знай, наше примирение – моя мечта, но боюсь, ценой за неё станет смерть. Я не мастер выражать мысли, так что скажу прямо: что бы ни случилось, и где бы я не оказался – я вернусь. Мой мир, особенно если в нём ты – не останется без императора, что построил его. Главное жди, и удержи мой мир. Когда-нибудь, моё «спасибо» – ты Услышишь...

28 эпизод. Мама

Наверняка каждый сталкивался с тем, что лёжа даже под самым уютным одеялом, гнёт мыслей мешал раствориться в объятьях сна. Насколько бы рано ты не лёг, после такой ночи проснуться будет нелегко; именно утром, как назло, лю-

бая поза, и каждая постель – предстаёт райским островком.

Надоедливый будильник посмел прервать тишину подобного островка. Эта злобное устройство устроило настоящий перезвон в уютной детской, где в кроватях, противоположных друг другу, спали совсем юные человечки. У правой стены, прямо под окном, отдыхал мальчик; напротив, также близко к стенке – девочка. Не узнать её блестяще белые волосы было невозможно; Милена уже подросла, но красота недлинных белоснежных прядей, сохранилась.

Дверь в комнату, где дети всеми силами игнорировали звон, открыла Лира, и спешно подбежав к будильнику, выключила его.

– Алан, Милена, пора вставать, – оглядев кровати, объявила девушка. – Встаём и быстро на кухню, а то завтрак остынет, – дважды хлопнув ладонями, продолжила она, почувствовав отсутствие реакции.

– Ну мам, ещё пять минуток, – лениво, шепеляво буркнул ребёнок, что укутывался в одеяло с правой стороны. Алану не хотелось вставать, да и завтракать тоже.

Милена же, развернувшись лицом к Лире – сдвинула с себя одеяло, опуская ножки вниз.

– Вот смотри, какая Милена молодец. Не спорит, как ты, – с тусклой тенью претензии критиковала Лира сына. – Давай помогу, – подступив к девчужке, что уже обулась в тапочки и привстала на ноги, вызвалась счастливая мама.

– Спасибо, я сама, – звонко ответила дочь первого короля.

Она даже не протянула Лире руку, хотя та уже была готова проводить малютку к кухне.

Аккуратными шагами Милена добралась до выхода, взирая неизменно фиолетовыми глазами строго вперёд; зрачки девочки даже не шевелились. Хоть маленькие ножки быстро подступили к двери, они чуть не заставили лохматую голову удариться об угол проёма. Это успешно предотвратила Лира, вовремя развернув невнимательное дитя.

– Спасибо, – дотронувшись рукой до угла, что чуть не ода-рил девчужку шишкой, проронила она.

– Алан, вставай давай, сам же опаздывать не любишь, – вернув внимание к сыну, более уверенно попросила мать.

– Встаю я, – устало зевая, не решился ребёнок спорить. Пока мальчуган с коричневыми кудряшками только присту-пал к активности, Милена уже покинула комнату и по коридору, держась поближе к стенке, топала на кухню.

Не спеша приговаривая к съедению один пышный блин за другим, у стола давно обосновался Кир. Он готовился к предстоящему дню, набираясь сил от блюд своей жены.

– Милена, ты опять идёшь сама? – с гордым волнением спросил король. – Мало тебе было падений, позвала бы... – подхватив малютку на руки, и усадив за стол, настоял заботливый опекун.

– Спасибо, но я и сам могу, – аккуратно складывая руками блинчик на тарелке, отрешилась девица.

Кир одобрительно улыбнулся, попутно устало выдохнув.

– Сироп налить? – дружелюбно спросил он.

– Если не трудно, – припустила девчушка глаза.

– И в кого ты такой ленивый, – послышался голос некогда бесплодной женщины. Она чуть ли не на руках занесла мальчишку на кухню и, усадив рядом с белокурой «сестрой»– предупредила:– Смотри не обмажься, спешить пока необязательно...

– Лира, присядь с нами. Сегодня всё равно моя очередь мыть посуду, – отрывая впопыхах взявшуюся за грязные тарелки жену, напомнил Кир.

– Так эта со вчера лежит, я ж забыла, чья была очередь... хотя, ты прав, – резко передумала барышня, – лучше перепроверю документы. Посуда не тебе, – убегая в дальнюю комнату.

Кир, ухмыляясь, качнул головой, в след более чем бодрой жёнушке.

– Пап, мы разве опаздываем? – глядя в ту точку, что и Кир, озадачился шепелявый сынишка.

– Нет, Алан, у нас ещё есть время. Просто, у мамы сегодня важный день...

Королевское семейство на размеренных темпах окончило утреннюю трапезу. Более активно детвора стала готовиться к предстоящему пути. Сменив пижамные вещи на те, что не стыдно показать миру, Милена первая покинула дом, где некогда жила и её мама. После переезда королевы в замок, здесь остался один Кир; а теперь, собралась целая семья.

Милена вышла за двери, направляясь к стоявшему недалеко автомобилю. Вскоре выбежал и Алан, спешно догнав старшую «сестру».

– Стой, мама сказала дождаться её, – встав перед белокурой девой, выпалил он.

– Мне и тебя хватит. Открой дверь, я дальше справлюсь...

На крыльцо вышла Лира, позади которой следовал Кир.

– Помоги Милене сесть, – видя влезавших в машину детей, попросила она сына.

– Ну Лира, вот скажи, зачем тебе это? Сидела бы дома, за детьми следила... – буркнул Кир.

– Нет, насиделась уже, не могу больше. И детям нужно общаться со сверстниками, и мне нужно быть при деле.

– Так будь, не обязательно же возвращаться в «Реокрацу».

– Обязательно, я только там оживаю. К тому же, ты ведь знаешь: бывших капитанов не бывает.

– Но прошло уже больше пяти лет, с тех пор как ты ушла из-за беременности. Даже я не смогу изменить правил, и тебе придётся продвигаться по всем званиям, с самого начала, – не оставлял Кир надежд отговорить рыжую упрямицу.

– Ничего, я ведь не сидела на месте. Меня всё же сам первый капитан тренировал, – на прощанье поцеловав мужа, проронила Лира капельку лести.

– Я тоже уже не капитан, – в след девице, улыбнулся король.

– Бывших капитанов не бывает... – махнула рукой капитан

в декрете. – Подготовь штаб, пока я развожу детей, – уже садясь за руль, попросила она. – И никаких поблажек!

Власть, столь всеми любимая и каждым желанная, вовсе не так беззаботна, как кажется. Особенно, если речь идёт о контроле целого материка. Кукольник это знал, хотя даже не касался трона, но ни все ведь столь проницательны.

Четверо нэогаров, решивших урвать престол, не были готовы успокоить свои амбиции. Гордыня и алчность побудила их собраться, уже не в штабе внешней разведки; новым местом сборищ стал бункер, под резиденцией казначея Дэнзиса. Это подвальное сооружение призывалось уберечь Минфина и его ценности, от любых невзгод. Но одну из комнат, далеко не самую роскошную – он соизволил выделить для совещаний. И вот, под резной люстрой, за дубовым столом, на ажурных стульях, беседовали крамольники.

– Этап формаций спецгруппировок вчера завершился. Мы получили согласие и знак готовности от всех союзников революции, – отчитался нэогар, вечно твердивший о грехах.

– Да какие они союзники. Крысы в чужих залежах. Их всех купить дешевле, чем воздвигнуть мраморный памятник, – негодовал Дэнзис.

– Как дела с вооружением? Всем хватает огневой мощи? – раскатисто спросил Грозор.

– Нет. Одна из групп города Урцулы, сообщила о неисправности партии пулемётов, – молвил юный протеже Дэнзиса.

– Вруны! – воскликнул министр промышленных ведомств. – Мой товар безупречен!

– А кто это тут у нас такой шумный? – с улыбкой до самых ушей, ехидно молвил кукольник, заглянув в темноватую комнату. – Союзникам нужно доверять, – сообщил он Грозору, неискренне учтиво.

Пучина изумления поглотила каждого стоворщика. Перед ними стоял лишь один беззащитный человек, но лица нэогаров покрыл немой шок.

– Как... откуда... какого чёрта ты здесь оказался?! – выпалил казначей, в испуганном гневе.

– Если тебе интересно, откуда я узнал о вашей шайке... да простит меня Детектив, это он вас спалил. Ну а если хочешь знать, как я сюда попал, мне помог некто очень близкий к тебе. И настолько же холодный, к тебе. Знаешь ведь, о ком речь? – вытянув левый край губы, поднял мальчишка бровь.

– Твари! – треснув кулаками стол, выкинул богатейший нэогар. – Убью! Обоих убью! И тебя убью! – «кинув» в кукольника палец, погрозил Минфин.

– Сколько же здесь всего сокрыто... – тихо, задумчиво выдавил Сталис, чей голос снова пробрал предателей. – И не стыдно нашему казначею, прятать такие блага? – наконец завернув в комнату, с другой от кукольника стороны, надавил он на Дэнзиса.

– Всё это моё! У Империи своя казна, у меня своя.

– Каждый из вас, и так предатель, – хмыкнув, оглядел че-

ловек нервно сидевших нэогаров. – А ты – предатель вдвойне, – перевёл он взгляд на казначея.

– Мы собрались обсудить проблемы незаконных группировок на территории Имперского материка. Это подтвердят четыре министра военного совета. А что докажете вы? Предатель-отступник, и воскрешённый король вражеской державы? – перешёл в наступление Грозор.

– А зачем нам что-то доказывать? Мы с заместителем – всё знаем, и всё слышали. Предатели, долго не живут, – улыбнувшись с ноткой мрака, в своём лучшем стиле объявил человек.

– Хах, ты не посмеешь нас тронуть! Я – богатейший нэогар Империи, я важен!

– Правда? Что в тебе такого, чего нет в твоём сыне, первом наследнике состояния? И что может помешать, прикончить тебя? Твоё богатство? – пусть с улыбкой, но отвращено спросил кукловод.

– Да! Я слишком влиятелен, что бы ты тронул меня! Я слишком богат!

Сталис позволил выскочке закончить свою речь. Но, не позволил совершить ничего кроме. Последнее слово увенчал железный звон пронзившего горло богача прута. Свист серого стержня, насквозь пригвоздившего богатея к стене.

Не хлынула кровь, не последовало криков и долгих конвульсий, как хотелось бы кукольнику. Дэнзис лишь недолго подёргал конечностями, не успев тронуть прут внутри шеи.

Мимолётную секунду тихого окаменения оборвал Грозор. Он вскочил с места и собрался отбив Сталиса, сбежать мимо кукловода.

Правая рука заместителя императора всё ещё тянулась к умолкшему Дэнзису, и мощному нэогару не составило труда толкнуть открытый корпус помехи. «Недооценивать уровень противника непростительная ошибка» – промелькнуло в голове кукловода. Левая рука вражеского короля, моментально сотворила меч, породивший искры о броню Грозора. Сталис отбросил его назад, так и не позволив встать на уровень с проходом.

Едва прекратив отъезжать, безглазый здоровяк взял новый упор; всем весом кинувшись обратно, он вознамерился выбить бывшего барона за дверной проём. Сил министру и правда не занимать; но мало что его напор смог сделать против щита, оперативно созданного Сталисом, на свободной руке. Мимолётно отмахнув преграду, заместитель прошёлся мечом от бедра до противоположного плеча Грозора, заставив его удариться о стену. Развернув ступню, вжатую в пол, заместитель вырастил перед министром кол, насквозь пронзивший предателя в районе живота. Судя по разросшимся за спиной нэогара трещинам – кол достаточно глубоко вошёл и в постройку. Казалось бы, неминуемая победа обеспечена, переживать не о чём. Но Сталису и этого показалось малым. Взлетев с места под самый потолок, он нижним углом щита нанёс точный удар по горлу пригвождённого металлом нэо-

гара. С крепких плеч сорвалась безглазая голова. Учащённые стуки стали о пол, даже позабавили кукольника.

– Не спасло тебя, твоё золото. Плохой ты, казначей, – качая головой, разбавил мальчишка мрачное безмолвие. Хотя его слова ничуть не разрядили туман страха двух выживших.

– Прошу, не убивайте, пожалуйста, я всё сделаю, всё отдам, убегу из Империи, только умоляю, не убивайте... – на коленях подполз к человеку трусливый нэогар, потерявший рассудок сразу после смерти Дэнзиса. Он буквально дрожал, ошалев от страха быть убитым. Похихикав, кукольник присел перед готовым бить лбом о пол нэогаром, и промолвил:

– Знаешь, что в этом мире бесконечно? Глупость. Возможно, этот урок проучит тебя; возможно, после этого ты поумнеешь, но глупить ведь можешь не только ты. Могу, к примеру, и я.

Раздался звонкий щелчок детских пальцев, примерно на уровне головы трусливого предателя. Последовал глухой скрежет пробитой стали, на затылке юного протезе. Он ударился лбом о пол, чуть не задев ногу человека торчавшим из низа макушки прутом.

Всё оставшееся внимание, наконец, получил праведный нэогар, не сдвинувшийся с места.

– Я не отрицаю, что грешил. Каждый грешит – без этого не прожить. Но я, мы – хотя бы пытались сделать чьи-то жизни лучше, пытались уменьшить нужду в пороках. А вы, ты, – именно кукольнику выкинул он, – сеешь один хаос.

– Ну почему же, разве избавление от скверны, не наша общая цель? – косо улыбаясь, отвлёк внимание нэогара мальчишка. Сталису это было ни к чему. Он и без того подошёл бы к спине министра, приставил к ней раскрытую ладонь и выслушав краткий глубокий крик, превратил грудь проповедника в «палисадник» острых кольев.

– Молодец, Сталис. Ты движешься в нужном направлении, по лестнице примирения с сыном, – ехидно сболтнул мальчишка, вставая во весь рост.

– Нет. Я угождаю тебе, взамен получая надежду. Ненавижу тебя.

Кукольник устало рассмеялся, подняв голову к потолку.

– Ну ладно, можно покидать предательский склеп. Ох-ох-ох, позабыли нэогары уровень настоящих воинов... полезли в драку с обладателем «особого механизма», хотя сами были пусты как кусты. А потом я легкомысленный, – выдыхая, пожаловался интриган, растворяя голос в коридорах бункера...

У капитанов когорты «Реокрацу» было множество обязанностей, обожавших расточительно тратить их время. Столь почётная, важная должность, несомненно, стоила приложенных усилий; и чтобы занять пост, и чтобы его удерживать. Но кто же любил этих новичков, рвавшихся в капитаны... У Лиры в этом плане наблюдался некий иммунитет; собравшиеся на первом этаже капитанского штаба главы отрядов – не косились на девицу, как на лишний рот в чужой кормушке. Каждый уважал её вклад, знал каким он

был, и чтил стойкость рыжеволосой барышни, что победила бесплодие.

Солнце поднялось точно над крышей светло-красных песочных часов, генштаба «Реокрацу». Капитаны, старые и новые, давно собрались на первом этаже, где не было окон, зато открывался наибольший простор.

В центре холла стояло невысокое возвышение, площадью в четыре метра. Его оборудовали как сцену, в случае празднований или важных объявлений, или как ринг, в случае выборов нового капитана.

Пост шестой по силе, остался неизменным; подруга бывшей седьмой, а теперь и третьей – почти не изменилась. Она откровенно радовалась встрече с Лирой, что стояла с другого края спарринг зоны. Напротив кандидата, в ряд стояли действовавшие капитаны, а немного позади, доверенные помощники – следующие по званию в отряде. Кроме девицы с зелёными волосами, старых лиц в когорте не осталось. Теперь, на местах первой семёрки капитанов, стояла вторая. Их форма, повязки, стойка с руками за спиной, изменениям не подверглись; зато теперь, среди глав было куда больше натуральных цветов волос. Радужного карнавала в «Реокрацу» не осталось.

Из уважения к исполнителям, король стоял, у одинокого третьего края ринга. Он молчаливо улыбался, продолжая ждать первого по силе. Кир уже явно негодовал, улыбался сквозь силу; сдерживая выдохи, он бегал глазами по эта-

жу, собирая остатки терпения.

– Ну, капитан первого отряда серьёзно задержался; вероятно, опять забыл, где проходят спарринги... – вступил король, вызвав среди капитанов смешок. – Придётся начать без него. Это не по правилам, но правила объявлю я: любое оружие, кроме того, что держится на ваших костях – запрещено; победа засчитывается тогда, когда один из соперников никаким образом не касается поверхности спарринг зоны; чтобы достичь звания любого капитана, придётся пройти каждого предыдущего, начиная с седьмого. Эти схватки призваны проверить Только мастерство, силу, ловкость и скорость. Именно на этих столпах держится «Реокрацу», и пусть тот, чьи столпы крепче – станет капитаном!

Король вёл свою речь и самого себя максимально беспристрастно. Но его взгляд, что зачастую пролетал мимо Лиры, выдавал переживания. Он волновался за свою жену, это уяснил каждый.

Самый известный капитан третьего отряда – ловко заскочила на ринг, со своей стороны. Напротив неё, с такой же лёгкостью предстал Седьмой: бородач, что слишком рано запустил бритвё. Схватка началась сразу же; крепость мужских рук, оказалось не особой проблемой опыту и изворотливости рыжей девицы; в течение первых трёх минут – Лира на ринге осталась одна. Немягкое приземление седьмому обеспечили тугие маты, по бокам арены, и отсутствие бортов, за которые было бы удобно держаться. Следом, напротив перво-

го человека, бившегося с императором, показалась шестая. Её взгляд был радостен, ведь давние подруги снова встретились. Но улыбка желала победы; кому охота уступить?

– Не жди подачек; я уважаю тебя, но и себя не меньше.

– Я без «Реокрацу» – забываю, что такое жизнь. Поверь, просто – со мной не будет, – добродушно пообещала девица, и началась новая дуэль.

Уровень соперника на ступень выше дал о себе знать; Лире довольно трудно было держать достойный бой. Хотя и шестая напрягалась; невзирая на пятилетний простой – королевская жена демонстрировала отличный уровень подготовки.

– Простите, – протяжно и громко вступил мальчуган, открывший двери в зал. – Очень простите, я не хотел опаздывать... – голосом, пропитанным виной, глагодал он, спешно пробираясь внутрь этажа.

Форма вошедшего человека была самой стандартной; жилетка застёгнута, что обычно капитаны исключали. Синяя повязка с единицей была затянута так сильно, что рука долженствовала посинеть.

В искренность его стыда за опоздание поверил каждый, и это зря. Кукольнику, что ворвался посереде спарринга, облачённым в капитанскую форму – верить было нельзя.

Ему удалось заполучить внимание всех, кроме двух девиц, что топтали арену ударами ног. Промчавшись мимо прочих, мальчишка подбежал к королю, замороженному схваткой ма-

тери своего сына.

– Простите, честное слово, столько дел навалило... как вы со всем справлялись? – аж тяжело дыша, занял первый своё место.

– Да я и сам часто опаздывал; можешь не переживать, я понимаю. Твой пост самый ответственный.

– Всё равно, больше опаздывать не буду. И спать не буду – всему виной сон.

Король усмехнулся, похлопав капитана по плечу. Стоило Киру отвести внимание от ринга, как прелестная девица с волосами цвета зелени, спиной растянулась около возвышения. Для этого Лире потребовалось немного больше пяти минут – отменный результат, для мамы из декрета.

– А ваша жена молодец, она очень талантлива. Давно у нас не было такого собрата... – заворожился ведением нового боя и кукольник.

– М-да. Пожалуй, со времён тебя, – добро взглянув на первого, молвил король. – Не думал, что кто-то одолеет меня, пройдя через шесть других сильнейших людей. Я это не отрицал, но ведь не в шестнадцать лет...

– Мне почти семнадцать, – будто обиженно, задорно огрызнулся кукольник.

Сложность спаррингов капитанских выборов состояла уже в том, что вместе с уровнем силы противника возрастала собственная усталость, хотя оппонент был свеж и сух. Зато, уровень силы капитанов когорты едва граничил с

простым, человеческим. Эти посты доставались поистине талантливым людям. Свою принадлежность к таким, во второй раз доказала женственная девушка, с рыжим пучком растрёпанных волос.

Осознавая, что возлюбленная короля уже не могла встать с колена, и дать бой второму по силе – кукольник, как гла-сили правила, спросил:

– Капитан третьего отряда Лира, вы готовы остаться в достигнутом звании?

Со лба счастливой мамы скатилась капля пота, прежде, чем девица поднялась. Её горевшие подо лбом глаза увидели стоявшего напротив амбала, ждавшего нападок. Второй капитан настолько злоупотреблял физическими нагрузками, что вряд ли найдётся вещь, способная скрыть его мускулатуру.

– Да, – выдохнула Лира, и вместе с ней это сделал Кир. – Я люблю развед. отряд...

– Что ж, прошу любить и жаловать – старый новый капитан третьего отряда когорты «Реокрацу», – вдохновенно объявил нового собрата кукольник, не отходя от главы государства. Вместе с ним, капитаны дружно заплодировали, кто как мог. Подключился и король, и шестая по силе.

Судьба обожает перемешивать карты играющих сторон самым неожиданным способом. Кто кроме Вэнтэра мог хотя бы представить, что Гегар отойдёт во владения Империи? А идол людской свободы ведь сделал это.

Более того, Империя не просто «прикарманила» самого огромного рукотворного робота, ценой безмерно сильных повреждений его строения. Она даровала ему вторую жизнь; восстановила всё, что некогда испортила. Реконструкция подобной громадины заняла достаточно много времени; на создание с нуля ушло пять лет, на реконструкцию – четыре. Потраченное время окупило себя; Гегар, величественно отражал блики солнца чистой гладкой обшивкой. Ни одно здание не смогло бы загородить ему светило, хотя зданий, по близости, всё равно не было.

Фигура феноменального монстра возвышалась на самой границе Империи с пустыней. Гегар стоял вовсе не на земле. Его невообразимый вес плавно топил прочнейший безбортный лифт, опускаая в воронку на стыке континентов. Поддон с невероятной выдержкой метр за метром погружал безразмерное чудовище в шахту, обшитую медными листами. Места в ней рассчитали строго по масштабу Гегара; гигант даже немного тёрся объёмными выступами о края огромного люка. Такой способ хранения приглянулся и нэогарам; под толщей пустынных насыпей держалась одинаковая температура, сухость, и темнота.

Помимо десятков рабочих, неустанно поддерживавших процесс спуска, на безопасном расстоянии картиной любовались начальники как проекта, так и державы. Кан взирал на процедуру с неким умиротворением, когда Чан, почти уныло.

– Реконструкция Гегара, наравне с созданием этой подвижной шахты – обошлась Империи в половину стоимости проведённой войны. Скажите, император, это того стоит? – не спуская с далёкой макушки гиганта глаз, спросил технолог.

– Его сила поражала и заставляла трепетать на протяжении всей войны. Гегар – величайшее оружие. Наша над ним власть – стоит всего, – непреклонно рассудил Кан.

– Зачем оружие в мирные дни? Или, мы готовимся к войне?

– Нет, войну мы не развяжем. Люди прекрасно помнят, что Гегар в наших руках – всё дело в этом. Пока он пугает боевой мощью, они будут бояться даже думать мелькать на наших землях. Лаборатория на славу постаралась... – в последний раз окинув наполовину утонувшего в люке Гегара, отрезал Кан. Он развернулся и гуляючи пошёл к своему транспорту, оставив Чана в замешательстве.

– За хорошую работу принято хвалить, – напомнил императору технолог.

– Вэнтэр хвалил тебя за Кулак. И где он сейчас? – гневно расширил правитель свой взор.

Повторно ставшая капитаном разведотряда женщина, залечивала последствия побед. Медпункт был предусмотрен во всех штабах «Реокрацу», но проводить время за исцелением, Лире решилось именно в своём. Санчасть была хорошо оборудована, и, возможно, от этого пуста. Для серьёзных

травм она не подходила, а мелкие ссадины и ранения – зализывали быстро.

Капитану со стажем в пару часов бы отдыхать и расслабляться, но покой девушки с парой повязок и лангеткой на колене, потревожил слугитель третьего отряда.

– Простите, капитан, отчёты сдавать уже вам, или пока предыдущему? – поинтересовался вошедший.

– Мне, наверно, – приподнимаясь с кушетки, Лира взяла уплотнённые коркой бумаги, и прежде, чем успела что-то прочесть, услышала:

– Наши околоорбитальные системы наблюдения и раньше фиксировали передвижение Гегара по разным точкам Империи, но сегодня – кадр получился устрашающим. Нэогары впервые подняли Гегара во весь рост, да ещё и на самом стыке с пустыней.

Избранница Евразийского героя не поверила глаза, увидев полученный снимок. Приглядевшись, оббегав глазами строки письменного отчёта, она не смогла продолжать сидеть. Уже через полчаса – тонкий отчёт упал на стол короля.

– Лира, ты уверена, что тебе стоит покинуть медпункт? – поднимая свидетельства, удивлённо обеспокоился Кир. Кулаком он пользовался куда смелей, чем раньше; теперь, сталь стала «живой» его частью.

– Ради этого, уверена! – откровенно взволнованно, тыкала она рукой в корку. – Ты это видишь? Видишь этот снимок? Это Гегар! Они восстановили его, и выставили на край

Империи. Ну как тебе такое?

Лик короля потускнел. Он припустил бумаги, дабы выдать слова:

– И, он вот так стоит по сей момент?

– Мы не знаем, наши спутники-шпионы пока только в разработке, информацию дают скудную. Но Гегара подняли, и это страшный факт!

– Нет нужды паниковать, он ведь на самой границе Империи. К тому же, мы не засекали ни намёка на подготовку к войне, а это скрыть невозможно. Даже если нэогары что-то замыслили, в ближайшее время – нам нечего бояться, – растянув края губ, признал король.

– В ближайшее? А что потом? Война с Гегаром – вселенская катастрофа! Мы просто не можем... мы обязаны оградить от этого наших детей, внуков, нам нельзя рисковать! – не уступала любящая мать.

– Мы имеем трагичный опыт неосмотрительности. Я не допущу ошибок прошлого...

– Верно, мы не должны их совершать, – подступив к трону, утихла Лира. – Гегар ужасает, когда стоит на твоей земле – твоим врагом. Но ни он, ни другие приспешники Империи – не могут ходить по воде. Я знаю, нельзя сказать, что Джаин ошибался, говоря – «Пока есть Империя – есть опасность», но, может, если Империя оборвёт свою с нами связь, лишится помыслов трогать людей?

– Как, по-твоему, лишит нас связи? – вникая в каждое

слово, спросил Кир.

– У нас есть Кулак – великое чудо инженерной мысли. Ты сам не раз рассказывал о его удивительной мощи. Я плохо в этом смыслю, но если ты носишь ключ к плотнейшему полю, его можно синтезировать в оружие, достаточной силы, для разделения континентов. У нас нет других проблесков свободы...

– Мы многое узнали и далеко продвинулись, изучая Кулак. Но ты ведь в курсе, уже два года как исследования закрыты... – вяло молвил Кир. Эта тема, явно была ему не приятна.

– Ты никогда не ставил целью подчинение Магнэрайса. Но слово короля способно менять историю...

Лира заставила собственного муженька запустить множество параллельных мыслей, что тот едва был способен разоб-
раться. Покрепче сжав тёплую руку паренька, девица доби-
лась прямого взгляда.

– Кир, я впервые за свою жизнь стала мамой. Я мечтала об этом, желала этого, сколько себя помню, и вот, мы назва-
ли мою мечту Аланом. Прошу, не позволь ему познать страх
потерь. Не дай нашему сыну пережить кошмар войны, про-
шу...

– Ни за что, – выпалил король, вспомнив ценность мир-
ного неба. Его напоминанием стала стальная рука, что он от-
нял у великого тирана. Она – наравне со словами Лиры, по-
будила Кира согласиться.

У Империи насчитывалось куда меньше поводов ненавидеть людей, чем у людей Империю. Тем не менее, на всём холодном континенте существовало лишь одно место, где человек мог без угрозы проводить время.

Скромное жилище «тёплого» нэогара – стало приютом уже второму человеку. Детектив как раз закончил наполнять глубокую тарелку ещё тёплым супом. Беззаботно ждавший обед Джой, получив источавшее пар блюд, приступил к трапезе.

– Не перестаю удивляться вашему таланту готовить, – подметил мальчишка. – Я даже рад, что вы сегодня не покинули свой дом.

– Поверь мне, поводов для радости здесь нет. Я пока не знаю, зачем кукольнику держать меня здесь. Но уверен, он замыслил что-то злобное...

– Зато я знаю, отец рассказал. И поверьте, кукольник поступит правильно. Он не такой ужасный, как все говорят. Он сохранил мне жизнь, хотя должен был отнять. Сохранил и вашу, сказав сидеть здесь. Он странный, но не злобный, – заключил Джой, продолжая обед.

– Тебя сбила с толку его улыбочка? Не верь ей. Она нужна, чтобы проще лгать.

– Сколько бы обещаний он мне не давал – сдерживал все. Хотя сам однажды сказал: доверие ему – подобно смерти, – ухмыльнувшись, погрузил человек очередную ложку в рот.

– Кукольник хладнокровный, бесчестный, своенравный

манипулятор. За его спиной таится целое могильное королевство, сожравшее множество хороших нэогаров. Он не приступает ни к чему, если не уверен в успехе, и ничего не делает просто так, – помрачнев, хрипел старикан, ныряя в прошлое.

– И такой игрок – на нашей стороне. Разве это не обнадёживает? – почти защищал Джой «игрока».

– Он всегда на одной стороне – своей собственной. Он способен отрадно улыбаться, произнося даже самые мерзкие слова; будто его рот держат кукольные нити...

Отвлекались бы собеседники на входную дверь, заметили бы ухо человека – проникшее внутрь. Но они слишком увлеклись спором, так что слышали шаги пришедшего кукловода, и довольные слова:

– Что, сплетни разводим? – ухмыляясь, спросил он. – И не стыдно? Почему без меня?

– Разве нормально звать того, о ком сплетничаешь? – всей очевидностью ответил Джой.

– Подкалывать научился? Я уж боялся, не доживу, – прозвучал сарказм. – Детектив, вам необходимо отправиться во дворец, император созывает военный совет. А мы Джой, должны кое-что обсудить... – подсаживаясь к пареньку, расплылся кукольник в улыбке.

– Военный совет? С чего бы? – просипел старец.

– Кан не потерпит опозданий, а времени осталось не много... – сожалеючи, молвил кукольник.

В минуты расставания солнца и земли, тронный зал Империи наполнился нэогарами. Кана заметно удивили почти одновременно вошедшие: Чан, Детектив, Сталис, нэогар, приметный доспехами тёплого цвета платины, что смотрелись изыскано, и под конец кукольник, успешно закрывший двери.

Кан встал с трона и, оглядев мини-толпу, спросил:

– Вы все, по какому делу?

– По какому делу? Это ты нас созвал, – припомнил Сталис, не особо довольный.

– Вот и нет, – протяжно объявил кукольник, заставив всех обернуться к двери. – Вас тут собрал я. Ну просто, на зов императора собрались все. А своими силами, я б и половину военного совета не собрал.

– Военного совета? Он, хочу заметить, всё равно не собрался, – подметил Чан.

– Ошибаешься. Представляю вашему вниманию – новый военный совет! – разводя руками, артистично выпалил мальчишка. – Император, его заместитель, научный президент, Детектив – наш мастер разведки, в представлении не нуждаются. Зато я – барон баронов, и Сарцин – наш новый казначей; сын прежнего, если кому интересно – только сейчас можем вступить в ряды совета.

– Барон баронов? Что, прости? – впервые по-Настоящему хихикая, уточнил Сталис. – После войны баронов не осталось. Над кем ты себя воздвиг?

– Не только воскрешённые короли могут занимать этот пост. Я подыщу достойных... – легкомысленно отмахнулся кукольник.

– Военный совет не собирают, чтобы знакомить его членство. У нас есть повод за что-то переживать? – учтиво выдавил отставной глава разведки.

– Нет, военному совету пока ни к чему исполнять свой прямой долг. Я просто, считаю необходимым уведомить именно вас, – прервавшись на паузу для таинственной улыбки, кукольник выкинул: – В «Пантеоне усопших» – появилось новое пророчество.

Эти слова словно прострелили уши каждого, кто собрался в зале. Волнительное ожидание превратилось в изумлённое напряжение. Каждый, с замиранием души, ожидал дальнейших слов.

– И угадайте, кто нам его ниспослал? – ехидно выдерживал кукольник «тайну».

– Только не... – обречёно начал Сталис, сквозь чьи слова прогремело:

– Вэнтэр! – оскалившегося мальчишки...

29 эпизод. Пророчество

Умение общаться больше всего другого облегчает жизнь, хотя порой и усложняет её. Встречаются собеседники, слушать которых сплошная пытка.

Джою в этом повезло больше, разговор с кукольником может быть и приятным, но рвение одного мальчишки погово-

ритель с другим, слегка напрягало бывшего четвёртого капитана. Позабыв о желании наесться, он настороженно молвил:

– Когда ты хочешь что-то обсудить, у меня появляются новые проблемы.

– Зато решаются старые, – хмыкнув, ответил улыбака. – Я не понаслышке знаю, как сильно ты коришь себя за слабость. И в теле нэогара ты не блистал силой, а теперь подавно. Даже остатками роскоши, пользоваться всем нам запрещено, – указал кукольник на герб Сталии, что сотворил Стафис из стали, прямо на глазах отца. Теперь, эта фигурка пылилась на полке около стены. – Но этот мир, и человеческие тела – не так узки, как кажутся. Ты столько времени бок обок стоял с третьей и вторым по силе в «Реокрацу». Наверняка замечал, их «особенности», – улыбнулся «первый» пошире.

– Что Третья бесплодна, а Второй как камень? Не вижу ничего сверхъестественного, – разведя руками, упёрся Джой.

– Хах, ты правда не в курсе? Лира выносливей любого нэогара, а Фрол мог упрочнять свою плоть, до уровня стойкости скалы. И всё это – подарки Джаина... – помрачнела улыбка ехиды.

– Подарки? Хочешь сказать, Джаин совершенствовал людей? – прозвучала нотка тревоги.

– Да, мой друг, легендарный освободитель посягнул на человеческую генетику, и вполне преуспел, создавая сверхлюдей, – разрушил завесу чужих тайн кукловод. – Но Джаин

был слишком мягок. Он боялся прибегать к серьёзным изменениям; делал только то, что не навредит людям. Я же, зашёл дальше. Мои опыты куда глубже вкапывались в ДНК простых смертных, даруя им мощь самых разных сочетаний дикого мира. Я не ограничивался только одним набором геномов хищных тварей, я создавал целые группы разных ДНК, объединённых носителем человеком. Увы, ни к чему это не приводило. Я стремился к успеху Джаина, знатно увеличивая размах сил, что дарую людям. Безуспешно. Все подопытные помирали, не прожив и дня. Мне пришлось задуматься, в чём же причина таких неудач? Я понял, что воздействие чужих клеток – слишком вредит человеческим... но, была б в их телах регенерация, схожая с моей, проблемы бы исчезли. Такая стойкость клеток к изнашиванию – привилегия сугубо бессмертных, созданных Чаном людей. Стало быть, мне нужен ты, – наконец подвёл мальчишка свой долгий рассказ к кульминации. Джой усмехнулся, услышав это. Он упёрся о спинку, и рассудил:

– Не один твой опыт не закончился удачно, но ты предлагаешь мне их продолжить. Может, ты и хитрей меня, но я не идиот. Боязнь смерти сильнее, чем слабости.

– Я и сам заинтересован в твоей сохранности; без тебя, у меня на одного врага- Короля станет больше. К тому же, твоё бессмертие – ключ к моему успеху. И твоей силе, что может превзойти даже нэогарскую, – складно бросал обещания самый улыбочивый человек.

– Что это за такие силы, позволь узнать? И на что я подпишусь, если соглашусь?

– Оу, это поразительные, фантастичные возможности, – во все зубы оскалился кукольник. – Ты ведь знаешь старые мифы и легенды, о страшных тварях, населявших планету в далёком прошлом. Наши доблестные предки сражались и истребляли мохнатых чудищ, чешуйчатых ящеров, пернатых летунов, болотных слизней, обретая славу в глазах сородичей. В наши дни такие чудеса не сыщешь, остались лишь их потомки, что не высовываются из Дарисского леса. Но, даже имея их, можно создать шедевр – пугающе сильный.

– Если ты ошибёшься – я умру. Не самая яркая перспектива, – качнул Джой головой.

– В чём я могу ошибиться? В плане генетики у меня опыта побольше Джаина. И твоё бессмертие – главный элемент, тут не за что переживать, – не забывая мило улыбаться, давил кукловод.

Джой недолго смотрел в довольные глаза собеседника, тщательно обдумывая свой ответ. Кукольник, как ни странно, терпеливо ждал, сияя лыбой.

– Допустим, я согласен, – подтянувшись к «другу», молвил он. – Что дальше?

– А дальше, – подскочив с места, подошёл кукольник к Джою, – мы отправимся в мир безмерной мощи, – подхватив его за руку, отрадно объявил лучший лжец.

В честь такого радостного события, как восстановление

Лиры в старой должности, король впервые за весь год позволил себе сократить рабочий день. Пока глава семейства держал входную дверь открытой – детишки, позади которых «плыла» Лира, в ряд переступали порог. Ответственность закрытия двери, тоже принял Кир.

Отрезав мир от уютного жилища, король последовал за остальными – на кухню. Хотя, кроме Лиры, туда никто не шёл; Алан, едва войдя в дом «оседлал» диван, уткнувшись в телевизор. Милена направилась в детскую – единственное место, где ей было поистине комфортно.

– Пять минут и все обедать, – объявила заботливая мать. Пока она трудилась над предстоявшим обедом, сзади подкрался Кир, норовивший помешать. Супруги сошлись уже довольно давно, но вовсе не охладели друг к другу. Бытовая рутина не мешала Киру, окольевав талию и заняв подбородком плечо жены, с любящим интересом спросить:

– Ты точно в порядке? Уложить пятерых сильнейших в Евразии – подвиг. Может, лучше отдохнёшь?

– Нет, я в порядке, – улыбнувшись, прекратила Лира усердствовать. – Спасибо Джаину, сил во мне много. Хотя дел больше, так что, посторонись, – развернувшись с тарелкой тёплого сырного супа, отодвинула Лира ловкого короля.

– А дети как? Что воспитательница говорит? – мягко присев на стул, поинтересовался отец и опекун.

– Алана нахваливает, говорит – золотой ребёнок. Хотя, кажется, золотой в её глазах, только его отец, – стукнув та-

релкой о стол, насмешливо сболтнула хозяйюшка. – С Миленой всё как прежде. Толком ни с кем не разговаривает, не ест, просится домой...

– Это не удивительно; она слепа, ей трудно передвигаться по большим зданиям. Она и дома ходит со сложностями, а среди других детей, тем более, – выдохнул Кир, оправдывая дочь лучшего друга.

– Всё равно ей необходим коллектив, иначе вырастит замкнутой одиночкой. Она дочь короля, ей положено быть самостоятельной, но не настолько же, – сев напротив муженька, перевела Лира дух.

– Может, приставить к ней кого-нибудь из «Реокрацу»? Пусть приглядывает, помогает...

– Кстати о «Реокрацу», – оживилась вдруг барышня. – Ты, конечно, рассказывал, что новый первый капитан странный юнец, но такого – я не ожидала. Он опоздал на один из важнейших сборов, да и слишком юн, для службы.

– Если вспомнить, я тоже часто опаздывал... и ему не хватает всего года, до минимального возраста. Но поверь, Фрай чертовски талантливый малый. Он и умён, и силён, – отрадно вспоминал король.

– Знаешь, ты говоришь почти как Артур, про Джоя, – приглушив голос, ударила Лира по душевной ране мужа. – Они чем-то похожи...

– Не произноси это имя вслух! – тихо, но жёстко вставил Кир, согнув ложку в своей руке. – Прошу. Никогда не про-

износи... – встав за другим прибором, перешёл победитель тьмы на шёпот.

– Прости, я не подумала...

– Фрай отличный парень, и я уверен – сослужит славную службу. Если мы всерьёз хотим отделиться от Империи на континентальном уровне, его помощь будет как нельзя кстати, – подавляя проснувшийся траур, не до конца спокойно рассудил король.

– В чём? Он хороший технолог? Или, знает что-то о Магнэрайсе?

– Нет, но он всегда готов прикрыть, поддержать, помочь... я ценю таких людей. Я дорожу ими.

Лире стало неловко; её удивил настрой мужа.

– Может быть, это я чего-то не углядела. Может, сама себя накрутила... ладно, пойду позову детей, – покидая спокойную кухню в сторону такой же гостиной, огласила жена короля.

Подсев к кудрявому ангелочку, что вытиснил из сердца Лире каждую мысль о грусти – она, потрепав его волосы, отрадно произнесла:

– Кушать пора, киноман ты мой. Потом досмотришь.

– Мам, а я сегодня такой рисунок, красивый, нарисовал. А Густав его запачкал. И даже извиниться не хотел, – через силу рассказало дитя, сквозь огорчение и шепелявость.

– А почему сразу не сказал? Мы бы разобрались с этим Густавом, – пообещала обеспокоенная мать.

– Он потом дразнится, что я под твоей юбкой! А я не люблю, когда он дразнится...

– И где это ребёнок меня в юбке видел? – отвлечённо проворчала Лира. – Знаешь что, мы завтра же пойдём в сад, и со всем разберёмся. А теперь, быстро обедать, – любя подогнала мама сына, убежавшего с другой стороны дивана. В списке дел хозяйки осталась Милена, что сидела в комнате на пути к кухне. Войдя в приоткрытую дверь, Лира ласково молвила:

– Милена, время обедать.

– Спасибо, я не голодна, – звонким голосом ответила девочка, бездвижно лёжа в своей кровати.

– Тебе рановато следить за фигурой, так что лучше плотнее ешь, – посоветовала чужая мама.

– Я не слежу за фигурой. Она нужна глупым, и неуверенным в себе. Я даже не могу её увидеть...

– Зато ты можешь её почувствовать. Уверена, когда подрастёшь – сама будешь думать о крепких мальчиках, – насмешливо предположила прошедшая жизнь девушка. Лира успела присесть рядом с Миленой, что даже соизволила приподняться, упиревшись спиной в стену.

– Мне ни к чему это чувствовать. Я лучше буду видеть. Но видеть не то, каков человек снаружи – всё это легко изменить. Я хочу видеть красивого человека внутри. Только это, я и могу... – вставая с кровати, Милене решилось перекусить. Лира, ей в след смотрела снисходительно. От де-

вочки часто можно было услышать подобные речи; поначалу, это удивляло, но теперь – все привыкли.

Речи человека с нестираемой улыбкой часто доводили до нервозности, недовольств, обид, и очень редко удивляли. Но вот блестящий радостью мальчишка прыгнул выше головы, заставив единовременно ахнуть весь новый военный совет.

– Что... что ты сейчас сказал? – сконфуженно выдавил Кан.

– Да, – растянулось сладкое согласие, – долгие пять лет он молчал. Но вчера, в зале пророчеств – появилось послание, от его лица.

– И, что в нём? – не менее настороженно поинтересовался технолог.

– Если б я знал... монах-приглядчик только имена передаёт, вредный старикан. Остальное, говорит – самые близкие «отправителя» читать должны. Вообще занимательно, что новость о пророчестве от Вэнтэра он донёс до меня. Об этом должны узнавать члены семьи, или хотя бы близкие...

– Куда уж ближе, чем ты... – подустал от волокиты Сталис.

– Зачем объявлять подобные вести совету? Нам Вэнтэр не обязателен, – сипло рассудил детектив.

– Но согласитесь, послание из Ментального мира – чего, между прочим, не случалось уже порядка тысячи лет – само по себе событие важное. Вам стоит знать. Да и мне нужна помощь, в частности ваша, Детектив, – ухмыльнувшись, напруг мальчишка старца. Его ждавший пояснений взгляд за-

ставил кукольника продолжить. – Кто кроме вас помнит первобытный нэогарский язык? Я таких не знаю...

– Мне интересно, каковы слова поверженного императора. Я переведу, – кивнул ржавый дед.

– Я тоже отправлюсь! – громыхнул Кан. – Если император хочет о чём-то сообщить, я обязан знать!

– Тогда, на тебе наш транспорт; подготовь эндуро. Выдвинемся завтра утром, только не рано...

Кукольник почти приказал императору выполнять работу организатора, а Кан, кивнув, всё проглотил. Хлопнув ладонями, мальчишка выкинул мимолётное: – Вроде бы всё, – и покинул тронный зал. В первых рядах за ним выскочил Сарцин – новый казначей. Догнав кукольника, он молвил:

– Я могу предоставить отличный эндуро, из гаража отца. Там хранится много хороших моделей...

– Хах, какая щедрость. Не думал, что в твоём роду такое встретишь, – ехидно ответил человек.

– Я не похож на своего отца. Я не понимаю, в чём смысл накопленных благ, если они покрываются пылью? Кстати, ещё раз благодарю за помощь с постом. Я буду полезней, чем отец.

– Не сомневаюсь. Твоя помощь в его убийстве, о многом рассказала, – натянули детские уста улыбку.

Евразийский отдел программного развития всегда был загружен работой; даже в такие, мирные дни. Ключи идей били из голов юных и не очень сотрудников лаборатории, осно-

ванной в далёком прошлом ещё самим Джаином. В первых рядах трудился, и не отдыхал её бессменный глава – Герд: вождя выживших, сборщик Гегара. Он бы не покидал научный кабинет месяцами, если бы порой не заставляли. К примеру, как сейчас; давно не бритый, в измятых лабораторных вещах, мужичок сидел на кухне, дома у короля. Кир сидел напротив, Лира же подала гостю кружку горячего чая, который стоял и перед мужем, и перед ней.

– Я уже и забыл, когда пил что-то, кроме воды... – сделав глоток, признался учёный.

– У вас есть шанс вспомнить, – дружелюбно произнёс красноволосый паренёк. – Надеюсь, вы не сердитесь, что в этот раз вас вызвал я, да ещё и к себе домой. Просто, не хотелось прерывать семейный вечер, а дело и секретно, и важно.

– Что вы, я понимаю. Вы не только король, вы и отец, и муж. Поверьте, семьёй нужно наслаждаться каждый миг, и уделять всё время именно родным. Бывает, что оставшись в одиночестве, даже нечего вспомнить... Что у вас за дело? – вырвавшись из пелены траура, спросил мужичок.

– Видите ли, хоть наш мир и дорвался до покоя, мы понимаем – угроза Империи вечна. Мы до конца своей эры будем в страхе перед ними, и в опасности. Но если условия нынешнего мира перекроить, эта проблема исчезнет. Наше с нэогамами единство – мост всех проблем, необходимо сжечь раз и навсегда. В этом может помочь сожжение реального моста

между нами – пустыни-перешейка.

– Надо же, – зажегся учёный улыбкой, словив паузу в речи Кира. – Не думал, что стремления Джайна кто-нибудь обскочит. Он о многом мечтал, многое делал, но такого – я даже от него не слышал... И как? Как заставить целую пустыню обратиться океаном?

– Я на себе испытал силу поля Магнэрайс. Оно способно быть непомерно прочным в один миг, а в следующий – цвести багровыми языками огня. Если синтезировать его мощь в другое оружие? способное приумножить размах, даже пустыня не устоит...

Лире отрадно было слышать уверенные слова своего избранника. В её душе расцвели тёплые порывы, а глаза и уста умилённо заблестели.

– Согласен. Я не много успел изучить, но Магнэрайс обладает подходящим потенциалом, – профессор стукнул полупустой чашкой о стол, став более суровым. – Тем не менее, область моих исследований едва задевала силу полей; в условиях, что я работал – нельзя было провести полный анализ. Если вы хотите выведать всё? Кулаку придётся уйти со мной.

Блеск умиления стёрся со всех глаз. Загнутые уголки ртов, выпрямились. Кир взглянул в глаза генератору идей беззаботной жизни, чьи рыжие волосы лежали на плечах. Лире неловко было понимать, что за цена стояла перед её любимым.

– И тогда, вы сможете создать нечто достаточно сильное, для разделения материков? – огласил Кир первостепенный вопрос.

– Вероятнее всего, да. Молчу о последствиях, так как не могу их представить, но шанс есть.

– Хорошо, я отдам вам Кулак. Делайте, что надо, и сколько надо. Только, давайте завтра. Не хочется пугать детей, – слегка стыдливо спрятал Кир глаза.

– Разумеется. Мы начнём, когда скажете, – вставая с места, кивнул мужичок. – Благодарю за чай, и оставляю вас наедине.

Вечно молодой, но неухоженный начальник целого отдела, покинул помрачневших супругов.

– Кир, если ты не... – вяло вступила Лира, что забыла проводить гостя.

– Я хочу, – непреклонно вставил Кир. – Не важно какую цену, я заплачу чем угодно, ради безопасности наших детей. И всех других детей. Всех, кто сохранит нас в вечность, своей памятью.

Тронный зал Империи опустел. И вовсе не потому, что великий тиран, первейший человек – пал. В этот раз, его просто покинул новый военный совет.

На роскошном хрустальном троне, привычную глазу картину до сих пор ломал Кан – массивный нэогар, вместо тёплого ребёнка. Напротив него стоял Сталис, чей взгляд обращён был к выходу. Не убрав руки с боков, заместитель раз-

вернулся.

– И ты веришь ему? Слепо пойдёшь за довольной выскочкой? – выкинул заместитель.

– А чего мне бояться? Убивать меня ему смысла нет, вариант с ловушкой отменяется. Кукольник ведь на нашей стороне, он хочет сохранить Империю. Пусть не ради Вэнтэра, но ради своего отца, – доверительно рассудил император.

– Н-да, которого Вэнтэр убил, ради власти. Несмотря ни на что, кукольник мстительная сволочь. А ты как преданный друг везде за ним бегаешь.

– Я сам вызвался отправиться в «Пантеон усопших», кукольник этого не просил, – припомнил Кан. – Я не вижу дельных причин переживать.

– Если с тобой что-то случится, на трон кукольник усадит меня, а этого я хочу меньше второй смерти. Будь осмотрительнее, впредь, – в голосе последнего короля Сталии ощущалось напряжение.

Кан не знал, что ответить. От надобности выдумывать подходящие слова спасла приоткрывшаяся дверь, за которой показался Сарцин – избранный кукольником казначей.

– Вам вроде эндуро нужны? Могу с этим помочь, – гордо огласил он.

И сын ныне убитого Дэнзиса помог. Ему не составило труда вытащить из отцовского гаража четырехместный эндуро, неизменно похожий на мотоцикл. У его подарка даже не было руля, все системы видения – автоматизировали. Как и всё,

чем обладал казначей, эндуро был далёк от минимализма. Яркие цвета, роскошные узоры и золотые теснения – встречались повсюду.

Свой будущий транспорт кукольник увидел только следующим утром, как и просил – не слишком рано. У самого северного края ныне недействующей арены «Бойсдракс» – собрались кукольник, Детектив, и Кан, что приземлился около мини-отряда как раз на подаренном эндуро.

– Молодец, Кан, не ожидал такой красоты, – восхищённо оглядывая летучий байк, огласил кукольник.

– Я от нового Минфина такой щедрости тоже, – пробурчал император.

– Не зря я подарил Империи именно его, – съехидничал мальчишка, забираясь на сидение.

– Вы ведь знаете, что это за место – «Пантеон усопших»? – взбираясь с помощью Кана, прохрипел старик.

– Если без пафоса – дыра сквозь воду ко дну океана. Никогда там не был, но уже скучаю, – счастливо улыбаясь, хмыкнул мальчуган.

– Эта «дыра» находится на северо-востоке от бывшего города Вин-Зой, что стоял в Евразии. Не бойтесь, быть замеченными? – продолжал старик беспокойства.

– А толку бояться? Пусть люди бояться нэогаров, а не наоборот! – выкинул Кан.

Ох и не близкий же путь предстоял этой мини-экспедиции. Радовала разве что скорость эндуро; он мог преодолеть

вать расстояния в разы быстрее, чем было бы по воде.

Не только Империя в состоянии была двигаться к своей цели на всех парусах. Евразия тоже кишела самоотверженными душами; хотя, её король – всё не решался расстаться с Кулаком. Он пообещал себе сделать это сегодня, и уверен был, что сделает. Но пока, по-прежнему болезненно поглядывал на чужую руку, ставшую родной.

За окном светило уже вошло в зенит; ещё немного, и Кир отправится на обед. Такими планами он себя тешил, но вбежавшая в тронный зал Лира, их подпортила.

– Кир, у нас ЧП! Отдел воздушной разведки засёк промчавшихся близ наших границ трёх живых существ; среди двух холодных следов, один из пассажиров оставил тёплый. Кир, у нэогаров человек! И довольно юный, ему нет даже двадцати. Нэогары у нас людей похищают, как они чёрт побери это сделали?! – возмущалась капитан на грани истерики.

Отойдя от лишавших спокойствия слов, удивлённый король взволновался.

– А, ошибки исключены? Нэогары никогда не похищали наших, да и мы бы знали. Родственники били бы тревогу!

– А если они только что его похитили, или... или у него нет родственников? Кир ошибок нет, в эндуро с двумя нэогарами улетает человек, Кир, мы обязаны что-то предпринять!

– Мы не можем рисковать, – вернув хоть долю здраво-

сти, отрезал король. – Это может быть ловушкой, или всё же ошибкой, а ты сейчас только зря распыляешься...

– А если нет?! Если это настоящее похищение? Только представь, представь чувства тех, чей сын или дочь сейчас изнывает страхом в окружении холодных тварей! Представь, что бы ты почувствовал, будь там Алан, или Милена! Кир, мы обязаны это проверить, нам необходимо разобраться! – выдавливая слова сквозь ком боли и сожаления в горле, настаивала Лира. Инстинкты матери говорили за неё.

Киру пришлось задуматься. Давление третьей, несомненно, оказало пользу; он проникся тем трепетом и волнением, которыми девица наполнила зал. Даже если это ловушка, даже если ошибка – сердце короля возжелало помочь даже тебе человека, что мог оказаться в беде.

– Мы знаем, куда они направились? – решительно изрёк Кир.

– Нет, мы отслеживаем все перемещения до нынешнего момента. Траектория будет сохранена, блеснув улыбкой, уверовавшей в надёжность, ответила любимая жена короля.

– Займись подготовкой и проведением операции. Оповести первого и второго капитанов, они отправятся с тобой. Я не позволю тебе рисковать, в одиночку, – строго вставил Кир сквозь назревавшие возражения. То, что Лира захочет быть в первых рядах, глупо было даже обсуждать.

– Хорошо, обязательно, – подбежав к трону, повеселевшая Лира благодарно поцеловала короля. После этого, её бег

продолжился в сторону выхода.

– Будь осторожна, – попросил на прощание Кир.

– А как же, – закрывая дверь, умчалась девица.

– Эх-х, что ж я творю... нехорошо всё это. Нехорошо...–

покачиваясь на троне, убрал Кир руки за голову. Это последний раз напомнило ему о Кулаке, с которым предстояло прощаться...

Расстояние от Империи до «северо-южнее бывшего Евразийского города»– было впечатляюще велико. Но всё же, даже ему не удалось состязаться с той скоростью, что подарил верхам Империи эндуро. Уже к пяти вечера этого дня, установка приблизилась к своей цели. Да, потребовалось порядка восьми часов на весь неблизкий путь, но это в разы лучше, чем столько же дней.

Вряд ли можно было найти слова, способные описать конечную точку утренней отправки. Ничего более поразительного не видали глаза оседлавших эндуро созданий.

Это место было единственным на всём существовавшем свете; у него не было, и быть не могло аналогов. Оно потрясало, будоражило душу и будило мурашки, если была кожа. И дело заключалось не в самом Пантеоне.

Это ветхое, неухоженное, но как ни посмотри внушительное, статное здание – высотой, казалось бы, двухэтажное, хотя на самом деле этаж внутри был один, просто большой – располагалось на дне океана. Да-да, на усланном мелкой галькой высотой со стопу дне океана, чьи воды омы-

вали каждый материк. Но это вовсе не означало, что некогда пышущий лазурными оттенками и красивыми отделками Пантеон погряз в густых волнах. Вовсе нет, он пребывал сухим и чистым, насколько позволяло время. Колоссальный натиск водных течений сдерживали шесть стоявших рёбрами друг к другу стен, из чистейшего льда. Толщина каждой из граней этой призмы создавала львиную долю колоссальности задумки. От края сухого участка, до того, о который плескались волны – с лёгкостью могли растянуться пятьдесят человек, стоявших за спинами друг друга. Если те стенки, что сдерживали воды – были матового цвета сухого льда, внутри – каждая грань шести монументальных льдин была абсолютно зеркальна. Взглянув в любую, не выйдет сыскать ни одного изъяна; зеркала были безупречны.

Сквозь эту «плотину», где-то на окраине мира, уже тысячи лет не смела просочиться ни одна капля порой беспокойных вод; этот «занавес», заслужил лист в учебниках истории.

Соступив с каркаса надоевшего эндуро, кукольник первым погрузил стопу в настил из гальки. Весь его неприметный кед утонул среди мелких камней, но мальчишка, казалось бы, не заметил этого. Он был ошарашен, и уничтожен упоением.

– Вот это местечко! – выдавил человек сквозь безграничный восторг. – И почему я раньше сюда не заглядывал? Столько в жизни упустил, ай дурак... – боясь даже шагнуть, лыбился он.

– Легенды, всё же, не всегда врут... – проронил детектив, преисполненный такой же неуверенностью.

– А не напомнимте, легенду об этом месте? Я как-то её упустил, – признался Кан.

– По легенде, далёкий предок Вайдэра, живший ещё во времена становления четырёх великих держав, создал невиданный ранее водоворот, при битве за Ледяные земли. Бытует убеждение, что размах его гнева потопил не только вражеские силы, но и его собственные. Под гнётом всепоглощающей мощи собственной атаки, выжил только он. Король сумел удивить самих богов, чем заслужил великую почесть. Ему позволили возвести храм, с помощью которого можно связываться с миром мёртвых – безнаказанно. Правда, с одним условием: встреча с мертвецом возможна лишь тогда, когда это одобрит сам Суракс. Появление пророчества, стало знаком одобрения, – размеренно напрягая ржавое горло, поведал детектив.

– Шесть зеркал – как шесть богов шести измерений, что неустанно за тобой наблюдают, из тебя самого, – развеяв руки, саркастично радовался человек. – Забавно, что только в нашем мире – этот пост вакантен.

Вход в сам Пантеон всегда был открыт; у сооружения банально не было двери. Именно в пустом проходе показался невиданно старый нэогар; детектив рядом с ним, казался юнцом. Покрытие старика только и составляла, что ржавчина. С плеч свисала грязная, дырявая, выцветшая уйму раз ман-

тия, на которой не разобрать ни фрагмента. Несмотря ни на что, нэогар жил и даже передвигался, хотя давно утратил дар речи. Только его глаза, горевшие цветом спелой пшеницы, не походили на фрагмент мертвеца. Его беспалая рука указала прибывшим внутрь Пантеона, куда и двинулись гости. Преодолев порог, каждый ступил в мрак бесцветного холла, но вскоре вспыхнули факелы в стенах, и на люстре, что висела под высоким потолком на тугих цепях.

Внутренняя отделка Пантеона давно покинула этот мир; глаз радовали только скульптуры и драгоценные атрибуты, что насыщали собой пустоту мрачных стен.

Можно было долго оглядывать арки, круглые пьедесталы, на которых вечность коротали подношения, но это было ни к чему, когда наличествовал мраморный столб, от пола до потолка; где-то в его центре, слегка наклоняясь вниз – свисала обрамлѐнная золотыми плетениями рама. Еѐ размеры впечатляли; кукольник был примерно с ней ростом, и едва мог обхватить еѐ, если расправит руки. Именно к раме свою истерзанную десницу поднял монах, что служил в Пантеоне непомерно много времени. На неѐ и без того уставились три внимательных взгляда: смятѐнный, восхищѐнный, и недовольный. В таком порядке стояли и визитѐры – Кан, сверкавший зубами кукольник, и хмурый Детектив.

– Вы уже закончили перевод? – обернувшись к старцу, поинтересовался человек.

– Мне не хочется это произносить... – безысходно ответил

нэогар.

– Вы здесь только ради этого! – строго отрезал император.

– От лица великого бога Ментального мира – объявляю: Да будет разрешён прорыв сквозь завесу миров чёрной души, что не способна удержаться в загробном измерении. Да познают сторонники упразднителя четырёх великих стран Вэнтэра, о моём возвращении в Материальный мир. Да будет вам известно, что цена за это – служба великому богу десять поколений семьи той руки, что жизнь мою оборвала. И да познает одиннадцатое поколение убийцы, весь гнев и всю ярость убитого.

У каждого слушателя замерло что-то своё; у кукольника – холодное сердце, у Кана душа.

По окончанию хриплых слов измученного старца, реакции последовало лишь две: кукольник неудержимо засмеялся, от гогота не способный устоять на месте; Кан, изумлённо проронил:

– Нет... это... это правда? Здесь, правда, написано это?

– Слово в слово. А теперь, верните меня в Империю; неприятно слышать шёпот мёртвых.

– Вот уж не думал, что Вэнтэр сумеет вернуться, – лишённый возможности нарадоваться, подавил кукольник смех.

– Миссия завершена, можно возвращаться... – раскачиваясь на ногах к выходу, решил Кан. За ним, без раздумий, последовал детектив, а кукольник остался на месте; он вдумчиво оглядывал раму с пророчеством, неустанно улы-

баясь.

– Отправляйтесь без меня, – выдал вдруг он. – Сегодня я без опаски могу поговорить с любым из Ментального мира, а мне этого очень хочется. Так что, я задержусь...

– Как скажешь, – безразлично продолжил император шагать, выслушав мальчишку.

Капитану третьего отряда «Реокрацу» потребовалось полчаса только на оповещение всех участников грядущей операции. Около часа ушло на проработку сценариев и подготовку людей к возможным развязкам. Зато по истечению этих сроков, на северном берегу Евразийских пустошей – выстроились готовые солдаты. Каждый из товарищей по непонятной миссии облачился в боевой костюм, ничем не схожий с нэогарской бронёй. Теперь, это было лаконичное и удобное покрытие, способное защитить жизненно важные точки, и даровать заметное усиление, как и вооружение. Одинаково снарядились и тридцать солдат «Реокрацу», и три первых капитана, что стояли точно напротив них. Слегка выступал вперёд первый капитан – известный в Евразии как Фрай, а в Империи – как кукольник. Немного дальше, по обе стороны Лира, и второй по силе.

– Наш покой потревожили пугающие вести. Стало известно, что группа нэогаров захватила такого же человека, как мы с вами, и насильно уволокла за собой. Мы обладаем лишь точной траекторией их полёта, и ничем больше. Мы не знаем, куда и зачем спрятали нашего собрата, но мы знаем, что

своих – в беде не бросаем! – впервые повысил свой безмятежный голос лучший в «Реокрацу», что вёл эту речь. – Я никому такого не желаю, но призываю понять, насколько страшно похищенному бедолаге, и насколько горько его родным. Не оставайтесь равнодушными, выложите на полную, и спасите попавшего в беду! – вздёрнув руку вверх, вскрикнул капитан Фрай.

Заворожённые слушатели поддержали мальчишку, и каждый стал ускоренно занимать посты в подготовленных, заведённых вертолётах. Каждый знал своё место в одном из трёх, разделённых по отрядам. Не подавая вида рассеянности, кукольник поступал как все. Но в его голове, неустанно вертелось:

– Как неудачно, стоило удрать вместе с Каном... теперь проблем не оберусь. Хотя, может, это к лучшему; людям не стоит знать о пророчестве, они станут слишком осмотрительны. Да ладно, всегда выкручивался, и сейчас, как-нибудь, выкручусь... – усмехнувшись, определился он.

30 эпизод. Беспощадная судьба

Победа любит оперативность – уверял каждый, кому доводилось её ощущать. Вот и штурм первых трёх отрядов «Реокрацу» был максимально стремителен; хотя, ещё даже не начался. Три вертолёта мчали лишь в паре метров над водой спокойного океана, пока небо продолжало вечереть. Так вышло, что транспорт отрядов разместился наискосок; во главе строя двигалось «судно» с сильнейшим капитаном,

и его людьми. Чуть левее, немного позади – в спину дышала опора второго отряда, за которой уже и команда Лиры, также отходила влево.

Среди капитанов не было ни одного спокойного; да и вообще, на каждом вертолёте не было спокойных людей. Они полнились поводами переживать, хотя кукольник выглядел напряжённой каждого. Не стоит думать, что этот человек забыл улыбаться, нет, тонкая ухмылка осталась. Устав бездействовать, голова кукловода нечто придумала.

Мальчишка уверенно встал с места, опираясь о стенки трясшегося «короба», подступил к пилоту и, заглянув в прозрачное стекло с видом на океан, поинтересовался:

– Возможность сбоев управления наблюдается?

– Нет, системы отлажены идеально, – с долей удивления отрапортовал пилот.

– Ошибаешься, – растянулись серьёзные уста в изгиб улыбки.

Прежде, чем возможно было успеть отреагировать – невинный человек, державший в руках судьбу экипажа, приютил заточенный кинжал в своей шее. Рука Первого не дрогнула, ни когда лишала пилота жизни, ни когда отдёргнула контрольный рычаг влево.

Послушная машина с внушительным винтом на крыше исполнила приказ. Вертолёт завращался вокруг себя, направляясь не по прямой, а в сторону. Его беззащитный нос за очередным разворотом с грохотом ударился о фланг дру-

гого, что нёс в себе членов второго отряда. Это не сумело вызвать взрыв, но наделало много неприятного шума, знатно покорёжило обшивку и что самое неприятное, столкнуло две из трёх единиц транспорта в воду.

Люди научились быть предусмотрительными; при первом контакте с водой на брюхе обоих вертолётов раскрылись плотные воздушные подушки. Это уберегло «суда» от потопления, но вовсе не лишило «травм». Подбитый нос одной, и бок другой железной стрекозы, не было самым страшным. Лопасты одного экипажа, силой вращения снесли те, что оказались поблизости. Сами при этом, сточились в пополам. Отсечённые от крыши винты сумели бы остановить и транспорт третьего отряда, если бы опытный пилот не набрал высоты, чем спас всю команду.

Лира бы с радостью вернулась к товарищам, но времени и так не было. Всё, что могла рыжеволосая девушка – болезненно смотреть на аварию в приоткрытую дверь. Она была смятенна и ошарашена, обеспокоена, точно как волосы, поддававшиеся сильным порывам ветра. Закрыв дверь, она домчалась до пилота, с дрожью спросив:

– Что с ними случилось? Как, как это произошло?

– Я видел не больше вашего, но это похоже на сбой команд управления. Не волнуйтесь, они не утонут; я уже послал сигнал бедствия в Евразию. А мы, приближаемся к обрыву теплового следа, – разъяснил мужичок, вернув внимание капитана к цели миссии.

В головах выбранных на это задание людей, прокручивались разные картинки их места назначения. От неизвестного острова, до подводной станции. Но когда вертолёт взгромоздился над дырой сквозь толщу океана, что удерживали шесть ледяных зеркальных плит, каждый усомнился в своей фантазии.

Вариантов, кроме как опускаться вниз, вместе с вертолётom и десятью входившими в третий отряд «Реокрацу» людьми, пилот не сыскал. Он аккуратно погрузил махавшую лопастями машину в окружение плит, и со всей возможной мягкостью поцеловал её рассыпчатую гальку.

Кукольник, совсем не тот, чьей заслугой стала авария – другой, сидевший на полу в комнатухе «Пантеона усопших», раскрыл сомкнутые глаза. Глубокая голубизна очей над уставшей улыбкой едва замечалась в тенях мрачного угла.

– Судя по всему, моё время вышло, – проронил он, поднимаясь из почти лежавшей позы. Его первым действием стало снятие с крючков на стене старого топора, чья деревянная ручка насквозь прогнила. Это не помешало мальчишке со всего размаха метнуть оружие в раскинутую под потолком люстру. Столкновение оказалось громким; как ни странно, сумело даже высечь искры из центра факельной подставки. Тяжёлая люстра сорвалась с ветхой цепи. Пока она готовила шумное падение, сателлиты освящения – настенные факелы, тоже погасли, лишившись поддержки своей «главы».

Соступившие с высокого порога вертолѐта солдаты, которых Ли́ра пропустила вперѐд – не ожидали той глубины, что утаила галька. Их лики окрасила тень испуга, когда ноги погрузились в камни. Разгребая густые насыпи поднятиями обуви, добравшийся до цели отряд (всего десять человек, включая капитана, что в числе последних покинула стальную стрекозу) насторожено двинулся к цели.

– Быть такого не может... – сболтнул один из команды; он оглядывал Пантеон изумлѐнное всех. – Я видел это здание, Джаин посвятил ему одну из своих картин. Подписью четвёртой живописной работы стали слова – «Мост миров – забытый коридор». По нѐогарским приданиям, в этом месте появляются послания мѐртвых предков...

– Что за сказки? Мы на задании, соберись! – потребовал другой из отряда.

– Я тоже об этом слышала, ещё от самого Джаина, – прозвучал голосок единственной женщины. – Это не наша цель, но лучше имейте в виду всё, что смахивает на нѐогарские письма, – распорядилась полноправная начальница миссии. Людям, пришлось уступчиво кивнуть.

Приведя свои оружия в готовность, первая троица самых решительных людей покрепче сжала фонарики, которыми приходилось мотать из стороны в сторону, вглядываясь в безжизненные стены Пантеона. Отправленные на подобное задание люди готовились ко всему; они понимали, насколько это было опасно, и необходимо.

Хоть глаза не видели ничего, кроме освящённых участков древних стен, воображение старательно рисовало выскакивавших отовсюду нэогаров, а уши улавливали не существовавшие шорохи. Когда напряжение в руках и головах троицы смельчаков спало, пришла опасность. Она оказалась мимолётной; лишь мелькнули две серебристые дуги, пронзившие боковых солдат в районе груди. Истошный протяжный стон оборвался, когда окровавленные мечи покинули готовые к смерти тела, и почти до упора расплосовали крестом третье, остававшееся целым дольше всех. Толчок силача, что держал мечи – выбил раненного насмерть бойца за проход в Пантеон, обратно на «подводную» улицу. Это случилось в миг после первых криков, и сохранявшие дистанцию люди тут же открыли огонь.

Шесть автоматов бездумно палили по бездверной пустоте внутри храма. Эти звуки оружейного шума за пределами нэогарской святыни вернули старейшего монаха к здравью. Только загорелись его пшеничные глаза, где-то в стороне от колонны с пророческой плитой, как красными вспышками засеяла рука, раздуваясь под давлением света. Искры вокруг ржавого железа будто обновили его; из хилой ручонки, плечо нэогара стало широкой многоступенчатой пушкой, чьих бликов хватило на изгнание теней внутри холла.

Наплевав на свинцовый поток, старик встал напротив прохода, и вытянул отяжелевшую ручищу. Из искрившего собранной энергией дула вылетел пылавший алый

шар, с чем-то очень тёмным в своей сердцевине. Шар этот был вполне внушительных размеров, как и то, что его породило. Но размер сказался на скорости; приступившие к миссии люди заранее заметили возможную угрозу, и враспынную отскочили кто куда. Смысл был един – ускользнуть от надвинувшейся угрозы.

Исход оказался успешным, от залпа никто не пострадал. Кроме ледяной стены, в чьём основании раздался громогласный взрыв. Даже сквозь серый дым различались глубокие ветвистые трещины; течи, как и ожидалось от подобной баррикады, не последовало.

– Чёрт, там слишком темно! Проникновение опасно! – не успев и встать после отскока, изложил солдат со змейкой крови на виске.

С пониманием рыкнув, Лира заскочила обратно в вертолёт, где из закреплённого ящика в углу кабины вытащила заготовленную базуку. Развернувшись вместе с носом ракеты на плече к Пантеону – девица из транспорта пальнула снарядом по крыше ветхого здания. Белый дымок из летевшей «кометы» быстро раскрасил купол в центре постройки яркими огненными вспышками. Храм, в отличие от зеркальной призмы – легко поддался огню и половина купола, с которого прежде свисала люстра, камнями всех мастей посыпалась на голову кукольнику и старику-смотрителю. Изворотливый мальчишка ловко избежал встречи с грозившим раздавить булыжником; монах же, не позволил себе такую

роскошь. Пара камней опередила его реакцию, и старец попался под их удар. Двух булыжников с лихвой хватило, чтобы окончательно его раздавить.

Вместе с опадением защиты от осадков, упали и лучи уходящего солнца, разогнав густые тени. Слабые попытки света проявить ситуацию внутри древних стен, явили образ кукольника. К его счастью, одежда на мальчишке всерьез отличалась от капитанской, а всю голову, включая шею – покрывал большой нэогарский шлем. Он очень отдалённо напоминал нынешних нэогаров; казался диким и агрессивным. Сквозь пустые стеклянные глаза не виднелись детские очи; затылок тоже не пропускал взгляду тёмные волосы уцелевшего человека.

Результатом тряски потолка и пола, о который бились массивные камни, стало повреждение столба с плитой пророка. Рама открепилась от мраморной опоры, и с высоты пары метров, рухнула на пол. Золотые плетения, что её обрамляли – уберегли от трещин, как и помогли опрокинуться; со стуком, она плотно прижалось письменами к полу.

Ехидные глаза, спрятанные под маской, заметили беззащитное послание истинного императора. Взмыв с места вверх, кукольник собрался одним из мечей, что сжимали его руки – лишить Евразию ценной сплетни. Но новые шорохи спровоцировали новый обстрел; никто из людей не стрелял прицельно, хоть и куда лучше теперь видел картину внутри храма. Тем не менее, одна из пуль удачливого человека попа-

ла точно в лезвие меча, нёсшего смерть старой рамке. Пролежавший без дела клинок мигом раскрошился, в месте, где его коснулась пуля. Удар кукольника ничему не навредил; только его ноги коснулись пола, как новая свинцовая дробь начинила незащищённое тело. Неестественно вздрагивая от каждого попадания, барон баронов Империи отшагивал назад, не желая падать.

– Прекратить! Что вы устроили?! Это же человек! – на пике гнева прокричала Лира, прорываясь сквозь остолбеневшие фигуры стрелков.

Никто кроме неё не решился рвануть к странному силуэту, походившему на человеческий. Даже не вбежав в проход, девица крикнула:

– Вы в порядке? Не бойтесь, мы поможем, – пообещала она, преодолев невысокий порог.

Но непреклонный носитель нэогарской маски не желал помощи. В его тело попало как минимум пять пуль; из ран сквозь вещи сочилась кровь, хотя несколько меньше, чем полагалось. Даже не смотря на убивавшую боль, что по идее долженствовала уложить кукольника на пол, он подгадал момент и взмахнул оставшимся мечом, намереваясь ранить капитана.

Лира не спроста заняла пост третьей по силе; подставив защищённое предплечье, вместо крови она брызнула искрами. Удар даже оттолкнул девицу, её ноги со скрипом отъехали.

– Что вы делаете? Мы прибыли на помощь! – в изумлённом недовольстве, изрекла она.

Кукольника это не волновало. Он не собирался отвечать; покрепче сжав отведённый клинок, мальчишка пустился в бой. Он с первого шага доказал свою умелость; отлично обращался с оружием, умел и отвлекать, и не отвлекаться сам. Его движения были точны и нацелены на убийство, когда Лира, по-прежнему изумлённо, усердно отражала атаки. Выдернув охотничий нож из ножен за спиной, она старалась мирно противостоять, не нанося поспешных ударов. В её голове так и крутилась мысль, что человек этого не желал, что виной мог быть странный шлем, что подросток напротив, был невинным экспериментом холодных тварей... она ведь не догадывалась, чью улыбку таила эта маска.

Не много времени потребовалось соратникам капитана, чтобы сообразить оказать ей поддержку. Двоя из отряда вбежали внутрь храма; ещё пара, присев на колено – нацелила ружья на гущу схватки. Им приходилось внимательно выжидать, пока кукольник откроется для новой пули. Это не мешало вбежавшей внутрь подмоге сменить оружие на широкие, но не длинные лезвия, выброшенные защитной бронёй над кулаками. Обладая и численным, и оружейным преимуществом над одичавшим человеком, солдаты самоуверенно накинулись на него.

Это не стало большим сюрпризом для ожидавшего бойни мальчишки. Он сам привык быть сюрпризом, так что в пер-

вый же удачный момент задрал левую руку вверх. Из рукава выскочила стальная трость, около полуметра в длину. На такой фокус отвлёкся ближайший противник, чем кукольник с радостью воспользовался. Проведя мечом по его животу, мальчишка лишился одной из проблем. Затем схватил трость, что в обе стороны выкинула острые серпа. Пнув ногой изнывавшего болью оппонента, он заставил его растянуться по полу. Замахнувшись пока ещё чистой «киркой», его намерением стал удар по голове другого помощника капитана. Тут-то вздёрнутую руку посетил точный выстрел; пуля, что вонзилась в районе локтя, заставила кровь густо брызнуть в стороны.

– Забери пророчество, – торопливо крикнула Лира спасённому пареньку. Суматошно отступив, он кинулся обыскивать просторы между валявшимися камнями. Ему неизвестно было, как выглядел искомый объект, и где он таился. Но приказ капитана, не требовал вопросов.

Будто не почувствовав боли, а просто остановившись из-за ударного толчка, рука изворотливого дитя вновь вознамерилась ударить солдата; теперь в спину. Кукольник бы метнул скрытый ранее серп, но тут же свой ножичек вклинила Лира, не позволив рукояти покинуть объятия кукловода. Махнув секачом в сторону врага, девица оттолкнула его, взволнованно крикнув:

– Да что ты творишь? Ты ведь не убийца!

Человек под маской пошатнулся, и издал выдох, похожий

на смех. Стало ясно – мальчишку это позабавило. Он понял, какую проблему составляли стрелки у входа в Пантеон. Резко развернувшись, его бесчеловечная рука выбросила меч, найденный на стенах храма. Какая пуля спасёт от такого? Увы, такой не нашлось. Древняя сталь погрузилась в самое основание шеи перепуганного броском стрелка. Прежде, чем замертво рухнуть на спину, он успел только через силу кашлянуть бордовой юшкой. Ничего не выжидая, кукольник сорвался с места и, сжимая серп, помчался к пока живому добровольцу третьего отряда.

Если и было что-то, способное запереть страх, то это гнев. Ярость и боль – лучший ключ от дверей безумия. Сорвавшись с места, озлобленный «гостеприимством» кукольника воин открыл бесконечный огонь выстрелов одиночного автомата. Так и бежали на встречу друг другу кукольник, и служитель «Реокрацу». Так и сверкали вспышки выстрелов у дула человека, но продолжались шаги и вздрагивания непреклонного носителя маски. Ударом руки – кукольник выбил назойливый автомат. Взмахом серпа – приготовился пробить человеческую голову. Его планы слегка попортил нож Лиры – вонзившись в основание шеи; туда, где каска не загораживала плоть. Стараясь избегать реакции на эту, неожиданную атаку – «капитан Фрай» сделал, что хотел. Его острый серп отнял ещё одну жизнь – отвратным, жутким способом.

– Да как такое возможно? Он начинён пулями, изрублен клинками, его суставы и даже шея пробиты... а реакции нет.

Он... он как Фрол? Боли не чувствует? – задумалась третья по силе.

– Я нашёл! – впервые чей-то голос отозвался радостью. Отправленный на поиски пророчества солдат, среди осколков древних строений, отыскал заветную плиту. Перевернув чёрный сзади холст, его довольному взгляду предстали непонятные буквы. Золотые плетения вокруг и внушительный размер, лишний раз доказали, что именно это он должен был найти.

Звук чьего-то успеха отвлек и напряг кукольника. Вытащив мешавший нож из шеи, он собрался очередным броском устранить конкурента на знания. Тут же вмешалась Лира, дав понять, что либо нож убьёт находчивого паренька, либо спасёт от гибели кукловода, ведь костюм капитана, в отличие от подростковых тряпиц, обладал клинками на кулаках.

Выбор кукольника пал на личную сохранность; первый капитанский выпад, он отразил. Второй – нанёс ощутимый вред и даже вытолкнул мальчишку за амбразуру.

– Забери пророчество и доставь в Евразию! – не потратила Лира свободного момента зря.

Упавший кукольник, тоже не собирался разлёживаться. Согнув ноги, он быстро привстал, плечами ударив живот капитана. Сильным толчком мальчишка сбил её с ног, завалив обратно в Пантеон. Его броска хватило даже на небольшой отъезд по полу, и глухую боль в спине девицы.

Таким чудным шансом на побег воспользовался удачливый ищейка; обхватив раму руками, он помчался к выходу. Внимательно перескочив через порог, его ноги понесли важный груз к вертолёту, что начал заводить свои винты. Однако кукольник всё ещё был против этого; спешно подобрав какой-то мелкий камень, мальчишка со всей силы швырнул его в ногу отрядного. Импровизированная пуля угодила точно под колено, и острая боль поразила бегуна. Упал и он, и пророчество, толчком «побежавшее» по гальке.

– Чёрт, забери его! – пытаюсь встать из мелких камней, крикнул паренёк тому трусишке, что не решился помогать на операции. Чувство вины заставило того покинуть вертолёт, и что было сил рвануть к раме.

Лира к этому времени, успешно скинула с себя изворотливого подростка. С трудом заставляя своё уставшее тело подняться, она сквозь силу произнесла:

– Как? Как ты можешь оставаться живым?!

Кукольник тоже испытывал трудности. Ему, как можно предположить, не боль мешала. Зато дюжина пуль, травмы нервной и костной систем, отяготили контроль.

Непонятно почему, но он молчал. Слова, и даже стоны – не покидали его уста. Лира больше не нашла сил это выдерживать. Пусть человек, пусть ребёнок – он убил, довольно жестоко убил многих из её отряда. Терпение рыжеволосой девицы иссякло. Она с рёвом кинулась к поднимающемуся человеку, ненавистно вонзив клинок ему в самое сердце.

Женский оскал даже испытал удовольствие, погрузив остриё в подлеча до самого основания. Следующим шагом стал удар по голове свободной рукой. Лира храбро сбила надоевшую маску с человеческого лица. Древний элемент идола со звоном ударился о пол, уносясь в один из углов.

Отвёрнутое ударом лицо первого в «Реокрацу» – нехотя повернулось. Лира на мгновение испугалась, увидев лик главы когорты. Увидев эти надменные голубые глаза, ухмылку, с угла которой текла змейка крови. Опустив голубые зрачки к руке, протаранившей его грудь – мальчишка, наконец, заговорил:

– Дорогуша, я и так живу без сердца.

Эти слова увенчались выстрелом, довольно близким, хотя в Пантеоне остались лишь первый и третья капитаны. Лицо третьей, окутала бездна глубокой боли. Указательный и средний пальцы кукольника – срослись в единое дуло, из которого беспрепятственно вылетела пуля. Мальчишка смотрел точно в женские глаза, так что не мог прицелиться идеально; его цель всё равно реализовалась – пуля утонула во чреве капитана Лиры, третьей по силе в когорте «Реокрацу».

Избегая сдавленного стога, возлюбленная Кира спиной рухнула на пол. Она закашляла, и потекла по розовым губам красная кровь.

– Я ведь нацепил эту маску, чтоб тебя уберечь. Об этой тайне никто не должен узнать. Лучше б ты меня не трогала... – с тусклым, даже грустным изгибом губ, заключил пре-

датель.

Не осталось помех, способных его остановить. Дуло вместо двух пальцев продолжало украшать ладонь мальчишки, что неспешным шагом удалился от чужой любви. Перед взором ехидных глаз встал сложный выбор: выпустить пулю либо в уцелевшего солдата, что нашёл пророчество, либо в труса, забравшего раму в вертолёт, либо в сам вертолёт, который понемногу отрывался от каменистых насыпей. Выбор мальчишка сделал мудрый – он пальнул точно по основанию винтов, желая оставить транспорт без основной лопасти. Череда выстрелов не принесла толка. А сзади о себе напомнила Лира. Она, с трудом даже вздыхая, донесла до спины врага старый топор, которым успел воспользоваться кукольник, и сдавлено простонав, вонзила его меж лопаток.

– Я, чёрт возьми, тридцать лет была бесплодна! Я выдержала столько мучений, что ты и не выразишь! Такой шалостью, меня не убить.

Зарывший нос в камни кукольник лишь усмехнулся, переворачиваясь с живота.

– А я и не хочу тебя убивать.

– Капитан, скорей возвращайтесь, пора сворачиваться! – крикнули Лире с вертолёта.

– Кир узнает. Кир всё узнает! Ты будешь гнить в темнице, до конца своих дней! – отклацала девица.

– Ошибаешься, – расширилась улыбка кукловода, пока ноги вставали. – Он ничего не узнает. Нужно тебя задержать.

– Ты – меня больше не удержишь.

– Конечно нет. Задержу не я.

Эти слова казались абсурдом; у кукольника больше не было соратников, на дне океана. Он был одинок и беспомощен, не сомневалась Лира. Но её уверенность рухнула, когда одна из ледяных стен задрожала от непомерно громкого взрыва. Его очаг звучал где-то в центре одной из толстенных граней, что сдерживали напор морской стихии. Это дали понять и тонкие сети трещин.

Кукольник хмыкнул, увидев панику над испугом внутри барышни. Он не отказал себе в ещё одном убийстве. Точный выстрел оборвал жизнь ждавшего своего капитана паренька, на краю винтокрылой машины. Брызнув кровью, он упал внутрь салона, не способный более звать. Это не являлось приделом намерений мальчишки; когда гроыхнул второй взрыв, не менее мощный, чем первый – стена дала течь. В самом её центре разросся огромный напор безудержной стихии, целым водопадом рухнувший на осушенное дно. Это кукольник превратил в прикрытие для нового выстрела, по пилоту билета в Евразию. Лира не позволила навести прицел; она снова собой сбила подлеца.

– Улетайте без меня! Донесите пророчество до Кира! – едва перекрикивая бурливший напор воды, что продолжал увеличивать дыру во льду и даже ломать саму стену – приказала капитан.

У пилота и правда не осталось выбора. Спасти Лиру,

не представлялось возможным. Избежав попадания под многотонный поток, вертолёт стал набирать высоту.

– Судьба порой так беспощадна... – заглянув Лире в глаза, промолвил кукольник. – Но твою, наверняка писал сам дьявол, – ехидно предположил он. Эти слова стали последними, что он мог сказать, а Лира услышать. Безжалостный напор сожрал третьего капитана когорты «Реокрацу». И её, и мальчишку- Лжеца с головой накрыл океанский поток, забрав в бескислородный вихрь.

Транспорт выжившего солдата избежал такой трагичной участи. Пока ледяные стены обваливались внутрь, поддаваясь адски сильным ударам волн, вертолёт с пророчеством взмывал всё выше – на безопасное расстояние. Взглянув вниз, паренек, что берёг ветхую раму, мог увидеть только картину жестокости и ненасытности. Ограждённое от вод место – отдалось морской пучине всё и без остатка. Даже обладая ценным посланием из мира мёртвых, солдат не мог сменить безысходный взгляд. Из десяти выполнявших миссию людей, выжил только он. Среди погибших, была даже капитан.

– Рация работает? – поинтересовался доброволец «Реокрацу» у пилота, задвигая дверь.

– Проверь, я не пользовался, – хмуро ответил усатый дядька.

В мирной Евразии, где вечер одарил народ отдыхом, дела шли своим чередом. Уставшие горожане спокойно прогу-

ливались по улицам, закупались в магазинах, коротали часы за беседами... Напряжённым, в клетке «бесконечного» времени, сидел разве что король. Он не мог забить голову ничем другим, кроме переживаний за Лиру, и миссию, что ей поручено было вести. Словно глоток воды после дневной жары, раздался стук в дверь тронного зала. Открывший её сотрудник третьего отряда «Реокрацу», ненавязчиво вступил:

– Простите король, у меня срочное сообщение, – это стало утешением буре страхов Кира. – Стало известно, что добравшийся до нужной точки отряд, только что покинул пределы вражеского укрытия. С сожалением сообщаю, что выжил лишь один, из всей группы. Среди погибших, третий капитан – Лира.

Лицо, как и глаза короля – опустели. Приоткрытый рот задышал глубоко и громко, будто в зале вот-вот иссякнет воздух. Разгибая спину, Кир всё усердней опирался о трон.

– В ходе выполнения выявилась возможность заполучить некое пророчество, что также было выполнено в рамках задания...

Слова учтвого отчёта всё дальше и дальше отходили от королевских ушей. Они затихали, и на смену им приходила тишина. Где-то далеко слышался неприятный писк, а губы вошедшего паренька продолжали шевелиться, но Кира это не волновало. Он размяк на троне, о чьей мягкости и комфорте блуждали слухи. Но его спина вовсе не отдыхала. Каким бы приятным не был престол, сейчас он бурей ост-

рых раскалённых игл пронзал плоть легендарного победителя зла.

Кир молча встал, со звенящей тишиной в собственных ушах и, обойдя стол – пошёл к двери.

По дороге домой для короля не существовало никого. Он ничего не слышал, не замечал, не желал находиться в этом пустом мире. Мимо проходили люди, что-то говорили, чего-то хотели, но Кир просто шёл. Шёл один, на всей планете.

Его бледная от траура рука открыла дверь домой. Он не хотел туда возвращаться, боялся вопросов своего сына, не знал, как теперь долженствовал поступать. Но войти в дом Киру всё же пришлось.

Сорвавшись с согретого места напротив телевизора, Алан первым рванул к папе. Он подбежал к его ноге, пока король опускался, и усердно стараясь разглядеть маму где-то позади, потерпел неудачу.

– Пап, а где мама? – встревожилось дитя.

– Её... – мёртвую паузу скрасил лишь выдох, – задержали.

Она очень занята.

– Но она же скоро вернётся?

Эти шепелявые слова ударили ножом в сердце короля.

– Да... да, – кивая, проронил он сквозь натянутую улыбку.

В проход из кухни вдруг встала пожилая гостья, которую Кир попросил приглядеть за детьми, пока и он и Лира были заняты. Милая бабуля преодолела смерти и мужа, и сына, но нашла в себе силы приглядывать за внучкой, как и сыном

её опекуна. По-прежнему приятная взгляду Марина – первая женщина планеты, тоже заволновалась, услышав голос короля. Увидев его глаза, что возвышались над головой Алана, бабуля поняла, что Кир просил помощи.

– Алан, идём со мной. Поможешь с ужином, – подозвала Марина мальчишку. Алан отвлёкся и направился к бабушке, которая вовсе не противилась называться так и для чужого внука.

– Ты солгал, – прозвенел голос Милены, что наблюдала за всем, слушая телевизор. – Дважды.

Разбитый Кир даже собрался. Он стремительно поднялся с корточек и, подсев к девочке, которая будто видела, куда нужно было смотреть – замешкался:

– С чего ты взяла?

– Я вижу, когда люди лгут. Я слепа, но ни как все. Меня не окутывает мрак; я вижу облик человека, когда он говорит правду, и теряю его из вида – когда лжёт.

– Ты права. Лира погибла... она не вернётся.

– Жаль, – отвернувшись к телевизору, проронила белокурая дева, – она была хорошей. И, увы, слабой.

Такое заявление вырвало Кира из душевного траура. Он посмотрел на дочь друга широкими глазами, и недовольно выпалил:

– Как ты можешь так говорить?! Она сильнее любого, кого я знаю!

– Но её ведь убили. Разве не это, признак слабости?

Король стиснул зубы; помрачённый агрессией, он вздёрнул вверх руку, желая ударить Милену.

– Почему ты затих? – спросил тонкий голос, пока около девицы дрожала напряжённая рука.

– Просто так, – тихо ответил Кир, опуская десницу.

– Ложь, – заявило неугомонное дитя.

Из чего бы ни было создано живое существо, оно обязано спать. Кто-то чаще, кто-то реже, но по ночам оба материка погружались в покой. Зато на утро, зачастую с первыми проблесками солнца – император Кан уже заседал в тронном зале. Наследие, что он получил, было и тяжкой ношей; попробуй управиться со всеми отчётами и просьбами как госведомств, так и простых нэогаров. От волокитной работы отрывал разве что обед, и кукольник, который как раз пожаловал в зал.

Кан не знал, что случилось в «Пантеоне усопших», но если б знал – совершенно целый, более чем здоровый кукольник, его бы не удивил.

– Скажите, император, в Империи есть закон о неприкосновенности древних Ментальных памятников предкам? – довольным голосом и с приевшейся улыбкой, спросил он.

– Я о таком не слышал. Хотя, этот вопросстораживает, – подняв глаза, заметил нэогар.

– Ну, видишь ли, дабы сохранить свой маленький шпионский секретик, мне пришлось потопить Пантеон, вместе с одной опасной помехой...

– Ты потопил Пантеон? Это тысячелетнее сооружение из льда великого Вайзера? Как?! – не на шутку удивился император, что заставило его слегка привстать с трона.

– Подсобила дежурная подлодка. Жаль, что её тоже унесло течением, – грустно хмыкнув, поднял мальчишка брови.

– Ну неважно, больше «Пантеон усопших» не представляет важности... Как беседа с отцом?

– Знаешь, незавершённой получилась. Я вроде всё узнать успел, но вроде и не всё, – посмеялся барон баронов, усаживаясь на стул около стола.

– А пророчество? Люди захватили его? – вспомнил вдруг Кан, едва отойдя от официоза.

– Да, – растянул кукольник. – Мой секрет был важнее.

– Если эти тёплые хамы узнают о намереньях императора – вряд ли станут мирно ждать его возвращения. Чёрт их знает, что им в голову взбредёт, – растянул Кан, переведя взгляд в окно.

– Ты прав, пока на троне Евразии восседает настолько преданный своему делу король – люди представляют угрозу, – отстукивая пальцами в такт последних трёх слов, задумался интриган. – Возможно, бархатный трон должен сменить хозяина, на более удобного нам...

31 эпизод. Оборотень

Технике всегда было трудно ужиться с природой, особенно если та вставала на пути воинствующей стали. Не много лесов сумело пережить, и уж тем более поставить нэогаров

на место. Одним из таких зелёных уголков по сей день оставался Дарисский лес – непризнанный заповедник, брошенный холодными тварями из-за упёртой непроходимости. Такое безразличное каждому место, стало превосходным укрытием множеству чёрных дел, вечно довольного кукольника. Даже сейчас, прогуливаясь среди высоченных стволов, чьи кроны загораживали небо, мальчишка улыбался. Компанию одинокой фигуре подростка, одетого в обычные вещи, составлял Джой, что оглядываясь, плёлся позади. Его удивляли и даже пугали птицы, издававшие звуки с макушек деревьев; белки, бегавшие меж переплетённых веток.

– Не мог свой «центр усиления» где-то поближе сделать? Всю ночь идём, так ещё и по этому отхожему лесочку... – вякнул бывший капитан.

– Поверь, усталость твоих ног окупиться, – легкомысленно ответил кукловод. Обычно он стремился чесать языком небо, но сейчас, хоть и лыбился, выглядел задумчивым. – Какие же тут проблемы с навигацией, – остановившись, буркнул путевод.

– Ты же не хочешь сказать, что заблудился?

– А разве кто-то хочет? Тем не менее, говорить приходится... – прищурившись, оглядывался «Фрай» по сторонам.

– Да как ты можешь собственную лабораторию потерять?! – негодовал Джой.

– Да не бойся, ничего я не терял, – рассмеявшись, хлопнул мальчишка друга по плечу. – Мы на месте, – объявил он,

подступив к стандартно толстому для этих мест дереву. Даже втроём взявшись за руки, обхватить его основание не удалось бы, а это было далеко не самое крепкое деревце. Тем не менее, кукольник без усилий зацепился рукой за край коры, и отодвинул её часть, словно дверь. Вниз, к корням многолетнего исполина, уходили ступени, из прочного дерева. Они, вероятно, спускались довольно глубоко, раз их касание с лабораторией покрывали тени.

– Внутри тебя встретит другая кукла, а мне нужно вернуться в город, – вновь посмотрев на изумлённого паренька, сообщил кукольник.

– И сколько у тебя этих кукол? – начав шагать к слегка пугавшему входу, поинтересовался Джой.

– Достаточно, чтобы держать контроль покрепче, – растянулись губы в косую улыбку.

Некогда четвёртый по силе в Евразии, с долей переживания наступил на первую ступень. Шагнув на вторую, уверенности прибавилось; так продолжалось пока на пятой, дверь – пускавшая свет, не закрылась. Недовольно выдохнув, Стаффис аккуратно продолжил спуск в почти полном мраке, пока не наткнулся на вполне современную, сероватую дверь. Толкнув её, паренёк попал в просторную, светлую комнату, напоминавшую реанимационную палату. Из основной обители медицинского духа были проходы в ещё три отсека, меньших по размеру. Из одного, не закрытого дверью – слышался голос:

– Как можно так долго спускаться?

– Можно и быстрее, зато я кости уберёг.

Мальчуган решительно направился к источнику звука. Войдя в обустроенную как уголок отдыха комнатку, он увидел кукольника, что сидел на небольшом диванчике, одной рукой отрабатывая удары по клавиатуре ноутбука. Его внимание направлялось в экран, хотя вторая рука, тоже не осталась без дела. Тонкими пальцами и самой кистью правая длань мальчишки утопала в мягкой шерсти усатого мурчавшего кота. Не стоит думать, что питомец кукольника был привычной глазу кошечкой. Удивлял и серо- Синий цвет густой пушистой шерсти, и размер почти спавшего животного. В Евразии высота и длина мурчащего тела, считалась бы большой для домашнего телевизора; лёжа клубком около кукловода, кот занимал больше места, чем его хозяин.

– Быть не может... откуда у тебя кот? – ахнул Джой.

– Ты не представляешь, сколько всего можно встретить в Дарисском лесу, – хмыкнул кукольник. – И насколько трудно это «всё» приручить...

– Я и не думал, что ты любишь животных, – поведал Джой, решив погладить шевелившего хвостом кота. Стоило пареньку протянуть руку к уху зверька, как его мирная морда исказилась, испустив шипение, а лапа нанесла точный удар по запястью. Царапина осталась глубокая; когти крупного кота были остры. Вскрикнув, Стафис отдернул руку, а кукольник закрыл ноутбук и, соизволил предостеречь:

– Трогать его не стоит, Кор диковат с чужими...

– Спасибо, я вижу, – осматривая выступившую кровь, кивнул мальчуган.

– Ну что ж, пора за дело, – направился владелец лаборатории в главное помещение.

– Ты так и не ответил, что за возможности я приобрел? – последовал Джой за Фраем.

– Из множеств красивых легенд, больше всего, я люблю сказания об оборотнях, – загоревшись улыбкой, преступил самоучка к подготовке оборудования. – Миф о гориллах, что ростом порой превышали нэогаров, поражает универсальностью зверей. Они обскакали прочих приматов своим слухом, чутьём, скоростью, из-за чего были ценным трофеем для любителей охоты. Только представь, горилла и волк в одном флаконе... я бы приютил такого зверька.

– С кормёжкой не справишься, – решил Джой присесть на стул, за спиной кукловода.

– А тебя Детектив кормит, – насмешливо ляпнул улыбака.

– На что это ты...

– Готово, – вставил сквозь чужую речь кукольник. Он подготовил вертикальный стенд, на котором, по задумке, должен был стоять Джой. По форме человеческого тела свисали с него тугие ремни, нужные для фиксации. – Я решил не бить по твоим клеткам со всего размаху, не будем грузить ДНК большим набором геномов. Заложим пару волчьих признаков, и посмотрим, что выйдет, – почти пригласил ра-

душный кукольник Джоя на стенд.

Недоумённый взгляд кандидата в оборотни лишь мельком оббежал «пьедестал», после чего паренёк отшагнул назад.

– Это что за обездвизиватель? Зачем столько ремней? – оторопел он.

– Ну, мои предыдущие гости вели себя достаточно буйно, вот и приходилось их подвязывать... Неизвестно какой станет твоя реакция, а мне разгром ни к чему, – ехидно окончились пояснения.

Не скрывая недоверия во взгляде, Джой всё же наступил на нижний край связного панно. Начав стягивать ремни по размеру паренька, кукольник не удержался от размышлений вслух:

– А я ведь знал, что ты мне поможешь. Будучи нэогарами, мы не успели сдружиться; нас связывали только отношения меж странами. Но даже тогда, я заметил, насколько мы похожи. Не мне называть кого-либо трусливым, но в этом – мы преуспели, – заглянув в серые глаза, набравшиеся печали, загнул кукловод.

– Я не жалею, что сбежал из военного лагеря. Не жалею, что по моей вине отца так просто убил Вэнтэр. Неважно ради чего, но Сталис отнял жизни, ни в чём не повинных людей!

– Ну да, всего-то ради возможности встретиться с тобой. Мы – ценим свои жизни выше любых чужих, и к чему это привело? Из всех кого мы знаем, живы только мы. Парочка воскрешена, парочка только собирается, ну а мы в здравии, –

засмеялся кукольник, занявшись ремнём на шее. – И скажи, разве за всё то время, что я прятал тебя в Евразии, мы не стали друзьями?

– Не знал бы я тебя, решил бы, что ты отличный человек. Но я знаю, и понимаю, что ты просто хочешь моей преданности, – заглянув в голубые глаза кукловода, блеснул Стафис слабой улыбкой.

– Нэогарский принцип – услуга за услугу, – не стал больше клеветать мальчишка.

– Мы не нэогары. К тому же и правда схожи, а ты самый знаменитый веролом.

– Поэтому и взываю к дружбе, – ухмыльнулся Фрай, – мне пригодится поддержка сверхчеловека.

– Давай я для начала выживу, а потом разберёмся, – решился Джой, заметив, что кукольник перестал вести подготовку.

Улыбчивая голова кивнула, подняв со столика объёмный железный шприц. Его игла была средней длины, зато выглядела толще, чем хотелось бы.

– Волчью сыворотку я пушу в твою кровь по сонной артерии, так клетки проще перестроят ДНК. Думаю, будет больно...

Кукольник даже не выдержал паузу; пока Джой с опаской слушал, игла успела утонуть в закреплённой шее. Под громкие крики палец сильнейшего в Евразии максимально быстро впрыснул сероватую жидкость в тело подопытного.

Отрывистые крики превратились в один сплошной истошный стон, под который густой раствор разбавил бессмертную кровь. Конец вопля ознаменовали сильные подёргивания, крайне схожие с судорогами. Тут и пригодились ремни сковавшие Джоя; неконтрольные движение не нанесли ему вред, и не дали пасть со стенда.

Конвульсии не могли длиться вечно; бессмертное тело, наконец, перестало шевелиться. Не было приступов удушья, пены изо рта, повторных воплей... Джой безжизненно повис на ремнях.

– Да ну, и ты что ли помер? – озадачился кукольник, отстёгивая крепления. Оперативно освободив бездвижное тело, кукольник перенёс его на кушетку, напротив панно. Уложив податливого бывшего капитана, кукловод сел рядом, с загнутой губой недовольно его осматривая.

– И где ж я опять ошибся? – задумчиво поднёс он кулак к щеке. Улыбка с лица пропала, остался уныло растянутый край губ. Но даже он исчез, когда Джой глубоко вздохнул, подскочив со спины. Его сомкнутые глаза широко распахнулись, явив продолговатый зрачок внутри золотого багрянца...

Солнце только начало свой путь по небосводу, поднявшись выше горизонта лишь на четыре пальца. Король Евразии. уже был в тронном зале. Ему невыносимо стало находиться в родном доме, где упругую кровать приходилось греть в одиночку. Где вскоре проснётся Алан, и вновь

задастся вопросом о маме. Кир понимал, что это трусость – побег от проблем. Но сил у него, больше не было.

– Кир, простите за ранний визит, – молвил первый капитан, незамеченный королём. Тяжёлый взгляд вдовца не спугнул Фрая; он закрыл за собой дверь, и пояснил:– Я с докладом, и соболезнованиями...

– Спасибо...– проронил король, – О чём тут можно доложить? – его голос был сух и хладен.

– Экипажи первого и второго отрядов вернулись на посты. Полученное пророчество отдано в центр изучения, расшифрованную версию вам донесут.

Кир равнодушно покивал, глядя на стол перед собой.

– Мне правда жаль, что так вышло. Если бы не та авария...– решил оправдаться мальчишка.

– Нет смысла искать виновных, когда преступник очевиден, – заключил Кир. Фрая, а вернее кукольника, от этих слов передёрнуло. Даже голубизна его глаз почернела, а лицо стало таким жестоким и нелюдимым, что позавидовал бы сам Вэнтэр. – Это нэогары пленили человека, они посмели приблизиться к нашим границам! Но я это прекращу. Я заставлю их холодные головы забыть дорогу к нам, – фанатично завёлся король, тихим агрессивным голосом.

Фрай, скинув тяжбу стоять на краю разоблачения, мигом обмяк и чуть на пол не сел.

– Надеюсь, вы не станете глупить и развязывать войны?

– Н-е-е-т, – наслаждено ответил красноволосый победи-

тель зла. – Я не глупее императора. Моим путём – станет сожжение моста единства. Я уничтожу песчаную грань между нашими мирами...

Глаза хозяина бархатного престола горели такой злобой, только при поединке с Вэнтэром. А кукольник так надолго забывал об улыбке, только в день гибели своего отца. Мальчишку впечатлили, и насторожили слова короля. Ему расклад не по душе пришёлся.

Кукольник, даже если отмести интересную внешность, вечную улыбку и забавную манеру речи, всё равно удивлял. Его главная сила, как и родитель прозвища, была способность одновременно находиться в нескольких местах. К примеру, он заседал и в тронном зале Евразии, и в тронном зале Империи, где его компанией, являлся император Кан.

– Ты задумал сменить Евразийского короля? – с тенью насмешки, переспросил нэогар.

– А почему бы и нет? К тому же, в свете последних событий, это станет моей главной целью...

Мечтательную пресыщенность интригана побеспокоил Сталис, пробравшись в тронный зал.

– Вы оба здесь? Значит, вернулись из Пантеона... что выяснили? – полюбопытствовал заместитель.

– Император вернётся в наш мир, – объявил Кан, чем вызвал у нэогара гримасу недоверия.

– Да чтобы Суракс, одобрил прошение Вэнтэра вернуться в Материальный мир, да никогда! – уверенно заявил Ста-

лис. – Я знаю только одно существо, самовлюблённой Вэнтэра, и это бог Ментального мира. С чего ему лишаться такой подстилки под свой трон?

– А это нам ты должен рассказать, – усмехнулся кукольник. – Ты имел с ним дело чуть больше двухсот лет. Да и при жизни, уверен, что-то узнавал. Колись, какова цена пророчества?

– Обычно, это клятва о службе на определённое количество времени, – набравшись учтивости, ответил Сталис любопытному подростку.

– Десять поколений, это ж около двухсот пятидесяти лет, если наследники Кира будут рожать в двадцать пять, – кивая, ухмыльнулся кукловод. – Вот это Вэн прогнулся...

– Но если речь идёт о воскрешении – крайне редкой форме договорённости, вряд ли Суракс ограничился только сроком службы. Наверняка, Вэнтэр пообещал ему солидную жертву, в виде новых душ, – отвращено предположил бывший король.

– Двести пятьдесят лет, – снова проронил кукольник, ухмыляясь задумчивей.

– Это хоть что-то. Если Сталис прав, даже это – чудо, – напомнил Кан.

– Я понимаю, но это вот совсем не по плану, – прищурил мальчишка глаза. – Я думал, ну лет сто, а тут на тебе, в два раза больше. Это многое отягощает... – растянул он с теньвой улыбкой.

– Да уж, больше тридцати двух лет, что ты пожил изгоем, – ляпнул заместитель.

– Я-то могу и тысячу прождать, не заржавею. А вот вы, – вернулся кукольник в настрой ехиды, – вы-то помереть успеете... Я сам Империю не потяну. Моё положение слишком удачно, чтобы позволить какой-то смерти отнять всех соратников, – решительно улыбаясь, кукольник покинул тронный зал.

– Интересно, что его «котёл» уже «сварил»? – обернулся Сталис к Кану. Император – пожал плечами.

Потрясение в когорте «Реокрацу», осталось неприятным осадком в сердцах каждого добровольца, вступившего в ряды семьи оборонителей. Не только третий, но и любой другой отряд с сожалением отнёсся к трагичной новости. Гибель половины развед. отряда могла, как задать настрой проигрыша, так и разжечь стремление никогда больше не переживать подобных дней. Самоотверженные, храбрые солдаты – выбрали путь усердства. Их самоотдачу, рвение к успеху, выразил в первую очередь седьмой отряд. Под личным руководством бородатого капитана, вооружённые словарями и древними текстами, что оставил Джаин, сотрудники «Реокрацу» перевели пророчество, добытое ценой жизни Лиры. Капитан, в чьи руки вверили информационную плиту – при первой же возможности доложил королю. Не было на лице Кира насмешливее недоумения, чем после услышанных пророческих слов.

– Мой одиннадцатый внук, познает гнев императора? Вы сами слышите, этот абсурд?

– Это сказано словами рамы. Мы – лишь перевели... – понимал капитан, реакцию короля.

– Император был сильным, удивительным человеком. Но воскресать – нонсенс даже для него. Вы нигде не ошиблись? – придавил сомнениями Кир.

– Я обучался письменами, расшифрованными самим Джаином. Помимо бесценного опыта, я получил знания о тесном взаимоотношении нэогаров с Ментальным миром – измерением умерших. Я перевёл надпись на красивой раме, и ничего не могу утверждать. Но когда осторожность, была лишней?

– Хочешь сказать, вероятность возвращения императора, существует? – озадачился король.

– Вероятность всегда существует. И лучше, пусть остаётся вероятностью, – учтиво подметил капитан.

На выкрашенную в красный голову короля, свалилась ещё одна проблема, ещё один повод от переживаний не спать по ночам. Ещё одна причина добиться отделения от Империи. В его душе возрос новый столп, опиравший рвение несгибаемо стоять до конца. Но он пошатнулся, когда дверь в зал пропустила шестую в «Реокрацу». Киру известны были их тесные отношения с Лирой; подруга погибшей жены, была как осколок трагедии в глазу.

– Простите, я помешала, – усомнилась она в соевей свое-

временности.

– Нет, я уже закончил доклад, – покрепче сжав руки за спиной, ответил седьмой. – Оставлю вас, – добавил он, направившись к двери.

– Надеюсь, хоть у вас нет плохих новостей? – спросил король, оставшись наедине с капитаном.

– Я не знаю... я здесь не по работе. Мои новости связаны с плохим, но наверняка несут в себе хорошее, – подступив к столу у трона, молвила она. Её рука приподняла бумажный конверт, что она протянула Киру. Взяв кремовую обёртку письма, паренёк увидел след от поцелуя, оставленный на стыке смыкавшихся граней. Помаду на бумаге, он мигом узнал; именно этим розовым оттенком чаще всего пользовалась погибшая третья по силе.

– Лира просила отдать вам это, ещё за день до войны. Она сказала, это вас утешит, если с ней что-то случится. Может, и сейчас сработает... – подобрала девушка момент, чтобы покинуть тронный зал.

Такого напряжения Кир не ощущал уже давно. Всего один конверт, «заклеенный» поцелуем – разворотил его едва мирное сердце. Вскрыть сомкнутые грани послания всё же пришлось, любопытство взяло верх. Под отошедшим язычком затаился листок, что Кир с опаской вытащил. Уткнув глаза в аккуратные буквы, он оживил голос милой рыжей девицы, что наполнила тёплыми словами безжизненный тронный зал.

– Я очень боюсь, что ты это всё же прочтёшь. Я боюсь принести в твою жизнь боль, своей слабостью. Но если это случится, прими мою гибель стойко. Ещё с нашей первой встречи, я поняла, насколько сильный передо мной человек. Я увидела потенциал великого героя, и убеждена – моя любовь не будет предана. Я бы с радостью поделила с тобой вечность, но пророй, не успевала делить и минуту, за это прошу простить. Тридцать один год, весь мир казался мне бездонным океаном, пока я, наконец, не вдохнула свежий воздух встречи с тобой. Не отказывайся от пути героя, и греми величием так громко, чтобы я услышала это с любого света.. Мои глаза, всегда будут приставлены к тебе

В конце этих слов не стояла точка. Она там не нужна, ведь продолжение сказанного Кир слышал всё той же душой, и мыслям Лиры не нужна была кульминация. Продолжением станут воспоминания, волной захлестнувшие короля. Он не жил прошлым, но прошлое – помогало ему жить.

Нынешний злейший враг людей, если покопаться в истории, должен быть её лучшим другом, как любой нормальный родитель. Хотя, куда уж там... всё, что связано с Империей, сложно назвать нормальным. К примеру Чан, в ночь прощания с тем, кого он считал сыном, самолично назвал всех людей частью себя; он признался, что ему было больно наблюдать за их рабскими муками. Позднее, узнав о смерти Джаина, технолог сменил точку зрения; он возненавидел людей. Правда, ни всех. Остались единицы, к которым толи уваже-

ние, то ли страх, держали его в узде. Один из них, ни безызвестный кукольник, как раз пожаловал в «Грааль науки».

– Чан, мы имеем шанс поболтать? – ухмыляясь, спросил мальчишка.

– А я имею шанс отказать? – обернувшись, насторожено уточнил нэогар.

– А как же. Правда, разговор и тебе стал бы полезным, – с ноткой мрака в голосе, пообещал человек.

– Трудно устоять, – покидая рабочее место, прекратил Чан ломаться.

Куда же направиться собеседникам, если хочется уединения? В самое скучное крыло дворца – музей+. За последние две сотни лет там побывал только Вэнтэр с баронами, да кукольник. Уже уловив суть обращения мальчишки, профессор отрёшённо изъяснил:

– Я многое успел надумать, но и представить не мог, что вы попросите о создании новых бессмертных тел. Ваша семья так любит удивлять...

– Да, я не могу остаться в одиночестве, среди новых непроверенных чиновников. Мне важно сохранить до возвращения Вэна хотя бы вашу троицу... – устало умилился кукольник.

– Я понимаю, для чего бессмертие мне – императору потребуется доверенный технолог в новой жизни. Зачем Кану тоже ясно – опытный генерал, доверенный заместитель. Но ради чего удлинять жизнь Сталиса? В теле человека, он ста-

нет бессильным.

– Его оружием всегда был ум; «особый механизм», лишь формальность.

– Поэтому, вам не составило труда захватить страну под его командой? – выразил Чан несогласие.

– Просто моё оружие, оказалось мощнее, – ухмыльнулся человек.

– Это необходимо, чтобы дождаться возвращения императора, но обрадуется ли он, нашему уподоблению? Не захочет ли обратить наглуую плоть прахом в первый же день?

– Я уверен, Вэни поймёт, насколько важен ваш вклад, и позволит это ухищрение, – растянулась улыбка.

– Если существуют гарантии, что ваши идеи не обернутся моей смертью, я помогу. Но в любом случае, на создание бессмертных сосудов потребуется время, порядка года. Думаю, шанс на потери, мизерен.

– Я думаю также. И надеюсь, на как всегда высшее качество результата, – немного подтянувшись к стальному собеседнику, выразил кукольник свою волю. Чан уловил настрой мальчишки; вставая с места, он непринуждённо подметил:

– Если вечные тела станут народным достоянием – нэогары вымрут. Этого император и избегал...

– Его новая жизнь – породила эпоху людей. Смерть же – подводит к концу эпоху нэогаров, – отрадно хлопнув ладонями, закинул человек ногу на ногу. Такая реакция смутила учёного, но он без разбирательств удалился. Едва выйдя за

дверь, нос профессора уткнулся в усердно чего-то ждавшую фигуру Сарцина, что безразлично оглядывался по сторонам. Заметив показавшегося учёного, Минфин радостно удивился.

– Вы уже закончили? – озвучил он.

– Да, – растерянно ответил нэогар.

– Тогда позвольте, – возжелав навестить музей, подвинул он Чана в сторону.

Среди пыльных стеллажей и древних трофеев, не было проблемой взглядом засечь кукольника. И кукольнику не составило труда заметить нэогара.

– Ух ты, решил историю подучить? – скопил мальчишка уста.

– Нет, история мне не нужна. Мне нужна математика, и я её отлично знаю, – дружелюбен был Сарцин.

– Стало быть, ты здесь за мной?

– Да. Вы, к сожалению, не сможете мне помочь, зато повлиять на помощь – только в ваших силах. Очень кстати мне повезло услышать о задумке одарить определённых нэогаров бессмертными телами. Они, несомненно, важнее Империи, чем я; поэтому, мне остаётся лишь попытаться купить тело человека.

Кукольник засмеялся, услышав это заявление. Его смех как всегда был спокоен, не казался злобным.

– Императором был подписан указ, о запрете распространения бессмертных тел как товара. Ради меня новый импе-

ратор внесёт поправки, а вот ради тебя... – растянул мальчишка загадочные слова.

– Я не люблю историю, но знаю, какие неприятные вещи таит в себе Ментальный мир. Ради безопасности от его ужасов, я пошёл на предательство собственного отца, и встал на тернистый путь главы богатейшего рода. Мне уже поздно отказываться от этой мечты, – учтиво пояснил Сарцин.

– Хм, купить значит хочешь... это будет не дешёвое удовольствие, – затаился под улыбкой мрак.

– Уверен, мы достигнем соглашения, – расслабленно улыбнулся казначей.

Кукольник от того и носил своё прозвище, что в мире мелькал лишь куклами. Очень узкому кругу живых известно было, где таился оригинал, и каким он был. Тем не менее, даже куклы не обделялись условиями жизни; обычный человек не продержится на нэогарской улице и пяти минут, но кукольника не трогали. Будто каждый нэогар знал, что за мальчишка так смело шагал, и не трогал его. По полным нэогаров улицам человек добрался до многоэтажного дома; из дворца он прекрасно виднелся, находился в центре столицы. Обладание квартирой в подобном месте, считалось роскошью; хотя ещё большей роскошью казалось наполнение этого жилья. Всё – от мебели до столовых приборов, внушало богатый размах. Отделка, портьеры, освещение, пол – будто цельная картина, нарисованная золотом.

Мальчишке отрадно было вернуться домой; он скучал по

тихому уютному убежищу. Первым делом ноги отнесли его на кухню, где кукольник с вожделием приступил к готовке своего любимого напитка, горячего шоколада. Помешивая тягучую тёмную жижу, чей пар давно пленил его душу, мальчуган отложил серебряную ложечку и, обняв обеими руками объёмную чашку, направился в гостиную.

Только его тяжёлый выдох растворился в объятиях мягкого дивана, как входная дверь издала звук. Будто кто-то обладавший ключом тоже вернулся домой, хотя кукольнику было известно – ключом владел он один. Когда замок сдался и дверь отварилась, за порогом очутился Сталис.

– Разве я давал тебе ключ? – с насмешкой спросил ребёнок.

– Ключ мне дал «особый механизм», – закрыв дверь, молвил заместитель. – Я хочу увидеть Стафиса.

– Уломаю его на пару новых фотографий, – отмахнулся кукольник, наслаждаясь шоколадом.

– Я серьёзно.

– А я нет. Ваша встреча обязывает к разговору, а он этого не хочет. Как и месяц назад, два месяца назад, полгода назад, год назад, четыре года назад... – устал мальчишка тянуть время.

– Я теряю стимул к работе. Начинаю забывать, ради чего помогаю тебе, – набрался нэогар суровости.

– Эй, так не честно! В нашем дуэте шантажист я! – почти серьёзно, посмеивался кукловод.

– Ничто не вечно, – холодно ответил Сталис, так и не сдвинувшись с места.

– А как же твоя любовь к сыну? Уж она-то вечна, – хмыкнул мальчишка.

– Как и твоя с Вэнтэром любовь к вранью. Её тоже не искоренить.

– Ой, серьёзно, ты всё ещё злишься? Ну обманули, ну убили, великое дело. Воскресли же, – легкомысленно был кукольник, как всегда.

– Значение имеет только вероломство, лицемерие, которыми вы шли к победе. Подлость присуща многим, но Вэнтэр – апогей облика поддонка.

– Нет никого, кто желал победы больше него, но он понятия не имел, как её добиться. Выходом стал вариант сплести сеть из интриг и лжи, что придумывал и воплощал никто иной, как я. Если хочется потыкать нашу победу острыми словцами, тыкай в меня, но не трогай Вэна.

– Так ты вернулся, дабы сохранить его светлую память? – проникся Сталис теновой серьёзностью.

– Нет, но под шумок – не позволю её порочить, – с прежней улыбкой, но мрачными глазами, пообещал кукловод.

Ещё один повод изумляться персоной кукольника – собранность и расторопность каждой его куклы. Неважно где, с кем, зачем – любая кукла знала своё дело, и ни за что не упускала цель. Вот и отдалённая от дневного света марионетка, дорвалась до желаемого результата.

В скромной лаборатории, организованной мальчишкой под деревом Дарисского леса, свои «волчьи» глаза открыл Джой, вероятно, первый удачный опыт кукловода.

– Ты всё-таки выжил! – восторженно выпалил улыбака, подскочив с кушетки.

– Я бы так не сказал, – решил Джой почесать голову, но едва он провёл пальцами по коже – вскрикнул, отдернув руку. Вместо аккуратных ногтей пальцы его венчали острые когти, а сама рука полнилась надутыми венами. – Меня будто что-то изнутри жрёт, – болезненно озвучил он, сдавив живот.

– Это регенерация подавляет развитие чужеродных клеток. Наверно, так должно быть, – предположил мальчишка. Он приподнял подбородок Джоя, чтобы заглянуть в его глаза, и осмотреть в целом. Помимо вздутых вен на лбу и шее, лёгких покраснений щёк и узких зрачков внутри золотого багрянца, отклонений от человека, не было. – Как ты меня видишь? – полюбопытствовал кукольник.

– Очень хорошо, – отмахнул Джой чужую кисть.

– Может, что-то чувствуешь? – с ещё большим интересом звучал довольный голос.

Бывший капитан стал принюхиваться, будто и правда что-то засёк.

– Твоего кота, – обернувшись назад, выпалил он.

Самодовольный сине-серый кот, высотой по колено, устало вышагивал из комнаты. Едва завидев повернутый лик волка, Кор гневно зашипел, вздыбив мохнатую шерсть. Как

ни странно, Джой ответил на это громким глубоким рыком, которым заставил здешнего любимца, поджав хвост убежать. Громкий свирепый звук не единственное, на что кукольник обратил внимание. Острые белые клыки, длиной как удвоенная норма, тоже заставляли впечатлиться.

– Оу, прости, я не хотел, – осознал паренек, насколько глупо выглядело противостояние с котом.

– Ничего, я ведь перестроил твою ДНК; инстинкты зверя теперь живут в тебе на всех правах, – ухмыльнулся кукольник.

– И, где же та мощь, ради которой я здесь? Или когти и нюх, по-твоему – предел?

– Что ты, конечно нет. Хочешь увидеть нечто интересное, так готовь глаза, – отходя от кушетки в сторону стола, где царил бардак, несколько загадочно утих кукольник. Джой смотрел ему в спину, ожидая что-то увидеть. Но идею мальчишки, он и увидеть не успел. Глаза Стафиса заметили лишь итог действия «мощи», которую обещал кукольник.

Бывший капитан сжимал в кулаке обычную ручку, грифелем нацеленную в его глаз. Расстояние до зрачка сосавляло длину ресниц, что говорило о скорости и ловкости юного первого капитана Фрая. Ведь именно он метнул в чужой глаз стержень для письма. Казалось бы, рука Джоя сама всё сделала, вне зависимости от внимания человека. Такая реакция, такой уровень скорости при угрозе, недоступен обычному люду. Но Джой, перестал таковым являться.

Незримый выпад кукольника впечатлил бывшего капитана. Хотя, больше его впечатлил собственный перехват, но сильнейший в Евразии не захотел прекращать испытания. Его опущенная вниз рука отёрнулась назад, заставив тонкую, едва заметную на ярком свете нить, привязанную к ноге паренька – потянуть за собой оборотня. Стафис упал на спину, от неожиданности размахнув руками в стороны. Моментом уязвимости бессмертного тела тут же воспользовался кукловод. В этот раз, его руке удалось захватить скальпель, идеально заточенный.

Холодный металл без помех погрузился в грудную клетку упавшего человека. Местом его проникновения стала область сердца; кукольник знал, куда бить. Утонув почти наполовину, скальпель не мог обойти кровавый мотор стороной. Этого не углядеть, но остриё обязано было пронзить незамеченный орган.

Лишь крик и дрожь последовали после удара. Когда мальчишка вырвал окровавленный металл – из раны хлынула кровь. Она густым потоком захватила и одежду Джоя и пол лаборатории, но это только ускорило процесс прекращения кровопотерь.

Раздвинув запачканные вещи, можно было увидеть лишь тонкий след от бывшей раны, и больше ничего. Кроме разводов красной юшки, разумеется...

– Регенерация, в точности как я планировал. Мне – итог по душе, – помогая «кровавому» пареньку встать, улыбаясь,

озвучил кукольник.

– Ладно, в этом что-то есть. Но будь добр, впредь готовь к возможной смерти, – не мог отдышаться Джой.

– Тогда, в чём интрига жить? – почти злорадствовало ехидное лицо...

32 эпизод. Ледяные земли

Мир богат удивительными местами. Некоторые потрясают души своей непревзойдённой красотой; некоторые – леденят кровь кишащими отовсюду угрозами. Но существуют и одинокие, всеми забытые, крайне мирные места. Такие, а их очень мало – удивляют холодком отрешённости.

Нэогарам никогда ничего не доставало; требовались солидные усилия, чтобы из их голов вылетели мысли об увеличении своих территории. Порой, об этом заботилась сама природа, создавая непереносимые их телами условия. Но стальные твари те ещё упрямы; превращали даже самые отхожие места в свои тайные резиденции.

После войны двух континентов, каждый, ввязанный в них, казалось бы, нашёл себе место и в мирное время. Но это коснулось всё же не всех. Ведь только сейчас, лёжа на замёрзшей земле, где сквозь сухой снег местами виднелась чёрная почва, глаза Вайдэра блеснули синим светом жизни. Сквозь помехи, его тусклые очи снова загорелись. На перезапуск систем жизнеобеспечения потребовалось некоторое время. Вайдэр не сразу заметил, что лежал под небольшим слоем мелкого снега, который порой смахивал ветер. Что вокруг

него на всё видимое пространство раскинулись ледяные пустоши: местами возвышались айсберги, прямо из земли; местами почву не покрывал снег, и виднелись твёрдые от холода каменные тропинки; среди всего ландшафта не было снежных сугробов; порывистый ветер, не позволял им собраться. В какую сторону ни глянь, пределом видимости будет густой туман, отступавший от далёких берегов мёрзлого острова. Хотя даже по дальности видимой грани, можно было сказать: остров – малое словечко, для этих земель.

Придя в полное сознание, назначенный императором адмирал поднялся. Всё время пока он вставал, внимание нэогара не привлекали чужие рука и нога, установленные вместо оторванных. Их прикрепили довольно грубо, размер заметно отличался, да и расцветка тоже. Красные узоры на голубом фоне не вписывались в лазурный тон облицовки последнего короля Валлона.

Наконец, внимание Вайдэра привлекла замена утерянных конечностей. На его задумчивом, растерянном лице вспыхнул гнев, испачканный отвращением. Он дёрнул «чужой» рукой, после чего вцепился в неё своей, в попытке вырвать из запянного плеча.

– Глазам не верю, – из-за спины нэогара раздался до боли знакомый, вечно довольный голос. – Я уж думал, ты никогда не оживёшь, – поведал он, бесшумно подступив к барону.

Эта кукла оделась в тёплые вещи, но они не могли спасти её от холода, который царил на земле в кольце тумана. Тем

не менее, улыбка, стойка, голос, и даже взгляд мальчишки, не выказывали признаков дискомфорта.

– Чёрт подери, это ты приделал ко мне эту дрянь? – не на шутку гневно, поздоровался нэогар.

– А кто ж ещё. Тебе необходимо полноценное тело, – улыбнулся человек пошире.

– Мне необходимо избавиться от его руки с ногой! Кто позволял тебе трогать тело Винро? Кто просил чинить мои раны? – не готов был Вайдэр успокоиться.

– Слушай, я не знаю, где топор вашего с ним раздора, но он давно мёртв, и ты собственно тоже. Если с помощью его частей ты сможешь вновь подчинить «лазурный механизм», нам обоим это на руку.

– Я не желаю быть хоть как-то с ним связан! Или убери от меня эту хрень, или подожди, пока я доберусь до тебя! – вновь нэогар постарался отсоединить крепкую десницу.

– Вайдэр, скажи, каково твоё последнее воспоминание? – добро спросил улыбчивый ребёнок. Нэогара это остановило; он позабыл о ненавистной руке. Ненадолго уйдя внутрь себя, барон ответил:

– Мой флот, его потопили. Потопили на войне Вэнтэра! – почти радостно осознал он.

– Именно. Что-нибудь ещё?

– Нет, только это. Что с войной? Он победил? – неподдельно любопытствовал Вайдэр.

– Нет, проиграл, – растянулись губы в косую улыбку.

– Поделом этой паскуде, – даже улыбнулся нэогар. – А что со мной? Я считаюсь убитым?

– Да, ты мёртв с момента имперского проигрыша.

– И, конечно, никакого города с памятником Вэнтэр мне не возвёл? Я не удивлён... – отвращено махнул он головой.

– Я тоже, ведь с того света сильно не покомандуешь, – хмыкнул мальчишка. – Вэнтэр убит, жаль не также как ты. Его – смерть забрала по-настоящему.

– Ха-ха, он здох? Его прибили? ДА! – взвизгнул барон. – Ура! – огласил он на всю ледяную пустыню.

– Подожди радоваться, это не самое весёлое. Знаешь, когда всё закончилось? Восемнадцать лет назад, – поведал кукольник, и лик Вайдэра помрачнел. Наигранное веселье исчезло без следа. – Именно столько времени ты провёл здесь, со дня потопления. И весь этот срок я тоже был здесь, выжидая твоё пробуждение, – набежал под улыбку мрак.

– Что? Нет, это невозможно. Я не мог так долго валяться в отключке!

– Ты лишился всей левой части своего тела, а затем перенёс пересадку чужой руки и ноги. Безопасного нам с тобой места кроме Ледяных земель, я придумать не смог, но здешняя температура не идёт на пользу ничему. Она тоже тормозила процесс самовосстановления. Но главное ведь, что ты всё же ожил, – разведя руки, огласил мальчишка.

– Откуда твоей головёшке известно о Ледяных землях? Верха Валлона что, впустую столько тысяч лет хранили этот

полюс в тайне?

– Да как ж я мог не знать? В своё время, мы ведь были хорошими друзьями, – отрадно вспомнил он.

– О н-е-е-е-т, – с недовольной ухмылкой, растянул Вайдэр. – Мы не были друзьями. Мы были доверчивым дураком, и вероломной тварью!

– И ты туда же? Почему у вас всех одно и то же обзывательство? – ехидно отводил человек тему.

– Ты, выходит, и в Зимнем замке побывал?

– Край догадливости, – своеобразно похвалил кукольник нэогара. – Мне нужно было абсолютно безопасное место, для хранения себя настоящего. Знаешь, давно хотел спросить, на черта все короли Валлона, начиная с Вайзэра, который эти земли отвоевал – так усердно скрывают северный полюс даже от своего народа? К чему этот маскирующий туман?

– Высунь нос из чужих дел. Иначе, отмёрзнет, – подтянулся Вайдэр к усмехнувшемуся мальчишке.

– Жалко на вопросик ответить? – невинно тянулся кукольник к знаниям.

– Раз уж ты меня псевдо спас, я отвечу. Это место – гарант безопасности наших королей. Здесь можно спокойно переждать любую войну или революцию, если дело запахло порохом.

– Хм, разумно, – одобрил подросток методы Валлона.

– Твой настоящий зад в Зимнем замке? Какого чёрта выходец Витры забыл в чужом укрытии?

– Видишь ли, едва покинув Империю в теле человека, я столкнулся с проблемой проживания и питания. Конечно, гордыня не позволяла вернуться обратно; пришлось переправиться аж сюда, раздобыть криокамеру, и увековечить своё бессмертное тело. Конечно, мозг остался активным, должен же я контролировать своих связных. Куклы стали моими глазами, ушами и ртами; благодаря ним, я могу ощущать любимые вкусы, греться на солнце, улавливать ароматы... Чан всё же непревзойдённый гений.

– Ну хватит этой милой чепухи. Я знаю – ты живёшь ради выгоды. Знаю, что услышу требование оказать услугу, за услугу. Говори уже, на черта помог выжить? – иссякло нэогарское терпение.

Кукольник похихикал, не раскрывая рта, и побегав глазами по заснеженной земле, ответил:

– Спас я тебя, опасаясь, что Магну на войне не прикончат. В теле человека, или нэогара, она всё равно отыщет это место, и сделает всё реальное, ради моей кончины. Она наплюёт на запреты, забудет о жалости и, боюсь, я могу пострадать. Для предотвращения такой неудачи, мне и нужен ты, – снова зажглась отрадная улыбка на детских устах.

– Ахах, о да, я помню день вашей свадьбы. Первая в нашей истории попытка продолжить род без посторонних вмешательств. Жаль, я не застал это будучи живым, – посмеялся Вайдэр. – С ней ты поступил ужаснее всего. Собственно рочно убить свою невесту ради помощи Вэнтэру в войне.

Небывало мерзко, – взял нэогар инициативу ворошить прошлое. Его слова полнились призрением, но рот скалился.

Кукольник тоже улыбнулся, хотя грустные глаза опустил вниз.

– Ну и поделом этой стерве; будет знать, как меня предавать... Валлон оказал Витре множество услуг, взамен – мы получили порабощение. Не пошёл бы ты к чёрту со своими просьбами? – набрался Вайдэр былого задора.

– А знаешь, кто сейчас император? – ехидно спросил мальчишка. – Кан, – почти сразу сам и ответил. – И заместителя его ты отлично знаешь, это Сталис. Выберешься с Ледяных земель, и ни то что не избавишься от частей прежнего короля, но и вовсе помрёшь, снова. Кому такое нужно?

– Поэтому, мне стоит торчать здесь, оберегая твой седальник? Если я валяюсь уже восемнадцать лет, почему Магна не заявила раньше?

– Ну, она дамочка осторожная, да и не так просто отыскать Зимний замок. Я изначально давал ей на это лет пятьдесят, если не смогу перебраться в Империю, – пояснил кукловод. – Раз всё сложилось именно так, могу предложить взамен на помощь мне, новое тело тебе. Вэн уже послал пророчество, с обещанием вернуться, примерно через двести лет. Поможешь мне дожить до того момента, и как только Вэни вдохнёт жизнь, получишь обещанное им бессмертие. Сталис кстати, уже получил, – дружелюбно плёл свою сеть кукольник.

– Да ты врѣшь чаще, чем меняется погода; с фи́га тебе верить? – вознегодовал бывший король.

– Ну хотя бы потому, что мои слова даруют надежду. А это ведь лучше, чем возврат в Ментальный мир, – под человеческой улыбкой, затаился мрак.

Вайдэр призадумался, остудив разгорячённый пыл. Он строго посмотрел в глаза мальчишке, несгибаемо стоявшего напротив.

– Дьявол с вами, в Зимнем замке ты настоящий; предашь – сам повидеешь мёртвый мир. По рукам! – протянул нэо-гар стальную длань. Кукольник с улыбкой пожал массивную десницу...

Время страшное оружие; помимо лечения, оно неизбежно убивает. Время может бежать вперёд, менять судьбы, людей, но оно не властно заставить измениться бессмертную плоть. Многие в Евразии пережило перемены, но они обошли стороной начальника научного развития. Давний друг великого революционера вот уже четырнадцать лет бился над своим последним подарком людскому народу. Эта цель, была рубежом его постоянства; он давно пообещал кардинальную перемену своей жизни, как только инструмент раздела «двух миров», будет завершён.

Мужичок с недлинной бородой вернулся в свой кабинет, на втором этаже центра научного развития. По коридору вместе с ним проходили сотрудники последнего бессмертного; их не слабо удивляло умиротворённое лицо технолога;

обычно, он был угрюм и задумчив. В его правой руке крепко держался продолговатый кейс, очень непривычной формы. Он напоминал объёмный прямоугольник, длиной около полутора метров. На верхней крышке была ручка, на внешней грани замочек с вставленным ключом; в общем, нечасто встретишь такую кладь.

Кабинеты второго этажа научного центра изобиловали окнами; собственно, только они и ограждали комнатки от коридора. На всех рамах крепились жалюзи, ограждавшие внутреннее пространство от чужих глаз.

Профессор, наконец, переступил порог своего кабинета. Мягко закрыл за собой дверь, подступив к столу, аккуратно поставил на него удлинённый кейс, и развернувшись к двери, тяжело выдохнул. Направившись вначале к левому окну, дабы закрыть жалюзи, он наполнил офис словами:

– Одним и тем же делом, вечно заниматься невозможно. Особенно, если давно утратил к нему интерес, и лишился последнего смысла, продолжать делать. Одно и то же блюдо, вечно есть невозможно. Особенно, если оно пресное, и голода больше нет. Также с жизнью, – закрыв жалюзи на последнем окне, он развернулся к столу. – Вечно жить невозможно, особенно, если радости жить давно нет, а смысл – утрачен с воплощением мечты. – Мужичку хватило времени осторожно отодвинуть рабочий стол к центру кабинета, не позволив кейсу упасть. Его рука приоткрыла верхнюю шухлятку, где лежал один единственный револьвер. Герд поднял его, уми-

лѐнно попятившись к стулу, почти упѐртому спинкой в стену. – Мне остаѐтся только завидовать Джаину, познавшему старость в кругу семьи; императору, что до последнего не желал смерти; семнадцати бессмертным солдатам, чью жизнь оборвало стремление к великой цели, – «растаяв» в кресле, начальник учёных погрузил дуло пистолета в раскрытый рот. – Они не познали тлена бесконечности, их души не связала гниющая пустота. Мой конец иной. Но он мой.

Прежде, чем палец сдавил курок, глаза мужичка крепко зажмурились. И наконец, раздался долгожданный выстрел, окрасивший кабинет последнего бессмертного кровавыми разводами.

Вздрогнул весь научный центр; в особенности испугались те, кто был близок к кабинету профессора. Кончина давнего друга Джаина, наделала много шумихи...

Не во всей Евразии дела были настолько громки и печальны. В Белом дворце, к примеру, стояла тишина и безлюдье; по светлым коридорам за раз проходило не больше двух людей. Один из двух, что двигался напрямую к тронному залу, был кудрявый паренѐк, лет семнадцати. Одевался он без лишнего пафоса, хотя доля солидности присутствовала; единственным местом его внешности, где царил «бардак», была голова. Непослушные кудри рушили общий вид опрятности. А он, судя по всему, не противился.

Даже без стука подростковая рука открыла дверь в королевский кабинет. Но трон, на который пал первый

взор, был пуст. На стуле, справа от престола – сидел кукольник, что-то чёркая на бумаге. Минуло столько времени, а он не изменился. Всё тот же капитан, которому скоро семнадцать.

– Капитан Фрай? А где отец? – с ноткой смятения, спросил мальчик.

– Его минут десять назад снова забрали в больницу, – оторвавшись от работы, слегка удивлённо ответил кукольник. – У вас что-то срочное?

– Нет, просто, хотел позвать его на обед... – огорчённо выдавил заботливый сын.

– Я вскоре закончу здешние дела, и отправлюсь к королю. Не волнуйтесь, прослежу, чтоб он плотно поел, – учтиво пообещал кукольник, добро улыбаясь.

– Спасибо, но я лучше сам к нему съезжу. Если он в больнице, в этот раз, с ним что-то серьёзное...

– Вы правы, Алан. Компания родного человека пойдёт ему на пользу, – не уставал кукловод держать искрению улыбку. Её утёр открывший дверь человек – молодой, но одетый официально.

– Простите, разрешите доложить? – спросил он у капитана.

– Что-то случилось? – несколько взволнованно молвил Фрай.

– Глава центра научных разработок, совершил суицид. Он выстрелил себе в рот, – не смея поднимать глаза с пола, до-

ложил человек.

– Ничего себе, – выпалил кукольник, встав с места. – В его голове конечно жили таракашки, но к чему их разбрасывать? – недоумевал лучший в «Реокрацу».

– Мне сообщили, что его последней волей стал запрет на вход в посмертный кабинет любого, кроме короля. Мы не можем нарушить традицию последнего слова... – всё также прятал паренёк глаза.

Кукольник с понимаем покивал, загнув губу в недовольную ухмылку.

– Алан, – обратился он вдруг к кудряшу, – жизнь порой несправедлива, и конфузна. Наш лучший технолог перед смертью желал всего одного: визита короля, который, к сожалению, не может бегать по Евразии. Если и есть достойная замена твоего отца – это ты. Я не могу советовать, но считаю, так было бы правильной, – хлопнув мальчишку по плечу, покинул капитан тронный зал.

Алан остался в окружении лишь своих мыслей, что быстро склонились на сторону кукловода.

Не только первая идея о человеке, но и сам первый человек некогда покинул левое крыло первого этажа замка императора. Сейчас – дом Чана, что он любил называть «Гралаем науки», занимался сохранением здоровья последнего созданного им человека. Ежегодную общую проверку бессмертных людей проводил лично автор этого глобального проекта. Вот уже двенадцать лет, имперский технолог, чьё

стальное лицо раскрашивали чёрно-белые узоры, числился среди мертвецов. Жива была только память о нём, и оживляло её его новое воплощение. Низкий, щуплый, с тонкими усами под острым носом, одетый в тёмно-фиолетовую жилетку на белую рубашку и тёмные брюки, узкие очки, прикрывавшие строго область глаз, где на месте зрачков горели маленькие красные точки, в напоминание о круглых коралловых очах – таков теперь был лучший профессор Империи Чан. Волосы его были темны и коротки, казались зализанными даже слишком. Тонкие пальцы на венозной ладони выдавали пристрастие работать через силу, хотя человеку это только вредило. Именно эти пальцы подвели к концу осмотр более импозантного человека.

Перед учёным, которому на вид было за сорок, полураздетым сидел паренёк, которому с натяжкой можно было дать двадцать семь. Его густые недлинные волосы чисто серебряного цвета были первым, что поражало. Затем следовали глаза, выказывавшие недовольную усталость, самое частое строение Сталиса. Вытянутое лицо, широкие плечи, крепкая комплекция – часто встречались в образе бессмертных; этот человек, исключением не стал.

– Я закончил, можешь одеваться, – в нос озвучил Чан. – Мои поздравления, Сталис, ты в норме.

– Терпеть не могу этот ежегодный день, – торопился заместитель императора покинуть лабораторию.

– Мы должны прожить две сотни лет. Я обязан за вами

следить, – в сторону прогундосил профессор. – И напомни об этом Кану. Он, я вижу, не торопится...

– Ни мне дорого его здоровье, – у самых дверей отмахнулся Сталис. – Тебе он нужен, ты и зови. У меня другие заботы... – из коридора докричал паренёк.

– Эх, – вставая, выдохнул Чан. – И ради чего я это делаю...

Хрустальный трон на верхнем этаже дворца холодного материала, снова грелся, будучи опорой императору. На нём вновь восседал человек, увы, не тот, которого по сей день стремился увидеть глаз; отчёты разбирал мужчина, если и старше тридцати, то ненамного. Волос на голове он почти не носил; скулы были выделены, подбородок покрывался лёгкой щетиной.

Вдумчивую занятость императора потревожил главный технолог, отперев дверь в зал.

– Кан, сегодня день обследования. И ты об этом знаешь, – заявил профессор.

– Я не желаю в этом участвовать. Император ни одно не посетил, и никогда не жаловался, – размеренно отказал монарх Империи.

– И почему я всех уговариваю? – устал Чан за последние двенадцать лет. – Если помрёте раньше времени, видит император, я тут ни при чём, – будто самому себе, довольно тихо оправдался профессор, пока двери размеренно смыкались.

Уверенность Кана в верном решении пошатнулась; он

нервно выдохнул, откинул ручку, и встав с трона, крикнул:
– Ладно, подожди! – укрывая волнение под громкостью слов.

Император всё же догнал учёного в коридоре, присоединившись к спуску по лестнице.

– Неужели осознал, что только творец знает все тонкости творения? – даже не глядя на Кана, с долей высокомерия молвил Чан.

– Я просто вспомнил, что должен делать всё, ради надлежащего возвращения императора!

Чан усмехнулся, саркастично покивав. Кан же отвращено отвернулся...

Юная надежда Евразии на будущее без серых туч, всё же решился исполнить последнюю волю начальника центра развития науки. Почти совершеннолетний сын короля, явился в коридор второго этажа опечаленного самоубийством центра. Около двери, за которой недавно гроыхнул выстрел, собралось не меньше десяти человек.

Алана быстро узнали приближённые к управлению; один из государственного совета, само с собой новый его участник, пропустил паренька поближе к двери.

– Где твой отец? Последней волей был его визит, – припомнил мужичок.

– Да, я знаю. Но он сейчас в больнице, и не известно, когда сможет прийти. Чтобы не позволить телу отравить воздух, я решил, что смогу заменить отца. Я ведь его прямой наслед-

ник, – подавляя волнение всеми силами, Алан держался молодцом.

– Возможно, ты прав. Ради общего комфорта, можно немного поступиться правилом... – согласился чиновник. Он отвёл дверь в сторону, открыв юному наследнику достаточный проход.

Алан шагнул внутрь, и дверь за его спиной прикрыли. Молодое лицо отвращённо сморщилось, отвернувшись в сторону. Учёный стал первым трупом, которого мальчишка увидел вживую. Искривлённая челюсть, раскрытая макушка, разводы высохшей крови, вроде несильно ударили по психике мальчишки. Он с сожалением и неприязнью осмотрел безжизненное тело. Кроме неприятной головы и руки, свисавшей вниз, удалось заметить вытянутый палец правой десницы, что указывал на стол. Сам стол в центре кабинета не имел значения; зато кейс, вернее то, что в нём – было очень важно.

Эта идея захватила мысли паренька. Алан, казалось бы, даже забыл об опасениях. Не очень спешно он подступил к столу, провернул ключик внутри замочка, вытащил изогнутую помеху из петель кейса, и свободной от замка рукой – поднял крышку прямоугольного хранилища. С первых секунд разъединения сомкнутых краёв, мертвецки тихий кабинет освятило красное сияние, что мощно испускала внутренность кейса. Покрытые бордовыми бликами глаза Алана захлестнуло удивлённое восхищение.

Сила яркости помешала его зрачкам отразить на себе содержимое кейса. Она же, помешала его рукам возжелать поднять последнее творение лучшего технолога. Ключ к его успокоению.

Это была массивная, отдалённо напоминавшая меч конструкция. Высотой серебристая рукоять была бы Алану немного выше пояса; в отличие от гарды, выполненной в виде двух крыльев – самого очевидного символа свободы, эфес лишился особой символики: на нём выгравировали спираль. Размер каждого крыла оригинальной гарды, немного превышал ладонь наследника короля. Даже учитывая это, меж символическими росписями уместилось ярко-бардовое жерло, что дымилось красным паром и кипело мелкими пузырьками. Оно источало львиную долю красных отблесков, покрывших кабинет. С противоположного края, на конце строения меча, находилась закруглённая пластина, что словно шапка надевалась на край. Она, вероятно, служила предохранителем, не позволяя «магме» утекать. Касаясь её ровной грани, на клинок была накинута скоба. Нижний её край спилили наискосок, точно как грань второй скобы. Они отлично сочетались друг с другом; идеально соприкасались, укрывая под собой бурлившую жижу. Верх третьей скобы, как и низ второй – тоже скашивался. Зато низ третьей снова был прям; он не замыкал весь чудо-меч; от него, до рукояти, испаряясь, растекалась менее яркая энергия, чем та, что горела в гарде.

Каждый элемент поразительной конструкции, однознач-

но наделялся своей, важной функцией. Но бессмертный учёный не забыл и о моменте наставлений; через все три стабилизатора, ровными буквами выгравировано было: «Великому королю – великий меч; великому народу – великая свобода!».

Эти слова вдохновили Алана; прочитав их, он восхитился ещё сильнее. В его сердце расцвело желание прикоснуться к мечу, ощутить его мощь, стать первым из рода Кира, чья рука взгромоздит ключ к свободе от холодных тварей. Правая десница сжала волнистую рукоять. Левая – подхватила первый стабилизатор. Под слабую улыбку поднялся потрясающий меч, покрыв лицо Алана густым напором света. Ощущения контроля над кипящей «магмой» способны были захватить любую душу; это чувство власти, было самым тщеславным из всех.

Оборвался момент уединения наследника неожиданно; из открывшейся двери раздался хрипящий голос Кира:

– Алан, не стоило тебе сюда приходить.

Даже стоять королю помогал первый капитан. Кир серьёзно болел; это не скрыл бы никакой грим, хотя он и не думал им пользоваться. Волосы легендарного победителя императора всё ещё краснели. Прямо как сосуды на жёлтых белках глаз, вокруг которых ютились морщинки. Кожа короля была бледна и шершава; её близкий к кремовому цвет отлично контрастировал с чёрными венами, проступавшими на местах не укрытых одеждой. Почти каждая жила Ки-

ра виднелась сквозь кожу, самым тёмным оттенком красного, почти чёрным. Это выдавала левая рука, шея и лицо; всё остальное, укрылось от глаз. Помогал даже Кулак, что за прошедшее время покрылся сетью царапинок и потёртостей; хотя бы одна из рук не пугала симптомами сепсиса.

Король не подавал вида, что ему было безумно трудно держаться, хотя и Фрай и Алан знали, какие муки приносило настолько запущенное заражение крови.

– Такие картины не для детей, – собрав волю в кулак, выпрямился отец.

– Пап, мне через месяц восемнадцать. Да и, я хотел как лучше... не хотел, чтобы ты покидал больницу.

– Я говорил точно также, но король наотрез отказался думать о себе, – невзначай вставил Фрай.

– Мне уже сорок, но я всё равно со страхом переступил этот порог. Лучше побереги свои нервы, – с заботой посоветовал король. Его внимание давно привлёк красный свет и меч, что юный принц вернул в кейс. Но только сейчас, переведя взгляд со своего чада, Кир выдавил:– Неужели, это орудие раздела?

– Да, – вспомнил растерянный мальчик, – думаю, наш технолог хотел, чтобы ты его нашёл, – отойдя в сторону, признался он. – На нём ведь так и написано – «Великому королю – великий меч».

Кир, оживившись, ни без помощи капитана, подошёл к столу. Упиревшись об него руками, измученный болезнью

король добавил:

– А «великому народу – великая свобода». Не думаю, что Герду было важно, кто найдёт этот меч. Я уверен, ему было важно лишь то, кто этим мечом воспользуется. Кто, подарит нам свободу.

– Если меч генерирует Магнэрайс, и действительно способен разбить тектоническую плиту, только задумайтесь о последствиях. Хлынет тряска, что сотрёт все города! – дружелюбно вмешался первый в «Реокрацу», который тихо вздрогнул, при упоминании о разделе.

– Ты преувеличиваешь, – заключил Кир. – Не зря меч Магнэрайс создавался четырнадцать лет; профессор наверняка всё предусмотрел...

– При всём уважении, вы затеяли игру с миллионами жизней. Если бы вы попросили о разделе меня, я бы не стал брать такой страшной ответственности, – ненавязчиво предупредил капитан.

– Я понимаю, – кивнул Кир. – Но у меня есть наследник, и я возлагаю надежды на него, – улыбнувшись после взгляда на Алана, огласил родитель. – Тебе предстоит снять с моих плеч ношу короля; я верю, что ты совладаешь с Магнэрайсом, и навсегда даруешь людям безопасность.

– Я... я буду стараться, – неискренне улыбнулся Алан, под давлением отцовских надежд.

– Капитан Фрай, позаботьтесь о неприкосновенности оружия раздела. Присвойте мечу Магнэрайса кодовое название

– «орудие ММ» , – выпрямив сутулую спину, распорядился Кир.

– Но король, вас необходимо вернуть в госпиталь. Вы сами не...

– Я провожу, – звонко вызвался Алан. – Мы с папой стали редко видеться, стоит наверстать упущенное, – взяв роль опоры короля, добросовестно приступил сынишка к делу.

– Будьте аккуратней, – учтиво улыбнулся кукольник. Подступив к кейсу, он закрыл его крышку, сменив улыбку на недовольную. – Чёрт! – прозвучало в его голове. – Уничтожил бы эту штуку, едва покинув научный центр. Но я ж теперь за неё в ответе; отличный ход предпринял Кир. До чего же он прекрасный король, аж раздражает, – усмехнулся мальчишка, будто злой не всерьёз.

Время в компании родного человека, чья жизнь уже давно близка к закату, необходимо ценить выше любого самородка. Если пренебречь живым любящим сердцем, можно разбить своё, когда то утратит жизнь. Алан поступил совершенно правильно, проведя с отцом остаток дня. Но под вечер, хотелось бы им этого, или нет, будущий король вернулся домой. Домом для семьи из короля, принца и принцессы, вскоре после смерти Лиры, стал Белый дворец.

Белоснежная девчушка с глазами цвета тёмной сирени заняла покой своей матери. Прежде, в этой комнате жила королева Инесса, теперь, её слепая с рождения дочь. Чаше всего девицу можно было встретить за довольно странным делом.

Она смотрела в окно из «своего мирка», опираясь на подоконник. Смотрела внимательно, будто что-то могла разглядеть. Ей не удастся увидеть дивную картину вечерней Евразии; она бы заранее заметила вернувшегося Алана, но мальчишка остался не увиденным. Зато услышанным, сразу после открытия двери её покоев.

– Милена, ты ужинала? – проявил «брат» заботу.

– Нет, я не голодна, – повернувшись к парнишке, ответила она.

– Хоть обедала?

– Я совсем не голодна, – качнула она головой. Молочные волосы длиной до плеч качнулись вместе с ней, что Алан не заметил, пока беззвучно усмехался. – Ты что, один? Киру снова стало хуже?

– Да, он в госпитале... заражённая кровь отравила и второе лёгкое; врачи опасаются, что без присмотра, он может задохнуться... – нехотя, часто прерываясь, поведал паренёк.

– Это плохо. Без сильного короля, любой народ станет слабым, – взволновалась Милена.

– Значит, ты о народе переживаешь? Тебя не болезнь отца беспокоит?

– Самочувствие Кира меня тяготит куда больше, он был ко мне добрее многих. Но добрее всех, был ты. Если тебе предстоит занять трон после него, сильный король должен вырастить сильного короля. Боюсь, Кир ещё не всему тебя обучил, – рассуждала принцесса эмоциональным гласом, но

ХОЛОДНЫМ ЛИЦОМ.

– Знаешь, ты сейчас сказала, прям как он. Папа уже возложил на меня надежду разделения материков, хотя я только сегодня увидел этот меч, с силой Магнэрайса, или как его... я хочу, очень хочу сделать всё, что должен, но боюсь... не могу не бояться, что облажаюсь.

– Я люблю честных людей. Ты – честен со мной всегда. Честен даже сейчас. Но если ты скажешь:– «Я не справлюсь», то солжёшь. Прошу, не лги, – сомкнула Милена пальцы замком.

Алан на выдохе улыбнулся, опустив смущённый взгляд.

– Я не помню, какой была моя мама. Отец говорит, что она была сильнее него, и добрей тебя. Но я, даже не могу себе это представить, – крепко обняв кузину, по-настоящему расслабился Алан за весь этот долгий день...

33 эпизод. Смерть

С самого утра небо хмурилось. Нежную синеву загородили серые тучи, укрыв ранее солнце от сонных глаз. Но даже такой толстый намёк на непогоду – Сталис проигнорировал; серебряноволосый паренёк, которого трудно застать бодрым и довольным, сейчас выглядел взволнованным. Одевшись соответственно погоде, в плащ цвета металлик поверх синей кофты, и тёмные брюки, что спадали на туфли, он добрался до тугой ржавой двери, в подвал типичного нэогарского дома. Уняв хоть часть переживаний, заместитель императора постучал в дверь; достаточно сильно, чтобы быть услышан-

НЫМ.

– В эту дверь стучишься только ты, Сталис. Остальные, просто входят, – послышался придиричивый голос Джоя изнутри. Толстая дверь хорошо блокировала звуки; голос сына, Сталис услышал нечётко. Приняв его слова за приглашение, он с трудом отодвинул дверь.

– Стафис, тебе ещё вчера надо было прийти на обследование. За здоровьем следует следить, – убеждал гость, что двигался на кухню, к источнику слов:

– Я не хочу никуда ходить. Кукольник без этого всю жизнь обходится, и ни разу не жаловался.

Бывший четвёртый капитан готовил к поеданию целую тарелку хлопьев, щедро залитых молоком.

– Кукольник не лучший пример для подражания, – качнул Сталис головой.

– Собственно, как и ты. Тебе не надоело навещать сюда каждую неделю? Мне вот – надоело.

– Нет, я понимаю, за неделю ты не умрёшь, но...

– Но умрёт Детектив, – выдохнув, вставил вдруг мальчишка. Его взгляд мгновенно переместился с тёплой тарелки, на глаза отца.

– Детектив...

– Да. Этой ночью. Утром, его глаза уже были темны...

– Последний год он был совсем плох. Возможно и к лучшему, что теперь он среди предков, – более решительно, продвинулся Сталис к сыну.

– Тебе стоило это знать. Теперь, ты знаешь. Во дворец я с тобой не пойду. Причин оставаться, у тебя нет, – утопив ложку в почти остывшем молоке, отрезал Джой.

– Что это за грубость, – протяжно, явно с широкой улыбкой выкинул кукольник, где-то по близости к кухне. – Разве так отвечают любимым родителям? – решил улыбака поучить Джоя манерам.

– По твоей логике, я ответил правильно, – сухо отсек бывший капитан.

– Ты знал, что Детектив умер? Почему не рассказал? – набросился Сталис на кукольника.

– Умер? Как так? – почти реалистично изумился подросток. – Хотя не страшно, его помощь теперь не обязательна, – равнодушно вернулся он к улыбке.

– Что значит «необязательна»? Он необходим и Империи, и мне! – вознегодовал Стафис.

– Это зачем? Собирать сплетни я и сам смогу, а ты вернёшься в Евразию, – дружелюбно указал кукловод.

– Что?! – хором вскрикнули сын с отцом. – Евразия ему опасна! Он ведь считается предателем! – первым успел огласить Сталис.

– Да и я туда не хочу. Что мне там делать? – восполнил тишину Джой.

– Что-то поразнообразней, чем сидеть в подвале. Ты хоть не забыл, как небо выглядит? – насмешливо ляпнул кукольник. Ему надоело стоять без дела; он решил порыться среди

полок чужого жилища.

– Небо меня не волнует. Мир вокруг всегда был враждебен, а тут я словно оказался дома. И не хочу, его покидать! – настойчив был мальчишка, как всегда.

– И чем этот старикан вас так привлекает? Кого не приведёт, все не хотят расставаться... – мимолётно поведал он, нарыв на полке разноцветную банку. – Просто какао? Он так и не принёс шоколад? – угнетенно продолжил он.

– А кого он ещё приводил? Я об этом не знаю... – смутившись, произнёс Джой.

– Как не знаешь? До тебя здесь была Лира, – отвлёкся мальчишка, на свистнувший чайник. – Кто-то что-то будет? – озадачился он, заваривая какао порошок. В ответ люди качнули головами. – Я ведь слишком горд, чтобы просто признать свою ошибку, – сев за стол, зазвенел кукольник ложкой о чашку. – Когда осознал, насколько нелеп был побег из Империи, пришлось придумывать повод вернуться. А что может быть разумнее, чем желание поздравить дорогого императора с победой? Он ведь больше жизни любил быть триумфатором. Вот я и попросил Детектива оказать Лире помощь, во время её первой разведоперации. Без укрытия нашего деда, её бы на второй день раскусили и уничтожили. Ну а так, она благополучно вернулась в Евразию, и вбила в голову короля Артура идею заполучить Кулак. Итог – война, чего я и хотел. Кто ж мог подумать, что Вэн помрёт... – заняв губы «объятием» с какао, замолк рассказчик.

– Ты и в войну континентов свои нити запустил? Я не перестану удивляться... – выдавил Сталис. – Меня не волнуют твои планы, здоровье Стафиса важней! И в начале, он пройдёт обследование, – заявил заместитель императора, со всей строгостью.

– А я не собираюсь быть твоей куклой, но и в замке не появлюсь! Уж лучше в Евразию... – недовольно рассудил Джой.

– Откуда столько упёртости? В райдэре наследника ты был послушным, – припомнил Сталис, вернувшись к спору с сыном.

– Люди меняются. И меня жизнь изменила сотню раз! – ответил Джой, никому кроме отца.

– Какая прелесть, – умилился кукольник. – За вашими разборками можно наблюдать вечно. Вам стоило быть братьями; это и внешне больше подходит.

– Такой облик мне ближе всех – вот что отвечает Чан на вопрос о молодости. Хотя я тут старше каждого, – лишь с тенью претензии, поведал заместитель.

– Зачем мне в Евразию? Вряд ли ты переживаешь о моей несамостоятельности, – намекая на смерть детектива, спросил Джой, перекрыв рассказ отца.

– Мне необходимо участие оборотня, в одном крайне важном деле, – затаился под улыбкой мрак.

Погодная картина сегодня была едина для каждого мира. Серое небо, быстрый ветер, высокая влажность – наблюдались и в Евразии. Пелена пасмурности продержалась до са-

мого обеда; но в полдень, начала понемногу отступать.

Вовсе не погода заставила юных наследников королей задержаться во дворце. Просто довольно трудно готовить Милену к выходу за стены Белого дворца. Также трудно организовать безопасный проход всех «препятствий», что поджидали слепую девицу на пути к палате короля. Она располагалась в конце коридора первого этажа, и от этого весь этаж, начиная входом в больницу, и заканчивая самой палатой, был уставлен членами первого отряда «Реокрацу». Кир понимал, что народ любил его; он не видел нужды выставлять охрану, численностью в двенадцать человек. Состав своего отряда на защиту короля направил лично капитан Фрай; долженствовал же он казаться заботливым другом.

Крепко держась за руку кузена, осиротевшее при рождении дитя преодолело рубеж; под присмотром добровольцев «Реокрацу», она переступила порог мед комнаты, где пребывал её дядя. Глаза Милены широко распахнулись; фиолетовые зрачки как всегда смотрели, будто знали куда. Алан провёл кузину к ближайшему стулу; он понимал, девчужке было бы трудно стоять.

Она с самого детства была стройна настолько, что скорее худа. Ноги и руки казались хрупкими, шея тонкой; даже под белыми вещами, в тон волос цвета чистого снега, не выходило скрыть её осиную талию, узкие бёдра и будто детскую грудь.

На звук шагов в тишине после закрытия дверей, Кир рас-

крыл пожелтевшие глаза. Он постоянно ощущал гнетущую слабость, и часто стремился уснуть, но увидев детей, приободрился, и даже улыбнулся.

Принц усадил Милену на стул, около королевской кушетки; король же, напротив, поднялся, наперекор капельнице.

– Пап, тебе не стоит напрягаться, – выпалил Алан, взволновавшись за самочувствие отца.

– Лежать – тоже утомляет, – ответил Кир, чей вид со вчера не улучшился. – Я рад, что вы пришли, но Милене, должно быть, трудно вне дворца. Тебе стоило ждать меня дома, – молвил король, присев на край койки.

– Дворец – тоже утомляет, – звонко подметила девица, – да и, я волнуюсь не меньше Алана. Как твоё самочувствие? – поинтересовалась она у короля.

– Не так уж плохо, – натянул Кир улыбку.

– Ложь, – выдохнула принцесса. – Что врачи говорят? Скоро выпишут?

– Обещали до конца недели. Хотя я бы вернулся во дворец хоть сейчас, – мечтательно сообщил Кир.

– В твоём случае спешить нельзя, – подметил Алан. – Ты и так целых семь лет тянул с лечением, вот и запустил заражение. Позволь врачам хоть сейчас позаботиться о себе.

– В нашей власти, наконец, есть ключ к отделению от Империи. Я не могу просиживать здесь, зная это. Я боюсь, что не успею сделать всё, ради нашей свободы, – даже под гнётом страшной болезни, не прекращал Кир борьбу за безмя-

тежное небо.

– Тебе не за что переживать, – произнесла Милена. – У тебя ведь есть наследник. Я не могу увидеть его лица, зато вижу душу; поверь, Алану под силу даже больше, чем тебе, – нагнала девица уверенности и в дядю, и в кузена.

– Ты преувеличиваешь, отца невозможно превзойти, – смущённо озвучил Алан.

– Ложь, – ответила Милена, взглянув ему в глаза. Порой это даже пугало, но слепая девочка смотрела точно в зрачки. – Кир, ты ведь веришь в Алана? Доверяешь ему, судьбу Евразии? – повернула она голову.

– Да. Я верю, что мой сын заставит и меня, и свою маму, быть самими гордыми на свете, – по- Настоящему улыбнувшись, ответил король. Его слова вселили в Алана ещё больше смущения, а Милена, в завершение сказанного, молвила:

– Правда.

– Всё, что меня тяготит – пророчество императора, – признался Кир, удивив сына, и смутив племянницу.

– Ты веришь в это послание? – с тенью насмешки уточнила девица.

– Я и сам не знаю. Просто, когда вспоминаю об этом, сердце будто сжимается, – поделился король.

– Это могла быть простая уловка, чтобы Евразия не брала военную инициативу, – рассудил Алан.

– И даже если император вернётся, это будет во времена твоего одиннадцатого внука. К тому времени, наши матери-

ки давно будут разделены, – почти пообещала Милена.

– Вы правы, это волнение бессмысленно, – покивал король.

– Но ты так не считаешь, – прищурился глаза, заявила девица. К её резкости невозможно было привыкнуть; она вела себя либо будто безгрешный лучик света, либо как всем недовольная старуха.

– Мы зашли тебя проведать, но наверно растратили все нервы, – стыдливо предположил Алан, подходя к кухне. – Лучше снова придём ближе к вечеру, а ты пока отдохни, – намекнул паренёк Милене, что им пора было уходить. – Может, тебе чего-нибудь принести?

– Нет. О короле достойно заботятся, – прощально улыбнулся Кир.

– Выздоровливай, – у дверей кивнул сын короля.

– Не умирай, – попросила Милена, тихим голосом.

Такое наставление смутило короля; Кир хмыкнул, будто у него не было и шанса на смерть.

Красноволосый мужичок всем сердцем желал быть хорошим наставником своему сыну. Только ради этого, его сердце столь отчаянно билось, отсекая попытки болезни это прекратить. Он не собирался умирать; он готов был на всё, чтобы жить – ради сына, и будущего его дома.

Творцы этого будущего, на чьи плечи с рождением легла ответственность, вновь одолели путь до выхода из больницы. Будто каменные солдаты «Реокрацу» с каждой стороны

своеобразно помогали; они внушали Алану уверенность, что ничего плохого не произойдёт. Играя своей кухне отлично-го поводыря, кудряш вывел Милену за порог госпиталя.

Выход из здания, и выход за пределы больничной территории – разлились. До ворот, за которыми остался транспорт будущих правителей, пролегла плиточная тропинка, сравнительно длинная. Внутри внешнего забора было множество лавочек, для проходивших лечение или же их гостей. Но сейчас, пусть солнце и пролило на землю несколько тёплых лучей, двор был пуст, будто Алан и Милена покидали морг.

Неспешные шаги детишек требовали аккуратности, хотя Милена старалась быть самостоятельной.

– У неё неплохо получается ходить, для слепой-то с рождения, – подумал человек, что угрожающе лежал на больничной крыше. Ему отлично виднелся затылок, укрытый молочными волосами, хотя расстояние до него было велико. В этом помогал качественный прицел бесшумной винтовки, в который смотрел прищуренный глаз. Этот человек был настолько скрытен, что не удавалось разобрать даже пол; объёмные тёмные вещи, тряпичная маска, закрывшая всё лицо, кроме глаз; перчатки, сапоги, и тёмное оружие – скрывали личность снайпера, но выдавали намеренья.

Прицел снайпер навёл точно на затылок девицы, которая прошла уже половину пути до машины. Её требовалось убрать первой; она старше, а значит – раньше заявит права на трон. Руководствуясь этими знаниями, стрелок ис-

полнил свой долг. Скрытый перчаткой палец сдавил курок, и почти беззвучная пуля покинула удлинённое дуло. В этот момент любой профессионал считал бы дело решённым; когда пуля выпущена и летит точно в цель – шанса выжить нет.

Отнять жизнь Милены уже пытались, как известно – безуспешно. Подобно прошлому разу, всего за мгновение вокруг принцессы сам воздух покрылся огненно-красными непонятными символами, точь-в-точь схожими с древними письменами нэогаров. Они выпуклым шаром окружили и её и Алана, что служил девице опорой. Изумление мальчишки пришлось на момент, в который он заметил взявшуюся из неоткуда сферу, покрытую странными буквами, и неприятный звук слабого взрыва, что раздался позади. Влетевшая в поле пуля вспышкой искр отрикошетила в сторону, издав скрежет. Именно Алан испугался первым; паренёк резко вздрогнул, отпустив кузину. Ноги отказались поступать по воле разума; они вначале вывели принца за пределы красной сферы, а потом подкосились, заставив паренька упасть. Его шаги были суматошны и беспорядочны, а лицо покрылось пеленой шока и страха.

Вторая пуля, выпущенная в то же место – не заставила себя ждать. Её постигла та же участь. Милене было неспокойно, но только на второй источник звука, она смогла обернуться. Когда светлое лицо, обрамлённое белыми волосами, меж которыми распахнулись фиолетовые глаза, посмотрело точно на крышу больницы – новая пуля ударила в цель. Она

бы попала в девичий нос, если бы не красное статичное поле. Пусть её глаза этого не видели, стоять в одиночестве, под грохотом пуль и после испуганного крика кузен, было боязно. Волнение, граничившее с тревогой – выдавала лёгкая дрожь её конечностей, приоткрытый рот и растерянное лицо.

На удивление меткий налётчик, что затаился на крыше, удивился не меньше Алана, что не мог даже встать. Поняв, насколько тщетны были попытки убить девицу, снайпер перевёл прицел. Теперь его мишенью стал изумлённый мальчик, окаменевший на плитке в полусидевшей позе.

– Нет! – вскрикнула Милена, будто почуяв угрозу. Ей не было заметно, как быстро исписанное символами поле исчезло без следа, но принцессу будто током ударило, и она, сорвавшись с места, прыгнула к лишённому рассудка «брату». Выглядел этот прыжок неумело; она ведь толком не знала, в какую сторону долженствовала «лететь». Тем не менее, Милене повезло; грань вновь проявившегося «щита» стала преградой для пущенной в Алана пули. Помешав дробь достичь цели своим немислимым полем, девица упала на паренька, крепко его обняв. Это выглядело так, будто она старалась укрыть его собой; уберечь от любой угрозы. И ей это удалось. Теперь, огненно-красная сфера, беспорядочно покрытая нэогарской символикой, заботливо оберегала обоих наследников.

Лишь частично придя в себя, под укрытием «тонкой» «сестрицы», Алан суматошно, тоже приобняв Милену, вы-

палил:

– Как? Что это?! Что происходит?! – пытался он собрать мысли.

– Я не знаю, но мы в безопасности! – с подозрительной уверенностью в голосе, заявила Милена.

Убийца с крыши негодовал; продолжать обстрел было бессмысленно – это очевидно, как и поразительно. Но убирать винтовку он не спешил; в прицел лучше виднелось, как из машины, что поджидала детей у ворот – вышли три человека, внушительных габаритов. Среди них не было никого ниже двух метров, и даже самый большой размер костюма слегка маломерил.

Глаза сопровождаителей королевских детей скрывали тёмные очки. Такие же тёмные, как их намеренья, что они явили, вытащив пистолеты. Из типичных для охранных подразделений кольтов посыпались пули, с целью единой – оборвать жизни спрятанных под полем людей. И все как один потерпели неудачу; каждый патрон со шлепком и искрами отлетел от пламенного цвета букв.

Нашёлся в троице предателей самый смелый, что, понимая опасность наделанного шума – кинулся к Милене сам. В то же время, пока здоровяк бежал к защищённой чем-то необъяснимым девчужке – из дверей госпиталя вырвалась пара служителей «Реокрацу». Их боевая готовность сразу показала себя нацеленной на помощь, но им неизвестно было, что за красные письма окружили принцессу. Они не

рискнули открыть огонь через них по амбалу, что нёсся с не самыми добрыми намереньями.

Громоздкие шаги приблизили желавшего напасть мужика максимально близко к красному полю и, рукоятью пистолета – он с размаху ударил статичный «щит». Словно зеркало возмездья, место касания ответило тем же. Незримая ударная волна, удвоив размах – отшвырнула напавшего, одарив его нестираемым клеймом проигрыша. На всей правой руке и частично животе, одежда бесследно истлела, а на коже остались глубокие кровавые ожоги. Через всё лицо будто полосой прошли раскалённые угли, а очки расплавились и стекли на щёки. Едва оставшись живым после попытки убийства, бывший сопроводитель бездвижно лёг в паре метров от девицы, чьё защитное поле не думало гаснуть.

Солдаты «Реокрацу», севшие на колени у входа в больницу, изумились не меньше снайпера на крыше. Собственно, только из-за личного шоу Милены, они ещё не открыли огонь. Зато неудачливый убийца почти свыкся с причудами беловолосой девицы. Поэтому, он и нашёл силы выстрелить, в двух окаменевших охранников, что не решились пуститься в бой. Точным выстрелом он уложил сначала одного, затем второго, а в конце добил третьего, подведённого к порогу смерти Миленой.

Даже опытным добровольцам первого отряда не хватило сноровки понять, откуда вёлся огонь. Когда они выбежали из-под козырька и посмотрели вверх – ничего кроме неба, с

которого спускались всё новые лучи солнца, они не увидели. Снайпер сбежал, будто его в Евразии не было.

Милена со спокойной душой выпрямилось, а огненно-красное поле исчезло. Подбежавшие к наследникам солдаты помогли встать и Алану. Он до сих пор испуганно оглядывался по сторонам; не каждый день юный принц подвергался нападениям. Страх – явление предсказуемое.

– Вы в порядке? – спросил один из подмоги.

– Никто не ранен? Может вам вернуться в госпиталь, – предложил второй, стараясь отыскать травмы.

– Нет, мы в порядке, – за кузена ответила Милена.

– Ты точно цела? Как ты это сделала? Что это было вообще? – не мог Алан определить приоритет.

– Если ты что-то видел, не факт, что видела я, – посмотрев вниз, приуныла девица. – Я устала, и мне нужен отдых. Алан, давай поскорей вернёмся домой, – приобняв паренька за руку, попросила она.

– Да, хорошо, – поддался принц. – Только, прошу, ничего не говорите отцу, – оглядев воинов отряда, распорядился кудрявый сын. – Ему не стоит волноваться, раз мы уцелели... поправится, всё узнает.

Бойцы отряда Фрая чопорно кивнули. Они понимали, что хранить секреты от короля – преступление, но, не в этот раз.

Когда личный транспорт наследников двух королей, управляемый одним из отряда, набрал должную скорость, второй безмятежно вернулся к охране палаты короля. По до-

роге к входу, он не отказал себе в любовании небом, что, наконец, отчистилось от гнусных туч.

Схожее поведение голубого полотна встречалось везде; даже там, где тучи недавно рассекал эндуро кукольника. У руля летевшего мотоцикла сидела одна из марионеток. За её плечи крепко держался Джой. В отличие от безразличной куклы, он устал противостоять напору ветра.

– Вот блин, они обломались, – насмешливо выдал вдруг кукольник.

– О чём ты? – перекричал ветер Джой.

– Мои посыльные за жизнями детишек Кира... все подкупленные убиты тем, кто подкупал. А тот, кто подкупал, был вынужден сбежать. Не вышло обезопаситься от препятствий будущего... – задумчиво улыбнулся интриган. – Ну ладно, мы вскоре прибудем к месту. Там всё разрешим, – определился кукольник, интенсивно сбрасывая высоту. Если раньше он мчался буквально под небом, сейчас – стремительно двигался к земле.

Место, выбранное для приземления, не блеснуло оригинальностью; кукольник посадил эндуро в сотне метров от больницы, где недавно случилось покушение.

Начиная с полтины метров от забора лечебницы, хвойный лесок вступал в свои права. Ну а в месте приземления кукольника, стройные ёлки и подавно захватили местность. Хотя, будто специально к его прилёту, с краю леса под самый корень деревья повалили; поляна получилась не самой боль-

шой, но однозначно рукодельной. Расчищенное место мальчишка у руля с радостью принял за стоянку. Ему не нужно было смотреть по сторонам, чтобы заметить облокотившегося об ствол высокой ели снайпера; кукольник будто знал, что его ждали. Паренёк и сейчас был одет неизменно скрытно. Хотя с прилётом парочки дополнительных людей, он смело снял маску. Под ней пряталось довольно приятное, смуглое лицо. Чёрные глаза и без того были видны, но гладкая кожа на пару тонов темнее привычной – обнажилась только сейчас. Недлинные чёрные волосы, что так и стремились завиться – растрепались.

– Что это за девица была? Я знал, чья она дочь, но про мистическую защитную печать, мне не сообщили, – подавляя нервозность, донёс он заказчику.

– Мне, как ни странно, тоже, – слезая с эндуро, поделился кукловод. – Зато теперь точно ясно, почему Сталис оставил её в живых, – усмехнулся мальчишка. Эти слова эхом разнеслись в ушах Джоя. Прошла лишь секунда, прежде чем его глаза вспыхнули золотым багрянцем, на пальцах блеснули когти, и венозная рука, развернув кукольника – прибила его спиной к дереву.

– Ты пытался убить Милену? – выкрикнул он диким голосом.

– Тише, волчок, не убил же, – насмешливо оправдался улыбака.

– Миленка – все, что осталось от моих счастливых дней! Я

не позволю тебе ей вредить, – настойчив был оборотень, как никогда.

– И, похоже, не только ты... – вмешался стрелок. – Она угроза вашей задумке, у неё прав на трон больше. Что намереваетесь предпринять? – полюбопытствовал он.

– А ты кто вообще? – вконец смутился Джой, взглянув на тёмного паренька.

Никому не захотелось отвечать. Этот вопрос пропустили мимо ушей.

– Что касается Милены, до двадцати одного года, она не угроза; пока её возраст слишком мал, чтоб претендовать на бархатный трон. Есть другая беда – госсовет Евразии и законы о выборе короля. Капитана Фрая конечно любят, но риск проиграть в выборах, у меня всё же есть. Необходимо переписать законы, пока ещё есть время, – задумчиво сокротил «Фрай» длинну улыбки. – Сарцин, – произнёс он, взглянув на смуглого паренька, – отправляйся в Белый дворец и заставь министров назначить следующим королём меня, – легкомысленно приказал он.

– Что? Как вы себе это представляете? – не сдержал бессмертный удивления.

– Ну... подкупи, поугрожай, подговори, поври – у тебя же богатая фантазия, придумай что-нибудь...

– Я понимал, что за бессмертие придётся дорого платить. Но цена вашего желания выше моих представлений, – покачал головой Сарцин, прежде, чем уйти.

Джой остался в явном смятении, узнав личность нового соратника кукольника. Из мира раздумий его вырвали довольные слова:

– Ну а нам предстоит другая миссия, – сквозь глаза сказавшего, виден был весь мрак намерений.

В королевскую палату, медсестра только что внесла поднос с обедом. Кир, оживлённо сидевший на краю кровати, собирался встать. Увидев девушку, он прекратил самоуправство, и спросил:

– Что происходит на улице? Я уверен, что слышал выстрелы.

Вопрос смутил девушку; ей известно было всё произошедшее, как и просьба сына не тревожить отца дурными новостями.

– Выстрелы? Что вы, в нашей лечебнице и мух не слышно... Прилягте и не тревожьтесь, вам не о чём волноваться, – с милой улыбкой, пообещала она.

Король поверил словам мед работницы, они погасили очаг переживаний. Переключив внимание на поднос с обедом, Кир приступил к сытной трапезе. Но не успел он съесть и половину порции, как раздались новые, пугавшие звуки. Вначале это были тихие голоса, затем послышались крики, и наконец стали звучать выстрелы.

В суматохе воплей, глухих ударов и часто выпускаемых дробей, сложно стало разобрать суть происходившего. Точно ясно было одно – в коридоре происходила бойня.

Кир бы подключился к беспорядку даже в своём, малоприятном состоянии, но не успел. Узкие двери в палату широко распахнулись, после несильного удара кукольника. Мальчишка, украшенный стандартной кривой улыбкой – решительно вошёл в палату, пока мимо его спины пролетал один из солдат первого отряда. Глазу едва удалось заметить, как много на нём было рваных ран, зато ухо отлично слышало, его громкий вопль.

– Фрай, что там происходит? – буквально ошарашено выпалил Кир, стремясь встать.

– Ничего хорошего, – с усталой ухмылкой, выдохнул капитан. Он прекратил шагать, заменив звуки поступи щелчком пальцев правой руки, поднятой на уровень головы. Тотчас привставшего Кира повсеместно оплели тонкие нити, что дёрнули его обратно на кровать. Они туго привязали короля к кушетке; Кир при всём желании не мог пошевелить ничем, кроме разве что губ. И это притом, что нити не превышали толщину волоска; виднелись не столько они сами, сколько следы на коже, вещах и постели.

– Что... что ты творишь?! – гневно воскликнул король, загоревшись злобой.

Ехидное дитя, перемявшись с ноги на ногу, задумчиво ответило:

– Пожалуй, это называют переворотом... хотя для тебя – это смерть, – усмехнулся он, взглянув голубыми глазами в очи короля.

– Переворот?! Ты решил предать меня?!

– Ты не оставил мне выбора. Теперь, когда оружие «ММ» готово – раздел материков не заставит себя ждать. Я же, не могу этого допустить. Ты был слишком фанатичен к идее от-деления от Империи; именно это, заставило меня ускорить твою гибель. Я ведь ждал... долго ждал, целых четырнадцать лет. Я очень надеялся, что ты сам по себе умрёшь, с такой-то болезнью, – хмыкнул мальчуган. – Но нет, ты стоя у самого порога смерти, держишься за сына и племянницу, уже кото-рый год... К сожалению, я не могу продолжать ждать. Мне необходим трон, и я избавлюсь от затеи с разделом, – объ-явил цель кукловод.

Кир, на протяжении всего рассказа, усердно пытался разо-рвать путы. Увы, безуспешно; ему удалось даже порезаться, но каждая нить уцелела.

– Ты чёртов веролом! – с яростным гневом крикнул Кир. Кукольник засмеялся; он откровенно гоготал, не зная куда деть «мешавшие» руки.

– И ты туда же? – сквозь смех вставил он. – Где ваша ори-гинальность?

– Зачем тебе это? Зачем ты мешаешь разделу? Это нужно каждому! Это – свобода от Империи! – перешёл король к попытке переубедить предателя.

– Вот как раз этого, я и избегаю. Мне ни к чему свобода от Империи, ведь Империя – мой дом. Я врал, объясняя свою неизменную молодость ошибкой генетики. Я просто

бессмертен, как убитый тобой император. В нашей войне – я преследую цели Империи. Эта подлость, вынуждена, – пожав плечами, отрадно «извинился» мальчишка.

Взор полный гнева и неприязни, что испускали глаза короля – впился точно во Фрая. Но положение зрачков сместилось, когда у распахнутых дверей показался Джой, во всей красе волчьего обличья.

– Я нас забаррикадировал, тебе не помешают, – откляцал его клыкастый рот. Узнать в этом существе давнего четвертого по силе, Кир сумел с трудом.

– Ты! – выпалил он. – Я так и знал, что ты тоже предатель! Вы кучка бездушных тварей! – не знал Кир как ещё выразить глубокий гнев.

Джоя удивила такая реакция. Он даже замер, услышав голос короля.

– Чудно, тогда к делу, – растянулись края вечно довольных губ. Кукольник вытащил из заднего кармана стандартный шприц, заполненный пурпурной жидкостью. Скинув с иглы колпачок, хозяин тонких нитей подступил к кровати короля, и запустил иглу в прозрачную трубку, что вела раствор капельницы точно в вену. Жидкость красивого цвета быстро побежала по «коридору» в кровь Кира, уже давно отравленную.

– Что со мной сделает твой яд? – бесстрашно выкинул Кир.

– Ну что ты, какой яд. Это то, что тебе давно следовало

принять – эвтаназия. Не пугайся цвету, просто у Чана свои причуды... – беззаботно глаголил убийца.

Пурпурная дорожка жидкости быстро утонула в руке короля. Теперь, её путь глазом не увидеть; да и ощущений она, судя по Киру, не вызывала. Он уже давно прекратил попытки освободиться; тугие нити убедили короля в силе фиксации. Если присмотреться, пути оставляли следы на многих частях тела Кира, но почти не оплетали Кулак. Вся правая рука, от плеча – где Кулак заканчивался, до пальцев – где брал начало, оплетена была лишь тремя пряжами.

Закончив с сокращением жизни красноволосого короля, кукольник приступил к следующему шагу. Он обеими руками сжал запястье Кулака, и потянул на себя. С неожиданной лёгкостью стальная перчатка соскользнула с обрубленной культи. На белую постель закапала чёрная кровь, запачкавшая всю правую руку. Разводы чёрной крови остались и внутри Кулака, который, как ни странно – продолжал держать форму целой руки, хотя долженствовал вернуться в первоначальную.

– Какая ирония, правда? – восторженно произнёс кукольник, отойдя от кровати. – Кулак заменил тебе потерянную руку, даровал звание героя и бархатный трон, но... заразил кровь. Надевать на открытую рану чужое оружие, сомнительная затея... – выделил он последние слова. – И самое ироничное то, что ты бы вылечился, если бы обращал на боль внимание. Твой трудоголизм – обрёл тебя гораздо раньше,

чем я, – хмыкнул мальчишка.

– Ты держишь жалкую подделку, – косо улыбнулся и Кир, чьи жёлтые глаза налились кровью. – Муляж настоящего Кулака. Где оригинал, знали всего два человека. С моей смертью, не останется ни- одно-го, – злорадно отчеканил король.

Кукольник смутился; хмурые брови легли поверх его глаз. Поёрзав по Кулаку ладонью, он тихо, протяжно согласился:

– И правда, это подделка. Кулак – не испортился бы так сильно...

– Чего бы ты ни хотел, тебя остановят. Не знаю как, но остановят!

– Знаешь, Кир, я даже завидую тебе. Говорят, смерть является в облике того, кого ты любил больше жизни. Издёвка судьбы в том, что лишь умирая, мы узнаём лицо самого дорого. Я не знаю, и боюсь узнавать – правда это, или нет. Поэтому, и завидую, – отбросив Кулак в сторону, с траурной улыбкой закончил кукольник. Повернувшись к Джою, он распорядился:– Ты через окно, а я пойду разбирать твою баррикаду. Я ведь «хороший капитан», – саркастично пояснил он.

Джой с разбега выскочил в стекло, разбив его на сотни осколков. Глядя в след пареньку – человека увидеть не удастся. Виден был только убегавший на четырёх лапах, покрытый густой серо-коричневой шерстью волк.

Кукольник же, встав спиной к со злостью наблюдавшему Киру, подошёл к дверям. Он закрыл левую, затем вышел, и

толкнул правую. Его самодовольная фигура направилась по коридору к выходу, будто не заметив силуэт, укрытый под чёрным плащом. До того, как двери сомкнулись, кто-то вошёл в палату, оставшись невидимым для предателя короля. Они пересеклись у самых дверей, но не отреагировали друг на друга. Кто-то в длинном, слегавшем на пол снизу, покрывавшем голову глубоким капюшоном сверху – остался наедине с королём; в палате, чьи двери захлопнулись.

Длинные рукава поднялись, и из них показались нежные руки. Ладони захватили капюшон, и медленно стянули его с головы. Под черным как ночь одеянием – скрывалась Лира. Её рыжие волосы, её светлое лицо с редкими веснушками, её внимательные глаза... это всё свело Кира с ума. Нити, что держали его – исчезли без следа. Давно потерянная рука – вернулась на прежнее место. Вся боль, все чёрные вены и жёлтые глаза – пропали; остались только набежавшие с годами морщины.

– Лира? – трепетно спросил он, забыв как дышать.

– Нет. Лира мертва. И ты тоже, – сухо ответила девушка.

– Мне нельзя умирать. Кто же позаботиться о моих детях?

– О детях? – переспросила носительница мрачной накидки. – У тебя лишь один ребёнок, и о нём не мне переживать. Оставь суету живым, и отдайся покою, – подступив к кровати, скомандовала девушка.

Любимое Киrom лицо приблизилось к его собственному, а нежная рука коснулась подбородка. Евразийский герой не

смог отказать в поцелуе своей любви. Он и осушил последнюю каплю его жизни.

Когда кукольник, показав себя примерным капитаном в больнице, возвратился в Белый дворец – новость о кончине короля уже выгнала оттуда всех работников. Где-то наверняка отсиживались Милена и Алан, но даже их нельзя было увидеть в пустых коридорах.

Без промедлений кукольник дошёл до входа в тронный зал, у чьих закрытых дверей его ожидал Сарцин.

– Не малого стоило, отвоевать вам трон. Но проблемы устранены; можете знать – престол ваш, – приветливо доложил паренёк.

– Отлично, – воодушевился кукольник, протянув руку к двери.

– Постойте, – помешал ему Минфин. – Этим я оплатил цену своего тела – вы теперь король. Верно?

– Верно. Отсидишь коронацию, и можешь вернуться в Империю, – наконец открыв дверь, дозволил командир. Сарцин, насильно улыбнувшись, кивнул, и покинул окрестности зала.

Кукольник же, триумфально подошёл к бархатному трону, наслаждёно его оглядел, и наконец, отдавшись мягкости малахитовой перины – с широкой улыбкой выдохнул...

34 эпизод. Хвала королю

Семь лет ожесточенной борьбы с болезнью, вошедшие в восемнадцать лет общего противостояния сепсису – прекра-

тились в этот день. Кир вовсе не проиграл свою последнюю битву; его вынудили сдаться. Этим же вечером, не позже шести часов – главная Евразийская площадь собрала на себе опечаленный кончиной короля народ.

Костёр очищения пылал между горевавшими гражданами и сценой, на которой ближе всех к краю стоял капитан Фрай. Несмотря ни на что, он по-прежнему носил капитанскую форму: белую рубашку, чёрную жилетку, брюки и синюю повязку на руке, с ровной единицей. За спиной мальчишки в ряд стоял государственный совет. Всего четыре человека, не считая будущего короля. Даже они, впрочем, как и зрители, соблюдали чёрно-белый тон одежды. Именно в такие цвета чаще всего облачался Кир; в его последний день, любовь к строгому контрасту разделил каждый, кто явился проститься.

– Те удивительные силы, которыми король Кир боролся с болезнью – не позволили выстоять против покусившихся на его жизнь, – с опечаленной серьёзностью, без улыбки, завёл Фрай свою речь. – Нам не ясно кто и зачем напал на короля в его собственной палате, но медработники, и я сам готовы заверить – мы видели, как из неё убегал больших размеров волк. В этом деле ещё предстоит разобраться, но, вначале, необходимо проститься с Киrom. Ради этого, мы здесь и собрались. Кир был хорошим королём, он единственный, удостоился чести занять строку на «Золотой плите почёта» при жизни. Мне же, остаётся надеяться только на то, что пло-

ды моего правления, окажутся достойны хотя бы посмертной памяти, – огласил он на весь народ. Это стало безоговорочным намёком на стремление занять трон.

Народ всполошился; среди пришедших на сожжение было много и тех, кто видел другую кандидатуру в короли. Унять смятение людских масс кукловод сумел очень просто; к его спине подступил Сарцин, и в Евразии известный как Минфин. На сцену забежал один из первого отряда когорты, спешно поднеся министру мягкую зелёную подушечку, раскрашенную золотыми росписями. Хотя важна была далеко не подушка; на ней, точно в центре – держалась свежеотлитая корона Евразийского государства. Она полностью оправдывала своё звание, и даже заставляла сожалеть, что не была придумана раньше. Если бы золотая корона, на чьём ободке под каждым из пятию зубков вставлялись идеально симметричные друг другу изумруды; чьи похожие на пики зубики завершались острыми брильянтами; чья детализация гравировок Гегара, Кулака на руке героя, ключевых сцен последней войны и удачно подобранные драгоценности, вписанные в эти сцены – венчали головы Джаина, Артура, Кира... народный почёт был бы ещё более велик. Подобная корона только своим видом даровала статус короля, даже на головах черни.

Со сцены может и не видно было, что среди народа, в окружении троих из первого отряда «Реокрацу» стояли Алан и Милена, зато принцу, осиротевшему в точности,

как его кузина, отлично виднелся самопровозглашённый король. Если Милена, в стандартной неуверенности держась за руку «брата» смотрела перед собой, лишённая возможности увидеть сцену, Алан держал голову приподнятой. Его глаза были красны, и вовсе не от яркого костра, чьи языки спали ниже уровня сцены. Горечь потери родителя невозможно передать словами – она жжёт гораздо горячее, чем способен любой костёр. Но сквозь печаль, захватившую сердце Алана, отчётливо виднелось смирение. Его несколько успокоило, что ответственность короны перенял другой человек. Фрай был авторитетен, не глуп, на вид не скажешь, но по возрасту подходит. Юный принц считал это справедливым, коронацию советчика предыдущего короля, и самого сильного в Евразии. Под трауром потери проблёскивала некая расслабленность; ошибки наследника Кира не смогут навредить народу.

– Алан, нам ещё долго тут стоять? – тихо спросила бело-волосая девица.

– Нет, скоро уйдём, – заботливо ответил кузен.

Милена покивала, наконец подняв глаза к сцене. Точность её взора снова смогла удивить; фиолетовые глаза направились к Фраю, на чью голову Минфин возложил корону. Её сомкнутая дуга мягко коснулась тёмных волос, и на лице Евразийского короля растянулась улыбка. Его лик снова оттенил добротой, под которой таился мрак подлости. Взгляд племянницы убитого короля тут же сузился; всё лицо деви-

цы испачкало гневное недовольство.

– Хвала королю! – триумфально выкрикнул Сарцин, отступив от короля на шаг.

– Да будет король благодатен! – хором выдавили оставшиеся позади три советника. Их клич был не так уж громок, но народ послушно его подловил. Со зрительских мест донеслись как вялые повторы этих слов, так и вполне бодрые крики, испущенные согласными с новым королём людьми.

С таким же лицом, с короной, в том же положении, кукольник сел на бархатный трон. Само с собой, это произошло в тронном зале, где король пребывал в одиночестве. Измениться в его облике успели разве что одеяния; он восстановил форму первого по счёту короля. Его наряд был зелен, как летняя трава, а украшениями служили золотые пуговицы и сочные росписи. Его наслаждённое лицо лучше чего бы то ни было передавало удовольствие при касании спиной бархата.

– Скажу Вэну такой же трон установить... он не устоит, – с закрытыми глазами, проронил мальчишка.

Его покой потревожил звук открытия двери, которую энергично ощупывала тонкая рука. В след за ней, показалась и вжатая в дверь спина, старательно обыскивавшей ближайшую стену Милены. Кукольник заметно изумился такой картине; он не ожидал гостей.

– Вам помочь? – сдержав насмешку, спросил он.

– Нет, сюда ведь я добралась. Значит, и здесь справлюсь. –

Наконец вся Милена оказалась в тронном зале, и даже на ощупь закрыла дверь, с заметным трудом.

– Так в-о-о-т кого Кир столько времени прятал, – приветливо молвил король, растянув уста в улыбку.

– Я сама пряталась. Мир вне дворца полон лжи. Хотя, и здесь её стало не мало...

– Вы пришли в одиночестве? Никто не помог слепой принцессе дойти до тронного зала? – с лицом ехиды, но голосом заботы, полюбопытствовал король.

– Всегда надёжен лишь один человек – ты сам. Я хочу поскорее к этому привыкнуть, – строго стоя на месте, старалась Милена не шататься.

– Может, вам присесть? Заодно расскажите, по какому делу пожаловали, – учтив был мальчишка, и по-прежнему улыбчив.

– Не окажете поддержку? Боюсь заплутать в поиске стула, – прозвучали смущённые слова.

Кукольник с тенью смятения встал, подступил к хрупкой деве, и левой рукой огибая спину, а правой сжимая ладонь – аккуратно сопроводил к сидению, напротив королевского стола. Обеспечив принцессе мягкое восседание, кукольник и сам вернулся в сидячую позу.

– Вы были первым капитаном «Реокрацу», и личным советчиком Кира. Скажите, вы причастны к его убийству? – со всей смелостью, без запинок произнесла Милена.

Кукольник хмыкнул, услышав подобный вопрос. Он изу-

мился, но улыбка осталась косою.

– Само с собой нет. Я был предан Киру, и очень сожалею о его кончине, – искренне поделился Фрай.

– Ложь, – гроыхнуло слово, после краткой паузы. Лик Милены был непреклонен, когда кукольника – ошарашен и растерян. Это выдавало всё, кроме его улыбки поверх белых зубов.

– Кажется, я начинаю понимать, почему Кир вас прятал, – игриво поделился он.

– Считаете меня сумасшедшей? – в лоб спросило хмурое дитя.

– Я не произносил этого слова, – съехидничал мальчишка.

– Но вам хотелось бы.

– Вы правы, – кивнул кукольник, с всё той же улыбкой.

– Ну вот, можете ведь правду говорить, – почти похвалила девица короля, желая встать. Она оторвалась от стула и, опираясь об него рукой, решила покинуть тронный зал. – Не проводите до двери? – мнительно попросила она.

Кукольник нервозно кивнул, скосив голову набок. Стоило ему подняться с трона, как вокруг хрупкой принцессы пространство обратилось огненно-красным полем, исписанным невнятными символами.

– Выходит, теперь вы желаете мне зла? – огласила она, пока изумлённый кукловод бездвижно оглядывал необъяснимый «щит». – Одним врагом больше... – выдохнула она, максимально ровно вышагивая к двери.

Когда Фрай снова коснулся трона, исписанная сфера погасла. Милена успешно вышла из зала, а король, оставшийся в одиночестве – беззвучно глянул на дверь. Его глаза были расширены, несомненно удивлены, обескуражены, зато губы изгибались восторженной, недоверчивой улыбочкой.

Солнцу пришлось снова сменить луну, прежде, чем расквитавшийся человек вернулся в Империю. Сарцин провёл в своём личном кабинете не один час, чтобы разобраться со всеми набезжавшими делами. За пару минут до обеда, вооружённый толстой кипой бумаг, Минфин посетил тронный зал, где подобные бумаги разбирал Кан.

– Простите, – привлёк он внимание императора, – найдёте время моему докладу?

– А он важен? – прищурился Кан, пытаясь вспомнить личность гостя.

– Думаю, очень, – решительно продвинувшись к рабочему столу, вступил смуглый паренёк. – За те пять лет, что меня не было в Империи, наше экономическое положение не то что не улучшилось, а даже ухудшилось. Неделю назад прошло ровно восемнадцать лет с момента окончания войны, и за все эти годы – экономика ни разу не скакнула вверх. Предыдущий император щедро разорил наши запасы ради вооружения, но не успел траты возместить. Ресурсы обнищали, заводы закрываются, цены на наследников, жильё и узлы зарядки – вынуждены расти.

– Нет нужды пересказывать отчёты ваших заместителей.

Я спрашивал у них, спрошу и у вас – как с этим бороться? Я выход не придумал, а вы? – подняв брови, спросил Кан.

– А у меня парочка идей есть, – похвалился Сарцин. – Первое, что хочется заметить – это арена «Бойсдракс». С начала масштабной подготовки к проведению войны, игры не проводились ни разу. А арена, хочу заметить – была отличным доходом; да и с её бездействием уровень преступности снова на высоте. Я предлагаю организовать неделю схваток, и чем раньше, тем лучше.

– Вы уверены, что у нэогаров хватит средств посещать бойни даже сейчас?

– Любовь к ним часть каждого из нас. И чем бойни жёстче, тем больше спрос, – улыбнулся Минфин.

– Тогда, можете этим заняться. Я доверяю управление «Бойсдракс» вам. И жду отчётов об успехах вашей за-теи, – безэмоционально озвучил Кан.

– Благодарю. В дополнение к этому, хочу заметить несправедливость постоянного роста цен. Не народ виновен в бедности казны, но расплачивается именно он. Над головой давно царит мирное небо, а в Евразии полным ходом рассматривают идею отделиться от Империи на континентальном уровне. Сорок процентов трат и так небогатой казны – оружейная промышленность. Я считаю, нам пора отказаться от непомерной поддержки военных перспектив.

– Это слишком рискованный шаг, я не могу сам одобрить его. Стоит посоветоваться с кукольником... – призадумался Кан.

– Кукольник – король Евразии. Он не допустит войны, а нам необходимо понижать налоги, что не удастся без сокращения неразумных трат, – перешёл Сарцин на быстрый темп речи.

– Кукольник не потерпит самоуправство, – помрачнел император.

– А бесхребетность – его огорчит. Вы ведь император, кому если не вам заботиться о нэогарах? Затея с «Бойсдракс» хороша, но только этого не хватит... И только в вашей власти, вывести нас из кризиса, – уверен и безмятежен был Минфин.

Кан призадумался, и на время ушёл в себя. Он дорожил поддержкой кукольника, и боялся её потерять, но Сарцин сумел вселить в императора уверенность.

– Хорошо. Составьте нужные указы – я одобрю.

– Поверьте, вы не пожалеете, – обрадовавшись, приготовился паренёк уходить.

– Значит, кукольник стал королём? – изрёк вдруг Кан, чем вернул к себе внимание Сарцина. – Поэтому, он стал уделять Империи, так мало внимания?

– Да, в Евразии он увидел отличное поле для своих сетей.

– Сын Сталиса с ним? А сам Сталис здесь? – с интересом император продолжил беседу.

– Да, всё верно, – слегка недоумевал паренёк, в паре шагов от двери.

– В каждом из них я вижу предателя. Почему кукольник

так уверен в их надобности. . . – отвлечённо озвучил Кан хмурые мысли.

– Я понимаю уверенность кукольника, он пленил души и сына и отца. Сталис убеждён, что если поможет кукольнику держать контроль до возвращения императора, Вэнтэра, – дополнил мысль казначей, – то тот поможет ему вернуть расположение Стафиса. Сам же Стафис, пока находится по близости к кукольнику, лишён всех нужд и совершенно беспечен; ему по душе такая жизнь, он даже боится лишиться подобной опеки. Кукольник это понимает, и щедро пользуется.

– Время ему ничуть не навредило, – впервые улыбнулся часто задумчивый мужчина, внимательно выслушав рассказ.

Отвлечённый от наступившего обеда император, не заставил отвлечься от восполнения сил Евразийских граждан. Алан и Милена, к примеру, пожаловали в дворцовую столовую. Раньше свои трапезы здесь проводили Артур и Инесса; теперь их дочь, и её кузен.

У сомкнутых дверей стоял солдат, одетый в форму «Реокрацу», с повязанной на руке единицей. Паренёк похожий всем, кроме разве что лица, стоял у широкого окна, даруя детям безопасность.

Запас изысканных блюд в тарелках наследников быстро истощался, хотя Алан явно опережал свою «сестру»; Милена, как обычно, медлила.

– Чем займёмся, когда доешь? – проявил мальчик дальновидность. – Погуляем где-нибудь, или послушаем книгу? –

внимателен был он к кухне.

– Нет. Сегодня, я предлагаю подумать. Подумать о нашем будущем, нашем короле, нашем с Империей разделе, – предложила она, начав вытирать рот салфеткой.

– Это что-то новое, – усмехнулся Алан. – Я совсем не против. Давай подумаем... будешь доедать? – спросил он, заметив Миленин настрой встать.

– Нет. Я хочу поскорей приступить к разговору. И хочу провести его наедине, так что, проводишь в мои покои? – безрадостно попросила девица.

– Конечно, – согласился Алан, вскочив с места. Вначале он помог кухне встать, затем, опустив сжатые руки вниз, они неспешно зашагали к выходу. Дверь им открыл служитель «Реокрацу», он её и закрыл, преследуя наследников со спины.

Помешать уединению детей двух королей не посмел никто; даже приставленный охраной паренёк, остался за закрытыми дверьми.

Милена присела на свою кровать, Алан же – на кресло в углу комнаты.

– Скажи что-нибудь, чтобы я знала, куда смотреть, – смущённо прозвенел девичий голос.

– Ты можешь смотреть, куда тебе удобно, – покачал головой мальчишка.

– Мне удобно смотреть на тебя, – повернувшись точно к кузену, призналась Милена. – Скажи Алан, ты хочешь быть

королём?

Юный принц задёргался, перебирая варианты ответа. Он знал, что лгать – смысла не было...

– Я хочу, но боюсь этого. Я боюсь навредить кому-либо, своей случайной ошибкой. Я люблю Евразию, и желаю ей только процветания, но не знаю, смогу ли подарить его ей.

– Ты честен, и это похвально. Но ты малодушен, и это беда. Каждый человек платит за жизнь, и у каждого жизнь своя. Твоя – дороже миллионов других, как раз потому, что её цена – забота об этих миллионах. Я встречала множество людей; со многими говорила, и практически в каждом видела ложь. Но только ни в тебе. Если я скажу, что знаю человека, более достойного бархатного трона, чем ты – солгу. Тебе нельзя бояться ответственности, если не ради народа – ради Кира, и меня.

Алана радовали эти слова; они вызывали улыбку, хотя заставляли нерешительно смотреть вниз.

– Если подумать, твой отец был королём до моего, и ты на год меня старше. В какой-то степени, трон и твоя привилегия.

– Власть всегда ходит в ногу с опасностью. Что сможет сделать слепая девочка? Я лучше стану достойной опорой для тебя – короля по всем правам, – непоколебима была уверенность Милены.

– Мне кажется, ещё рано об этом думать. До возраста, когда коронация допустима – мне ещё четыре года, а тебе

три. За это время может уйма всего измениться... – деликатно отошёл от темы Алан.

– Думать рано не бывает, – молвило белоснежное дитя. – Ты слишком полагаешься на Фрая. Поверь, он не такой хороший король, каким ты его видишь.

– Почему? Отец доверял ему, вся когорта «Реокрацу» доверяет по сей день. Он умён, справедлив и добр. По-моему – Евразия в надёжных руках.

Милена молчаливо выдохнула. Покачав головой, она отвернулась, и тихо произнесла:

– Какой абсурд... слепые люди могут видеть больше зрячих. Ты помнишь, последние слова Кира? – повернув голову к кузену, направила Милена взгляд к его коленям. – Помнишь, чего он желал?

– Да, – стыдливо ответил сын. – Он желал свободы нашему миру, от мира холодной стали. Он желал гордиться мной, в день раздела материков. И боялся за те времена, когда на свет родится его одиннадцатый внук...

– Правда. Помимо жизни принца, ты унаследовал и долг – быть хорошим королём. Так ведь?

– Да. Так, – покорно согласился Алан.

– Я хочу услышать от тебя только один, как всегда правдивый ответ – ты станешь достойным сыном своего отца? – волевым голосом надала Милена на чувства кузена.

– Я сделаю всё, ради этого, – озвучили уста, над которыми зажглись глаза уверенности.

Милена улыбнулась так чисто, как не улыбалась ещё никогда.

– Правда, – кивнула она головой, источая душевную радость.

Чем позже к делу приступишь, тем позже его окончишь. Наглядным примером стал король Фрай, чей обед начался позже полудня, и завершился только сейчас. Мальчишка не отказывал себе в удовольствии пользоваться властью; полноценный рацион ему доставили прямо в зал, за рабочий стол.

Сложив приборы на поднос, что хранил опустевшую посуду, король обратился к стоявшему у двери солдату седьмого отряда «Реокрацу».

– Тебя ведь не затруднит унести это? – придвинув кружку с горячим шоколадом, попросил он.

– Не затруднит, – с ноткой обиды, ответил паренёк.

Забрав поднос, солдат направился к выходу. Но прямо перед ним дверь отворил седой старик, известный в Евразии, как генерал основных войск. За ним стояли недовольными ещё двое: паренёк лет двадцати пяти, чьё плохое зрение выдавали толстые очки, и тридцатилетняя женщина, обольстительно-Добрая на вид.

Пред составом министров служитель когорты отошёл в сторону, позволив им войти. Каждый по очереди смятённо оглядел солдата, и поднос в его руках. После этого, когда проход освободился, паренёк с семёркой на руке покинул зал.

– Наши защитники у вас на побегушках? – обратилась к королю светлая дамочка.

– Это небольшая услуга, он не был против, – приветливо ответил кукольник. – Проходите, садитесь, нам стоит обсудить замену министра финансовых учётов. Кто бы мог подумать, что прежний подаст в отставку, – наигранно опечалился король, пока советники занимали места около его стола.

– Зачем эти формальности? У вас наверняка уже есть тот, кем вы его замените, – неучтив был генерал.

– Хах, поверьте, был бы такой человек – он бы уже сидел среди вас. Но, как видите, четвёртое место пусто. Так что... каковы ваши кандидатуры?

– Не трудно найти любителя бюрократичных подсчётов, – вставил паренёк в очках – действующий начальник программного развития. – Куда важнее будущее меча Магнэрайс, и проекта «Раздел». Я не вижу поводов откладывать его, ведь последней волей короля Кира, было именно это. Мы не должны нарушать традицию выполнять просьбы покойных. Особенно, когда они так важны.

– Это я хотел обсудить сразу после нового Минфина... – задумчиво, не спеша произнёс король. – Но ладно, пропустим «Раздел» вперёд. Вот скажите, разве этот проект безопасен? Он создан ради свободы от Империи, это прекрасно, но разлом континентальной плиты, мне кажется большей угрозой, чем подавленная проигрышем Империя.

– Вы не правы, – с ходу ответил глава развития, – смеще-

ние и крушение тектоники было бы опасным, если бы приходилось на около Евразийскую местность. Наш же удар, придётся по центру пустыни, и амплитуда колебаний почвы будет настолько мала, что почти неощутима.

Кукольник, судя по недовольной ухмылке, не ожидал такого ответа.

– Возможно, мои волнения и неразумны... – признался король. – И если это так, я чего-то не понял. Может, обрисуете нам принцип работы меча Магнэрайса?

– В настоящем деле, принцип довольно прост, – торопливо ответил технолог, – У «ММ» есть три уровня подачи силового напора, состоящего из прочного, горячего Магнэрайса. За переключение уровней отвечает непосредственно рукоять, прокручивание которой сдвигает один стабилизатор. Чем их больше у гарды, тем сильнее мощность бьющего Магнэрайса. Благодаря форме меча – ударные волны распространяются исключительно в стороны, в случае если стабилизатор был смещён, пока само оружие находилось в покое. Или же по направлению взмаха, если распределитель сместили в движении. Это обеспечивает безопасность в первую очередь тому, чья рука «ММ» держит, а также тем, кто находится поблизости.

От этого рассказа, кукольник и генерал успели заскучать. Только женщина слушала с интересом.

– Ступенчатое деление потенциала Магнэрайса позволяет провести раздел материков пошагово: вначале, сдви-

нув один стабилизатор – мы расчистим точку в центре пустыни от насыпей песка. Затем, сдвинув второй стабилизатор – сделаем в земной коре внушительную брешь, чей размер по оценкам оставит «глаз» на половину перешейка. И сдвинув третий стабилизатор – окончательно разорвём связь между двумя половинами пустыни; ударный напор вызовет силу дрейфа, способную отдалить нашу половину перешейка от Имперской, на более чем три километра, что обратятся глубочайшим заливом. Вот и вся суть проекта «Раздел».

– Чтобы осуществить всё сказанное вами, – уныло заговорил король, оборвав зевок, – оружию «ММ» необходим ужающе мощный избыток сил. И вы можете с уверенностью сказать, что разъярённый напор Магнэрайса, будет покорно служить вашим планам? – советник замешкался. Поправив очки во время последних слов, он решил что-то встать, но кукольник продолжил свою речь:– Вы на все сто уверены, что оружие, не прошедшее и, как выяснилось, не способное пройти ни одно испытание – готово к использованию? – со строгой насмешкой давил король. Технолог вновь замямлил, и снова вступил Фрай:– Вы можете гарантировать, что ошибок и сбоев во время такой масштабной операции, произойти не может? – поднялись брови кукловода.

– Ну, точной гарантии, конечно, нет, но мы можем пред... – бубнил технолог, нервно сидя на месте.

– Короли нужны для защиты народа, – вставил мальчиш-

ка, не дав советнику закончить, – а не для бездумных выходов ради призрачного блага. Пока на моих плечах ответственность за миллионы жизней, за судьбы людей, верящих в лучшее будущее, я не стану рисковать.

Совету нечего было добавить, или возразить. Король обосновал свою точку зрения. Как с ним поспорить?

– Каковы ваши планы касательно оружия «ММ»? – подкинул генерал вопрос.

– Я запрещаю им пользоваться. И приказываю держать его существование в секрете; причислить к предметам особой важности и поместить под постоянную охрану, – вернувшись к доброй улыбке, мирно распорядился Фрай.

Решения короля заставили совет сникнуть. Каждый придумался, отстранившись от заседания.

– Не надо сидеть так тухло, – посмеиваясь, ляпнул кукольник. – Я ведь избавляю нас от возможных проблем. К тому же, хватит уже пекься о будущем; в этой вечной погоне, мы забываем жить. Оглянитесь; построено столько планов, и все они где-то вдалеке. Давайте посмотрим на Евразию сейчас, нам есть над чем трудиться, – бодро уверял король советников. Его слова привлекли интерес. – У нас много маленьких детей, и Евразия изобилует детсадами, но детвора вскоре вырастит, а со школами у нас беда. Всего по одной на каждый город; даже сейчас есть трудности с поступлением, и мы должны их решать. Евразии необходимы специалисты, каждой из уймы областей. Наставников на всех не хватит,

нам необходимы училища и для послешкольного поколения. Мы должны расширять грани наших городов; наш обжитый «островок» не занимает и сорока процентов всех земель, а перенаселение не за горами. Пора распространять филиалы крупных магазинов, популярных ресторанов, кондитерских, кафетериев в конце концов. Продвигать творческие области; спонсировать концерты, строить театры, поддерживать таланты... это нужно, чтобы люди жили. Чтобы они были рады своим будням, чтобы наслаждались Евразией, а не мечтали о лучших временах спустя десятки лет. Мы живём в этот самый момент, и не должны тратить его впустую, – лишь со слабой тенью улыбки на устах, всерьёз разошёлся Фрай. Его речи убеждали в истинно-благих целях; увлечённые масштабам замыслов советники, не увидели в них зла. – Только посмотрите, сколько всего нам требуется сделать. И я хочу, чтобы мы сделали. Сделали быстро и качественно. Ступайте, готовьте проекты реформ. Все доклады – мне на стол, – распорядился король в спины уже уходившим людям.

Как ни странно, троица из совета, покинув тронный зал – направилась в одном направлении.

– Что скажите? Слепо подчинимся? – немного погодя, спросил начальник центра разработок.

– Я с королём, во многом согласна, – призналась глава соц. ведомств. – Что зависит от меня, я сделаю.

– В его словах есть правда. Границы городов пора сдвигать – это важнее, чем раздел. Лично я буду за него, пока не

почую угрозу, – заключил генерал, шагая медленней всех.

– Хм, стало быть, придётся подчиниться... – выдавил паренёк, поправляя округлые очки.

Кукольник, оставленный в очередном одиночестве, наконец расслабил напряжённую спину.

– Хух, – выдохнул он, – вроде отмазала, – растянулась довольная улыбка.

Король позволил себе убрать руки за голову, и устало зевнув – закрыл глаза. Он, вместе с тронем развернулся к окну, через которое в его сомкнутые очи пробивался тёплый свет. О минутке тихого покоя он мечтал последние полчаса, и наконец, наслаждёно «растаяв» – услышал стук в окно. Глазам тут же пришлось раскрыться, и увидеть Джоя, стоявшего на балконе. Сквозь панорамные стёкла прекрасно виден был оборотень, в облике человека.

– Ух ты, это же шестой этаж, – сам себе напомнил «Фрай». – Двери ведь для красоты? – вставая с трона, ехидничал мальчишка.

– Может, уже откроешь? – с той стороны предложил недовольный Джой.

– Забраться смог, а открыть слабо? – стала улыбка ещё шире.

– Не слабо только разбить, – покачав головой, предупредил бывший капитан.

– Так и я могу, – заскучал король, соизволив всё же выдвинуть стеклянную дверь. – Ты кстати, здорово опоздал. У

тебя было назначено перед советом, – сообщил кукловод в спину прошедшего человека.

– Знаешь, были трудности с незаметностью средь бела идти через столицу. Я в Евразии преступник, если ты забыл, – упиревшись о стол напротив трона, поведал мальчишка.

– Это не только я, это уже вся Евразия забыла, – вернувшись к малахитовой перине, усмехнулся король. – Твоё «преступление» давно просрочилось, да и я уничтожил все документы о капитане Джое. Для этого мира ты новый человек, и снова сослужишь славную службу, – отрадно заявил «Фрай».

– Так и знал, что стоило уйти в Империю... – подавленно пробурчал Джой.

– Зачем же? Разве там у тебя будет шанс поближе узнать Милену? – проронил кукольник, и взгляд паренька оживился. – Это бедное дитя, осиротевшее в день рождения, так нуждается в умелой защите. Как примерный король, я хочу одарить её этим. В лице тебя, – скопился уголок губ.

Сердце Джоя забилося чаще. Он ощущал перед Миленой вину, и очень хотел её искупить.

– Как... это возможно? – подавил он интерес строгостью. – Я ведь в Евразии никто.

– Ну, сегодня никто, завтра кто-то... первый капитан, к примеру, – с улыбкой предложил кукловод. – Я же не могу быть и королём и сильнейшим в Евразии. Мне нужна подходящая замена, в составе когорты. И кто может подойти луч-

ше, чем ты?

– Думаю, много кто. Любой, кому не придётся вредить Евразии, – занервничал паренёк.

– Так и тебе не придётся. Возглавишь «Реокрацу», вызовешься охранять Милену, и будешь держать меня в курсе всех её мыслишек, – отрадно проговорил король.

– Так вот чего ты хочешь. Держать её на поводке?

– Держать её в безопасности, и вдалеке от глупостей. Пусть она и слепа – это её главное оружие... – прищурился «Фрай», качнув головой.

– Хорошо, я стану первым в «Реокрацу». Но только ради Милены. Только из-за того, что мой отец приговорил к смерти её семью, – горестно вспомнил Джой.

– Вот и чудно. Завтра проведём выборы капитана. Завтра же и начнёшь выяснять, куда Кир мог деть Кулак, попутно оберегая принцессу, – с некой издёвкой, нарёк кукольник новое задание.

– Эй, какой Кулак? Я стану капитаном, а не детективом.

– «Реокрацу» – самая уважаемая когорта, а её капитаны – имеют доступ ко всем базам данных, включая личные проекты любого технолога любой давности. Пороешься под шумок в исследованиях суицидного создателя меча Магнэрайса. Уверен, это он вместе с Киrom знал, где Кулак. Ни мне ведь рыться в этом.

– Никогда больше не стану с тобой соглашаться, – наиграл Джой упрёк.

Как некогда подметил Детектив – забранный смертью после столь долгой жизни, кукольник не брался за дело, если не уверялся в успехе. Чёткий план и сотни запасных ходов, были его главной силой.

Дальнейшая жизнь Евразии развилась точно, как ему было угодно. Джой успешно стал первым капитаном когорты «Реокрацу», и в тот же день утвердился личным телохранителем принцессы Милены. Сосредоточенность внимания людей быстро перешла на текущие проблемы, и все силы перебросили на развитие уже имевшихся земель; как и их расширение. Постепенно надуманные королём реформы всё глубже и глубже пропитывали умы Евразии, переводя пророчество императора и проект «Раздел» на второй план, далёкий и не обязательный. У «монеты» правления «Фрая» прорисовались две чёткие грани – благом служило то, что прогресс и комфорт жизни тёплого материка набрал невиданный разгон; злом же, стала беспечность – которую кукольник умело маскировал мимолётными улучшениями...

35 эпизод. Старик

В умелых руках любое дело станет лёгким и полезным. Умелые руки, будь то фигуральным или реальным обозначением – любой процесс заставят протечь быстро. Но для каждого процесса, конечно, своя скорость считается быстрой; хватит и часа на ремонт протёкшего крана, но может не хватить целой жизни на «ремонт» страны.

У короля Фрая такой проблемы не возникло; ареал обе-

щанного перед лицом Евразийских министров, а немного позже и народа – он реализовал за два года. По случаю завершения намеченных реформ, в тронном зале собрался государственный совет. Состав министров, сидевших пред королём, с возложенной на голову короной, в помпезных зелёных одеяниях – снова претерпел перемены. Взамен седого генерала третий по счёту стул занимал статный мужчина, не старше тридцати. Как ни странно, место четвёртого советника – пустовало.

– Может, уже начнём? Минфин, сейчас не обязателен... – разогнал тишину глава лаборатории.

– Это неуважительно... мы должны его дождаться! – придирчиво возразила единственная женщина.

– Наши обсуждения не затрагивают экономику. С казначеем я потолкую в другой раз, – огласил король, задумчиво улыбнувшись. – Я поскорей хочу услышать ваши отчёты; давайте, ну же, порадуйте мои уши, – взбудоражено выпрашивал кукольник.

– Каждый город, в рамках проекта «Светлые головы» – получил всё необходимое для решения проблем с образованием, – с невнятной благодарностью, вступила глава соц. ведомств. – Как было решено, в окружных городах работают по четыре школы и два института, сгруппированных специальностей. В столице открыто пять школ, и три института – наиболее важных профессий. На центральной площади работает круглосуточный кинотеатр, пока что единственный в

Евразии. В восточном и Авангардном городах посетителей ждут театры. Список прочих, менее значительных точек, открытых за последние года – представлен в моём отчёте.

Король «Фрай» безмерно радовался этим вестям, практически откровенно.

– Вместительность окружных городов увеличена до половины миллионов жителей, – устало выдохнул генерал. – Ранее, если кому неизвестно, приделом было число граждан в сто тысяч. Бурное обустройство столицы как города красоты и отдыха не позволило сильно увеличить его жилой фонд. Предел просторного проживания граждан – двести тысяч человек.

В зале повисла тишина, ведь два из трёх явившихся министров своим успехом уже похвалились. Король с любопытством ждал доклада третьего, главы технологического развития.

– А чего вы так смотрите? – обратился он к кукольник, задрав брови. – Мои разработки не касались Евразийских реформ. Все новшества изложены в месячных отчётах, – поправил он толстые очки.

– Что ж, замечательно; я очень, и очень, рад, – хлопнув ладонями, качнулся король на троне.

– Но знаете, я вынуждена заметить одну неприятность, – выдавила социальный эксперт. – С тех пор, как мы подарили людям возможность без опасений множить свои семьи, встала проблема одинаковых имён. Сейчас очень много детей но-

сят имена – Кир, Артур, не мало и Джаинов, Марин... сказать честно, в избытке даже Фраев, – несколько смущённо перечислила соц. эксперт. – Есть классы, где половина группы зовётся одинаково. Это вызывает ощутимые неудобства.

Король даже хмыкнул, услышав своеобразную лесть.

– Ну что ж, – посмеялся «Фрай», – это незапланированная, но логичная проблема. Если вспомнить мемуары Джаина, в Империи тысячелетия назад случилось нечто подобное. Нэогары решили проблему кардинально; они запретили нарекать наследников уже существующими именами. Может и нам создать учёт придуманных имён, и пусть родители не уподобляются чужой фантазии, – предложил король.

– Не лучшая затея, – огласил генерал. – Мы запретим уподобляться родителям, при этом уподобляясь нэогарам. Империя – самое страшное, что есть в нашей жизни. Как мы можем брать с неё пример?

– Соглашусь; будет масса недовольных, после ввода такого запрета, – предположил научный глава. – Правительство не должно посягать ни на одну из людских свобод. Особенно свободу выбора.

– Хорошо, есть другой вариант. Пусть существуют одинаковые имена, после которых следуют фамильные имена, – подкинул кукольник новую идею. – Некие «прозвища» каждой семьи, основанные на её основателях, родах занятий, отличительных чертах... – спешно подбирал он слова.

– Вот это уже лучше. Это и поможет различать детей, и

не вызовет недовольств, наверно... – Неуверенно рассудила женщина, чьи тёмные корни пришла пора окрашивать в общий светлый тон.

Остальные советники, призадумавшись, одобрительно покивали.

– Ну вот и чудно, – растянулась улыбка на устах короля. – Мы запланировали новую реформу. Агата, – обратился куколовод к соц. министру, – надеюсь, на ваш профессионализм.

Одному только кукольнику известны были ехидные слова, что звучали в его голове, пока на лице миролюбиво растягивались губы:

– Они так просто поверят, что фамилий в Империи не было?

– Если это всё, может, пора расходиться? – прозвучали слова паренька в очках.

– И правда, чего ж я вас держу. Возвращайтесь к делам, – пристукнув стол, распорядился король.

Каждый министр направился в свой кабинет, стремясь продолжить службу людскому народу. И только получивший задание советник, вместо своей «комнатки» в Белом дворце, направилась в чужую. Дорога через пару коридоров привела её к привычной для дворца двери; дважды по ней стукнув, женщина отворила вход.

Одновременно с тихим скрипом, что услышали уши, глаза увидели неприбранный кабинет. Слева от входа стоял стол, заваленный кривыми стопками бумаг. Мусорка у стола пере-

полнялась скомканными листами; очередной морщинистый комок в неё закинул министр финансовых учётов Евразии, которым больше полутора лет являлся Алан. Прошедшее время довольно ярко на нём отразилось; принц успел вытянуться, его кудряшки стали короче, лицо более овальным, и худым. Глаз, не видевший наследника Кира последние два года, с точностью сказал бы, что паренёк возмужал. Агата таким человеком не являлась, так что без большого удивления молвила:

– Алан, ты пропустил совет, потому что не подготовил отчёт? – трепетно спросила дамочка.

Принц отдёрнулся, и откровенно изумившись, пробормотал:

– Совет? Он же завтра, у меня ещё есть время. Или нет... о нет, он сегодня?

– Да; минут пять, как закончился... – выдохнула женщина.

– Король злился? Он сильно негодовал?

– Нет, он лоялен к твоим пропускам. Тебе повезло, что Фрай такой понимающий...

– Да, я... я понимаю. Закончу отчёт и сразу к нему, мне немного осталось, – переключив все силы на составление плана, взялся принц чёркать новый листок.

– Это, конечно, не моё дело, – замялась барышня на месте, – но мне правда неприятно видеть, как ты вечно куда-то спешишь. Я понимаю, Милена хочет как лучше, но пока ты Минфин – стоит уделять больше внимания работе. Ты

совсем не щадишь себя на тренировках, в спортзалах...

– Вы так много знаете? Зачем вам это? – поистине растерялся Алан. Он редко дерзил, но сейчас перебил старшего.

– Это моя работа, заботиться о людях. Я бы даже сказала – это моё призвание, – робко поделилась женщина. – Глядя на то, как Милена вешает на тебя всё новые и новые обязанности, моё сердце наполняется горечью. Это несправедливо, – пыталась Агата донести до принца.

– Это не вам решать, – сухо ответил наследник. – Не вам говорить права Милена, или нет. Это известно мне, и поверьте, всё, что я делаю по её словам – имеет смысл. Мне предстоит быть королём; мне предстоит провести «Раздел»; я должен буду держать порядок на целом континенте! Король не может быть слабым. Я – не могу быть слабым!

Женщина из совета поникла. Она знала, что будет трудно, но не ожидала такой непреклонности.

– Я не говорю, что твоя кухня неправа, но она слишком строга. Её категоричность – излишня.

– Я в долгу перед ней; она самое дорогое, что есть в моей жизни. Это главная причина, по которой я слушаюсь Милену. Она знает, как привести меня к силе. И приведёт!

Агате осталось только безрадостно выдохнуть.

– Это в нашей природе, любить родных людей. Главное, не затмевать любовью собственный рассудок, – на прощанье молвила дамочка, которой осталось только уйти. Она аккуратно закрыла дверь, и обиженный, даже угнетенный бесе-

дой Алан, нервно откинулся на стул.

Если приглядеться, можно было заметить покраснения на его лбу, щеках, силой замятые кудри, будто совсем недавно он бегал, или активно чем-то занимался. Принц пытался это скрыть; возможно, холодной водой, и мокрой расчёской, но до конца укрыть усталость – невозможно.

Улучшение уровня жизни – привилегия не только тёплых сердец, власть над которыми держал кукольник. Трудями заботливого казначея Империи, и императора, вставшего на путь разумных решений, дела «холодного» материка тоже пошли в гору. Человек, без чьих трудов такого бы не произошло, ответственно исполнял свой долг по сей день, правда только теми неделями, на которых не запланированы были игры в «Бойсдракс». Эта неделя, известная на весь материк состязанием чемпионов жестокой арены, выкрала Минфина из замка императора.

Как управляющий, Сарцин долженствовал сидеть в ложе, где условия созерцания схваток были близки к идеальным. Тем не менее, его место находилось в первом ряду около арены, на самой обычной скамье, в окружении ликовавших, буйных нэогаров.

Хоть сидеть среди озверевших от рек искр и глухих ударов холодных зрителей было не особо приятно, человека никто не трогал. Нэогары знали, насколько он важен, и знали, почему сидел среди простых зрителей. Места элитной ложи можно было продать богатеям материка настолько дорого,

что всего один билет покроет целую неделю игрищ. А ложе умещало целых трёх зрителей, не считая десятков тысяч простых, скандировавших имя победителя нэогаров.

Пусть не во всех деталях, но Сарцину всё равно видно было, как один массивный нэогар, чьи доспехи изобиловали обрубленными когтями, погнутыми клыками, глубокими вмятинами на самых разнообразных местах – держал поднятой вверх руку другого, едва живого бойца. Его состояние было ещё хуже; сквозь разорванную острыми ударами броню виднелся технический внутренний мир холодного тела. Левый глаз напрочь выбили, а руку загнули в обратную сторону.

Прекратив попытки обломанной посередине саблей раскрыть беззащитный бок соперника, нэогар, близкий к победе, выкинул обрубок оружия. Он голой рукой сквозь жуткий скрежет смял обшивку потрёпанного бока, что для человека было бы равносильно содранной коже. Под оглушительный рёв безмерной боли одноглазого нэогара, оппонент погрузил в беззащитные платы руку, лишь одним движением уничтожив уйму важных микросхем. Это оборвало болезненный клич проигравшего. Последний глаз, с помехами горевший красным – потух, бесследно. Неисправный металлолом рухнул на стальную арену, чей твёрдый покров во многих местах не критично, но промялся.

Не каждый бой заканчивался так зрелищно. Не всегда победитель способен был держаться на ногах, задрав обе ру-

ки вверх. Такой финал тяжёлого боя вынудил трибуны вопить громче, чем это было на войне. Крик нэогарских голосов трудно было выдержать человеку; Сарцин из последних сил массировал уши, сконфуженно прищулив глаза и стиснув челюсть.

В отличие от умалишённых нижних рядов, самых близких к круглому рингу, верхние ряды, и само с собой ложе – помпезно звенели ладонью о ладонь. Не слишком расторопно, без старания, но даже это, выражало одобрение.

Оставшийся в живых боец, высокомерно направился к открывшемуся у самого основания трибуны проходу, точно под местами богатеев. Пока чемпион покидал лучи полуденного солнца, на их свет выходил нэогар, совершенно негодный для схваток. Он был низок, казался излишне широким, и даже видом заставлял улыбаться. На него накинут был цельный кусок золотого щёлка, с одной лишь прорезью для головы, на которой держался колючий ободок, увенчанный двумя скрещенными запястьями. Этот «головной убор» очевидно был дешёв..

Встав в центр арены, что ознаменовало тишину – задорный ведущий объявил:

– Не выстоял Унрив – ненавидимый кредиторами, против Павэна – братоубийцы. И это означает, что на счету громилы ещё одна победа! Встречаем новых соперников: грабитель – Ворн, и Карвин – налоговый коррупционер. Выживет только один, зато умереть – могут оба! – на прощание огла-

сил он, спешно удаляясь с подбитой «сцены». Но прежде чем новые бойцы успели показаться, ведущий качнул головой, в направлении выхода.

Управлявший ареной, подметив это, с облегчением кивнул, и поспешил встать.

Не назвать путь сквозь зрителей первого ряда самым простым, но он всё же был преодолим. Минфин покинул пределы трибун, вполне скоро после зова весёлого нэогара.

Путь завёл его под основание арены, на ярус где бойцы, будь то чемпионы или новички, преступники любых мастей или простые любители драться, ожидали своего времени в общих тесных каменных бараках. Потолок в этом месте постоянно трясся и пылил, а запах, незаметный нэогарам, напоминал ржавчину и сырость.

Двигаясь за спиной местного шута, управляющий ареной добрался до усаженных на колени нэогаров, привезённых сразу после судов. Под прицелом трёх винтовок они спинами упирались в голую стену, за которой хранили убитых на играх. Из восьмёрки будущих увеселителей, на собственные колени смотрели шестеро. Одно лицо, что поднялось к управляющему не смотря на унижительную позу, кипело гневом и яростью; ему желанно было разнести всё по близости – это любимый публикой контингент. Второе лицо – преисполняла неизбежность. Этот нэогар был чертовски стар; даже образ доспех, что он носил выдавал возраст, превышавший количество лет самого Детектива. Ржавчину со стари-

ка уже счистили, насколько это было возможно. Под слоем коррозии тысячи царапинок совершенно разных размеров не были заметны, но сейчас – они отблёскивали более чистым металликком, чем тот, что окрасил броню.

– Зачем тут этот старик? – смятённо спросил Сарцин. – Публике нужно зрелище, а не насилие.

– При всём уважении, не вам такое говорить, – сболтнул ведущий. – Это далеко не простой старик. Он направлен в «Бойсдракс» по личному указу императора, напрямик из самого отдалённого тюремного бункера. На его счету безмерно много благих дел, но уже почти три сотни лет он считается государственным преступником. Девять сотен лет назад он обучал техникам ближнего боя войска Маггара, которые слыли непобедимостью. Восемь сотен лет назад, он стал генералом Маггарского войска, ещё при короле Тэлне – отце Магны. А после Последней Мировой Войны, его зачислили в мастера подготовки имперских миротворческих сил, нужных при подавлении бунтов. Слух о его умении воспитывать превосходных бойцов донёсся до заместителя императора Вэнтэра, и тот решил лично пройти курс обучения, – всё глубже уходил шут в историю.

– Быть не может... этот старик – мастер Ий? Нет, – протяжно молвил Сарцин, отступив назад, – нет, это не может быть правдой. Кукольник бы не выпустил его!

– Он так и продолжает величать себя кукольником? – хрипло, медленно, местами невнятно, буркнул нэогар. –

Жаль. Его имя, подходит ему больше...

Самый глубокий шок – до костей пронял Сарцина. Паренёк с тусклой тенью восхищения опустил на корточки, чтобы максимально близко оглядеть чуть живые глаза цвета фреза.

– Если вы правда великий Ий, и я смогу убедить в этом публику, никакой арены не хватит, чтобы вместить всех желающих посмотреть на вашу смерть, – загнул он самые уголки рта.

– А если я выживу? – бесстрашно просипел храбрец.

– То мне некуда будет складывать золото, – улыбнувшись по-настоящему, молвил Минфин.

– Слава старца велика, но что от него осталось? Взгляните; встанет – развалится, – изложил ведущий.

– Главное, чтобы это случилось на арене. Готовь громкий текст и утраивай цены билетов; сейчас же сообщи трибунам о нашем раритете. Я подниму такую прибыль, что отец с того света – позавидует!

Решительно стукнув кулаком ладонь, управляющий отправился к выходу. Он видел перед собой чёткую цель, и знал, как её добиться. Сарцин был воодушевлён; перед ним не стояло препятствий.

Евразия обзавелась множеством традиций. Часть их, к примеру, последнее желание усопшего – вошли в людскую жизнь спонтанно; зовом благородности. Но подавляющее большинство, в людские головы вложила Империя. Сюда

входило сжигание безжизненных тел, церемония свадьбы, и даже празднование дня рождения. Хотя в случае нэогаров, у этого события было другое название – день создания.

Кукольнику неизвестен был никто, созданный в этот день. Кроме первого нэогара- Человека, первого бессмертного – ныне убитого. Кукольник пребывал в его компании. На скамье, около стола, на котором возлегало нэогарское тело. Пару сотен лет назад, оно внушало страх громким именем – Вэнтэр. Именем, что носил король, император, бессмертный... и, судя по всему, очень близкий кукольнику.

В мрачной комнате, где все стены в чёрный некогда выкрасил пожар, где долженствовало быть всего одно окно, и то отсутствовало (была лишь дыра в обугленной стене), в одиночестве мальчишка коротал время, если не считать компанией первое тело великого императора.

Горевшие пёстро-голубым глаза нэогара не одну сотню лет как опустели; у куклы, что решила его проведать – глаза были печальны. Картину горечи всего лица рушила только улыбка, полная тоски. Висящая в воздухе тишина вполне устраивала кукольника; в его руки так и просилась чашка горячего шоколада, звук выдоха или отрадные речи, но он молчал, бесцельно оглядывая мёртвую сталь.

Полную дыр и трещин дверь с тихим скрипом отворил Кан. Во взгляде, которым он заглянул внутрь – виднелась боль. Ему тоже тяжело было находиться в этом месте.

– Я искал тебя в лаборатории, – проронил мужчина, войдя

в комнатку. – Думал, ты будешь там.

– Сегодня ведь день создания, а не смерти, – вяло ответил кукловод. – Это стоит праздновать с телом, в котором жизнь зародилась, а не оборвалась...

– Как ты просил, мастер Ий сослан в «Бойсдракс». Вначале я не задумался, но прежде чем издать указ, мне стало интересно – почему сейчас? Почему именно сегодня? – любопытствовал император.

– День создания, невольно наводит на мысль и о дне смерти. Вэн уже восемнадцать лет как убит, его душа в Ментальном мире стала совершеннолетней, – усмехнулся мальчишка, с ноткой печали. – У нэогаров не принято дарить подарки, в отличие от людей. Но мы с Вэном ведь люди; не у него счёты с мастером, но зрелище кончины такой персоны – уж порадуется, императора, – выдохнула кукла.

Кан тихо помычал, одобрительно кивая. Вернув взгляд с пола к мальчугану, он произнёс:

– Ещё долго намереваешься тут пробывать? Я просто, мог бы забрать тебя.

– Спасибо, но я хочу побыть здесь подольше. Благодаря таким дням, я могу целый год не каяться из-за своих глупостей. Мне нужно выполнить годовую норму самобичевания за день... это непросто, – насильно улыбнувшись, обернулся барон баронов.

– Всё ещё винишь себя? Это глупо, ты непричастен ни к одной из смертей...

– Причастен. Отца убил Вэнтэр, но из-за Моей слабости. А Вэна Кир, но из-за Моей гордости. Косвенно, но всё же я причастен. Даже если они оба уже простили меня, себя не простил я. И это страшно... – сквозь силу играл бодряка по-нуренный мальчишка.

Императору не осталось ничего, кроме как с понимаем кивнуть. Кан не придумал, что ещё можно сказать. Он безмятежно вышел, закрыв за собой дверь. Дверь, что вела в зал второго этажа «Храма последней элиты», и встал на ступеньки, уходящие вниз. Там, где они обрывались – виднелся холл храма, того места, где вечность коротали тела поверженных королей, под телом повергнувшего. Нэогары всегда обожали символику, а Вэнтэр и вовсе души в ней не чаял. Прекрасен был период, когда все четыре нэогара из последнего поколения королей лежали здесь: слабейшие снизу, сильнейший наверху. Но теперь – слабейшие жили, а сильнейший погиб, и не важно, где он лежал...

Особы королевской крови не могли жить без причуд. А если причуда такой особы – слепота и белоснежные волосы, внутренние черты только сильнее рвались наружу.

Удерживать чертей внутри Милены помогали прогулки; раньше она дышала воздухом только вокруг дворца, переживая за Алана, ну и себя разумеется, на них ведь могли покушаться. Но с тех пор, как во избежание этого девица повесила на принца силовые тренировки, а король экономическую бюрократию – о прогулках с кузеном пришлось забыть. Ми-

лена не сильно огорчалась; она знала – это ради благой цели, да и замену кудряшу ей подарила сама судьба.

Этим тёплым вечером, когда солнце склонилось над горизонтом, захватив его в свои «объятия»– принцесса слегка ускорила шаг по мощёной тропинке центрального парка. Среди разнообразных деревьев и ароматных цветов, существовавших единой композицией, троп было довольно много. По ним прогуливались влюблённые парочки; люди, которым повезло жить недалеко от парка; бегали дети, коротая вечер разнообразными играми; шагала Милена, которую умело вел капитан Джой. О его службе в «Реокрацу» говорила строгая форма, а о высоком статусе – повязанная единица на руке. Именно эта рука, согнувшись в локте – держала руку принцессы, что лежала на капитанской сверху. Их пальцы крепко смыкались; так девице спокойней казался путь.

Темп касания ногами плитки Джой копировал с принцессы; каждая его повадка кричала о бережливом отношении к её комфорту.

Мимо шли люди, умилённо на это глядя. Каждый гражданин знал принцессу в лицо; она часто появлялась в парке, да и слишком приметна была её внешность. Белые волосы, убранные с лица серебряным гребешком на затылке, фиолетовые глаза, светлые вещи, полные воланов – словом, своеобразно.

– Капитан Джой, вы так молчаливы. Я люблю тишину, но безмолвие – пугает.

– Простите, если вам это неприятно. Просто, я не знаю, о чём говорить...

– Расскажите о вашей семье. Вы постоянно находитесь вблизи меня; ваши родные не волнуются?

– За меня некому волноваться, – стыдливо признался капитан.

– Ложь, – качнула принцесса головой.

Джой хмыкнул, даже прекратив шагать. Восстановив темп ходьбы, он ответил:

– По крайней мере я хочу, чтобы никто не переживал. А тот, кто переживает... пусть переживает.

– Вы в соре с близким вам человеком? Даже не представляла, что вы можете злиться.

– Поверьте, тот, на кого я зол, заслуживает злости всего света. Он совершил нечто ужасное... вы не представляете, насколько ужасное.

– Правда, – с ноткой удивления, огласила девица.

– А ваши родители? Что вы о них думаете? – с неподдельным интересом, спросил капитан. Он лично знал и мать и отца осиротевшей Милены. Ответ на этот вопрос, он ждал с настоящим трепетом.

– Всё, что я знаю – одна глава учебника истории, и лицемерные рассказы наследников власти.

На этом девчушка прекратила рассказ. Но, не дождавшись реакции капитана, продолжила:

– Я знаю, что моя мама была сильной. Я убедилась в её ко

мне любви, пусть и довольно странной...

– Странной? – растерялся Джой. – Как вы в ней убедились?

– Мои глаза. Мои волосы. Моя безопасность от злых умыслов. Всё это – подарки мамы.

Джой откровенно замешался. Он пытался самостоятельно разобрать смысл сказанного – безуспешно.

– Вы ведь знаете, я вижу ложь, – напомнила принцесса. – Я могу распознать любую неправду, даже если солгу сама. Сколько себя помню, я не могла понять, почему я такая? Почему я, старшая наследница бархатного трона, не могу радоваться жизни, как все? Сколько себя помню, я садилась перед зеркалом, и сама себе называла причины, по которым я слепа. За двадцать лет мной было названо уйма вариантов, среди которых оказался и верный. Правдой стал ответ – чтобы не видеть ужасов этого мира. Чтобы мои глаза не отвлекались на лживую красоту, а видели мрачную правду. Этого желала моя мама; этим, она меня наградила. Я не знаю, благодарна ли я ей, но мои глаза меня выручают. Слепота – мой меч.

– Я был бы горд, зная, что моя мама так сильно любила меня, – изрёк капитан, не разобравшись, верит ли в эти слова. – Думаю, про короля Артура и спрашивать бессмысленно.

– Почему? – смутилась принцесса.

– Он был отличным человеком. Такого отца нельзя сты-

диться, – не сомневался паренёк.

– Вы первый, сказавший эти слова правдиво, – даже удивилась Милена. – Каждый, кто хорошо отзывался о его заслугах – лгал. Меня убедили в его слабости, пытаюсь обогатиться обратным.

– Простите мою наглость, но Артур был скверным королём. Зато человеком, мужем и отцом – он был бы прекрасным, – будто пообещал капитан, улыбочиво взглянув в глаза принцессе.

– Правда, – неумело кивнула Милена, почуяв гордость за отца.

– Принцесса, капитан, вам стоит поторопиться! – отрадно воскликнул король Фрай. Он с дружелюбной улыбкой двигался к девице и пареньку, окружённый тремя из первого отряда. Носителю короны и зелёных орнат, встречные горожане неустанно приклонялись, после чего продолжали путь. Короля никто не отвлекал от беседы с принцессой. – Вскоре стемнеет, а вы так далеки от дома.

– Тьма всегда со мной; ночью – меня не испугать. К тому же, со мной сильнейший в «Реокрацу». Зачем спешить домой?

– Чтобы унять тревоги вашего кузена, который наверняка забеспокоится, – ещё шире улыбнулся кукольник, почуяв колкость в девичьем голосе. – Кстати о сильнейшем; Джой, позвольте нам с принцессой уединиться?

– Нет. Я не могу отдаляться от принцессы во время служ-

бы, – категоричен был паренёк.

– Не волнуйтесь, мне нельзя навредить, – отпустив руку капитана, объявила Милена. – Никому, это не под силу, – протянула белоснежная дива руку королю. Фрай с улыбкой сжал её хрупкие пальцы, уводя за собой. Перед Джоем встали охранники короля, отрезав путь к преследованию.

– По какому делу я вам понадобилась? – невинно спросила Милена.

– По делу кузена, который возможно и забудет о вас переживать, на десятой за день тренировке, – посмеиваясь, молвил король. – Вам не кажется, что вы перебрали с напором на паренька? Такими темпами, к двадцати годам – от него останется сухой скелет, – хмыкнул кукловод.

– Алану предстоит совершать великие подвиги. Его отец стал героем благодаря силе духа; сыну же, остаётся брать силой тела.

– Его отец не стремился в короли; это произошло волей судьбы. Хороший король должен быть умён, а не силён, – без спешки рассудил мальчишка. Их с Миленой силуэты «отчалили» от членов когорты, что остались на прежнем месте. Неспешная прогулка по дорожке, между тонкими деревьями и душистыми цветами, отвела их от посторонних ушей.

– Правда, – кивнула Милена. – А великий король – должен быть и силён, и умён, – повернулась она к Фраю. – Если вы так переживаете о его свободном времени, избавьте от мороки с экономикой.

– Будущий король должен участвовать в жизни страны, постигать бразды правления. Другое дело взамен сна и отдыха обогащать Евразийских тренеров, – привычно хмыкнул король.

– На собственного кузена у меня прав больше, чем у убийцы его отца, – холодно отсекла принцесса.

– Вот с этим вам стоит завязывать, – растянул он слова и печаль на устах. – С такими нелепостями, вам грозит курс лечения в психбольнице, – будто сожалея, мимолётно предупредил он. – Что до Алана, ваша принципиальность мне ясна.

– Только сейчас? – подняла девица брови.

– Сейчас в особенности, – хмыкнул король. – Передайте принцу мои сожаления... ему очень не повезло с роднёй, – хлопнув девушку по спине, отпустил «Фрай» её руку. – Капитан Джой, можете вернуться к своим обязанностям, – дозволил он, и оборотень спешно добрался до принцессы. – Когда окончите свою смену, загляните в тронный зал. Мне нужен ваш совет, – затаилась под улыбкой тьма.

Капитан нерешительно кивнул; подобные просьбы составляли редкость для кукольника.

Милена не могла видеть, как король и его сопровождение отдалялись от места расставания. Хоть девица и смотрела вниз, лицо её переполнял гнев. Злоба, смешанная с отвращением.

– Принцесса, мы...

– В замок! Пора домой, – строго определилась она, выбрав самый быстрый темп шагов.

Взамен знамени дневного света и тепла, небо приютило «алмаз» ночи. Тусклый белый свет источал почти самый центр небосвода; чтобы забраться так высоко, луне требовалось немало времени. Несмотря на поздний час, в тронном зале Белого дворца – на троне покачивалась изнурённая ожиданием фигура кукольника. Сложив руки на груди, он из раза в раз наклонял спинку трона, затем поднимаясь вместе с ней, и так по кругу.

Долгожданный звук открытия двери всё же почтил захваченный ночной тишиной зал. Порог преступил Джой, с одолжением двигаясь к столу короля.

– Хвала Милене, – задрал руки вверх, высокопарно молвил кукольник. – Она соизволила отдать мне мой шедевр, – несколько недовольно, оборвались его слова.

– Я ведь здесь ради неё, а не в качестве советчика, – спокойно отмахнулся капитан.

– А жаль. У тебя было бы больше времени на и правда важные занятия. К примеру, поиск Кулака. Как успехи? – ехидно поинтересовался мальчишка, предполагая ответ.

Джой сконфузился, забежав взглядом по сторонам.

– Ну, пока что не очень. Я совсем недавно проверял записи засекреченных королевским указом предметов; Кулак в их списке есть. Но понять где его хранили, кто транспортировал, и что с ним стало после создания оружия «ММ»,

я не могу.

– Блин, опять шоколад кончился, – заглянув в пустую кружку, вякнул кукольник. – А с Миленой что? Не заикается о разделе, или пророчестве?

– Очень редко, и то мельком, – качнул Джой головой. – В пророчество от лица убитого императора она не верит, ну а раздел... она не сомневается, что он состоится. Говорит, видит правду – произнося эти слова, – вероятно, верил мнению Милены капитан.

– Какая занятная девчушка. Давно я не ощущал, такого сопротивления, – растянулись губы короля в широкую, открытую улыбку. – Приглядывай за ней дальше. И приглядывай хорошо. Но не забывай о поиске Кулака; Вэн не мог просто так подарить его Киру. Уверен, Кулак тоже часть его плана... так что выведай, куда реликвию героя могли упрятать.

Кукольник устало выдохнул, посмотрев на опустевшую чашку, некогда полную его любимым, горячим шоколадом. Вернув просящий взгляд к капитану, он мягким голосом проронил:

– Ты ведь не откажешь дорогому другу в чашечке шоколада? – невинно поднял он брови.

Джой усмехнулся, перемявшись на другую ногу.

– Только если вторая чашка – моя, – загнулись края капитанских губ.

– Ах ты, предприимчивый любитель чужого шоколада, – сквозь смех выкинул король. – И пирожных захвати, – доба-

вил он, направленному в столовую пареньку...

36 эпизод. Королева

Как бы дети не относились к родителям, что бы о них не думали – общих черт не избежать. Не только кудри, цвет кожи и размер носа можно получить в наследство; даже ни разу не видев родных родителей? ребёнок имеет все шансы унаследовать черты характера и образ поведения.

Как нельзя хорошо это доказал пример Милены; её отец не переносил шумных компаний и людных мероприятий. Даже собственные дни рождения он праздновал сугубо в компании родных людей. Точно по его примеру поступила Евразийская принцесса. Взяв за начало наступление девятого часа утра, покои Милены стали вместительным для двух гостей её праздника. По случаю двадцать первого дня рождения слепой девицы, комнату украшать не стали; Джой и Алан были единственными приглашёнными на праздник, и оба понимали, что смысла увешивать комнату шариками и яркими лентами, не наблюдалось. Но принц всё же не удержался от выполненного в изысканном стиле подарочного торта.

Кондитерский шедевр в комнату занёс лично приготовивший его человек; нарядный костюм с лёгкостью перебивала красота сладкой белоснежной розы, размером с целую голову. Окрашенные чёрным шоколадом загнутые края лепестков представляли готовые к поеданию порции; оно и ясно, нож не поднимется резать такой торт. Мягко коснувшись подносом центра стола, на котором кроме десерта стояли бо-

калы с игристым вином и украшенные закуски, кондитер, подаривший слепой имениннице торт, молвил:

– Прощу, наслаждайтесь. И, примите мои поздравления, – блеснув улыбкой под тонкими усами, он, приклонившись, попятился к двери.

– Благодарю, – проронила Милена, не способная оценить всю красоту угощения.

– Огромное спасибо, – восторженно вставил и Алан, оглядывая съедобную розу.

– С чего желаете начать? – учтиво поинтересовался Джой, готовый обеспечить принцессе уход.

Только Милена собралась озвучить свой выбор, как её кузен вставил:

– Конечно же с подарков, – не сомневался он. – День рождения – всегда важный праздник, но этот, важен для тебя чуть больше остальных, – встав с удобного стула, завёл принц небольшой тост. – На твой двадцать первый день рождения, я хочу подарить тебе нечто более памятное, чем платья и ожерелья. С этого дня ты законно можешь перенять бразды правления, и пройти коронацию как королева. С этого дня, у тебя будет меньше свободного времени. Чтобы ты помнила о днях, которые провела с семьёй за прежние годы, я дарю тебе часы, – подняв с невысокой полки деревянную шкатулку, откровенно радуясь, огласил кузен. Он преподнёс умиленной девице лишённую особых росписей коробочку, которую Милена с интересом ощупала. Смело её

открыв, принцесса показала любопытному взгляду капитана подарок принца. На белой подушечке, сминая её, лежал довольно широкий браслет, цвета тёмного золота. На нежной фарфоровой коже такой металл смотрелся благородно. Алан подобрал всецело ювелирный дар, в часах не было ни грамма кожи; тем не менее, теснённый рисунок браслета напоминал ремешок простых часов. Предусмотрена была даже состаренная пряжка; она не функционировала, но создавала королевскую изысканность. Циферблат, стрелки – ничто не прикрывало; коснувшись их рукой, получалось интуитивно понять который час.

– Спасибо, Алан, – упоенно произнесла Милена. – Большое спасибо, – не нашла она других слов.

На утончённой руке именинницы, подарок кузена моментально прижился. Милена отлично подбирала нужные выражения лица, но сейчас, её тёплая улыбка и интерес при каждом касании, были откровенны. Ей ни к чему было играть; забота Алана принесла одинокой душе порцию чистого счастья.

– Мой подарок менее символичен, – признался Джой, позволив принцессе «налюбоваться» часами. – Я думаю, вам будет приятно порой ощущать облик своих родителей. Поэтому, заказал в мастерской резной портрет, – огласил он, уперев о колени девицы стандартного размера картину. Но если габариты его подарка были обыденны – сам портрет удивлял. Точно как рама, что держала полотно, само полотно бы-

ло из полой стали, что облегчало вес картины.

– Какая холодная, – приступив к ощупыванию с краёв, озвучила Милена. Коснувшись ладонью самого содержания портрета, частота прикосновений и их расторопность заметно возросли. Ведь из тысяч тонких нитей, цвета и прочности металла – составлялся портрет родителей принцессы. Ей не известно было ни как они выглядели, ни что каждой нитью рельеф собственноручно создал Джой. Но нащупав счастливое лицо Инессы, немного ниже Артурского, который, в свою очередь, жену приобнимал, фиолетовые глаза Милены намокли. Из уголка, около носом – выступила слеза, покотившаяся по щеке.

– Это... это мама, – дрожащим голосом, произнесла она. – А рядом... рядом папа, – мягок был голос девицы. – Спасибо, Джой, – приобняв холодный портрет, закрыла Милена глаза. – Спасибо, – вытер её тонкий палец скользкую слезу.

– Милена, что ты, сегодня нельзя плакать, – понимая причину слёз, вмешался кузен.

– После такого подарка, можно, – открылись фиолетовые глаза, выше слабой улыбки. – Я всегда хотела узнать, какие они, мои родители. Спасибо, Джой, за то, что помог, – повернулась она туда, откуда последний раз слышала его голос.

– Не стоит. Сегодня ваш праздник, и вы должны запомнить его лучше, чем любой другой, – скрыл капитан улыбку поощрения.

– Ну- С, приступим к празднованию? – подняв прозрач-

ный бокал с жёлтым напитком, спросил принц.

– Приступим, – тихо согласилась принцесса, аккуратно нащупав рукой ножку своего фужера.

В компании дорогих сердцу людей, и милых вкусу угощений, утренний банкет подошёл к концу. Не так уж много времени понадобилось родственникам, чтобы приговорить вкусный стол к опустошению.

Джой из всех отмечавших, съел меньше всего. Он в компании Милены прожил уже три года, но всё ещё неловко себя ощущал, когда к нему относились хорошо. К тому же бодрый, старательно весёлый Алан взял статус души компании на себя; он водил разговоры, пытался смешить кухню, не редко даже успешно. Порой подключался и Джой; не смотря на его стеснительность и молчаливость, вместе провести время, приятно было каждому.

Кроме закрытого праздника принцессы, поводов отдыхать не было. День в Евразии стоял обычный, так что долг службы отринуть было нельзя.

– С радостью бы провёл этот день с тобой, но прости, надо дописать новые указы... – на выдохе поделился Алан. – Забегу к тебе на обеде, – поцеловав кухню в щёчку, отрадно попрощался кузен. – До встречи, Джой, – удостоил он чести прощания и лучшего в «Реокрацу».

Капитан уважительно кивнул, но не встал со стула около Милены.

– Сопроводить вас в сад? – учтиво спросил первый в ко-

горте.

– Нет, не надо. Как я и обещала, сегодня у тебя выходной, – с теновой улыбкой напомнила девица.

– Но принцесса, зачем вам одиночество? Сегодня я не могу вас оставить, – всполошился паренёк.

– Не волнуйся, я не загрущу. Тропа королевы – всегда терниста. Мне необходимо к этому привыкать, – вернув голосу оттенок строгости, пояснила девица. – Тебе не жалко сделать мне ещё один подарок?

Капитан изумился, услышав такой вопрос.

– Н-нет, не жалко, – насторожено ответил он.

– Тогда потрать этот день на себя. Подари мне свежего, полного сил первого в «Реокрацу», – заботливым тоном, огласила она.

В этот раз, Джой усмехнулся. Стеснительно взглянув на Милену, он кивнул:

– Как прикажете. Если заскучаете, я в любое время вернусь, – вставая с места, пообещал паренёк.

– Не сомневаюсь, – растянула принцесса края губ.

Оставшись в собственных покоях одна, она развернулась к кровати, на которой лежала подаренная капитаном картина. Проведя обеими руками по рифлёным изображениям своих родителей, Милена прекратила улыбаться.

– Пришло наше время, – изрекла она, поднявшись на ноги.

Решительные, чёткие, спешные шаги беловолосой девицы

по коридорам дворца – привлекли не мало внимания служителей государства. Милена держалась поближе к стене, но не касалась её. Она шла самостоятельно, без опоры – глядя точно вперёд. Её лёгкие светлые вещи шатались в такт шагов, а маленькие каблучки издавали характерный стук.

Поражая людей, что оказались в коридоре вместе с ней, Милена дошла до всем известного входа в тронный зал. Нащупав проём для двери, девица встала точно напротив него. Она смело толкнула преграду, которая, без сопротивлений, тихо отворилась.

– Король Фрай! – выкинула она с самой двери

– Простите, милочка, но его нет, – добродушно ответил старичок, со шваброй в руках. Поверх клетчатой рубашки на нём был синий комбинезон, за ляжку которого заправлялась засаленная тряпка.

– А вы кто? – смутившись, спросила принцесса.

– Я уборщик. Король попросил прибраться здесь, пока его нет, – возил дед верёвками швабры по полу.

– Тогда, где он?

– А вы не знаете? Король отправился на проектирование нового города. Сказал, может сильно задержаться...

– Ах, точно, новый город... – проходя в зал, поникла Милена. Ей благой ход «Фрая», не по душе пришёлся. – Я подожду его здесь. Надеюсь, вы не против? – сам голос принцессы отрубил шанс возразить.

– Если вам угодно, – выдохнул старичок, переведя швабру

на новый участок пола...

За время, что на путь потратила Милена – любой зрячий человек, где бы во всём замке не был – успел бы выйти наружу. Вот успел и Джой, как раз сейчас показавшийся на нижних ступеньках дворца. Не спеша спускаясь по ним вниз, капитан, держа руки в карманах, отвлечённо подумал:

– Давненько я не находился вне дворца сам... аж непривычно. Ну что ж, навещу новое средоточие «науки» кукольника, – определившись с направлением пути, зашагал паренёк стандартным темпом.

Довольно далеко кукловод увёл свой штаб от городских окрестностей. На своих двоих туда и за неделю не дойти, а транспорт вне городов, увы, не циркулировал. Вот и пришлось Джою пешим ходом вначале добраться до Евразийской квартиры кукловода, около которой, в гараже, своего часа ожидал новенький эндуро.

В разгар дообеденного дня на улицах было пустынно, а вблизи солидных домов и прилегавших к ним гаражей, и во все не сыскать живой души, по крайней мере – глазом. Именно так выглядел дворик Евразийской обители короля, временно дарованной Джою.

На правах хозяина всего, что можно было отпереть полученными ключами – капитан приготовил эти самые ключи. Ему осталась всего пара беззаботных шагов, и он отворит дверь, за которой хранился его билет к кукольнику. Чья бы голова смогла представить, что его руку ни с того ни с сего

схватят.

Тонкие женские пальцы обхватили предплечье Джоя, готовое просунуть ключ в скважину. Моментально отдёргнув его в сторону, миловидная девушка, обыденно одетая, с распущенными коричневыми волосами, вившимися до самой поясницы, со всего размаха спиной вбила капитана в стену гаража. Не успел Джой, отвлечённый болью в спине, разобрать лица барышни, на вид не старшей двадцати пяти, как она разинула рот, и оглушительно сильно взвизгнула. Сморщенный из-за напряжённых связок лик заменил неприятную песню тысячи цикад, что стрекотали в рупор. Сила голоса этой девицы не то, что вынудила Джоя болезненно сдавить уши руками, оскалив белые клыки; она выбила ближайшие окна первых этажей.

Будто даже не слыша ужасающей трели, с крыши гаражей соскочили ещё две дивы. Их, помноженный гул цикад, ничуть не смутил. Зато любого кто их увидит, могли смутить две крабьи клешни, в два раза большие привычных рук на запястьях одной, и длинные изогнутые когти, росшие с пальцев второй. Если глаза короткостриженной дамочки с клешнями выглядели обычно, то у той, что обладала когтями – глаза точь-в-точь опирали кошачьи. Зелёная основа вместо всего белка, и узкая чёрная полоска в центре – тянулась на каждом око когтистой девицы.

Ещё не твёрдо встав на ноги, её левая рука протянула через плечо капитана вполне глубокие рваные царапины, за-

полненные кровью. Сами когти окрасились в красный, покинув плоть паренька. Резкая боль пробудила волчью натуру; Джой распахнул багряно-золотые глаза. Его клыки в разы увеличились, и вместе с рыком – лик оскалился.

Девушка с клешнями не стала медлить. Едва выпрямившись, правой «рукой» она пробила стенку гаража, зажав тонкую шею меж крепкими клешнями. Таким жестом, почти краб вероятно хотела усмирить капитана, пригрозив расправой. Эффекта она не достигла; бурые когти Джоя после первого же взмаха ранили прочный красный панцирь на руке, и оборвали мучительный вопль крикуньи. Самой молодой из напавших пришлось отдёргнуться, что бы уберечь лицо. Из-за этого, она даже упала, зато цикадный перезвон, наконец, умолк.

Свою лепту вновь внесла когтистая девчушка; её лапа замахнулась ради новых кровавых полос на теле Джоя, но оборотень успел схватить руку, стараясь не вредить чужой коже собственными когтями. Самое безопасное, что он придумал для «кошки» – оттолкнуть её, задействовав ногу. Да, приятного мало, но девушка хотя бы осталась цела.

– Что вы творите? – сквозь неудобные клыки, выкинул Джой. Его безмерно удивило всё происходившее; выше частых вздохов горели шокированные глаза, не способные объяснить схожесть этих людей, с ним.

Иллюзия безопасности пред капитаном пала в тот момент, когда примерно в десяти точках позади него – плотные кула-

ки пробили жестяную стенку гаража. Десять крепко сжатых ладоней показались за ним сквозь жёсть, и едва сделав это – похватали паренька за что повезло. За руки, ноги, волосы, вещи... каждая ладонь нашла свой участок. Пока хватка была не особо крепкой, Джою не хватило расторопности начать выдёргиваться.

Руки, захватившие его, казались нестандартно длинными; будто вместо одного предплечья, было два. Это увеличило силу захвата; когда оборотень сообразил выдёргиваться, сжатые в кулаки пальцы слишком крепко его ухватили. Прижатый всем телом к стене, паренёк даже с волчьей силой мало что мог поделаться. В полной мере, он разве что удивился, заметив бежавшую фигуру ещё одной женщины.

В этот раз, намеревалась приблизиться одетая довольно странно дамочка. На неё был накинута тёмная балахон, без рукавов; позади головы ветра набрался капюшон, скинутый при первых шагах. Ориентируясь, вероятно, на звуки громкого топота – владелец рук спрятал их обратно в пробитые дыры, а подбежавшая особа выкинула из-под плаща обе десницы. По их форме и кулакам на концах было понятно, что это такое, но густо торчавшие из кожи, будто акульки зубы, ровными рядами наклонённые от кулаков – сильно сбивали с толку. Проведя острыми словно бритва зубками – женщина оставила на Джое скрещенные кровавые следы. Они получились довольно широкими и, как ни странно – ровными. Последствием удара стала брызнувшая кровь; красные капель-

ки запачкали собой стену гаража.

Исказив лицо оскалом боли, Джой вскрикнул, и рухнул на колени. Босая нога покрытой зубами дамочки упёрлась в его грудь, прижав к злополучной перегородке. Новая порция острых шипов погрузилась в его плоть, одновременно с волной убийственного звука, что ударила по ушам.

Терпеть визг и боль рваных ран, стало невыносимо. При всём стремленье быть хорошим, инстинкты Джоя запретили ему продолжать терпеть.

На краткую пару секунд глотка оборотня испустила угрожающий рёв; он даже подавил сверхвысокий визг. Глаза капитана утратили золотую примесь к багрянцу; цвет их стал чистой кровью. Оскаленная пасть вонзила клыки в мешавшую ногу, проломив укусом заострённые зубцы. Цикадный гул перебил крик боли особы, чья кожа пропускала на свет акульи зубы.

Равновесие преграды Джоя пошатнулось; дамочка упала на землю. Пока она ещё пыталась устоять, оборотень успел преобразиться. Густая бурая шерсть отросла на каждом сантиметре его тела, полностью заменив капитанский костюм. Форма лица кардинально изменилась; его венчал нос, с разинутой зубастой пастью. Глаза так и горели чистым багрянцем, что придавало нестандартно большому волку пугающий настрой. Зверюге, ростом по нижние рёбра – хватило лишь одного прыжка, чтобы повалить голосистую крикунью. Агрессивно щёлкнув клыками близ её лица, волк соскочил с

девицы. Его пугавшее рычание перестало быть таким близким, ведь этим шансом на побег он с радостью воспользовался. Сильные подскоки крепкими лапами быстро отдалили красивого зверя от ошеломлённых девиц. Некоторые из них, не могли встать; некоторые, бездумно смотрели в след вилявшему при беге хвосту.

Из-за другого конца ряда гаражей, гуляющим шагом вышла ещё одна дамочка. При взгляде на неё, больше всего удивляли непривычно большие очки, буквально на пол лица. Сняв мутные стёкла, она направила взгляд именно туда, где по-прежнему виднелся удиравший волк. Но глаза её... глазами назвать было нельзя. Они начинались в центре лба, а заканчивались в центре щёк; их цвет был беспросветно чёрным. Слабо отражали свет только сотни сетчатых участков. Её глаза – в точности напоминали очи мухи, или бабочки... только увеличенные.

– Всё же, он сбежал, – решила она огласить.

– Серьёзно? А я в толк не возьму, куда ж он подевался, – наиграла та, чьи руки могли «укусить».

– Не страшно, у меня остался его запах, – подняв окровавленные когти, улыбнулась девушка с кошачьими глазами.

– Эй, не пора меня выпускать? – вмешался вдруг голос изнутри гаража. Он, что не удивляло – тоже был женский. Остальная компания, похоже, забыла о своей коллеге.

Место, что Джой собирался навестить, теперь вынужденно было долго ждать своего гостя. Хотя, скорость бега бурого

волка, обеспеченная крепостью его лап – отлично помогла в этом деле.

До сих пор и половина всех доступных в Евразии земель, не перешла под людской контроль. Оставшийся ещё со времён восстания Джаина мусор, руины, развалины не уничтоженных зданий – наконец сдались натиску природных сил. Обожжённая земля приютила невысокие деревца; проклюнулась зелёная травка; камни постепенно «поедал» мох. Долгие годы грязная вода в озёрах и речках, наконец, отчистилась. Именно такое, залитое прозрачной водой озерцо, можно было увидеть рядом с уцелевшим домиком. За озером – возвышалась гора, высотой по самые облака. С трудом видна была засыпанная снегом макушка, а массивное основание загораживало видимость всего, что таили земли справа и слева от хребта.

Снаружи запущенный, грязный, но целый домик, нельзя было принять за обитаемый. В небольшой роще, помимо него наблюдались простые камни, куски стен... он выделялся нетронутыми окнами, целой крышей и такими же стенами, но был слишком запущен, для жилья.

Кукольник соглашался с непригодностью здания к проживанию. Зато использовать его как ещё одну лабораторию, мальчишка решил уместным. Внутри, его трудами, царил дух прогресса и даже науки; оборудование, освящение, техника – всё очень напоминало ту палату, что он показывал Джою в Дарисском лесу. Сейчас, лес сменился; появи-

лись окна, в которые мальчишка с наслаждением глядел. Он копировал поведение любого старика: сидел в кресле качалке, держал на руках своего кота, и хлюпал тягучий горячий шоколад. Любимый вкус, умиротворённый вид тихого озера, свежий воздух... хоть и простая кукла, но отдыхала и душой и телом. Отдыхала, пока дверь не издала глухой скрежет.

Всё внимание кукловода переключилось на вход, вполне современный изнутри. Мальчишке пришлось прекратить рассекать рукой мягкую шерсть, и спустить кота на пол.

Кукольник отварила вначале внутреннюю дверь, затем внешнюю; ту, что постарее. За ней, на разбитом пороге, тягостно дышал Джой, в полусидящей позе. Взамен капитанской формы с него свисали оборванные лохмотья; сам он не сильно был ранен. Почти все царапины уже зажили, остались только самые глубокие.

– Надеюсь, виновник торжества, выглядит не лучше? – недоумённо улыбался кукольник, скрывая за сарказмом удивление.

– Виновницы, – выдохнул капитан, пытаясь встать.

Эти слова насторожили кукольника. Протянув Джою руку помощи, он добродушно молвил:

– Что ж; перед такой историей, рассказчика следует облагородить, – хмыкнул он.

В отдалённые от современности времена, когда оружием нэогарских войн были камни и сухие дубины, о времени холодные твари судили по солнцу. В их графике был лишь

восход, полдень и закат – ничего больше. Но даже этого, не было у жителей Ледяных земель. Белое небо, укрытое плотной пеленой, не пропускало лучи солнца на мёрзлую почву как в начале времён, так и сейчас.

В древности, проплывая путь по океану, преисполненному айсбергами и россыпями ледышек, хотя бы можно было увидеть покрытый сухим снегом полюс; сейчас, понять верный ли твоё судно держало курс, нельзя было даже наверняка. Ливший с неба будто молоком туман, надёжно скрывал то место, где ледяная почва укрывалась россыпями белых хлопьев.

С полюса не виднелся океан, а с океана не разглядеть было Ледяных земель. Попытки чужеродных нэогаров посетить «тайник» Валлона давно ушли в прошлое. В этом, был убеждён Вайдэр, что стоял напротив густых туманных завитушек. В его взгляде, уставленном на завесу, читалось ожидание; во всём видимом пределе, он был один. Его компанией был разве что резкий ветер, и летевший на голову мелкий снег. Так продолжалось не долго.

Сквозь белые клубни острым носом прошла деревянная лодка, самого старого образца. Она уткнулась в замёрзшую почву, позволив стальному ботфорту ступить на рассыпанные осадки. Тонкий слой снега тут же растаял; земля под каблуком лишилась белого покрова. Крепкие ноги, тонкая талия, изящные руки, строгое лицо и даже бархатная повязка на бёдрах Магны – источали прозрачный дымок, словно

уголь в морозилке. Снег не мог коснуться королевских доспех; он исчезал, подлетая к Магне. Лёд не мог выдержать её шагов; он таял, стоило ей ступить.

– Какая ты сегодня горячая, – с одолжением молвил Вайдэр. – Долго блуждала?

– Неужто ты меня ждал? – подняла королева бровь.

– Не то, чтобы ждал, не то, чтобы я... ты просто появилась, и просто уберись, – сухо приказал барон.

– С радостью, это местечко мне претит. Отдай здешнюю крысу, и мы оставим тебя, – снисходительно заявила она, придержав высокомерие.

– Ты здесь ради мести? Никак не простишь его предательство? – спросил Вайдэр, с некой радостью.

– Нет! Мои чувства, моя свадьба – всё, он кинул к ногам Вэнтэра. Теперь, моя очередь. Время моих ног! – отклала Магна, укрыв глубокую боль.

– Ты булькнула в разочарование, благодаря кукольнику. Я булькнул – благодаря тебе. Круг так и хочется замкнуть на кукольнике и мне, но сейчас – слишком рано, – снова появилась мнимая бодрость, поверх раздражённого лица.

– Намекаешь на падение Валлона? А чем ты лучше? Сталис просил твоей помощи, а ты бездушно отказал. Не смей меня судить!

– Я не был ему ничем обязан, как и он мне. Так было и тогда, и всегда. А с тобой, у нас был военный блок, который ты посыпала пеплом своей любви. Ты не только не меша-

ла Вэнтэру, но и преградила моему флоту путь. Кто ты после этого? Как ты можешь что-то у меня просить? – перешёл убитый король к откровенной претензии.

– Я не прошу, я требую. Сдай Зимний замок, и мне не придётся убивать тебя, чтобы затем прибить кукольника.

– Верно мыслишь, – кивнул Вайдэр. – Мой предок Вайзэр окружил туманом все Ледяные земли; я же, скрыл только замок. Пока есть тумана – никто его не заметит. И всё, что он скрывает, тоже. Я не рассею свой туман. Ты не получишь Зимний замок. И не получишь кукольника, – стал вдруг барон небывало категоричным.

– С каких пор ты так ему предан? Былая дружба заиграла в пустой башке? – рассердилась королева.

– Видишь эту мерзость? – выкинул Вайдэр вперёд замену утерянным руке и ноге. – Видишь эти куски чужого тела? Мне необходимо от них избавиться! И только кукольник может с этим помочь, – разгорелась в бывшем короле нервозность.

– Вэнтэр и так обещал нам человеческие тела. Когда он вернётся – Мы, убедим его сдержать слово, – тонко предложила королева сделку.

– Тронем кукольника, и фига с два он пойдёт на это.

– Он ясно дал понять, вернувшись – снова развяжет войну. Ему необходима помощь баронов!

– Кукольник Вэнтэру важней любого, мы это прекрасно знаем.

Магна задумчиво отвернулась. Её раздражило, что Вайдэр говорил факты.

– Я не подарок, и подарков среди королей нет. Кукольник – даже не король, но больше любого заслуживает расправы! – взмахнула Магна кулаком.

– Согласен, и с радостью бы в этом помог. Но после того, как распрощаюсь с кусками Винро, – даже не старался Вайдэр скрыть отвращение.

– Я последние три сотни лет в розовых мечтах видела, как его самодовольную рожу сжирает моё пламя. И сейчас, когда я так к этому близка, на моём пути ты? Самый близкий союзник?

– Ты помогла меня грохнуть. Мне нет дела до твоих желаний, зато есть дело до пользы, которую волей- Неволей с тобой разделю.

– Это не в моём духе, но я отступлю. Я доверюсь твоим словам, в знак просьбы простить. Всё же, лучшего союзника, чем ты, у меня не было, – тихо призналась Магна, начав разворачиваться.

– Замнём это дело до лучших времён, – остановили её шаги слова соседнего короля. – Просто погоди, и кукольник унюхает гнев преданных королей, – пообещал Вайдэр королеве, на прощанье хмыкнувшей.

На весь этот день, дела «выкрали» короля Евразии из тронного зала, лишив возможности нежиться в уютном бархатном троне. Под свечением высокой полной луны, коро-

лю Фраю было самое время отправиться на отдых; день он провёл насыщенный, и изрядно вымотался. Но его ноги шагали не по тому коридору, который вёл к покоям. Звуки поступи вечно довольного мальчишки приближались к знаменитой двери тронного зала, где у его величества остались некие дела.

Беззаботно кукольник открыл дверь, после чего переступил порог. Именно в этот момент, он увидел Милену, сидевшую на стуле советников.

– Ух ты, какие гости, – удивлённо выпалил король. – Давно ждёте? – проходя к трону, поинтересовался он.

– Весь день, – едко ответила девица.

– Ну прямо, – растянул Фрай слова, – уверен, вы преувеличиваете.

– Напрасно. Я здесь с десяти утра, – следовал пустой взгляд за отрядным голосом.

– Тогда вам должно быть очень хочется отлучиться в туалет, – засмеялся кукольник, сев на трон.

– Вы и правда считаете эти остроты смешными?

– Хах, ну вы ведь тоже всегда уверены в своей правоте, – изрекли загнутые губы. – Зачем же вы здесь?

– Сегодня день моего рождения. Сегодня – мне двадцать один год.

– Ах, точно, с этим новым городом совсем забыл... – торопливо ответил король. Ему не составило труда отыскать на полках своего стола опрятную салатовую коробку. Сквозь

небольшой кусочек клеёнки отлично виднелся роскошный наряд глубоких, зелёных оттенков. Именно такие цвета любил её отец; в такие же, облачался действующий король. – Прошу, – протянул он с улыбкой, – примите мой дар.

Милена на голос протянула руку, почти сразу нащупав коробку. Положив подарок на колени, девушка без интереса его ощупала, нахмутив брови.

– Спасибо, но я не этого подарка жду, – хладен был её голос.

– Тогда, что угодно вашему сердцу? – наигранно взволновался король.

– Бархатный трон, – объявила она, устремив фиолетовые глаза точно в королевские. Кукольник засмеялся, так чисто и легко, как не смеялся уже давно. Смехом не злобным, не наигранным; так смеются друзья, услышав хороший анекдот.

– Может, вы пьяны? Или какое-то из яств было испорчено? – с широкой улыбкой, тонко отказал Фрай.

– Я не шучу. И вам пора прекращать. С сегодняшнего дня, я – королева. И я хочу трон. По вашей же вине, народные выборы упразднены. Трон принадлежит тому, кто к нему ближе, – беспристрастен был голос однодневной королевы.

– Вы и правда получили бы власть, если бы меня не стало, ведь вы – ближе вех. Но пока есть король, королевой может быть, только его жена. Дочь властителя, что был на троне два короля назад – не может претендовать на власть, при живом мне, – неизменно улыбаясь, изрекал кукольник.

– Ты грязный человек, – с ноткой отвращения, выкинула Милена. – Ты жуткий лицемер, лжец, убийца, предатель, манипулятор, и наглец. Если потребуется, я освобожу трон твоей смертью, – всем бездушием заявила королева.

В сердце кукольника проснулся восторг. Он вздохнул полной грудью, сверкая улыбкой под изумлёнными глазами. «Фрай» не сдержал пару щелчков, после чего хлопнул ладонями.

– А ты чертовски права. Я делал ужасные вещи, но чем ты – лучше меня? – искренне торжествовал мальчишка. – Ты врёшь, лицемеришь, угождаешь лишь себе, верёвки из Алана вьёшь, желая его руками оправдать возложенные на тебя надежды. Так скажи мне, чем ты лучше?

– Мне хотя бы стыдно, – глядя вниз, призналась Милена.

– Л-о-о-жь, – наслаждёно произнёс кукольник, голосом близким к шипению. – Мне не нужны твои фиолетовые глазки, чтобы увидеть эту ложь.

– Я не в силах оправдать то, что считаю должным. Какой выход, если не пользоваться помощью близких?

– Если не требовать их помощи, ты хотела сказать, – посмеиваясь, почти перебил мальчишка. – Как много родственных душ я внезапно нашёл. Похоже, мир стал гнить ускоренным темпом, – сверкали уста короля улыбкой, в белом лунном свете.

– Хватит менять тему. Если не отдашь трон добровольно, я всей Евразии покажу, что ты за чудище.

– А не боишься показать и то, какова настоящая ты?

Этот вопрос смутил Милену. Она поняла, её соперник, был сильной персоной.

– Наконец наши маски спали к ногам, а щёлк доброты, накинутый на плечи – сожжён, – вставая с трона, сболтнул кукольник. Он не спеша подступил к окну, сквозь которое полюбовался на круглую луну. – Не спорю, я плохой человек. Но готов душой поклясться – для Евразии, я хороший король! – убеждённо молвил кукуловод.

– Мои глаза насквозь видят тебя. Не клянись тем, чего в тебе нет. Эта клятва пуста, точно как ты.

Король озадаченно помычал, решив вернуться к трону.

– Что ещё видят твои глаза? – ехидно спросил он, готовясь сесть.

– Только правду. Ты – мне практически незаметен.

Каждое слово Милены было спокойно, словно она перед учителем сдавала зачёт. Будоражило нервы только содержание её речей; лицо тоже всегда оставалось умиротворено.

Кукульник, расслабившись на троне, умилённо похихикал.

– Я настолько желаю Евразии добра, что не стану пугать народ разборками между нашими семьями.

– Ты просто понимаешь, что проиграешь наследнице рода Артуру, – вставила Милена.

– Я оставлю Евразию. Я отдам тебе бархатный трон. Ты больше не увидишь меня, в своей жизни. Но я вернусь. И

вернусь во главе великого войска, – решительно поднимаясь с перины, упёрся кукольник руками о стол.

– Хм, правда, – озвучила королева, с тенью смятения.

Милене Артуру тоже решилось встать. Она элегантно поднялась со стула, встав во весь рост около стола. Когда кукольник выпрямил спину – вокруг слепой девицы загорелось огненно-красное поле. Даже в ночной темноте, оно горело ярко, а письма переливались под белым блеском.

Каждый шаг «Фрая» отчётливо слышался в тишине. Не прошло и полминуты, прежде чем мальчишка дошёл до королевы. Он бесстрашно приблизился к «щиту» Милены слишком близко.

Начав с области живота, языки защитного огня стали пожирать королевские одеяния. Чем глубже кукла погружалась в огонь, что источал купол – тем более ярким он становился. Королева не щадила «Фрая». Сила её безопасности без жалости уничтожала короля. Яркие искры порой разлетались в стороны, пока силуэт кукольника тонул в жадном пламени.

Королеве не суждено было увидеть прощальный взгляд мальчишки. Но это не помешало кукольнику посмотреть с надменным восторгом. Вначале, без следа исчезла его улыбка, затем и голубые глаза. Чем-то менее значимым, чем прах, он обратился в просторах тронного зала, оставив Милену королевой. Роскошной короне больше не на чём было держаться; пятизубный головной убор спал на пол. С лёгким звоном корона ударилась о плиту, наконец, замерев на месте. На-

следница рода Артуру приклонись к полу, ощупывая возможные места падения. Её ладонь наткнулась на бриллиантовую пику, одного из пяти зубцов. Подняв корону, девица зашагала к трону.

Держась свободной рукой о стол, тонкие ноги подвели её к малахитовой перине. Королева возложила на молочные волосы корону, попутно садясь на престол. Её движения, лицо, даже взгляд – всё говорило о неизбежности случившегося. Она действовала так, будто каждый день получала трон. Она выглядела так, словно это было чемто естественным.

В ночной тишине, королева Милена Артуру осталась одна. Её компаний могла быть названна разве что яркая луна за окном. Накинув ногу на ногу, девушка положила щёку на кулак. Но корона, даже не сдвинулась набекрень, до того идеально она ей подошла.

Милена достигла цели. Хотя бы первый шаг к своей мечте, она со звоном каблука исполнила...

37 эпизод. Свобода

Как только это стало возможным, по просьбе королевы Милены на главную Евразийскую площадь собрали жителей материка. Меж сценой, на которой стояли министры и слепая девица, и публикой, несколько встревоженной устроенной демонстрацией – не горели посмертные костры. Хотя бы это внушало в люд спокойствие, но волнение сохранялось.

Как это было три года назад, ближе всех к народу стоял приемник власти – Милена Артуру. Белые волосы ей

собрали гребнем, фиолетовые глаза она распахнула во всю ширь. Казалось бы, всё как обычно, но сейчас, она изменила вещам оттенков белого. На ней был нарядный зелёный корсет, дополнявший бившее в пол фисташковое платье. Именно этот наряд она получила от кукольника, и отвергла его, как подарок. Позади Милены линией стояли четыре министра, во главе которых был озадаченный Алан.

Очередным отличием стало отсутствие красивой речи, перед коронацией. На сцену в тишине поднялся один из «Рео-крацу», поднося к белокурой девушке подушечку с короной.

Честь посвятить свою кузину в королевы, пала на Алана. Он несколько скованно подбежал к её величеству, неумело поднял знамя власти и, с едва заметной дрожью – опустил на белые волосы.

– Хвала королеве! – заикнувшись вначале, выкрикнул Алан.

– Да будет королева благодатна! – без яркой бодрости раздался хор прочих советников.

Обескураженных зрителей захлестнула волна нудного шёпота. Как выяснилось, народ недоумевал; что с королём, и почему корону получила королева, желал понять люд.

– Я с рождения слепа; мне чужды краски этой жизни, – сильным голосом, завела Милена свою речь. Она умело скрывала, насколько беззащитно себя ощущала; её осанка была близка к идеальной, ноги не дрожали, противостоя одиночеству. Взгляд направлялся прямо, к концу собрав-

шихся около сцены людей. – Я считала это проклятьем. Расплатой за то, что мой отец не был тем королём, который был нужен в дни войны. Но наступил день, когда я поняла, что моя слепота – это дар, способный рассеять тень скверны правления Артура. Я не вижу этот мир так, как все. Я вижу лишь правду и кривду. Король Фрай был правителем вчерашнего дня; он строил лживый мир беззаботности, покрывая суровую правду слоем скоротечного быта. Но его проискам – пришёл конец. Попытки убрать наш взор с проблем вечности, с этого дня прекращены. Мы должны отринуть мысли о жизни сейчас и увидеть, какова будет жизнь наших детей, и наших внуков. Как наследница короля Артура, я – Милена Артурури, решу нашу извечную проблему. Мне нужна преданность, и я воздам вам мир, в котором небо – не окрасится цветами хаоса.

Слова девушки не вызвали оваций и криков согласия. Алан, за спиной Милены – не сменил лицо на то, которым смотрел на кухню обычно. Министрам не захотелось поддержать королеву хлопками ладоней. Народ тёплого мира слышал и более вдохновенные речи, но не слышал слов, способных одарить большей надеждой. Способных напомнить, что благо любимого ребёнка до самого конца его дней куда важнее, чем новый город или второй кинотеатр. Что когда солнце перестает греть, только запасливый человек остаётся в тепле.

Алан улыбнулся, не решившись ступить с места. Задум-

чиво растянули губы и советники, вспомнив учения старины Кира. Улыбкой надежды блеснул весь народ; каждый, кто услышал призыв королевы, приобнял близкого сердцу человека, с которым разделит зрелище коронации. В каждом ожило стремление оградить сына или дочь от возможных бед; сейчас – это выражалось объятиями или тёплыми взглядами, но слова Арттури убедили живые души – нет слишком большой платы, за свободу.

Никто из приближённых к власти не обмолвился о том, кому тоже следовало присутствовать на сонмище. Тот, чей прямой долг составляло оберегать принцессу, ставшую королевой, не почтил коронацию своей поддержкой Милене.

Его единственный выходной за последние полгода обратился настоящим свиданием со смертью; отсутствие Джоя легко было принять, если знать причину. В Евразии она была тайной. Тайной была даже кукольнику, но он готовился её постичь.

Кусочек цивилизации, созданный свергнутым королём около озера, увы, не мог предоставить душевую кабинку, дабы смыть с капитана пыль схватки. Зато сменную одежду, на пару размеров меньше, кукольник Джою сыскал.

– Ты что, с первоклассника это снял? – переодевшись в жавшие вещи, вознегодовал оборотень.

– Нет, просто так ты смотришься забавней, – сквозь смех пояснил мальчишка. – А теперь рассказывай во всех деталях, кто и за что на тебя напал, – устроился слушатель в своём

кресле.

– Да особых подробностей не было, – отыскивал Джой взглядом место, куда можно сесть. – Я так и не понял почему, но набросились на меня четыре девушки. Наверняка пятая была внутри гаража, – наконец расслабил капитан ноги, сев на кушетку. – Хотя пахли они все, по особенному...

В этот момент кукольник изменился.

– Их запах, был так похож на мой. Хотя и без запаха ясно было, что они не простые девушки. У одной были когти, у другой вместо рук клешни; третья могла кричать с такой силой, что поднимался ветер, а четвёртая сквозь кожу выпускала зубы, точно как у акул. Если я прав насчёт пятой, то у неё около десяти рук... – витая в воспоминаниях, вёл Джой рассказ. Частью себя он понимал, как нелепо звучали подобные слова; от этого его голос казался неуверенным. Но он знал, что говорил чистую правду, и это придавало хоть какую-то твёрдость.

– Скажи, ты уверен, что кроме этой пятёрки, там никого не было? – закралась под улыбку кукловода настороженность.

– Когда твои уши разрывает визг и с трёх сторон бьют сердитые дамы, оглядываться не приходится. Но вроде больше никого, там не было... – не до конца уверен был капитан.

Кукольник протяжно хмыкнул, расслабившись на мягкой спинке. Он сложил руки на груди, отправившись в раздумья. Даже при этом, край его губ загибался, хотя лицо совсем

не было весело.

– Наверно сейчас самое время объяснить, кто они такие. Я ведь знаю, ты к этому как-то причастен, – подозрительно глядя на мальчишку, молвил Джой. Кукольник хихикнул.

– К этому, я причастен напрямую. Я не представляю как, ведь прошло столько времени и все они однозначно были мертвы, но это, очевидно, мои прежние опыты, – искажился голос усмешкой. – Сколько же с тех пор прошло лет... много, очень много. Тогда, в те времена, когда я только начинал попытки создать сверхчеловека, я отлавливал любые человеческие тела, и ставил эксперименты. Я перестраивал людскую ДНК как только мог вообразить; смешивал её как с одним геномом зверя, так и с десятью различными особями. Всё кончалось одинаково – подопытные погибали, ни разу не показав результат. Я был слишком занят, чтобы думать об их сожжении. Бездыханные тела было куда проще скидывать в один овраг, западнее Авангардного города. Лучше бы в море скидывал, но до него было далековато... – почесав затылок, признался мальчишка.

– Сколько людей ты так убил? Скольких, приговорил к подобному? – ненавистно выкинул капитан.

– Если хочешь точную цифру, их было сто двадцать восемь. Из них сто пятнадцать девушки, если интересно. Но как ты понимаешь, далеко ни всех я позволял себе беззаботно скидывать в яму, ленясь даже засыпать трупы землёй. Среди моих сочетаний звериных сил были и очень экзоти-

ческие особи, – растянулась улыбка, чуть ли не до ушей. – Силы, что я пытался развить в тех счастливицах, просто из ряда вон. Туда входили геномы таких существ, что сейчас и вспомнить страшно. А с каким трудом я находил останки их вымерших тел... ох, сложные были времена, – жалел себя парнишка, пока Джой с замиранием сердца слушал. – Они естественно тоже померли, все как один. Но за них я боялся в разы больше, и до сих пор намереваюсь выяснить, как эти ошибки исправить. Тела группы сверхсильных людей, жаль померших, я специально вывез на один далёкий-предалекий мини-континент. Не стоит думать, что это Ледяные земли, я не настолько прост, – хмыкнул кукольник, увидев в глазах слушателя некую искру понимания. – Вот боюсь, не они ли это вернулись...

– Я... ничего не понимаю, – качал Джой головой, нервно раскинув руки. – То они все умерли, то на меня напали, то ты их в яму скидывал, то увозил куда-то... Ты можешь объяснить по порядку?

– Ну хорошо, – засмеялся мальчуган, понимая смятение оборотня, – я попробую. Значит, смотри: я примерно двадцать лет назад начал пытаться путём скрещивания человека и различных опасных особей животного мира, создать, так скажем, «тёплого нэогара». Я сто двадцать восемь раз потерпел неудачу. Каждого умершего недоуспеха я скидывал в овраг, будучи убеждённым в его кончине. Каждого кроме тех, кого одарил наиредчайшим и очень обширным набором

способностей ныне вымерших тварей. Их тела, которые, благодаря моим опытам лишились угрозы разложения, я перевёз на засекреченный от всего мира материк, дабы когда-нибудь всё же довести этих бедолаг до ума, ну и жизни заодно... а сейчас, на тебя напала «щепотка» материала, который я считал испорченным.

– Постой, зачем им это? Причём здесь я? Их злит, что я такой же, как они? – озадачился Джой.

– Не думаю. Их смерть я видел порядка восемнадцати лет назад... если они каким-то чудом вернулись к жизни, наверняка хотят мне отомстить, – усмехнулся кукольник.

– Этого иногда даже я хочу, – вслух подумал капитан. – Значит, они собирались с моей помощью выйти на тебя? Думаешь, они знают, что мы тесно связаны?

– Даже если в живых они всего неделю, не трудно заметить обидчика в королях, а его главный успех первым в «Реокрацу». Хотя, женская логика слишком трудна, даже для меня, – поднял он брови.

– Выходит, тебе повезло, что я смог от них сбежать. Под пытками пятерых обезумивших девиц, трудно молчать, – задрал Джой нос.

Кукольник наигранно засмеялся, неестественно закрыв глаза.

– Не совсем, – отрезал он. – Ты крупно подставил меня, решив прийти сюда. Не тебя одного я наделил отменным нюхом, – загнул он уголки рта.

Оборотень нахмурился, начав понимать опрометчивый ход. Хоть кукольник не выглядел напряжённым, Джой невольно погрузился в мысли. Его задумчивое лицо совсем скоро в гримасу мучения смял трясущий стены вопль, знакомых его слуху тысяч цикад.

В миг из рам сотней осколков посыпались чистые стёкла. Острые стекляшки волной рухнули на кукольника, который лишь зажмурился, переждав основной «стеклопад». Его лицо, в отличие от капитанского – не исказила боль от жуткого гула. Кукольник лишь устало выдохнул, невинно сморщив лоб.

В широкие ставни, отчищенные от преград – одновременно заскочили четыре девушки. Они с лёгкостью преодолели подоконники, без труда оказавшись внутри комнаты, с двух сторон от мальчишек.

Джой, что вскоре проломит череп руками – упал на колени, готовый умереть, лишь бы не слышать ужасный визг. Кукольник же, беззаботно сидел в кресле, миролюбиво оглядывая состав гостей. Среди них не было той, что издавала цикадный перезвон. Зато появилась та, которую не было видно при нападении на капитана; неприятная взгляду дамочка лет сорока – одной из первых кинулась на бездушного «творца». В след за ней пустились и остальные; к бою изготовилось каждое оружие, из их арсенала: клешни, когти, зубы – сиюсекундно устремились к улыбке.

Лишь один щелчок приподнятой вверх руки кукловода,

напрочь лишил визитёров подвижности. Его звон пробился сквозь цикадный гул, и оборвал его – в миг, когда сотни тонких нитей обездвигили каждую разгневанную девушку. Они оплели поднятые руки, связали пригнутые ноги, перетянули тела во всех подвижных местах, сковав налётчиц в один миг, в тот ничтожный промежуток времени, что требовался для щелчка пальцев.

Бунтарки повисли в воздухе, местами касаясь пола. Сами виноваты, что решили подпрыгнуть. Сделать что-то похожее на шевеление они всё же могли; нити были прочны, порвать не выходило, но слегка пошатнуться, вполне.

Всё изумление от произошедшего, чётко передало лицо Джоя, что он с трудом приподнял. Вид того, с какой лёгкостью кукольник обезвредил, казалось бы, серьёзную угрозу – шокировал паренька. Шокировал даже больше чем то, что его так быстро выследили, и самонадеянно напали.

Лица захваченных путами барышень, вовсе не дивились. Они гневались, скалились, полнились неприязнью и злобой.

Кукольник оглядел каждую, молчаливо висевшую «пленницу», после чего поднялся. Он отлично знал, что где-то в окрестностях домика скрывалась пятая из компании подопытных. Не знал только, где именно она находилась.

Молодая, нежная на вид крикунья стояла близко к углу дома, суетливо ощупывая слой нитей, обмотанных через её нижнюю челюсть и макушку. Крепкая пряжа мешала ей даже приоткрыть рот, не то, что вновь закричать.

Кукольник размеренно подошёл к разбитому окну, и выглянул наружу. К этому времени, голосистая цикада спряталась за угол так, чтобы её не было видно ни из одного «пустого» окна. Испуг и замешательство девушки были на лице; нити вокруг головы, не входили в круг ожидаемого.

– Ну ладно, посмотрим, кто здесь, – возвращая голову внутрь лаборатории, ехидно изрёк кукловод. – Надо же, кошечка, – косо улыбнулся он той, чьи когти до сих пор рвались вкусить его кровь. – Краб, – молвил он, перешагнув к обладательнице красных клешней. – Акуля пасть, – хмыкнул он в лицо женщине, что не уставала зубками пытаться отсечь нити. – А ты кто? Тебя я не помню, – будто обиженно, замер мальчишка на месте. Из плеча самой старшей дамочки выросла третья рука, прямо на глазах у всей лаборатории. Крепкий кулак, едва выбравшись наружу сквозь растянутую кожу – стремительно въехал кукольнику в щёку, заставив упасть на пол.

Мальчишка такого не ожидал; после неприятно стука о челюсть, он в развороте рухнул. Шанс на спасение показался рукастой женщине идеальным; из плеч она вырастила ещё по три руки, которыми буквально вцепилась в натянутые нити. Она интенсивно их дёргала, тянула, пыталась размотать... это было не просто, но первые намёки на успех стали проявляться.

– А-а-ах, многоножка, – отрадно молвил кукольник, поднимаясь с пола. Он вспомнил, какие силы даровал этой жен-

щине; не выказав волнения, прежде, чем выпрямить спину – мальчуган пальцами правой руки сымитировал готовую к удару кошачью лапу. Кончики его пальцев вспыхнули синими разрядами тока, который он с наслаждением уткнул в живот многоножке. Вспышки электричества слабыми импульсами проступили на поверхности всего её тела. Лишние руки вросли обратно в плечи, а вся тяжесть организма – перешла на крепкие нити, ведь сама дамочка лишилась сознания.

– Я-то переживал, что вы обладатели редких геномов. Оказывается, бурю в тазике устроил низкосортный сброд. А почему вас так мало? Вместе с вами было больше сотни человек, – как ни в чём небывало, спросил бывший мучитель.

– Иди к чёрту! Мы всё равно прибьём тебя! – ненавистно выкинула девушка с примесью кота.

– Ха-ха-ха, серьёзно? – растянулась на лице «Фрая» широкая улыбка. Её ничуть не испортил внезапно раздавшийся писк, прямо из-за спины кукловода. Точно за ним подоконник преодолела девушка, с распахнутым напряжённым ртом. Она старалась словно студент на пересдаче, но кукольник, скосив улыбку, лишь развернулся, точным взмахом руки ударив её по щеке. Вместо убийственного перезвона, она издала болезненный выдох. Та же рука, что нанесла пощёчину – щёлкнула пальцами, и «стая» нитей вобрала крикунью в свои объятия. Путы не сменили принцип действия, но в этот раз, не тронули голову девицы. Едва восстановив рассудок, она снова закричала, гласом способным двигать стены. Ку-

кукольник, без промедлений запихнул ей в рот пробирку, с полукруглым дном.

– Не визжи, а то всю посуду перебьёшь, – невозмутимо скомандовал мальчишка, пока в глазах выше заткнутого рта блестело удивление, на границе со злобой.

– И ради этого, вы чуть меня не убили? – поближе к кукольнику подковылял Джой. – Ради такого нелепого налёта? – нервозно смутился он.

– Тебя так просто не убить, – вставила дамочка с клешнями. – И нас тоже. Так что не скули.

– Я всё равно узнаю, – непоколебимо держал улыбку кукольник, – но лучше скажите без лишних проблем – где-все-остальные, – отчеканил он со скрытым волнением.

– Время отсеяло тех, кому месть не была нужна, – тяжёлым голосом решила ответить «зубастая».

– На черта ты отвечаешь? – проявила агрессию девушка с когтями.

– Ну ни все же столь безрассудны, как ты, – вставил свой вариант кукольник. – Где остальные? И сколько из вас ожили?

– Заткнитесь все! Не идите у него на поводу! – всерьёз злилась кошечка, дёргаясь на нитях.

Кукольник, казалось бы, не обратил на это внимание. Он просто снова щёлкнул пальцами, даже не сместив взгляда со стоворчивой женщины. Острую на язык девицу, нити сдавили в пару раз туже. За каплями крови и кровавыми следа-

ми во всех местах натяжения – прозвучал сдавленный стон, сильной, но молящей о помощи кошки.

– Отпусти её! – выпалила обладательница клешней. – Все! Все ожили! Все вернулись в Евразию! – на одном дыхании поведала она, не выдержав вида чужих страданий.

Натяжка тугих «волосков» умерилась, и струйки крови прекратили бежать из прорезанных ран.

– Как долго вы были мертвы? Хотя, – тут же исправился мальчишка, – это скорее атипичная кома, или очень глубокий летаргический сон... но не важно. Как долго?

Отвечать на этот раз не захотел никто. Каждая с холодком смотрела, тягостно дышала, и молчала. Кукольник не до конца приподнял руку, готовя пальцы к щелчку, прежде чем услышал:

– Мы не знаем! – от той, кого назвал «акулий рот». – Но дня расправы мы ждём уже шестнадцать лет!

– Хм, значит, около года... – задумчивой стала косая улыбка. – И кроме вас, мстителей больше нет?

– Да кому ты сдался, садист бездушный, – сквозь зубы выдавила когтистая деваха.

– Понадеемся, что и правда никому, – усмехнулся мальчуган. – Знаешь что, Джой, тебе стоит вернуться в Белый дворец. Ты так много интересного упустил... – обратил кукольник внимание на капитана.

– Блин, ты прав, я же опоздал! И Милене соврать невозможно, чёрт... а всё из-за тебя! – не зная с чего начать, за-

мешкался капитан на пути к выходу.

– Эндуро потом вернёшь, – в спину Джою крикнул кукольник. – А с вами, мы ещё потолкуем, – голосом полным мрака, огласил свой план кукловод.

Взгляды пленниц вернулись под «покров» бровей, а попытки выбраться – вновь встревожили нити.

Тишина и простор были одними из главных причин отдалённости всех научных «точек» кукольника от городов. Он бы ни за что не устроил свою секретную нору вблизи шумных мест, и вовсе не из-за того, что сильно переживал за безопасность. Ему претило находиться в местах, полных гама, и не важно, по какому поводу. Вэнтэр в этом отношении был менее категоричен; хоть игры «Бойсдракс» и шумели, император с радостью на них присутствовал. Он умел «закрывать уши» на зрительский гул, и сквозь нэогарскую суматоху созерцать сугубо поединок. Его плоть и кровь давно не присутствовали в приделах арены, а общая картина происходящего осталась той же. Трибуны полнил говор, что вызывал поединок нэогара в стерильно белых доспехах, и понурого старичка Ия, привезённого на арену больше года назад. Ещё в тот день ему пророчили скорую смерть, но он по сей час с тягой стоял на ногах, держа в руках потрёпанный временем не слабей чем дед, кинжал. Незавидное оружие против едва покинувшего мастерскую кентавра, облицованного белоснежным мундиром. Его вид вполне походил на холодных полуконей из имперской армии, всем, кроме цвета.

Поединок начался с галопа кентавра к старику. Ий отлично подобрал момент, когда передние лапы соперника взмыли вверх, желая втоптать старца в арену. Он ловко проскользнул под кентавром, оказавшись позади холодного коня. Его дрожащая рука взмахнула тонким кинжалом, что издал протяжную ленту огня. Вспышка скорее испачкала броню, чем навредила кентавру. Четырёхлапой махине пришлось проскакать дальше, и только спустя время развернувшись, вернуться к старику.

Когда нэогарский конь это сделал, когда он перестроил своё громоздкое тело в обратное направление – проржавевший Ий привлёк его внимание, показавшись левее закрытой шлемом головы. Старик свободно рассекал воздух как самим собой, так и кинжалом, чей взмах огненной лентой обезглавил кентавра. Пустая голова в белой ерихонке мирно отлетела от туловища, что встретило конец своего пути, вбежав в ограду арены. Внушительная скорость знатно смяла каркас кентавра; осталось только то, что нарекли металлоломом.

Грохот полтонны железа об ограду осыпал нижний ярус арены новой порцией пыли. Серый порошок лёг на документы управляющего «Бойсдракс», что сидел в кабинете, где-то на окраинах арены.

Место его пребывания не выглядело приветливо; стены казались саманными, хотя любой понимал, что такими они быть не могли. Потолок делался из старых досок, по-

верх которых проглядывала сталь арены. Мебель кабинета давно просилась на пенсию, но Сарцин не готов был её отпустить.

Смахнув с бумаг приставучие пылинки, Минфин отвлекся на скрип старой, собранной из дряхлых досок двери.

– Слышите эти возгласы? – с порога поинтересовался ведущий.

– Ещё бы. Эти крики моих убытков, я порой слышу даже в тишине, – холодного отсёк Сарцин. – У нас ещё остались приговорённые к играм преступники?

– Да, на сегодня хватит. Но на завтра... ставки уже сделаны, а убивать Ию пока некого.

– Выручки хватит на оплату тотализатора? – нервно отложил управляющий ручку.

– Сегодня да. Ну а про завтра, уверенными быть нельзя.

– Вот чёртов старикан! – не сдержался смуглый паренёк. – Он меня в могилу банкротства загонит! Все ставят на его победу, а он и побеждает. Сколько можно? Первую неделю я на нём озолотился, но уже почти год – разоряюсь его непобедимостью, – выговаривал Минфин шуту.

– Что поделать... он наш лучший чемпион. Не убивать же его, – пожал нэогар плечами.

– Это почему? – со всей серьёзностью, спросил Сарцин. – Хватит с меня убытков. Нэогары слишком убеждены в его всесии. Пора старику снова приносить золото в мои хранилища, – категорично огласил человек. Под жёстким голо-

сом он умело скрыл некое сожаление, стыд за грубое стремление к прибыли. Но Сарцин не умел по другому. Ценность прожитого дня, он измерял в граммах золота.

Неважно, человек ты, или нэогар – после любого дела, захочешь соразмерного отдыха. Возможно, обычному смертному не составит большого труда стоя на сцене глаголать речь, но слепца – это может изрядно затруднить. Вот и Милена, не малого стоило без ощущения привычной поддержки в лице кузена или капитана, одиноко нести Евразии идеи дальновидности.

Теперь, когда миссия была выполнена, королева приблизилась к отдыху. Алан под ручку довёл её до двери в личные покои, и отварив ход – молвил:

– Ну вот, мы на месте. Я, наверно, пойду к себе, – стремился паренёк уединиться.

– Ты не хочешь посидеть со мной? – с тенью обиды, спросила Милена.

– Да нет, хочу, просто... дел в бухгалтерии много, да и проголодался я как-то, – натянул Алан улыбку.

– Еду можно попросить принести ко мне, а про дела Минфина лучше забудь. С этого дня, твои силы стоит тратить только на вечное благо, – заманила королева кузена. Алану осталось только закрыть дверь, вместе с королевой отделившись от мира вне покоев.

Куда бы Алан ни хотел посмотреть, оказавшись в комнате – взгляд его приковал меч Магнэрайса. Как подобало ору-

жию такой значимости, он держался на той самой подставке, что обеспечивала его поддержку в перевозданном кейсе. Меч был в состоянии покоя, но яркость мантии озаряла стены своим, ярко красным свечением. Эта картина неминуемо всполошила принца. Вновь увидеть этот меч, в покоях кухни, что так настаивала на разговор в её маленьком мирке, несколько спугнуло Алана. Пусть и с опаской, он помог беловолосой диве присесть на кровать. Она приподняла пышное платье, чтобы сидеть было удобней; медленно сняла корону, возложив её на стол, и распустила молочные волосы, позволив им коснуться плеч.

Алану осталось только сесть рядом с кухиной, стыдливо любуясь её изяществом. Её чудесными глазами, что не способны были увидеть красных отблесков на стенах, но способны были их отразить.

– Ты стал меня сторониться? Между нами словно ледяная стена, – глядя в никуда, огласила королева.

– Нет, что ты, конечно нет, – бодро отмахнулся Алан.

– Ложь. Я чем-то обидела тебя? Или в чём-то провинилась?

С долей отстранённости, Алан выдохнул.

– Ты перестала быть доброй. Ты пошла по головам, в стремлении достичь свою цель. Ты с этим справилась, молодец, я рад за тебя, но... я больше не узнаю, самого родного мне человека, – наконец отринув маску мнимой нормы, изрёк принц.

– Это жизнь, Алан. Путь к цели не бывает прост. И чем твоя цель масштабней, тем больше голов придётся испачкать подошвой. А наша с тобой цель ведь должна войти в историю. Об исполнении нашей мечты – должны слагать легенды.

Фиолетовые очи Арттури смотрели точно в душу пареньку.

– Для этого, здесь меч Магнэрайса? Ты решила напомнить мне, о моём долге?

– Я уверена, что ты и так о нём помнишь. Но любому свершению, нужен толчок. Любому творцу – нужно вдохновение. Мне показалось, что меч вдохновит тебя, на раздел, – рука королевы мягко легла на колено принца. За свою жизнь слепая девица научилось точно понимать, позу собеседника.

– Может, и вдохновит, – легла поверх руки Милены, длань Алана, – но не избавит от страха осечки.

– Не бойся быть героем. Не бойся стать творцом лучшего будущего. Безопасного будущего, – сжала Арттури меж своих ладоней руку кузена.

– Великому королю – великий меч, – хмыкнув, с тоской припомнил Алан. – Этот меч предназначался моему отцу, но его больше нет. Вместе с ним, умерло наше будущее.

– Ложь, Алан. Это меч – для великого короля. Оправдай послание его создателя. Стань, великим королём.

Слова королевы звучали непреклонно. Она дружелюбно беседовала с кузеном, голосом тираничной особы. Алан молча кивал, вдумчиво смотря куда-то пред собой. Его уста едва

заметно улыбались; пареньку до сих пор льстила вера кузины.

Наступило время что-то ответить, раздумья и так затянулись. Принца своеобразно спас Джой.

– Простите, разрешите войти, – раздался его голос, после двух стуков в дверь.

– Конечно, – дозволила Милена.

Капитан смело отворил вход, но утратил кураж, увидев оружие «ММ». Его замешательство подметил Алан, даже хмыкну, будто увидев своё отражение.

– Вы сегодня заметно опоздали. Что-то случилось? – почти волновалась королева.

– Не сказал бы...

– Не лгите.

– С давним другом в передрагу попал. Вполне серьёзную, – выпрямился Джой. Его форма снова стала капитанской, и снова нужного размера. Он слегка помедлил, оставшись у входа. Ему неудобно было быть свойским при принце, да и «ММ» в центре стола сбивал с толку.

– Если я скажу, что не хочу раздела – солгу, – признался Алан, закрыв на присутствие Джоя глаза. – Но не солжёшь ли ты, сказав, что готова к этому? Что готова принять возможные последствия, и вложить в мои руки всю опасность с ответственностью?

Взгляд принца стал более резким. Милене не было видно, но он желал исключительно правду.

– Если я повторю это, мой голос не опорочит ложь, – убеждена была королева.

– Хорошо, я не смею больше перечить. Завтра же, самолично проведу раздел, – поднимаясь, решился принц. Милена и это восприняла единоверным. В отличие от Джоя, смятённого и растерянного. – А теперь, всё же вернусь к делам. Накануне исторических события, их необходимо держать крепко, – насильно улыбнувшись, откланялся принц.

– Вы теперь королева... мои поздравления, – продвинулся Джой к Милене. – И прошу простить, за отсутствие на коронации, – заметив в свечение Магнэрайса корону, не отрываясь от неё капитан.

– Я не злюсь. Я понимаю, что и у вас есть своя жизнь. Но впредь, предупреждайте о задержках.

– Я невольно подслушал ваш с принцем разговор, – пропустил Джой слова Милены. – Вы всерьёз хотите, что бы он собственноручно провёл раздел? – забылся капитан.

– Иначе, разве я стала бы просить его об этом? – поднялась светлая бровь над фиолетовым глазом.

– Я только поддерживаю решение ускорить деление материков, но доверить это Алану... Вам не кажется, что для такой опасной, трудоёмкой операции, лучше подошли бы подготовленные люди?

– Алан подготовлен. Не зря последние три года он повышал свой уровень силы.

– Но всё же... может, вы рассмотрите других кандида-

тов? – не как не принимал решение Артуру Джой.

– Раздел может провести только один человек – мой кузен. В этом, вся суть моих стремлений.

– Какая разница, кто подарит Евразии свободу от Империи?

– Дело не только в этом. Молва о моём роде ходит дурная; на короле Артуре клеймо неудачника. Своей жизнью я считаю долг это клеймо смыть. При Артуре будет совершён раздел. Наследник Артура – станет следующим королём. Уверенна, истории этого хватит, чтобы моя семья осталась на пьедестале величия, – размеренно, но фанатично пояснила королева.

– Простите, но в двадцать один год трон займёт Алан, и именно его сын – сын короля, станет приемником власти, – внёс Джой поправку, в рассуждения Милены.

– Эту проблему я тоже решу, – будто пообещала королева. – От вас я прошу только, помочь моему кузену. Поддержите его, и возьмите с собой ещё двух капитанов: второго и третьего. Так, будет спокойней.

– Конечно, я всё сделаю. Сейчас же догоню принца, и договорюсь с ним, – вознамерился Джой незамедлительно приступить к заданию.

– Будьте осторожны, все. И будьте сильны, – невольно загнула королева края губ.

Ночь прошла быстро. Лишь избранные знали, какова была значимость этих первых солнечных лучей, что готови-

лись прорваться из-за горизонта. Без Милены, в избранных входили: принц Алан, капитан Джой, второй по силе капитан – девушка, и худосочный мужичок, с повязанной цифрой три.

По нечёткому силуэту Имперских окраин впереди, и таким же едва различимым формам Евразии позади, можно было понять, что состав проекта «Раздел» находился в центре пустыни. Настрой покончить с мнимой угрозой холодного материка ярче всего выдавал меч Магнэрайса. Его резную рукоять сжимал Алан, что стоял во главе капитанов; перед ними. Хоть «предохранитель» меча – закруглённая пластина вместо острия, опускалась в пока ещё прохладный песок, крылья гарды были точно на уровне бёдер паренька. Каждый из трёх стабилизаторов – спускался вниз; меч был в стадии покоя. Кипящий Магнэрайс, что словно магма растекался по поверхности оружия, уже не мог так ярко перебивать солнечный свет. Его интенсивность вовсе не спала, зато напор далёкого солнца, что словно блюдце из белого золота поднялось над горизонтом – выпустило слишком яркие лучи.

Время начать раздел, вступило в силу. Это понимал каждый; каждый смотрел в спину принцу, сохраняя тишину.

– Пусть этот день – станет величайшим, – на выдохе произнёс Алан. Его правая рука резко подняла массивный меч, махнув им к левому плечу. Ладонь прокрутила рукоять, и принц взмахнул орудьем по песку пред собой. Первый ста-

билизатор тотчас притянулся к гарде, и меч «стряхнул» волну бурлящей энергии. Она словно густой хвост растянулась от плеча паренька, до той точки, куда его рука отвела остриё. Мимолётный красный всплеск утонул в насыпях песка, лишь за секунду непомерной волной смыв золотую россыпь с каменистой почвы. Поднялось настоящее пустынное цунами; Алану и капитанам повезло, что обрушилось оно в противоположную сторону.

На этот раз, зеленоватые одежды принца, и строгие костюмы его подмоги – лишь слегка шелохнулись на ветерке. В отличие от «главы» раздела, прочие люди стояли в изумлении. Они понимали, что процесс будет впечатлять, но не представляли насколько. Сейчас, увидев мощь лишь первого уровня – их охватил поражённый восторг.

Алан не желал медлить. Он был слишком серьёзен, слишком собран, чтобы удивляться; как только золотая пыль утихла, он метнулся к желтоватой сухой земле, которую отчистил первым всплеском. Даже её сила удара слегка задела; виднелись неглубокие трещинки, на которые пришлось приземление высокого прыжка. Прежде, чем обувь принца стукнула о почву, новый раскол проделал меч. Взяв его за опору, Алан выпрямился; паренёк напрочь отринул малодушие, что снова стало сжимать его душу. Он наплевал на частые стучки сердца, вызванные неверием в успешное начало, на выступившие капли пота, и сделал новый шаг. Его ладонь ещё раз провернула рукоять. Гарда «примагнитила» второй ста-

билизатор, что распустило пыл Магнэрайса с умноженной мощью.

Словно две волны, две возвышавшиеся стены, лишённые врат и орнамента – красные крылья вспыхнули в стороны. Их напор ударил точно вверх, будто внутри пустыни своего времени дождалась тысяча ядерных турбин. Шквал красного поля вздыбил не только лёгкий песок, он подхватил вверх каждый уголок одежды любого, кто находился в пустыне. Волны своей силой, своей глубиной – прорезали саму тектонику пустынной плиты. Они были словно непривычного размера, цвета и формы нож, до основания разделивший куски торта. Чем-то подобным суеверные смертные представляли врата ада. Плотные, яркие, красные... свирепые и всегда разверстые.

Вторая ступень мощности оружия «ММ» впечатлила ещё больше, чем казалось возможным. Её края отделились в объятия океана, разрубив берега напополам. Словно два красных крыла – Магнэрайс прошёлся по пустыне. Будто безжалостный топор, он отсек Евразию, от Империи.

Это не прошло бесследно. Ещё спящий люд, в своих домах, в своей вере в безопасность – ощутил нечто странное. Любители пораньше встать на ровном месте споткнулись; обладатели чуткого сна невольно открыли сонные глаза; некоторые мамы, кормившие капризных малышей – выронили ложечки с кашами, или бутылочки с молоком.

Исполнявший роль императора Кан, что судя по заспан-

ным глазам, проснулся совсем недавно – вяло сидел на кровати, одетый в запахнутый халат. Его рука, закончив прикрывать зевавший рот – потянулась к стакану, что стоял на тумбе. Но по глади благородного напитка пробежались беспокойные круги, без единой видимой причины.

– Как странно... – призадумался он, убрав от стакана руку. – Мне будто трудно дышать...

К этому времени, потоки способные прорубить в песчаных землях пустую линию – растворились под гнѐтом силы ветров. Эта же сила избавила участников раздела от золотого тумана, захватившего линию раскола. Каждая вещь, каждый волос капитанов и принца вздѐрнуты были вверх. Будто их ударил ток. Удержаться на ногах в такой феерии ревевшего ветра, трудность составило каждому. Но никто не упал; и ещё долго не сможет «уронить» взѐрошенный облик.

Алан присел на колени; тяжѐлые вздохи выдали усталость, вызванную упорством сохранения меча. Но принц не мог позволить себе сдаться. Он обещал Милене, и обещал самому себе. Углубив «ММ» в примерно метровый раскол меж континентами, Алан промолвил:

– Ну, вот и всё, – после чего его уста окрасила улыбка.

Меч по самые крылья гарды спустился в трещину. Хоть Магнэрайса пока не было, красный просвет всё равно исходил из земли; оттенком алого о себе напомнила мантия, погребѐнная континентами.

Обе руки принца схватили рукоять. Единоновременно, каж-

дая длань её провернула. Ударный набег кипящего поля, в этот раз не разошёлся в стороны, не ударил волной... это всё – пережитки прежних ступеней. В этот раз, когда прочих стабилизаторов коснулся третий – меж двумя мирами власть взял один, сплошной Магнэрайс. Он не выбирал сторон и направлений – он брал всё. Он заполонил бурлящим напором воздушный карман в земной коре. Заполонил так сильно, что бесконечным давлением заставил края миров отдаляться друг от друга. Он пробудил силу дрейфа континентов по раскалённой мантии, и пока лишь набирал разгон.

Но непомерная мощь даровала не только плюсы. Единым взрывом вырвавшись наружу – всплеск бесконтрольной энергии ударил по Алану. Ударила скорее силовая волна, отбившая паренька со страшной прытью...

38 эпизод. Шанс

Безмерно прав был мальчишка, известный по прозвищу кукольник, когда говорил, что по плану всё идти не может. До последней минуты события властны радовать глаз, а на финальной секунде – обернуть весь успех катастрофой.

В том деле, за которое взялся Алан – невозможно было быть достаточно сильным, чтобы удержать ситуацию под контролем. Невозможно развить способность противостоять Магнэрайсу, сумевшему разделить перешеек. Резкий толчок опасной по роду нужды энергии отбил принца, словно пинок ноги мелкий камушек. То, что основной толчок пришёлся на него, вовсе не значило, что остальные не по-

страдали. Только резкости реакции оборотня хватило на своевременный прыжок к Алану. Джой ловко подловил паренька, унесённого силовой волной. Паре других капитанов, не хватило мощи Магнэрайса, чтобы отлететь; они лишь упали на спины. Первый капитан напротив, удерживая Алана от очередного удара, едва изловчился ногами притормозить о зыбкий песок, в котором остались длинные «рельсы».

Наконец прекратив рассекать настил пустыни, внимание оборотня уловило отсутствие оружия «ММ». Джой суматошно стал оглядываться по сторонам, в поисках полуметрового сиявшего меча.

Орудие свободы взмывало к небесам, вращаясь так быстро, что глазу заметно было лишь ярко-Красное колесо, летевшее вверх.

Когда очи капитана заметили раскрученное ударной волной орудие, набиравшее высоту точно над кипевшем меж материками Магнэрайсом, его уста покинуло лишь слово:

– Чёрт!

Пусть и не высокой, но Магнэрайс стал некой стеной, между двумя половинами пустыни. Мятежная энергия своим испарением была не выше стандартного человека, а то и ниже. Но даже такой преграды кукольнику хватило, для незаметного появления.

Голова довольного мальчишки вынырнула прямо из-под песка, в десятке метров от черты раздела. В его волосах застряли золотые песчинки. Кристаллики песка засели даже на

лице, ресницах и бровях, но неизменно чистой улыбке это не мешало. Картина всего, что видел улыбака – откровенно его радовала; любое зрелищное свершение, полезное ему, или же вредное – могло вызвать на лице восторг.

Около головы с довольным изгибом губ поднялась рука, тоже из-под песка, и тоже песком покрытая. Это случилось в тот момент, когда «ММ» перечеркнул рубеж максимальной высоты. Силы взрыва покинули меч; вращение понемногу затихло, и оставляя позади себя красные разводы, оружие ринулось вниз. Оно неизбежно помчалось напрямик в пропасть, что не забыла о долге расширяться. Чем больше места становилось между двумя плитами земли, тем слабее Магнэрайс из них проглядывал. Но в бездне было всё ещё чертовски горячо, и полно бурлящей энергии.

Джой понимал, что попытка спасти меч была бы безрассудным суицидом. Даже сил оборотня не хватит на безопасное возвращение меча его хозяину. Но не только оборотень желал заполучить «ММ».

Кукольник, чья рука раскатисто взмахнула в сторону готового исчезнуть оружия, выпустила пять тонких нитей, исходивших из каждого пальца. Едва заметные на свету путы оплели меч, повязав его парой узлов. В тот миг, когда сиявшая красным гарда утонула в прибрежье раскола – крепкая рука мальчишка отдёргнула нити. Вместе с ними из жерла Магнэрайса вылетел меч, не успевший заработать даже новых царапин. Его горячую рукоять схватила рука кукло-

вода, силой толчка отброшенная назад. Но кукла удержала меч, отогнув руку за голову. Вернув десницу поближе к себе, мальчишка с тихим смехом осмотрел меч. Он не разлучил губы, загнутые ухмылкой, но надменный смешок и без этого слышался.

Рука, что держала оружие раздела – утопила его в песке. Немного позже, под песчаный ковёр ушла и голова. Кукла растворилась среди дюн, прибрав к рукам великое оружие раздела; меч, чей ареал возможностей – разрубил перешеек между «холодным», и «тёплым» мирами.

Это легендарное событие, только сейчас в полной мере дало о себе знать. Только в этот момент плиты мироздания напомнили, что игры с правилами планеты, не проходят бесследно.

Дрейф тектонических плит не думал прекращаться. Пока что, он даже не дошёл до пика своей скорости. Зато пересёк рубеж безмятежного расставания. Плавности движения пришёл конец. Обе грани раскола начали трястись, будто доверху забитая фура заехала на бездорожье; будто под её колёсами были одни лишь крупные, острые камни. Тряска началась плавно; вначале подскоки земли снизу вверх едва поднимали в воздух песчинки, но не прошло и полминуты прежде, чем пустыня лишила возможности нормально разговаривать. Любое произнесённое слово звучало с дрожью, и вовсе не из-за страха; пробелы в речи вызывала тряска земли, на которой невозможно было устоять.

Немного раньше, чем песок начал собираться в песчаную бурю, с него поднялись вторая и третий капитаны. Перенесённый удар Магнэрайсом сказался и на них; по сконфуженному взгляду можно было понять, как мало они знали о происходившем.

Уже давно ничего нового не узнавал принц Алан; он лишился сознания с того момента, как был перехвачен Джоём.

– Вот чёрт, пора сваливать! – сквозь тягостную тряску земли, крикнул Джой, что было мочи.

С сильнейшим трудно было не согласиться; ощутив опасность бездействия – капитаны ринулись к оставленным неподалёку эндуро. Опережая всех, к своему транспорту бежал Джой; благодаря Алану, ему пришлось отдалиться от черты раздела дальше любого.

Землетрясение, само по себе происшествие трагичное; не сыскать слов, способных выразить бедственность тряски в пустыне-перешейке. Сам песчаный настил вздыбился в воздух, став немислимой «золотой» бурей, размером с целый мост между мирами. И всё было бы не так плохо, если бы гул дрожавшей тектоники оставался в пределах пустыни. Землетрясение добралось и до Евразии.

В заселённых городах крушений зданий и обрывов посреди улиц не было; были, разве что, неприятные вибрации, едва способные повалить на землю школьника. Но приближённые к пустыне местности Евразийского материка дрожали настолько, что куски стен подлетали с развалин построек

и грохотали о почву, разбиваясь на части.

Нечто подобное виднелось и на окраинах Империи. Ветхие здания, простоявшие тысячи лет в отчуждении от нэогарской жизни – складывались, словно карточные домики. Стены падали друг на друга, а дырявые потолки проламывали сгнившие подвалы.

Зато столица мира нэогаров была невредима. Холодным тварям не составляло труда ходить по слегка подскакивавшей улице. Трудновато передвигаться было разве что Кану, на пути к тронному залу. Высокий этаж, при пусть и слабых толчках, бы местом опасным, но император стремился к хрустальному трону.

Добравшись до открытых окон, он возжелал посмотреть на ситуацию в общем. Паники в городе не было, но волнение, и некая досада – покорили его проспекты.

Во всей Империи значение тряске не придали только самые южные города, до которых толчки не дошли вообще, и арена «Бойсдракс», где в эту самую минуту гремел очередной бой старика Ия. Управляющий ареной не намерен был больше его щадить. Против всего одного старца, лишённого всякого оружия, кроме собственных кулаков, битву вели восемь нэогаров, завсегдатаи на арене. Слава их побед некогда гремела столь же громко, сколько сейчас недовольного шума издавали трибуны. Они совсем не переживали за старика, им безразлично было отсутствие честности в этом поединке... огорчило публику то, как слабо соперни-

кам противостоял Ий. Былая ловкость и мастерство ударов покинули его руки с ногами. Как же при таком негодовании, заметить тряску?

Эмоции любого свидетеля того, что происходило на стыках двух берегов, не разнообразили бы страх. Паника захватила бы душу любого, ведь некогда ровные, разрезанные Магнэрайсом плиты – стали крошиться. Напор расходившейся в стороны красной энергии, и всё, что он с собой принёс – обрушил десятки тонн камней с краёв пустыни вниз, будто сошла небывало огромная лавина. Вместе с кусками плит прямиком в магму посыпался и песок, цельной волной утекая из-под капитанов.

Джой был единственным счастливымчиком, успевшим добраться до эндуро прежде наступления крайнего срока. Он усадила бессознательного принца перед собой, а сам завёл мотоцикл, способный летать. Когда вращавшиеся колёса поднялись вверх, волна песка достигла своего пика. Буря, рушившая видимость, и направленный в обрыв напор под ногами – не смогли помешать ему. Но он на задании был не один.

Вместе с эндуро, к обрыву, песок утаскивал за собой вторую в «Реокрацу», что всеми силами трудилась, дабы успеть улететь. Даже успехи второй по силе казались отличными, рядом с третьим. Худосочный капитан не успел и коснуться мотоцикла, как уже поддался давлению песчаной волны. Золотистая пыль по самые плечи накрыла его, лишив воз-

возможности дышать воздухом без песка. Задыхаясь в пустынном тумане, крича и маша руками – абсолютно бесполезно, он скатился вниз с обрыва. Засыпанный песчаным настилом, третий капитан погряз в исчезавшем Магнэрайсе. Джой не успел его спасти. Он с трудом успел помочь второй, бросив к её эндуро канат. Без тяги первого капитана, готовая к взлёту вторая, проследовала бы за бесконечной волной песка.

Когда капитаны поднялись выше тумана размером с пустыню, земля, что они покинули – обрушилась. Плита перешейка не выдержала дрейф континентов. Пустыне едва хватало сил, чтобы сохранить хоть половину своей первоначальной длины.

Участники успешного исполнения раздела, если такой исход можно было считать успешным – не смели оборачиваться к расколу. Опережая скорость смещения Евразии, они спешили домой. Их испуг, неопределённость – запрещали повернуть голову. Это было большим упущением, ведь именно сейчас давление Магнэрайса спало, отчистив от своего присутствия свежий слой подземной магмы. Именно на неё волнами размером большие, чем любое цунами – хлынула океанская вода с двух сторон проделанного моста. Пенная толща ненасытно пожрала воздушное пространство, соединившись в центре разрубленных половин. Всплеск двух огромнейших волн поднялся на сотни метров вверх; не видывала планета большего фонтана. Не поднимался выше этого, ни один мировой гейзер.

На этой ноте, «соната» раздела, казалось бы, подошла к концу. С горем пополам, с травмами и потерями, принц Алан otvorил врата свободы. Евразию теперь, можно было считать совершенно независимой от нэогарского мира. Полностью лишённой контакта с холодными тварями. Вот только... земная кора по-иному видела будущее. У неё был свой, ироничный вариант раздела.

Всё когда-то заканчивается – самая мудрая истина в жизни старца Ия. Он понял это не сразу; ему потребовалось ни одно столетие, чтобы с этим смириться. Конец есть у всего. Исключением не стал и его поединок. Из восьми нэогаров, остался только один. Судя по его состоянию, ни минуты в сражении он не участвовал. Ий же, близок был к своему концу. Его жизнь давно близилась к закату, но сейчас – он наступил. Старик бездвижно лежал на арене, не способный шевелиться. Да ему толком и нечем было, осталась лишь одна рука и половина правой ноги. Глаза цвета фрез по-прежнему горели. Тускло, но чётко. Горели, и смотрели в никуда. Их внимание привлекли шаги оставшегося нэогара, что долженствовал стать палачом.

Трибуны стихли, и молчали уже давно. Такая тишина считалась редкостью; волновался даже Сарцин, что сидел в первом ряду арены. Именно его чёрные глаза случайно посмотрели в сторону, где из-за стального края «Бойсдракс» вверх бил столб воды. Падение тысячетонного фонтана обратно на морской покров, Минфин уже не мог увидеть.

Зато ощутить небывало сильный толчок, пришлось каждому. Трудно было понять, что оказалось способным сбросить со всей западной трибуны каждого сидевшего на ней зрителя. Тысячи нэогаров, в числе которых и Сарцин – перевернулись со скамей, беспорядочно полетев на стальной ринг. Северный край высокой стены отчистился от замороженных приговором нэогаров; они словно спички, выпали из наклонённого коробка.

Если северная сторона внутри «Бойсдракс» вздрогнула с такой ужасающей силой, страшно было представить, что случилось снаружи. Весь островной участок земли, на котором приказом императора была возведена арена – кривой трещиной откололся от массива Империи. Земляной «балкончик» на востоке материка не смог перенести раздел. Он всегда считался уязвимым, сейсмоопасным местом... теперь, страшиться этого стало поздно. Полуостров – отчалил от нового, кривого берега «холодного» материка.

В кабинет к главнейшему на континенте ворвался кукольник, с широкими глазами, но загнутыми устами. Он подбежал к Кану, стоявшему у окна, дабы разглядеть из-за его широкой спины вид на арену. Именно с тронного зала, из окна, что занял Кан – не идеально, но виднелись очертания «Бойсдракс», что беспокойное море силой течения относилось к Евразии.

Волны до сих пор насыщали пропасть между перешейком. Именно на их скорости – ставшая островом земля отходила в

направлении «тёплого» мира.

– Видал, что учудили? – найдя выше плеча императора просвет, ляпнул кукольник. – А в пустыне что творится, это надо было видеть, – заморожённый воспоминаниями, кукольник отшагнул назад. Он настолько упоен был всем случившимся, что заметить, как хмурился Ка, внимания не хватило.

Император строгими шагами дошёл до трона. С неким напряжением он на него сел, сурово глядя ниже стола. Это мешало Кану коснуться спиной спинки, но опираться о хрусталь и так не удовольствие.

– Чёрт возьми! – яростным голосом вскрикнул император, попутно задрав руку вверх. Его вопль спугнул кукольника, и слабым эхом разнесся по верхнему этажу. Но сила голоса оказалось ничтожной, перед тем грохотом, что последовал спустя секунду. Поднятая вверх рука – распахнутой ладонью ударила стол из красного дерева. Кан давно стал человеком, а нэогарские повадки по-прежнему сохранил. Что впечатлило, так это трещина сквозь всю столешницу. Император, всего одним ударом – напололам сломал массивный стол. Две половины прогнулись к полу, издав отвратный треск.

Вернув руку поближе к лицу, Кан увидел результат старания. Каждый палец, как и любая кость в ладони – переломились, не по одному разу. На коже виднелись струйки крови, протёкшие сквозь разбитые ногти.

– Дьявол, – выкинул Кан, взирая на изломанную длань.

– Вот это вдарил, – усмехнулся кукольник. – Ты это, поаккуратней будь.

– Как ты мог такое допустить?! – развернувшись к кукольнику, злобно выдавил император.

– Я целых три года этому препятствовал, – смутившись, ответил он. – А после, как-то, не заладилось...

– Что значит не заладилось? Как я объясню это императору? Чем ты занимаешься, если не держишь империю?! – Кан был напорист, как никогда. Он впервые вёл себя, как истинный император.

Кукольник этому удивился. Улыбка на его устах совсем ослабла; таким переменам, он не был рад.

– Ты, похоже, переволновался, – сухо молвил мальчишка. – Займись бумажками. Говорят, это успокаивает, – заглянув в мятежные глаза Кана, направилась кукла к выходу.

Император фыркнул, откинувшись на трон.

– И руку Чану покажи, – закрывая дверь, последнюю нотацию огласил кукольник. С его уходом, Кан остался один. Он тяжело дышал, озлобленно сипя. Почтительность, покинула императора.

Мужчина на хрустальном троне был не единственным правителем, претерпевшим изменения. Королева Евразии, что расслабленно сидела на уютном бархате – казалась расслабленной, умиротворенной... Престол она развернула к панорамным окнам, нежась на нём с закрытыми глазами. Красота утреннего вида всё равно была недоступна её

глазам, а бессонница, вызванная тяжёлыми мыслями, хоть немного отступила в обстановке зала.

Даже в лёгких пижамных вещах: светлом сарафане, полном воланов – королеве было комфортно. Пока, её тонкие плечи не покрылись мурашками. Милена попыталась растереть озябшую кожу ладонями, и задышала так, будто одна осталась среди заснеженных ледников. Её фиолетовые глаза распахнулись, недоумённо прищурившись.

– Почему, мне так холодно? – промолвили посиневшие губы. – Что, там случилось? – слабым голосом спросила она, устремив взгляд в первое окно с левой стороны.

Ничем кроме душевного трепета ощутить столкновение отстроенной императором Вэнтэром арены «Бойсдракс» с юго-восточным берегом Евразийских пустошей, Милена не могла. Но то, насколько сильно она ощутила новую беду прежде, чем кусок враждебной суши сквозь океанскую гладь примкнул к чужому континенту – в точности предсказало силу удара плиты арены. Был бы вблизи этого берега город, рухнул бы каждый метр чего-либо, смевшего подняться выше земли.

Стальная постройка, похожая на широкий конус без крыши – не позволила удару, спаявшему два пласта, тысячей глубоких расколов покорить землю под ареной. Но это не миновал Евразийский берег, и глубокие разрывы захватили километры почвы, широкой сетью «испачкав» безмятежную сушу.

Источником пыльного тумана служила пара сотен гектар земли на юго- Востоке, но пелена неизведанности накрыла всю Евразию. Если от начала пустыни на юге, и бывшего второго фронта на севере – дым, пыль, персть – окутали землю облаками, что мешали взгляду, столицу и окружные города – захлестнула неизвестность.

Разрушения в жилых областях были настолько малы, что их практически не было. С дерева упал непослушный ребёнок, хлопок открытой двери разбил стекло, невнимательный водитель снёс дорожный знак... ничего серьёзного. Зато вид вгрызшейся стальной постройки в побережье родного материка – навёл на горожан не мало жути. Туманная даль круглой арены приковала к себе взгляды миллионов людей, не представлявших, что стоило делать. Убегать ли, готовить ли оружие, собирать ли массовые силы или ждать дальнейших событий – решиться не мог никто.

Ничто не проходит бесследно. След может отразиться сильнее, слабее, раньше, позднее... в случае раздела – все «следы» на себя взяла арена. Снаружи, за высокой стальной оградой трибун, она даже не помялась. Зато внутри, вершился страшный хаос. Нэогары, что зрители, что бойцы – разбросались по всей арене, лёжа друг на друге, по частям и целиком, живыми и мёртвыми. Половина трибун, что раньше спиной смотрела на Империю, и считалась задней – осталась без единого зрителя. Каждый, кто сидел на ней – стал частью жестяной кучи на ринге. Вторая половина, чьи спины смот-

рели на Евразию – не покинула свои места. Хотя, считать ли это везением, однозначно сказать нельзя. Некоторые, из-за столкновения пробили ряд, что был выше, и провалились внутрь зрительских мест. Не мало было тех, кого толчок прижал друг к другу с такой силой, что смялась броня.

Не смотря ни на что, паники среди нэогаров не было. Да и повода для неё тоже. Они были слишком горды, слишком самоуверенны, чтобы бояться. И слишком лишены чувств.

Нельзя забывать о том лучике тепла, что сидел в первом ряду жестоких бойнь. Его напряжённая рука, его чуть ли не сминавшие сталь пальцы вырвались из-под груди нэогаров, стремясь к свету и вождеденному воздуху. Усилием лишь одной длани, не имевший за что ухватиться, Сарцин явил на свет голову.

Нелегко было выбираться из-под скинутых в кучу нэогаров, особенно израненному, ослабшему человеку. Но тяга к жизни управляющего ареной, неустанно вырывала его из холодного плена. Когда на свободе оказалась уже половина тела, чьи одежды были испачканы и порваны – обе руки взялись вытягивать ногу. Правая и сама справилась с освобождением, а вот левая, чья стопа выгнулась в неестественную сторону, доставила уйму проблем и боли. Каждое движение поломойной ноги вызывало мучительный крик и оскал, способный раздробить зубы. Но даже вытащив сломанную стопу, Сарцин не решил всех проблем. Его рука тут же схватила левый глаз, прикрывая часть лица.

– Грёбаная боль, – сквозь зубы выдавил он, крепче стиснув кровоточившую рану. Сквозь его левый глаз растянулся глубокий порез. Начиная от подбородка и вплоть до конца брови – красовался след, будто ножницами прошлись по плотной ткани. – Надо бы показаться Чану, – мучаясь, решил паренёк.

Компанию в попытке встать, Сарцину составили порядка половины выживших. Остальные, пока ещё не пришли в себя; уж слишком значительны были их повреждения.

Казалось бы, ярче всего ярость Магнэрайса долженствовала отразиться на тех, к кому была ближе. Но в отличие от бедолаг арены, со всеми выжившими участниками миссии «Раздел» – не приключилось ничего такого.

Алан лишился сознания, но не поддержки первого капитана. Джой, что вышел из раздела без единой царапины, разве что пылью запачкался. Усадив паривший над землёй мотоцикл в пределах ограды до боли знакомой больницы, где вершилась расправа над Киrom, Джой суетливо, но бережно стал спускать Алана с сидения.

Не прошло и минуты, как к эндуро сильнейшего подобралась установка второй по силе. Пока колёса, издавая привычный гул и поднимая пыль вокруг себя, ещё не успели остановиться – девушка, волнуясь, крикнула:

– Принц жив? Он ведь просто в отключке, но жив, правда?
– Думаю да, поэтому и доставил сюда, – заметив бежавших к месту посадки санитаров, выдавил Джой. – Где тре-

тий? Куда направился третий капитан? – взъелся он, не услышав ответа.

– Он... погиб, – глядя вниз, озвучила вторая. – Песок, не позволил ему выбраться...

– Что? – слышалась чистая претензия. – Как... почему ты не помогла ему? Почему позволила песку убить?!

– Я не могла! И вы бы не смогли, – усмирила капитан голос. – Ему просто не повезло, он засел в неудачном месте...

– Ты тоже, – не готов был Джой принять гибель товарища. – Но я помог тебе. Я рискнул и собой и принцем. А ты... ты предала одного из нас, – тихо, презрительно объявил сильнейший. Его не смутили санитары, уносившие Алана. Не смутило некое раскаяние, видимое сквозь стыд в глазах второй. – Проследи за Аланом. А мне надо в Белый дворец, – сухо распорядился Джой, призадумавшись над видом далёкой арены. Он закинул ногу на Эндуро, и едва поднявшись в воздух – взял разгон к дворцу.

В месте, куда стремился первый капитан, вовсе не было холодно. Как и в столице, и в самой Евразии. Прохладно было одной лишь Милене, что в своих покоях меняла вещи для сна, на более достойные посторонних глаз. В этом процессе у неё были две помощницы; пока одна потуже затягивала тонкие бантики светло-голубого верха расклешённого платья, другая тщательно протирала корону, доводя каждый уголок золотого убора до кристального блеска.

Когда введенная «Фраем» корона коснулась распущенных

молочных волос, дверь в покои Артурри отворил человек, в форме «Реокрацу». На его плече замечалась повязка, с цифрой «три».

– Королева, – вступил он, чем заставил Милену повернуться лицом к входу, – разведотряд докладывает: Примкнувший к нашей границе остров – знаменитая в Империи арена «Бойсдракс». Её описала ещё капитан Лира, в докладе об Имперских достопримечательностях. Пока что неизвестно, каково количество нэогаров прибитых к берегу, и каков их настрой.

– Соберите вооружённые силы, – развернувшись к докладчику, приказала она. – Возьмите вражескую землю в кольцо. Пускай не останется с арены ни одного пути, кроме как в океан. Не вступайте в переговоры и не атакуйте без нужды до тех пор, пока туда не прибуду я.

– Но королева, там...

– Выполняйте, – прорезало слово, протест паренька.

– Да, королева, – кивнул представитель когорты, и поспешил удалиться. Удалиться из-под взора больших фиолетовых глаз. Глаз решительных, строгих, холодных.

Путь из самой северной точки западного города Евразии, до её центра – Белого дворца, не был близок, как быстро бы ты не мчал.

Путь Джоя занял меньше часа, благодаря спешке эндуро в паре метров над землёй. Капитан на ходу соскочил с мотоцикла, впопыхах добежал до тронного зала, отворив чью

дверь ни встретил ничего, кроме пустоты. Добравшись до покоев королевы, Джой не менее торопясь вошёл в её комнату. Там, пустые стены разбавила компания пожилого уборщика. Некогда его встретила Милена, ворвавшись в тронный зал.

– Где королева? – опираясь на колени, тяжело дышал Джой открытым ртом.

– Она отправилась к новой земле, – недоумённо ответил дед, прекратив протирать пыль.

– Чёрт, – вскрикнул Джой, снова набрав разгон. Он побежал обратно на улицу, где у входа во дворец его дожидался эндуро.

Проблемы бессмертного капитана нельзя было назвать пустяком. Но они были ничтожно малы перед теми, что в одночасье свалились на голову Сарцина. В той куче нэогаров, что собиралась под собой его похоронить, управляющий сыскал отломанную ногу, стандартного нэогара. Давка смяла подвижные части; от бедра до стопы – самодельный костыль не шевелился. Сарцину подобная опора была ниже, чем хотелось бы, при подобной травме; но это лучше, чем ползти по стали, изнывая болью. Тяжкими шагами паренёк доковылял до выхода – точно под ложей.

– Ну, восстановили автоматику открытия? – спросил он у двух нэогаров, что копошились около дверей.

– Нет, питание не поступает, – нервозно ответил один из них. – Придётся выбивать.

– Тогда давайте расторопней. Я скоро помру, в таком-то теле... – с напряжением в голосе, поскакал Минфин обратно. Он не успел сделать и трёх полных шагов в сторону от сомкнутой стали, прежде чем в стык дверей вбили лом. Пара нэогаров из охраны смело пустилась мять железо, стремясь выбраться из ловушки «Бойсдракс». На звуки успешных пробоин сквозь первые ворота – способные ходить зрители и бойцы стали лениво собираться к окрестностям коридора из арены.

Раздвинув внутренние двери, взявшие ответственность спасителей – приблизились к расточению, но пока не могли покинуть «Бойсдракс». Была ещё одна пара ворот, у которой уже столпились особо прыткие бойцы. Среди них было большинство действующих чемпионов, стало быть – опасных преступников, приговорённых к казни, через дуэль. Путь к нижнему ярусу проходил как раз через ходы вправо и влево. Оттуда, без ущербов перенёсшие путь бойцы, хлынули к дверям, желая выяснить причину жуткой тряски.

– Убрались обратно по камерам! – грозно скомандовал смело вошедший в коридор охранник. – Или хотите без права на победу кончить?! – не удалось с первого раза разогнать толпу увеселителей.

Не смотря ни на что, приговорённые к бойням, да и простые зрители, неволей ставшие узниками – подчинились командам стражи. Им невдомёк было, что арена теперь при-

мыкала к другому континенту, что правила и власть теперь совсем иные. Они лишь хотели на волю, хотели понять, что произошло, и готовы были на всё, лишь бы покинуть это место.

Пока два начальника эскорта выламывали наружную дверь, Сарцин решил занять своим лицом. Скрепя зубами и издавая стон, словно несмазанная дверь, он наклонился к сломанной стопе, оторвав низ и так порванных брюк. Лоскут тёмной ткани, управляющий повязал на порез своего лица. Слово кривой парус, материал закрыл кровавый след «Раздела». Вместе с ним, он закрыл и всю левую часть смуглого лица.

Момент затягивания узла за головой, пришёлся как раз на финальный удар по прочным воротам. Две плиты толстой стали, что загораживали выход – с грохотом вылетели из косяка, упав на непривычную землю. То, что показало «окно» свободы – не вписалось в рамки ожидаемого. Для холодных голов – это было нечто нереальное, невозможное, поразительное... Это дивизия людских вооружённых сил, плотным кольцом окружившая каждый подступ к высоким стенам.

Они избегали приближения к расколам, что тысячами змей разошлись по берегу. Это мешало держать строгий строй; зато держать выход из арены под прицелом – ничуть. Дивизия численностью в десять тысяч человек, будто живое существо держало каждый участок арены на мушке.

Охранники, разинув рты, попятились назад. Даже им, та-

ким гордым и смелым внутри стальных стен, страшно стало, пред тёплой армией.

Заметив вид сквозь коридор, Сарцин на миг забыл о боли.

– Кто здесь главный? – раздался звонкий голос королевы, что под ручку с Джоем шагала меж солдат. Её фигура в голубом платье, с короной, уверенным взглядом слепых глаз – завораживала в первую очередь капитана.

– Надеюсь, всё ещё я, – тягостно выдыхая при каждом касании земли, послышался Сарцин.

– Мне знаком ваш голос. Мы прежде встречались? – растерялась Милена.

– Да. Евразии я известен, как министр финансовых учётов Зорий, – спокойно пояснил паренёк.

– Это имя лживо. Но я вспомнила, откуда знаю вас.

Управляющий «Бойсдракс» наконец остановился, в паре метров от королевы. Взгляд Джоя, что тот на себе словил, мягко говоря, был недружелюбен. Ответный взор окрасила лишь тень призрания.

– Вас на должность назначил король Фрай. Я не удивлена, что вы оказались на Имперской арене. Вы так же живы, как бывший король, – сменился голос на безразличный.

– Вы можете сравнить меня только с ним? – поднялась бровь, над взглядом для Джоя.

– Схватить его! – не стерпела королева.

С долей испуга в движение пришли и люди, и нэогары, готовые схлестнуться в битве.

– Постоите! – прозвучал приказ Сарцина, который исполнили оба фронта. – За моей спиной пятьдесят тысяч нэогаров, среди которых не мало обученных умирать ради победы.

– Ложь, – вставила Милена. – Эта цифра лжива.

Сарцин хмыкнул, прищулив взгляд.

– Пусть некоторые погибли, чтобы перебить оставшихся – собранных вами сил, может не хватить.

Милена промолчала, но лицо её пропустило мысль – «Правда».

– Тронете меня, и тучу нэогаров некому будет вразумить. Меня – они хотя бы услышат.

– Правда, – кивнула Арттури. – Но, что нам делать, если не защищать эту землю? Глупо даже допускать мысль, ужиться с холодными тварями.

– Про тёплых тварей, тоже самое думают нэогары. Но чем попытка хуже смерти?

– Предательством. Вы готовы поклясться, что оставшись в живых – ваш мирок, не истребит наш? – отпустила королева руку капитана. На последних словах она уже шагала к управляющему, одиноко.

– Клянусь, – размеренно молвил Сарцин. – Я деловой человек, и руководствуюсь не гордостью. Я действую с мыслями о выгоде, и всем нам выгодно перемирие.

– Правда, – слегка смягчился голос Милены. – Я дам вам шанс. Лично вам, и каждому из ваших.

– В таком случае, не откажите в медпомощи, – жалобно обратился человек внимание на свои раны.

Королева, великодушно кивнула...

39 эпизод. Союз

История полна примеров, что способны доказать – благие дела безнаказанными не остаются.

Своё наказание встретил уступчивый принц Алан, чьей главной заслугой стал исполненный раздел. Алан со вчерашнего дня лежал в госпитале. В светлой палате, на белой простыне, укрытый белым одеялом. Подушка под его головой была мягка и удобна; именно к ней, прижималась правая щека; именно на ней, его глаза приоткрылись. На вид лицо принца было заспано, глаза уставши, растерянные, брови над ними хмуры. Подняв голову с подушки, Алан, наконец понял, куда попал. Вспомнил последние моменты раздела перед тем, как его силовой волной выбило из сознания.

– Алан, ты очнулся? – трепетно спросила Милена, что сидела в палате. Её стул был с другой стороны от лица паренька; не удивительно, что Алан не заметил кузину.

– Да, вроде да... я долго спал? И... что с разделом? У меня получилось? Мы отделились? – подскочил он с кровати, почти требуя у королевы ответ.

– Да, – умилилась Арттури, кивнув. – Ты молодец. Отлично постарался. Между нами и Империей теперь залив такой ширины, что не видно даже очертаний её окраин.

Алан ощутил облегчение. Он с улыбкой выдохнул, присев

на койку.

– Но это, ни все новости, – изрекла Милена, чем насторожила кузена. – Участок земли, довольно большой – откололся от Империи. Волей судьбы, его прибило к нашему берегу.

Каждое услышанное слово, вдвое увеличивало испуг принца, пока не доросло до шока. Его рот невольно приоткрылся, ресницы изредка хлопали, а слова не могли покинуть горло.

– И... и что теперь? – заикнувшись, проронил он.

– Если так можно сказать, нам повезло, – невозмутимо ответила Милена. – Этой землёй оказалась арена «Бойсдракс», а её управляющий – наш бывший Минфин, очень переживает за свою жизнь. На время, я согласилась заключить перемирие.

– На время? Почему только на время? Если они согласны сотрудничать, мы должны избегать войн!

– Алан, ты ведь не ребёнок. Ты должен понимать, как глупо звучит идея сотрудничать с холодными тварями, – голос Милены был снисходителен, хотя слова звучали совсем не добрые.

– Но не развязывать же теперь войну. Мы не должны уподобляться нэогарам!

– Если выбор исчезнет, путь будет только один, – непреклонна была королева, и холодна.

Алан в глубине души согласился. Он не держал на нэогаров гнев, подобно Милене, но побаивался холодного ножа

между лопаток.

– Я... должен перед тобой извиниться, – прозвучали тихие слова, когда глаза парнишки опустились. – Я не сберёг меч Магнэрайса. Я не смог вернуть его домой...

– Ложь, Алан. Ты этого не хотел. Ты намеренно выпустил «ММ», – великодушно огласила королева.

Алан заёрзал на месте. Он задумчиво потёр лицо, не зная, что ответить теперь.

– А ты ведь права... я, я боялся этого меча. Я страшился его угрозы, в мирные дни. И не старался, чтобы сохранить. Но если будет нужно, – загорелся Алан идеей, – можно создать новый меч!

– Ложь, – безысходно молвила Арттури. – Все чертежи уничтожены его создателем, в день завершения работ. Говорят, он руководствовался теми же идеями, что и ты.

– В любом случае, прости. Всё обернулось не так, как должно было... – Алан снова поник.

– Прошлое не изменить; тебе незачем переживать. Переживать стоит мне, ведь я без спроса занесла твоё имя, на «Золотую плиту почёта», – с теневой улыбкой поделилась кузина. Алана пробрало удивление. В глубине себя он обрадовался, но тень изумления отразили слова:

– Но... как? Я ведь не король, мне нет двадцати одного, – замешкался принц.

– Ложь здесь только то, что ты не король, – нежны были слова Милены, и мило её лицо.

Правая рука королевы коснулась короны, что она сняла с молочных волос. Левая – мягко провела по щеке Алана, водрузив на макушку корону.

– Король Алан Кхирон – завещатель свободы, записанный на плите почёта, как Алан Вольный. Хвала королю, и да будет король благодатен, – искрилась улыбка Милены, искрилась гордость из её фиолетовых глаз. Искренен был и восторг новоиспечённого короля, что пробивался на лицо и глаза Алана сквозь пелену недоумения.

– Спасибо, – не сдержал он скоротечной слезы, вызванной безмерной благодарностью. – Спасибо, – повторил он, не желая выпускать кузину из крепких объятий.

Если Алан, поправлявший корону, дабы та не упала – сморкал носом, вкладывая в объятия силу от наполнявшей его любви, Милена, чьё лицо мирно улыбалось с другой стороны, была безмятежна и молчалива. Она редко бывала такой доброй на вид. Её большие глаза редко сияли таким теплом.

– Я должна идти, – приблизил звонкий голос момент расставания. – По делу «Бойсдракс» назначен государственный совет; пока ты не восстановишься, я от лица королевской семьи возглавлю его, – глазами, приспущенными на уровень шеи кузена, поведала Милена.

– Ты уверена? Может, и мне стоит пойти? – взволновался король.

– Нет, тебе следует отдыхать. Ты сделал всё; позволь и мне

внести свой вклад, – поднимаясь со стула, объявила Артуру.

– Давай я хотя бы провожу тебя, – решил встать и Алан.

– Просто лежи, – оттянулись уголки розовых губ. – Со мной капитан Джой. Он со всем поможет, – пообещала девица, не позволяя королю следовать сзади.

Не одного желавшего сменить континент проживания, среди попавшихся в ловушку «Бойсдракс», не было. Но что оставалось нэогарам, кроме как выжидать решения об их будущем. Пока оно укрылось одеялом тайны; холодные головы с трудом воображали, чего ожидать.

Временно арену закрыли. За пределы стальных стен не выпустили ни одного нэогара; выломанные двери установили обратно, оставив на Евразийской земле дозор из тысячи вооружённых солдат. За прошедшую ночь установили военные палатки, в которых половина людских сил отдыхала, пока остальная дежурила.

Настрой среди всех, кто стоял у стены с готовым к выстрелу автоматом, был неоднозначен; немногие уверялись в превосходстве тёплых сил, что выдавали надменные лица. Некоторые по-прежнему боялись холодных тварей; их руки порой вздрагивали, слыша звуки изнутри амфитеатра. Но основные вооруженные силы, были сдержаны; их ружья не готовились сиюсекундно открыть огонь; они спокойно расхаживали среди оккупации, но часто оборачивались к пере-

крытому ходу.

Совершенно на него не смотрели только гости за высокими стенами. Нэогарам внутри арены, будто не было страшно; они выглядели слишком занятыми внутренними проблемами, чтобы переживать о солдатах из плоти и крови.

На трибунах остались сидеть только те, кто ничем не мог помочь проблемам арены. Десятиметровый ринг не способен был вместить и пятой части всех выживших; вот простым зрителям и приходилось проводить время в разговорах, отягощая собой сидения.

Сотням участников схваток, десяткам чемпионов, ради которых покупали самые дорогие билеты – бюджетом выделялся лишь один механик, обученный чинить нэогаров. Его образ полностью рушил облик привычного людям врача; никаких халатов, очков и сострадательного взгляда. Этот нэогар был суров, силён и тороплив. Около него длинным рядом сидели, а то и лежали пострадавшие при «переезде». И каждому, он долженствовал оказать помощь. Точно за его спиной, прижавшись к другому краю круглого ринга, в три кучи скидывались погибшие. Кучи высокие; одна из них высотой была со второй ряд трибун. Среди убитых довольно мало было тех, чьё тело осталось цело. В основном, виднелись выдранные руки, отломанные ноги, лежали головы с тусклыми глазами. За спиной механика, расположился прекрасный ассортимент запчастей для выживших. Пользовать части погибшего собрата не запрещалось законом,

или правилами нэогарской морали. Напротив, в «холодном мире», ничего не тратилось напрасно.

– У меня тут ещё один, чьи глаза горят, – подводя к механику нэогара с пробойной ниже шеи, огласил ведущий схваток. Он выделялся золотой накидкой; жаль «головной убор» шут потерял.

– Хоть бы они не потухли, пока я до него доберусь, – низко ответил мастер, чиня промятое бедро. – В конец очереди его, у меня всё по порядку.

Ведущий решил проводить нэогара, из которого недавно вытащил заострённый прут. Но тот вырвался вперёд, не желая выглядеть слабым.

– Есть новости от Сарцина? – заметив прошедшего мимо спины шута, спросил ремонтёр.

– Нет... даже если бы он хотел, как бы с нами связался? – сев на край арены, выдавил ведущий.

– Какого чёрта нас вообще закрыли? Мы будто в плену, хотя ничего не сделали, – негодовал механик. Его эмоциональные слова отвлекали руки от работы.

Сидевший на краю шут, безразлично скинув с себя накидку, только обрадовался шансу поболтать.

– Мы для них враги, что тут поделывать. Так поступил бы любой правитель. В особенности, наш, – усмехнулся ведущий.

– Вот именно, а на войне людишки так часто кричали, что они лучше. Что они честнее, справедливее, что только хо-

лодные твари могут проявлять жестокость. И где их миролюбие теперь? Где те отличия, которыми кичатся тёплые твари? – требовал ответа крупный нэогар у того, кто решал не больше.

– Нигде... сейчас они сильнее, у них и власть. А те, у кого власть – неотличимы друг от друга. Они все одинаковы. Одинаково жестоки.

– Следующий, – крикнул механик, закончив со своим «пациентом». К нему подсел другой, из долгого ряда очереди. – Так и хочется выбить к чертям ворота, чтоб напомнить людишкам, в чьих руках сила! – не забыл нэогар вести свой разговор.

– Мы не выстоим. Смерть конечно неизбежна, но каждому желанно её отсрочить. Больше многих этого хочет Сарцин; Евразия дала шанс арене, а мы должны дать шанс ему, – проявил шут миролюбие.

Тот, на чьи плечи возлагались надежды невезучих нэогаров, не собирался бросать подопечных. Он понимал важность своей миссии, и готовился её исполнять, но не радовался тому, что должен был делать это.

В эту самую минуту, Сарцин сидел в тронном зале Белого дворца. Прямо напротив бархатного трона, перед дверью, около которой стояли вторая и четвёртый капитаны. Их присутствие выдавало недоверие к управляющему даже меньше, чем презренные, косые взгляды трёх министров.

Трон, как можно догадаться, был пуст. Изменение именно

этого, собравшийся люд ожидал.

– Ваша власть всегда столь непунктуальна? – устало спросил Сарцин. Тот глаз, что не закрывался слоями бинтов, смотрел на советников по очереди, ожидая ответа. Переставив костыль от правой ноги, к левой, которую по колено покрывал гипс – он в той же тишине промолвил:– Только зря спешил.

Дверь в тронный зал, наконец, отварилась. За ней показались Милена, чья рука держалась о ручку. Девицу под опеку взял четвёртый капитан, проведя незрячую к трону. Участников совета слегка смутило то, что на голове Артуру не было короны. Сама Милена вела себя, как ни в чём не бывало, и шагала к трону с привычным холодком. Подступив к престолу, девица всё же выкинула нечто неожиданное. Она крепче сжала бархатную обивку, и оттащила королевское сидение к краю стола. Для слепца это не самое простое дело; Милене, всё же, никто не помог, и ничего не сказал. В след за этим, в зал вошёл Джой, чьи руки занимала точная копия трона, только оббитая белым бархатом. Скрепя костями, широкими шагами – капитан доволлок белый престол до стола, и прекратил его передвигать у другого края. Джой учтиво подал Милене руку, и помог присесть на трон, что стоял левее.

– Благодарю, – проронила девица, и капитан встал справа от её спины.

– Королева, что это означает? Как это понимать? – озадачился генерал, первый, кто поборол шок.

– Вы про новый трон? Я передала корону Алану. Теперь её носит полноправный король – наследник рода Кхирон. Бархатный трон – его привилегия. Но и я остаюсь королевой. Местом королев, пусть служит этот трон, – стукнув о подлокотники ладонями, объявила Милена.

– Но простите, возраст Алана не позволяет...

– Зато развитие позволяет, – на таран прошли слова королевы, сквозь возражение Агаты. – Не будем тратить время. Управляющий «Бойсдракс» здесь?

– Здесь, – кивнул Сарцин. – Странно то, что здесь нет короля. Если власть в его руках, каков смысл начинать без него? – учтив был голос паренька.

– Король не сможет присутствовать. Он проходит реабилитацию, после раздела... – пояснила Милена.

– Я видел его в больнице, – снова вступил Сарцин. – На нём нет и открытой раны, но его не беспокоят. Я лишился глаза и только вчера сломал ногу, но меня вынудили прийти. Раньше в Евразии было справедливей, – невозмутим остался бывший Минфин здешних земель.

– То, что вы живы, уже повод быть благодарным. Не смейте жаловаться, – качнула Арттури головой.

– Я благодарен, – поспешил согласиться Сарцин. – Надеюсь, также сильно как все, чьи жизни спасены нашим перемием.

– Между нами нет мира. Это испытательный срок, и в ваших интересах пройти его.

Все разговоры вели сугубо Милена, и Сарцин. Остальные только с интересом наблюдали, боясь вставлять неуместные слова.

– «Бойсдракс» – не может существовать самостоятельно. Арене необходима внешняя поддержка, и только поэтому, нэогары готовы заключить союз.

– А вас не волнует, готовы ли на это мы? – придиричиво промолвила королева.

– Я не в том положении, чтобы ставить ультиматумы, – вслух рассудил паренёк, – поэтому, примите мои слова, как набросок картины. Евразии, из-за замышленного вами же раздела – придётся нести некие убытки. Это будут либо ваши ресурсы, либо жизни ваших солдат.

Слова смуглого человека не по душе пришлись Милене. Она видела правду, и это её раздражало.

– Само с собой и мы готовы вносить вклад в союз, – соединил управляющий все пальцы в один кулак. – Мы отдадим вам под контроль всю землю арены, и обязуемся не нести гражданам вреда, – заманчиво звучали обещания Сарцина. – Взамен, хотим такой же безопасности, и необходимых для жизни ресурсов.

– Вам должно быть унижительно служить созданиям, бывшим у вас в рабстве. Где гарантия, что со временем, вас не «захватит» идея реванша? – наконец внесла уточнение и министр соц. ведомств.

– Большинство прибывших – не обычные нэогары. Они

вдоволь настрадались жизнью в битвах. Никто из гладиаторов, не хотел оказаться в «Бойсдракс». И не захочет вернуться в имперские тюрьмы, – без затруднений ответил Сарцин, посмотрев на последнюю женщину в зале.

– Мы не должны разоряться на угождение своим врагам, – со всей резкостью выпалила Милена. – Если ваши условия будут посланы к чёрту – война? – подняла королева брови.

– Я человек предприимчивый, мне это ни к чему. Но переубедить нэогаров, я не смогу. Это будет война, – совершенно спокойно, склонил управляющий голову на бок.

– Это абсурдная остратка. Вы проиграете! – ни на секунду не сомневалась Милена.

– Странная вы, королева, – усмехнулся Сарцин. – Экономите металл и ток, но тратите тысячи жизней.

Эти слова несколько омрачили советников. Хотя тень напряжения быстро рассеяло удивление, когда дверь тронного зала открылась. Гостя на заседании не ожидали, особенно такого, каким он оказался.

За тихим скрипом двери раздался шаг короля, что переступил порог. Брюки цвета мха, чьи боковые швы украшала золотая обтачка, скрывали низ сиреневой рубашки. Поверх неё надевался малахитовый китель, расшитый голубыми узорами. Над плотным воротником держалось серьёзное лицо Алана – сына героя Кира. Теперь, именно кудряшки Кхирона зажимала корона.

– Как понимать ваши слова? – остановившись на месте, озадачился Алан.

– Мне отказали в заключение союза, насколько я понял, – обернувшись к Милене, погрузился управляющий. – Я не сдержу нэогаров, если они не получат ремонт и электропитание.

– Тогда пускай получают, – изумился Алан. – Это всяко лучше войны.

Всего пара слов короля, с ног наголову перевернули весь ход совещания. Милена замолчала, сдерживая лицо от гримасы злости.

– Король, – несколько затруднённо выговорил глава научного развития, – я боюсь, что нам может не хватить ресурсов, на утоление их потребностей...

– Если вы так боитесь, что ваши запасы обнищают, я уговорю пленников арены содействовать людям в ваших ремёслах. Думаю, это облегчит становление нашего союза, – почувствовав сговорчивость паренька, размяк Сарцин.

– Это бы помогло, вы правы, – нерешительно молвил Алан, решив продвинуться к трону. Паренёк скромный был даже сейчас, когда его голову венчала корона.

– Поверьте, я и все из «Бойсдракс» – просто пытаемся выжить. В моих словах нет скрытых намерений, – убеждённо твердил управляющий.

Алан присел на трон, смущённо посмотрев на кузину.

– Ты веришь, в эти слова? – тихо спросил он.

– В них нет лжи, – сухо отсекала Милена.

– В таком случае, мы одобряем союз Евразии и «Бойсдракс» , – смело объявил король.

– Наконец я слышу разумные решения, – проронил смуглый паренёк капельку лести. – По-хорошему, нужно бы выпустить нэогаров из арены. Многие должны восполнить баланс заряда...

– Надеюсь, вы понимаете, что мы не можем слепо вам доверять. Нэогарам будет выделен район в Авангардном городе, на первое время закрытый. Мы оцепим его, и снабдим серьёзной охраной, – с наигранной строгостью, бормотал король.

– Ваше право, – отрадно кивал управляющий. – Ключевым словом, я считаю «на время»...

– Я поприсутствую на роспуске нэогаров. Пусть это станет жестом, людского одобрения.

– Как пожелаете, – сладко растянул Сарцин, сверкнув довольным глазом из-под брови.

Император, это утро встретил в тронном зале. Возможно, именно здесь он провёл вчерашний вечер, и всю ночь. Волосы Кана лишились порядка, под глазами вспухли синяки, лёгкая щетина проступила на щеках и подбородке. Его настрой, был однозначно подавлен. На новом столе, схожим с прежним, стояли стопки нетронутых бумаг, к которым император не желал приступить. Часть из них лежала на полу, ибо на столе не хватало места для прозрачного графина. Сей-

час, сосуд стоял прямо под рукой Кана. Ему ничего не стоило вынуть стеклянную пробку, позволить ей упасть на стол, поднять графин и тонкой струйкой налить коричневую жидкость в стакан. Вернув сосуд на место, рука императора сжала бокал, безразлично оглядывая круги на поверхности питья. Лицо Кана выдало нежелание это пить. Рубеж жажды, давно перечёркнут; остальное – усилие. Кан бы выпил и этот стакан, и ещё столько, на сколько хватит содержимого графина. Благо, двери в зал распахнул кукольник, неизменно довольный. Но стило ему встретиться с пустым взглядом Кана, как мальчишка тут же заладил:

– Опа-па-па-па, – спешно подбегая к императору. Он ловко выхватил стакан из крепкой руки, пролив напиток через край. – Ты где эту... злую гадость раздобыл? – выплеснув питьё в окно, нахмурился он.

– Ящик таких бутылок, в Империю доставили после войны... – сжала рука Кана горло графина. Настрой императора выпить все остатки легко было разглядеть в направлении губ к месту для пробки.

– Да перестань ты, – схватился кукольник за дно графина. С заметным трудом, после пары дёрганий, он всё же вырвал пойло из рук давнего друга. – Вот этим вот, ты проблемы не решишь, – добродушно поведал кукольник, запустив и графин в след за стаканом.

– Зато, хоть на время забуду о них. Сейчас я бесполезен, и мне слишком плохо...

– Ты скорее забудешь, как дышать, – сев напротив, усмехнулся кукловод. – Я не мало времени провёл в Евразии; поверь, такой способ забыться – верный путь на погребальный костёр.

– Ну и пусть, – одобрительно выдохнул Кан. – Я помру, тебе придётся сесть на хрустальный трон, и, надеюсь, Империя прекратит разваливаться, – уложил он щеку на кулак.

– Хах, так ты поэтому взгрустнул? – ухмыльнулся мальчишка.

– На арене, почти все наши преступники, – заплетавшимся языком, выдавил Кан. – Теперь, когда они свободны, возможны два варианта: или они договорятся с людьми, или нет. Если «нет» – мы подключимся к сражениям с помощью флота, – с трудом выговаривая слова, рассудил император. – Но а если договорятся? Вот это будет неудобно...

– Ну что ж теперь делать... с горя утопиться в ящике людского пойла? – скосил кукольник край губ.

– Вдарить бы по ним, со всего размаха! – вскрикнул Кан, на первом слове треснув кулаком о стол, а на последнем – взмахом руки пустив в полёт все отчёты. – Чтоб знали, чья эта планета! – крепко сжал он длань, вместе с зубами.

Кукольник тихо похихикал, после такой зажигательной речи.

– Ну... – растянулись ехидные губы, – не гони кентавров, – смеясь, ляпнул кукловод. – Сейчас, равновесие наших сил пошатнулось. С людьми наши гладиаторы, и все знания, что

у них есть. Победу Империи, больше не назвать безоговорочной... – набежал под улыбку мрак.

Двери в зал отворил заместитель императора, намеренный что-то сказать. Но, увидев кукольника, отрадно сидевшего около Кана, Сталис растерянно сболтнул:

– Вот чёрт, – и развернувшись – собрался быстренько уйти.

– Эй, Сталис, куда же ты? Раз пришёл, проходи, – не скрывая издёвку, остановил его мальчишка.

Сталис замер, закатил глаза и глубоко вдохнул. Он через силу развернулся, и снова шагнул в зал.

– Ты вызывал? – напрямую спросил он Кана.

– Конечно, – выдавил император. – Нам нужна разведка. Нужно разведать, что происходит в Евразии.

– Очень кстати, что туда моего сына забрал кукольник, – сквозь зубы припомнил заместитель. – С этим делом поможет барон баронов, – надавил он взглядом на мальчишку.

– А вот и нет, – усмехнулся кукловод. – Джой отказывается рассказывать Евразийские новости, – нарочно отмахнулся кукольник, чтобы вынудить Сталиса заниматься чем-то ещё.

– А скажи-ка, вездесущий кукловод, каким образом людям удалось сотворить раздел? Если в их власти нашлось что-то, способное на расщелину в литосфере, не пора ли нам начинать бояться за свои жизни? – обоснован был вопрос заместителя.

– А чего ты сразу от темы уходишь, – заёрзал на месте улыбака.

– А ты? – безмятежно надавил Сталис.

– Ну, переживания нам не грозят, – приподняв брови, пообещал мальчишка. – Скажем так – в их власти больше нет того, чем был сотворён раскол, – растянулся левый край его губ.

Люди, обладающие влиянием – знают себе цену. Они не позволяют никому собой помыкать, и действуют, опираясь только на личное удобство. Король Алан, не решился стать исключением. Он запретил открывать нэогарам из «Бойсдракс» ход без своего присутствия, но сам не спешил оказаться у арены. Вначале ему захотелось отобедать, и только спустя час после полудня, он выдвинулся в путь. Бездорожье и захламленность неосвоенных земель Евразии вынудили оставить наземный транспорт на границе между окраинами Авангардного и восточного городов. Дальнейший путь – король, его охрана, и союзник мира между расами, провели под небом, в кабине вертолёта.

Оккупация «Бойсдракс» не ослабла даже сейчас, в преддверье шестого часа вечера. Особенно настороженными солдаты стали, когда Алан, Сарцин, вторая и четвёртый капитаны – вплотную подступили к перекрытию между «мирами».

– Король, – смятённо молвил генерал людских войск, что прибыл на место заранее, – вы уверены?

– Уверен. Откройте ворота, – распорядился Алан, отсту-

пив в сторону.

По кивку генерала, королевский приказ исполнили. Капитаны его личной охраны раздвинули плиты металла, отворив брешь в нэогарский мир.

По ту стороны железных стен – холодное население поднялось с мест. Нэогары и раньше не сидели в спокойствии, но сейчас, в момент решения их судеб, волнение нахлынуло с новой силой. От этого все, кто могли стоять – поднялись; они выразили готовность к любому исходу.

Коридор к трибунам арены, постукивая костылем – прошёл Сарцин. Он первый из всей делегации показался на круглом ринге, куда собрались взгляды горящих глаз.

– Мы обойдёмся Без новых жертв, – огласил он, глазом бегая среди безмолвных трибун. – Мы станем частью союза, и если хотим выжить – будем соблюдать его правила. Ни чья рука не тронет вас, если ваша не тронет человека. Вас снабдят узлами питания, если вы поможете траты восполнить. Над вашими головами будут надёжные крыши, если вы не решите их пробить. Вас проведут и разместят в свободной зоне. Пускай арена опустеет! – скомандовал управляющий, будто позабывший о травмах.

– Ни все смогут уйти! – сообщил единственный механик. – Многим нужен ремонт!

– Тогда закончи его; тут и материал припасён, – заметил Сарцин накиданные тела с потускневшими глазами. – Временно недееспособных, заберут завтра, – решил

управляющий.

Его разговор с механиком вовсе не отвлек холодный народ от пути из арены. Нэогары воодушевлённо покидали наскучившие трибуны, густой очередью толпясь у коридора.

Те, кто покинул пределы высоких стен, начинали свой путь сквозь строгий ряд вооружённых тёплых сил. Солдаты, наперевес с винтовками – создали второй коридор, разве что пошире.

Сарцин не успел покинуть арену прежде, чем место для прохода забили нэогары. Теперь, управляющему не пробиться через спешащие стальные тела; слишком уж паренёк переживал за свою ногу, и перебинтованную половину лица. Ему пришлось опереться спиной о первый ряд трибун и, отложив костыль, взять передышку.

Если бессмертный не позволял себе толкаться, ведущий поединков – пробился сквозь напористых собратьев. И все труды ради одного; ради вопроса, что не давал шуту покоя:

– Это не уловка? У нас действительно союз, или ваша речь – пыль в доверчивых глазах?

– Нет, всё сказанное мной – правда. Король идёт нам на уступки, – сморщив лоб, кивал смуглый человек. – В конце концов, это наш общий интерес.

– И что дальше? Мы теперь их рабы? А «Бойсдракс» – станет веселить людей?

– Нет, ничего подобного. Арену, демонтируют, материалы переработают, а нэогарский труд будет положен на благо

Евразии. Поверь мне, войну с людьми мы не потянем, – заметив в глазах собеседника досаду, припомнил Сарцин.

– Где ваша гордость? Где ваша нэогарская честь? – с мнимой жалостью, промолвил шут.

– Немного выше чаши весов, на которую я положил жизнь. Лично мне – это дороже, – размерено качнул паренёк головой.

Арена стремительно опустела; поток ходячих нэогаров не мгновенно, но преодолел коридор в Евразию. Её король, получивший корону этим утром, с неким трепетом созерцал картину исхода живой стали. Это была его первая встреча с нэогарами; прежде, он видел их лишь в учебниках, лишь слышал истории об их жизни. Люди, очевидно каждому, были обозлены на нэогаров. Не существовало рассказанных фактов, где холодные твари сотворили хоть что-то хорошее. Хотя, творили ли они...

Любопытство, тяга к знаниям – с детства побеждали разум Алана. Безмятежность, послушание нэогаров вселили в него ощущение безопасности; паренёк осмелился погрузиться в тёмный коридор.

– Король, постойте, – в след молвила, и следом пошла вторая в «Реокрацу». – Вам не стоит сюда входить, тут может быть опасно, – звучали предостережения, которые Алан не слышал. Он был слишком изумлён содержанием арены, слишком увлёкся любованием нэогарским рингом. Виды трибун вскоре наскучили королю. Заинтересованность чу-

жим мирком завела его на круглую арену, где остался механик, занятый ремонтом длинной очереди ждущих помощи. Алан не решился отрывать мастера; он прошёл мимо согнутой спины.

Совершенно не важно было, каковы твои травмы; распределение строилось не по тяжести поломок. Те, кто ждал простой заплатки в спинную часть брони, могли стоять на десятки мест ближе, чем те, из чьей головы торчал осколок, или чья шея промялась внутрь. Такие повреждения напрямую угрожали жизни, но некому было щадить бедолаг, и пропускать их вперёд.

Заворожённый чем-то невиданным, чем-то «неземным»— Алан прошагал в самый конец холодного строя. Ему трудно было оглядывать лежавших на стали нэогаров, ведь корона так и норовила упасть. Король справился с трудностью, не уронив знамя власти до самого конца пути. За это, случай вознаградил Кхирона.

В конце очереди, он увидел до глубины души болезненную картину. На холодном железе лежал нэогарский старик, лишь с одной рукой, и половиной ноги. От этого он и был последним: старец не в силах был менять положение. Его принесли и кинули на это место ещё вчера. С тех пор, очередь двигалась, а дед лежал на месте. Глаза цвета фрез, что удивляло – продолжали гореть. Гнетущее ощущение агонии повреждений уже отступило от него. Старик лежал, в ожидании смерти.

– Вы... вы живы? – присев на корточки, несколько испуганно спросил король.

– Боюсь, да, – едва слышно донеслись сильные слова.

– Почему этот нэогар в самом конце? – выпрямившись, крикнул Алан. – Ему помощь нужнее!

– Тогда пусть встанет и добьётся её, – с одолжением ответил следующий в очереди. – У нас порядок!

– Но... как же так? Где ваше сострадание? Где ваша человечность? – откровенно растерялся паренёк. Только произнеся это, он услышал свою глупость, и краска залила его лицо.

– Он нэогар. Ему не нужна человечность.

– Вы... вы должны помогать друг другу, вы должны сострадать...

– А ты смешной, – выдавил нэогар, не самым добрым голосом. – И смелый, если диктуешь, что нам делать.

К королю поближе подступила вторая в «Реокрацу», а к болтливому созданию – пара его друзей.

– Какой смысл ему сострадать? Он и сам не прочь скинуть оковы этого мира, – вставил своё мнение присоединившийся к спору.

– Замолчи, – чуть ли не простонал старец, чем привлёк удивлённые взоры. – Проживи хоть вечность – помирать не захочешь, – в тишину окунулись последние слова.

– Я помогу вам, – снова склонившись к старику, изрёк Алан. – Я попрошу заняться вами вне очереди, – ухватив-

шись за плечи нэогара, пообещал король. В стремлении до-тащить его до механика, пареньку суматошно помогала де-вушка из «Реокрацу».

– Зачем тебе это? – с новой дозой труда выговорил Ий.

– Я не приемлю смерть, когда есть шанс жить, – отдавшись труду, мимолётно ответил король...

40 эпизод. Взор сквозь время

Как ни посмотри, позиция кукольника представлялась удобной. Он жил в отчуждении от всего мира – скрывался во льдах замёрзших земель, что даровало ему безопасность. При этом, он свободно разгуливал по улицам обоих континентов, и мог непосредственно влиять на судьбы «холодного» и «тёплого» миров. Он пребывал в курсе последних новостей, всегда знал причины и последствия любых свершений. Тем не менее, ему нельзя было выделяться, особенно в Евразии. Материк, вырванный из нэогарских когтей, враждебно относился к его некогда королевской персоне. На всех просторах заселённых городов, у кукольника остался всего один друг, всего один человек пусть нехотя, но готовый помочь.

Вместе с Джоем, вечно довольный мальчишка заканчивал замену выбитых окон в отдалённой лаборатории, около мирного озерца. В спокойной воде, порой искажаясь неторопливыми кругами, отражалась луна. Судя по её высоте, ночь вступила в свои права. Судя по форме, месяц начался недавно.

Кукольник вставил последнее стекло в пустовавшую раму. Следов от недавнего погрома – с этой стороны, больше не было. Благодаря горевшим внутри комнаты лампам, куколоводу виден был Джой, что до сих пор мучился с установкой стёкол в другое, противоположное окно.

– А ты во всём такой долгий? – ухмыльнулась кукла.

– Будто я каждый день стёкла меняю, – раздражился паренёк. – Меня удивляет, что ты так быстр.

– Ну так, – задрал кукольник нос, – сравниваешь мой богатый опыт, и свою тепличную жизнь.

– Это моя жизнь тепличная? Сейчас сам будешь окна менять, – вовсе не серьёзно звучали угрозы Джоя.

– Кстати, спасибо за стёкла. Тащить их из Империи, было бы накладно...

– Мне завтра на работу с утра пораньше, а я ночь в помощи тебе провожу. Ну, где твоя совесть?

– Я давно перестал её искать, – посмеиваясь, ответил кукольник. – Ладно, ты пока заканчивай, а я растоплю шоколад.

– И мне не забудь, – в след молвил Джой.

– Эй, ты ведь его не любишь, – в шутку обиделся кукольник.

– Я только сонным по дворцу ходить не люблю, – сморщив лоб, поведал капитан.

Кукольник сдался, и без дальнейших разговоров вернулся в домик. Оставшись наедине с вечерним лесом, Джой со-

всем не собирался завершать начатый ремонт. Он отложил инструменты, снял серые перчатки, и тихими шажками подошёл к спинной части лаборатории. Лишь общими очертаниями удалось разглядеть приделанные к прочной стене клетки; ровно пять тесных камер, отделённых друг от друга жестяными листами, а от зелени позади дома – прочными прутами. Женщинам, что заточались в «сети», кукольник даровал не малые способности. Но, даже пользуясь всеми силами дикого мира – им не удалось прорваться на свободу.

При виде заточённых, на сердце Джоя снова шевельнулся камень горечи. Обида за нападение давно прошла; осталась только жалость, при виде бесчеловечности.

– Что, поглумиться приполз? – раздражён был голос девицы с генами кота.

– Нет... я, просто, – дотронулся капитан рукой до затылка.

– Может, хоть еды принёс? Или вы нас голодом заморите? – вставила соседка кошки – «акулий рот».

– Нет, простите... – поник Джой, под гнётом чужих претензий. Он ведь даже не знал, зачем предстал перед клетками. Это было проявлением любопытства, и желанием снова увидеть одну из пленниц. Именно до её камеры он как раз дошёл. До третьей по счёту клетки; до той дивы, чей крик был точно как у цикад. Перед ней, он присел на корточки. К лежавшей на полу девушке сквозь прутья протянул руку, и вынул изо рта резиновый кляп.

– Только ты не пила весь день, – тихим голосом, промол-

вил Джой. – Если пообещаешь не кричать, я принесу воды.

– Просто уйди, – глядя в угол камеры глазами отрешённости, изрекла она. – Я лучше успею умереть от жажды, чем доживу до новых зверств твоего дружка!

Глаза крикуньи намокли. Джой это отлично видел, ведь её очи – посмотрели на него.

– Он больше не будет вас мучить, – взволнованно покачал капитан головой.

– Правда? Тогда зачем нас здесь держать? – шевельнув связанными за спиной руками, спросила она. – Зачем сохранять наши жизни?

Джой призадумался. Его только сейчас коснулась эта мысль.

– Мы для него опасны, и он нас не отпустит. Но лучше быть убитыми, чем снова пережить его эксперименты... – обречённо закончила цикада.

– У кукольника на всё есть причина, – строго припомнил Джой. Он, сам не зная зачем, заступился за кукловода.

– Тогда, в чём мы провинились? – взмолилась связанная дива. – В чём перед ним виноваты? – не смогла она сдержать побуждений слёз. – За что нас так наказали?

– Что такого страшного он с вами делал? – вдруг заинтересовался сильнейший в Евразии.

– Что делал? Мы неделями без еды и чистой воды висели на его нитях, пока он вводил всё новые и новые инъекции. Мы без сна и отдыха бились в конвульсиях, ощущая судоро-

ги каждой клеткой тела. Мы перенесли десятки операций без капли наркоза, ведь он должен был видеть реакцию организма. Он пересаживал каждой из нас органы, конечности, глаза и даже головы неведомых существ, других результатов его опытов. Это длилось месяцами, если не полугодиями. Что? Я не понимаю, что надо было сделать, чтобы навлечь такую кару? За что? За что мы перенесли всё это?!

Устои знаний Джоя рухнули. С ходу не поймёт даже он сам, что вызвало большее замешательство: методы кукольника, или запас времени, коим он пользовался.

– Да можно и на это глаза закрыть, – окунувшись в воспоминания о тех адских днях, буркнула соседка цикады. – Если бы он не отнял у нас Всё. Мне достались эти мерзкие клешни, – щёлкнув крабьим оружием, молвила она, – и я не могу от них избавиться. Я не могу вернуться к сыну, которого не видела уже шестнадцать лет. К мужу, который без меня снова женился. Я вынуждена прятаться от всего мира среди таких же чудищ, как я. Он оставил меня без всего, чем я дорожу. Именно за это, я мечтаю отомстить...

– Да зачем вы распинаетесь? – снова послышался голос кошки. – Волчок не удосужился хотя бы еды принести. Не пошёл бы он, – будто Джоя здесь не было, сморозила девица.

Капитан больше не слышал голосов узниц. Он слышал только свой, и тот гласил:

– Вы этого не достойны, – вслух изрёк паренёк. Глаза, сверкнувшие золотым багрянцем из-под бровей, посмотрели

на цикаду. Это несколько удивило девушку, заставило встрепенуться.

Когтистая рука замахнулась по замку, что держал клетку запертой. Джой вознамерился освободить узниц. Он решил-ся отворить все пять дверей, сваренных из стальных прутьев. И он бы сделал это, без всяких колебаний... но не успел. Прежде, чем его рука сбила замок, его шея ощутила едкую боль. Замерев, капитан рухнул на бок. Силы покинули его обездвиженное тело. Только глаза способны были изумлённо тарашиться в стороны; остальные мышцы – не шевелились.

Через оцепеневшего капитана переступила шестая из команды мстительниц. Та самая, которую Джой не успел увидеть при схватке у гаражей. Та самая, чьи фасеточные глаза занимали буквально пол лица. Она опустила руку с торчавшим словно указка пальцем, похожим на паучий зуб.

– Он вообще-то хотел помочь, – с некой претензией молвила цикада.

– Он всё равно враг, – сухо ответила стрекоза. – Нам лучше отступить. Позже вернёмся, – решила она.

Кукольник был прекрасный разведчик, и трудно вспомнить то, чего он бы не знал. Но сейчас, ему невдомёк было происходившее «за его спиной». Он, напевая песенку, безмятежно разливал горячий шоколад по чашкам, предвкушая вкус любимого напитка.

– Джой, всё готово, – с улыбкой удовлетворения, крикнул кукольник. – Джой, если ты не появишься, я выпью твою

порцию, – с радостью пригрозил мальчишка, не услышав ответа.

Неизменная тишина, всё же смутила куклу. Ей показалось должным разобраться, как это Джой смел так долго молчать. Кукольник выглянул за дверь, пропустив на улицу немного света. В сиянии луны, бездвижные ноги за старым домишкой, он бы не заметил. Но благодаря свечению ламп, лик мальчугана окрасился удивлённой насмешкой.

Очень важную роль в судьбе страны играет власть. Не тот хозяин трона может довести до бесцельной войны, когда тот, способен мудрым решением приумножить силу державы.

Для первого дня под грузом короны – Алан Кхирон не оплошал. Испортил настроение своей кухне, зато предотвратил бессмысленные гибели. Всего одну жизнь, но он буквально вырвал из оков Ментального мира. Собственноручно дотащил её до спасения, и заставил «спасателя» помочь.

Старику Ию в пределах арены только вернули конечности. А дальше, на своих двоих, механиком он был послан в столицу Евразии, на дальнейший ремонт. На протяжении ночи, мастера лаборатории научного развития приводили старца в порядок. Одарить его молодостью, конечно возможности не было; далеко ни все запчасти, что могли бы ему подойти, продолжали существовать.

На грани перехода утра в обед, Ия осмотрел один из госсовета: паренёк в толстых очках. Качество работы, судя по уровню внимания, радовало его глаз. Тишину в кабинете на-

чальника осмелился нарушить только король. Он, в гордом одиночестве, переступил порог этой комнатки.

– Я вижу, вам уже лучше? – обрадовавшись при виде старика, улыбнулся Алан.

– Насколько это возможно, – выдержав паузу, прохрипел старец. Ему до сих пор трудно было понять, что делать с таким добрым отношением.

– Мы сделали всё, что могли, – развёл руками глава центра. – Это, пожалуй, лучше, чем смерть, – невзначай допустил он, решив вернуться за личный стол.

– Прежде, чем зачислить нэогара на место труда, мы должны выяснить род его прежних занятий. О вас, нам неизвестно ничего; для начала, я бы хотел узнать ваше имя, – учтиво пояснил король.

– Ий, – сдавив шею, произнёс старик. – Всю жизнь, я обучал нэогаров мастерству сражения, – предвидел он грядущий вопрос.

– Это были рядовые армии, спецгруппы, телохранители... – уточнил Алан, ведомый любопытством.

– Все. Были и простые пешки, и ближайšie к императору... – приоткрыл Ий свою душу.

– Должно быть, вам гордо, вспоминать об этом? – добродушно улыбнулся человек.

– Нет, теперь мне стыдно, – шёпотом признался нэогар. – Стыдно за Империю, за императора, за всё, что было и не было сделано... Были другие времена, были великие коро-

ли, – ушёл старик в воспоминания. – А закончилось всё на тщеславном императоре.

– А самого императора, вы, случаем, не обучали? – не мог утолить свой интерес король. – О его умениях ходит не мало слухов... – пояснил он свой вопрос, увидев удивлённый взгляд.

– Нет, судьба смилостивилась. Все его учителя были убиты им же, в знак того, что обучили всему, чем владели сами.

– Вас разумно зачислить в тренера, конечно, если вы хотите. Евразия гуманна; мы не станем загонять стариков, – пообещал король.

– Незачем жить, если сидишь на месте. Я ещё пригожусь юнцам, как наставник, – проявилось на исцарапанном лице нечто похожее на улыбку.

– Замечательно, – обрадовался и Алан. – Вас проводят к вашему жилью, и дополнительно сообщат, когда направления на труд будут готовы, – заключил король.

Ий понятливо покивал. Ему осталось только встать, и бодрыми шагами покинуть кабинет.

– Зачем вы так носитесь с нэогарами? – искренне недоумевал паренёк в очках. – Вам напомнить, какие ужасы они творили и на войне, и до войны...

– Глупо обвинять всех, когда виноват один император. Насколько я понял из курса истории – всё было его мезтью... – перевёл Алан взгляд с двери на человека.

– Ему никто не мешал, а значит, был не против, – твёрдо

уверен был глава научного центра.

– В любом случае, этот нэогар не такой. Я вижу, и я чувствую, насколько он чист. Каким добром наполнен... – упоено отозвался король.

Правда? – засмеялся собеседник, поправив очки. – А не он ли воспитал монстров, с тех фронтов...

На это Алан не ответил. Ему пришлось помолчать, прежде, чем в голову пришла идея:

– Любое зло, можно обратить во благо, – чем вызвал у советника поднятие брови. – Отец часто твердил, что жить нужно сегодня, но думать о завтра. Вот я и задумался... Если вспомнить пророчество, император обещал отомстить наследнику Кира. Его одиннадцатому потомку, моему десятому внуку, – со всей точностью вспомнил паренёк. – Уверен, эти строки надолго врезались в память людей, но не исключено, что об этом забудут.

– Король, вы всерьёз верите в пророчество? – усмехнулся советник. Заметив серьёзные глаза и не услышав ответа, учёный добавил: – Лично я поддерживаю вашу кухню. Ну честно, какое возвращение, какая месть? Это абсурд. К тому же, предприняты все меры безопасности; мы даже отделились от Империи на континентальном уровне.

– Предосторожность не бывает лишней, – перечеркнул Алан всё сказанное. – Людской век слишком короток, а жизнь стала слишком беспечной, чтобы упомнить о проблемах спустя поколения. Но такой проблемы, нет у нэогаров, –

рассудил король. Глава центра не до конца понял, к чему это было сказано. Алан пояснил:– Я задумался о хранителе пророчества. О нэогаре, чья миссия – не позволить людям забыть грядущую угрозу. Даже если это уловка, чем плоха осмотрительность? – не дал он собеседнику возразить.

– Уж ни на Ия ли вы намекаете? – с сомнением поправил учёный очки.

– А что? Он достаточно опытен, достаточно силён, выглядит мудрым... да и жизнь хорошо познал.

– Вот именно, даже слишком хорошо. На скидку, ваш десятый внук родится спустя двести лет. Вы всерьёз думаете, что старик проживёт ещё столько? – почти насмеялся советник.

– В этом вы правы, Ий может умереть гораздо раньше, – кивнул Алан, голосом выдавая, что было в его арсенале возможное решение. – Поэтому, может быть, нам удастся ему помочь...

Нэогары хладны и расчётливы, а люди человечны и мягки. В битве между двумя крайностями, внутри нэогара, что стал человеком – победу вырывает добродушность. В день своей смерти – это доказал император. С момента возвращения в Империю, доказывал кукольник. Во всем, что касалось истинных людей, подтверждал Джой. Свою лепту в фонд нэогарской человечности, готовился привнести даже Сарцин.

Ещё вчера он негодовал из-за просьбы с его-то ранами

явиться на госсовет, а сегодня, с тем же гипсом и повязкой на пол- Лица, без претензий вернулся к должности Минфина. С самого утра его персона заняла стул в личном кабинете, где он последний раз сидел чуть больше трёх лет назад.

– Станным был мой предшественник, – отстранённо взболтнул паренёк, перелистывая толстую тетрадь отчётов. – Столько раз чудом восполнял недостачи в казне. Он, похоже, не был беден... – вслух диктовал мысли Сарцин, держа здоровую ногу на той, что покрывал гипс.

Минфину предстояло читать и удивляться, но процесс восполнения знаний прервал стук в дверь. Открыл её приметный толстыми очками начальник научного развития, без слов войдя в кабинет.

– Простите, что беспокою, я по просьбе короля, – разъяснил паренёк. Только Сарцин собрался что-то учтиво ответить, как технолог перешёл к своему вопросу: – Советник Сарцин, вы ведь бессмертны?

Минфин удивился, и несколько помрачнел.

– А... с чего такой интерес? – аккуратно спросил он.

– Бессмертны... – вдруг улыбнулся учёный, довольно кивая под тихое слово.

Король всерьёз озадачил Сарцина, хоть и руками советника. За это, Алан соразмерно поплатился. Милене не было известно о случае с Минфином, но она всё равно пожаловала в тронный зал. Алан, судя по гримасе удивления, не ожидал увидеть кузину. Когда дверь в зал отворил Джой и помог

слепой девице пройти внутрь, хозяин короны откинулся на малахитовую перину.

– Ты захотела поучаствовать в делах государства? – с тусклой улыбкой полюбопытствовал кузен.

– Нет, я захотела попросить тебя, – интонацией мягкости, озвучила Милена. Её большие глаза взглянули на Алана, который ожидал просьбу. – Когда закончишь дела, зайди в мои покои.

– Зачем? Что-то случилось? – взволновался король.

– Нет, но должно будет случиться, – пояснила королева, без пояснений.

Алан замешкался; ему невдомёк было, что кухня имела в виду.

– Может, это случится сейчас? – усмехнулся Кхирон. – Зачем ждать?

– Не выйдет; для этого нужна ночь. Не столько мне, сколько тебе, – навела Арттури ещё большую тень. – Я буду ждать тебя, – развернувшись к выходу, молвила дива. С поддержкой первого капитана, слепая сирота покинула тронный зал. Алан снова остался один. В компании, разве что, мыслей.

То ли собственными чарами, то ли благодаря поддержке убитых родителей – Милена прогнула стезю судьбы. С того дня, и все девять грядущих месяцев, королева усердно мелькала на публике. В компании сильнейшего в Евразии, слепая девица с молочными волосами чуть ли не каждый день прогуливалась в центральном парке. Без её участия не проходи-

ло ни одно открытие; она была почётным гостем везде, где собирался народ. Никого не смущало рвение Милены быть ближе к гражданам. Люд веровал, что королева была открыта и добра; она являлась подарком, необходимым величию тёплой державы.

Поговорить о будущем, глядя в фиолетовые глаза, стало желанно многим. Ещё больше это желание закрепилось, когда осиная талия королевы, лишилась стройности форм. Не больше месяца потребовалось горожанам, чтоб понять – внутри Арттури, зрела новая жизнь. С каждым месяцем это становилось всё более очевидным. Но тяжёлый живот несколько не пугал Милену; она не требовала внимания, ни разу словом не обмолвилась об отце плода, и о своём избраннике. Милена всё продолжала мелькать в народе, поглаживая круглый живот.

День с капитаном Джоем, ночь с королём Аланом – так слепая сирота провела свою беременность. Именно так она провела и день, чьё завершенье знаменовал ночной покой и тонкая дуга луны на небе.

Своё первое дитя можно с нетерпением ждать, можно желать его скорейшего рождения... но нельзя предугадать, когда срок утробной жизни завершится. Даже глаза, что видели только правду – в этом не помогли.

Этой ночью, в личных покоях, на мягких перинах, Милена восполняла потраченные за день силы. Мягкие белые волосы касались подушки, безмятежные глаза были закрыты,

а одна из рук оберегала не рождённое дитя. То самое дитя, что захотело на свет.

Резким раскатом бол, покой королевы потревожило чрево. Милена раскрыла глаза, и едва умудряясь дышать – прерывисто застонала. Обхватив живот обеими руками, на весь дворцовый коридор Артуру закричала. Её возглас гласил лишь об одном – боль, покорившая её, была невыносима.

Когда в комнату слепой кухни забежал Алан, привыкший спать в одних пижамных штанах – его взгляд приковала Милена, ревавшая не своим голосом. Девушка корчилась на кровати: силой крика она, способна была оглушать.

Король, замешкавшись – включил свет; он растерялся настолько, что позабыл обо всех наставлениях. Захватившее середину кровати мокрое пятно вернуло Алана в реальность; он наконец понял, что видели его глаза, и вспомнил, что должен был делать.

Понадобилось не больше пяти минут, чтобы изнывавшую болью королеву доставили в родильный дом. По коридору, вместе с тремя врачами, что диктовали девушке свод правил – придерживая кушетку бежал Алан, в накинутом на плечи врачебном халате, и капитан Джой, вызванный на службу королём.

– Милена, держись, главное держись! – просил Алан, на вид взволнованный ещё больше кухни. – Все здесь, все с тобой, у тебя всё получится!

Милена не могла ответить; она старалась дышать, и ту-

житься, как велела медсестра. Джой из всего сопровождения выглядел самым растерянным. Он держал общий темп, не смел отставать и откровенно сострадал, но его лик оттенял испугом. У него были плохие воспоминания о родах.

Оставив близких сердцу королевы за дверьми палаты, слепою девицу увезли. Крики не перестали доноситься из-за закрытых дверей, где врачи приступили к приёму родов.

Алан не способен был найти место в коридоре. Он мельтешил из стороны в сторону, от угла к углу, прерывисто дыша и глядя только в пол. Поведение Джоя было совершенно противоположно. Он тоже выглядел поникшим, но не таким нервозным.

Капитан сразу сел на скамью около сомкнутых дверей, и прикрыл рукой рот. Его строгий взгляд не искал подробностей в покрытии пола; сознание неизбежно перенесло паренька из роддома в отдалённую лабораторию его ненавистно-любимого друга. В тот недавний вечер, когда у них состоялся не самый приятный разговор. Когда кукольник, в своём кресле попивал горячий шоколад, а Джой, по его просьбе, пришёл поболтать.

– А ну- Ка, представь, что я Милена, и скажи мне, глядя в не фиолетовые глазки – выяснил, куда заныкали Кулак? – с широкой улыбкой спросил кукловод.

– Если бы выяснил, клянусь, ты бы узнал, – приподняв руку, безразлично отмахнулся Джой. – Но я уже перерыл все существующие архивы, и говорил с каждым, кто хоть что-то

мог знать. Бес толку; все концы давно в воде...

– Как печально... очень печально, – создал кукольник вид грусти. – А как там Милена?

– Давненько ты о ней не спрашивал, – подметил капитан. – Смерился с тем, что проиграл корону?

– Уступил, – растянулись уста мальчишки. – Девчущка так старалась, так хотела власти и славы. Так мечтала подарить светлую память своей семье. Мне было элементарно стыдно ей мешать, – насмешливо окончил кукольник наигранные хвальбы.

– Тебе? Стыдно? Ой, не ври, – задрал Джой бровь. – Стыд и совесть – не твоё.

– Ладно, раскусил, – засмеялся кукольник. – Я искренне желал увидеть, что ещё она учудит, – неизменно отраден был его голос, и несколько мрачны довольные глаза.

– И как? Увидел?

– Важнее то, увидел ли ты? – тыкнул кукольник пальцем в Джоя.

Из сети воспоминаний, капитана вырвал врач, вышедший из палаты. Алан, не способный сыскать себе места – всё внимание перевёл на его доброе лицо.

– Роды прошли успешно, – промолвил акушер, и горы спали с плеч ждавших пареньков. – У королевы мальчик, здоровенький и крепкий. Она попросила вас зайти, – приоткрыл специалист дверь королю.

Алан быстрым шагом вошёл в палату, где на койке лежа-

ла его измотанная кузина. Белые волосы безобразно растрепались, по лицу стекали капельки пота, большие глаза смотрели вверх, а розовые губы выпускали частые вздохи. На груди королевы лежало её дитя. Новорожденный карапуз, что неумело шевелился на плоти своей мамы. Милене едва хватало сил сдержаться ото сна; Арттури руками поддерживала дитя, которое предпринимало первые попытки вкусить молоко жизни.

В палате, кроме Милены и Алана, были две медсестры, а так же врач, принявший роды. Все, чьи глаза не были фиолетовы – с умилением смотрели на младенца.

– Милена, ты молодец, – робок был король, на пути к королеве.

– Алан, ты здесь? – устало выдохнула Арттури.

– Да, да я здесь, – сжал паренёк руку девицы. – Я здесь, – добавил он, поцеловав её тонкие пальцы.

– Мы наедине? – снова спросила она, даже не шевельнув глазами.

– Нет, но... Оставьте нас, пожалуйста, – распорядился король, и медработники не стали спорить. Они подчинились приказу, и покинули палату.

Когда последняя из персонала переступила порог, дверь приготовилась хлопнуть. Но её тихо остановил Джой, придерживав двумя пальцами у боковой стенки. Его труды оставили щель, в которую не виднелась кушетка королевы. Зато звуки изнутри, легко было распознать; особенно со слухом

оборотня.

Готовность к непристойному поступку пробудила в капитанской памяти другую часть недавнего разговора. Ту самую, из-за которой вечер показался пареньку на редкость дурным.

– Может, всё же согласишься составить мне компанию на Ледяных землях? – добродушно предложил кукловод. – Ну сам подумай, оставаться в Евразии для тебя же неразумно.

– Я не намерен бросать Милену, – категорично заявил Джой. – Я хочу сполна искупить тот грех, что совершил мой отец.

– Хорошо. Вот скажи, сколько раз за последние девять месяцев, на тебя нападали мои ожившие мстительницы? – неприкрыто издеваясь, начал он плести сеть.

– Десять, – топорно ответил капитан.

– Ахах, их ежемесячный план даже перевыполнен, – посмеялся он. – И ты намерен это терпеть? Ближайшие две сотни лет всё равно ничего интересного не случится, – не сомневался кукольник.

– Милена слишком мне дорога. Я ни за что её не оставлю.

Кукольник тяжело выдохнул, при этом забыв разогнуть довольные уста.

– Может быть, узнав, кто отец её ребёнка, ты сменишь своё мнение, – протяжно предположил интриган.

– Она никому, ни разу, в этом не призналась. Считаешь, я поверю лучшему лжецу?

– Я всё равно скажу тебе это имя. А ты, думаю, найдёшь

способ проверить, – затаился в голосе мрак.

Кукольник был прирождённым разведчиком; сплетни – его главный конёк. Не смотря на репутацию подлого лжеца, с Джоем, он чаще был честен, чем фальшив.

– Алан, – донеслось до уха первого капитана «Реокрацу», тонкое слово Милены, – если со мной что-то случится, пообещай мне, что сбережёшь нашего ребёнка. Пообещай, что позаботишься о нём, – взмолилась королева, переведя зрачки в очи короля.

Джою больше ничего не нужно было. Его внимание разбилось на осколки, а пустой взгляд отвернулся в сторону. Перед глазами всплыло ещё одно воспоминание.

– При Арттури будет совершён раздел. Наследник Арттури – станет следующим королём, – заявила Милена, в день перед разделом.

– Но в двадцать один год трон займёт Алан, и именно его сын – сын короля, станет приемником власти, – не согласился капитан.

– Эту проблему я тоже решу, – прозвучало обещание самой честной девушки.

Звуки прекратили тревожить уши капитана. Он не слышал даже топот собственных ног, что шагали по коридору. Его глаза смотрели прямо, ни на что не отвлекаясь. Они были пусты, туманны, стеклянны... Его не отвлекали звуки по сторонам, обращения медработников, приветствия дежурных из «Реокрацу» у входа в роддом. Ни до чего ему не ста-

ло вдруг дела. Джой лишь шагал; шагал размеренно, молчаливо. Думал ли он что-либо, или же его разум опустел – знал лишь он. Зато он совершенно не знал, чего желал теперь. И что теперь намеревался делать.

Блестящую идею, как всегда, подкинул кукольник. Точнее, он надавил на старую, и разбитый Джой принял предложение.

В том месте, где и ночь и день были одинаковы; где свет всегда был тусклый и рассеянный; где ничего кроме тумана нельзя было увидеть – мёрзлый океан бороздила одинокая лодочка. Её экипаж легко предугадать; улыбчивый кукольник, что мокрыми вёслами грёб к Ледяным землям, и бывший капитан, укутанный рулоном меха. Даже в, казалось бы, неизбежно тёплом коконе – Джой дрожал от холода. Его кожа бледнела, а зубы под синими губами отбивали нечёткий ритм.

– Ну а что, на мой взгляд – гениальный план, – привычным гласом, скрашивал кукольник безмолвный мороз. – Родила от того, чей ребёнок наследует власть. Алану совесть не позволит изменить Милене, и их сынишка точно сядет на мягонький престол. А учитывая то, что отец ребёнка останется в тайне – сынишка станет представителем рода Артуруи, и эта семья снова получит трон. Ай да Милена, – ухмыльнулся кукольник.

Джой на это не ответил. Он будто и не слышал сказанных слов.

Прибывшись к берегу, пареньку пришлось оторваться от нагретого места и, волоча слой мехов по снегу – двигаться за довольным кукольником.

На просторной поляне, усланной белыми хлопьями – два человека повстречали нэогара. Повстречали полноправного хозяина Ледяных земель, в подчинении у счастливого куколвода.

– Вайдэр, будь добр, выдай нам билетик в Зимний замок, – остановился он около нэогара.

– Щенка Сталиса приволок? Проваливайте быстрее, а то раздражаете, – поздоровался бывший король.

Он вытянул за спину руку, что сжал в кулак и вывернул пальцами вверх. Туман, родившийся из воздуха – разошёлся в стороны. Он совершенно не был виден чужим глазам, но когда проявился, первое время своей густотой скрывал единственную постройку Ледяных земель.

Прославленный Зимний замок, даже без тумана – виден не полностью; только его заострённые колонны, трудами мастеров близкие к копиям сосулук, на которых реяли лазурные герба с полумесяцем, лежавшим на волнах, можно было в деталях рассмотреть. Остальной вид загораживали высокие мёрзлые стены, от которых на десяток метров отходил вырытый во льду ров. Хотя бы это, несколько впечатлило Джоя; упав с высоты его края – любой нэогар пропустит сквозь себя тонкие острые пики из голубого льда.

Повезло, что прыгать вниз, нужды не было. Врата стены

замка начали опускаться, по приказу кукольника, что стоял внутри. Толстый пласт льда лёг на край обрыва, превратившись из врат – в мост. Джой безразлично зашагал по неприступной двери сквозь стену. От одного кукольника, дошёл до другого, что вместе с ним углубился в замок. Лёд поднялся, закрыв путь к отступлению, вместе с ходом в стене.

Не долгим оказался путь до комнаты, где засел истинный кукловод. Став справа от входа, кукла приоткрыла дверь. Этим действием, она выпустила в коридор реку приятного, голубоватого света.

Джой скинул с плеч тёплые меха. Кричавший голубыми оттенками дворец не назвать местом, способным согреть, но оборотень отринул страх перед холодом.

– Здесь ты другой, – впервые проронил он слова, двинувшись внутрь комнаты.

– Здесь, я настоящий, – улыбнулась кукла, закрывая дверь.

– И что теперь? – остановил её вопрос. – Буду замороженным как ты, смотреть на мир глазами кукол?

– Будешь ждать, – окрасилась улыбка мраком. – Все будут ждать...